
41 2/7 т-1

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(Западная Европа и внѣевропейскія государства).

Подъ редакціей

профессоровъ ЛАВИССА и РАМБО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

съ дополнительными статьями профессоровъ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ I.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

1905 г.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

Подъ редакціей профессоровъ **Лависса и Рамбо**

при участіи: проф. А. Ваддингтонъ, проф. М. Валь, академика гр. Альберъ Вандаль, Анри Вастъ, академика Анри Гуссэ, А. Дебидуръ, проф. Дедевизъ дю-Дезеръ, проф. Э. Дени, Л. Каэнъ, Роберъ де-Ке де-Сентъ Эймуръ, проф. А. Кордье, проф. Фр. де-Крю, А. Лавуа, проф. Л. Леже, проф. А. Мале, проф. А. Метенъ, проф. А. Мильо, А. Мишель, проф. А. Муаро, проф. А. Оларъ, проф. А. Пенго, Ромэнъ Ролланъ, проф. Ш. Сеньобосъ, проф. Э. Сейу, проф. А. Сорель, проф. П. Таннери, проф. Эмиль Фагэ, Л. Фаржъ, проф. Э. Шенонъ, проф. Хр. Шефферъ, проф. А. Шюкэ, проф. Э. Эйзенманъ,

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ ПРОФЕССОРОВЪ

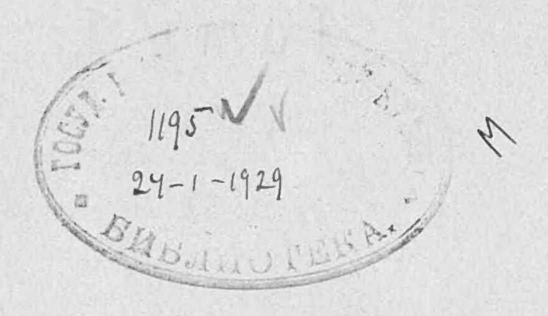
П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ I.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

1905 г.

Рисунки дозволены цензурою. Москва, 5 марта 1905 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.

МОСКВА — 1905.

ЭПОХА НАПОЛЕОНА I.

1800—1815.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главы I — IX переведены М. О. Гершензономъ, глава X — Е. Н. Орловой и Ю. Д. Энгелемъ, глава XI — Д. М. Копельманомъ, главы XII — XIV — И. И. Шитцемъ.

Введеніе.

Итоги соціальнаго и политическаго развитія Западной Европы въ XVIII вѣкѣ.

„Когда въ Петербургъ пришла вѣсть о взятіи Бастиліи, французы, русскіе, датчане, нѣмцы, англичане, голландцы, встрѣчаясь на улицѣ, поздравляли другъ друга, обнимались, какъ будто ихъ освободили отъ тяжелой цѣпи, сковывавшей ихъ“. Это разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ графъ Сегюръ. Англійскій посланникъ въ Парижѣ, докладывая своему правительству о разрушеніи Бастиліи, прибавляетъ: „Такъ совершилась величайшая революція, о которой будетъ хранить память исторія; сравнительно, если принять во вниманіе важность результатовъ, она стоила немного крови. Съ этого момента мы можемъ смотрѣть на Францію какъ на свободную страну, на короля—какъ на ограниченнаго монарха, на дворянство—какъ на сословіе, уравненное въ правахъ съ остальнымъ народомъ“. Нѣмецкій художникъ Ходовецкій на гравюрѣ изобразилъ развалины Бастиліи, изъ-за которыхъ восходитъ солнце. Поэтъ Клопштокъ жалѣетъ, что у него нѣтъ ста голосовъ, чтобы воспѣвать свободу Франціи. Иммануилъ Кантъ привѣтствуетъ въ революціи торжество разума. Вильгельмъ Гумбольдтъ спѣшитъ въ Парижъ, чтобы надышаться атмосферой свободы и присутствовать при похоронахъ деспотизма.

Чѣмъ дальше подвигалась революція, тѣмъ становилось яснѣе ея огромное значеніе. Друзья свободы трепетали отъ восторга. Заскорузлые доктринеры въ родѣ Берка, которыхъ обожгло горячее дыханіе революціонной бури, съ пѣною у рта обрушились на Францію и стали кричать, что оттуда идетъ опасность для всего европейскаго общества. Леопольдъ Тосканскій ее привѣтствовалъ; Іосифа австрійскаго она обезкуражила и совершенно смутила; наша Екатерина то разражалась упреками противъ Учредительнаго собранія, этой „тысячеголовой гидры“, то изощрялась въ сарказмахъ насчетъ того, какъ опустилась и одичала блестящая Франція Людовика XIV. Не мудрено: въ каждомъ изъ тысячи двухсотъ депутатовъ Конституанты ей мерещился воръ Емелька, отъ котораго она только что благополучно отдѣлалась у себя дома. Люди, которые сохранили способность отвлекаться отъ соображеній личнаго интереса, задумывались надъ французскими событіями тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе обнаруживалась внутренняя мощь и необыкновенная способность

пропаганды, таившаяся въ принципахъ 89 года. Когда эти принципы устояли подъ Вальми передъ пушками герцога Брауншвейгскаго, Гёте сказалъ, что начинается новая эра всемірной исторіи.

Во всѣхъ заграничныхъ отраженіяхъ парижской драмы, въ восторгахъ и энтузіазмѣ угнетенныхъ, въ тревогахъ и злопыхательствѣ командующихъ сказалось одно: сознаніе того, что творится что-то необычайное, что должно перевернуть существующій порядокъ или во всякомъ случаѣ внести въ него очень крупныя перемѣны. Событія показали, что современники не ошиблись, и если не вся Европа, то значительная ея часть испытала на себѣ глубокое вліяніе революціи.

Когда историки теперь говорятъ о томъ, какіе крупные факты стоятъ на рубежѣ XIX вѣка, они отмѣчаютъ обыкновенно на ряду съ французской революціей хозяйственный переворотъ въ Англіи, сдѣлавшій изъ земледѣльческой страны—страну промышленную.

Читатель, который захотѣлъ бы найти у современниковъ или у ближайшаго потомства сравнительную оцѣнку этихъ двухъ фактовъ, былъ бы поставленъ въ очень затруднительное положеніе. Онъ напрасно проискалъ бы въ тысячахъ книгъ термина „хозяйственный переворотъ“. Нашелъ бы онъ при очень большомъ усердіи множество мелкихъ фактовъ, совершенно между собою не связанныхъ, не объясненныхъ, не оцѣненныхъ, упомянутыхъ вскользь, между прочимъ. И въ то же время ни одинъ изъ современниковъ, не знающихъ ничего о хозяйственномъ переворотѣ въ Англіи, не пропускаетъ случая упомянуть о французской революціи. Такое различное отношеніе къ двумъ крупнымъ фактамъ совершенно понятно. То, что историческая наука конца XIX вѣка назвала хозяйственнымъ переворотомъ въ Англіи, сложилось изъ массы мелкихъ, обыденныхъ фактовъ, которые такъ привычны, что ихъ не считаютъ нужнымъ отмѣчать и среди которыхъ волненія ремесленниковъ и различныя техническія изобрѣтенія были наиболѣе экстраординарными. Наука только недавно собрала всѣ эти разрозненныя указанія воедино и благодаря этому получила фактъ огромной важности, сразу заполнившій зіяющіе пробѣлы въ нашихъ историческихъ конструкціяхъ. Революція, наоборотъ, съ начала до конца изобилуетъ событіями, какими особенно охотно занималась исторія того времени и которыя сразу приковываютъ вниманіе современника: возстанія, уличныя движенія, взятіе Бастиліи, войны, битвы, цареубійство, гекатомбы казней—такихъ вещей нельзя не видѣть.

По той же причинѣ и сама революція очень долго считалась переворотомъ исключительно политическимъ. Только въ послѣднее время, присматриваясь къ нему, стали въ немъ находить признаки соціальныхъ и экономическихъ перемѣнъ, по важности едва ли уступающихъ политическимъ.

Словомъ, хозяйственный переворотъ въ Англіи и французская революція—два крупнѣйшихъ факта на рубежѣ XIX вѣка—въ то же время подвели итоги историческому процессу XVIII вѣка. Исходя изъ нихъ мы можемъ попытаться поискать основного явленія, которое одинаково ярко выступаетъ въ обоихъ и проходитъ по всему предшествующему развитію.

Что такое такъ называемый хозяйственный переворотъ въ Англіи? [1]) Это—совокупность перемѣнъ, благодаря которымъ въ странѣ установилась фабричная си-

[1]) Его обыкновенно называютъ промышленнымъ переворотомъ, потому что главныя перемѣны, внесенныя имъ, коснулись области индустріи, но такъ какъ онѣ ею не ограничивались, то мы предпочитаемъ другое названіе.

стема: ростъ городского населенія, техническія изобрѣтенія, улучшеніе средствъ сообщенія и проч. Въ свою очередь установленіе фабричной системы означаетъ, что экономическая эволюція подошла къ такому моменту, когда старыя формы промышленности перестали удовлетворять нуждамъ общества. Ростъ населенія, развитіе иностранныхъ рынковъ и колоній — все это потребовало массоваго производства для отдаленнаго сбыта, порѣшило съ цеховымъ ремесломъ, съ домашней индустріей и создало Джемса Уатта, Аркрайта, Кромптона съ ихъ машинами. Установленіе фабричной системы означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что промышленный капиталъ выросъ настолько, что въ старыхъ формахъ ему стало тѣсно, что ему понадобились новыя, болѣе просторныя. Ростъ промышленнаго капитала сопровождался ростомъ капитала торговаго. Торговля и промышленность шли тутъ рука объ руку и взаимно другъ друга поддерживали. Торговля создавала сбытъ, находила рынки для продуктовъ промышленности; промышленность своими продуктами открывала пути къ торговлѣ. Ростъ торговаго и промышленнаго капитала въ переводѣ на языкъ соціальнаго процесса—это ростъ буржуазіи. И не только соціальный, но, какъ выяснилось позднѣе, и политическій смыслъ хозяйственнаго переворота конца XVIII вѣка заключался въ томъ, что у господствующихъ классовъ—крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ—явился могучій соперникъ въ лицѣ буржуазіи. Но самый фактъ появленія сильной своимъ капиталомъ и уже протягивающей руку къ политическому кормилу буржуазіи заставляетъ задать вопросъ, какимъ образомъ могло случиться, что раньше торговый и промышленный капиталъ былъ такъ ничтоженъ, что прекрасно уживался въ старыхъ, почти сплошь средневѣковыхъ формахъ, а потомъ вдругъ, въ теченіе какого-нибудь десятка-другого лѣтъ, сталъ могущественнѣйшимъ хозяйственнымъ факторомъ, пріобрѣлъ общественное значеніе и сталъ претендовать на политическую роль.

Современная историческая наука пріучила насъ относиться скептически къ увѣреніямъ историковъ старой школы, что процессъ общественной эволюціи совершается скачками, но и она иногда предлагаетъ вѣрить, что крутыя перемѣны порою дѣйствительно происходили. Хозяйственный переворотъ въ Англіи остается одной изъ тѣхъ крутыхъ перемѣнъ, которыя санкціонируются и современной исторической наукою. Трудно, конечно, спорить съ фактами, а факты говорятъ, что въ 1750 и въ 1800 годахъ англійская хозяйственная жизнь являетъ совершенно разныя картины, но плохо вѣрится тому, что въ предшествующій періодъ торгово-промышленный капиталъ не былъ подготовленъ къ тѣмъ завоеваніямъ, которыя онъ сдѣлалъ, вооружившись паровой машиной, механическимъ ткацкимъ станкомъ и проч. И дѣйствительно, ниже мы увидимъ, что и въ первую половину XVIII вѣка торгово-промышленный капиталъ накоплялся съ поразительной быстротою и что ему недоставало только такихъ второстепенныхъ по существу вещей, какъ техническія средства, чтобы сдѣлать тогда же то, что онъ сдѣлалъ въ концѣ столѣтія. И болѣе ранніе факты, и дальнѣйшая эволюція даютъ право на тотъ выводъ, который въ настоящій моментъ представляется намъ особенно важнымъ. Великая экономическая побѣда буржуазіи, называемая хозяйственнымъ переворотомъ въ Англіи, подготовлялась въ теченіе всего столѣтія.

Французская революція—фактъ гораздо болѣе сложный, чѣмъ хозяйственный переворотъ въ Англіи, но и въ ней мы можемъ легко найти основной признакъ, объединяющій всѣ ея новыя проявленія. Когда у королевской власти былъ отнятъ ея неограниченный характеръ, то отъ

этого должень былъ выиграть только одинъ классъ—буржуазія. Духовенство и дворянство въ послѣднее время отлично мирились съ абсолютизмомъ, а у буржуазіи была тысяча причинъ относиться съ недовѣріемъ къ нему. Когда оба привилегированныхъ сословія отказались отъ своихъ привилегій, это пошло на пользу тому сословію, которое не имѣло привилегій и которому вредили привилегіи двухъ другихъ. Этимъ сословіемъ было третье сословіе [1]). Оно не только избавилось отъ множества тяготъ, но получило возможность свободно отдаться хозяйственной дѣятельности насчетъ двухъ старшихъ сословій. Это особенно ярко сказалось при продажѣ національныхъ имуществъ, т.-е. земли, полученной государствомъ послѣ конфискаціи церковной собственности и земель эмигрантовъ. Нажилась при этой операціи опять-таки буржуазія. Наконецъ, когда былъ провозглашенъ принципъ народнаго суверенитета, какой классъ, какъ не буржуазія, самый многочисленный въ государствѣ, получилъ возможность энергичнѣе другихъ вліять на законодательство и политику?

Чѣмъ была буржуазія до революціи? Ничѣмъ. Чѣмъ она стала послѣ революціи? Господствующимъ общественнымъ классомъ, который шагъ за шагомъ отнималъ у землевладѣльческой аристократіи политическую арену. Старикъ Сійесъ, дожившій до реставраціи и переживщій ея крушеніе, имѣлъ возможность на практикѣ убѣдиться, что третье сословіе давно сдѣлалось бы, какъ онъ пророчилъ, „всѣмъ", если бы ему не начинало мѣшать новое сословіе, о существованіи котораго знаменитый аббатъ въ 1789 году не подозрѣвалъ.

И опять возникаетъ вопросъ. Неужели классъ, получившій сразу благодаря революціи такое огромное политическое значеніе, не располагалъ раньше тѣми ресурсами, которые дѣлали его способнымъ выносить тяжесть фактической политической власти? И факты опять говорятъ, что эти ресурсы накоплялись давно и что событія восьмидесятыхъ годовъ послужили только послѣднимъ толчкомъ. Великая политическая побѣда буржуазіи, называемая французской революціей, подготовлялась въ теченіе всего XVIII в.

Если два крупнѣйшихъ факта на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ являются въ томъ, что въ нихъ наиболѣе существенно, поворотными моментами въ судьбахъ буржуазіи и если мы имѣемъ основаніе думать, что оба момента подготовлялись исподволь, то исторія XVIII вѣка получаетъ вполнѣ опредѣленный интересъ. Мы должны въ ней искать фактовъ, содѣйствовавшихъ росту буржуазіи, и фактовъ, отражавшихъ ея ростъ. И тѣхъ и другихъ мы найдемъ изобиліе.

Европейская буржуазія родилась въ средніе вѣка, но къ началу XVIII вѣка въ разныхъ странахъ она успѣла пережить цѣлый рядъ перемѣнъ. Самая блестящая часть средневѣковой буржуазіи, итальянская, была сокрушена географическими открытіями второй половины XV вѣка, перемѣщеніемъ торговыхъ путей и войнами, вызванными безнадежной попыткою старыхъ торговыхъ центровъ сохранить за собою былую гегемонію. Нѣмецкая буржуазія сильно пострадала отъ перемѣны въ направленіи міровой торговли и была окончательно разорена религіозными войнами; полувѣка, протекшаго со времени Вестфальскаго мира, была едва достаточно, чтобы она стала вновь собираться съ силами. Французская буржуазія, тоже порядкомъ пострадавшая отъ прекращенія торговли съ Левантомъ и религіозныхъ войнъ, оправилась быстрѣе; выгодное ге-

[1]) Ниже будетъ объяснено отношеніе терминовъ „третье сословіе" и „буржуазія".

ографическое положеніе страны позволило ей принять участіе въ торговлѣ съ Америкой и другими новыми странами сбыта и развить у себя новыя отрасли промышленности; но въ концѣ XVII вѣка она вновь перенесла тяжелый ударъ— эмиграцію гугенотовъ вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта. Нидерландская буржуазія была разорена вслѣдствіе того же экономическаго переворота, религіозныхъ гоненій и войнъ съ Франціей во вторую половину XVII вѣка. Кратковременный расцвѣтъ испанской буржуазіи былъ уничтоженъ наплывомъ золота, облегчившимъ ввозъ иностранныхъ издѣлій и убившимъ всякую промышленность внутри государства; къ тому же вела и дикая политика габсбурговъ, оцѣнивавшихъ экономическія явленія съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія съ догматами самого узкаго католичества. Одна только англійская буржуазія не пострадала и продолжала свое развитіе правильно, пользуясь различными благопріятными конъюнктурами, ошибками и неудачами сосѣдей. Потому она и оказалась въ силахъ раньше другихъ выработать болѣе сложныя формы торговли и промышленности, потому и великія техническія изобрѣтенія были сдѣланы въ Англіи.

Къ началу XVIII вѣка Англія могла уже учесть результаты иммиграціи опытныхъ въ шерстяномъ дѣлѣ нидерландскихъ мастеровъ, которыхъ выжили преслѣдованія Альбы, иммиграціи опытныхъ въ шелковомъ дѣлѣ французскихъ гугенотовъ послѣ отмѣны Нантскаго эдикта и двухъ вѣковъ удачныхъ торговыхъ операцій.

Въ первой половинѣ XVIII в. огромные капиталы сосредоточивались въ рукахъ небольшаго числа лицъ, стоявшихъ во главѣ привилегированныхъ компаній. О томъ, что „накопленіе“ шло быстрымъ темпомъ и что у купцовъ имѣлось много свободнаго капитала, свидѣтельствуетъ низкій уровень учетнаго процента. Англійскій банкъ, основанный въ 1694 году, свидѣтельствуетъ о томъ же, такъ какъ его основателями была компанія купцовъ. Существуетъ вполнѣ вѣроятное предположеніе, что около 1750 года доходы съ торговли лондонскаго Сити превышали доходы всѣхъ членовъ палаты лордовъ и скамьи епископовъ, вмѣстѣ взятые. Только благодаря капиталамъ Сити старшій Питтъ могъ осуществить свой заемъ въ 75 мил. фунтовъ. Вліяніе купцовъ было такъ велико, что въ 1733 году Вальполь не могъ провести выгоднаго для лендлордовъ проекта введенія акциза. Трудно было бы объяснить такіе факты, если бы дѣла буржуазіи шли плохо. И они шли дѣйствительно превосходно.

Торговые обороты возрастали непрестанно. Въ 1663 году общая сумма ввоза и вывоза равнялась 6 мил. фунтовъ съ небольшимъ, въ 1714 году одинъ вывозъ уже превышаетъ 8 мил. фунтовъ, а въ 1761 году вывозъ составляетъ 16 мил., а ввозъ — 10 мил. Водоизмѣщеніе торговаго флота растетъ такимъ образомъ. Въ 1663 г. оно составляло всего 95.000 тоннъ, въ 1712 г. поднялось до 327.000, а въ 1786 г.—до 932.000, т.-е. въ 80 лѣтъ удесятерилось. Такой же сильный ростъ мы наблюдаемъ въ промышленности. Въ концѣ XVII вѣка въ Англіи добывалось шерсти на 2 мил. фунтовъ, изъ которой выдѣлывалось фабрикатовъ на 7 мил. Въ 1741 г. шерсти добывалось на 3 мил., а фабрикатовъ выдѣлывалось на 8 мил. Другія отрасли промышленности, какъ текстильной, такъ и нетекстильной, развивались въ теченіе всего XVIII вѣка также очень быстро. Особенно большіе успѣхи сдѣлала горная промышленность. Старыя формы промышленности, цеховыя, установленныя въ послѣдній разъ закономъ Елизаветы объ ученичествѣ, пришли въ несоотвѣтствіе съ новыми запросами, и постепенно жизнь перестала считаться съ отжившими узаконеніями.

Цеховыя формы были разсчитаны на мелкое производство, а начиналась эра крупнаго. Та же судьба постигла и старую основу англійской торговой политики— меркантилизмъ. Она стала просто вредна, и мало-по-малу принципы меркантилизма стали забрасываться. Торговля, конечно, отъ этого только выиграла. Правительство дѣятельно поддерживало какъ торговлю, такъ и промышленность. Поэтому новая династія, вступившая на престолъ въ 1688 году, пользуется горячими симпатіями буржуазіи, въ то время, какъ землевладѣльцы продолжаютъ еще вздыхать по Стюартамъ и втихомолку строить ковы противъ Вильгельма и его преемниковъ. Въ общественномъ мнѣніи происходитъ поворотъ, и памфлетисты первые устанавливаютъ подъ диктовку новыхъ условій ту истину, что и купецъ можетъ быть джентльменомъ.

Хозяйственный переворотъ ускорилъ ходъ этой эволюціи. Несмотря на задерживающія порою условія, цифры стали расти необыкновенно быстро.

Вотъ нѣсколько данныхъ. Въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка суммы ввоза и вывоза росли слѣдующимъ образомъ (цифры въ тысячахъ фунтовъ).

Годъ.	Ввозъ.	Вывозъ.
1790	16.390	17.636
1791	17.190	20.016
1792	17.037	22.095
1793	16.972	71.734
1794	19.539	22.633
1795	20.100	22.231
1796	20.422	25.130
1797	17.900	23.881
1798	22.122	27.317
1799	24.067	29.557
1800	28.258	34.382

Водоизмѣщеніе торговыхъ судовъ, принадлежащихъ Британской имперіи, съ 1788 [1]) года росло такимъ образомъ (цифры въ тысячахъ тоннъ).

Годъ.	Великобританія.	Колоніи.	Вся имперія.
1788	1.275	84	1.360
1789	1.303	87	1 391
1790	1.376	90	1.461
1791	1.415	96	1.511
1792	1.437	103	1.540
1793	1.453	111	1.564
1794	1.456	133	1.590
1795	1.426	149	1.574
1796	1.460	159	1.619
1797	1.454	161	1.615
1798	1.494	172	1.666
1799	1.551	202	1.753

Количество судовъ, посѣщавшихъ британскіе порты, росло такимъ образомъ (цифры въ тысячахъ, при чемъ взята общая сумма британскихъ и иностранныхъ судовъ).

Годъ.	Вошло.	Вышло.	Всего.
1772	894	996	1.890
1775	1.078	966	2.044
1783	1.136	1.039	2.175
1784	1.216	1.050	2.266
1788	1.558	1.541	3.089
1792	1.791	1.678	3.469
1796	1.903	1.631	3.834
1800	2.142	2.178	4.320

Мы не можемъ дать такихъ же подробныхъ цифръ относительно развитія промышленности. Не забудемъ, что капиталистическая система промышленности выражалась не только въ формѣ фабричной системы, но и въ формѣ домашней промышленности и что въ XVIII вѣкѣ та и другая развивались параллельно [1]).

Въ 1768 году Аркрайтъ основалъ свою первую хлопчатобумажную фабрику въ Ноттингэмѣ. Въ 1788 году, т.-е. черезъ двадцать лѣтъ, фабрикъ въ Англіи было 142, изъ нихъ 41 въ Ланкаширѣ и всего

[1]) Въ этомъ году впервые появляется цифра для торговаго флота колоній.

[1]) Знаменитый парламентскій отчетъ 1806 года утверждаетъ, что въ шерстяной промышленности обѣ системы „не только не конкурируютъ, но даже помогаютъ одна другой“, и выражаетъ увѣренность, что домашнее производство будетъ расти одновременно съ фабричнымъ. Въ хлопковомъ производствѣ фабрика прививалась гораздо быстрѣе.

19 въ Шотландіи. Работало на нихъ 2 милліона веретенъ, и ежегодно онѣ вырабатывали товаровъ на 7 мил. фунтовъ. На этихъ фабрикахъ было занято 26.000 мужчинъ, 31.000 женщинъ, 35.000 дѣтей. Въ зависящихъ отъ фабрикъ заведеніяхъ (ткацкія мастерскія и проч.) работало еще 133.000 мужчинъ, 59.000 женщинъ и 48.000 дѣтей. Словомъ, одна хлопчатобумажная промышленность занимала около 300.000 человѣкъ. Шерстяная занимала еще больше.

Другія цифры стали расти тоже въ соотвѣтствующемъ ускоренномъ темпѣ [1]), и въ общественномъ сознаніи постепенно совершился полный переворотъ въ отношеніи къ буржуазіи. Англійское общественное мнѣніе совсѣмъ привыкло къ заводчику, купцу и фабриканту, который въ своемъ округѣ пользовался не меньшимъ авторитетомъ, чѣмъ любой титулованный землевладѣлецъ. Только сами землевладѣльцы, прежніе безраздѣльные руководители политической жизни, цѣпко держались за свои привилегіи и не хотѣли уступить буржуазіи ту часть политическаго господства, на которое она уже давно завоевала право.

Хозяйственный переворотъ произошелъ въ самой развитой въ экономическомъ отношеніи странѣ. Если бы даже другія страны могли оцѣнить всю его важность, онѣ не были бы въ состояніи повторить его, какъ повторяютъ иногда политическую революцію, случившуюся въ сосѣдней странѣ. Для этого нужно было дорасти. Но это не значитъ, что въ другихъ странахъ не было экономической почвы для роста буржуазіи.

Возьмемъ Францію. Съ той удивительной энергіей, которую французская буржуазія обнаружила въ теченіе всей своей исторіи, она очень быстро загладила двойной ударъ, нанесенный ей безразсудно-эгоистической политикою Людовика XIV. Если слѣдствія безконечныхъ войнъ конца царствованія пресловутаго „короля-солнца“ были губительны для торговли, то промышленность понесла сильный ущербъ отъ отмѣны Нантскаго эдикта—акта, лишившаго страну 200.000 лучшихъ работниковъ-гугенотовъ. И все-таки сейчасъ же послѣ Утрехтскаго мира, положившаго конецъ войнѣ за испанское наслѣдство, мы видимъ напряженную дѣятельность. Прокладываются новыя шоссейныя дороги въ 42 фута ширины, что вызываетъ ропотъ крестьянъ, лишающихся части пахотной земли; развивается дѣятельность портовъ, въ цеховомъ режимѣ пробиваются все новыя бреши, растетъ свободная конкуренція. Съ 1715 года по 1792 торговые обороты Франціи учетверились.

Самую крупную долю тутъ имѣла заморская торговля, совершенно эмансипировавшаяся отъ стѣснительной опеки режима корпорацій и пользующаяся новыми формами коллективныхъ предпріятій, чисто капиталистическими. Въ 1787 году было ввезено товаровъ на 310 мил. ливровъ, не считая колоніальныхъ продуктовъ, а вывезено было на 524 мил. ливровъ, изъ коихъ на 311 мил.—продуктовъ земли, а на 213 мил.—продуктовъ обрабатывающей промышленности.

Въ Бордо въ продолженіе всего XVIII вѣка насаждались разныя индустріи. Еще въ предыдущемъ столѣтіи два фламандца основали тамъ рафинадные заводы, въ 1726 г. одинъ нѣмецкій купецъ построилъ тамъ стеклянный и бутылочный заводъ; черезъ нѣсколько лѣтъ появилась тамъ большая колонія ирландцевъ, основавшая новыя отрасли производства. А въ городѣ и окрестностяхъ съ незапамятныхъ временъ процвѣтало еще винодѣліе. Очень скоро (съ 30-хъ годовъ

---

[1]) Нужно принять во вниманіе, что французская революція со своими войнами прямо и косвенно оказывала задерживающее вліяніе на ростъ англійской торговли и промышленности.

XVIII в.) поэтому въ Бордо появились верфи, которыя ежегодно строили по нѣскольку судовъ. Въ 1754 г. было, напр., спущено 14 кораблей съ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 3.640 тоннъ, въ 1756 г.—16 кораблей въ 3.722 тонны, въ 1763 г.—22 корабля въ 5.250 тоннъ; съ 1763 по 1778 г.—245 кораблей съ общимъ водоизмѣщеніемъ въ 74.485 тоннъ, т.-е. въ среднемъ по 16 кораблей въ 4.900 тоннъ ежегодно. Такъ росла буржуазія Жиронды.

Торговля Марселя также развивается гигантскими шагами. Городъ имѣетъ связи со всѣмъ средиземно-морскимъ побережьемъ. О ростѣ его операцій можетъ дать нѣкоторое представленіе тотъ фактъ, что вывозъ суконъ въ Левантъ, составлявшій въ 1710 году 10.700 кусковъ, достигъ въ 1750 г. 59.000 кусковъ. Взамѣнъ этого Левантъ снабжалъ Марсель, а черезъ него французскія суконныя фабрики великолѣпной шерстью. Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ промышленными центрами Средиземнаго моря, марсельцы пересадили къ себѣ многія отрасли производства. У Генуи они переняли производства мыла, у Ливорно — выдѣлку коралла, у варварійскихъ странъ и Кордовы — секретъ выдѣлки кожъ и кожаныхъ издѣлій, у Леванта— секретъ выдѣлки спеціальныхъ восточныхъ тканей. Къ началу революціи изъ марсельскаго порта ежегодно выходитъ 1.500 кораблей. Въ городѣ и портѣ занято 80.000 рабочихъ, изъ нихъ тысяча занята въ 38 фабрикахъ мыла; кромѣ этихъ, было еще 40 шляпныхъ фабрикъ, 12 рафинадныхъ заводовъ, 10 фаянсовыхъ фабрикъ, 12 ситценабивныхъ фабрикъ, 20 шелковыхъ, 12 парусинныхъ, по нѣскольку кружевныхъ, парчевыхъ, 20 ликерныхъ заводовъ, 10 крахмальныхъ, 8 стеклянныхъ, 10 кожевенныхъ, по нѣскольку свѣчныхъ, химическихъ (сѣра и сѣрная кислота), по нѣскольку фабрикъ коралловыхъ, кожаныхъ издѣлій, перчатокъ, колпаковъ и проч.

Мы не будемъ перечислять другихъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ. Перейдемъ прямо къ Парижу. Столица Франціи насчитываетъ къ началу революціи 700.000 жителей, для прокормленія которыхъ въ городъ ежегодно ввозится 1.500.000 мюидовъ хлѣба, 450.000 мюидовъ вина, 100.000 быковъ, 420.000 барановъ, 30.000 телятъ, 140.000 свиней. Все это уже создаетъ большую торговлю. Затѣмъ, въ предмѣстьяхъ Парижа были большія производства и въ самомъ городѣ менѣе крупныя: мебельныя, обойныя, фабрики готоваго платья, обуви, кожевенные заводы и проч. Но главные ресурсы крупной парижской буржуазіи были не эти. Уже тогда рантье, банкиры и биржевые спекулянты составляли очень видный элементъ въ жизни столицы. Они получали доходъ по процентамъ государственной ренты, которая почти сплошь распредѣлялась въ Парижѣ, и, кромѣ того, получали доходы съ домовъ. Въ Парижѣ почти всѣ дома за малыми исключеніями принадлежали буржуазіи. Она же была главной пайщицей страховыхъ предпріятій и кредитныхъ учрежденій, главной собственницей колоніальныхъ компаній и транспортныхъ обществъ. Конечно, при такихъ условіяхъ правительственная политика представляла для нея не только идейный, но и непосредственный матеріальный интересъ.

Нѣмецкая буржуазія была меньше подготовлена къ крупной политической роли, чѣмъ буржуазія англійская или французская, что объясняется двумя группами причинъ. Во-первыхъ, у Англіи и Франціи были колоніи, которыя поддерживали какъ торговлю, такъ и промышленность обѣихъ странъ. Затѣмъ, Англія и Франція были едиными, цѣльными государствами, правительства которыхъ вели опредѣленную экономическую политику, въ то время, какъ Германія была терми-

номъ исключительно географическимъ. Въ политическомъ отношеніи она разбивалась на три сотни крупныхъ, мелкихъ и мельчайшихъ государствъ, у каждаго изъ которыхъ были свои интересы и особая экономическая политика. Времена расцвѣта городовъ-государствъ миновали безвозвратно, эпоха собиранія только что начиналась. Но даже при этихъ условіяхъ нѣмецкая жизнь представляетъ цѣлый рядъ фактовъ, указывающихъ на то, что застой и угнетеніе въ торгово-промышленной жизни, вызванные Тридцатилѣтней войною, къ началу XVIII вѣка уже кончились и что буржуазія вновь становится на ноги.

Послѣ распаденія Ганзы, во второй половинѣ XVII вѣка, самые крупные и находящіеся въ наилучшихъ географическихъ условіяхъ ганзейскіе города продолжали торговую политику на прежнихъ началахъ. На первомъ мѣстѣ тутъ были— Любекъ, старая столица союза, Бременъ и особенно Гамбургъ. Эти три города и поддерживали главнымъ образомъ морскую торговлю нѣмецкихъ земель. Ежегодное общее число кораблей, входившихъ въ гамбургскую гавань и выходившихъ изъ нея, доходило до 2.000, хотя среди нихъ бывало не болѣе 150—160 судовъ съ грузомъ до 300 коммерческихъ ластовъ [1]). Страховыя общества принимали страховокъ ежегодно на сумму до 120 мил. талеровъ. Всѣ три города принимали дѣятельное участіе въ китоловномъ промыслѣ на сѣверѣ и рыбномъ въ Зундѣ. Бременъ и Любекъ по старой памяти торговали больше съ востокомъ, съ Россіей, хотя первый вывозилъ на западъ вестфальскія и гонноверскія полотна и привозилъ французскія вина. Заатлантическая торговля была закрыта для нѣмецкихъ портовъ вплоть до того момента, когда сѣверо-американскія колоніи Англіи завоевали себѣ независимость. Но, напримѣръ, Гамбургъ всегда умѣлъ устранять неудобныя для торговли послѣдствія тѣхъ войнъ, которыя вела имперія. Въ этихъ случаяхъ онъ пользовался датскимъ флагомъ. Когда торговля между Англіей и континентомъ вслѣдствіе войнъ почти совершенно прекратилась, Гамбургъ продолжалъ оставаться депо хлѣба и строевого лѣса, вывозимаго въ Англію, и главнымъ складомъ англійскихъ товаровъ для континента. Это исключительное положеніе сдѣлало Гамбургъ приманкой для свободныхъ французскихъ и голландскихъ капиталовъ. Но отъ пышнаго расцвѣта Гамбургъ сразу перешелъ къ упадку, когда Англія объявила, что флагъ не покрываетъ товара, а Россія закрыла свои границы для грузовъ, шедшихъ изъ Гамбурга. Послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка было сплошнымъ крахомъ для города. Экономически это имѣло важное значеніе, но въ соціальномъ отношеніи не сыграло большой роли, такъ какъ буржуазія успѣла воспользоваться предыдущимъ развитіемъ для своей эволюціи, какъ класса. Притомъ начало XIX вѣка было уже богато другими экономическими предпосылками для классоваго роста буржуазіи. Однако и въ XVIII вѣкѣ эволюція старыхъ ганзейскихъ городовъ не была единственной предпосылкой этого рода.

Въ Германіи осталось еще кое-что отъ былого расцвѣта промышленности. Двѣ области промышленности: льняная мануфактура и производство металлическихъ товаровъ работали на вывозъ. Полотна вывозилось ежегодно, по тогдашнимъ статистическимъ даннымъ, не считая пряжи, на 20—30 мил. талеровъ, при чемъ больше половины шло черезъ Гамбургъ. Одинъ городъ Билефельдъ отправлялъ за границу ежегодно на 100.000 талеровъ. Верхній Лаузицъ производилъ ежегодно на $4^1/_2$ мил. талеровъ и вывозилъ на $1^1/_2$—2 мил. Оснабрюкскій и Минденскій округа въ Вестфаліи производили боль-

[1]) Ганзейскій коммерческій ластъ = 3.000 кил.

ше, чѣмъ на 2 мил. талеровъ. Силезская полотняная мануфактура производила въ разные годы на 5—13 мил. талеровъ. Только къ концу XVIII вѣка стала чувствоваться конкуренція шотландскаго и ирландскаго полотна на міровомъ рынкѣ. Однако, въ общемъ Германія въ теченіе всего вѣка ввозила гораздо больше, чѣмъ вывозила. Средняя разница между цифрами ввоза и вывоза колебалась около 10 мил. тал. ежегодно.

Этотъ фактъ былъ настолько краснорѣчивъ и его экономическія послѣдствія, особенно съ точки зрѣнія господствующей въ то время меркантилистской теоріи, казались настолько губительными, что правительства не могли не тревожиться. И мы видимъ, что въ большинствѣ нѣмецкихъ государствъ дѣлаются самыя серьезныя попытки поддержать существующія отрасли промышленности, насадить новыя, поощрить торговлю. Иногда эти попытки дѣлаются до такой степени безтолково, что приносятъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, но въ общемъ онѣ несомнѣнно послужили развитію класса буржуазіи. Въ Австріи Карлъ VI объявилъ Тріестъ porto-franco, Марія Терезія призвала опытныхъ мастеровъ изъ Голландіи, Англіи, Франціи и Швейцаріи, основала прядильныя школы, запретила вывозъ сырья и ввозъ заграничныхъ фабрикатовъ, основала въ Вѣнѣ Торговый Совѣтъ (Commerzienrat) и Торговую Кассу (Commerzienkasse), выдававшую безпроцентныя ссуды на торговлю и промышленность. Въ Семилѣтнюю войну въ Австріи искали убѣжища опытные мастера изъ Саксоніи и другихъ нѣмецкихъ странъ, разоренныхъ войною; ихъ иммиграція несомнѣнно отозвалась очень благопріятно на положеніе мѣстной промышленности. Бѣлградскій миръ 1739 г. установилъ оживленныя сношенія съ Турціей. Къ семидесятымъ годамъ нѣкоторыя отрасли австрійской промышленности (желѣзо, сталь, ленъ, конопля, шерсть, шелкъ) настолько твердо стали на ноги, что даже начали работать на вывозъ. Тогда—уже при Іосифѣ II—протекціонизмъ сталъ понемногу смягчаться, торговыя привилегіи были частью отмѣнены. Количество фабрикъ росло съ необыкновенной быстротой. Въ 1780 году въ Богеміи ихъ было всего 50, въ 1782 г.—172 съ 400.000 рабочихъ, а въ промежутокъ между 1785 и 1788 годами было поставлено еще 15.000 ткацкихъ станковъ съ 127.000 рабочихъ, не считая прядильщиковъ. Вывозъ изъ Богеміи въ австрійскія земли и за границу доходилъ въ это время до 12 мил. флориновъ. Въ вѣнскихъ шелковыхъ фабрикахъ въ 80-хъ годахъ работало 3.100 станковъ и 20.000 рабочихъ, ситценабивныя фабрики почти не уступали по размѣру производства шелковымъ; всѣхъ фабрикъ въ столицѣ въ 1784 г. было 117, количество купцовъ и промышленниковъ доходило до 12.600, рабочихъ—до 50.400. Линцъ былъ послѣ Рейхенберга въ Богеміи главнымъ средоточіемъ шерстяной промышленности, которая давала занятіе 30.000 ткачей. Общее количество рабочихъ, занятыхъ въ нижне-австрійской ситценабивной мануфактурѣ, доходило до 135.000.

Въ Пруссіи первые шаги на поприщѣ оживленія промышленности были сдѣланы еще великимъ курфюрстомъ, который далъ у себя пріютъ бѣжавшимъ изъ Франціи послѣ отмѣны Нантскаго эдикта протестантамъ. Но настоящая планомѣрная политика покровительства промышленности началась съ Фридриха Великаго. Онъ давалъ всѣмъ желающимъ основать ту или иную мануфактуру государственныя ссуды изъ ничтожныхъ процентовъ, часто безвозвратныя ссуды, отводилъ землю подъ фабрики, дарилъ зданія. Особенно покровительствовалъ король шелковому дѣлу. Въ 1746—1750 гг. было добыто всего 100 фунтовъ шелку, въ 1779 г. шелководство дало добычу въ 12.000 фунтовъ. Онъ облегчалъ закупки

заграничнаго сырца и шелку для снабженія фабрикантовъ матеріаломъ, облегчалъ сбытъ готовыхъ товаровъ. Шерстяное дѣло стояло твердо еще при Фридрихѣ-Вильгельмѣ I, который, чтобы избавить шерсть отъ конкурента, преслѣдовалъ хлопчатобумажное производство. Его также поднялъ на ноги Фридрихъ II. Такъ же энергично поддерживалъ онъ и нетекстильныя производства. Къ концу его царствованія считали общую цѣнность прусскихъ фабрикатовъ въ 30 мил. талеровъ; продуктовъ шерстяной промышленности—въ 8 мил. талеровъ, льняной — въ 9 мил. талеровъ, шелковой—въ 3 мил. талеровъ. Одна Силезія доставляла изъ общей суммы 12½ мил. талеровъ, по другимъ свѣдѣніямъ—даже до 14 мил. На силезскихъ фабрикахъ было занято до 70.000 рабочихъ, онѣ потребляли на 8½ мил. сырья и вывозили за границу на 8 мил. фабрикатовъ. Въ Берлинѣ работало 6.168 ткацкихъ станковъ съ 7.000 рабочихъ. Производство текстильной мануфактуры равно было 3.774.000 талеровъ, изъ коихъ на 817 т. вывозилось за границу. Другія фабрики занимали 2.530 рабочихъ и вырабатывали товаровъ на 1.367.000 тал., изъ коихъ вывозилось за границу на 522.000 тал. Всего въ Берлинѣ рабочихъ было болѣе 10.000 человѣкъ, товаровъ производилось на 6 мил. и вывозилось на 1.712.000.

Саксонія въ XVIII вѣкѣ не могла еще сравняться по своему торговому и промышленному развитію съ двумя главными государствами имперіи. Къ тому же ей сильно повредила Семилѣтняя война. Но и въ Саксоніи, какъ и во многихъ другихъ государствахъ Германіи, уже вполнѣ отчетливо сказывался экономическій ростъ и выростала буржуазія.

Въ другихъ странахъ западной Европы экономическое развитіе отстало, даже по сравненію съ Германіей, но основной фактъ намѣчался всюду, и мы увидимъ, что онъ подтверждается указаніями другого порядка. Къ нимъ мы сейчасъ и перейдемъ.

Ростъ торговли и промышленности—экономическій базисъ эволюціи буржуазіи. Но мы можемъ судить объ этой эволюціи не только по непосредственнымъ свидѣтельствамъ о накопленіи торгово-промышленнаго капитала. Косвеннымъ, но не менѣе яркимъ показателемъ роста буржуазіи является фактъ упадка землевладѣльческихъ классовъ, духовенства и дворянства.

Фактъ этотъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и если, напримѣръ, мы возьмемъ исторіи Англіи и Франціи, то мы увидимъ, что упадокъ землевладѣльческихъ классовъ неразрывно сплетается съ процессомъ роста буржуазіи. Капиталъ, накопленный въ торговлѣ и промышленности, идетъ въ землю.

Во Франціи, начиная со второй половины XVIII вѣка, ростъ церковнаго землевладѣнія, можно сказать, оборвался: земельныя богатства церкви почти не увеличивались. Оскудѣла рука вѣрующихъ, которые уже вкусили ядовитыхъ для церкви ученій просвѣтительной философіи, труднѣе стало пріобрѣтать землю, потому что, какъ увидимъ ниже, государство стало требовать и съ церкви той же пошлины, которою оно облагало земельныя купчія, заключавшіяся между частными лицами. То же было и съ дворянскимъ землевладѣніемъ. Крупная знать, которую поддерживали всякаго рода пенсіи и подачки отъ двора, еще успѣвала кое-какъ сводить концы съ концами при своихъ безумныхъ тратахъ, а мелкая, у которой аппетиты тоже были весьма солидные, а средства гораздо меньше, то и дѣло оказывалась вынужденной продавать землю. Кто же ее покупаетъ? Конечно не знать, у которой никогда нѣтъ свободныхъ денегъ, и не церковь, а буржуазія. Она уже въ XVII вѣкѣ понемногу стала вкла-

дывать деньги въ землю и вести на ней раціональное по тому времени хозяйство, а съ XVIII вѣка купцы и промышленники идутъ въ деревню все больше и больше. Современные мемуары дворянъ (напримѣръ, маркиза де Булье) полны жалобами на то, что фабриканты и финансисты скупаютъ дворянскія земли. Церковныя земли не продаются; ихъ часъ еще не пробилъ, но несомнѣнно церковное землевладѣніе въ XVIII вѣкѣ, когда оно уже подлежитъ всякаго рода повинностямъ и все болѣе стискивается землями буржуазіи, не можетъ играть той роли, какую оно играло въ XVI в.

Въ Англіи процессъ совершается нѣсколько иначе. Страна давно, еще при Генрихѣ VIII, освободилась отъ той выродившейся формы собственности, какими сдѣлались церковныя земли. Слѣдовательно, мобилизація земли съ этой стороны препятствія не встрѣчала. Къ тому же она поощрялась однимъ фактомъ политическаго характера. Когда, послѣ революціи 1688 года, политическая жизнь страны вошла въ правильную колею, господствующимъ классомъ сдѣлалось поземельное дворянство, и всякій, кто хотѣлъ играть политическую роль, долженъ былъ запасаться земельнымъ цензомъ. Буржуазія, накопившая капиталы въ торговлѣ и располагавшая свободными деньгами, охотно вкладывала ихъ въ земли, чтобы получить этимъ путемъ вліяніе на политическую и общественную жизнь страны. На счетъ какого же класса зарождались и росли земельныя богатства буржуазіи? Не на счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія, которое защищалось всякими майоратными законами, тщательно поддерживавшимися землевладѣльческимъ большинствомъ парламента, а на счетъ такъ называемыхъ іоменовъ, мелкихъ фригольдеровъ. Въ концѣ XVII вѣка они составляли шестую часть населенія Англіи, а къ концу слѣдующаго въ Англіи почти не осталось мелкой земельной собственности.

Слѣдовательно въ Англіи общественно-политическое вліяніе земельнаго капитала падало не абсолютно, какъ во Франціи, а относительно.

Таковы двѣ типичныя формы. Одна или другая, въ большей или меньшей степени, но обѣ онѣ систематически воспроизводятся въ разныхъ странахъ западной Европы. Но экономическій упадокъ не одинъ служитъ признакомъ, что преобладающая политическая роль двухъ старшихъ сословій приходитъ къ концу. Есть очень краснорѣчивые факты политическаго порядка, подтверждающіе это. И едва ли не самымъ краснорѣчивымъ является такъ называемый „просвѣщенный“ или „просвѣтительный“ абсолютизмъ.

Трудно указать другую болѣе нелѣпую по существу и исполненную болѣе крупныхъ противорѣчій политическую форму, чѣмъ та, которая была извѣстна подъ этимъ именемъ. Противорѣчія ея совершенно не поддаются объясненію, и приходится сводить ихъ къ капризамъ королей и министровъ, если мы не примемъ во вниманіе самый капитальный фактъ— вліяніе соціальной эволюціи на политическія учрежденія. И наоборотъ, если исходить изъ данныхъ соціальной эволюціи, то всѣ странности этой формы сейчасъ же найдутъ свое объясненіе и она перестанетъ казаться такой нелѣпой.

Государственная власть, неограниченная и не признающая никакихъ ограниченій, не исходящихъ изъ нея самой; стремящаяся уравнять права всѣхъ подданныхъ наперекоръ исторически сложившимся сословнымъ и корпоративнымъ изъятіямъ и привилегіямъ; желающая обезпечить подданнымъ всякія гражданскія блага, не давая имъ политическихъ правъ; осуществляющая свою программу съ помощью послушной бюрократіи—такова, кажется, основа просвѣщеннаго абсолютизма тамъ, гдѣ онъ установился

вполнѣ. Съ незначительными варіаціями она воспроизводится всюду: въ Неаполѣ, какъ и въ Даніи, въ Швеціи, какъ и въ Португаліи. А въ Европѣ не осталось, кромѣ развѣ Англіи, страны, правительство которой не было бы въ большей или меньшей степени заражено моднымъ увлеченіемъ. И самый существенный историческій вопросъ заключается въ томъ, что сообщило этому увлеченію такую заразительность. Быть можетъ, просвѣтительная литература: Вольтеръ, раціоналисты, физіократы? Несомнѣнно, ея вліянія отрицать нельзя, но оно было чисто формальнымъ. Мы увидимъ, что политика просвѣщеннаго абсолютизма была возможна и безъ „просвѣщеннаго" монарха или министра, т.-е. безъ дѣятельнаго проводника литературныхъ и философскихъ идей въ государственную жизнь. А, кромѣ того, просвѣтительная литература сама явилась результатомъ тѣхъ болѣе общихъ причинъ, которыя произвели на свѣтъ Божій и просвѣщенный абсолютизмъ.

Найти практическое объясненіе этой формы трудно. Что побудило цѣлый рядъ неограниченныхъ властителей ни съ того, ни съ сего напасть на освященные длиннымъ рядомъ вѣковъ и всякими грамотами привилегіи дворянства и духовенства, что побудило ихъ распинаться на тему: „одно право для всѣхъ"? Одной литературы для этого мало, хотя всѣ манифесты коронованныхъ и некоронованныхъ представителей просвѣщенной власти составлены въ выраженіяхъ, взятыхъ на прокатъ въ литературѣ. Абсолютизмъ—форма мертвая. Онъ не можетъ улучшаться, оставаясь абсолютизмомъ, а если улучшается,—значитъ, перестаетъ имъ быть. Такой типичный представитель просвѣщеннаго абсолютизма, какъ Фридрихъ II прусскій, конечно, никогда и не помышлялъ рѣшить эту политическую квадратуру круга. Его единственной цѣлью было укрѣпленіе абсолютизма, а просвѣтительными кунстштюками, за которые его во всю мочь восхваляли философы, забавлялся лишь тогда, когда они не шли въ разрѣзъ съ основной задачей его политики. Тамъ, гдѣ оба принципа у него сталкиваются, Фридрихъ очень легко жертвуетъ идеей въ угоду политическому факту. Что касается до Іосифа австрійскаго, то тотъ добросовѣстно пытался обнять необъятное и, разумѣется, за это поплатился. Другіе дѣлали или то, что Фридрихъ, или то, что Іосифъ; нѣкоторые—и того и другого понемножку.

Во всей этой политикѣ, какъ въ расчетливой, такъ и въ увлекающейся, есть двѣ черты, которыя объясняютъ все дѣло. Абсолютизмъ, во-первыхъ, пришелъ къ тому выводу, что прежняя опора трона и отечества, привилегированные классы— не стóятъ болѣе того, чтобы ихъ поддерживать, потому что утратили или утрачиваютъ реальное основаніе своей силы. Кромѣ того, абсолютизмъ убѣдился, что будущее принадлежитъ классамъ непривилегированнымъ, „третьему сословію", и провозгласилъ принципъ: „одно право для всѣхъ". Такая перемѣна фронта для власти рѣшительно ничего не стоила, но она имѣла неисчислимыя послѣдствія сословно-соціальнаго характера. То, что выигрывало третье сословіе, проигрывали привилегированныя. А такъ какъ внѣ привилегированныхъ единственнымъ классомъ, пришедшимъ уже къ сознанію своихъ интересовъ, была буржуазія, то только она и выиграла отъ реформъ, произведенныхъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. И не только выиграла, но воспользовалась тѣмъ небольшимъ просторомъ, какой былъ ей данъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ обмануть всѣ расчеты абсолютизма.

Таковъ историческій смыслъ просвѣщеннаго абсолютизма. Онъ изгоняетъ іезуитовъ, секуляризируетъ церковныя имущества, закрываетъ монастыри, уничтожаетъ инквизицію, осаживаетъ притязанія папства, отмѣняетъ податныя приви-

легіи дворянства, облагаетъ налогомъ дворянскія и церковныя земли, лишаетъ значенія дворянскіе суды, старается если не уничтожить совсѣмъ, то сократить сеньоріальныя права духовенства и дворянства. Все это онъ дѣлаетъ потому, что въ соціальной эволюціи западной Европы насталъ конецъ господствующему положенію старыхъ феодальныхъ землевладѣльческихъ классовъ. Онъ создаетъ равное для всѣхъ гражданское право, поднимаетъ уровень народнаго образованія, даетъ свободу совѣсти, позволяетъ вѣрить и спасаться каждому на свой фасонъ, заботится иногда о низшихъ классахъ. Это онъ дѣлаетъ потому, что третье сословіе сдѣлалось виднымъ элементомъ въ общественной жизни.

Въ полной мѣрѣ программа просвѣщеннаго абсолютизма осуществлялась въ очень немногихъ государствахъ: въ Австріи, въ Пруссіи [1]), въ Португаліи, въ Неаполѣ. Но даже тамъ, гдѣ не доставало одного изъ главныхъ признаковъ явленія—монарха или министра, увлеченнаго просвѣтительными идеями, встрѣчаются мѣры, совершенно совпадающія съ мѣропріятіями просвѣщеннаго абсолютизма. Во Франціи, напримѣръ, таковы были законы, уничтожавшіе право безпошлиннаго пріобрѣтенія земель духовенствомъ, изданные въ 1749 году, и цѣлый рядъ другихъ постановленій. Это еще разъ доказываетъ, что политику просвѣщеннаго абсолютизма диктовала не философія, а жизнь.

Такъ, около середины XVIII вѣка, въ западной Европѣ уже былъ готовъ экономически окрѣпшій—въ однѣхъ странахъ больше, въ другихъ меньше—и крупными шагами шествовавшій къ политической зрѣлости классъ. Названія давали ему разныя. Какъ категорія отвлеченныхъ построеній, онъ назывался народомъ; какъ категорія политическая, онъ назывался третьимъ сословіемъ; какъ категорію соціальную, мы его называемъ теперь буржуазіей. Спѣшимъ оговориться, что третье сословіе и буржуазія вовсе не одно и то же. Третье сословіе—это все, что не есть дворянство и духовенство. Слѣдовательно, въ него входитъ не только буржуазія, но и рабочіе, и крестьянство. Съ точки зрѣнія политическихъ перемѣнъ конца XVIII вѣка это, впрочемъ, не столь существенно, ибо буржуазія обыкновенно, за рѣдкими исключеніями, шла объ руку и съ рабочими, и съ крестьянами, которые признавали въ ней свою предводительницу. Въ этихъ случаяхъ классовая рознь между обоими классами, несомнѣнно существовавшая, смолкала, и въ великой борьбѣ съ абсолютизмомъ и привилегированными сословіями побѣду одержало все третье сословіе.

Логически наиболѣе законченной и исторически наиболѣе интересной является эволюція французской буржуазіи XVIII вѣка. Въ силу одной изъ національныхъ особенностей французскаго народнаго духа, здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, изъ отдѣльныхъ мѣстныхъ выводовъ общественнаго развитія складывались общіе формулы и законы, управляющіе общественнымъ развитіемъ вообще. Французамъ присущъ даръ обобщенія; это замѣтно на всемъ протяженіи ихъ исторіи, и на исторіи революціи особенно. Поэтому мы далѣе будемъ заниматься главнымъ образомъ эволюціей французской буржуазіи и на ней постараемся освѣтить превращеніе соціальной группы въ политическую силу.

Французская буржуазія уже дѣлилась на слои, что еще разъ доказываетъ, какъ

[1]) Да и то въ Пруссіи, какъ въ государствѣ протестантскомъ, не могли найти большое примѣненіе мѣропріятія противъ церкви и духовенства, какъ феодальнаго класса.

сильно развѣтвлялось приложеніе торгово-промышленнаго капитала въ общественной жизни и какую значительную роль игралъ онъ въ ней. Высшій слой состоялъ изъ крупныхъ финансистовъ. Въ него входили генеральные откупщики, крупные поставщики арміи и флота, наиболѣе крупные акціонеры привилегированныхъ обществъ, въ родѣ Учетной кассы (Caisse d'Escompte) или Индійской Компаніи. Эта часть буржуазіи обыкновенно шла заодно съ привилегированными. Второй слой составляли владѣльцы государственной ренты, о которыхъ говорится ниже. Ихъ значеніе заключается главнымъ образомъ въ томъ, что они жили въ самомъ центрѣ общественной и политической жизни, въ Парижѣ, и поэтому оказывали болѣе непосредственное вліяніе на событія. Купцы и промышленники, разбросанные по всей странѣ, но сосредоточенные преимущественно въ большихъ городахъ и портахъ, составляли третій разрядъ буржуазіи. Часть капиталовъ буржуазіи, какъ уже говорилось, была вложена въ землю и въ дома.

Всему этому сильному и дѣятельному классу нужны были двѣ вещи: во-первыхъ, просторъ для дѣятельности, во-вторыхъ, увѣренность, что государство, съ которымъ очень многіе изъ нихъ находились въ непосредственныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ, окажется исправнымъ въ своихъ обязательствахъ. Французскій абсолютизмъ не удовлетворялъ ни тому, ни другому изъ этихъ условій. Онъ стѣснялъ экономическую свободу и неоднократно доказывалъ, что онъ плохой дебиторъ. Это главнымъ образомъ относится къ условіямъ, на которыхъ существовала государственная рента. Обязательства государства по рентѣ поглощали ежегодно половину бюджета, и ничто не гарантировало держателей ея, что абсолютный король не объявитъ, какъ это дѣлали и регентъ, и Людовикъ XV, государственнаго банкротства. Абсолютизмъ не давалъ никакихъ ручательствъ въ томъ, что такіе сюрпризы не могутъ случиться. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія буржуазіи, абсолютизмъ былъ вреденъ, а такъ какъ онъ былъ вреденъ и съ точки зрѣнія остальной части третьяго сословія, то его участь была рѣшена. Отрицательное отношеніе къ абсолютизму и объясняетъ главный фактъ политическаго настроенія конца XVIII вѣка—популярность доктрины демократической монархіи, вдохновлявшей какъ публицистовъ 1789 года, такъ и ораторовъ Учредительнаго собранія. Эта доктрина сложная. Она слита изъ двухъ далеко не однородныхъ между собою политическихъ теорій: ученія о конституціонной монархіи Монтескье, построившаго отвлеченную схему на основаніи англійской парламентской практики, и ученія о народномъ суверенитетѣ Руссо. Еще раньше, чѣмъ сдвинуться окончательно и превратиться въ доктрину революціи, оба ученія, особенно болѣе радикальное, претерпѣли нѣкоторыя измѣненія. Въ отвлеченной схемѣ Руссо былъ одинъ пунктъ, который дѣлалъ ее совершенно непригодной въ качествѣ конституціи для сколько-нибудь обширнаго государства. Это—ученіе о неотчуждаемости и недѣлимости суверенитета. Субъектъ верховной власти—народъ, учитъ Руссо. Такъ какъ суверенитетъ—не болѣе какъ осуществленіе общей воли (l'exercice de la volonté générale), то онъ не можетъ отчуждаться. Народъ - государь есть существо коллективное и можетъ быть представлено только самимъ собою. По той же причинѣ, по какой суверенитетъ неотчуждаемъ, онъ и недѣлимъ (Contr. Soc. II, 1—2). На практикѣ эта непреклонная, логическая послѣдовательность могла быть выдержана развѣ только въ такихъ крошечныхъ республикахъ, какъ Женева. Чтобы сдѣлать ученіе Руссо приложимымъ для Франціи, отъ него нужно было отрубить принципъ недѣлимости и неотчуждаемости суверенитета.

Въ этомъ случаѣ открывалась теоретическая дорога для народнаго представительства, признаваемая и болѣе умѣреннымъ ученіемъ Монтескье. Вотъ почему ближайшій послѣдователь Руссо, Мабли, обладавшій болѣе тонкимъ чувствомъ дѣйствительности, отвергъ ученіе о неотчуждаемости и недѣлимости суверенитета.

Съ другой стороны, раздѣленіе и равновѣсіе властей, основу теоріи Монтескье, многіе вліятельные дореволюціонные публицисты считаютъ недостаточными гарантіями политической свободы и дѣлаютъ къ ней различныя поправки въ болѣе радикальномъ духѣ. Въ общемъ изъ матеріала, заключающагося въ „Духѣ Законовъ" и „Общественномъ договорѣ", создалась единая, практически вполнѣ осуществимая теорія, отвѣчающая политическимъ чаяніямъ буржуазіи. Для революціонной доктрины характерна именно эта эклектичность. Ни теорія Руссо, ни теорія Монтескье въ чистомъ видѣ не годились для этой роли, ибо соціальная точка зрѣнія у перваго демократична, а у второго аристократична. Теорію Руссо въ теченіе революціи еще используютъ и въ чистомъ видѣ, а наканунѣ революціи, когда политическое настроеніе опредѣлялось политическими требованіями буржуазіи, нужна была теорія, не носящая ни аристократическаго, ни демократическаго отпечатка. Она и явилась въ брошюрахъ популяризаторовъ: у Сійеса, Черутти, Кондорсе, у которыхъ слились идеи Руссо и идеи Монтескье.

Идея народнаго суверенитета въ революціонной доктринѣ осталась, но въ этой идеѣ—такъ, какъ ее тогда понимали—не было ничего демократическаго. Настоящему народу, т.-е. крестьянамъ и городскому пролетаріату въ этомъ народномъ суверенитетѣ нѣтъ мѣста. О представительномъ правленіи думаютъ всѣ, но идея всеобщаго избирательнаго права не приходитъ въ голову, можно сказать, никому. Народъ считали еще слишкомъ невѣжественнымъ, чтобы давать ему права, и склонны были думать, что обойдутся безъ его помощи. И дѣйствительно, первые шаги революціи были сдѣланы исключительно буржуазіей. Но когда 11 іюля, послѣ отставки Неккера, существованіе Національнаго собранія оказалось поставленнымъ на карту, дѣло революціи спасъ „народъ". Парижъ вооружился 13-го, 14-го взялъ Бастилію, и король долженъ былъ уступить тѣмъ болѣе, что изъ провинціи приходили вѣсти, совсѣмъ не утѣшительныя. Тамъ тоже дѣйствовалъ „народъ": онъ разрушалъ дворянскіе замки и давалъ понять этимъ, что одобряетъ дѣйствія Національнаго Собранія. На Національное Собраніе стали смотрѣть какъ на чемпіона націи, а оно, рѣшивъ, что впредь помощь народа ему болѣе не понадобится, дало странѣ классовую конституцію 1791 года. Одинъ цензъ давалъ право быть избирателемъ, другой, болѣе крупный — право быть избираемымъ. И въ преніяхъ по этому вопросу, когда нѣкоторые демократически настроенные ораторы указывали на несоотвѣтствіе такихъ ограниченій съ Декларацией Правъ, въ отвѣтъ имъ слышались нотки, которыя должны были зазвучать полнымъ аккордомъ въ знаменитомъ „Enrichissez—vous" Гизо.

Это значитъ, что буржуазія получила все, что хотѣла, и на требованіе подѣлиться съ тѣми, кто ей помогалъ, стала показывать классовые когти.

Нужно помнить, что буржуазія въ матеріальномъ отношеніи значительно усилилась благодаря открывшейся ей возможности скупать такъ называемыя національныя имущества, т.-е. конфискованныя государствомъ земли духовенства и эмигрантовъ. Въ этомъ отношеніи революція была ей непосредственно выгодна. То обстоятельство, что въ покупкѣ національныхъ имуществъ участвовали и крестьяне, не мѣняетъ основнаго факта

тѣмъ болѣе, что очень многіе изъ покупателей-крестьянъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1791 года разбогатѣли настолько, что фактически примкнули къ буржуазіи. Главное значеніе продажи національныхъ имуществъ заключается въ томъ, что буржуазія, сильная уже и до революціи, въ теченіе революціи и благодаря ей усилилась еще больше. Отъ этого, конечно, ея классовое самосознаніе могло только укрѣпиться.

Разумѣется, у французской буржуазіи была и экономическая теорія, соотвѣтствовавшая ея интересамъ. То было ученіе объ экономической свободѣ. Нѣкоторые намеки на него мелькаютъ уже съ самого начала XVIII вѣка; потомъ его не разъ высказываетъ маркизъ д'Аржансонъ, пока оно не пріобрѣтаетъ характера цѣльной доктрины у физіократовъ. Возникновеніе школы физіократовъ отвѣчало двумъ фактамъ экономической жизни: проникновенію торгово - промышленнаго капитала въ село, въ земледѣліе и усложненію торговли и промышленности, при которомъ старыя стѣсненія сдѣлались невыносимы, а новыя послабленія никого не удовлетворяли. Гурне первый пустилъ въ оборотъ формулу: „Laissez faire, laissez passer“. Кене собралъ воедино всѣ разсужденія физіократовъ по этому поводу. Вотъ одно изъ наиболѣе яркихъ положеній Кене [1]): „Вы, милостивый государь, за одно съ тѣми, которыхъ называете вашими учителями, и со всѣми экономистами, ихъ послѣдователями, признаете, что свобода торговли должна быть полной и абсолютной, такъ чтобы ею обусловливалась возможность неограниченной конкуренціи. Вы знаете только одно правило для торговли. Говоря вашими словами, оно гласитъ: laissez faire, laissez passer всѣхъ продавцовъ и покупателей. Вы держитесь того мнѣнія, что этого одного достаточно, чтобы покупать возможно дешево и продавать возможно дорого. Вы думаете, что все, что стѣсняетъ свободу, все, что уменьшаетъ число конкурентовъ благодаря запретамъ, исключеніямъ и привилегіямъ, несправедливо и гибельно“.

Не одни физіократы однако держались принципа свободной конкуренціи. Онъ воспроизводится и въ экономическомъ трактатѣ знаменитаго философа Кондильяка, брата Мабли. Онъ подчеркиваетъ значеніе торговли и промышленности, которыя, по его мнѣнію, увеличиваютъ массу богатствъ въ странѣ: одна тѣмъ, что даетъ меньшее за большее, другая—сообщая цѣнность сырью, которое раньше ея не имѣло. Исходя изъ этого, Кондильякъ требуетъ полной свободы конкуренціи какъ въ торговой, такъ и въ промышленной дѣятельности.

Такъ, французская буржуазія нашла себѣ доктрины, соотвѣтствующія ея классовымъ интересамъ и въ политической и въ экономической сферѣ. До извѣстной степени и идейная пропаганда XVIII вѣка, проповѣдь раціонализма и вѣротерпимости, стоитъ въ связи если не непосредственно съ ростомъ буржуазіи, то во всякомъ случаѣ съ явленіями соціальнаго порядка, имѣвшими одинаковое историческое значеніе. Вѣра въ авторитетъ и религіозное настроеніе въ европейскомъ обществѣ пошли на убыль со времени расцвѣта городской жизни въ концѣ среднихъ вѣковъ. Такъ называемое Возрожденіе было въ одно и то же время полномъ расцвѣтомъ принциповъ городской культуры и цѣлымъ культурнымъ переворотомъ, который привелъ къ скептицизму, впервые провозглашенному Помпонаццо, и къ реформаціи въ большинствѣ европейскихъ странъ. Католическая реакція прервала это движеніе, но не могла его остановить, хотя широко пользовалась поддержкой политическихъ силъ.

[1]) Письмо къ Бодо, перев. М. М. Ковалевскаго.

Церковь утрачивала одновременно и былой авторитетъ и свои экономическія рисурсы. При этихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что она въ XVIII вѣкѣ уже не могла преградить путь раціоналистической струѣ, которая становилась все стремительнѣе, и должна была молча переносить призывъ къ терпимости, подрывающій основы ея духовной власти. Вольтеръ и энциклопедисты могли не бояться участи Джордано Бруно и Этьена Доле. Иными словами, литературно-философская пропаганда такъ называемаго вѣка просвѣщенія была возможна потому, что церковь утратила свое былое могущество и въ идейно-бытовыхъ, и въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ [1]). То, что проигрывала церковь, выигрывало общество, страдавшее подъ его гнетомъ. А въ обществѣ наиболѣе жизнеспособнымъ и энергичнымъ элементомъ была буржуазія. Она-то и воспользовалась главнымъ образомъ результатами раціоналистическихъ доктринъ и пропаганды вѣротерпимости. Для буржуазіи церковь была учрежденіемъ, которое мѣшало реформѣ политическаго строя, защищало принципы традиціи и іерархіи, противъ которыхъ буржуазія возставала по политическимъ и соціальнымъ причинамъ. Поэтому буржуазія съ такимъ восторгомъ привѣтствовала Вольтера, Дидро, Гольбака, Гельвеція; поэтому она разорвала связь духовенства съ церковью, принявъ гражданское устройство духовенства.

Изучая настроеніе буржуазіи передъ революціей, мы могли замѣтить, что ея политическое, экономическое и идейное міровоззрѣніе формулировалось писателями. Публицисты, памфлетисты, а потомъ ораторы сдѣлались выразителями мнѣній огромнаго политическаго класса. Еще до революціи вождемъ буржуазіи стала интеллигенція. Когда началась революція, этотъ фактъ обнаружился еще явственнѣе. Уже на выборахъ въ генеральные штаты третье сословіе обыкновенно подавало голоса преимущественно за адвокатовъ, журналистовъ и талантливыхъ изгоевъ изъ другихъ сословій, перешедшихъ къ нимъ. Настоящихъ представителей торговли, промышленности и финансоваго міра было мало среди шестисотъ депутатовъ третьяго сословія. Интеллигенція выставила большинство ораторовъ Учредительнаго Собранія, а потомъ изъ ея среды выходили министры и другіе дѣятели центральнаго управленія. Буржуазія—иногда одна, иногда въ союзѣ съ другими классами третьяго сословія—давала, такъ сказать, матеріальную часть революціи. Интеллигенція сообщала ей форму въ видѣ декларацій, конституцій, кодексовъ. Этотъ фактъ имѣетъ большое значеніе. Онъ показываетъ, что буржуазія, какъ таковая, не была еще способна управлять государствомъ. Она была достаточно сильна, чтобы вершить его судьбу; но тамъ, гдѣ дѣло шло о такихъ вопросахъ, въ которыхъ нужны были знанія и теоретическая подготовка,—тамъ она уступала мѣсто интеллигенціи. Но она могла ей довѣрять, потому что то была главнымъ образомъ интеллигенція буржуазная. И дѣйствительно, пока вѣсы реальнаго соотношенія силъ склонялись на сторону буржуазіи, буржуазная интеллигенція держала очень опредѣленную линію. Но уже въ XVIII вѣкѣ буржуазіи пришлось считаться не только съ такимъ врагомъ, побѣда надъ которымъ была ей обезпечена геніемъ исторіи, но и съ такимъ, который самъ опирался на генія исторіи въ борьбѣ съ буржуазіей. Съ аристократіей буржуазія справлялась легко; довольно легко справлялась она

[1]) Слѣдовательно, предпосылки пропаганды отчасти совпадаютъ съ предпосылками просвѣщеннаго абсолютизма, и мы можемъ объяснять дѣятельность монарховъ и министровъ ихъ приверженностью къ литературѣ лишь съ существенными оговорками.

пока и съ пролетаріатомъ, но въ перипетіяхъ борьбы на лѣвомъ флангѣ уже сказывалось многое такое, что заставляло задумываться дальновидныхъ людей.

Противоположность интересовъ между буржуазіей и пролетаріатомъ — явленіе, извѣстное еще среднимъ вѣкамъ. Первый въ новой исторіи взрывъ классовой борьбы произошелъ во Флоренціи въ 1378 году. Возстаніе Чомпи носило въ себѣ всѣ характерныя черты соціальнаго возстанія. Пролетаріатъ сознательно добивался политической реформы, чтобы проложить путь къ соціальной, а потерпѣвъ пораженіе, перепробовалъ, правда неудачно, всѣ средства, чтобы принудить предпринимателей пойти на уступки: стачки, искусственное сокращеніе предложенія рабочихъ рукъ и проч. Онъ требовалъ установленія минимальной заработной платы, сокращенія рабочаго дня, уничтоженія того, что потомъ назвали Trucksystem. Словомъ, на исходѣ XIV вѣка борьба между капиталомъ и трудомъ по существу почти не отличается здѣсь отъ того, что мы видимъ въ XX вѣкѣ.

Въ XVIII вѣкѣ, при наличности большой промышленности, пролетаріатъ во Франціи численно сильно возросъ, но на ряду съ нимъ существовалъ еще болѣе многочисленный классъ мелкаго трудового крестьянства съ совершенно иными идеалами и непосредственными задачами, и естественно, что при такомъ неоднородномъ составѣ трудящагося населенія капиталистическое хозяйство во Франціи XVIII вѣка далеко не вездѣ и не всегда могло получить тѣ логически законченныя формы, съ какими мы его встрѣчали въ торговыхъ республикахъ Италіи, напримѣръ, въ средневѣковой Флоренціи. Относительно многихъ крупныхъ промышленныхъ центровъ Франціи, напримѣръ, Бордо, мы доподлинно знаемъ, что рабочіе довольны заработной платой и относятся къ предпринимателямъ хорошо. Правда, въ другихъ мѣстахъ такого согласія не существуетъ, но важенъ тотъ фактъ, что не вездѣ бросается въ глаза и не вездѣ ощущается непримиримая классовая противоположность между буржуазіей и пролетаріатомъ. Время великановъ промышленныхъ еще не наступило. Этотъ фактъ и объясняетъ, почему такъ легко осуществился союзъ между буржуазіей и пролетаріатомъ въ 1789 году, почему буржуазія безъ малѣйшаго страха вооружила пролетаріатъ 13 іюля, почему рабочіе долго смотрѣли на депутатовъ Національнаго Собранія, какъ на своихъ вождей.

Но пролетаріатъ, несомнѣнно, существовалъ, ибо мы можемъ еще до революціи прослѣдить въ идейномъ обиходѣ отраженіе его интересовъ. До Руссо, у утопистовъ или такихъ одиноко стоящихъ геніальныхъ мыслителей, какъ Мелье, это отраженіе болѣе или менѣе случайно. Доктрина Руссо, какъ она формулирована въ „Discours sur l'inegalité“ и въ „Contrat Social“, не только демократична: она вызвана къ жизни запросами пролетаріата. Самъ женевскій философъ въ своихъ мытарствахъ не разъ приходилъ въ соприкосновеніе съ подонками общества, съ тѣмъ его элементомъ, который вскорѣ долженъ былъ получить наименованіе санкюлотовъ, и узналъ на собственномъ опытѣ, какъ горька доля бѣдняка. Вотъ почему его нападки на богатыхъ, на институтъ собственности, на самое общество, какъ оно было организовано въ его время, не утрачивая глубины, пріобрѣтаютъ такой страстный характеръ. Правда, когда чувство нѣсколько остывало, Руссо бывалъ не прочь смягчить рѣзкость своихъ инвективъ и въ своихъ положительныхъ предложеніяхъ далеко не такъ суровъ, какъ въ своей критикѣ, но это не имѣетъ значенія, ибо въ данномъ случаѣ важно то, что извѣстнаго рода взгляды были вы-

сказаны. Они не были бы высказаны, если бы дѣйствительность ихъ не подсказала.

Взгляды Руссо воспроизводились неоднократно. Мерсье, Рейналь, Мабли—чтобы не называть болѣе мелкихъ—повторяли то, что говорилъ учитель, дѣлали выводы изъ его положеній, доводили до послѣднихъ логическихъ заключеній его посылки. Самая распространенность такой литературы показываетъ, что у нея есть почва. Но еще лучше показываетъ это возможность появленія такого писателя, какъ Анри Ленге, который увидѣлъ и разоблачилъ классовую буржуазную окраску въ сочиненіяхъ физіократовъ и сдѣлалъ попытку дать экономическую теорію, соотвѣтствующую интересамъ пролетаріата. Многія изъ теорій современнаго соціализма въ зародышѣ выражены у Ленге, многія изъ формулъ, сдѣлавшихся лозунгами позднѣе, впервые встрѣчаются у него. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о рабочихъ: „Они стонутъ подъ грязными лохмотьями, въ этой ливреѣ бѣдняковъ. У нихъ нѣтъ доли въ томъ изобиліи, источникомъ котораго является ихъ собственный трудъ. Богатство какъ будто оказываетъ имъ милость, когда принимаетъ подарки, которые они ему подносятъ...“ Свобода работника—это свобода умереть отъ голода, и пусть не завидуютъ ему американскіе негры, пусть боятся они отпущенія на волю, которая въ короткое время сдѣлаетъ ихъ участь болѣе печальной, чѣмъ теперешняя. Ленге возстаетъ противъ теоріи физіократовъ, по которой нужно поддерживать на возможно большей высотѣ цѣну хлѣба. Это, по его мнѣнію, противорѣчитъ интересамъ рабочаго класса, такъ какъ ихъ заработная плата не растетъ пропорціонально цѣнамъ на хлѣбъ. Поэтому же онъ возстаетъ и противъ безграничной свободы торговли, за которую распинаются физіократы, и требуетъ ея ограниченія во имя интересовъ народа.

Эта краснорѣчивая, убѣжденная проповѣдь совершенно не имѣла бы смысла, если бы не существовало класса, интересамъ котораго она соотвѣтствовала. До революціи о немъ мало слышно. На сцену появился онъ впервые 13 іюля, чтобы вооружиться и на слѣдующій день взять штурмомъ Бастилію. Но вначалѣ у него не было лидеровъ. Вся интеллигенція принадлежала къ буржуазіи, если не по происхожденію, то по симпатіямъ. Но лидеры явились и у пролетаріата. Сначала они тоже принадлежали къ буржуазіи и называли себя демократами. Въ Учредительномъ Собраніи то были—Робеспьеръ, Грегуаръ, Бюзо, Петіонъ, внѣ его—Кондорсе, Лустало, Маратъ. Эти люди организовали парижскій пролетаріатъ въ партію, которая съ конца 1790 года выставила свою политическую программу—всеобщее избирательное право. Параллельно этому нарастаетъ и другое теченіе—соціализмъ. Онъ вызывается тѣмъ, что въ массѣ, свидѣтельницѣ классовой политики буржуазіи, все больше и больше крѣпнетъ сознаніе противоположности интересовъ между буржуазіей и пролетаріатомъ. Но въ то время, какъ соціализмъ въ XVIII вѣкѣ еще лишенъ почвы, демократія дѣлала огромные успѣхи. Въ тотъ же день 10 августа 1792 года, когда организовалась парижская Коммуна и образовался Временный Исполнительный Комитетъ, демократія была уже настолько сильна, что постановила замѣнить цензитарную избирательную систему, столь выгодную буржуазіи, всеобщимъ избирательнымъ правомъ [1]). Потомъ явился Конвентъ, который провозгласилъ республику и выработалъ знаменитую демократическую конституцію 1793 года, по которой не только дѣйствовало всеобщее избирательное право, но народъ въ принципѣ не делегировалъ вполнѣ своей власти и по-

---

1) Изъ него позднѣе декретомъ 27 августа была исключена прислуга.

лучилъ право veto, которое онъ могъ осуществлять черезъ посредство первичныхъ собраній. Идея Руссо о неотчуждаемости суверенитета нашла единственно возможное на практикѣ осуществленіе.

Но демократическая республика просуществовала недолго. Господство Парижа и его пролетаріата не только имѣло противъ себя буржуазію; его непрочность обусловливалась также и пассивнымъ отношеніемъ къ политическимъ вопросамъ трудового крестьянства, съ его обособленными экономическими интересами. Однимъ терроромъ невозможно было уравновѣсить неравныя силы. Буржуазія очень ловко воспользовалась тѣмъ, что демократія потеряла популярность, и, не трогая республики, замѣнила конституцію 1793 года составленной въ своихъ интересахъ конституціей III года (1795). Въ ней исчезъ палладіумъ демократіи—всеобщее избирательное право.

Буржуазія побѣдила. Побѣда ея была тѣмъ болѣе полной, что демократія, у которой было множество хлопотъ по внѣшнимъ и внутреннимъ затрудненіямъ, не успѣла воспользоваться временемъ своего господства для послѣдовательнаго и всесторонняго закрѣпленія своихъ классовыхъ интересовъ въ устойчивыхъ политическихъ формахъ.

Однако, будучи по существу актомъ реакціоннымъ, побѣда буржуазіи доказывала, что пролетаріатъ еще слишкомъ слабъ, чтобы сдѣлать свои классовые интересы руководящими въ политикѣ страны. Къ тому же, какъ было замѣчено, были такіе центры промышленности, гдѣ между предпринимателями и рабочими не было сильнаго антагонизма. Наконецъ, и политическій моментъ былъ таковъ, что буржуазная республика далеко не казалась учрежденіемъ реакціоннымъ. Абсолютизмъ былъ у всѣхъ на памяти, и всѣ помнили, что если его удалось сокрушить, то заслуга этого принадлежала прежде всего буржуазіи. Директорія продолжала съ тѣмъ же рѣдко измѣнявшимъ Франціи счастьемъ внѣшнюю политику Конвента, что окончательно примирило съ нею общественное мнѣніе.

Въ сущности, и Конвентъ и Директорія дѣлали одно и то же дѣло. Они пропагандировали главную идею революціи—идею народнаго суверенитета. Только Конвентъ старался осуществить ее по возможности буквально, а Директорія, подобно Учредительному Собранію, понимала ее ограничительно. Но это различіе дѣла не мѣняетъ. Вліяніе революціи на Европу шло одними и тѣми же путями и въ эпоху Конвента, и въ періодъ Директоріи, и даже консульства. Побѣдоносныя французскія войска всюду повергали въ прахъ „окровавленное знамя тираніи“, всюду провозглашали принципы свободы, равенства и народнаго суверенитета. А тотъ энтузіазмъ, съ которымъ населеніе повсюду встрѣчало французовъ, показываетъ съ очевидностью, не оставляющей мѣста сомнѣніямъ, что деспотическій режимъ въ просвѣщенной или не просвѣщенной формѣ отжилъ свое время, что европейская буржуазія понимала французскую и въ освобожденіи отъ абсолютизма видѣла залогъ будущаго экономическаго преуспѣянія. Сѣмена, брошенныя революціей въ Европѣ, не пропали, хотя первые ихъ всходы и были затоптаны въ послѣднемъ судорожномъ усиліи деспотической и феодальной реакціи. Въ теченіе всего слѣдующаго столѣтія шло—гдѣ медленно, гдѣ скачками, но всюду неуклонно и систематически—распространеніе той идеи, что народу принадлежитъ право на политическое самоопредѣленіе. Къ серединѣ XIX вѣка въ Западной Европѣ не осталось абсолютныхъ монархій.

Таково было одно наслѣдіе, оставленное XVIII вѣкомъ слѣдующему. Оно было

не единственнымъ. Мы видѣли, что къ концу XVIII вѣка всюду наблюдается усиленіе буржуазіи, какъ класса, и если не абсолютное, то относительное ослабленіе дворянства и духовенства. Борьба между буржуазіей и землевладѣльческими классами не была закончена въ XVIII вѣкѣ, а была завѣщана слѣдующимъ поколѣніямъ, но уже въ разсмотрѣнный періодъ ясно обозначился ея исходъ. Старые хозяева экономической и политической сцены не могли выдерживать энергичнаго, молодого натиска свѣжихъ силъ и уступали по всей линіи. Побѣда буржуазіи не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Однако у буржуазіи, кромѣ землевладѣльческихъ классовъ, тоже въ XVIII вѣкѣ былъ новый противникъ, съ которымъ она пока справлялась очень легко, гораздо легче, чѣмъ съ первыми, но тутъ особенности борьбы и взаимое положеніе противниковъ подсказывали совершенно иной прогнозъ, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Буржуазія приближалась къ апогею своего могущества, пролетаріатъ только-только начиналъ приходить къ ясному сознанію обособленности своихъ классовыхъ интересовъ и начиналъ видѣть въ буржуазіи, съ которой онъ такъ часто шелъ рука объ руку, врага непримиримаго по самой сущности ихъ взаимныхъ отношеній. Въ концѣ XVIII вѣка реальное соотношеніе силъ было на сторонѣ буржуазіи, но пролетаріатъ росъ и усиливался, онъ становится зрѣлѣе въ сознаніи своей силы и поэтому требовательнѣе. Ростъ пролетаріата грозилъ буржуазіи серьезными осложненіями въ будущемъ. Борьба предстояла упорная и ожесточенная, а исходъ ея уже тогда казался сомнительнымъ. Борьба классовъ была вторымъ наслѣдіемъ, которое осталось XIX вѣку отъ предыдущаго.

Когда народы завоевали себѣ право на политическое самоопредѣленіе и когда главнымъ содержаніемъ народной жизни открыто сдѣлалась борьба классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, тогда стало ясно, что политическія формы вырабатываются въ зависимости отъ реальнаго соотношенія соціальныхъ силъ въ обществѣ.

Доказалъ это XIX вѣкъ, а матеріалъ для доказательства приготовилъ XVIII.

А. Дживелеговъ.

Глава I.

Консульство.

Внутренняя исторія.

1799—1804.

I.—Временное консульство.

Настроеніе общества послѣ 18 брюмера.— Франція съ изумленіемъ услышала вѣсть о неожиданныхъ событіяхъ, которыя совершились въ Сенъ-Клу,—о насиліи, произведенномъ надъ Законодательнымъ корпусомъ, объ упраздненіи Директоріи и учрежденіи *Исполнительной консульской комиссіи*, составленной изъ Сійеса, Рожера Дюко и Бонапарта. Это былъ государственный переворотъ, не оправдывавшійся никакой серьезной опасностью, ни внутренней, ни внѣшней. Но съ 1789 года частью народомъ, частью правителями было произведено столько переворотовъ и еще въ послѣднее время конституція III года такъ часто грубо нарушалась, что беззаконія 18 и 19 брюмера возбудили въ обществѣ скорѣе удивленіе, чѣмъ негодованіе. Рабочее населеніе парижскихъ предмѣстій не встало на защиту демократическихъ депутатовъ, сдѣлавшихся жертвою переворота. Со времени событій, случившихся въ преріалѣ III года, роль народа въ столицѣ была сведена почти къ нулю. Якобинскихъ клубовъ въ Парижѣ болѣе не существовало; демократическая партія, лишенная и средоточія, и средствъ къ осуществленію своихъ цѣлей, была обречена здѣсь на полное бездѣйствіе. Буржуазія и особенно крупное купечество чувствовали себя въ полной безопасности. 17 брюмера консолидированная рента шла по 11 фр. 38; 18-го она поднялась до 12 фр. 88; 19-го—до 14 фр. 38; 21-го—до 15 фр. 63; 24-го—до 20 фр. Но ликованія нигдѣ не было замѣтно, кромѣ какъ среди роялистовъ, которые сначала наивно думали, что Бонапартъ возстановитъ на престолѣ Людовика XVIII. Они издѣвались надъ республиканцами въ уличныхъ пѣсняхъ и комедіяхъ. Но эта волна скоро улеглась, и можно сказать, что въ общемъ Парижъ остался холоденъ, почти равнодушенъ.

Не совсѣмъ такъ обстояло дѣло въ департаментахъ. Здѣсь въ разныхъ мѣстахъ обнаружилось открытое противодѣйствіе. Многіе чиновники изъ числа магистратовъ, избранныхъ департаментами и кантонами, или комиссаровъ Директоріи заявили протестъ и наотрѣзъ отказывались зарегистрировать декреты 19 брюмера. Такъ поступилъ и предсѣдатель уголовной палаты департамента Іонны. По этой причинѣ временнымъ консуламъ пришлось смѣстить немалое

число лицъ. Гражданская администрація Юрскаго департамента даже не удовольствовалась однимъ протестомъ, а предписала организовать войско, которое должно было двинуться противъ „тирановъ-узурпаторовъ“; приказъ этотъ, впрочемъ, не былъ исполненъ.

Протестъ заявили и нѣкоторые клубы, особенно въ Версали, Мецѣ, Ліонѣ и Клермонъ-Ферранѣ. Тулузскіе якобинцы призывали (правда, безуспѣшно) гражданъ къ оружію. Такимъ образомъ республиканская оппозиція давала себя чувствовать въ департаментахъ довольно сильно; но она исходила лишь отъ горсти клубистовъ и чиновниковъ. Сколько можно судить, она нигдѣ не захватила народныхъ массъ, и новому правительству нигдѣ не пришлось подавлять хотя бы и слабаго мятежа въ защиту конституціи. Роялисты ликовали въ провинціи, какъ и въ Парижѣ, однако между ними и республиканцами не произошло ни одного кроваваго столкновенія. Прежде чѣмъ высказаться о новомъ переворотѣ, масса націи безъ особеннаго волненія выжидала дальнѣйшихъ поступковъ Бонапарта, Сійеса и Рожера Дюко.

Политика и образъ дѣйствій временныхъ консуловъ.—Временные консулы занимали свою должность съ 20 брюмера по 3 нивоза VIII года (11 ноября—24 декабря 1799). Въ первомъ же засѣданіи у нихъ возникъ вопросъ объ избраніи президента консульства. Консулы рѣшили не избирать президента: обязанности его долженъ былъ исполнять поочередно каждый изъ нихъ въ теченіе одного дня, пріобрѣтая на этотъ срокъ лишь титулъ *дежурнаго консула*. Такимъ образомъ, въ силу алфавитнаго порядка именъ, Бонапарту пришлось предсѣдательствовать въ первомъ засѣданіи; во второмъ предсѣдателемъ былъ Рожеръ Дюко, въ третьемъ—Сійесъ и т. д. Итакъ, Бонапартъ офиціально не получилъ диктаторской власти тотчасъ послѣ переворота, да и фактически отнюдь не пользовался ею въ это время. Если по военнымъ дѣламъ онъ занялъ такое же первенствующее мѣсто, какое занималъ Карно въ Комитетѣ общественнаго спасенія, то невозможно указать ни одного достовѣрнаго случая, гдѣ бы онъ говорилъ или велъ себя какъ властелинъ до принятія конституціи VIII года, исключая нѣкоторыхъ происшествій, явившихся предвѣстниками этой конституціи. Политическіе акты правительства въ эти первыя недѣли были большею частью анонимны, и консульство представляло собою не что иное, какъ Директорію въ уменьшенномъ составѣ трехъ членовъ, среди которыхъ Бонапартъ являлся въ глазахъ общества лишь однимъ изъ трехъ членовъ коллегіи, правда, не обезличеннымъ, но облеченнымъ совершенно тою же офиціальною властью и тѣмъ же законнымъ почетомъ, какъ и остальные его два товарища.

Временное консульство держалось умѣренной и примирительной политики. Побѣдители въ предшествующихъ переворотахъ—31 мая, 9 термидора, 18 фрюктидора—неизмѣнно хвастали тѣмъ, что подвергли грозной карѣ заблужденіе и порокъ во имя истины и добродѣтели. Новые благодѣтели, спасшіе республику въ брюмерѣ VIII года,—ловкіе люди, пустившіе въ ходъ всѣ средства, чтобы добраться до власти, и достигшіе ея болѣе насильственнымъ путемъ, чѣмъ сами того желали; они стараются искупить свою дерзость политикой болѣе благоразумной и удачной, чѣмъ та, которую вели ихъ предшественники. Это правительство представляло собою союзъ популярнаго генерала съ пресыщеннымъ философомъ, которые задались цѣлью не преобразовать общество, а лишь искусными средствами залѣчить его раны. О военной диктатурѣ не было и рѣчи: Бонапартъ перемѣнилъ свой генеральскій мундиръ на цивильный фракъ (газеты оповѣстили объ этомъ публику), и по всему было видно, что уста-

навливается гражданское правленіе. Новые правители не ставили себѣ грандіозныхъ задачъ и не мечтали о новшествахъ: они хотѣли лишь дѣйствовать какъ можно лучше, задѣвая какъ можно меньшее число людей.

Прежде всего они постарались сплотить вокругъ себя передовыхъ республиканцевъ. Такъ какъ переворотъ 18 брюмера имѣлъ предлогомъ опасность со стороны якобинцевъ, то консульскимъ приказомъ отъ 20 брюмера были изгнаны изъ предѣловъ континентальной Франціи тридцать четыре „якобинца", въ томъ числѣ Дестремъ, Арена, Феликсъ Ле-Пелетье, и интернированы въ Ла-Рошели девятнадцать другихъ, между прочими Бріо, Антонель, Тало, Дельбрель и др. Но 4 фримера этотъ приказъ былъ отмѣненъ, и первые тридцать четыре были только временно отданы подъ надзоръ полиціи, такъ что до введенія конституціи VIII года настоящей проскрипціи, повидимому, не было произведено. Изъ числа 61 депутата, исключенныхъ 19 брюмера, многіе примкнули къ новому режиму. Генералъ Журданъ обмѣнивался съ Бонапартомъ учтивыми письмами. Изъ уцѣлѣвшихъ монтаньяровъ II года Бареръ особымъ письмомъ заявилъ о своемъ присоединеніи къ новому порядку; это письмо было напечатано въ *Монитерѣ* и надѣлало много шума. Даже бывшіе республиканскіе депутаты, не признавшіе новаго правительства, какъ Дельбрель, Тало, Дестремъ и Бріо, воздержались отъ всякихъ оппозиціонныхъ дѣйствій, понимая, что свобода погибла; въ общемъ можно сказать, что большинство республиканцевъ либо одобрило переворотъ, либо покорилось ему. Консулы командировали въ департаменты 24 делегатовъ, въ томъ числѣ нѣсколько бывшихъ членовъ Конвента, какъ Жаръ-Панвилье, Маллармэ и Пеньера,—и эти комиссары искусно агитировали въ пользу новаго режима и разсѣивали послѣднія опасенія республиканцевъ. Новая власть отрекалась отъ всякой солидарности съ роялистами и выражала твердое намѣреніе сохранить и прославить республиканскія формы. Министръ внутреннихъ дѣлъ Лапласъ циркуляромъ отъ 30 брюмера VIII года предлагалъ департаментскимъ властямъ „съ величайшей точностью" соблюдать республиканскій календарь и заявлялъ, „что реформы, произведенныя 18 брюмера, такъ же мало пойдутъ на пользу суевѣрію, какъ и роялизму". Министръ полиціи Фушэ въ циркулярѣ отъ 6 фримера предалъ проклятію эмигрантовъ, которыхъ де отечество „навѣки извергаетъ изъ своего лона". Если изданные въ эпоху террора законы о заложникахъ и принудительномъ займѣ были теперь отмѣнены, то республиканцы видѣли въ этомъ не реакціонную мѣру, а естественное послѣдствіе дебатовъ, происходившихъ по этому поводу въ обоихъ совѣтахъ еще до 18 брюмера.

Подготовленіе конституціи VIII года.— Возможно, что въ это время Бонапарта на минуту прельстила мысль стяжать во Франціи славу Вашингтона и что эта политика, на видъ столь либеральная и примирительная, была съ его стороны вполнѣ искреннею. Но въ тотъ самый моментъ, когда она принесла плодъ, когда республиканцы дѣйствительно успокоились или покорились, когда Бонапартъ убѣдился, что ему ни съ какой стороны не грозитъ сопротивленіе, несмотря на то, что печать пользовалась теперь свободою, какой она не знала и при Директоріи,—въ немъ проснулось личное честолюбіе, и онъ воспользовался этимъ всеобщимъ довѣріемъ, которое внушила народу умѣренность временнаго консульства, чтобы добиться введенія новой конституціи, сдѣлавшей его властелиномъ Франціи.

19 брюмера, въ день переворота, одновременно съ учрежденіемъ временнаго консульства былъ изданъ декретъ, въ силу котораго сессія Законодательнаго

корпуса прерывалась и каждая изъ его двухъ камеръ (Совѣтъ Старѣйшинъ и Совѣтъ Пятисотъ) должна была избрать комиссію изъ 25 своихъ членовъ для выработки плана измѣненій, имѣющихъ быть внесенными въ конституцію III года. Съ этой цѣлью каждая комиссія выдѣлила изъ себя „секцію". Секція Совѣта Пятисотъ составилась изъ Шазаля, Люсьена Бонапарта, Дону, Мари-Жозефа Шенье, Булэ (отъ Мёрты), Кабаниса и Шабо; въ секцію Совѣта Старѣйшинъ вошли: Гара, Лосса, Лемерсье, Ленуаръ-Ларошъ и Ренье. Вначалѣ эти секціи рѣшили, повидимому, принять за основаніе проектъ Сійеса; но этотъ проектъ не былъ изложенъ письменно, и отъ знаменитаго мыслителя ничего нельзя было добиться, кромѣ разговоровъ и отрывочныхъ набросковъ. Сколько можно было судить, онъ хотѣлъ примирить монархическую идею съ демократической. Верховная власть принадлежитъ народу, но послѣдній, не будучи достаточно просвѣщенъ, не можетъ прямо осуществлять свой суверенитетъ, а долженъ его делегировать, такъ что снизу идетъ „довѣріе", сверху — „власть". Понуждаемый высказаться яснѣе, Сійесъ въ концѣ-концовъ представилъ два очерка своей системы. По первому наброску народъ составляетъ списки „излюбленныхъ людей" (*notabilités*), изъ числа которыхъ такъ называемый *proclamateur-électeur* выбираетъ должностныхъ лицъ государства. Правительственная власть вручается Государственному совѣту изъ пятидесяти членовъ. Народъ избираетъ законодательное собраніе. Кромѣ того, учреждаются *трибунатъ*, *конституціонное жюри* и *блюстительный сенатъ*, нѣчто въ родѣ кассаціонной палаты по политическимъ дѣламъ. Этотъ сенатъ и выбираетъ упомянутаго выше *proclamateur-électeur*'а и *поглощаетъ* его, если онъ становится чрезмѣрно честолюбивымъ, какъ поглощаетъ и слишкомъ популярныхъ трибуновъ. Эта система фигурально представляла собою пирамиду, гдѣ основаніемъ являлся народъ, а вершиною — *proclamateur-électeur*. Бонапартъ въ этомъ планѣ не нашелъ для себя мѣста, которое соотвѣтствовало бы размѣрамъ его честолюбія, и смѣялся надъ *proclamateur-électeur*'омъ, называя его свиньей, откармливаемой на убой. Сійесъ представилъ второй проектъ, по которому исполнительная власть ввѣрялась уже не государственному совѣту, а двумъ совѣтамъ — военному и мирному. Этимъ обезпечивалось первенствующее мѣсто для Бонапарта, но и во второмъ планѣ, какъ въ первомъ, Сійесъ обставилъ свободу всяческими гарантіями и устанавливалъ рядъ предосторожностей противъ честолюбія Бонапарта. Секціи склонялись къ принятію второго проекта. Бонапартъ искусно помѣшалъ его обсужденію и образовалъ у себя небольшой комитетъ изъ Сійеса, Редерера и Булэ (отъ Мерты). Онъ пытался застращать „философа" и впервые говорилъ какъ власть имущій. Сійесъ молчалъ, и о его проектѣ больше не было рѣчи. Теперь обѣ секціи выработали планъ конституціи, въ основу котораго былъ положенъ имущественный цензъ, т.-е. безусловное верховенство буржуазіи, при чемъ однако исполнительная власть была организована совершенно такъ же, какъ въ проектѣ Сійеса. Газеты встрѣтили этотъ планъ болѣе чѣмъ холодно. Бонапартъ пригрозилъ, что поручитъ первому встрѣчному сварганить конституцію и самъ предложитъ ее народу. Тогда Дону составилъ проектъ, который, подъ новыми именами консульства, сената и трибуната, представлялъ собою не что иное, какъ копію конституціи III года, лишь демократизованной благодаря отмѣнѣ ценза. Бонапартъ отвергъ этотъ проектъ, который навсегда разрушилъ бы его честолюбивые планы. И вотъ онъ самъ диктуетъ собиравшемуся у него въ квартирѣ комитету тотъ проектъ, который превращается затѣмъ

въ конституцію VIII года. Этотъ проектъ, написанный въ салонѣ Бонапарта, не былъ даже представленъ на голосованіе въ законодательныхъ комиссіяхъ, члены которыхъ подписали его поодиночкѣ (22 фримера). Онъ былъ самовластно навязанъ странѣ Бонапартомъ, и это былъ опять государственный переворотъ, притомъ несравненно болѣе важный, чѣмъ переворотъ 18 и 19 брюмера, потому что прямымъ его послѣдствіемъ была единоличная власть.

Конституція VIII года. — Эта конституція, представляющая собою настоящую карикатуру идей Сійеса и Дону, состоитъ изъ 95 параграфовъ, расположенныхъ безъ всякаго систематическаго порядка. Декларація правъ въ ней даже не упоминается, ни слова не сказано о свободѣ печати, и либеральный характеръ носитъ лишь одна статья, гарантирующая личную безопасность (§§ 76—82). Главнымъ отличительнымъ признакомъ этой конституціи является то, что, признавая народъ носителемъ суверенной власти, она тѣмъ не менѣе лишаетъ его права выбирать депутатовъ и чрезъ ихъ посредство издавать законы и устанавливать государственные доходы и расходы. Всякій французъ въ возрастѣ отъ двадцати одного года, не служащій по личному найму за жалованье и живущій въ томъ же мѣстѣ не менѣе года, признается гражданиномъ. Всѣ граждане каждаго „коммунальнаго“ округа сами сокращаютъ свой составъ до одной десятой его; эта десятая часть составляетъ *коммунальный* или *окружной списокъ*, изъ котораго выбираются чины окружной администраціи. Затѣмъ окружные списки каждаго департамента также сокращаются до одной десятой, и такимъ образомъ получается *департаментскій списокъ*, по которому избираются должностныя лица департаментской администраціи. Но кто именно выбираетъ по этимъ спискамъ чиновниковъ окружнаго и департаментскаго управленія, на этотъ счетъ конституція не даетъ ясныхъ указаній. Правда, въ параграфѣ 41-мъ, въ длинномъ перечнѣ полномочій перваго консула, сказано между прочимъ, что онъ назначаетъ „чиновъ мѣстнаго управленія“; но это упомянуто лишь мимоходомъ, глухо и безъ подробныхъ указаній, такъ что никто не могъ предвидѣть, что по вступленіи конституціи въ законную силу декретомъ отъ 28 плювіоза VIII года будутъ назначены по всей Франціи волею перваго консула префекты, су-префекты, члены генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ, и что такимъ образомъ Франція утратитъ послѣдніе слѣды областной и коммунальной свободы—даже тѣ, которые существовали при старомъ порядкѣ. Наконецъ, всѣ департаментскіе списки должны были опять-таки сами (т.-е. внесенными въ нихъ лицами) быть сокращены до одной десятой: это былъ *національный списокъ* тѣхъ, кто имѣлъ право быть избираемымъ „на національныя государственнныя должности“, т.-е. въ депутаты, трибуны и пр. Всѣ эти списки кандидатовъ составлялись разъ навсегда; вакансіи, образующіяся вслѣдствіе смерти, должны были замѣщаться лишь разъ въ три года. Наконецъ, составленіе списка кандидатовъ на государственныя должности было отсрочено до IX года, такъ что въ первомъ замѣщеніи этихъ должностей выборщики не могли принять и дѣйствительно не приняли ни малѣйшаго участія. Такой видъ имѣло „довѣріе“, которое Бонапартъ, пародируя систему Сійеса, сдѣлалъ основаніемъ пирамиды и источникомъ вѣнчавшей ее „власти“.

Однимъ изъ органовъ этой власти, предназначеннымъ выбирать чиновниковъ и охранять государственный строй, являлся *Блюстительный сенатъ* изъ 60 членовъ (въ возрастѣ не ниже 40 лѣтъ и несмѣняемыхъ пожизненно), который ежегодно въ теченіе десяти лѣтъ долженъ былъ принимать въ себя двухъ новыхъ чле-

новъ, такъ чтобы въ концѣ-концовъ число его членовъ достигло восьмидесяти. Первоначальная организація сената была чисто - революціонною и диктаторской. Конституція гласила (§ 24): „Выбывающіе изъ консульства граждане Сійесъ и Рожеръ Дюко назначаются членами Блюстительнаго сената; къ нимъ присоединятся второй и третій консулы, назначаемые сею конституціей. Эти четыре гражданина избираютъ большинство сената, который далѣе имѣетъ самъ пополнить свой составъ и приступить къ выбору должностныхъ лицъ, назначеніе коихъ закономъ на него возложено". Вакансіи, могущія образоваться въ его составѣ, сенатъ долженъ былъ замѣщать путемъ кооптаціи, выбирая своего новаго члена каждый разъ изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ ему Законодательнымъ корпусомъ, трибунатомъ и первымъ консуломъ. Главные функціи сената заключались въ томъ, чтобы: 1) назначать членовъ Законодательнаго корпуса, трибуновъ, консуловъ, кассаціонныхъ судей и комиссаровъ государственнаго контроля, 2) одобрять или кассировать акты, противорѣчащіе конституціи, на которые указываетъ ему трибунатъ или правительство.

Что касается законодательной власти, то право вносить законопроекты принадлежитъ одному правительству. Законопроектъ вырабатывается *Государственнымъ совѣтомъ* (это былъ наиболѣе активный органъ новой системы) и вслѣдъ затѣмъ представляется *трибунату* и *Законодательному корпусу*. Трибунатъ состоялъ изъ 100 членовъ, назначаемыхъ сенатомъ на пять лѣтъ, могущихъ быть избираемыми вновь, въ возрастѣ не ниже 25 лѣтъ; составъ его ежегодно обновлялся на одну пятую. Законодательный корпусъ состоялъ изъ 300 членовъ, избираемыхъ и переизбираемыхъ по тѣмъ же правиламъ и не моложе 30 лѣтъ; въ немъ неизмѣнно долженъ былъ находиться по крайней мѣрѣ одинъ представитель отъ каждаго департамента. Трибунатъ обсуждалъ законопроекты, принималъ или отвергалъ ихъ и посылалъ трехъ делегатовъ изъ своей среды въ Законодательный корпусъ для устнаго обоснованія своихъ вотумовъ. Законодательный корпусъ выслушивалъ, кромѣ того, и представителей правительства, делегатовъ Государственнаго совѣта, и вотировалъ тайной подачей голосовъ, безъ всякихъ преній. Сессія Законодательнаго корпуса продолжалась всего четыре мѣсяца. Трибунатъ на время перерыва своихъ сессій избиралъ постоянную комиссію.

Исполнительная власть ввѣряется тремъ консуламъ, избираемымъ на десять лѣтъ и могущимъ быть переизбираемыми сколько угодно разъ. По закону, они назначаются сенатомъ; но на первый разъ они были названы въ самой конституціи, именно: первымъ консуломъ—Бонапартъ, вторымъ—Камбасересъ, третьимъ—Лебрёнъ. Фактически вся власть сосредоточивалась въ рукахъ перваго консула, которому присвоено было могущество гораздо большее, чѣмъ то, какимъ пользовался Людовикъ XVI по конституціи 1791 года: „Первымъ консуломъ обнародуются законы; онъ назначаетъ и смѣняетъ, по своему усмотрѣнію, членовъ Государственнаго совѣта, министровъ, пословъ и другихъ важнѣйшихъ иностранныхъ агентовъ, офицеровъ арміи и флота, чиновъ мѣстнаго управленія и правительственныхъ комиссаровъ судебнаго вѣдомства. Онъ назначаетъ всѣхъ уголовныхъ и гражданскихъ судей исключая мировыхъ и кассаціонныхъ, но не можетъ отрѣшать ихъ отъ должности (§ 41). Въ прочихъ распоряженіяхъ правительственной власти второй и третій консулы имѣютъ совѣщательный голосъ; они подписываютъ протоколъ этихъ распоряженій, чтобы удостовѣрить свое присутствіе, и при желаніи заносятъ въ протоколъ свое особое мнѣніе, послѣ чего рѣшеніе перваго консула вступаетъ въ

законную силу“ (§ 42). Такимъ образомъ воля Бонапарта, по закону, не ограничивалась ничѣмъ. Правда, по § 45 размѣръ государственныхъ доходовъ и расходовъ ежегодно опредѣляется закономъ; но законъ этотъ вносился правительствомъ, и Законодательный корпусъ могъ лишь цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, принять или отвергнуть его. Какъ бы въ насмѣшку надъ принципами политическаго либерализма § 55 гласилъ, что никакое распоряженіе правительства не имѣетъ законной силы, разъ оно подписано однимъ министромъ, и § 72—что министры отвѣтственны. Но сенаторы, члены Законодательнаго корпуса, трибуны, консулы и члены Государственнаго совѣта не несли никакой отвѣтственности (§ 69). Агентъ правительства могъ быть привлеченъ къ суду за поступокъ, связанный съ его должностной дѣятельностью, лишь въ силу соотвѣтствующаго постановленія Государственнаго совѣта (§ 75). Итакъ, конституція не давала никакого средства защититься противъ самовластія Бонапарта: это была настоящая диктатура, еще не названная по имени, еще скрытая подъ всевозможными формулами, но уже готовая выступить во всеоружіи.

Плебисцитъ о новой конституціи.— Конституція VIII года должна была „тотчасъ быть представлена для принятія французскому народу“. Были пущены въ ходъ всѣ средства, чтобы обезпечить успѣхъ этого плебисцита. Вмѣсто того, чтобы созвать первичныя собранія, вотировавшія конституцію 1795 г. и конституцію III года, ихъ признали фактически упраздненными, опасаясь дебатовъ, которые могли бы возникнуть въ нихъ, и рѣшили заставить гражданъ вотировать поодиночкѣ, втихомолку, путемъ публичной письменной подачи голосовъ. Въ каждой коммунѣ были выложены списки для принимающихъ и не принимающихъ конституцію, и каждый гражданинъ вписывалъ здѣсь *да* или *нѣтъ*.

Такъ какъ подача голосовъ не всюду была произведена тотчасъ и не всюду одновременно (Парижъ вотировалъ въ концѣ фримера, а департаменты—въ теченіе всего нивоза), то Бонапартъ имѣлъ время всякими способами подготовить общество. Главнымъ средствомъ былъ новый насильственный актъ, который еще усугубилъ революціонный характеръ переворота, начавшагося 18 брюмера: закономъ отъ 3 нивоза, изданнымъ задолго до окончанія плебисцита, конституція была введена въ дѣйствіе, и консулы 4 нивоза вступили въ исправленіе своей должности. Такимъ образомъ большинству избирателей пришлось вотировать конституцію уже послѣ фактическаго ея воцаренія.

Ихъ запугали, но въ то же время ихъ постарались успокоить искусной политикой. Франція жаждала внѣшняго и внутренняго мира. Бонапартъ, какъ видно будетъ ниже, смѣло предложилъ миръ Англіи и Австріи. Въ то же время онъ выставлялъ напоказъ свое стремленіе исцѣлить язвы гражданской войны и примирить съ новымъ порядкомъ всѣхъ французовъ, оставшихся во Франціи. Умиротвореніе Вандеи было начато уже Директоріей, которая поручила генералу Эдувилю, бывшему начальнику генеральнаго штаба Гоша, склонить къ покорности мятежныхъ роялистовъ, обезкураженныхъ побѣдами Брюна и Массены. Честь этого успѣха выпала на долю консульства, такъ какъ результаты переговоровъ обнаружились уже послѣ 18 брюмера. 23 фримера VIII года Отишанъ, Фроттэ, Бурмонъ и другіе подписали въ Пуансэ договоръ о перемиріи. Оставалось еще заключить миръ. Терпѣніе, съ которымъ велъ это дѣло Эдувиль, раздражало Бонапарта, и вотъ, приказомъ отъ 7 нивоза, онъ потребовалъ отъ инсургентовъ сдачи оружія въ десятидневный срокъ подъ страхомъ быть объявленными „внѣ конституціи“. Но къ этому времени ловкость Эдувиля уже при-

несла свои плоды: какъ разъ въ эту минуту лѣвый берегъ Луары изъявилъ покорность; нѣсколько дней спустя его примѣру послѣдовалъ и правый берегъ. Одинъ только Фроттэ въ Нормандіи отказывался сложить оружіе. Завидуя успѣху Эдувиля, Бонапартъ отозвалъ его и назначилъ на его мѣсто Брюна. Противъ Фроттэ было послано войско въ 6.000 человѣкъ; онъ изъявилъ покорность, былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣленъ, несмотря на выданную ему охранную грамоту (29 плювіоза VIII года). Такъ кончились возстаніе Вандеи и шуанская война. Убійство Фроттэ было совершено уже по окончаніи плебисцита, но умиротвореніе страны было обезпечено раньше, еще въ то время, когда происходила подача голосовъ.

Религіозный вопросъ еще не былъ вполнѣ разрѣшенъ. Консульство проводило принципъ отдѣленія церкви отъ государства съ такою ловкостью и успѣхомъ, какими не могла похвастать Директорія. Сохранивъ въ угоду свободомыслящимъ празднованіе десятаго дня декады и республиканскій календарь, новое правительство вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнило наиболѣе рѣзкіе законы противъ священниковъ, умѣрило рвеніе нѣкоторыхъ мѣстныхъ властей, позволявшихъ открывать католическіе храмы лишь въ послѣдній день декадъ, съизнова провозгласило свободу культа и въ общемъ какъ бы старалось сохранять равновѣсіе между не признававшимъ республики или ультрамонтанскимъ духовенствомъ съ одной стороны, бывшимъ конституціоннымъ духовенствомъ—съ другой и теофилантропами—съ третьей [1]).

Въ числѣ національныхъ празднествъ было нѣсколько торжествъ въ память *ратныхъ подвиговъ*, напримѣръ, годовщины 21 января, 9 термидора, 18 фрюктидора; изъ нихъ сохранены были только два—годовщина взятія Бастиліи и годовщина основанія республики.

[1]) См. ниже главу *Церковь и культы.*

Что касается эмигрантовъ, то по прежнему воспрещался въѣздъ во Францію тѣмъ изъ нихъ, которые покинули ее добровольно съ цѣлью поднять противъ нея оружіе. Въ отношеніи остальныхъ, т.-е. изгнанныхъ, сосланныхъ или подвергшихся проскрипціи, приняты были смягчающія мѣры. Жертвы фрюктидорскаго переворота получили разрѣшеніе вернуться, въ ихъ числѣ Карно. Возвращены были также нѣкоторые члены либеральной партіи въ Конституантѣ, какъ Лафайетъ, Лятуръ-Мобуръ, Ларошфуко-Ліанкуръ и нѣкоторые крайніе республиканцы, какъ Бареръ и Вадье. Изъ числа монархистовъ эта амнистія не была распространена на Пишегрю, изъ республиканцевъ—на Билло-Варенна. Отмѣненъ былъ приказъ отъ 4 фримера, которымъ 34 республиканца, взамѣнъ приговора отъ 20 брюмера о высылкѣ ихъ изъ предѣловъ Франціи, были отданы подъ надзоръ полиціи.

Такимъ образомъ правительство наканунѣ или во время плебисцита задобрило своей политикой всѣ партіи; произошло какъ бы общее разоруженіе всѣхъ лагерей, и при подсчетѣ голосовъ, произведенномъ 18 плювіоза VIII года, оказалось—если вѣрить цифрамъ, приведеннымъ въ *Bullettin des lois*,—что конституція была принята 3.011.007 голосами противъ 1.562. Въ числѣ отвергшихъ ее обращали на себя вниманіе имена бывшихъ членовъ Конвента—Камюса и Лекуантра; среди высказавшихся за конституцію въ парижскихъ спискахъ значилось множество художниковъ, ученыхъ, писателей, профессоровъ Музея, Collège de France и Медицинской школы, членовъ Института и пр., словомъ — весь цвѣтъ умственной аристократіи; здѣсь же фигурируютъ имена бывшихъ членовъ монтаньярской партіи въ Конвентѣ: Мерлино, Лейри, Лекиніо и Бреара, и еще болѣе знаменательное имя бывшаго военнаго министра Бушотта, убѣжденнаго республиканца.

Ж. Б. Грезъ.

Наполеонъ Бонапартъ—первый консулъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

II.—Десятилѣтнее консульство.

Введеніе въ дѣйствіе конституціи VIII года. — Первое засѣданіе коллегіи трехъ консуловъ, назначенныхъ новой конституціей, состоялось 4 нивоза VIII года (25 декабря 1799), т.-е. за 44 дня до того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ, принята ли эта конституція народомъ [1]. Робость и осмотрительность, характеризовавшія образъ дѣйствій временнаго консульства, безслѣдно исчезли уже въ этомъ первомъ засѣданіи: стремительная энергія Бонаарта точно вихрь увлекла его товарищей. Этотъ день 4 нивоза былъ ознаменованъ вѣскими рѣчами и важными актами. Новый языкъ звучалъ въ прокламаціи перваго консула къ французамъ: прочность правительства, сильная армія, твердый порядокъ, правосудіе и умѣренность— таковы были пароль и лозунгъ, смѣнявшіе революціонныя начала и революціонный языкъ. Въ этотъ же день были назначены министры, числомъ семь, именно: министромъ юстиціи Абріаль, иностранныхъ дѣлъ — Талейранъ, военнымъ — Бертье, внутреннихъ дѣлъ—Люсьенъ Бонапартъ, финансовъ — Годэнъ, флота и колоній—Форфэ, общей полиціи—Фушэ [2]. Назначенъ былъ государственный секретарь, который долженъ былъ состоять при консулахъ для веденія протоколовъ ихъ засѣданій и контрасигнированія правительственныхъ актовъ; это былъ Г.-Б. Марэ, будущій герцогъ Бассано. Государственный совѣтъ былъ организованъ еще наканунѣ, 3 нивоза. Этотъ совѣтъ, на который возложено было редактированіе законопроектовъ и предписаній центральной администраціи, въ спорныхъ случаяхъ подготовлялъ текстъ постановленій консульской коллегіи. Онъ же опредѣлялъ, должно ли быть предано суду то или другое должностное лицо. Сверхъ того, ему ввѣрена была неопредѣленная и опасная власть „истолковывать смыслъ законовъ“ по ходатайству консуловъ. Этотъ совѣтъ былъ главнымъ орудіемъ политики Бонапарта — наковальней, на которой онъ выковалъ себѣ корону; здѣсь онъ предсѣдательствовалъ и говорилъ безъумолку, сначала — до побѣды при Маренго, сдѣлавшей его властелиномъ— склоняя совѣтниковъ къ своимъ замысламъ силою слова, потомъ порабощая и запугивая ихъ изъявленіемъ, часто въ грубой формѣ, своей властной воли. Протоколы этого совѣта исчезли, но у насъ есть мемуары нѣсколькихъ членовъ его— Тибодо, Редерера, Пелэ (отъ Лозера), Міо де Мелитó. Вотъ каковы были вначалѣ его организація и персоналъ: *военная секція* — предсѣдатель Брюнъ, члены: Дежанъ, Лакюэ, Мармонъ и Птіэ; *секція флота* — предсѣдатель Гантомъ, члены: Шампаньи, Флеріэ, Лескалье, Редонъ и Кафарелли; *финансовая секція* — предсѣдатель Дефермонъ, члены: Дюшатель (отъ Жиронды), Девенъ, Дюбуа (отъ Вогезъ), Жолливэ, Ренье и Дюфрень; *секція гражданскаго и уголовнаго законодательства* — предсѣдатель Булэ (отъ Мерты), члены: Берлье, Моро де Сенъ-Мери, Эммери и Реаль; *секція внутреннихъ дѣлъ* — предсѣдатель Редереръ, члены: Бенезекъ, Кретэ, Шапталь, Реньо (отъ Сенъ-Жанъ-д'Анжели) и Фуркруа. Генеральнымъ се-

[1]) Подготовительное засѣданіе ихъ состоялось даже еще наканунѣ, въ 8 часовъ вечера.

[2]) Вотъ перемѣны, происшедшія въ составѣ этого кабинета за время консульства: министромъ юстиціи, вмѣсто Абріаля, въ фрюктидорѣ X года былъ назначенъ Ренье — grand-juge; портфель военнаго министра перешелъ отъ Бертье къ Карно, но лишь на время кампаніи, ознаменованной побѣдою при Маренго; въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Люсьена Бонапарта смѣнилъ Шапталь въ брюмерѣ IX года; вмѣсто Форфэ морскимъ министромъ былъ назначенъ въ IX году Декрэ. Въ фрюктидорѣ X года министерство полиціи было слито съ министерствомъ юстиціи. Въ плювіозѣ IX года было основано министерство казначейства и на этотъ постъ назначенъ Барбэ-Марбуа.

кретаремъ совѣта былъ Локрэ [1]. Этотъ совѣтъ былъ сформированъ къ четыремъ часамъ дня того же 4 нивоза и тотчасъ же изъяснилъ, что, по общему смыслу новой конституціи, всѣ законы, воспрещавшіе бывшимъ дворянамъ и родственникамъ эмигрантовъ доступъ къ государственнымъ должностямъ, должны быть признаны упраздненными. Это обстоятельство было чрезвычайно важно: Бонапартъ съ первой же минуты показываетъ, что въ случаѣ надобности онъ не будетъ стѣсняться издавать законы чрезъ посредство Государственнаго совѣта, въ обходъ трибуната и Законодательнаго корпуса [2].

Согласно конституціи, Сійесъ, Рожеръ Дюко, Камбасересъ и Лебренъ составили списокъ гражданъ, которые должны были образовать ядро блюстительнаго сената. Они выбрали людей достойныхъ и въ большинствѣ оказавшихъ цѣнныя услуги дѣлу революціи: Монжа, Вольнея, Гара́, Гарранъ-Кулона, Келлермана, Кабаниса. Сійесъ и Рожеръ Дюко вступили въ сенатъ по силѣ закона; затѣмъ составъ членовъ былъ путемъ кооптаціи доведенъ до опредѣленнаго закономъ числа 60. Въ эту вторую категорію попали большею частью люди мало извѣстные; однако въ ихъ числѣ были Добантонъ, Лагранжъ и Франсуа (изъ Невшателя). Сенатъ тотчасъ избралъ 300 членовъ Законодательнаго корпуса и 100 членовъ трибуната, не обнаруживъ въ своемъ выборѣ ни партійной узости, ни сервилизма. Напротивъ, въ Законодательный корпусъ вошли почти исключительно наиболѣе выдающіеся изъ бывшихъ членовъ различныхъ революціонныхъ собраній, при чемъ явно было отдано предпочтеніе дѣятелямъ 1789 года, но не исключены и крайніе республиканцы въ родѣ Грегуара, Бреара и Флорана Гюйо, ни даже личные противники Бонапарта, какъ, напримѣръ, Дальфонсъ, который въ Совѣтѣ Старѣйшинъ оказалъ рѣзкое противодѣйствіе перевороту 18 брюмера. Трибунатъ составился изъ людей, по характеру и прошлому своему подходившихъ для той роли конституціонной оппозиціи, которая какъ бы предначертана была этому органу: сюда вошли Андріё, Беллейль, Мари-Жозефъ Шенье, Бенжаменъ Констанъ, Жанъ де Бри, Деменье, Женгенэ, С. Жирарденъ, Жаръ-Панвилье, Лалуа, Ларомигьеръ, Пеньеръ. Трибунатъ и Законодательный корпусъ честно и разумно исполняли свою обязанность, стойко борясь противъ нарождающагося деспотизма, и не разъ отвергали реакціонные законопроекты. Но эти два собранія, достойныя всякаго уваженія по своему составу, не могли считаться національнымъ представительствомъ; это не были даже тѣ *нотабли*, которые предусмотрѣны были конституціей: избраніе нотаблей было отсрочено до IX года. Поэтому ихъ противодѣйствіе оказалось безплоднымъ, и Бонапартъ сломилъ его безъ труда.

Репрессивныя мѣры противъ печати. — Пока періодическая печать была свободна, Бонапартъ каждую минуту могъ опасаться, что самосознаніе общества пробудится и обратится противъ него. Пользуясь сравнительной терпимостью временнаго

[1] Пятеро членовъ Государственнаго совѣта имѣли спеціальныя функціи, возлагавшія на нихъ обязанность формально помогать министрамъ, а въ сущности—контролировать ихъ дѣйствія. Дѣйствительно, § 7 регламента Государственнаго совѣта гласилъ: „Пяти членамъ совѣта поручается спеціальное руководство различными отраслями управленія, единственно въ организаціонномъ отношеніи; они слѣдятъ, каждый въ своей сферѣ, за ходомъ администраціи, подписываютъ корреспонденцію, принимаютъ и дѣлаютъ всѣ запросы и представляютъ министрамъ проекты постановленій, вносимые затѣмъ министрами на усмотрѣніе консуловъ“. Народное образованіе было поручено Шапталю, казначейство—Дюфреню, національныя имущества—Ренье, колоніи—Лескалье и общественныя работы—Кретэ.

[2] Въ департаменты были командированы члены Государственнаго совѣта, производившіе тамъ всевозможныя слѣдствія и дѣйствовавшіе именемъ перваго консула.

консульства, часть газетъ осмѣлилась— не то чтобы оказать рѣзкое или даже только твердое сопротивленіе новому порядку, но по крайней мѣрѣ отмѣтить нѣкоторыя неудобства конституціи и первыя беззаконія деспотизма. Такъ, *Gazette de France* въ нумерѣ отъ 26 фримера говорила: „24-го числа во всѣхъ округахъ Парижа опубликована конституція. Вотъ анекдотъ, свидѣтельствующій объ остроуміи парижанъ. Муниципальный чиновникъ читалъ текстъ конституціи, и давка среди жаждавшихъ слышать его была такъ велика, что никому не довелось услыхать ни одной полной фразы. Одна женщина говоритъ своей сосѣдкѣ:—я ничего не слыхала.—А я не проронила ни слова.—Ну, что же даетъ намъ эта конституція?—Бонапарта". Въ такихъ саркастическихъ анекдотахъ проявлялась оппозиція газетъ. Бонапартъ боялся, что эта оппозиція въ союзѣ съ трибунатомъ и Законодательнымъ собраніемъ помѣшаетъ ему пріобрѣсти верховенство. Указомъ отъ 27 нивоза VIII года онъ пріостановилъ на время войны всѣ выходившія въ Парижѣ политическія газеты, исключая слѣдующихъ тринадцати: *Moniteur, Journal des Débats Journal de Paris, Bien Informé, Publiciste, Ami des lois, Chef du cabinet, Citoyen français, Gazette de France, Journal des hommes libres, Journal du soir des frères Chaigneau, Journal des défenseurs de la patrie, Décade philosophique.* Значитъ, лучшія парижскія газеты все-таки уцѣлѣли, въ томъ числѣ даже оппозиціонная *Gazette de France;* но *Moniteur*, крупнѣйшая изъ тогдашнихъ газетъ, съ 7 нивоза сдѣлался оффиціальнымъ органомъ, а остальнымъ двѣнадцати было объявлено, что онѣ будутъ немедленно закрыты, если станутъ печатать „статьи, способныя подорвать уваженіе къ соціальному договору, къ суверенитету народа и къ славѣ арміи", или если дадутъ мѣсто на своихъ столбцахъ „нападкамъ на правительства и націи, находящіяся въ дружбѣ или союзѣ съ республикой, хотя бы такія статьи были заимствованы изъ иностранныхъ періодическихъ изданій". Въ общемъ прессѣ была воспрещена малѣйшая оппозиція; первый консулъ могъ осуществлять свои честолюбивые планы безнаказанно и среди полнаго почти молчанія общества. Дѣйствительно, приказомъ отъ 27 нивоза VIII года открывается эра деспотизма.

Учрежденіе префектуръ и преобразованіе администраціи. — Деспотизмъ лежалъ въ основаніи самой конституціи VIII года, но онъ былъ наполовину скрытъ въ ней подъ различными формулами, которыя Бонапартъ—какъ онъ самъ позднѣе признался однажды, говоря объ итальянской конституціи—позаботился сдѣлать въ достаточной мѣрѣ краткими и неясными. Въ тотъ самый день, когда стало очевидно, что конституція принята Франціей, онъ сбросилъ маску и представилъ трибунату и Законодательному корпусу законопроектъ (ставшій закономъ отъ 28 плювіоза VIII года) о преобразованіи администраціи, устанавливавшій въ пользу одного человѣка безусловную централизацію и лишавшій народъ всякаго участія въ избраніи какого бы то ни было должностного лица (такъ что отъ прежняго своего суверенитета народъ сохранялъ лишь право прямого избранія мировыхъ судей). По конституціи территорія республики должна была дѣлиться на *департаменты* и *коммунальные округа*. Реформа удержала прежнее дѣленіе на 88 департаментовъ съ тѣмъ только отличіемъ, что уничтоженъ былъ департаментъ Монъ-Террибль, слившійся теперь съ департаментомъ Верхняго Рейна. Что касается коммунальныхъ округовъ, то конституція не опредѣлила ихъ характера; можно было думать, что это—не что иное, какъ возрожденіе тѣхъ кантональныхъ муниципалитетовъ, чрезъ посредство которыхъ авторы конституціи III года пытались создать истинное коммунальное

самоуправленіе. Но именно эти жизнеспособныя и дѣятельныя коммуны могли оказаться серьезнымъ препятствіемъ для деспотической централизаціи. Поэтому правительство предпочло возстановить старые муниципалитеты въ томъ видѣ, въ какомъ они были учреждены Конституантою и въ какомъ они существуютъ до сихъ поръ, т.-е. раздробить и тѣмъ парализовать муниципальную жизнь. Подъ именемъ *arrondissements* были возстановлены, лишь въ уменьшенномъ числѣ, дистрикты, упраздненные Конвентомъ. Что касается административнаго персонала, то конституція позволяла думать, что онъ будетъ назначаться исполнительною властью, но изъ нея нельзя было заключить, что административныя функціи какъ въ департаментахъ, такъ и въ округахъ будутъ ввѣрены одному человѣку; между тѣмъ 3-й параграфъ закона отъ 28 плювіоза гласитъ, что „административная власть вручается одному префекту". Въ каждомъ округѣ сидѣлъ подчиненный ему су-префектъ. Это были тѣ же интенданты съ ихъ субделегатами, какіе правили Франціей при старомъ порядкѣ, только облеченные большею властью, потому что теперь ихъ воля не ограничивалась никакими сословными привилегіями, никакими учрежденіями, никакой традиціей. Мотивировка закона устанавливала въ принципѣ, что „*управленіе* должно быть дѣломъ единоличнымъ, *сужденіе*—коллегіальнымъ". Подъ сужденіемъ разумѣются функціи двоякаго рода: 1) дача заключеній, имѣющихъ предметомъ распредѣленіе налоговъ, что было поручено *генеральнымъ совѣтамъ*, *окружнымъ совѣтамъ* и муниципальнымъ *податнымъ агентамъ*; 2) составленіе приговоровъ по спорнымъ дѣламъ административнаго характера, которое было поручено *совѣтамъ префектуры*. Генеральные и окружные совѣты, штатъ которыхъ назначается на три года, засѣдаютъ лишь 15 дней въ году и производятъ разверстку прямыхъ налоговъ между округами и коммунами. Кромѣ того, генеральный совѣтъ вотируетъ на покрытіе департаментскихъ расходовъ дополнительные сборы, которыми префектъ распоряжается по собственному усмотрѣнію, разъ въ годъ давая отчетъ въ ихъ расходованіи генеральному совѣту, при чемъ послѣдній можетъ лишь „заслушать" этотъ отчетъ и выразить свое мнѣніе о нуждахъ департамента. Компетенція муниципальныхъ совѣтовъ нѣсколько шире: они могутъ подвергать разсмотрѣнію приходо-расходный отчетъ мэра, представляемый затѣмъ су-префекту, который и утверждаетъ его окончательно; они обсуждаютъ вопросы о займахъ, октруа и т. п. Веденіе гражданскихъ записей, равно какъ и полицейскій надзоръ ввѣряются мэрамъ и ихъ помощникамъ; но въ городахъ съ населеніемъ свыше 100.000 человѣкъ полицейскій надзоръ сосредоточивается въ рукахъ правительства, а въ Парижѣ для этой цѣли учреждается особый органъ съ *префектомъ полиціи* во главѣ. Префекты, су-префекты, члены генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ, мэры, ихъ помощники и муниципальные совѣтники назначаются отчасти первымъ консуломъ, отчасти префектами. Для разбора спорныхъ дѣлъ въ каждомъ департаментѣ учреждается *совѣтъ префектуры*, состоящій изъ пяти, четырехъ или трехъ членовъ, назначаемыхъ первымъ консуломъ; префектъ имѣлъ право предсѣдательствовать въ этомъ судѣ и въ случаѣ раздѣленія голосовъ его голосъ давалъ перевѣсъ. Такимъ образомъ, установивъ различіе между управленіемъ и выработкою заключеній, авторы закона смѣшали затѣмъ обѣ эти вещи къ вящей выгодѣ деспотизма.

Внесеніе этого законопроекта повергло въ ужасъ трибунатъ; либеральные члены трибуната увидѣли въ немъ узаконенную систему тираніи. Докладчикъ—это былъ Дону — подвергъ его жестокой критикѣ,

но въ заключеніе высказался за его принятіе по той единственной причинѣ, что отвергнуть его *было бы опасно*. Печать была нѣма, и трибунатъ чувствовалъ себя безсильнымъ. Здѣсь было произнесено нѣсколько краснорѣчивыхъ рѣчей противъ этой узурпаціи всѣхъ народныхъ правъ; но въ концѣ-концовъ трибунатъ принялъ законопроектъ 71 голосами противъ 25, и то же сдѣлалъ Законодательный корпусъ, гдѣ большинство было равно 217 противъ 68. Такъ былъ организованъ деспотизмъ; но сначала онъ далъ себя знать лишь благими послѣдствіями, благодаря искусному подбору префектовъ и су-префектовъ, сдѣланному Бонапартомъ [1]), и въ виду легкости, съ которою онъ могъ теперь быстро внести въ администрацію всевозможныя улучшенія, внушенныя ему его геніальнымъ умомъ. Администрація была несложна, дѣйствовала быстро и, по общему мнѣнію, нелицепріятно; говорили, что она „возбуждаетъ зависть Европы". Лишь постепенно она стала грубою и тираническою, по мѣрѣ того какъ самъ диктаторъ изъ добраго деспота превращался въ дурного.

Новые нравы.—Это превращеніе совершалось медленно, и современники плохо различали его послѣдовательныя стадіи. Въ моментъ принятія конституціи VIII года личная жизнь Бонапарта сохраняла еще до извѣстной степени характеръ республиканской скромности. Лишь 30 плювіоза онъ, на основаніи нарочито изданнаго закона, водворился въ Тюильри. Консульскаго двора еще не существовало. Сначала Бонапартъ пожелалъ окружить себя сонмомъ героическихъ статуй: онъ велѣлъ уставить парадную галлерею Тюильри статуями Демосѳена, Александра Великаго, Ганнибала, Сципіона, Брута, Цицерона, Цезаря, Тюренна, Кондэ, Вашингтона, Фридриха Великаго, Мирабо, Марсо и др. Онъ сохранилъ отчасти республиканскій церемоніалъ, и въ обиходѣ попрежнему употреблялось исключительно наименованіе *гражданинъ* [1]). По полученіи извѣстія о смерти Вашингтона объявленъ былъ трауръ во имя *свободы* и *равенства*. Но на ряду съ республиканскими обычаями начинаютъ уже сказываться новые нравы, или, вѣрнѣе, робко возвращаются старые. Снова открываются костюмированные балы въ Оперѣ; здѣсь—часто изъ реакціи, частью ради пародіи—наряжаются монахами и совѣтниками парламента. Блестящій балъ, данный Талейраномъ 6 вантоза VIII года (25 февраля 1800), обнаружилъ стремленіе перваго консула окружить себя представителями какъ стараго, такъ и новаго порядка: здѣсь были Куаньи, Дюма, Порталисъ, Сегюръ старшій, Ларошфуко-Ліанкуръ, Крильонъ, г-жи Верженнъ, Кастелланъ, д'Эгильонъ, Ноайль. Во время переворота 18 брюмера и въ періодъ временнаго консульства Бонапартъ окружалъ себя почти исключительно дѣятелями 1789 года, либералами и членами Института; теперь онъ начинаетъ подбирать себѣ штатъ для своего будущаго двора—и какъ-разъ среди представителей стараго порядка, потому что, какъ выразился онъ однажды

---

[1]) Эти префекты и су-префекты представляли собою отчасти цвѣтъ политическаго и административнаго персонала, образовавшагося за время революціи. Вопреки общепринятому мнѣнію, среди нихъ было очень мало монтаньяровъ. Въ наибольшемъ количествѣ и съ наибольшимъ усердіемъ шли на службу консульству умѣренные либералы, бывшіе члены Учредительнаго и Законодательнаго собраній, члены Жиронды и равнины въ Конвентѣ. Вначалѣ иные изъ нихъ пробовали разыгривать роль командированныхъ депутатовъ, обнародовали прокламаціи, издавали газеты; но ихъ скоро угомонили, напомнивъ имъ, что они—не болѣе, какъ подначальныя должностныя лица, и они обратились въ безусловно-послушныхъ чиновниковъ. Исторія внутренняго управленія Франціи въ эпоху консульства чрезъ посредство префектовъ и су-префектовъ еще никѣмъ не разработана, и матеріалы ея неизданными лежатъ въ архивахъ.

[1]) Но Бонапартъ же первый ввелъ въ обычай употребленіе слова *madame* вмѣсто прежняго *citoyenne*.

объ аристократахъ, „только эти люди и умѣютъ служить". Либералы, принимавшіе въ серьезъ свою роль трибуновъ или законодателей и уже пытавшіеся стать въ оппозицію, раздражали Бонапарта; онъ называлъ ихъ насмѣшливо *идеологами*.

Вліяніе побѣды при Маренго на положеніе дѣлъ во Франціи. — Безуспѣшность переговоровъ съ Австріей давала Бонапарту случай стяжать новый трофей на полѣ брани, который долженъ былъ способствовать упроченію его власти въ странѣ. Но конституція не ввѣрила первому консулу командованія арміей; главнокомандующимъ былъ назначенъ военный министръ Бертье, уступившій свой портфель Карно. Такимъ образомъ Бонапартъ могъ участвовать въ кампаніи лишь какъ свидѣтель; но истиннымъ вождемъ арміи былъ именно этотъ свидѣтель. Приготовленія къ войнѣ сопровождались различными ограниченіями свободы. Три газеты были закрыты: *Bien Informé*, *Journal des hommes libres* и *Journal des défenseurs de la patrie*. Театральная цензура была возстановлена, и исчезла со сцены та комедія во вкусѣ Аристофана, свобода которой до сихъ поръ была мало стѣсняема и которая отнынѣ уже болѣе не воскреснетъ. На время своего отсутствія, продолжавшагося съ 16 флореаля по 12 мессидора VIII года, Бонапартъ не рѣшился удержать въ своихъ рукахъ исполнительную власть, и она была ввѣрена, согласно конституціи, второму консулу, Камбасересу, который успѣшно справился со своими временными обязанностями. Было очевидно, что государственный механизмъ можетъ дѣйствовать и безъ Бонапарта; распространился даже слухъ, что временное правительство заранѣе опредѣлило порядокъ избранія преемника первому консулу на случай, если бы послѣдній палъ на войнѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ побѣдитель при Маренго поспѣшилъ вернуться въ Парижъ, даже не вполнѣ использовавъ своей блестящей и смѣлой побѣды. Онъ былъ встрѣченъ съ почетомъ, но безъ пошлой лести, а трибунатъ даже сдѣлалъ видъ, что ставитъ выше героизмъ Дезэ. Но въ массѣ крестьянства и рабочаго населенія возвращеніе Бонапарта вызвало взрывъ энтузіазма, и народъ началъ вѣрить въ *звѣзду* перваго консула, въ его *провиденціальное назначеніе*. Повидимому, именно въ этотъ моментъ Бонапартъ ясно и въ полномъ объемѣ сознал и формулировалъ для себя свою честолюбивую цѣль. Вслѣдъ затѣмъ заключеніе конкордата даетъ ему въ руки самое дѣйствительное средство для ея достиженія, а Люневильскій и Амьенскій договоры, пріобщивъ къ его военной славѣ славу миротворца, становятся послѣдней ступенью, по которой онъ восходитъ на вершину могущества.

Изгнаніе республиканцевъ. — 3 нивоза IX года (24 декабря 1800), когда Бонапартъ на пути въ Оперу проѣзжалъ въ каретѣ по улицѣ Saint-Nicaise, одинъ роялистъ, по имени Сенъ-Режанъ, сдѣлалъ попытку убить его посредствомъ взрыва боченка съ порохомъ, спрятаннаго въ телѣжкѣ. При этомъ было убито четыре человѣка и около шестидесяти ранено; первый консулъ остался невредимъ. Тотчасъ гнѣвъ, вызванный въ немъ покушеніемъ, слился съ его политическимъ интересомъ, и онъ приписалъ всю вину „якобинцамъ", т.-е. тѣмъ республиканцамъ, которые остались вѣрны республикѣ. Теперь онъ уже не распинался предъ ними, заискивая ихъ расположенія, какъ въ то время, когда онъ старался этимъ путемъ обезпечить успѣхъ плебисцита. Онъ ненавидѣлъ и боялся ихъ больше, чѣмъ какой-либо другой партіи; онъ не могъ забыть того крика: *объявить внѣ закона*, которымъ они травили его въ день 19 брюмера, и поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы избавиться отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и запугать остальныхъ. Притомъ, онъ хотѣлъ громогласно опровергнуть мнѣніе Питта, назвавшаго

его *отпрыскомъ и знаменосцемъ якобинцевъ*, и предстать предъ Европою въ роли охранителя порядка. Обнаружился цѣлый рядъ обстоятельствъ, доказывавшихъ, что покушеніе было дѣломъ рукъ роялистовъ; несмотря на это, Бонапартъ упорно стремился нанести ударъ республиканцамъ. Понимая, что трибунатъ и Законодательный корпусъ не пропустятъ закона о проскрипціи, онъ прибѣгъ къ уловкѣ: 14 нивоза Государственнымъ совѣтомъ былъ составленъ „правительственный указъ", который тотчасъ былъ представленъ сенату, одобренъ послѣднимъ, какъ „мѣра, необходимая въ интересахъ неприкосновенности конституціи", и опубликованъ 18 нивоза. Этимъ актомъ изгонялись изъ предѣловъ Франціи 130 республиканцевъ, которые должны „быть отданы подъ особый надзоръ внѣ европейской территоріи республики"; они были осуждены уже не какъ сообщники Сенъ-Режана, а какъ участники сентябрьскихъ событій и анархисты, т.-е. за оппозицію. Эти осужденные республиканцы, къ которымъ, снова безъ постановленія сената, прибавили потомъ еще нѣкоторыхъ были всѣ равно невинны и однако подверглись очень неравнымъ карамъ. Наиболѣе выдающіеся изъ нихъ: Тало, Филиксъ Лепелетье, принцъ Гессенскій и Шудье — избѣгли ссылки, безъ сомнѣнія благодаря двуличному образу дѣйствій министра полиціи Фуше. Но бывшій членъ Совѣта Пятисотъ Дестремъ, 19 брюмера бросившій въ лицо Бонапарту слова суроваго осужденія, былъ сосланъ въ Гвіану и болѣе не увидалъ Франціи. Кромѣ него, въ Гвіану было сослано еще около сорока человѣкъ. Остальныхъ, въ томъ числѣ бывшаго генерала Россиньеля, сослали на Магэ, одинъ изъ Сейшельскихъ острововъ. Изложеніе романтической одиссеи этихъ несчастныхъ лежитъ внѣ предѣловъ нашего разсказа; изъ нихъ осталось въ живыхъ лишь человѣкъ двадцать, вернувшихся во Францію при реставраціи.

Этимъ не ограничились мѣры, принятыя Бонапартомъ противъ республиканцевъ. Указомъ отъ 17-го нивоза IX года были отданы подъ надзоръ въ предѣлахъ Франціи, съ запрещеніемъ жить въ департаментѣ Сены и смежныхъ съ нимъ, 52 гражданина, извѣстные своимъ демократическимъ образомъ мыслей: Антонель, Моисей Байль, Леньело, Лекуантръ, Сержанъ и др. Нѣсколько женъ и вдовъ республиканцевъ, какъ вдовы Шометта, Марата и Бабефа, были безъ суда заключены въ тюрьму [1]. Была пролита и кровь: нѣсколько человѣкъ были беззаконно приговорены къ смерти. Пять мало извѣстныхъ республиканцевъ—Шевалье, Вейсеръ, Метжъ, Гемберъ и Шапель—были преданы военному суду по обвиненію въ принадлежности къ заговору, организованному въ дѣйствительности полиціей, и разстрѣлены на Гренельской равнинѣ. Четверо болѣе видныхъ республиканцевъ—Арена, Серакки, Топино-Лебрёнъ и Демервиль—были приговорены къ смертной казни уголовнымъ судомъ Сенскаго департамента, хотя вся вина ихъ заключалась только въ непріязненныхъ отзывахъ о Бонапартѣ или, самое большее, въ платоническихъ мечтаніяхъ о заговорѣ; они были обезглавлены 10 плювіоза IX года. Истинные виновники покушенія на улицѣ Saint-Nicaise, роялистъ Сенъ-Режанъ и его сообщникъ Карбонъ, были вполнѣ уличены, осуждены на смерть и казнены 16 жерминаля (16 апрѣля 1801 г.).

Спеціальные суды.—Вопреки утвержденію многихъ историковъ, во Франціи при консульствѣ не было полнаго порядка и безопасности. Разбойники изъ роялистовъ задерживали дилижансы, какъ въ эпоху Директоріи, убивали патріотовъ, грабили въ провинціи дома лицъ, участвовавшихъ въ распродажѣ національныхъ имуществъ. Въ началѣ IX года шайка шуановъ за-

[1]) Однако Бонапартъ назначилъ пенсію сестрѣ Робеспьера.

хватила въ плѣнъ сенатора Клеманъ де Ри, проживавшаго въ своемъ туренскомъ помѣстьѣ; другая шайка убила „конституціоннаго“ епископа Одрейна, объѣзжавшаго свою епархію въ Финистерѣ. Жандармерія, милиція и военныя комиссіи могли бы однѣ положить конецъ этимъ безчинствамъ; но Бонапартъ воспользовался общимъ негодованіемъ, чтобы добиться учрежденія *спеціальныхъ судовъ*, чрезъ посредство которыхъ онъ могъ подавлять, въ случаѣ надобности, не только разбойничество роялистовъ, но и республиканскую оппозицію. Законъ отъ 18-го плювіоза IX года, прошедшій въ трибунатѣ и Законодательномъ корпусѣ лишь слабымъ большинствомъ голосовъ, уполномочивалъ правительство учредить въ каждомъ департаментѣ, гдѣ оно найдетъ нужнымъ, спеціальный трибуналъ, состоящій изъ предсѣдателя и двухъ членовъ уголовнаго суда да изъ назначаемыхъ первымъ консуломъ трехъ военныхъ и двухъ штатскихъ лицъ. Этотъ судъ вѣдалъ всѣ дѣла, способныя обезпокоить правительство, и приговоры его не подлежали ни аппеляціи, ни кассаціи, исключая споровъ о подсудности. Такимъ образомъ Бонапартъ могъ по желанію устроить себѣ въ каждомъ департаментѣ своего рода революціонный трибуналъ для осуществленія своей мести; и онъ дѣйствительно учредилъ такіе суды въ 32 департаментахъ.

Очищеніе трибуната и Законодательнаго корпуса.—Либеральныя группы трибуната и Законодательнаго корпуса не были устрашены этими успѣхами Бонапарта на поприщѣ деспотизма. Первыя три статьи гражданскаго уложенія, составленныя въ Государственномъ совѣтѣ при личномъ и преобладающемъ участіи перваго консула, подверглись въ трибунатѣ рѣзкой критикѣ, какъ идущія въ разрѣзъ съ принципами 1789 года и представляющія собою реакцію противъ стараго проекта, частью уже принятаго Конвентомъ. Первая статья была отвергнута трибунатомъ и Законодательнымъ корпусомъ, вторая, также отвергнутая трибунатомъ, еще не успѣла дойти до Законодательнаго корпуса, когда правительство грубо-оскорбительнымъ заявленіемъ взяло назадъ свой проектъ (нивозъ X года). Въ это же время Законодательный корпусъ и трибунатъ усугубили оппозиціонный характеръ своей дѣятельности, избравъ кандидатами въ должность сенаторовъ нѣсколько *идеологовъ* въ родѣ Дону. Когда Бонапартъ вернулся изъ своей тріумфальной поѣздки въ Ліонъ, увѣнчанный титуломъ президента итальянской республики и ореоломъ безграничной популярности, возбуждавшимъ въ департаментахъ больше восторга, чѣмъ въ Парижѣ,—онъ чувствовалъ себя уже достаточно сильнымъ, чтобы нанести смертельный ударъ вождямъ обоихъ мнимо-представительныхъ собраній. Приближался срокъ предписаннаго конституціей обновленія одной пятой состава трибуната и Законодательнаго корпуса. Вмѣсто того, чтобы жребіемъ опредѣлить, кто изъ ихъ членовъ долженъ выступить, первый консулъ—говорятъ, по внушенію Камбасереса—приказалъ сенату представить списокъ тѣхъ членовъ того и другого собранія, которые остаются въ должности. И дѣйствительно, сенатскимъ постановленіемъ отъ 27-го вантоза X года были отобраны 240 членовъ Законодательнаго корпуса и 80 членовъ трибуната, не подлежавшіе переизбранію, и такимъ путемъ устранены всѣ вожди оппозиціи, въ томъ числѣ трибуны Дону, Бэллейль, Инаръ, Тибо и — что было особенно важно—Бенжаменъ Констанъ, уже начавшій выдвигаться какъ ораторъ и тактикъ. Ихъ замѣнили болѣе сговорчивыми людьми; однако при этой же перетасовкѣ вступилъ въ трибунатъ Карно. Послѣ такой очистки оба собранія сдѣлались вполнѣ покорными; но и теперь, какъ сейчасъ будетъ видно, они сохраняли еще нѣкоторую независимость.

III. Пожизненное консульство.

Сопротивленіе трибуната и сената установленію пожизненнаго консульства.—Заключеніе конкордата и Амьенскаго мира, равно какъ и необычайные военные и дипломатическіе успѣхи Бонапарта подготовили общество къ антилиберальнымъ перемѣнамъ въ конституціи, уже и безъ того мало либеральной, но по крайней мѣрѣ ограничивавшей власть перваго консула десятилѣтнимъ срокомъ. Люди, близко стоявшіе къ Бонапарту, видѣли, что, если эти перемѣны не будутъ произведены добровольно, онъ сумѣетъ силою добиться ихъ. Второй консулъ, Камбасересъ, далъ понять трибунату, что слѣдовало бы по случаю заключенія Амьенскаго мира чѣмъ-нибудь наградить Бонапарта отъ лица всей націи. Трибунатъ сдѣлалъ соотвѣтственное постановленіе (16-го флореаля X года), но депутація, посланная имъ по этому поводу къ Бонапарту, заявила, что рѣчь идетъ о чисто-почетной наградѣ. Между тѣмъ титулъ миротворца или отца народа не могъ удовлетворить честолюбія перваго консула. Онъ обратился къ сенату, на усмотрѣніе котораго была передана резолюція трибуната, и сенаторовъ по одиночкѣ упрашивали поднести Бонапарту титулъ пожизненнаго консула. У нихъ хватило мужества отказать въ этомъ, и они ограничились постановленіемъ отъ 18-го флореаля, которымъ Бонапартъ заранѣе избирался въ первые консулы на новый десятилѣтній срокъ. Бонапартъ скрылъ свою досаду, написалъ сенату, что хочетъ освѣдомиться у народа, долженъ ли онъ принять на себя ту „жертву“, которая возлагается на него вторичнымъ избраніемъ, и уѣхалъ въ Мальмезонъ, чтобы дать свободу своему товарищу, Камбасересу, работавшему въ его интересахъ съ ловкимъ и смѣлымъ усердіемъ. Въ виду письма перваго консула, Камбасересъ созвалъ Государственный совѣтъ (20-го флореаля), чтобы установить, какимъ образомъ и о чемъ долженъ быть опрошенъ народъ. Биго де Преаменэ предложилъ „не стѣснять изъявленіе народной воли рамками сенатскаго рѣшенія“. Редереръ заявилъ, что въ интересахъ той самой „прочности“ правительства, которую сенатъ выразилъ намѣреніе обезпечить, необходимо предложить народу два вопроса: долженъ ли первый консулъ быть утвержденъ въ этомъ званіи пожизненно, и предоставляется ли ему право назначить себѣ преемника. Рѣшено было не формулировать плебисцита въ особомъ законѣ, и Государственный совѣтъ, вопреки сопротивленію меньшинства, принялъ проектъ Редерера. По возвращеніи Бонапартъ сдѣлалъ видъ, что крайне недоволенъ, сердился на Редерера, письменно извинявшагося передъ нимъ, собирался отмѣнить постановленіе и въ концѣ-концовъ утвердилъ его, выбросивъ лишь параграфъ о правѣ назначенія себѣ преемника. Такимъ образомъ плебисцитъ былъ рѣшенъ на основаніи простого заключенія Государственнаго совѣта, и такъ какъ въ конституціи не было и намека на такой способъ, то это былъ настоящій государственный переворотъ. Правительство ограничилось тѣмъ, что сообщило о своемъ рѣшеніи сенату, Законодательному корпусу и трибунату, совсѣмъ не спрашивая ихъ мнѣнія. Сенатъ, взбѣшенный этимъ произволомъ, избралъ комиссію для выработки плана дѣйствій; но эта комиссія заявила (27 флореаля), что „въ данную минуту“ ничего нельзя сдѣлать. Трибунатъ и Законодательный корпусъ подчинились совершившемуся факту. Въ спискахъ, куда заносились личные вотумы членовъ этихъ двухъ коллегій объ установленіи пожизненнаго консульства (эти списки до сихъ поръ не найдены), оказалось, по словамъ Форіеля, лишь четыре отрицательныхъ голоса— одинъ въ трибунатѣ (голосъ Карно) и

три въ Законодательномъ корпусѣ. Но представляя первому консулу результаты этого голосованія (24 флореаля), Законодательный корпусъ выразилъ саркастическое пожеланіе, чтобы онъ правилъ посредствомъ свободы, а рѣчь представителя трибуната, Шабо (отъ Алье), представляла собою косвенную, но жгучую сатиру на честолюбіе Бонапарта.

Плебисцитъ о пожизненномъ консульствѣ.— Этотъ плебисцитъ, какъ и предшествовавшій, былъ произведенъ путемъ открытой подачи голосовъ. Печальная честь подсчета его результатовъ выпала на долю сената. 14-го термидора X года (2 августа 1802 г.) было объявлено, что за пожизненное консульство подано 3.568.885 голосовъ, противъ 8.374; сенатъ издалъ слѣдующій декретъ: „Пунктъ 1-й. Французскій народъ назначаетъ и сенатъ провозглашаетъ Наполеона Бонапарта пожизненно первымъ консуломъ.—Пунктъ 2-й. Имѣетъ быть воздвигнута статуя мира съ побѣднымъ лавромъ въ одной рукѣ и воспроизведеніемъ настоящаго декрета въ другой, долженствующая засвидѣтельствовать предъ лицомъ потомства признательность націи.—Пунктъ 3-й. Сенатъ имѣетъ передать первому консулу выраженіе чувствъ довѣрія, любви и удивленія, одушевляющихъ французскій народъ". На этотъ разъ положительное большинство было на полмилліона голосовъ больше, чѣмъ въ VIII году, и это обстоятельство нельзя объяснить однимъ только давленіемъ со стороны префектовъ: оно объясняется, безъ сомнѣнія, прежде всего тѣмъ, что народъ былъ глубоко обрадованъ Амьенскимъ миромъ, который, казалось, навсегда завершилъ кровавый періодъ десятилѣтней войны. Съ другой стороны, многіе роялисты, воздержавшіеся отъ голосованія въ VIII году, на этотъ разъ вотировали за Бонапарта въ благодарность за сенатскій указъ отъ 6 флореаля X года, даровавшій условную амнистію эмигрантамъ [1]), а также потому, что учрежденіе пожизненнаго консульства казалось, вело къ возстановленію если не Бурбоновъ, то по крайней мѣрѣ монархическихъ формъ правленія. Въ этотъ моментъ множество роялистовъ складываетъ оружіе и примиряется съ новымъ порядкомъ, къ великому огорченію Людовика XVIII, отъ котораго Бонапартъ тщетно пытается добиться отреченія. Притомъ, ультрамонтанское духовенство, осчастливленное конкордатомъ, было превосходнымъ выборнымъ агентомъ. Такимъ образомъ большинство, высказавшееся за пожизненное консульство, вышло, повидимому, изъ праваго лагеря. На этотъ разъ большинство участниковъ революціи воздержались отъ голосованія, и въ парижскихъ спискахъ мы не находимъ ни одного изъ тѣхъ бывшихъ членовъ Конституанты и Конвента, ученыхъ, членовъ Института, дѣятелей 89 или 93 годовъ, которые подали голоса за конституцію VIII года. Что касается 8.374 гражданъ, вотировавшихъ противъ, то по нынѣшнимъ выборнымъ нравамъ и при тайномъ голосованіи это число было бы незначительно; но оно было велико для той эпохи, при открытомъ голосованіи и въ сравненіи съ 1.500 вотировавшихъ противъ при плебисцитѣ VIII года. Бо́льшая часть этихъ отрицательныхъ голосовъ была подана въ арміи. На 300 голосовъ, поданныхъ гарнизономъ Аяччіо, отрицательныхъ оказалось (по свидѣтельству Міо де Мелито) 66, а въ одной ротѣ, состоявшей изъ 50 человѣкъ, нашлось 38 противниковъ пожизненнаго консульства. Большого шума надѣлалъ отрица-

[1]) Изъ этой амнистіи были изъяты вожди роялистскаго ополченія, руководители гражданской войны и пр. Остальнымъ эмигрантамъ даровано было полное прощеніе, но подъ условіемъ, чтобы они вернулись во Францію до 1-го вандемьера XI года (23 сентября 1802 г.) и дали присягу на вѣрность республикѣ. Они должны были получить назадъ и свое имущество, поскольку оно еще не было отчуждено.

тельный вотумъ Лафайета. Онъ послалъ его Бонапарту при письмѣ, гдѣ говорилъ, что *18-е брюмера спасло Францію*, что диктатура была *ея исцѣленіемъ*, но что онъ не хочетъ подъ конецъ увѣнчать революцію установленіемъ *самовластія*. Плебисцитъ о пожизненномъ консульствѣ знаменуетъ собою разрывъ Бонапарта съ людьми 89 года, съ тѣми *идеологами*, которые такъ довѣрчиво помогли ему низвергнуть конституцію III года и которые, по мѣткому слову одного члена Конвента, сохраненному г-жею Сталь, обманувшись въ своихъ надеждахъ добыть свободу отъ законовъ, возмечтали получить ее отъ одного человѣка.

Конституція X года.—Какъ только Бонапартъ убѣдился, что пожизненное консульство обезпечено за нимъ, онъ рѣшилъ добиться и того, отъ чего раньше отказался,—именно права назначить себѣ преемника. Для этого надо было внести коренное измѣненіе въ конституцію VIII года, и онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы передѣлать всю конституцію такъ основательно, что получилась почти новая конституція, часто называемая историками *конституціей X года*, хотя актъ отъ 16 термидора X года (4 августа 1802), санкціонировавшій измѣнія, носитъ названіе „сенатскаго указа, входящаго въ составъ конституціи“. Этотъ указъ былъ вполнѣ произведеніемъ самого Бонапарта, который продиктовалъ его своему секретарю Буріенну и затѣмъ собственноручно исправилъ (Редереръ видѣлъ и скопировалъ этотъ документъ). Насильно проведенный чрезъ Государственный совѣтъ, который принужденъ былъ вотировать его почти безъ преній, этотъ актъ былъ затѣмъ представленъ сенату, противозаконно обращенному для этой цѣли въ учредительный корпусъ. Сенатъ, терроризованный популярностью Бонапарта и, какъ говорятъ, окруженный гренадерами, не допустилъ преній, голосовалъ посредствомъ *да* и *нѣтъ* и принялъ проектъ „абсолютнымъ большинствомъ“.

Если эта новая конституція, по счету пятая съ 1789 года, фактически разрушила республику, сохранивъ лишь ея имя и нѣкоторыя изъ ея формъ, то все же не слѣдуетъ думать, что она прямо и непосредственно организовала диктатуру; а если она и сдѣлала это, то лишь съ крупными уступками настроенію общества.

Вотъ что пріобрѣлъ чрезъ нее Бонапартъ въ смыслѣ усиленія своего могущества.—Прежде всего онъ упрочилъ свое положеніе, присвоивъ себѣ какъ бы наслѣдственную власть: первому консулу дано было право представить сенату того гражданина, который долженъ былъ наслѣдовать ему послѣ смерти; если-бы сенатъ отвергъ этого кандидата, первый консулъ долженъ былъ указать другого и затѣмъ третьяго, который уже непремѣнно становится его преемникомъ. Бонапартъ проявилъ даже извѣстную скромность, обставивъ кое-какими ограниченіями свое право назначить себѣ преемника, тогда какъ многія тысячи избирателей при плебисцитѣ о пожизненномъ консульствѣ добровольно приписали вслѣдъ за своимъ *oui* слова: *съ правомъ избрать себѣ преемника*. Сенатъ былъ лишенъ всякой независимости; онъ долженъ былъ по прежнему замѣщать своихъ выбывающихъ членовъ путемъ кооптаціи, но уже изъ числа трехъ кандидатовъ, указываемыхъ первымъ консуломъ и избираемыхъ имъ по списку, представленному департаментскими коллегіями. Какъ разъ въ данную минуту было 14 вакансій, такъ какъ сенатъ все еще заключалъ въ себѣ 66 членовъ вмѣсто требуемыхъ конституціей 80. Сверхъ того, первый консулъ былъ уполномоченъ назначить собственною властью еще 40 сенаторовъ и тѣмъ довести число членовъ сената до 120. Такимъ образомъ ему заранѣе было обезпечено большинство. Наконецъ, онъ же и предсѣдательствовалъ въ сенатѣ лично

или чрезъ посредство второго или третьяго консуловъ. Поставивъ сенатъ въ такую полную зависимость отъ себя, Бонапартъ въ то же время расширилъ его компетенцію: отнынѣ сенатъ уже не только истолковываетъ конституцію, но и устанавливаетъ „все, что не предусмотрѣно конституціей и что необходимо для ея правильнаго дѣйствія“. Ему предоставлено право распускать Законодательный корпусъ и трибунатъ. Онъ—всемогущъ, но лишь чрезъ и для Бонапарта.—Государственный совѣтъ не безъ сопротивленія утвердилъ деспотическія мѣры, принятыя безъ его спроса; возможность такой оппозиціи въ будущемъ была предупреждена учрежденіемъ *тайнаго совѣта*, члены котораго назначаются первымъ консуломъ и который подготовляетъ проекты органическихъ сенатскихъ указовъ. Число членовъ трибуната должно было съ XIII года сократиться до 50. Народъ утратилъ и послѣднюю крупицу принадлежавшаго ему ранѣе права прямого избранія, которая уцѣлѣла въ конституціи VIII года: избиратели теперь уже не выбирали мировыхъ судей, а лишь указывали двухъ кандидатовъ на каждую такую вакансію. Первому консулу было предоставлено право ратифицировать мирные и союзные договоры на основаніи простого заключенія тайнаго совѣта, безъ всякаго участія трибуната и Законодательнаго корпуса. Для обнародованія этихъ договоровъ не требовалось ничего болѣе, какъ чтобы онъ „довелъ ихъ до свѣдѣнія сената“. Наконецъ ему предоставлено было королевское право помилованія.

А вотъ уступки, которыя сдѣлалъ Бонапартъ взамѣнъ этихъ выгодъ. То обстоятельство, что второй и третій консулы стали, подобно ему, пожизненными консулами, прошло почти незамѣченнымъ. Но живѣйшимъ сочувствіемъ встрѣчены были тѣ мѣры, которыми до извѣстной степени возстановлялось функціонированіе народнаго суверенитета. Система избранія „излюбленныхъ людей“ была упразднена, и вмѣсто нѣсколькихъ сотъ или тысячъ кандидатовъ на государственныя должности избиратели указываютъ теперь для каждой должности лишь по два кандидата, выборъ между которыми дѣлается сенатомъ или исполнительною властью. Съ этой цѣлью учреждены были *кантональныя собранія, окружныя избирательныя коллегіи и департаментскія избирательныя коллегіи*. Кантональныя собранія, состоящія изъ всѣхъ гражданъ, избираютъ двухъ кандидатовъ на должность мировыхъ судей, а въ городахъ съ населеніемъ не меньше 5.000 чел.—еще и по два кандидата на каждое мѣсто въ муниципальномъ совѣтѣ (обновляемомъ наполовину каждыя десять лѣтъ) изъ числа „ста крупнѣйшихъ податныхъ плательщиковъ кантона“. Наконецъ, кантональныя собранія выбираютъ членовъ окружной избирательной коллегіи,—при чемъ право быть избираемымъ въ это званіе не ограничено никакимъ цензомъ,—и членовъ департаментской избирательной коллегіи, но уже только изъ среды 600 крупнѣйшихъ плательщиковъ (такимъ образомъ, по новой конституціи, демократическій строй былъ введенъ въ рамки цензитарной системы). Окружныя коллегіи должны насчитывать не менѣе 120 и не болѣе 200 членовъ, департаментскія—не менѣе 200 и не болѣе 300. Первый консулъ въ правѣ назначать сверхъ комплекта 10 членовъ въ окружную, 20 въ департаментскую коллегію. Члены обѣихъ коллегій назначаются пожизненно, и выборы для замѣщенія образующихся вслѣдствіе смерти вакансій могутъ быть произведены лишь по опростаніи двухъ третей мѣстъ, благодаря чему первыми выборами, произведенными подъ благопріятнымъ впечатлѣніемъ Амьенскаго мира, обслужена была вся эпоха консульства и имперіи. Окружныя коллегіи представляютъ по два кандидата на каждую вакансію въ окружномъ

Факсимиле письма Наполеона I къ его супругѣ Жозефинѣ.

ТРАНСКРИПЦІЯ.

Martigny, le 28 floréal an 8 de la République.

Je suis ici depuis trois jours au milieu de Valais ef des alpes dans un couvent de bernardin. l'on ny voit jamais le soleil juge si lon y est agreablement j'aime bien de te voir gronder toi qui es a paris au milieu des plaisirs et de bonne compagnie.

l'armée file en italie nous sommes a aost mais le St. bernard offre bien de difficultes a vaincre.

je t'ai écrit souvent quant a mlle hortence quand elle sera grande dame on lui ecrira aujourdhui elle est trop petite l'on necrit pas aux enfants.

cette pauvre mad lucai est donc morte! elle a bien souffert. Son mari doit etre bien triste. Je le plains!! perdre sa femme cest perdu si non la gloire au moins le bonheur.

Mille choses aimables a hortence et mille douceurs a ma josephine.

B.

На оборотѣ: a Madame Bonaparte

ПЕРЕВОДЪ.

Мартиньи, 28 флореаля VIII года республики.

Вотъ уже три дня, какъ я нахожусь въ Валэ, посреди Альповъ, въ бернардинскомъ монастырѣ. Здѣсь никогда не видно солнца—подумай, какъ это пріятно; мнѣ нравится, что ты еще ропщешь, находясь въ Парижѣ, посреди удовольствій и пріятнаго общества.

Армія тянется въ Италію. Мы въ Аостѣ, но Сенъ-Бернаръ очень трудно одолѣть.

Тебѣ я пишу часто, что же касается Гортензіи, то ей будутъ писать, когда она станетъ взрослой дамой. Теперь она слишкомъ мала, дѣтямъ не пишутъ.

Итакъ, бѣдная мадамъ Люкэ умерла! Она столько страдала. Мужъ ея, вѣрно, сильно грустить. Жаль мнѣ его! Потерять жену значитъ лишиться если не славы, то по малой мѣрѣ счастья.

Тысяча нѣжностей Гортензіи и тысяча ласкъ моей Жозефинѣ.

Б.

На оборотѣ: Госпожѣ Бонапартъ.

Martigny ~~Paris~~, le 28 floréal an 8 de la République

Je suis ici depuis trois jours au milieu du Valais [illegible]

[illegible]

совѣтѣ и по два въ число кандидатовъ, изъ которыхъ выбираются члены трибуната. Департаментскія коллегіи такимъ же порядкомъ назначаютъ кандидатовъ въ генеральный совѣтъ и участвуютъ въ составленіи списка кандидатовъ, изъ которыхъ выбираются члены сената. Какъ окружныя, такъ и департаментскія коллегіи выбираютъ каждая по два кандидата въ члены Законодательнаго корпуса. Такимъ образомъ снова существовали избиратели и выборы: общество было такъ довольно этимъ возвращеніемъ къ принципамъ и пріемамъ революціи, что безъ противодѣйствія приняло и тѣ ограниченія, которыя сводили къ нулю это выборное право, и расширеніе личной власти Бонапарта, узаконеное остальными статьями сенатскаго указа.

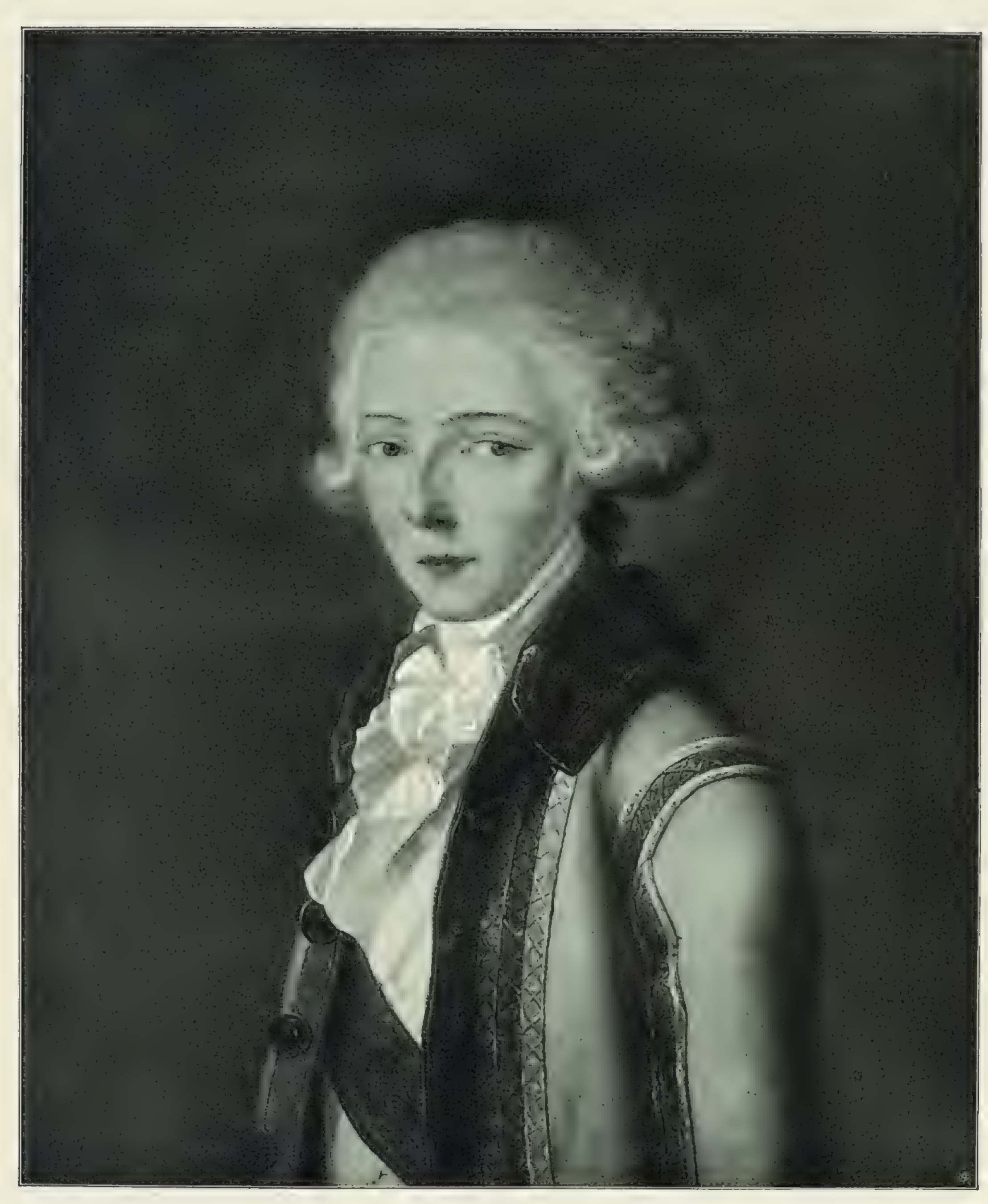
Консульскій дворъ. — Ставъ пожизненненнымъ консуломъ, Бонапартъ болѣе не считалъ нужнымъ разыгривать изъ себя президента республики на американскій ладъ, какимъ держалъ себя до сихъ поръ. Въ сенатскомъ указѣ, даровавшемъ ему пожизненное консульство, онъ былъ названъ уже не „гражданиномъ Бонапартомъ“, а „Наполеономъ Бонапартомъ“; такъ вынырнуло изъ мрака это звучное имя, которому суждено было стать именемъ императора. Началась раболѣпная лесть: *Jornal des défenseurs de la patrie* съ важностью разъяснялъ, что имя *Наполеонъ* по своимъ греческимъ корнямъ означаетъ *Львиная долина*. Министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ отъ 16 термидора X года предложилъ префектамъ праздновать 27-го термидора (15 августа) день рожденія перваго консула. Въ этотъ день въ Парижѣ была блестящая иллюминація и всюду красовались иниціалы *N.B.* На Новомъ мосту была воздвигнута та статуя мира, которая, по мысли сената, должна была служить совѣтомъ и предостереженіемъ; но она оставалась здѣсь лишь одинъ день. Бонапартъ тотчасъ потребовалъ себѣ цивильный листъ въ шесть милліоновъ, который министръ финансовъ Годэнъ внесъ въ бюджетъ XI года (вмѣсто 500.000 франковъ, составлявшихъ жалованье перваго консула по конституціи VIII года). Квартира Бонапарта въ Тюильри, вначалѣ довольно скромная, со времени побѣды при Маренго и особенно послѣ заключенія мира обставляется пышно, по-царски. Были учреждены должности коменданта дворца (Дюрокъ) и четырехъ префектовъ дворца. Четыре дамы были назначены состоять при особѣ г-жи Бонапартъ, именно г-жи Люсей, Лористонъ, Талуэ и Ремюза́. Этотъ дворъ, вначалѣ чисто-военный и неотесанный, постепенно измѣнился подъ вліяніемъ Жозефины, да и по волѣ Бонапарта, желавшаго, чтобы его обстановка не носила ни исключительно-военнаго, ни исключительно-штатскаго характера. Одѣвались здѣсь сначала по старо-французской модѣ—въ сапогахъ и съ саблей. Но на парадѣ 14 іюля 1802 года Бонапартъ появился въ костюмѣ изъ краснаго ліонскаго шелка безъ манжетъ и съ чернымъ галстукомъ. По введеніи пожизненнаго консульства сабля и сапоги были вытѣснены шпагой и шелковыми чулками. На костюмѣ люди стали дѣлать карьеру. Кто хотѣлъ угодить первому консулу, тотъ носилъ сѣтку на волосахъ и пудрился, какъ дѣлалъ, напримѣръ, министръ финансовъ Годэнъ. Самъ Бонапартъ не пудрился и носилъ волосы открытыми, какъ раньше; но своимъ приближеннымъ онъ старался навязать всѣ эти мишурныя поддѣлки подъ старый порядокъ, вообще все, что могло превратить его сановниковъ и генераловъ въ придворныхъ, разъединенныхъ завистью и занятыхъ пустяками. Характерной чертой этого новаго двора и его главнымъ отличіемъ отъ стараго было то, что хотя женщины и составляли его украшеніе, но онѣ не имѣли въ немъ ни малѣйшаго политическаго вліянія или являлись лишь орудіями политики Бонапарта, который

одинъ властвовалъ въ своемъ дворцѣ, какъ и во всей Франціи.

Почетный легіонъ.—Изъ мѣръ, осуществленныхъ Бонапартомъ въ эпоху консульства, наиболѣе монархическою послѣ конкордата казалось современникамъ учрежденіе *Почетнаго легіона* (29 флореаля X года). Этотъ легіонъ, шефомъ котораго является первый консулъ, состоитъ изъ *главнаго распорядительнаго совѣта* и пятнадцати *когортъ*; въ каждой когортѣ семь *оберъ-офицеровъ* съ жалованьемъ въ 5.000 франковъ, двадцать *майоровъ* съ жалованьемъ въ 2.000 фр., тридцать *офицеровъ* съ жалованьемъ въ 1.000 фр. и 350 *легіонеровъ,* съ жалованьемъ въ 250 фр., всѣ—пожизненные. Каждой когортѣ было присвоено „національныхъ имуществъ на сумму дохода въ 200.000 фр.". Каждая когорта должна была имѣть свою богадѣльню для призрѣнія немощныхъ легіонеровъ. Члены Почетнаго легіона должны были назначаться главнымъ распорядительнымъ совѣтомъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ первый консулъ, изъ числа военныхъ, „оказавшихъ наибольшія услуги государству въ войнѣ за свободу" (получившіе почетную шпагу по праву входили въ составъ легіона), и изъ числа гражданъ, которые своими знаніями, талантами и добродѣтелями содѣйствовали установленію и защитѣ республиканскихъ началъ либо стяжали любовь и уваженіе суду или общественному управленію". Каждый гражданинъ, избранный въ Почетный легіонъ, долженъ былъ „честью поклясться, что посвятитъ свои силы на служеніе республикѣ, на охраненіе цѣлости ея территоріи, на защиту правительства, законовъ и освященной ими собственности, что будетъ всѣми средствами въ предѣлахъ справедливости, разума и законовъ противодѣйствовать всякой попыткѣ, направленной къ возстановленію феодальнаго строя и связанныхъ съ нимъ привилегій и титуловъ; наконецъ, что всѣми силами будетъ содѣйствовать сохраненію свободы и равенства". Несмотря на республиканскій видъ этой присяги, проектъ учрежденія Почетнаго легіона встрѣтилъ сильное противодѣйствіе въ Государственномъ совѣтѣ. Въ трибунатѣ ораторы съ горечью критиковали проектъ за его антиреволюціонный характеръ. Онъ прошелъ здѣсь лишь большинствомъ 56 голосовъ противъ 38, а въ Законодательномъ корпусѣ—170 голосами противъ 110.

Личное правленіе Бонапарта.—Внутреннюю исторію консульства за время 1802—1804 гг. можно резюмировать въ трехъ словахъ: личное правленіе Бонапарта. Съ той минуты, какъ расторгнутъ былъ Амьенскій миръ, общественное мнѣніе, всѣ органы котораго находились въ рукахъ перваго консула, было, повидимому, всецѣло поглощено войною съ Англіей, происшествіями въ булонскомъ лагерѣ и мечтами о военныхъ лаврахъ. Внутри страны всѣ оппозиціонные элементы смиряются или скрываются на время. Г-жа Сталь, чей салонъ былъ средоточіемъ либеральной оппозиціи, подвергается изгнанію. Бывшій якобинецъ Фуше, котораго Бонапартъ подозрѣваетъ въ заигрываніи со всѣми партіями, долженъ покинуть постъ министра полиціи и становится сенаторомъ.

Но, если вся Франція безмолвствуетъ, еще есть республиканцы, которые не въ силахъ примириться съ деспотизмомъ, хотя бы онъ чрезъ посредство искусной администраціи и вернулъ странѣ благосостояніе. Наибольшее число противниковъ Бонапартъ встрѣтилъ въ арміи. Моро не участвовалъ въ заговорахъ, но самый фактъ, что этотъ знаменитый республиканскій генералъ живетъ въ отставкѣ и независимости, являлся протестомъ противъ диктатора. Бернадоттъ, главнокомандующій западной арміи, не скрывалъ своего недовольства. Правда ли, что онъ организовалъ въ Реннѣ заговоръ противъ перваго консула? Во вся-

Ш. Раухъ.

Герцогъ Ангіенскій.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

комъ случаѣ начальникъ его штаба Симонъ и его адъютантъ Морбо были арестованы. Было раскрыто и еще нѣсколько военныхъ заговоровъ, имѣвшихъ цѣлью покончить съ первымъ консуломъ путемъ ли убійства или принудительной дуэли. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ тотъ, въ которомъ приняли участіе генералы Донадье и Дельма, полковникъ Фурнье и другіе офицеры. Дельма спасся, а остальные были арестованы. Но Бонапартъ старался скрыть отъ общества всѣ эти покушенія, которыя дѣйствительно стали извѣстны лишь позднѣе. Европа могла думать, что молчаніе Франціи свидѣтельствуетъ о всеобщемъ и безусловномъ одобреніи народомъ политики геніальнаго человѣка, смѣло прокладывавшаго себѣ путь къ престолу. Законодательный корпусъ и трибунатъ, лишенные всякой силы, безъ сопротивленія вотировали какъ бюджетъ, такъ и рекрутскіе наборы, вызванные возобновленіемъ войны, а сессіи XI и XII годовъ были безъ всякихъ громкихъ инцидентовъ посвящены обсужденію и вотированію такихъ, напримѣръ, законовъ, какъ регламентація врачебнаго дѣла, организація нотаріата, учрежденіе совѣщательныхъ палатъ по дѣламъ фабричнаго производства, искусствъ и ремеслъ, упорядоченіе лѣсного вѣдомства, основаніе школъ правовѣдѣнія и выработка гражданскаго уложенія, которая и была теперь закончена. Безслѣдно исчезла оппозиція и въ сенатѣ, который Бонапартъ задобрилъ учрежденіемъ (14 нивоза XII) года *сенаторствъ*, „по одному на каждый округъ апелляціоннаго суда". Каждому сенаторству былъ „присвоенъ домъ и годовой доходъ изъ національнаго имущества въ суммѣ 25.000 фр.", при чемъ единственной обязанностью сенатора было проживать въ данномъ мѣстѣ не менѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Эти доходныя синекуры раздавались первымъ консуломъ по его выбору изъ числа трехъ сенаторовъ, указываемыхъ сенатомъ. Съ этого времени преданность сената превращается въ рачительное усердіе. Въ угоду Бонапарту онъ согласился еще болѣе ограничить и безъ того ничтожныя прерогативы Законодательнаго корпуса: сенатскимъ указомъ отъ 28 фримера XII года (20 декабря 1803) Законодательный корпусъ лишенъ былъ права избирать себѣ президента; отнынѣ онъ могъ только представлять пять кандидатовъ на этотъ постъ, выборъ между которыми дѣлался первымъ консуломъ. Бонапартъ избралъ Фонтана. 3 жерминаля XII года Законодательный корпусъ постановилъ воздвигнуть въ залѣ своихъ засѣданій статую Бонапарта изъ бѣлаго мрамора.

Кадудаль; Пишегрю и Моро; герцогъ Ангіенскій. — Эмигранты, группировавшіеся въ Англіи вокругъ графа Артуа, герцога Беррійскаго и принца Кондэ, собирались послѣ расторженія Амьенскаго договора составить заговоръ противъ личности Бонапарта. Пишегрю былъ заодно съ ними, и они пытались помирить его съ Моро. Консульская полиція принимала живое участіе въ этомъ предпріятіи, съ цѣлью погубить побѣдителя при Гогенлинденѣ, единственнаго соперника Бонапарта въ отношеніи военной славы. Моро согласился помириться съ Пишегрю, но отказывался примкнуть къ заговору; тѣмъ не менѣе заговоръ былъ составленъ, именно по наущенію одного изъ агентовъ французскаго правительства, Мегэ де Лятушъ. Генералъ Лажолэ, другъ Пишегрю, увѣрилъ эмигрантовъ, что Моро вступилъ въ ряды роялистовъ. Жоржъ Кадудаль и нѣсколько шуанскихъ вождей тайно прибыли въ Парижъ; они надѣялись вызвать при содѣйствіи Моро военный мятежъ въ самой столицѣ. Убѣдившись въ неосуществимости этого плана, они рѣшили напасть на перваго консула на улицѣ съ отрядомъ, количественно равнымъ его стражѣ. Пишегрю, маркизъ Ривьеръ и оба Полиньяка присоединились къ Кадудалю (январь 1804); графъ Артуа и гер-

цогъ Беррійскій должны были высадиться во Франціи въ случаѣ удачи покушенія. Консульская полиція все знала и до времени не мѣшала заговорщикамъ. Бонапартъ надѣялся, что Моро наконецъ скомпрометтируетъ себя; онъ думалъ также довести дѣло до того, чтобы графъ Артуа явился во Францію, т.-е. выдалъ себя. Наконецъ рѣшено было арестовать и допросить нѣсколькихъ шуановъ, участвовавшихъ въ заговорѣ. Одинъ изъ нихъ, Бувэ де Лозье, показалъ, что они разсчитывали на Моро, но что Моро отказался помогать имъ. Несмотря на то, что это показаніе обѣляло Моро, Бонапартъ не медля велѣлъ арестовать его (15 февраля 1804), какъ соумышленника готовившихъ злодѣйское покушеніе шуановъ, и въ своихъ газетахъ осыпалъ его клеветами. Пишегрю также былъ арестованъ нѣсколько дней спустя, равно какъ и Кадудаль, оба Полиньяка и маркизъ Ривьеръ. Графъ Артуа и герцогъ Беррійскій не пріѣхали во Францію, и Бонапартъ, лишенный возможности овладѣть ими, обратилъ свою месть на другого Бурбона, уже совершенно непричастнаго заговору, — на герцога Ангіенскаго, который уже два года жилъ въ Эттенгеймѣ, на баденской территоріи: драгунскій отрядъ, незаконно вторгшись въ предѣлы Бадена, взялъ въ плѣнъ молодого герцога (15 марта 1804). Его бумаги съ полной очевидностью обнаружили его невинность въ дѣлѣ о покушеніи на жизнь Бонапарта; несмотря на это, онъ былъ приговоренъ къ смерти комиссіей, составленной изъ полковниковъ парижскаго гарнизона, и тотчасъ разстрѣлянъ во рву Венсеннскаго замка (21 марта). Это убійство вызвало во всей Европѣ ужасъ и отвращеніе. Вскорѣ затѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ (апрѣль 1804), что генералъ Пишегрю удавился въ тюрьмѣ, и никто не повѣрилъ, чтобы онъ дѣйствительно самъ покончилъ съ собою. Многіе современники утверждаютъ, что смерть Пишегрю была дѣломъ рукъ Бонапарта, который боялся впечатлѣнія, какое могла произвести его публичная защита въ предстоявшемъ процессѣ.

Установленіе имперіи. — Открытіе заговора Жоржа Кадудаля вызвало такой взрывъ лести по отношенію къ Бонапарту, что онъ рѣшилъ воспользоваться этой минутой для достиженія высшей цѣли, какую ставило ему его честолюбіе. Въ нѣсколькихъ болѣе или менѣе добровольныхъ адресахъ было выражено пожеланіе, чтобы консульство стало наслѣдственнымъ въ семьѣ Бонапарта. 6 жерминаля XII года (27 марта 1804) сенатъ, по предложенію Фушэ, обратился съ просьбою къ „великому человѣку“, чтобы онъ теперь же „увѣнчалъ свой подвигъ, сравнявъ его въ безсмертіи со своей славою“, т.-е. чтобы сдѣлалъ свою власть наслѣдственной. Но слово *имперія* при этомъ не было произнесено, и пожеланіе сената оставалось неяснымъ. Государственный совѣтъ, которому былъ сдѣланъ запросъ по поводу ходатайства сената, посвятилъ дебатамъ четыре засѣданія, но ни на чемъ не согласился; семь совѣтниковъ высказались даже за отсрочку вопроса. Напрасно Люсьенъ Бонапартъ грозилъ колебавшимся (а колебались почти всѣ) обратиться къ арміи, которая де единодушно провозгласитъ перваго консула императоромъ; самъ Камбасересъ боялся имперіи. Интриги и колебанія заняли нѣсколько недѣль, и только 23 апрѣля 1804 г. одинъ членъ трибуната, по имени Кюрэ, внесъ предложеніе о томъ, „чтобы Наполеонъ Бонапартъ, нынѣ первый консулъ, былъ провозглашенъ французскимъ императоромъ и чтобы императорское достоинство было объявлено наслѣдственнымъ въ его фамиліи“. Тогда Бонапартъ пригласилъ сенатъ „сообщить ему свою мысль въ полномъ объемѣ“. Сенатъ избралъ комиссію, которая стала выжидать рѣшенія трибуната. Послѣдній 10 флореаля началъ обсуждать предложеніе Кюрэ; оно было поддержано всѣми ораторами, кромѣ

Карно, который объявилъ „искусственнымъ“ движенiе въ пользу „наслѣдственной монархiи“, такъ какъ печать не свободна, и, не отрицая, что 18-ое брюмера и диктатура „спасли государство отъ неминуемой гибели“, тѣмъ не менѣе утверждалъ, что диктатурѣ долженъ быть положенъ конецъ: „Неужели,—говорилъ онъ,—свободу показали человѣку для того, чтобы онъ никогда не могъ пользоваться ею! Неужели его безпрестанно манили ею какъ запретнымъ плодомъ, къ которому нельзя и протянуть руку подъ страхомъ смерти? Значитъ, природа, вложившая въ насъ такое непреодолимое влеченiе къ свободѣ, поступила съ нами какъ злая мачеха? Нѣтъ, я не могу видѣть простой обманъ въ этомъ благѣ, которое всюду и всегда предпочитается всѣмъ прочимъ, безъ котораго всѣ прочiя блага обращаются въ ничто: мое сердце говоритъ мнѣ, что свобода возможна, что строй, основанный на ней, непринужденъ и что онъ прочнѣе всякой произвольной власти, всякой олигархiи“. Тѣмъ не менѣе онъ изъявилъ готовность подчиниться тѣмъ мѣрамъ, противъ которыхъ онъ возражалъ (11 февраля). Этотъ умѣренный и въ общемъ лестный для Бонапарта протестъ прошелъ безслѣднымъ въ трибунатѣ. Была избрана комиссiя, отъ имени которой бывшiй членъ Конвента Жаръ-Панвилье представилъ 13 флореаля XII года (3 мая 1804) докладъ въ благопрiятномъ смыслѣ, приблизительно такого содержанiя: „Общимъ голосомъ выражено желанiе, чтобы власть была сосредоточена въ рукахъ одного лица и сдѣлана наслѣдственною. Францiя въ правѣ ожидать отъ семьи Бонапартъ, болѣе чѣмъ отъ какой-либо другой, сохраненiя правъ и свободы избирающаго ее народа и созданiя такихъ учрежденiй, которыя могутъ гарантировать эту свободу. Эта династiя настолько же заинтересована въ упроченiи всѣхъ благъ, добытыхъ революцiей, какъ старая — въ ихъ уничтоженiи“. Въ виду этого трибунатъ постановилъ рѣшенiе, согласное съ предложенiемъ Кюрэ, и сообщилъ его сенату, который въ особомъ посланiи къ первому консуду выразилъ свою полную солидарность съ трибунатомъ. Въ Законодательномъ корпусѣ какъ-разъ былъ перерывъ сессiи; по предложенiю его президента Фонтана, члены, оказавшiеся въ Парижѣ, вотировали адресъ, аналогичный постановленiямъ трибуната и сената. Но все это были еще только „пожеланiя“. 26 флореаля Порталисъ отъ имени Государственнаго совѣта внесъ въ сенатъ, гдѣ предсѣдательствовалъ Камбасересъ, проектъ сенатскаго указа. Была избрана комиссiя изъ десяти членовъ, и, по предложенiю ея докладчика Ласепеда, проектъ былъ принятъ 28 флореаля (18 мая 1804). Этимъ сенатскимъ указомъ, который мы разсмотримъ ниже, учреждалась имперiя и устанавливались основныя начала режима. Эта конституцiя должна была быть подвергнута плебисциту, но Наполеону уже въ тотъ же день былъ поднесенъ и былъ имъ принятъ титулъ *французскаго императора*. Наименованiе *республика* не было упразднено и еще нѣкоторое время оставалось въ употребленiи.

Глава II.

Консульство.

Дипломатія и войны.

Съ 1799 по 1804.

I.—Война съ Австріей.

Неизбѣжность новой войны противъ Австріи и Англіи.—Директорія столько же боялась возвращенія Бонапарта изъ Египта, сколько онъ самъ желалъ его. Первая оказалась права въ своемъ страхѣ, такъ какъ Бонапартъ дѣйствительно захватилъ власть послѣ 18 брюмера. Правъ былъ и Бонапартъ въ своихъ надеждахъ, такъ какъ ему удалось разстроить вторую коалицію. Послѣ славнаго отступленія Суворова предъ побѣдоноснымъ Массеной Павелъ I отозвалъ свои войска, рѣшивъ больше не оказывать никакой поддержки своимъ недавнимъ союзникамъ. Царю не было никакого интереса содѣйствовать пріобрѣтенію Австріей Италіи и Англіей голландскаго побережья. Но, несмотря на его фактическій выходъ изъ коалиціи, послѣдняя все еще оставалась грознымъ противникомъ. Императоръ Францъ II готовился перебросить обѣ свои побѣдоносныя арміи чрезъ Альпы и Рейнъ на территорію ненавистной республики, которую онъ надѣялся теперь безъ труда смести съ лица земли. Англія держала Мальту и Египетъ въ тѣсной блокадѣ и сорила золотомъ на континентѣ, чтобы въ конецъ сломить свою соперницу. Неаполитанскій и сардинскій короли, Баварія, Вюртембергъ и Майнцъ прислали свои контингенты. Франція должна была купить миръ цѣною новыхъ битвъ.

Бонапартъ желалъ продолженія войны, которая одна могла обезпечить ему въ будущемъ державную власть во Франціи. Но онъ зналъ, что народъ страстно жаждетъ мира, и ему хотѣлось публично доказать, что и онъ искренно стремится къ миру. Онъ обратился къ англійскому королю и къ Францу II съ письмами составленными почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ: „Неужели же эта война, которая вотъ уже восемь лѣтъ разоряетъ всѣ четыре части свѣта, никогда не должна кончиться? Какъ могутъ двѣ просвѣщеннѣйшія европейскія націи приносить въ жертву суетному честолюбію интересы торговли, внутреннее благосостояніе и счастіе безчисленныхъ семействъ? Въ этомъ моемъ обращеніи Ваше Величество, безъ сомнѣнія, не усмотритъ ничего другого, кромѣ моего искренняго желанія во второй разъ содѣйствовать

возстановленію общаго мира быстрымъ способомъ, основаннымъ исключительно на довѣріи и свободнымъ отъ тѣхъ формальностей, которыя, быть можетъ, неизбѣжны тамъ, гдѣ необходимо замаскировать зависимость слабаго государства, но въ сильныхъ государствахъ обнаруживаютъ лишь стремленіе взаимно обмануть другъ друга". Австрія отвѣтила, что не желаетъ вести переговоры отдѣльно отъ своихъ союзниковъ. Питтъ, отвѣчавшій отъ имени своего короля, которому обычай запрещалъ отвѣчать лично, поставилъ условіемъ мира возстановленіе Бурбоновъ. Теперь война становилась національнымъ дѣломъ. Бонапартъ достигъ своей цѣли: опубликовавъ сдѣланныя имъ предложенія, онъ во всей красѣ выставилъ свое мнимое миролюбіе. Особымъ закономъ въ его распоряженіе было предоставлено 200.000 рекрутовъ, да онъ самъ призвалъ подъ свои знамена 30.000 ветерановъ. Нужное ему для побѣдъ оружіе было въ его рукахъ.

Лѣтняя кампанія (1800). — Австрія выставила двѣ большія арміи, по 120.000 человѣкъ въ каждой. Первая была сосредоточена въ Швабіи подъ начальствомъ Крайя, преемника эрцгерцога Карла; она должна была прикрывать рейнскую долину отъ Страсбурга до Шафгаузена. Держась въ оборонительной позиціи, она въ то же время съ одинаковой легкостью могла быть переброшена и въ Эльзасъ, и въ Швейцарію. Другая, подъ начальствомъ барона Меласа, была предназначена для наступательныхъ дѣйствій. Она должна была прогнать изъ Лигуріи остатки злополучной италійской арміи французовъ, перейти Варъ, поднять Провансъ и взять Тулонъ при содѣйствіи 20.000-наго англійскаго войска, которое должно было присоединиться къ ней на Миноркѣ. Силамъ коалиціи Бонапартъ противопоставилъ двѣ количественно очень не равныя арміи. Одна, въ 110.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Моро, была двинута противъ швабской арміи, чтобы грозить ея коммуникаціоннымъ линіямъ и отбросить ее въ Баварію. Другая, состоявшая всего изъ 25.000 человѣкъ, подъ командою Массены, должна была только возможно долѣе удерживать австрійскій корпусъ барона Меласа на генуэзскомъ побережьѣ. Такимъ образомъ, въ центрѣ непріятельской линіи долженъ былъ образоваться пробѣлъ. Первый консулъ намѣревался перебросить чрезъ Альпы резервную армію, существовавшую, правда, еще только на бумагѣ: онъ хотѣлъ самъ стать во главѣ ея и съ нею вернуть утраченную Италію. Однако онъ не открывалъ этого плана своимъ помощникамъ въ полномъ объемѣ. Ему еще необходимо было оставаться въ Парижѣ для упроченія свой власти. Въ конституціи VIII года не было ни одного слова о томъ, въ правѣ ли первый консулъ лично принимать начальство надъ войскомъ. Моро отрицалъ за нимъ это право и давалъ понять, что не намѣренъ служить подъ начальствомъ Бонапарта. Послѣдній ограничился обращеніемъ къ патріотизму обоихъ своихъ помощниковъ, не объясняя вполнѣ, какую роль предназначена играть резервная армія.

Моро и Край въ Германіи; Парсдорфское перемиріе.—Задача Моро заключалась въ томъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не допустить швабскую армію подать помощь корпусу, дѣйствовавшему въ Италіи. Ловкой хитростью онъ привлекъ главныя силы Крайя къ Кельскому мосту и Адской долинѣ, а самъ тѣмъ временемъ перешелъ Рейнъ чрезъ брейзахскій, базельскій и шафгаузенскій мосты. Французская армія вся цѣликомъ стояла на правомъ берегу Рейна. Комбинированныя операціи на пространствѣ въ сорокъ миль были исполнены съ точностью лагерныхъ маневровъ. 3 мая 1800 года разыгралось двойное сраженіе: Лекурбъ у Стоккаха и Моро при содѣйствіи Гувіонъ-Сэнъ-Сира у Энгена обратили въ бѣгство

австрійцевъ. Край оставилъ въ рукахъ непріятеля 7.000 плѣнныхъ и около двадцати пушекъ. Онъ отступалъ къ Дунаю, имѣя на флангѣ побѣдоносную французскую армію; каждый разъ, когда онъ пытался ударить на нее, его неизмѣнно постигало пораженіе. Въ Мескирхѣ Моро захватилъ большіе склады провіанта, несмотря на бездѣйствіе Гувіонъ-Сэнъ-Сира, который утверждалъ, что и въ глаза не видѣлъ адъютантовъ, посланныхъ къ нему главнокомандующимъ (5 мая). У Бибераха Гувіонъ - Сэнъ - Сиръ искупилъ свою ошибку бѣшеной атакой, доставившей ему блестящую побѣду. Край попытался достигнуть Форарльберга чрезъ Меммингенъ, но былъ отброшенъ Лекурбомъ къ Ульму. Если бы Моро получилъ въ эту минуту тѣ подкрѣпленія, которыя были предназначены для италійской арміи, онъ могъ бы обложить Ульмъ и здѣсь принудить швабскую армію къ капитуляціи, какъ это сдѣлалъ Бонапартъ въ 1805 году. Между тѣмъ ему пришлось отрядить въ Италію изъ своей арміи 18.000 человѣкъ, весь бывшій корпусъ Лекурба, находившійся теперь подъ командой Монсея, для образованія лѣваго крыла италійской арміи. Моро снова приходилось работать для доставленія славы сопернику; но онъ уже заранѣе примирился съ мыслью, что ему придется играть зависимую и выжидательную роль. Ослабивъ себя такимъ образомъ, онъ затѣмъ въ продолженіе цѣлаго мѣсяца маневрировалъ передъ Ульмомъ въ надеждѣ выманить Крайя изъ его укрѣпленнаго лагеря. Боясь быть отрѣзаннымъ отъ пути на Вѣну, Край пытался занять сначала линію Леха, затѣмъ линію Изара, но, тѣснимый своимъ смѣтливымъ и энергичнымъ противникомъ, былъ послѣдовательно разбитъ при Гохштедтѣ, Нейбургѣ и Обергаузенѣ [1]) и принужденъ просить перемирія, которое и было заключено въ Парсдорфѣ (15 іюля 1800). Вся Баварія къ западу отъ Изара, до Мюнхена и Регенсбурга, находилась въ рукахъ французовъ. Блестящія операціи Моро были какъ бы прологомъ побѣды при Маренго.

Массена въ Генуѣ.—Не менѣе успѣшно дѣйствовалъ и Массена. На него была возложена неблагодарная задача реорганизовать жалкіе остатки столько разъ терпѣвшей пораженія италійской арміи. Не получая жалованья, лишенное одежды и провіанта, его войско, напоминавшее скорѣе шайку разбойниковъ, чѣмъ регулярную армію, массами переходило назадъ границу. Массена, въ которомъ героизмъ и геній неизмѣнно пробуждались въ виду грандіозной отвѣтственности, собралъ всѣхъ этихъ бѣглецовъ, напомнилъ имъ ихъ славное прошлое, заключилъ контракты о снабженіи ихъ одеждой и провіантомъ, и уже спустя нѣсколько недѣль былъ въ состояніи двинуть на врага крѣпкую армію, незначительную по количеству, но сильную дисциплиной и жаждою побѣдъ. И какія тяжелыя испытанія ждали еще это доблестное войско! Съ 25.000 человѣкъ Массена долженъ былъ защищать все побережье Лигуріи. Ему пришлось разбросать ихъ на протяженіи отъ Ниццы до Специи. Меласъ не устоялъ противъ искушенія разрѣзать надвое этотъ ничтожный кордонъ. Форсировавъ переходъ чрезъ Кадибонъ, онъ отбросилъ Сульта къ Генуѣ и Сюшэ къ Вару. Массена тщетно пытался соединиться съ Сюшэ: онъ принужденъ былъ запереться въ Генуѣ, но твердо рѣшилъ защищаться до послѣдней крайности. Началась та памятная осада, гдѣ Массена парализовалъ болѣе 50.000 австрійцевъ, держалъ на яко-

[1]) Въ битвѣ при Обергаузенѣ палъ Лятуръ д' Овернь. Бывши въ 1792 году капитаномъ, онъ отказался эмигрировать, но обѣщалъ не принимать никакого повышенія. Въ 1800 году онъ снова вступилъ на службу, чтобы замѣнить въ рядахъ арміи послѣдняго сына своего друга Лэ-Бригана, и пожелалъ служить въ качествѣ простого гренадера. Первый консулъ осыпалъ необычайными почестями *перваго гренадера Франціи.*

ряхъ англійскую эскадру адмирала Кейса и въ своихъ стремительныхъ, почти ежедневныхъ вылазкахъ перебилъ около 15.000 непріятельскихъ солдатъ, т.-е. столько же, сколько у него всего было войска. Вскорѣ обнаружился голодъ, производившій въ городѣ страшныя опустошенія. Въ послѣдніе дни осады единственной пищей было черное, клейкое тѣсто изъ овса, крахмала, бобовъ и какао, которое называли хлѣбомъ. Военноплѣнные австрійцы, которыхъ Кейсъ отказался кормить, питались кожей своихъ ранцевъ, и къ нимъ перестали присылать караульныхъ, опасаясь, что послѣдніе будутъ съѣдены. И все-таки среди 15.000-й массы генуэзцевъ, въ большинствѣ враждебныхъ французамъ и принужденныхъ питаться кореньями и нечистыми животными, ни разу не обнаружилось ни одной попытки произвести бунтъ: такъ сильны были страхъ и уваженіе, внушаемые твердостью Массены и его гордымъ обращеніемъ. И когда, наконецъ, пришлось сдаться послѣ цѣлаго мѣсяца такихъ ужасныхъ страданій, послѣ того какъ отъ гарнизона осталась лишь половина, а населеніе было доведено до голодной смерти, — Массена добился почетной капитуляціи. Онъ потребовалъ, чтобы за французскими ранеными былъ установленъ хорошій уходъ, чтобы ни одинъ дружественный французамъ генуэзецъ не былъ обиженъ, и грозилъ проложить себѣ путь штыками чрезъ ряды австрійцевъ. Оттъ зналъ, что Массена способенъ сдержать свое обѣщаніе; притомъ его спѣшно отзывалъ Меласъ на борьбу съ арміей Бонапарта: когда начались переговоры о капитуляціи, Оттъ самъ собирался снять осаду. Героическая оборона Массены (25 апрѣля—4 іюня 1800) даетъ ему не меньше правъ на славу, чѣмъ его побѣда при Цюрихѣ [1]).

Резервная армія. — Въ то время какъ Моро и Массена такимъ образомъ отвлекали обѣ австрійскія арміи и освобождали отъ непріятеля дороги на Туринъ и Миланъ, Бонапартъ подъ покровомъ строжайшей тайны организовалъ резервную армію. Онъ громогласно заявлялъ, что она формируется въ Дижонѣ; но присланные сюда шпіоны коалиціи нашли здѣсь лишь штабъ съ нѣсколькими инвалидами; изъ этого они опрометчиво заключили, что такой арміи вовсе нѣтъ, и вѣнскій *Hochkriegsrath* предписалъ Меласу не принимать ея въ расчетъ. По этому поводу распространялись всевозможныя карикатуры; на одной изъ нихъ былъ изображенъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ и рядомъ съ нимъ инвалидъ на деревянной ногѣ, а внизу подпись: „Резервная армія Бонапарта". Въ концѣ-концовъ однако коалиція догадалась, что дижонская комедія служила лишь для отвода глазъ. Но она могла думать, что формируемое войско предназначено для подкрѣпленія рейнской арміи, правое крыло которой упиралось въ Швейцарію. Первый консулъ старательно поддерживалъ это заблужденіе, а самъ тѣмъ временемъ сформировалъ и заботливо распредѣлилъ по разнымъ мѣстамъ множество мелкихъ отрядовъ, составившихъ въ совокупности семь пѣхотныхъ дивизій. Эта армія должна была собраться у Женевы; правое крыло ея, подъ начальствомъ Тюро, должно было перейти черезъ Монъ Сенисъ; лѣвое, подъ начальствомъ Монсея, представлявшее собою отрядъ изъ корпуса Моро, должно былъ перейти чрезъ Сенъ-

[1]) Мемуары Тьебо (т. III) ясно обнаруживаютъ вѣроломство Сюшэ и Сульта по отношенію къ Массенѣ. Сультъ, человѣкъ весьма дѣятельный и очень настойчивый, но алчный и завистливый, оклеветалъ Массену предъ Бонапартомъ, который любилъ отодвигать назадъ людей изъ ряду вонъ выдающихся. Впрочемъ, нельзя отрицать, что Массена былъ неумолимъ въ дѣлахъ службы. Марбо разсказываетъ, что онъ разжаловалъ въ простые солдаты полковника Саклё только за то, что онъ однажды, въ день вылазки, немного опоздалъ. Марбо заслужилъ свои первыя шпоры въ Генуѣ, гдѣ потерялъ отца.

Готардъ. Это полчище въ 60.000 хорошихъ солдатъ Бонапартъ хотѣлъ перебросить въ Италію, чтобы обойти Меласа и быстрымъ, смѣлымъ натискомъ снова занять всю ту территорію, на завоеваніе которой австрійцы потратили столько мѣсяцевъ. Самъ онъ продолжалъ заметать свои слѣды: изъ Парижа онъ уѣхалъ сначала въ Дижонъ дѣлать смотръ; затѣмъ отправился къ арміи, главнокомандующимъ которой былъ назначенъ Бертье, слѣдить за ея операціями. Онъ не хотѣлъ открыто идти въ разрѣзъ съ духомъ конституціи, которая признавала консульство гражданской магистратурой, несовмѣстимой съ командованіемъ арміей. Но фактически имъ былъ выработанъ планъ кампаніи, онъ руководилъ ея ходомъ, указалъ ей путь и время.

Переходъ чрезъ большой Сенъ-Бернаръ.— Онъ рѣшилъ вести главную часть арміи чрезъ большой Сенъ-Бернаръ. Переходъ начался 15 мая; солдатамъ приходилось преодолѣвать большія трудности, но бодрое настроеніе не покидало ихъ. Имъ сказали, что „m-r Annibal нѣкогда со слонами прошелъ этой же дорогой". Инженеръ Мареско наскоро изслѣдовалъ путь; по мысли Мармона пушки и гаубицы были заключены въ выдолбленные обрубки деревьевъ; ихъ съ большими усиліями тащили, часто смѣняясь, 100 человѣкъ. Бонапартъ, ѣхавшій верхомъ на мулѣ (а не на ретивомъ конѣ, какъ изобразилъ его Давидъ) и сопровождаемый мѣстнымъ горцемъ, одушевлялъ все своимъ присутствіемъ. На вершинѣ перевала добрые монахи, предупрежденные заранѣе, устроили столы, и солдаты подкрѣпились пищей. Шорники привели въ порядокъ упряжь. Въ Сенъ-Реми, гдѣ начинается проѣзжая дорога на итальянскомъ склонѣ, ждало цѣлое полчище мастеровыхъ съ кузнечными горнами, чтобы исправить артиллерійскія повозки и поставить пушки на лафеты. Но спускъ оказался труднѣе всхода. Одно неожиданное препятствіе едва не погубило всего дѣла: фортъ Бардъ преграждалъ дорогу; пришлось опять снять пушки съ лафетовъ, обернуть ихъ соломой и тащить вдоль крѣпостной стѣны цѣлую ночь во тьмѣ и безмолвіи.

Этотъ спускъ французской арміи чрезъ альпійскіе ледники въ цвѣтущія равнины Италіи поразилъ врага такъ, какъ если бы она упала съ неба. Въ то время какъ Меласъ еще ждалъ французовъ со стороны Генуи, Бонапартъ уже побѣдителемъ вступалъ въ Миланъ при восторженныхъ кликахъ населенія, въ которомъ „австрійская палка" быстро изгладила память о французскомъ ярмѣ. Онъ постарался всюду разгласить объ этихъ манифестаціяхъ, которыя воспламеняли воображеніе и содѣйствовали упроченію его авторитета.

Ломбардія снова была въ рукахъ французовъ. Бонапартъ могъ бы теперь двинуться прямо къ Генуѣ, сжать разбросанную армію Меласа между своимъ свѣжимъ 60.000-нымъ войскомъ и храбрыми ветеранами Сюшэ и Массены и тѣмъ спасти генуэзскихъ героевъ отъ униженія сдачи. Но онъ предпочелъ умалить славу Массены для увеличенія своей. Между тѣмъ какъ Массена капитулировалъ въ Генуѣ, Бонапартъ готовился дать Меласу сраженіе, которое должно было рѣшить участь Италіи,—сраженіе на жизнь и смерть. Онъ, какъ картежникъ, ставилъ на карту судьбу Франціи, и счастіе едва не измѣнило ему.

Монтебелло; Маренго (14 іюня 1800).— Дѣйствительно, французской арміи пришлось раздробиться, чтобы по всѣмъ направленіямъ сдерживать натискъ австрійцевъ. Дюшень занялъ линію Адды, Монсей охранялъ линію Тичино, Ланнъ и Мюратъ, расположившись въ Пьяченцѣ, охраняли линію По. Такимъ образомъ, Меласъ былъ оцѣпленъ полнымъ кругомъ. Но благодаря этому Бонапартъ располагалъ теперь для атаки лишь 30 тысячами человѣкъ, тогда какъ Меласъ,

Ж. Л. Давидъ.

Переходъ Бонапарта, перваго консула, черезъ С.-Бернаръ 20 мая 1800 г.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

поспѣшно призвавшій къ себѣ на подмогу Отта изъ Генуи и Эльсница изъ Чевы, куда его въ безпорядкѣ отбросилъ Сюшэ, могъ выставить 50.000 чел. и прорвать оцѣпленіе въ любомъ пунктѣ по своему выбору. Шансы выигрыша въ предстоявшей азартной игрѣ были явно на сторонѣ Меласа. 10 іюня Оттъ съ 20.000 человѣкъ сдѣлалъ попытку пробиться чрезъ тѣснины Страделлы, но наткнулся на французскій авангардъ: Ланну, располагавшему всего 8.000 чел., удалось опрокинуть австрійцевъ въ блестящемъ сраженіи при Монтебелло. Наконецъ, 14 іюня Бонапартъ далъ врагу рѣшительный бой передъ Маренго, недалеко отъ Александріи. Сраженіе едва не было проиграно. Трижды Ланнъ на дорогѣ къ Кастель Черіоло, Викторъ на дорогѣ къ Санъ Джуліано и самъ Бонапартъ у Маренго принуждены были отступать предъ австрійцами. Въ три часа дня поле битвы было, казалось, въ рукахъ непріятеля; Меласъ, вступивъ въ Александрію, уже разсылалъ во всѣ стороны гонцовъ съ вѣстью о своей побѣдѣ, а начальнику его штаба, Заху, приказано было преслѣдовать побѣжденныхъ. Но Дезэ, вернувшійся изъ Египта и наканунѣ посланный Бонапартомъ къ Нови предупредить обходное движеніе австрійцевъ, услыхалъ грохотъ пушекъ и поспѣшилъ на выручку своему начальнику. „Первое сраженіе потеряно", воскликнулъ онъ, „но у насъ есть время выиграть второе". Австрійская колонна, занимавшая поле битвы, стояла безъ прикрытія. Мармонъ, выдвинувъ на позицію нѣсколько свободныхъ орудій, сталъ осыпать ее картечью; Келлерманъ, сынъ побѣдителя при Вальми, двинулъ на нее своихъ драгунъ и опрокинулъ ее. Отряды Ланна и Виктора, равно какъ консульская гвардія снова пошли въ атаку, и часъ спустя поле сраженія, потерянное въ восьмичасовомъ бою, снова было въ рукахъ французовъ. Къ несчастію, виновникъ побѣды, Дезэ, палъ однимъ изъ первыхъ во главѣ атакующей колонны. „Ахъ, если бы я могъ обнять его послѣ битвы, какъ прекрасенъ былъ бы этотъ день!" воскликнулъ Бонапартъ вечеромъ этого достопамятнаго дня [1]). Сраженіе при Маренго, выигранное по чистой случайности и не сразу, тѣмъ не менѣе имѣло огромныя послѣдствія. На слѣдующій же день Меласъ подписалъ въ Александріи перемиріе, въ силу котораго военныя дѣйствія пріостанавливались на пять мѣсяцевъ и австрійцы обязывались очистить Италію до Минчіо (14—15 іюня).

Зимняя кампанія; перемирія въ Тревизѣ и Фолиньо.—По истеченіи срока перемирія кампанія въ Италии возобновилась. Главнокомандующимъ по всѣмъ даннымъ долженъ былъ быть Массена, но онъ обнаружилъ нѣкоторое противодѣйствіе 18 брюмера, да сверхъ того выказалъ слишкомъ большую жадность въ отношеніи побѣжденныхъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не дать ему случая къ грабежу, Бонапартъ поручилъ командованіе арміей Брюну, устроителю гельветской республики и побѣдителю при Бергенѣ. Позиція австрійцевъ въ Италии все еще была очень сильна. Маршалъ Бельгардъ, преемникъ Меласа, сильно укрѣпился между Минчіо и Эчемъ, занявъ всѣ четыре крѣпости четыреугольника. Корпусъ Лаудона, занимавшій высокую долину Эча, соединялъ его съ Гиллеромъ, охранявшимъ верхнее теченіе Инна. Брюнъ рѣшилъ атаковать его въ этой неприступной позиціи и ждалъ лишь подкрѣпленій, которыя долженъ былъ привести къ нему

---

[1]) „Это былъ Баярдъ арміи, искусный воинъ безъ страха и упрека", сказалъ о немъ Сегюръ. Однажды онъ велѣлъ перенести въ свою квартиру и держалъ здѣсь до выздоровленія заболѣвшаго заразной болѣзнью солдата, котораго майнцскій госпиталь отказался принять. „Я буду побѣждать врага, пока буду любимъ солдатами", говорилъ Дезэ. Его мавзолей, воздвигнутый близъ Страсбурга, гдѣ онъ жилъ въ первые годы революціи, до 1870 года охранялся отставнымъ французскимъ солдатомъ.

Макдональдъ изъ Швейцаріи. Выйдя изъ Куара съ 12.000 человѣкъ, Макдональдъ въ зимнюю стужу двинулся чрезъ покрытые снѣгомъ перевалы Сплюгена, разъ десять едва не погибъ подъ лавинами или въ пропастяхъ, изнурилъ голодомъ въ снѣжной пустынѣ своихъ храбрецовъ и въ концѣ-концовъ, благодаря своей энергіи и смѣлости обманувъ бдительность Гиллера, спустился въ Вальтелинъ и укрѣпился въ Тріентѣ. Брюнъ форсировалъ переходъ чрезъ Минчіо у Поццоло и Мозембано и переходъ чрезъ Эчъ у Буссоленго, взялъ Верону, соединился съ Макдональдомъ и, прогнавъ Бельгарда за Баккиліоне и Бренту, заставилъ его подписать въ Тревизѣ перемиріе (16 января 1801), которымъ австрійцы были отброшены за Тальяменто. Австрійцы должны были отдать французамъ тѣ три крѣпости четыреугольника, которыя еще держались: Мантую, Пескіеру и Леньяно. Еще до этого генералъ Міолли, командовавшій правымъ крыломъ французской арміи, разбилъ въ Тосканѣ, у Сіенны, небольшое неаполитанское войско, спѣшившее на выручку къ австрійцамъ. Мюра, приведшій на помощь корпусу Міолли сильныя подкрѣпленія, прошелъ военной прогулкою вплоть до южной Италіи. Вмѣсто того, чтобы возстановить въ Римѣ и Неаполѣ республику, онъ вернулъ власть прежнимъ ихъ властителямъ и только принудилъ неаполитанскаго короля подписать въ Фолиньо перемиріе, въ силу котораго неаполитанскіе порты должны были быть закрыты для англичанъ и Тарентъ переданъ французамъ впредь до заключенія общаго мира. Снова вся Италія была во власти французовъ.

Моро у Гогенлиндена (2 дек. 1800).— Главное сраженіе этой зимней кампаніи произошло на германской территоріи. Моро командовалъ прекрасной рейнской арміей, сильной какъ своимъ патріотизмомъ и вѣрностью республикѣ, такъ и дисциплиной и боевыми качествами. Въ своихъ операціяхъ онъ не зависѣлъ теперь отъ самовластнаго и завистливаго начальника, какимъ былъ Бонапартъ; онъ могъ, значитъ, вполнѣ развернуть всю силу своей энергіи, своего блестящаго генія. Все время перемирія онъ использовалъ на то, чтобы преобразовать свою армію и обучить ее посредствомъ безпрестанныхъ маневровъ, а главное—чтобы изслѣдовать мѣстность. Своему личному, точному знанію топографіи Гогенлинденскаго лѣса онъ всего болѣе былъ обязанъ этой блестящей побѣдой. Австрійская армія насчитывала 150.000 человѣкъ; изъ нихъ 20.000 на правомъ крылѣ подъ начальствомъ Кленау были расположены на протяженіи отъ Регенсбурга до Ашаффенбурга, и 30.000 на лѣвомъ крылѣ, подъ командою Гиллера, охраняли Тироль. Главная, центральная часть арміи, въ 100.000 человѣкъ, состояла подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна, самонадѣяннаго девятнадцатилѣтняго юноши, который приписывалъ всѣ предшествующія неудачи австрійскихъ генераловъ ихъ чрезмѣрной осторожности и мечталъ о смѣлыхъ операціяхъ и сосредоточеніи большихъ войсковыхъ массъ по примѣру французскихъ военачальниковъ. Въ виду такого противника, какъ Моро, ему слѣдовало бы быть вдвойнѣ осторожнымъ. Моро могъ противопоставить ему лишь 120.000 человѣкъ, но это были превосходныя войска, беззавѣтно преданныя своему начальнику. Кампанію открылъ его помощникъ Ожеро, оттѣснивъ фронтомъ Кленау отъ Ашаффенбурга къ Вюрцбургу, Нюренбергу и Ингольштадту. Моро отрядилъ сюда дивизію Сентъ-Сузаннъ, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ Ожеро, а самъ двинулся къ Инну между Мюльдорфомъ и Розенгеймомъ. Тогда эрцгерцогъ Іоаннъ составилъ смѣлый планъ атаковать Моро между Инномъ и Изаромъ, межъ тѣмъ какъ его помощникъ Кинмайеръ долженъ былъ съ сѣвера отрѣзать арміи Моро сообщеніе съ Мюнхеномъ.

1 декабря 1800 года Гренье, осажденный эрцгерцогомъ предъ Мюльдорфомъ, у Ампфинга, удержалъ позицію до прибытія дивизіи Гранжанъ, которое позволило ему отступить въ полномъ порядкѣ. Исходъ сраженія при Ампфингѣ, показавшагося австрійцамъ великой побѣдой, довелъ ихъ самоувѣренность до апогея; они не понимали, что Моро умышленно завлекаетъ ихъ на поляну въ глубинѣ Эберсбергскаго лѣса, сплошь усѣянную лощинами, ручьями и старыми деревьями. Онъ остановился у деревни Гогенлинденъ, въ мѣстности, какъ нарочно созданной для того, чтобы не дать развернуться превосходной австрійской конницѣ. Одна узкая, замкнутая между двумя возвышенностями дорога ведетъ чрезъ деревню Маттенбетъ изъ Мюльдорфа въ Мюнхенъ. Эрцгерцогъ Іоаннъ безразсудно двинулся по ней вопреки резоннымъ увѣщаніямъ своего ментора, стараго генерала Лауера. Кинмайеръ долженъ былъ съ сѣвера грозить лѣвому флангу Моро, но дивизіи Легранъ и Ластуль сумѣли однѣ остановить его; съ юга же генералъ Ришъ долженъ былъ проселочными дорогами, ведущими къ Эберсбергу, обойти правое крыло французской арміи. Хладнокровіе Моро, искусный расчетъ операцій и строгая точность въ исполненіи его приказовъ обезпечили французамъ полный успѣхъ. Въ то время, какъ главная часть австрійской арміи безконечною лентою тянулась по маттенбетскому шоссе—пѣхота во главѣ, артиллерія въ центрѣ, конница въ хвостѣ,—въ то время какъ Гренье, Ней и Груши стойко выдерживали атаку эрцгерцога, Ришпансъ и Деканъ, быстро пройдя тропинками, о существованіи которыхъ зналъ Моро, врѣзались между Ришемъ и главной колонной, чтобы зайти ей въ тылъ. Дѣйствительно, Деканъ задержалъ Риша и не далъ ему послать подкрѣпленія главной арміи. Вдругъ войска эрцгерцога дрогнули и пришли въ замѣшательство. Моро съ радостью услыхалъ сильную канонаду въ тылу австрійцевъ и немедленно двинулъ Нея, котораго до сихъ поръ долженъ былъ держать при себѣ, противъ австрійской колонны, навстрѣчу Ришпансу, бѣшено атаковавшему ее сзади. Австрійское войско уподобилось водовороту, ряды разстроились и солдаты разбѣгались по лѣсу, куда глаза глядятъ, карабкаясь на высоты или бросаясь въ трясины. Вскорѣ маттенбетское шоссе было усѣяно грудами труповъ и раненыхъ, лошадьми безъ всадниковъ, разбитыми повозками, брошенными орудіями и артиллерійскими фурами. 20.000 убитыхъ или раненыхъ австрійцевъ, около сотни орудій и огромное количество запасовъ—таковы были трофеи этой блестящей побѣды. Побѣжденные едва спаслись подъ прикрытіемъ ночи и снѣга (2 декабря 1800).

Побѣда при Гогенлинденѣ была послѣдней республиканской побѣдой. Никогда больше Франція не видѣла такой скромности въ своихъ военачальникахъ, такой почтительной преданности со стороны солдатъ, такихъ трогательныхъ проявленій патріотизма, какъ объятіе двухъ соратниковъ, Нея и Ришпанса, на полѣ битвы, послѣ того какъ они соединились, прорвавъ съ двухъ сторонъ австрійскую армію. Моро и не приходило въ голову раздуть свою побѣду хвастливыми рапортами: онъ донесъ о ней удивительно скромнымъ письмомъ, заключавшимъ въ себѣ всего нѣсколько строкъ. Бонапартъ сообщилъ о ней Законодательному корпусу, какъ объ одной изъ величайшихъ побѣдъ, какія когда-либо были одержаны, и написалъ Моро, что онъ превзошелъ себя. Но позднѣе онъ взялъ назадъ свои похвалы. Онъ утверждалъ, что эта побѣда была результатомъ чистой случайности и что операціи эрцгерцога Іоанна далеко превосходили операціи Моро. Странно видѣть такую мелочную зависть со стороны величайшаго военнаго генія, какого знаетъ исторія. Но въ глазахъ Бо-

напарта всякая похвала, достававшаяся другому, являлась ущербомъ его собственной славѣ.

Штейерское перемиріе.—Австрійская монархія стояла на краю гибели. Моро гналъ передъ собою жалкіе остатки арміи эрцгерцога на Иннѣ, Зальцѣ, Траунѣ и Эннсѣ. Каждый день былъ для него новымъ тріумфомъ. Императоръ поспѣшно призвалъ эрцгерцога Карла, лишеннаго *гохкригсратомъ* командованія, чтобы назначить его на мѣсто его брата, эрцгерцога Іоанна; это былъ единственный австрійскій полководецъ, способный предотвратить дальнѣйшія пораженія. Но когда онъ увидалъ, какъ разстроена армія, онъ посовѣтовалъ своему брату просить мира. Моро могъ бы побѣдителемъ вступить въ Вѣну. Его помощники совѣтовали ему предпринять этотъ походъ, не представлявшій теперь ни малѣйшей опасности, чтобы добиться отъ императора болѣе выгодныхъ условій мира. Но Моро рѣшилъ остановиться по дорогѣ къ Эннсу, не желая доводить австрійцевъ до отчаянія. „Я предпочитаю“, сказалъ онъ, „завоевать миръ“: прекрасный и рѣдкій примѣръ военнаго безкорыстія. Въ силу штейерскаго перемирія (25 декабря) не сдавшіяся еще баварскія и тирольскія крѣпости должны были быть переданы французамъ, и Австрія, вопреки ранѣе принятымъ ею на себя обязательствамъ, должна была заключить съ Франціей отдѣльный отъ Англіи договоръ.

Люневильскій миръ (9 февраля 1801).— Немедленно начаты были переговоры о мирѣ. Баронъ Тугутъ передалъ руководство иностранными дѣлами графу Кобенцелю, который лично отправился въ Люневиль для переговоровъ съ Жозефомъ Бонапартомъ. Первый консулъ въ посланіи къ Законодательному корпусу отъ 2 января 1801 года указалъ, что непремѣннымъ условіемъ мира должно быть признаніе Рейна границей французской республики и Эча границей цизальпинской республики. Кобенцель прилагалъ всѣ усилія, чтобы добиться возвращенія Тосканы эрцгерцогу Фердинанду, но безуспѣшно; онъ принужденъ былъ согласиться на всѣ условія побѣдителя. Въ основу Люневильскаго мира (9 февраля 1801) былъ положенъ кампо-формійскій договоръ со включеніемъ двухъ новыхъ пунктовъ, невыгодныхъ для Австріи: 1) были признаны двѣ новыя „братскія“ республики — батавская и гельветская [1]); 2) Францъ II долженъ былъ гарантировать договоръ не только отъ лица своей наслѣдственной державы, какъ австрійскій государь, но и въ качествѣ главы германской имперіи: Бонапартъ не желалъ въ будущемъ имѣть дѣло съ новымъ раштатскимъ конгрессомъ. Тоскана, отнятая у австрійскаго эрцгерцога Фердинанда, была превращена въ королевство Этрурію и отдана сыну герцога пармскаго, женатому на испанской принцессѣ. Первый консулъ очень благоразумно отказался отъ мысли возстановить римскую и партенопейскую республики. Папѣ были возвращены его владѣнія въ томъ объемѣ, какой они имѣли въ концѣ 1797 года, т.-е. безъ Романьи и Легатствъ. Съ неаполитанскими Бурбонами былъ заключенъ во Флоренціи отдѣльный договоръ для утвержденія условій перемирія, заключеннаго въ Фолиньо, и Сультъ съ 10.000 человѣкъ занялъ Отранто, Тарентъ и Бриндизи.

Люневильскій договоръ возстановилъ миръ на континентѣ и окончательно отодвинулъ въ тѣнь Австрію. Отнынѣ Габс-

[1]) На одной карикатурѣ того времени изображена французская республика въ видѣ большого гриба, вокругъ котораго толпится множество мелкихъ грибовъ: это—братскія республики, какъ уже существующія, такъ и тѣ, образованіе которыхъ представлялось вѣроятнымъ. Трое государей въ испугѣ смотрятъ на этотъ выводокъ республиканскихъ грибовъ: *Прусскій король:* „Господи, сколько ихъ! это ужасно“. — *Царь:* „Недурно бы ихъ съѣсть“. — *Австрійскій императоръ:* „Не тронь, кумъ: они ядовиты“.

бургамъ больше не къ лицу искать той гегемоніи въ Европѣ, мысль о которой непрерывно дразнила ихъ воображеніе съ XV вѣка. Австрія могла бы еще играть видную роль, если бы позаботилась о своемъ внутреннемъ сплоченіи, если бы захотѣла стать посредницей между Западомъ и Востокомъ и просвѣтительницей полуварварскихъ народовъ восточной Европы. Но вмѣсто этого она старалась лишь разрушить свое первенство въ Германіи. „Я до такой степени истощилъ мою монархію въ смыслѣ людей и денегъ,— писалъ Францъ II, — что она не въ состояніи занимать въ европейскомъ равновѣсіи подобающее ей мѣсто; вмѣстѣ съ тѣмъ я утратилъ всѣ мои политическія связи и въ этомъ тяжеломъ положеніи не могу разсчитывать ни на одного искренняго союзника“.

II. Война съ Англіей.

Морская тиранія Англіи.— Люневильскій договоръ освятилъ первенство Франціи на континентѣ. Но Англія оставалась неуязвимою на своемъ островѣ. Владѣя Мартиникомъ, Санта-Лючіей, пятью французскими городами въ Индіи, Гвіаной, Капштатомъ и Цейлономъ, отнятыми ею у голландцевъ, Миноркой и Тринидадомъ, завоеванными у Испаніи, она имѣла возможность блокировать всѣ порты Франціи и ея союзниковъ; она господствовала на всѣхъ моряхъ, и ея владычество переходило въ тиранію; она обогащалась захватами торговыхъ судовъ, и не только французскихъ, но даже принадлежавшихъ нейтральнымъ государствамъ. Напрасно Бонапартъ, ставъ первымъ консуломъ, заклиналъ англійскаго короля дать свѣту миръ. Отвѣтъ Питта Талейрану имѣлъ то послѣдствіе, что война стала еще болѣе ожесточенною. Англичане рѣшили завладѣть Мальтою и Египтомъ, окончательно разорить испанскія и голландскія колоніи и уничтожить французскій флотъ.

Потеря Мальты (25 сентября 1800).—Въ Мальту былъ присланъ совершенно недостаточный гарнизонъ въ 4.000 человѣкъ подъ начальствомъ Вобуа. Вильневъ привелъ туда корабли, избѣжавшіе гибели при Абукирѣ. Мальтійцы, очень дорожившіе своей независимостью и крайне раздраженные ограбленіемъ церквей ихъ ордена, подняли знамя возстанія. Вобуа принужденъ былъ бѣжать въ крѣпость Лавалетту и здѣсь былъ осажденъ съ суши мальтійцами подъ начальствомъ каноника Кармана и нотаріуса Виталя. Со стороны моря его блокировали соединенныя эскадры Англіи, Португаліи и Неаполя. Правда, крѣпость считалась неприступной и для защиты ея было достаточно небольшого гарнизона; но въ ней не было почти никакихъ запасовъ, и осажденнымъ грозилъ голодъ. Уже съ первыхъ дней осады не хватало дровъ; чтобы печь хлѣбъ, приходилось ломать старые корабли. Цынга производила страшныя опустошенія: 550 человѣкъ, болѣе восьмой части всего наличнаго состава, умерло въ госпиталѣ. Паекъ скоро былъ ограниченъ хлѣбомъ и растительнымъ масломъ, а вино и водку давали лишь разъ въ пять дней. Рисъ берегли для госпиталя. Осажденные развлекались фехтованіемъ, танцами, театромъ. По временамъ распространялся слухъ, будто англичане разбиты, или будто идутъ на выручку подкрѣпленія и т. п.; такими невинными выдумками Вобуа поддерживалъ бодрое настроеніе своихъ войскъ. Между тѣмъ командоръ Балль и португальскій адмиралъ Ницца прислали полученныя изъ Франціи письма, которыя не оставляли никакой надежды: попытка Бонапарта прислать вспомогательное войско потерпѣла неудачу. Къ началу сентября 1800 года, послѣ 26-мѣсячной осады, въ крѣпости осталось продовольствія только на восемь дней. Пришлось сдаться.

Условія капитуляціи были таковы: гарнизонъ выйдетъ изъ крѣпости съ оружіемъ въ рукахъ и будетъ отправленъ въ Марсель на англійскихъ корабляхъ. Островъ Мальта останется въ рукахъ англичанъ до заключенія общаго мира; затѣмъ онъ будетъ переданъ или рыцарямъ ордена Іоаннитовъ, или русскому царю, или неаполитанскому королю. Но англичане сумѣли навсегда удержать въ своихъ рукахъ этотъ цѣнный залогъ.

Перемѣна въ политикѣ Павла I; вторая лига нейтральныхъ державъ. — Захватъ Мальты усилилъ раздраженіе императора Павла I противъ его союзниковъ. Уже прежде онъ справедливо ставилъ въ вину Австріи неудачу Корсакова и Суворова. Онъ требовалъ отставки Тугута и возвращенія итальянскимъ князьямъ ихъ владѣній, отобранныхъ у французовъ. Поводомъ къ окончательному разрыву съ Австріей послужило оскорбленіе, нанесенное русскому флагу въ анконскомъ портѣ. Со времени пораженія при Бергенѣ Павелъ I имѣлъ основанія обвинять Англію въ такой же невѣрности общимъ интересамъ коалиціи, какъ и Австрію. Отказъ англичанъ вернуть Мальту ордену, гросмейстеромъ котораго согласился стать Павелъ I, былъ для русскаго царя личнымъ оскорбленіемъ. Павелъ I не ограничился выходомъ изъ коалиціи, но еще образовалъ, совмѣстно съ Пруссіей, Швеціей и Даніей, вторую лигу нейтральныхъ государствъ по образцу лиги 1780 года, съ цѣлью общими силами ослабить морскую тиранію Англіи и закрыть для нея континентъ. Въ ту эпоху англійскій флотъ могъ успѣшно бороться съ соединенными морскими силами всего свѣта. „Такъ какъ каждая война, предпринимаемая какой-либо континентальной державой, въ итогѣ приводила къ устраненію какого-нибудь ея конкурента на міровомъ рынкѣ и отдавала въ ея руки флотъ и колоніи ея противниковъ, то въ концѣ-концовъ она стала смотрѣть на милліарды своихъ займовъ и субсидій, какъ на издержки, необходимыя для развитія ея промышленныхъ силъ“ (Ланфрей). Какъ только англійскій кабинетъ узналъ о союзѣ четырехъ нейтральныхъ государствъ, онъ отдалъ приказъ захватывать принадлежащія имъ суда. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль было захвачено до 400 судовъ; англичане угрожали также датскимъ колоніямъ. Въ отвѣтъ на эти враждебныя дѣйствія датскій корпусъ занялъ Гамбургъ, главный передаточный пунктъ англійской торговли съ Германіей, и заперъ для англичанъ Эльбу. Пруссаки вторглись въ Ганноверъ и закрыли имъ доступъ въ Везеръ и Эмсъ.

Первый франко-русскій союзъ. — Такимъ образомъ, первый консулъ въ борьбѣ съ Англіей получилъ неожиданную помощь. Онъ зналъ, что русскій царь питаетъ къ нему расположеніе, какъ къ мстителю за вѣроломство австрійцевъ и славному побѣдителю, водворившему во Франціи порядокъ и готовящемуся возстановить въ ней монархію. Бонапартъ безъ труда могъ привлечь къ союзу съ Франціей русскаго царя при его фантастическомъ умѣ и рыцарскомъ характерѣ. Онъ вернулъ ему безъ выкупа заново обмундированными и вооруженными на французскія средства русскихъ плѣнниковъ, оставшихся въ рукахъ французовъ послѣ сраженія при Цюрихѣ. Онъ обѣщалъ вернуть Пьемонтъ сардинскому королю, возстановить папу въ его правахъ, признать за русскимъ царемъ титулъ гросмейстера мальтійскаго ордена и право собственности на этотъ островъ. Эта ловкая предупредительность обольстила Павла. Начались переговоры въ Парижѣ. Русскій посолъ Колычевъ предложилъ Бонапарту отъ имени своего государя принять титулъ короля съ правомъ наслѣдственной передачи короны; „дабы искоренить революціонныя начала, вооружившія противъ Франціи всю Европу“. Этимъ поощрялись всѣ честолюбивые замыслы перваго консула. Русскій царь, со-

глашаясь признать за Франціей ея естественныя границы, т.-е. Альпы и Рейнъ, въ то же время взялъ на себя роль защитника монархическихъ правъ въ Италіи и Германіи и требовалъ, чтобы вопросъ о вознагражденіи нѣмецкихъ князей за отнятыя у нихъ земли былъ разрѣшенъ при его руководительномъ посредничествѣ. Въ доказательство своего возрастающаго расположенія къ Бонапарту Павелъ I рѣзко потребовалъ отъ Людовика XVIII и его крошечнаго двора, состоявшаго изъ эмигрантовъ, чтобы они оставили Митаву. Онъ велѣлъ повѣсить въ своемъ дворцѣ портреты перваго консула и публично пилъ его здоровье.

А такъ какъ у обоихъ властелиновъ былъ одинъ и тотъ же непримиримый врагъ, то естественно напрашивалась мысль о болѣе тѣсномъ сближеніи между ними ради совмѣстной борьбы съ этимъ врагомъ, чтобы окончательно сокрушить индійскую державу Англіи — главный источникъ ея богатства и мощи. Такъ возникъ тотъ *великій планъ*, первая мысль о которомъ безъ сомнѣнія принадлежала Бонапарту, а средства къ исполненію были соображены и предложены царемъ. Но трагическая смерть Павла въ ночь съ 23 на 24-ое марта 1801 г. вдругъ оборвала начатые переговоры. Новый царь, Александръ I, написалъ Георгу III примирительное письмо, велѣлъ выпустить изъ портовъ задержанныя англійскія суда и освободить плѣнныхъ матросовъ. Такова была первая, неудачная попытка соглашенія между Франціей и Россіей [1]).

Бомбардировка Копенгагена (2 апрѣля 1801).—Такимъ образомъ, лига нейтральныхъ государствъ начала распадаться. Чтобы нанести ей послѣдній ударъ, новый англійскій министръ Аддингтонъ обратился къ Даніи съ высокомѣрной нотой, въ которой требовалъ немедленнаго открытія датскихъ портовъ для англійскихъ кораблей. Наслѣдный принцъ датскій отвѣчалъ, что сумѣетъ отразить силу силою. Нельсонъ, ликуя, отправился на морскую войну съ Даніей. Онъ былъ подчиненъ старому адмиралу Паркеру, который смертельно боялся темныхъ ночей и льдовъ Балтійскаго моря. Фактически всѣмъ руководилъ Нельсонъ. Онъ прошелъ чрезъ Зундъ, держась вблизи неукрѣпленнаго шведскаго побережья, и явился предъ Копенгагеномъ. Датчане, которые по недостатку средствъ не могли построить себѣ новый военный флотъ взамѣнъ погибшаго, установили свои плавучія батареи на выбывшихъ изъ строя судахъ. Портъ былъ хорошо защищенъ фортомъ Трехъ Коронъ, и доступъ въ него былъ возможенъ лишь съ южной стороны чрезъ Королевскій проходъ. Нельсонъ выпросилъ у Паркера двѣнадцать судовъ, вошелъ въ этотъ проходъ почти бортъ о бортъ съ плавучими батареями и, какъ всегда, бѣшено атаковалъ непріятеля. Два его корабля, *Рессель* и *Беллона*, сѣли на мель, а 70 орудій форта Трехъ Коронъ и 800 датскихъ пушекъ осыпали англичанъ картечью. Паркеръ уже велѣлъ поднять на мачтѣ своего корабля сигналъ о прекращеніи битвы. „Прекратить бой!—воскликнулъ Нельсонъ,—будь я проклятъ, если сдѣлаю это“, и, приставивъ монокль къ своему слѣпому глазу, сказалъ своему адъютанту: „Увѣряю васъ, я не вижу никакого сигнала“, и приказалъ продолжать бой во всю. Вскорѣ плавучія батареи датчанъ были приведены почти въ полную негодность. Одной изъ нихъ приходилось выдерживать натискъ четырехъ англійскихъ кораблей; ея командиръ, потерявшій изъ 600 своихъ артиллеристовъ 500, покинулъ ее лишь тогда, когда она стала добычей пламени, и перешелъ на другую продолжать бой. Но и огонь датскихъ батарей грозилъ большой опасностью англійской эскадрѣ. Нельсонъ снова вывернулся посредствомъ смѣлой уловки: подъ громъ пушекъ онъ составилъ адресъ „къ

[1]) См. ниже, гл. IV.

братьямъ англичанъ, храбрымъ датчанамъ": „Если пальба изъ города будетъ продолжаться, адмиралъ окажется вынужденнымъ предать огню захваченныя имъ суда и даже не будетъ имѣть возможности спасти жизнь храбрецовъ, которые такъ доблестно ихъ защищали. Храбрые датчане — наши братья и не должны бы никогда поступать съ нами, какъ враги". Наслѣдный принцъ велѣлъ прекратить огонь. Нельсонъ, которому и безъ того по необходимости пришлось бы прекратить сраженіе, удовольствовался тѣмъ, что потребовалъ пріостановленія военныхъ дѣйствій на четырнадцать недѣль, что было для него равносильно фактическому выходу Даніи изъ лиги нейтральныхъ державъ; датское правительство, только что узнавшее о смерти Павла, поспѣшило заключить перемиріе.

Окончаніе египетской экспедиціи; Клеберъ.—Побѣды при Маренго и Гогенлинденѣ, равно какъ послѣдовавшія за ними заключеніе Люневильскаго мира и распаденіе анти-британской коалиціи, расположили англійское правительство къ миру. Не менѣе умиротворяющее дѣйствіе произвели и на перваго консула смерть императора Павла и распаденіе лиги нейтральныхъ державъ. Но миръ не могъ быть заключенъ прежде, чѣмъ былъ разрѣшенъ египетскій вопросъ. Все дѣло было въ томъ, удержатся ли французы тамъ, или они будутъ вынуждены очистить Египетъ. Уѣзжая изъ Египта, Бонапартъ передалъ командованіе достойнѣйшему изъ своихъ помощниковъ—Клеберу. Послѣдній пользовался величайшимъ престижемъ среди солдатъ: его высокій ростъ, открытое, выразительное лицо, ласковый голосъ, пріобрѣтавшій въ пылу сраженія мощь громоваго раската, его истинно-республиканская простота и готовность признать заслугу подчиненнаго—стяжали ему заслуженную популярность. Онъ умѣлъ ласкою привлекать къ себѣ феллаховъ. „Скажите народу,—писалъ онъ улемамъ въ своей первой прокламаціи,—что французская республика, ввѣряя мнѣ управленіе Египтомъ, особенно поручила мнѣ пещись о благоденствіи египетскаго народа. Изъ всѣхъ полномочій главнокомандующаго это всего ближе моему сердцу". Онъ интересуется ходомъ работъ египетскаго института и ведетъ переговоры съ командирами англійскихъ крейсеровъ, испрашивая у нихъ свободный пропускъ для ученыхъ. Онъ ненавидитъ лесть во всѣхъ ея видахъ. Для иллюминаціи, устраиваемой по поводу одного національнаго праздника, ему представили вензель съ такой надписью изъ огненныхъ буквъ: *Клеберъ—нашъ общій отецъ;* на это онъ сказалъ: „Мое имя нигдѣ не должно фигурировать; лучше написать что-нибудь въ родѣ: *Отечество бодрствуетъ надъ нами*".

Эль-Аришское соглашеніе.—Несмотря на безопасность своего положенія, онъ чувствовалъ себя въ Египтѣ плѣнникомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что и самыя побѣды ослабляютъ его, такъ какъ зоркая бдительность англійскихъ крейсеровъ дѣлала для него теперь уже невозможнымъ подвозъ провіанта для его арміи моремъ. Поэтому онъ искалъ мира, ясно понимая, что съ сильной арміей въ рукахъ добьется болѣе выгодныхъ условій, чѣмъ когда отъ нея останется одна тѣнь. Не таковъ былъ взглядъ Даву, съ большой силой доказывавшаго необходимость отстоять Египетъ во что бы то ни стало. Но Клеберъ при всей твердости своего духа былъ подверженъ припадкамъ унынія, и такой припадокъ былъ вызванъ въ немъ отъѣздомъ Бонапарта. Въ концѣ-концовъ онъ послалъ Дезэ и Пуссіельга къ коммодору Сидней-Смиту договориться объ условіяхъ эвакуаціи. Въ Эль-Аришѣ было заключено соглашеніе, въ силу котораго Египетъ долженъ былъ быть очищенъ французами и возвращенъ оттоманскимъ властямъ, а французское войско съ оружіемъ перевезено во Францію на англійскихъ судахъ (24 января 1800).

Клеберъ уже эвакуировалъ Каиръ и собирался честно исполнить всѣ условія договора; но адмиралъ Кейсъ отказался ратифицировать соглашеніе, подписанное его помощникомъ въ Эль-Аришѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдній присвоилъ себѣ не принадлежащій ему титулъ. Онъ потребовалъ, чтобы французы сдались ему въ качествѣ военноплѣнныхъ. „Солдаты, — писалъ Клеберъ въ прокламаціи, которая заслуженно пріобрѣла славу, — на такую наглость можно отвѣчать только побѣдами; готовьтесь къ бою".

Геліополисъ; убіеніе Клебера.—70.000 турокъ и египтянъ приблизились вверхъ по дельтѣ подъ начальствомъ великаго визиря Юссуфа; Клеберъ, располагавшій всего 12.000 человѣкъ, далъ имъ сраженіе при Геліополисѣ и заставилъ ихъ въ полномъ замѣшательствѣ отступить къ Бельбеису. Каиръ возсталъ; Клеберъ вступилъ въ него побѣдителемъ послѣ десятидневной сѣчи на улицахъ. Его мягкость въ отношеніи побѣжденныхъ окончательно покорила ему всѣ сердца. Рыцарственный Мурадъ-бей, самый грозный изъ мамелюкскихъ вождей, обязался отнынѣ служить Франціи; Клеберъ отдалъ ему въ управленіе весь Верхній Египетъ, и съ тѣхъ поръ у Франціи не было болѣе вѣрнаго союзника, чѣмъ Мурадъ. Клеберъ волей-неволей долженъ былъ признать оккупацію Египта окончательной. Онъ принялъ рядъ превосходныхъ мѣръ для упроченія здѣсь французскаго владычества; онъ опирается на мамелюковъ, формируетъ полки изъ сирійцевъ, коптовъ и кордофанскихъ черныхъ рабовъ, слѣдитъ за аккуратнымъ поступленіемъ всѣхъ налоговъ и поощряетъ всякое полезное предпріятіе. Это былъ самый блестящій періодъ французской оккупаціи. Но онъ оказался непродолжительнымъ. Клеберъ палъ въ своемъ каирскомъ дворцѣ подъ кинжаломъ фанатика-мусульманина, по имени Солиманъ, въ тотъ самый день, когда Дезэ былъ убитъ въ сраженіи при Маренго (14 іюня). Оба они умерли молодыми, и ни одно пятно ни разу не помрачило ихъ славы. Съ ихъ смертью Бонапартъ освободился отъ двухъ соперниковъ, которые могли бы стать неудобными для него.

Мену; Александрійскій договоръ. — По смерти Клебера командованіе перешло къ Мену. Солдаты предпочли бы болѣе молодого, болѣе пылкаго и болѣе даровитаго Рейнье; но за Мену было старшинство въ чинѣ. Онъ считался хорошимъ администраторомъ; въ дѣйствительности это была канцелярская крыса, болтливый и сварливый субъектъ. Онъ поставилъ вверхъ дномъ всю администрацію Бонапарта и Клебера, навязавъ феллахамъ французскіе лѣсоохранительные законы, таможни и октруа. Онъ перешелъ въ исламъ, былъ женатъ на египтянкѣ и подписывался Абдалла-Мену, но это не мѣшало ему безцеремонно коверкать туземные обычаи и даже національный костюмъ. Его печатные и рукописные приказы составляютъ три толстыхъ фоліанта! Между тѣмъ французамъ грозила большая опасность: готовилась высадка 20.000 англичанъ подъ начальствомъ Аберкромби, изъ Сиріи шло 40.000 турокъ и въ Красное море вошли суда съ 10.000 сипаевъ. Было очевидно, что эти три арміи раздавятъ французовъ. Слѣдовало бы сосредоточить всѣ наличныя силы и по одиночкѣ разбить каждую изъ трехъ наступающихъ армій; а Мену вмѣсто того раздробилъ свои силы. Оставивъ Белліара въ Каирѣ, онъ двинулся съ 8.000 человѣкъ навстрѣчу Аберкромби, только что высадившемуся въ Абукирѣ. Неподалеку отсюда, у Канопе, произошло ожесточенное сраженіе. Аберкромби былъ убитъ, но Мену принужденъ былъ отступить. Возобнови онъ сраженіе при поддержкѣ Белліара, онъ несомнѣнно одержалъ бы верхъ; но онъ предпочелъ запереться въ Александріи. А Белліаръ, осажденный въ Ка-

ирѣ 45 тысячами англичанъ и турокъ и имѣя въ своемъ распоряженіи только гарнизонъ въ 6—8.000 человѣкъ, истощенный усталостью, недостаткомъ продовольствія и чумою, принужденъ былъ капитулировать на условіяхъ Эль-Аришскаго соглашенія. Мену послѣ мужественной обороны сдалъ Александрію на тѣхъ же условіяхъ (30 августа 1801). Египетъ былъ потерянъ. Войско было перевезено во Францію на англійскихъ судахъ; знамена, оружіе и багажъ были ему оставлены, въ чемъ англичане несправедливо отказали Клеберу.

Эвакуація Египта. — Бонапартъ тщетно пытался подать помощь своимъ египетскимъ соратникамъ. Попытки Гантома выйти въ море изъ Бреста и Тулона, попытка Брюи отплыть изъ Рошфора потерпѣли неудачу благодаря бдительному надзору англійскихъ крейсеровъ. Побѣда, одержанная контръ-адмираломъ Линуа при Алгезирасѣ, не принесла никакой пользы. Фантастическій египетскій походъ окончился, какъ и предсказывали всѣ хладнокровные наблюдатели, почти полнымъ истребленіемъ неизмѣнно побѣдоносной арміи. Но память о французской оккупаціи не изгладилась; эти воспоминанія способствовали возрожденію Египта въ эпоху Мегемета-Али и упроченію навсегда престижа французскаго имени на берегахъ Нила.

Общіе переговоры. — Уже начаты были серьезные переговоры съ Англіей о мирѣ. Бонапартъ отбилъ у нея всѣхъ бывшихъ союзниковъ. Португалія, угрожаемая испанскимъ нашествіемъ, которое должна была поддержать французская армія подъ командою Леклерка и Бернадотта, скрѣпя сердце заключила Бадахозскій договоръ (іюнь 1801). Португальскіе порты закрылись для англичанъ. Договоръ, заключенный въ С.-Ильдефонсѣ съ испанскимъ королемъ, вернулъ Франціи ея владѣнія въ Луизіанѣ, уступленныя въ 1763 году. Морфонтенскимъ договоромъ (1 октября) Соединенные Штаты Америки признали права нейтральныхъ державъ. Новый русскій царь Александръ, несмотря на то, что былъ окруженъ совѣтниками, симпатизировавшими Англіи, подписалъ Парижскій договоръ (8 октября), по которому, согласно видамъ Павла I, ему предоставлялось посредничество въ разрѣшеніи итальянскаго и германскаго вопросовъ и въ дѣлѣ возстановленія добрыхъ отношеній между первымъ консуломъ и султаномъ. Такимъ образомъ всѣ континентальныя державы заключали договоры съ Франціей.

Первый булонскій лагерь. — Англія чувствовала себя изолированной и изнемогала подъ тяжестью колоссальнаго долга въ двѣнадцать милліардовъ. Притомъ, ей грозило прямое нападеніе на ея собственную территорію. Дѣло въ томъ, что Бонапартъ готовилъ множество мелкихъ судовъ и транспортныхъ кораблей, чтобы перекинуть за Ламаншъ *армію булонскаго лагеря.* Одного благопріятнаго тумана, одного попутнаго вѣтра было бы довольно, чтобы высадка удалась. Двѣ атаки стремительнаго Нельсона на флотилію *орѣховыхъ скорлупъ* потерпѣли полную неудачу. Континентальныя державы отвергали золото, которое предлагали имъ англичане для возобновленія войны. Общественное мнѣніе Англіи настойчиво требовало мира. Ожесточенный противникъ Франціи, Уильямъ Питтъ, долженъ былъ покинуть министерство изъ-за ирландскихъ дѣлъ, а его преемникъ, Аддингтонъ, не былъ въ такой степени связанъ прошлымъ и могъ сдѣлать бо̀льшія уступки. Прелиминарный миръ былъ подписанъ въ Лондонѣ французскимъ уполномоченнымъ Отто и лордомъ Гауксбери (1 октября 1801). Въ Амьенѣ собрался конгрессъ, гдѣ лордъ Корнуэльсъ въ теченіе пяти мѣсяцевъ обсуждалъ условія окончательнаго мира съ Жозефомъ Бонапартомъ, котораго поддерживалъ своими совѣтами Талейранъ.

Амьенскій миръ. — Амьенскій миръ (25 марта 1802) былъ заключенъ между Франціей, Испаніей и Батавской республикой съ одной стороны и Англіей съ другой. Англія отказалась отъ всѣхъ своихъ завоеваній, кромѣ Цейлона и Тринидада. Капштатъ былъ признанъ портофранко. Эвакуація Египта французами была санкціонирована и онъ возвращенъ оттоманской Портѣ. Іоническіе острова были обращены въ „республику семи острововъ“ подъ общимъ суверенитетомъ Порты и Россіи. Англія обязалась вернуть Мальту и Гоццо іерусалимскимъ Іоаннитамъ. Наконецъ, она обязалась отнюдь не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Батавіи, Германіи, Гельвеціи и итальянскихъ республикъ. Въ общемъ это было равносильно установленію принципа, что отнынѣ Англіи нѣтъ никакого дѣла до того, что́ происходитъ въ Европѣ. Король Георгъ III отказался отъ лилій въ своемъ гербѣ и отъ титула французскаго короля, который его предшественники продолжали носить со времени Столѣтней войны. Такимъ образомъ, Франція, казалось, смирила свою соперницу, какъ и всѣхъ остальныхъ своихъ враговъ.

Эти два договора — Люневильскій и Амьенскій—были встрѣчены единодушной радостью. Всѣ съ бодрой увѣренностью смотрѣли на будущее. Казалось, что для всего человѣчества начинается новая эра согласія и благоденствія. Казалось, что Бонапартъ, подобно Генриху IV, навѣки обручилъ Францію миру. Онъ сдѣлался героемъ мира, какъ до того былъ героемъ войны. Всѣ сердца были обращены къ нему, невольно и наивно подкупленныя его блестящими заслугами и очарованныя тѣмъ обаяніемъ, которое присуще всякому генію. Счастливый, но—увы!—невозвратный день! Умри Бонапартъ въ эту минуту, его слава осталась бы непомраченной и не было бы пятенъ на солнцѣ.

III. Расторженіе Амьенскаго мира.

Ненадежность Амьенскаго мира.—Амьенскій миръ оказался лишь краткимъ перемиріемъ. Заключая договоръ, обѣ стороны дѣйствовали неискренно. Миръ могъ состояться только потому, что обѣ онѣ молча согласились не затрагивать щекотливыхъ вопросовъ. Пользуясь продолжительностью переговоровъ, Бонапартъ снова грубо нарушилъ независимость Голландіи, Швейцаріи и Пьемонта. Англійскій министръ Аддингтонъ, сильно желавшій мира, притворялся, что ничего этого не видитъ. Бонапартъ заставилъ его волей-неволей склониться предъ совершившимся фактомъ. Съ своей стороны, Англія во что бы то ни стало хотѣла сохранить за собой Мальту и Александрію, Горею, Капъ и французскіе города въ Индіи, т.-е. все, что она обязалась возвратить. Съ виду молча смирившись, она однако вовсе не была склонна отречься отъ всякаго вліянія на континентѣ, а, съ другой стороны, Бонапартъ былъ твердо намѣренъ вернуть Франціи ея законную долю во владычествѣ надъ моремъ и колоніями. Онъ хвалился тѣмъ, что заперъ храмъ Януса, а самъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы снова открыть его. Притязанія обоихъ противниковъ были непримиримы; только война могла рѣшить споръ. Предстояла новая схватка въ томъ трагическомъ единоборствѣ, которое началось въ 1688 году и окончательно прекратилось только въ 1815.

Колоніальные замыслы Бонапарта: Леклеркъ въ Санъ-Доминго. — Послѣ потери Египта Бонапартъ сталъ обдумывать планъ пріобрѣтенія новыхъ колоній на Западѣ. Еще до этого онъ добился отъ Испаніи чрез посредство посланнаго имъ въ Мадридъ Бертье (августъ 1800) уступки Луизіаны; взамѣнъ этой прекрасной американской колоніи онъ обѣщалъ признать

Тоскану королевствомъ и отдать ее зятю Карла IV. Въ основѣ задуманной Бонапартомъ комбинаціи лежала мысль объ упроченіи французскаго владычества на Санъ-Доминго. Онъ надѣялся отбить у Соединенныхъ Штатовъ торговлю богатаго бассейна Миссиссипи и поставить Францію въ возможность извлекать выгоду изъ всей торговли быстро растущей Америки. Для этого онъ долженъ былъ избѣгать войны съ Соединенными Штатами, и потому онъ заключилъ съ ними морфонтэнскій договоръ (октябрь 1800). Ему нуженъ былъ также миръ съ Англіей, и это было одною изъ причинъ, приведшихъ къ заключенію Амьенскаго мира. Наконецъ, необходимо было подавить попытки туземцевъ добиться независимости. Негръ Туссэнъ-Лувертюръ, покоривъ подъ свое желѣзное иго враждебныя другъ другу группы населенія—бѣлыхъ, метисовъ, и негровъ, устроилъ нѣчто въ родѣ республики и присвоилъ себѣ диктаторскую власть. Благодаря его твердости, въ странѣ водворился порядокъ и снова стало воцаряться прежнее благоденствіе. Но онъ хотѣлъ дать Санъ-Доминго конституцію, которая должна была почти совершенно освободить его отъ суверенитета Франціи. Бонапартъ отказался принять эту конституцію и тотчасъ послѣ ратификаціи лондонскаго прелиминарнаго мира сталъ организовать большую колоніальную экспедицію, руководство которой поручилъ своему шурину, генералу Леклерку. 35.000 человѣкъ, высадившіеся въ Санъ-Доминго, сначала успѣшно подавили сопротивленіе туземцевъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ (мартъ—апрѣль 1802) во всей колоніи былъ возстановленъ порядокъ. Туссэнъ-Лувертюръ былъ взятъ въ плѣнъ и умеръ плѣнникомъ во Франціи, въ крѣпости Жу. Однако двѣ трети экспедиціоннаго корпуса погибли отъ желтой лихорадки. Генералъ Леклеркъ съ пятнадцатью генералами также палъ жертвою этой ужасной болѣзни. Негры, боясь возстановленія рабства, поднялись подъ начальствомъ бывшихъ офицеровъ Туссэнъ-Лувертюра. Остатки французской арміи были вынуждены отплыть назадъ во Францію. Островъ остался въ рукахъ негровъ, и верховную власть тамъ захватилъ жестокій Дессалинъ. Такимъ образомъ, эта колоніальная экспедиція кончилась полной неудачей (1801 — 1803). Замысламъ перваго консула относительно Луизіаны не суждено было осуществиться, и онъ продалъ Соединеннымъ Штатамъ эту прекрасную страну за 80 милліоновъ (30 апрѣля 1803).

Посольство Себастіани на востокъ.—Между тѣмъ Бонапартъ не переставалъ думать и о востокѣ: онъ еще не отчаялся снова овладѣть Египтомъ. Въ сентябрѣ 1802 года онъ отправилъ въ Левантъ Себастіани съ званіемъ торговаго агента. Этотъ оригинальный агентъ долженъ былъ отправиться изъ Триполи въ Египетъ и Сирію, тщательно изучить состояніе портовъ и арсеналовъ, посѣтить каирскихъ шейховъ и при этомъ увѣрить ихъ въ благожелательствѣ Франціи, предложить посредничество Бонапарта въ спорѣ между пашой и беями и снять планы укрѣпленій Яффы, Іерусалима и Сенъ-Жанъ-д'Акры. Это посольство недолго оставалось тайной. Бонапартъ опубликовалъ донесеніе Себастіани въ *Монитёрѣ* отъ 30 января 1803 года. Оно заключало въ себѣ отвѣтъ на всѣ упомянутые вопросы, а также точныя свѣдѣнія объ англійскихъ и турецкихъ силахъ въ Левантѣ, и кончалось слѣдующимъ, угрожающимъ миру заявленіемъ: „Въ настоящее время достаточно 6.000 французовъ, чтобы снова завоевать Египетъ". Для всякаго было ясно, что Бонапартъ намѣренъ возобновить экспедицію при первомъ удобномъ случаѣ.

Деканъ въ Индіи и на Иль-де-Франсѣ.—Владычеству англичанъ въ Индіи снова грозила опасность. Правда, со смертью Павла I грандіозный планъ сухопутнаго

вторженія въ Индію самъ собою рухнулъ; но ничего не стоило въ каждую данную минуту вызвать тамъ возстаніе. Тотчасъ послѣ битвы при Гогенлинденѣ генералъ Деканъ обратился къ первому консулу съ просьбой командировать его въ Индію; онъ хвасталъ, что превосходитъ всѣхъ французовъ въ ненависти къ англичанамъ. Деканъ покинулъ Францію всего мѣсяцъ спустя послѣ заключенія Амьенскаго договора; это доказываетъ, что первый консулъ не былъ намѣренъ долго соблюдать миръ. Оффиціально ему было поручено принять отъ англійскихъ комиссаровъ тѣ пять французскихъ городовъ, которые въ силу Амьенскаго договора должны были быть возвращены Франціи; секретная же инструкція предписывала ему склонить къ союзу всѣхъ мѣстныхъ властителей, настроенныхъ враждебно противъ англичанъ. Отплывъ изъ Бреста съ 1.800 человѣкъ на шести судахъ (1803), онъ только показался предъ Пондишери, гдѣ командиръ англійскаго крейсера едва не захватилъ его въ плѣнъ со всѣмъ его отрядомъ. Но ему удалось добраться до Иль-де-Франса, который онъ и привелъ въ оборонительное состояніе на случай нападенія со стороны англичанъ. Въ продолженіе восьми лѣтъ (1803—1811) онъ непрерывно высылалъ на каперство все новыя суда, причинявшія большой ущербъ британской торговлѣ.

Онъ утверждалъ, что, имѣй онъ въ своемъ распоряженіи нѣсколько милліоновъ франковъ и нѣсколько тысячъ человѣкъ, онъ безъ труда низвергъ бы владычество англичанъ въ Индіи; но для достиженія этой цѣли была нужна еще поддержка сильнаго военнаго флота.

Новые захваты французовъ: 1) въ Голландіи.—Напротивъ, на континентѣ воля Бонапарта не знала преградъ, а вопросъ о законности его дѣйствій не смущалъ его нимало. На всѣхъ границахъ Директорія организовала республики наподобіе французской. Теперь Франція быстрыми шагами приближалась къ монархическому устройству; Бонапартъ хотѣлъ преобразовать въ монархическомъ духѣ шаткую организацію и этихъ сторожевыхъ государствъ. Наиболѣе пластичнымъ изъ нихъ была батавская республика. Послѣ успѣха штатгальтерской реакціи въ 1787 г., побѣжденные патріоты образовали франкофильскую партію, готовую слѣпо слѣдовать всякому внушенію со стороны Франціи. Этимъ объясняются легкіе успѣхи Дюмурье въ 1793 и Пишегрю въ 1795 гг. Въ Голландіи послѣдовательно смѣнили другъ друга: Генеральные штаты, представлявшіе собою копію французскаго Учредительнаго собранія, Конвентъ, подобный французскому, и Директорія по образцу французской же. Эта Директорія привела къ монархіи, предварительно пройдя чрезъ консульство, въ которомъ Шиммельпеннинкъ сыгралъ, такъ сказать, роль Бонапарта. Новая конституція умалила власть областныхъ собраній, ослабила вліяніе демократическихъ тенденцій и весь престижъ предоставила исполнительной власти, сосредоченной въ рукахъ регентства. Президентомъ послѣдняго былъ Шиммельпеннинкъ.

2) Въ Италіи: ліонская консульта; присоединеніе Пьемонта.—1 декабря 1801 года на ліонской *консультѣ*, гдѣ собрались виднѣйшіе дѣятели Ломбардіи, Бонапартъ сумѣлъ добиться своего избранія въ президенты Цизальпинской республики. Въ Генуѣ подъ его вліяніемъ былъ избранъ президентомъ Лигурійской республики Жеромъ Дураццо, одна изъ его креатуръ. Онъ организовалъ въ Пьемонтѣ *временное* управленіе, которое однако вскорѣ естественно должно было сдѣлаться постояннымъ: Пьемонтъ былъ раздѣленъ на шесть департаментовъ, устроенныхъ наподобіе французскихъ (11 сентября 1802). Чтобы удовлетворить русскаго царя, сардинскому королю было обѣщано вознагражденіе. Но дѣло затянулось. Сначала Бонапартъ предложилъ въ обмѣнъ Парму

и Пьяченцу, но потомъ раздумалъ и отдалъ ихъ одному испанскому инфанту. Впослѣдствіи онъ предложилъ сардинскому королю только Сіенну, Орбителло и пенсію въ 500.000 ливровъ. Протесты русскаго царя въ пользу Карла-Эммануила удивляли Бонапарта. „Казалось бы,— сказалъ онъ однажды,—это дѣло должно интересовать императора Александра ровно столько же, сколько меня, перваго консула, интересуютъ персидскія дѣла".

Островъ Эльба въ цѣломъ рядѣ петицій, разумѣется вовсе не добровольныхъ, ходатайствовалъ о своемъ присоединеніи къ французской республикѣ. Бонапартъ поспѣшилъ узаконить это новое присоединеніе. Наконецъ, въ виду неизбѣжнаго возобновленія войны съ Англіей, Гувіонъ-Сенъ-Сиръ былъ посланъ для занятія Отранта, Тарента и Бриндизи. Это было прямымъ нарушеніемъ правъ одного изъ итальянскихъ государствъ, состоявшихъ подъ покровительствомъ Россіи.

3) Посредничество въ швейцарскихъ дѣлахъ.—Въ Швейцаріи продолжалась борьба между аристократами и демократами. Французскіе демократическіе агенты не только не старались умиротворять эти раздоры, но еще разжигали ихъ, опираясь на тотъ престижъ, какой давало имъ присутствіе французской оккупаціонной арміи. Подъ предлогомъ возстановленія порядка, нарушеннаго соперничествомъ двухъ ландаммановъ, Дольдера и Мюллинена, Бонапартъ навязалъ Швейцаріи свое посредничество. При содѣйствіи федералистской партіи онъ присвоилъ себѣ, подъ титуломъ посредника, верховную роль въ центральномъ управленіи, предоставивъ вліяніе въ кантонахъ швейцарскимъ патріотамъ. Тѣмъ не менѣе онъ позволилъ избрать президента гельветской конфедераціи; но это былъ послушный ставленникъ Франціи. „Европой признано,—сказалъ онъ швейцарскимъ делегатамъ,—что Италія, Голландія и Швейцарія стоятъ подъ властью Франціи... Я не потерплю въ Швейцаріи иного вліянія, кромѣ своего, хотя бы это мнѣ стоило 100.000 человѣкъ". Таковъ былъ его неизмѣнный пріемъ: выставлять въ видѣ послѣдняго аргумента остріе своего меча.

4) Имперскій рецессъ и секуляризація.—Вслѣдъ за Швейцаріей наступила очередь Германіи. По Люневильскому договору князьямъ, лишеннымъ своихъ владѣній, должно было быть выдано вознагражденіе при совмѣстномъ посредничествѣ Франціи и Россіи. Главная роль въ разрѣшеніи этой сложной задачи естественно выпадала на долю Франціи. Дѣло было улажено въ Парижѣ; нѣмецкіе князья самыхъ знатныхъ родовъ дожидались въ передней перваго консула или заискивали предъ Талейраномъ, лаская его собачку и умышленно забывая на его письменномъ столѣ табакерки, наполненныя золотомъ, чтобы тѣмъ придать больше вѣса своимъ ходатайствамъ. Напротивъ, къ представителю Россіи, Маркову, никто не обращался; его вліяніе было сведено къ нулю. Здѣсь разыгрался жалкій фарсъ: безсильныя жалобы обездоленныхъ свѣтскихъ и духовныхъ князей сливались съ ликующими голосами наиболѣе могущественныхъ, которымъ удалось еще увеличить свои владѣнія. Нѣмецкіе историки краснѣя говорятъ объ этихъ дняхъ униженія, ознаменованныхъ столь постыднымъ торгомъ. Проектъ секуляризаціи, предложенный Франціей 23 февраля 1803 года, былъ обращенъ въ имперскій рецессъ, принятъ рейхстагомъ 24 марта и, наконецъ, санкціонированъ императоромъ Францемъ II 27 апрѣля 1803 года. Уже произведенная здѣсь территоріальная разверстка своими главными чертами предуказывала ту форму, которую Бонапартъ намѣренъ былъ придать Германіи. Уцѣлѣло только одно большое церковное княжество, именно регенсбургское архіепископство, гдѣ былъ водворенъ Дальбергъ, архіепископъ майнцскій, въ которомъ Бо-

напартъ угадалъ своего будущаго клеврета. Изъ вольныхъ городовъ только шесть сохранили автономію: Бременъ, Гамбургъ, Любекъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Аугсбургъ и Нюренбергъ. Утрата самостоятельности цѣлымъ рядомъ церковныхъ княжествъ и вольныхъ городовъ лишила Австрію всей ея кліентелы, беззавѣтно преданной ей въ теченіе стольких вѣковъ. Напротивъ, Пруссія увеличилась и окрѣпла: она потеряла 127.000 подданныхъ на лѣвомъ берегу Рейна, но взамѣнъ пріобрѣла 500.000 въ Вестфаліи и Тюрингіи съ безпрерывной территоріей и болѣе удобною, чѣмъ прежде, границей. Баденскій, гессенскій, дармштадтскій, вюртембергскій и баварскій дома, находившіеся въ родственныхъ связяхъ съ русскимъ царемъ, также пріобрѣли обширныя владѣнія. Этими уступками Бонапартъ старался угодить императору Александру; въ то же время онъ хотѣлъ вознаградить этихъ государей за вѣрность союзу съ Франціей. Всего болѣе въ выигрышѣ осталась Баварія. Взамѣнъ Юлиха, Цвейбрюкена, рейнскаго Пфальца и другихъ разбросанныхъ земель она получила епископства верхняго Майна, церковныя земли и вольные города на баварскомъ Дунаѣ, благодаря чему ея владѣнія составили одну сплошную территорію и народонаселеніе увеличилось на 300.000 человѣкъ. Первенствовавшіе на сѣверѣ Гогенцоллерны и на югѣ—Виттельсбахи могли теперь надѣяться на осуществленіе самыхъ смѣлыхъ своихъ надеждъ. Еще въ 1789 г. Мирабо сказалъ: „Отдѣльныя нѣмецкія государства различаются между собою не больше, чѣмъ французскія провинціи". Рецессъ 1803 года значительно упростилъ сложную политическую систему Германіи; достаточно вспомнить, что въ XVIII вѣкѣ въ Германской имперіи было отъ 1.800 до 1.900 автономныхъ государствъ, а въ федераціи 1815 года изъ нихъ уцѣлѣло только 39. Этой коренной переверсткою территоріи старой имперіи Бонапартъ несокрушимо упрочилъ идею германскаго единства. Ошибкой съ его стороны было то, что позднѣе онъ испугался этой идеи и сталъ бороться противъ нея. Его жестокая расправа съ Германіей пробудила въ нѣмцахъ сознаніе общности ихъ отечества. Европа въ концѣ-концовъ предоставила бы Франціи рейнскую границу, и протестъ Англіи остался бы одинокимъ и безплоднымъ, если бы не безпрерывные вызовы и нашествія Наполеона.

Въ итогѣ Бонапартъ безпрестанно нарушалъ миръ. Франція постепенно накладывала руку на всѣ сосѣднія государства. Подъ давленіемъ Годоя, котораго Бонапартъ сумѣлъ терроризировать, слабый Карлъ IV подчинилъ политику Испаніи политикѣ перваго консула. Судьба Германіи властно рѣшалась въ Парижѣ постановленіями французскихъ министровъ. Голландія, Швейцарія и Италія стали въ полную, лишь слегка замаскированную, зависимость отъ Франціи. Нѣмецкій историкъ Генцъ вѣрно формулируетъ это положеніе дѣлъ: „Франція больше не имѣетъ границъ, потому что всѣ прилегающія къ ней государства фактически, если еще и не юридически, составляютъ уже ея достояніе или должны стать ея собственностью при первомъ удобномъ случаѣ". Англійскій посланникъ лордъ Уайтуорсъ протестовалъ противъ дѣйствій Бонапарта, ссылаясь на договоры. „Очевидно,—отвѣчалъ ему Бонапартъ,—вы хотите говорить о Пьемонтѣ и Швейцаріи. Вотъ бездѣлица! Это надо было предвидѣть во время переговоровъ". Возможность новой войны радовала Бонапарта. Война была для него личною потребностью, и онъ считалъ себя „призваннымъ воевать почти безпрерывно".

Нарушеніе Англіей Амьенскаго мира.—Не меньше жаждали войны и англичане, чтобы сокрушить соперника, ставшаго болѣе опаснымъ, чѣмъ когда-либо. Они не постѣснились даже нарушить Амьенскій миръ:

Аддингтонъ очень ловко поставилъ эвакуацію Мальты въ зависимость отъ принятія на себя европейскими державами той гарантіи, которая требовалась отъ нихъ по договору; онъ зналъ, что нѣкоторыя державы, и въ томъ числѣ Россія, намѣрены не брать на себя этой гарантіи. Подъ этимъ предлогомъ эвакуація безконечно откладывалась, между тѣмъ какъ Бонапартъ однажды, въ припадкѣ ярости, какіе бывали у него нерѣдко, воскликнулъ, что „предпочелъ бы видѣть англичанъ въ предмѣстьѣ св. Антонія, чѣмъ на Мальтѣ“. Англичане продолжали занимать Александрію, и Себастіани въ одномъ изъ своихъ донесеній обвинялъ генерала Стюарта въ покушеніи на его жизнь. Вмѣсто того, чтобы вернуть Декану французскіе города въ Индіи, англійскіе комиссары взяли въ плѣнъ генералъ-адъютанта Бино, которому было поручено возстановить въ Пондишери французское владычество, вмѣстѣ съ его отрядомъ въ 1.600 человѣкъ (сентябрь 1803). Кромѣ того, Англія дала пріютъ у себя французскимъ эмигрантамъ и ихъ вождю, графу д'Артуа, всѣмъ уцѣлѣвшимъ дѣятелямъ вандейскаго возстанія и шуанской войны, а также завѣдомымъ заговорщикамъ, въ родѣ Жоржа Кадудаля. Ихъ заговоры дѣлались на англійскія деньги; на англійскихъ судахъ они ѣздили во Францію. Англія всѣмъ своимъ вліяніемъ поддерживала контръ-революцію; Питтъ неизмѣнно ставилъ реставрацію Бурбоновъ условіемъ мира. Возстановить во Франціи традиціонную монархію, снабженную лишь болѣе либеральными учрежденіями, и сократить французскую территорію до прежнихъ ея предѣловъ, лишивъ ее всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ республикой,—таково было желаніе всякаго англійскаго патріота. Но неизбѣжной сдѣлала войну экономическая политика перваго консула. Онъ старался развить французскую промышленность и потому отказывался заключить какой-либо торговый договоръ съ Англіей. Онъ принялъ суровыя мѣры, почти совершенно закрывшія продуктамъ британской промышленности доступъ въ порты Франціи и ея союзниковъ. Онъ явно начиналъ континентальную блокаду, насколько это было возможно при существованіи того неискренняго мира, какимъ формально регулировались отношенія обоихъ государствъ. Такое нарушеніе интересовъ британской торговли въ глазахъ торгашей-англичанъ было непростительнымъ преступленіемъ. Война становилась неизбѣжной въ ближайшемъ будущемъ.

Агитація печати.—Она началась съ похода англійской печати, возбудившаго сильнѣйшій гнѣвъ въ первомъ консулѣ. Этотъ человѣкъ, предъ которымъ, по выраженію Фонтана, *замолкла вселенная*, съ возрастающимъ раздраженіемъ смотрѣлъ на свободную англійскую печать, изо дня въ день изобличавшую его захваты и комментировавшую вызовы, которые онъ бросалъ Европѣ. Ему прислали изъ Англіи брошюру, кончавшуюся слѣдующими словами: „умерщвлять не значитъ убивать“. Бонапартъ отвѣчалъ рѣзкою бранью и прямыми угрозами противъ англійскаго народа и его правительства. Въ нотѣ, составленной Талейраномъ для французскаго посла въ Лондонѣ, Отто, Бонапартъ велѣлъ написать, что если Англіи удастся привлечь новыхъ союзниковъ,—это будетъ имѣть лишь тотъ результатъ, что „заставитъ французовъ покорить Европу... Ему только тридцать три года... До сихъ поръ ему приходилось разрушать только второстепенныя государства. Какъ знать, много ли времени потребуется ему, чтобы совершенно измѣнить физіономію Европы и возстановить Западную имперію?“ (23-го октября 1802 г.).

Расторженіе Амьенскаго мира (Май 1803).—Расторженіе мира сдѣлалось неизбѣжнымъ. Георгъ III въ своемъ посланіи къ палатѣ общинъ (8 марта 1803) за-

являлъ, что Францiя угрожаетъ безопасности Англiи и что онъ „разсчитываетъ на содѣйствiе своей вѣрной палаты, дабы приняты были всѣ возможныя мѣры къ защитѣ чести и интересовъ англiйскаго народа“. Какъ только это посланiе стало извѣстно въ Парижѣ, первый консулъ въ присутствiи всѣхъ пословъ обратился къ лорду Уайтуорсу съ очень рѣзкимъ запросомъ: „Итакъ, вы очевидно рѣшили объявить намъ войну?“—Нѣтъ, мы очень дорожимъ благами мира.—„Вы уже разъ заставили насъ вести войну въ продолженiе десяти лѣтъ. Теперь вы хотите продлить ее еще на пятнадцать; вы меня принуждаете къ этому!“ Затѣмъ, обернувшись къ прочимъ посламъ, онъ сказалъ: „Англичане желаютъ войны; но если они первые обнажаютъ мечъ, я послѣднимъ вложу его въ ножны. Англiя не уважаетъ договоровъ; ну, что же! завѣсимъ ихъ чернымъ покрываломъ!..“ Англiйскiй посолъ покинулъ Парижъ 12 мая 1803 года. Англiя тотчасъ открыла враждебныя дѣйствiя морскимъ разбоемъ, по образцу всѣхъ большихъ войнъ, какiя она вела въ XVIII вѣкѣ. 1.200 французскихъ и голландскихъ торговыхъ кораблей, мирно продолжавшихъ свои рейсы подъ эгидой договоровъ, безъ объявленiя войны были взяты въ плѣнъ и обращены въ призы, доставившiе Англiи свыше 200 миллiоновъ франковъ. Въ отвѣтъ на это Бонапартъ велѣлъ арестовать всѣхъ англiйскихъ подданныхъ, находившихся на территорiи французской республики и запретилъ покупать и продавать какiе-либо англiйскiе товары (май 1803). Мортье съ войскомъ занялъ Ганноверъ, громадная англiйская армiя, насчитывавшая около 120.000 человѣкъ, была расположена шестью большими укрѣпленными лагерями на протяженiи отъ Голландiи до Бреста. Въ сосѣднихъ съ Булонью портахъ шли приготовленiя къ новому вторженiю въ Англiю. Снова начиналась ожесточенная борьба. Но первый консулъ ловко воспользовался ненавистью къ Англiи, чтобы объявить себя императоромъ. Дѣйствительно, новая война началась уже при имперiи.

Глава III.

Имперія.

Третья и четвертая коалиціи.

1804—1807.

I.—Организація войска въ эпоху имперіи.

Наполеоновская армія.—Въ эпоху имперіи армія еще гораздо болѣе, чѣмъ въ эпоху консульства, утрачиваетъ свой національный характеръ. Во время нашествій 1792 и 1793 гг. армія, политически еще ничѣмъ не запятнаная, являлась въ глазахъ народа какъ бы славнымъ и непорочнымъ символомъ Франціи. Въ періодъ имперіи она принадлежитъ одному человѣку; она ревностно исполняетъ всѣ его предначертанія и, помимо согласія народа, способствуетъ поддержанію долгой смуты въ Европѣ. Наполеонъ живетъ лишь войною и для войны. Армія—его орудіе, его вещь. Не разъ высказывалась мысль, что это измѣненіе въ характерѣ арміи было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ той преобладающей роли, которую пріобрѣлъ военный элементъ во Франціи благодаря побѣдамъ революціонной эпохи, и что оно произошло бы и при всякомъ другомъ полководцѣ. Но вовсе нельзя утверждать, что Гошъ, Моро или Жуберъ присвоили бы диктатуру. Если исторія знаетъ немало Бонапартовъ, то она знаетъ и такихъ людей, какъ Вашингтонъ. Между тѣмъ неоспоримо, что именно Бонапартъ побудилъ Директорію образовать въ Италіи и Швейцаріи первыя братскія республики; онъ, ставъ самодержцемъ, задумалъ подчинить французской имперіи всю Германію, всю Италію и всю Испанію. Франція была бы непобѣдима, если бы послѣ Базельскаго мира рѣшила, несмотря ни на какія новыя нападенія, довольствоваться своими естественными границами.

Преобразованія въ рекрутской системѣ.—Императорская армія уже не составляетъ органической части народа. Въ эпоху Конвента, благодаря господствовавшей тогда системѣ поголовнаго ополченія, всѣ французы были равны въ отношеніи военной службы. Еще законъ Журдана, установившій въ 1798 году рекрутчину, опредѣлялъ, что въ случаѣ войны одинъ или нѣсколько наборовъ могутъ быть цѣликомъ призываемы къ оружію и удержаны подъ знаменами до заключенія мира. Въ глазахъ Наполеона цѣну имѣетъ лишь тотъ солдатъ, который провелъ много лѣтъ на службѣ, т.-е. въ которомъ воен-

Р. Лефевръ.

Императоръ Наполеонъ I.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

ная дисциплина стала какъ бы второй натурой. Въ 1800 году онъ установилъ въ качествѣ поправки къ закону о рекрутскомъ наборѣ *замѣстительство*, а въ 1804-мъ—*жеребьевку*. Отнынѣ ни одинъ призывъ не могъ быть взятъ на службу въ полномъ составѣ, а стало быть, и цѣликомъ истребленъ въ неудачной войнѣ. Призывается на службу лишь тотъ, на кого падетъ жребій; если онъ предпочитаетъ гражданскую жизнь военной и не совсѣмъ бѣденъ,—онъ можетъ дешево нанять за себя замѣстителя. Буржуазія съ радостью привѣтствовала установленіе этого денежнаго выкупа въ зачетъ налога съ крови. Въ обществѣ крѣпко коренилось предубѣжденіе противъ вербованныхъ солдатъ стараго порядка; молодые люди изъ приличныхъ семействъ, добровольно вступавшіе въ военную службу, считались вертопрахами; на *военнаго* смотрѣли какъ на человѣка особаго рода, непремѣнно съ дурными манерами. Поэтому буржуазныя семьи предпочитали нанимать замѣстителей за своихъ сыновей. Между тѣмъ никогда не было недостатка въ старыхъ солдатахъ, которые, получивъ первую отставку и убѣдившись въ своей непригодности къ чему-либо другому, кромѣ военнаго дѣла, искали случая снова поступить на службу. Они составляли большой процентъ въ молодыхъ полкахъ; изъ нихъ же вырабатывались закаленные ветераны императорской гвардіи — этого ядра французской арміи. Военная служба все болѣе и болѣе становилась карьерой; ее покидали лишь по неспособности продолжать ее или вслѣдствіе смерти. Главную массу арміи составляло простонародье. Бо́льшую часть офицерскаго персонала составляли отпрыски благородныхъ фамилій, признавшихъ новый порядокъ; такіе люди пользовались расположеніемъ Наполеона. До того момента, когда счастье начало измѣнять Наполеону, наполеоновская армія представляла собою замкнутую касту, въ совершенствѣ тренированную для безпрерывной войны.

Беззаконные рекрутскіе наборы. — *Великая армія* составилась путемъ сліянія италійской, дунайской и рейнской армій, изъ которыхъ каждая раньше жила самостоятельной жизнью и имѣла свой особый характеръ. Съ 1805 года сенатъ уполномочиваетъ императора призывать рекрутовъ на службу декретомъ и организовать національную гвардію. Съ этихъ поръ наборы быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, и имперія пожираетъ громадныя количества людей. Въ 1800 году къ навербованнымъ раньше 250.000 присоединяется 100.000 рекрутовъ. Въ 1806 году, послѣ сраженія при Іенѣ, оказывается недостаточнымъ уже и цѣлый призывъ: приходится напередъ забрать 80.000 человѣкъ призыва 1807 года. Въ 1808 году было взято на службу 160.000 человѣкъ призывовъ 1809 и 1810 гг.

Въ слѣдующемъ году Наполеонъ забираетъ напередъ два призыва и снова призываетъ на службу три уже выслужившихъ срокъ. Въ 1813 году ему приходится напрячь всѣ силы страны для сформированія новой арміи; онъ требуетъ къ оружію всѣхъ рекрутовъ: 100.000 не взятыхъ и отставныхъ—призывовъ 1809—1812 годовъ, 240.000 призыва 1814 года, да 10.000 чел. почетной гвардіи, экипированныхъ на собственный счетъ. Наконецъ, призывается на службу и національная гвардія, раздѣленная сенатскимъ указомъ отъ 13 марта 1812 года на три разряда (отъ 20 лѣтъ до 26, отъ 27 до 40 и отъ 41 до 60). 180.000 ратниковъ національной гвардіи перваго разряда, точно чудомъ спасшіеся отъ зачисленія въ регулярную армію, потому ли, что были опорою своихъ семействъ, или вслѣдствіе слабости тѣлосложенія, были переданы въ распоряженіе военнаго министра. Эти-то слабосильные юноши въ блузѣ и сабо́, прозванные потомъ за свою женственную наружность „Мари-Луизами“, возбудили

позднѣе удивленіе русскаго царя своимъ образцовымъ поведеніемъ при Фэръ-Шампенуазѣ. Вычислено, что при Наполеонѣ, съ 1800 по 1815 г., было призвано на военную службу во Франціи 3.153.000 французовъ, не считая такого же количества солдатъ, входившихъ въ составъ вспомогательныхъ и иностранныхъ корпусовъ. „Разъ вступивъ на службу, человѣкъ живымъ не выходилъ изъ нея“. Послѣ 1808 года каждый изъ этихъ угрюмыхъ и ворчливыхъ ветерановъ твердо знаетъ, что ему суждено умереть отъ ядра, отъ пули или на госпитальной койкѣ. Они утѣшаются грабежомъ, пьянствомъ и кутежомъ. Воспаленіе кишокъ дѣлаетъ страшныя опустошенія въ ихъ рядахъ. Бруссэ предложилъ въ видѣ профилактическаго средства употреблять въ питье одну чистую воду; легко представить себѣ, многіе ли слѣдовали этому совѣту. Въ десятилѣтній періодъ имперіи процентъ смертности на полѣ битвы отъ ранъ и болѣзней былъ очень великъ. Д'Аржанвильеръ, начальникъ рекрутскаго управленія при Наполеонѣ, оффиціально опредѣлилъ цифру павшихъ, притомъ—исключительно французовъ, въ 1.750.000 чел. Естественно, что всѣ, кто могъ деньгами откупиться отъ военной службы, старались во что бы то ни стало избѣгнуть ея. Иные откупались до трехъ разъ и все-таки, истративъ тысячъ 20 франковъ, въ концѣ-концовъ попали въ походъ 1813 или 1814 года. Но и раньше Наполеонъ уже забралъ часть изъ нихъ на службу силою. 3 декабря 1808 года [1]) онъ приказалъ Фушэ составить списокъ пятидесяти парижскихъ и по десяти на каждый департаментъ „старинныхъ и богатыхъ фамилій, изъятыхъ изъ рекрутской системы“; ихъ сыновья, въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ, будутъ насильно отданы въ Сенъ-Сирскую школу. „Если кто-нибудь станетъ протестовать, — писалъ императоръ, — надлежитъ отвѣчать просто, что такова моя воля“. Съ этихъ поръ начинается охота уже не только на уклоняющихся отъ службы, но и на будущихъ офицеровъ; чиновники и жандармы дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи съ безпощадной строгостью, которая все усиливается по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ возрастаетъ отвращеніе къ военной службѣ. „Кара за уклоненіе отъ службы, постигавшая до сихъ поръ лишь самого уклонившагося, съ 1811 года распространяется и на его отца, мать, братьевъ, сестеръ и зятьевъ, словомъ—на всю его семью, на всякаго, у кого несчастный бѣглецъ, изнуренный голодомъ, холодомъ и горемъ, ѣлъ, пилъ, работалъ или спалъ, наконецъ—и на всю его коммуну“ (А. Доніоль).

[1]) Это письмо не попало въ его *Correspondance*.

Составъ арміи: императорская гвардія. — Составъ арміи былъ чрезвычайно сложенъ. Она заключала въ себѣ множество разнородныхъ элементовъ. Наполеонъ старался возбудить соревнованіе въ каждой группѣ, въ каждомъ полку, въ каждой составной части арміи. Здѣсь шла непрерывная борьба за первенство: слава понималась исключительно, какъ похвала со стороны Наполеона или какъ данное имъ отличіе. Забота о томъ, чтобы наилучше исполнить національный долгъ, замѣнилась стремленіемъ догнать и опередить соперника. Наполеонъ вернулъ полубригадамъ ихъ старое наименованіе полковъ и возвелъ въ рангъ *армейскихъ корпусовъ* каждую группу изъ двухъ или трехъ дивизій. Цвѣтъ войска — *императорская гвардія*, по заслугамъ пользующаяся блестящей репутаціей. Каждый элементъ каждаго изъ разнообразныхъ родовъ оружія представленъ въ ней наиболѣе заслуженными своими членами. Императорская гвардія является точной миніатюрой всей арміи; съ 7.000 человѣкъ, составлявшихъ консульскую гвардію, она въ первые же годы имперіи доводится до 50.000, а въ 1813 году — до 92.000 чел. Съ 1807 года, послѣ Эйлауской рѣзни,

рядомъ со *старой гвардіей* становится *молодая гвардія*, стремящаяся сравняться съ нею. Гвардія всюду сопровождаетъ императора, идетъ въ бой только при немъ, и обыкновенно лишь въ качествѣ резерва, чтобы рѣшить участь сраженія. Пѣхота гвардіи состоитъ изъ 4 гренадерскихъ пѣхотныхъ полковъ подъ командою несравненнаго Дорсенна, 3 пѣхотныхъ егерскихъ, 1 гренадерскаго фузелернаго, 1 егерскаго фузелернаго, 1 гренадерскаго фланкернаго, 13 стрѣлковыхъ и 13 волтижерныхъ, не считая воспитанниковъ и ветерановъ гвардіи. Артиллерія, состоящая подъ начальствомъ Друо, заключаетъ въ себѣ 1 конный и 2 пѣхотныхъ полка. Кавалерію составляютъ *конные гренадеры*, сформированные при консульствѣ изъ бывшей гвардіи Директоріи, — первая часть арміи, признавшая новый режимъ. Въ 1806 году она составляла одинъ полкъ въ четыре эскадрона, приблизительно 1.000 сабель. Своей синей формой и своими медвѣжьими шапками эта кавалерія напоминала прежнихъ гренадеровъ королевской гвардіи. Ея первымъ командиромъ былъ Бессьеръ, затѣмъ послѣдовательно Орденеръ, Вальтеръ и Гюйо. Графъ Лепикъ, типичный ветеранъ Наполеоновской гвардіи, былъ въ ней майоромъ. Съ 15 апрѣля 1806 года къ ней присоединился отрядъ *драгуновъ императрицы*, которымъ послѣдовательно командовали два корсиканца, двоюродные братья императора, Арриги и Орнано.

Тѣмъ же указомъ былъ учрежденъ гвардейскій отрядъ конныхъ егерей или флигельмановъ, несшихъ развѣдочную службу. Это были ближайшіе сподвижники Наполеона; они слѣдовали за нимъ всюду, отъ Арколе и пирамидъ до Ватерлоо; они носили форму зеленаго цвѣта, который былъ цвѣтомъ императорской ливреи. Изъ нихъ былъ сформированъ превосходный оркестръ. У нихъ было всего два командира, также близкіе родственники Наполеона: его пасынокъ, принцъ Евгеній, и кузенъ послѣдняго, Лефевръ-Денуэттъ [1]).

Здѣсь были собраны лучшіе представители лучшихъ частей конницы. „Это — отрядъ храбрецовъ, предъ которыми ни разу не устояла непріятельская конница“, сказалъ о нихъ однажды Наполеонъ. Наконецъ, къ гвардіи были причислены и безстрашные мамелюки, которые первоначально вербовались изъ сирійскихъ и коптскихъ добровольцевъ, а потомъ приняли въ свой составъ и немалое число французовъ. Они сохранили свои зеленыя чалмы и свой значокъ — конскіе хвосты, среди которыхъ развѣвалось французское знамя. Ихъ организовалъ Раппъ; ихъ квартиры были въ Марсели, и, несмотря на ихъ превосходную дисциплину, они были здѣсь перебиты въ 1815 году фанатической черныо.

Новые роды оружія. — Организація пѣхоты, доведенная до значительнаго совершенства уже въ эпоху революціи, была мало измѣнена. Наполеонъ вербовалъ въ *гренадеры* красивыхъ и рослыхъ людей. Изъ наиболѣе малорослыхъ (не выше 4 футовъ 11 дюймовъ) онъ сформировалъ отряды *стрѣлковъ*, вооруженныхъ легкими ружьями и снабженныхъ неполной амуниціей; Наполеонъ имѣлъ въ виду прикомандировать ихъ отрядами къ полкамъ легкой конницы, за которыми они могли бы слѣдовать рысью, держась за сапогъ всадника или за хвостъ лошади. Позднѣе (императорскій декретъ отъ 2-го числа дополнит. м. XIII года) ограничились тѣмъ, что сформировали при каждомъ батальонѣ роту стрѣлковъ, ружья которыхъ, драгунскаго образца,

[1]) Изъ числа подчиненныхъ этимъ командирамъ начальниковъ конно-егерскаго полка заслуживаютъ упоминанія: Морланъ, Корбино, Барбанегръ, Демишель, Домениль и тотъ легендарный негръ, Геркулесъ по сложенію и почти безграмотный, который съ 25 развѣдчиками опрокинулъ цѣлую австрійскую колонну при Арколе и который только одно ставилъ въ упрекъ Наполеону — что онъ не сдѣлалъ его маршаломъ Франціи.

были немногимъ легче обыкновенныхъ. Къ конницѣ они не были прикомандированы. Другая попытка имѣла цѣлью priучить часть драгунъ къ пѣшему бою, сообразно ихъ первоначальному назначенію; но послѣ пораженія спѣшенныхъ драгунъ при Вертингенѣ этотъ опытъ былъ оставленъ. Въ 1809 году Наполеонъ учредилъ цѣлые стрѣлковые полки; въ 1814 году число ихъ доходило до 19. Они представляли собою легкую пѣхоту. Разсадниками пѣхотныхъ офицеровъ были лицеи, военный пританей въ Ля-Флешѣ и фонтенеблоская военная школа, съ 1808 года перенесенная въ Сенъ-Сиръ. Изъ пѣхоты выходило наибольшее число офицеровъ арміи—въ среднемъ 70%.

Напротивъ, конница нуждалась въ коренномъ преобразованіи. Она играла довольно блѣдную роль въ войнахъ революціи. Конницу въ одинъ день не создашь, а конница старой королевской арміи была совершенно разстроена эмиграціей почти всѣхъ своихъ офицеровъ. Притомъ и лошадей не было, такъ какъ конскіе заводы были упразднены; лошадей добывали теперь лишь путемъ реквизиціи. Наполеонъ въ 1807 году снова открылъ конскіе заводы, а въ 1809 году организовалъ большія ремонтныя депо подъ управленіемъ кавалерійскихъ генераловъ. „Для нуждъ арміи,—сказалъ однажды Наполеонъ,—требуется четыре вида конницы: развѣдчики, легкая кавалерія, драгуны и кирасиры“. Развѣдчиками являлись конные егери императорской гвардіи и одинъ изъ иностранныхъ отрядовъ, именно польскій легко-конный полкъ. Легкую кавалерію по преимуществу представляли собою гусары; это была наиболѣе популярная въ арміи часть конницы благодаря пестротѣ ихъ формы, ихъ щегольскому виду и залихватскимъ манерамъ. Съ 1803 по 1810 годъ ихъ было десять полковъ, которые отличались другъ отъ друга цвѣтомъ доломана, рейтузъ и жилета или, по крайней мѣрѣ, обшлаговъ и отворотовъ, но всѣ равно обладали *гусарской выправкой* [1]), т.-е. были смѣлы, храбры и бравы на видъ. 26 полковъ *конныхъ охотниковъ* дѣлили съ гусарами развѣдочную службу и въ случаѣ надобности шли вмѣстѣ съ ними въ атаку сабли наголо. Ими командовали лучшіе военачальники великой арміи — Кюрели, Марбо, Сегюръ, Монбрёнъ, Лассаль, Мюратъ: всѣ — кавалеристы по призванію, сумасброды и забубенныя головы, подчасъ, правда, пустыя, которые, не щадя ни людей, ни коней, дѣлали чудеса и могли служить подтвержденіемъ стариннаго девиза Жака Кэра: „A coeurs vaillants rien impossible“ (для смѣлыхъ нѣтъ невозможнаго). Драгуны составляли линейную конницу. Съ самаго начала имперіи ихъ было 21 полкъ; нѣкоторые изъ этихъ полковъ были позднѣе преобразованы въ гусарскіе, другіе—въ *уланскіе;* послѣдніе были вооружены и обучены по тѣмъ же принципамъ, какъ и польскій легко-конный полкъ. Подобно Монтекукулли и Морицу Саксонскому, Наполеонъ считалъ пику спеціальнымъ оружіемъ линейной конницы. Тяжелую конницу составляли кирасиры и карабинеры. Кирасиры носили двойную кирасу, защищавшую грудь и спину; подъ двойнымъ нагрудникомъ, замѣнившимъ простую кирасу, всадникъ чувствовалъ себя болѣе безопаснымъ, и это была сильная нравственная поддержка. Карабинеры—единственная часть бывшей королевской гвардіи, уцѣлѣвшая въ водоворотѣ революціи, носили каску цвѣта красной синели, кирасу оранжеваго цвѣта, какъ во времена Людовика XIV, и бѣлый съ синимъ мундиръ Маріи-Луизы. Изъ числа ихъ командировъ наиболѣе прославились Келлерманъ и Мильго́. Коленкуръ вышелъ

[1]) Марбо разсказываетъ, что по прибытіи его въ гусарскій отрядъ, стоявшій въ Генуѣ, ему нарисовали усы воскомъ, такъ какъ своихъ у него еще не было, и придѣлали ему фальшивую косу.

изъ карабинеровъ. Наполеонъ не принялъ этого корпуса въ составъ своей гвардіи и командиромъ его назначилъ своего брата Луи, коннетабля, вспомнивъ, можетъ быть, что при Людовикѣ XIV шефомъ карабинеровъ былъ графъ Прованскій. Въ новѣйшихъ арміяхъ конница составляетъ обыкновенно пятую часть общей массы; Наполеонъ полагалъ, что кавалерія должна составлять во Фландріи и Германіи четвертую часть пѣхоты, въ Альпахъ и Пиренеяхъ — двадцатую, въ Италіи и Испаніи — шестую.

Артиллерія и инженерная часть подверглись лишь незначительнымъ преобразованіямъ. Со времени графа Сенъ-Жермэна и Грибоваля французская артиллерія была первой въ Европѣ, а со времени Фридриха II французскіе инженерные офицеры нарасхватъ приглашались во всѣ иностранныя арміи. Наполеонъ задавалъ обоимъ этимъ корпусамъ много работы. Наиболѣе крупныя его сраженія— при Эйлау и Фридландѣ, при Эслингѣ, Ваграмѣ и Москвѣ—сопровождались страшными канонадами. Осады Гаэты, Данцига, Кёнигсберга, Сарагоссы, Инсбрука и укрѣпленіе острова Лобау дали инженерному корпусу возможность многократно отличиться. Имена Мармона, Сонжи, Друо и Лористона среди артиллеристовъ, Мареско, Шасселу-Лоба и Эблэ изъ числа инженеровъ заслуженно пріобрѣли почетную извѣстность. При Наполеонѣ былъ сформированъ обозный отрядъ. Къ отдѣльнымъ корпусамъ были прикомандированы команды пекарей, кузнецовъ и ковалей. Ларрей, изобрѣтшій въ 1792 году систему походныхъ госпиталей, завѣдовалъ хирургической частью, Деженеттъ—медицинской. Армія должна была стать полнымъ организмомъ, способнымъ жить самостоятельною жизнью и собственными средствами. Наполеонъ думалъ обо всемъ, всюду вносилъ свою инціативу и своимъ удивительнымъ организаторскимъ талантомъ пробуждалъ во всѣхъ отрасляхъ военнаго вѣдомства невиданное до тѣхъ поръ оживленіе.

Вспомогательные и иностранные корпуса.—Рекрутскій наборъ распространялся на всѣхъ взрослыхъ жителей Франціи до Альпъ и Рейна. Но въ составъ Великой арміи входили также вспомогательныя войска, вербовавшіяся въ вассальныхъ земляхъ: итальянцы, швейцарцы, нѣмцы изъ рейнской конфедераціи, поляки и пр.,— и иностранные корпуса, выставляемые союзными государствами. Такъ, въ рядахъ французской арміи находилось: 16.000 швейцарцевъ, предоставленныхъ въ распоряженіе Франціи на основаніи договора 1803 года, ганноверскій легіонъ, сформированный въ этомъ же году генераломъ Мортье, легіоны сѣверный и вислинскій, шесть кроатскихъ пѣхотныхъ полковъ, шесть иллирійскихъ стрѣлковыхъ полковъ, затѣмъ саксонскій отрядъ Ренье, баварскій — Деруа, испанскій — маркиза Ля-Романа, итальянскій—принца Евгенія, отрядъ мамелюковъ и польская легкая конница Понятовскаго. Послѣдняя заслуживаетъ того, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ отдѣльно. При вступленіи Наполеона въ Польшу къ нему добровольно стали являться польскіе кавалеристы, предлагая свои услуги. 2 марта 1807 года онъ издалъ указъ о сформированіи одного полка легкой кавалеріи въ четыре эскадрона. Здѣсь рядомъ, безъ различія чиновъ, служили въ качествѣ добровольцевъ рядовые и офицеры—всѣ шляхетскаго происхожденія. Ни слѣда дисциплины, никакой выучки—но необыкновенное усердіе и отвага, не знающая границъ, — таковъ былъ характеръ этого легіона. Въ знаменитомъ штурмѣ при Сомо-Сіерра поляки, въ числѣ 248 сабель, подъ начальствомъ Монбрёна, выдержали огонь 13.000 испанцевъ и 16 орудій и овладѣли позиціей. При Ваграмѣ они завладѣли пиками австрійскихъ драгунъ, чтобы тѣмъ скорѣе привести ихъ въ разстройство и разбить. Послѣ этого

Наполеонъ снабдилъ ихъ пикою, которая къ тому же была ихъ національнымъ оружіемъ. Въ послѣднихъ кампаніяхъ наполеоновскаго періода они прославились рядомъ героическихъ подвиговъ. Все возраставшая нужда въ людяхъ заставляла Наполеона безпрестанно увеличивать число иностранныхъ корпусовъ въ Великой арміи. Наполеонъ сформировалъ даже *семиостровной* батальонъ, набранный на Іоническихъ островахъ, батальонъ греческихъ стрѣлковъ, албанскій полкъ и татарскій эскадронъ. Въ 1809 году онъ потребовалъ отъ Россіи вспомогательное войско противъ австрійцевъ, въ 1812—прусскій и австрійскій контингенты для борьбы съ Россіей.

Съ 1809 года французская армія была какъ бы денаціонализирована: въ ней говорили на всевозможныхъ языкахъ. Иностранные корпуса оставались вѣрны Франціи до 1812 года. Неудача русской кампаніи побудила почти всѣхъ ихъ отложиться.

Такимъ образомъ наполеоновская армія представляла собою необыкновенно пеструю толпу, въ которой мелькали всевозможные костюмы. Что́ за неимовѣрная смѣсь киверовъ, касокъ и папахъ, камзоловъ, туникъ, доломановъ, чепраковъ, бурокъ и епанчей: смѣсь аксельбантовъ, нашивокъ, султановъ и помпоновъ, галуновъ и витишкетовъ начиная съ „бонапартовскихъ гусаровъ", прозванныхъ *канарейками*, потому что въ блестящихъ мундирахъ, въ которые одѣлъ ихъ Бертье, преобладалъ его любимый цвѣтъ — желтый, и кончая карабинерами въ медвѣжьихъ шапкахъ, свисавшихъ на ихъ синій національный мундиръ съ высокимъ воротникомъ и красными эполетами, обшитыми серебрянымъ галуномъ. Тамбуръ-мажоръ Сено, гигантъ ростомъ въ 1 метръ 90 сант., султаномъ, возвышавшимся надъ его медвѣжьей шапкой, достигалъ $2^1/_2$ метровъ. Великій князь Константинъ въ Тильзитѣ выпросилъ у Наполеона одного изъ этихъ великановъ въ инструкторы русскимъ барабанщикамъ. Всѣ эти яркія формы были тѣсны, тяжелы и неудобны. Огромные сапоги, кирасы и каски ужасающаго вѣса, затянутые мундиры, предназначенные какъ бы окаменить тѣло въ той позѣ, какую имѣетъ солдатъ на парадѣ, изнурительная тяжесть ранца, принадлежностей для разбивки лагеря, ружья, штыка, сабли и палаша — должны были, казалось, совершенно парализовать движенія этого точно закованнаго въ желѣзо воина. Обойдя Инвалидный музей или какую-нибудь богатую частную коллекцію, даже просто осмотрѣвъ полный наборъ тогдашнихъ доспѣховъ, начинаешь лучше понимать эпопею имперіи. Это поколѣніе было сильнѣе и лучше закалено для житейской борьбы и битвъ, чѣмъ какое-либо изъ слѣдовавшихъ за нимъ. Впрочемъ, слабые быстро погибали: подборъ быстро совершался самъ собою.

Отсутствіе техническаго прогресса въ вооруженіи. — Вооруженіе было еще очень несовершенно. Ученые революціонной эпохи изобрѣли новые способы фабрикаціи бронзы и стали и добыванія селитры, а за все время существованія имперіи въ системѣ вооруженія не было произведено никакого техническаго усовершенствованія. Въ употребленіи было почти исключительно кремневое ружье образца 1777 года—оружіе въ общемъ весьма неудовлетворительное. Оно заряжалось въ двѣнадцать пріемовъ, и когда капсюля была смочена дождемъ, ружье давало осѣчки. Именно этимъ обстоятельствомъ было обусловлено пораженіе Макдональда при Кацбахѣ. Артиллерія пользовалась пушкою съ гладкимъ дуломъ, образца 1765 года. Для походовъ наиболѣе употребительны были 12- и 6-дюймовыя орудія, и при нихъ—мортиры, бившія на 250—600 метровъ. Рѣшительно ничѣмъ не улучшивъ артиллерію, Наполеонъ значительно увеличилъ ее количественно; онъ считалъ необходимымъ держаться пропорціи 4 пу-

шекъ на каждую тысячу человѣкъ,—и часто эта пропорція еще повышалась. У него были громадные артиллерійскіе резервы, какъ и кавалерійскіе; извѣстно, какую гигантскую батарею въ 100 орудій воздвигъ Друо, чтобы заставить австрійцевъ покинуть Ваграмскую возвышенность. Наполеонъ держался того взгляда, что артиллерія и конница должны взаимно дополнять другъ друга: артиллерія въ желаемомъ пунктѣ прорываетъ непріятельскую линію, а конница, представляющая собою какъ бы живую мортиру, расширяетъ эту брешь, пролагая путь пѣхотѣ, которая одна только рѣшаетъ участь сраженій.

Раздвоеніе военнаго министерства.—Наполеонъ зналъ всю цѣну приготовленія къ походу. Онъ неустанно пользовался мирнымъ временемъ, чтобы готовиться къ войнѣ. Значительная часть его переписки посвящена подробностямъ военнаго дѣла; онъ часто предпринимаетъ поѣздки съ цѣлью осмотра войсковыхъ частей. Онъ пробуетъ солдатскій супъ и велитъ на свой счетъ кормить солдатъ бѣлымъ хлѣбомъ вмѣсто чернаго. Онъ велитъ удлинить постели гренадеровъ своей гвардіи, найдя ихъ слишкомъ короткими. Онъ собственноручно раздаетъ почетныя сабли; въ періодъ консульства онъ приглашаетъ къ своему столу удостоившихся такого отличія, и не дѣлаетъ разницы между простымъ рядовымъ и офицерами любого ранга; позднѣе онъ раздаетъ ордена Почетнаго легіона и часто снимаетъ съ себя орденъ, чтобы украсить имъ грудь храбреца, котораго ему указали, какъ наиболѣе достойнаго. 15 августа 1809 года онъ учреждаетъ *орденъ тройного золотого руна*, предназначенный исключительно для военныхъ, а два года спустя устанавливаетъ форму мундира, который должны носить получившіе этотъ знакъ отличія. Однако этотъ орденъ никогда никому не былъ пожалованъ. Чтобы ускорить передвиженіе войскъ, Наполеонъ часто забираетъ подъ людей багажный обозъ; въ 1809 году часть гвардіи была почтою доставлена изъ глубины Испаніи въ Баварію. Обученіе рекрутовъ производится непрерывно и съ величайшей энергіей. Даже во время похода, въ промежутки переходовъ и сраженій, производятся ученія войску, что постоянно поддерживаетъ въ немъ боевой духъ и охраняетъ его отъ опасностей продолжительнаго бездѣйствія. Военнымъ сотрудникамъ Наполеона приходится страшно много работать. Онъ разграничиваетъ отдѣльныя части военнаго дѣла. Въ 1802 году военное министерство раздвоивается: въ вѣдѣніи военнаго министра (которымъ до 1807 года былъ Бертье, потомъ Кларкъ) остаются производства и военныя операціи, а главноуправляющій по военнымъ дѣламъ—такъ наз. ministre directeur de l'administration de la guerre—завѣдуетъ наборомъ рекрутовъ и интендантствомъ. Этотъ второй министръ—лицо штатское: Дежанъ (1802), Лакюэ (1810); онъ изготовляетъ орудіе войны, а военный министръ приводитъ въ дѣйствіе это орудіе. Съ 1806 года существовалъ даже особый завѣдывающій смотрами — directeur général des revues. Самъ Наполеонъ оставался верховнымъ министромъ, душою всѣхъ реформъ и операцій.

Приготовленія.—Подготовляя кампанію, императоръ заботился съ величайшей тщательностью не только объ обученіи солдатъ, но и особенно о заготовкѣ всего того, что требуется для боя и походной жизни. Оружіе, амуниція, одежда и лагерныя принадлежности заготовлялись въ громадныхъ количествахъ. Наполеонъ до мельчайшей детали былъ освѣдомленъ о мѣстонахожденіи каждой части сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, о состояніи ихъ, о рессурсахъ арсеналовъ и военныхъ магазиновъ. Продовольствію войска онъ посвящалъ меньше вниманія. „Я сдѣлалъ при имперіи восемь кампаній, — сказалъ Бракъ, — неизмѣнно на

аванпостахъ, и ни разу за все это время не видѣлъ ни одного военнаго комиссара и не получилъ ни одного пайка изъ военныхъ магазиновъ". „Съ минуты выступленія въ походъ армія лишь изрѣдка получала продовольствіе, и каждый кормился на мѣстѣ, какъ могъ" (Сегюръ). Марбо также разсказываетъ о сдѣлкѣ, которую онъ заключилъ въ 1812 году съ іезуитами одного монастыря близъ Вильны: онъ въ изобилии доставлялъ имъ для ихъ винокуренъ зерно, награбленное его егерями, а іезуиты взамѣнъ снабжали его хлѣбомъ и водкою. Такъ, несмотря на удивительный организаторскій талантъ Наполеона, Великой арміи все время приходилось жить либо реквизиціями, либо грабежомъ. Онъ даже какъ будто въ принципѣ полагалъ, что война должна кормить войну: „Бросьте запасы быковъ,—писалъ онъ изъ Испаніи Дежану,—мнѣ провіантъ не нуженъ, у меня все есть въ изобиліи. Не хватаетъ только фуръ, военныхъ транспортовъ, шинелей и башмаковъ; я еще не видѣлъ страны, гдѣ бы армія могла такъ хорошо кормиться". Реквизиціи даже заранѣе подсчитывались на случай позднѣйшихъ нуждъ. Побѣжденные облагались громадными контрибуціями. Ихъ съ неумолимой строгостью взималъ главный казначей Великой арміи, Дарю, честно и предусмотрительно завѣдовавшій этими суммами. Послѣ Тильзитскаго свиданія въ военной кассѣ находилось 350 милл. франковъ. Наполеонъ старался поставить дѣло такъ, чтобы имѣть возможность воевать пять лѣтъ, не прибѣгая ни къ займамъ, ни къ установленію новыхъ налоговъ.

Командованіе арміей; генеральный штабъ; главные военные сотрудники Наполеона.—Его помощниками, вождями его армій, была цѣлая плеяда молодыхъ генераловъ, прошедшихъ боевую школу въ титаническихъ войнахъ революціи. При своемъ воцареніи онъ сразу назначилъ 14 маршаловъ Франціи и 4 почетныхъ маршаловъ, и ни одинъ изъ этихъ избранниковъ не оказался недостойнымъ этой чести. Многіе другіе его соратники также заслужили и позднѣе получили это высокое званіе. Онъ выбиралъ своихъ помощниковъ безъ различія изъ всѣхъ слоевъ общества. Если Даву, Макдональдъ, Мармонъ, Груши и Кларкъ принадлежали къ старому дворянству, то Монсей, Бернадоттъ, Сультъ, Мортье, Гувіонъ, Сюшэ, Брюнъ, Жюно происходили изъ простыхъ буржуазныхъ фамилій, а Журданъ, Массена, Ожеро, Мюратъ, Бессьеръ, Ней, Ланнъ, Викторъ, Удино, Лекурбъ, Себастіани и Друо были по происхожденію простолюдины. Послѣднихъ въ общемъ было всего больше. Однако Наполеонъ всегда предпочиталъ людей дворянскаго происхожденія, считая ихъ болѣе послушными, болѣе изящными и болѣе представительными. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ очень быстро возвысилъ, напримѣръ Сегюра или Флагò. Для дворянъ онъ основалъ *пажеское училище* и *кавалерійскую школу* въ *Saint-Germain-en-Laye*, которыя должны были въ короткій срокъ готовить офицеровъ, первое—для пѣхоты, вторая—для конницы. Затѣмъ онъ послѣдовательно основалъ два корпуса: *велитовъ*, въ числѣ 800 чел., и *вѣстовыхъ жандармовъ императора* (сентябрь 1806), пользовавшихся почти тѣми же привилегіями, какъ бывшая лейбъ-гвардія, и, наконецъ, въ 1813 году—четыре полка *почетной гвардіи*: это были почти заложники, ручавшіеся за вѣрность высшихъ классовъ общества, которая уже начинала колебаться. Каждый юноша, вступавшій въ одинъ изъ этихъ корпусовъ, существованіе которыхъ впрочемъ было непродолжительно, долженъ былъ располагать личнымъ доходомъ не менѣе какъ въ 300 фр. и на свой счетъ пріобрѣтать экипировку и коня; начальниками ихъ были обыкновенно капитаны, состоявшіе уже въ чинѣ полковника, и такъ далѣе для всѣхъ остальныхъ чиновъ. На ряду съ стремле-

ніемъ Наполеона видѣть въ числѣ своихъ офицеровъ представителей самыхъ громкихъ именъ французской знати, необходимо отмѣтить и эту вполнѣ разумную заботу о возможно быстромъ пополненіи офицерскихъ кадровъ. Наполеонъ извелъ невѣроятное количество офицеровъ, а уцѣлѣвшіе быстро старѣли, несмотря на то, что большинство изъ нихъ — даже состоявшіе въ высокихъ чинахъ—были по лѣтамъ очень молоды. Притомъ, необходимо было подстрекать наиболѣе преданныхъ и наиболѣе даровитыхъ надеждою на повышенія, соразмѣрныя съ ихъ заслугами. Такимъ образомъ Наполеонъ готовилъ себѣ людей на смѣну своимъ генераламъ и маршаламъ. Тѣ изъ его военныхъ сотрудниковъ, которыхъ онъ считалъ неспособными достигнуть званія маршала Франціи, получали чинъ генералъ-полковника, какъ Жюно и Барагэй д'Илльеръ; другіе становились комендантами крѣпостей, членами сената или Государственнаго совѣта, иногда даже гражданскими чиновниками, напримѣръ— префектами или генеральными сборщиками. Иные получали отставку. Въ 1813 году одна только кавалерія насчитывала уже 41 отставного генерала, и все моложе 50 лѣтъ: Наполеонъ хотѣлъ имѣть молодую армію и во главѣ ея—молодыхъ вождей. Да и неудачи его послѣднихъ лѣтъ въ значительной степени объясняются его собственной усталостью и усталостью нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его полководцевъ. Но всѣхъ своихъ сотрудниковъ онъ берегъ по мѣрѣ силъ, осыпалъ наградами и знаками отличія.

Награды; Почетный легіонъ. — Наиболѣе прославленныхъ своихъ соратниковъ онъ сдѣлалъ князьями, какъ Бертье, Массену, Даву, Нея, Бернадотта; Ланнъ не получилъ этого титула, потому что умеръ слишкомъ рано. Другіе стали герцогами, графами или баронами. Съ каждымъ такимъ титуломъ была связана денежная награда, выплачиваемая отчасти французской казною, отчасти изъ 15%-наго фонда съ доходовъ той территоріи, откуда былъ заимствованъ данный титулъ. Къ повышенному жалованью по чину присоединялась пенсія, присвоенная различнымъ рангамъ Почетнаго легіона. Бертье получалъ до 1.354.945 фр. годового дохода, Массена — болѣе милліона, Даву—910.000, Ней—628.000, Дюрокъ—270.000, которыя послѣ его смерти перешли къ его дочери, Савари—162.000, Себастіани — 120.000, Раппъ — 110.000, остальные—соразмѣрно. Въ вечеръ дня битвы при Эйлау каждый изъ приглашенныхъ къ императорскому столу нашелъ подъ своей салфеткою билетъ въ 1.000 фр. Онъ много требовалъ съ каждаго, но умѣлъ и щедро оплачивать преданность себѣ. Между тѣмъ, онъ пожалъ одну только неблагодарность, потому что всѣ эти маршалы, герцоги и графы, такъ хорошо обезпеченные денежно, осыпанные всевозможными почестями и больше не имѣвшіе надежды на возвышеніе, въ концѣ-концовъ потеряли охоту рисковать своей жизнью: въ 1814 г. они жадно ухватились за поводъ раздѣлаться съ боевой жизнью.

Личное вліяніе Наполеона на армію. — Если большинство высшихъ военныхъ чиновъ покинули Наполеона въ дни несчастья, то офицеры низшихъ ранговъ и солдаты сохранили непоколебимую вѣрность ему. Онъ умѣлъ, какъ никто, проникать словомъ въ сердце своихъ сподвижниковъ и возбуждать въ нихъ энтузіазмъ; никому не приносили столько жертвъ до самаго конца, какъ ему. Онъ былъ для нихъ какъ бы живымъ богомъ войны, непогрѣшимымъ и всевѣдущимъ геніемъ, одно присутствіе котораго обезпечивало побѣду. Его прокламаціи и бюллетени Великой арміи справедливо считаются идеальными образцами военнаго краснорѣчія. Онъ умѣлъ отличать смиреннѣйшихъ за подвигъ, часто награждая ихъ на самомъ полѣ битвы, иногда сни-

мая для этого крестъ съ себя; иной разъ онъ накроетъ своимъ плащомъ раненаго, дрожащаго въ лихорадкѣ, или проведетъ ночь рядомъ съ молодымъ барабанщикомъ, прикурнувшимъ у печки до прихода императора. Онъ заранѣе узнавалъ имена солдатъ, съ которыми хотѣлъ говорить, чтобы съ перваго слова называть ихъ по имени, вслѣдствіе чего они были увѣрены, что императоръ лично знаетъ каждаго изъ нихъ. Часто онъ послѣ побѣды производилъ въ офицеры старыхъ неграмотныхъ сержантовъ, которымъ вслѣдъ затѣмъ скоро давали отставку, пока они еще не успѣли обнаружить своей неспособности [1]). Непрестанно заботясь о поддержаніи бодраго настроенія въ своихъ войскахъ, онъ не менѣе радѣлъ и объ ихъ физическомъ благосостояніи. Онъ обходитъ бивуаки, пробуетъ солдатскую похлебку, дружески треплетъ солдатъ по щекѣ или шутя деретъ за ухо. Его прогулка по лагерю и иллюминація послѣдняго наканунѣ Аустерлица много разъ описаны. Казалось, никакая усталость, никакая рана не могли сломить этихъ желѣзныхъ людей. Раппъ при своемъ возвращеніи изъ Египта имѣлъ уже двадцать двѣ раны. Удино имѣлъ тридцать рубцовъ, его тѣло походило „на рѣшето", а онъ умеръ восьмидесяти лѣтъ. Марбо за шестнадцать лѣтъ службы получилъ съ дюжину ранъ, въ томъ числѣ нѣсколько тяжелыхъ, но онѣ не искалѣчили его и не пошатнули его желѣзнаго здоровья. Послѣ сраженія при Сомо-Сіерра Сегюръ, приговоренный къ смерти лейбъ-хирургомъ императора, Иваномъ, уже ни о чемъ больше не думалъ, кромѣ того, чтобы спокойно умереть. За исключеніемъ нѣсколькихъ высшихъ военачальниковъ, въ наполеоновской арміи вплоть до Ватерлоо ненарушимо царили благороднѣйшія изъ военныхъ добродѣтелей: самоотреченіе и готовность принести жизнь въ жертву долгу.

Дисциплина наполеоновской арміи.—Однако въ этой, полной азарта, жизни, гдѣ беззаботное веселье смѣнялось ужаснѣйшими лишеніями, дурныя страсти разгорались не менѣе хорошихъ. Дисциплина быстро ослабѣла въ Великой арміи. „Что можно сдѣлать,—пишетъ графъ Сегюръ,—противъ теченія, увлекающаго всѣхъ? Извѣстно, что длинный рядъ побѣдъ портитъ всѣхъ — отъ солдата до генерала, что слишкомъ частые форсированные переходы расшатываютъ дисциплину, что въ этихъ случаяхъ раздраженіе, вызванное голодомъ и усталостью, равно какъ и неисправность въ раздачѣ пайковъ, обусловленная спѣшкой, поощряютъ всяческія буйства: каждый вечеръ солдаты принуждены разбѣгаться, чтобы добыть все, что имъ нужно для жизни, и такъ какъ они никогда ничего не получаютъ изъ казны, то у нихъ развивается привычка все брать самимъ. Послѣ чудесъ Іены и Фридланда, нашимъ солдатамъ пришлось бѣгомъ пройти 500 миль и тотчасъ по прибытіи на мѣсто драться. Ихъ жизнь представляла собою какъ бы одно сверхъестественное усиліе преодолѣть утомленіе и опасность, послѣ которыхъ грабежъ, какъ одинъ изъ результатовъ побѣды, казался имъ ихъ законнымъ правомъ. Слишкомъ стѣснять ихъ въ этомъ отношеніи значило бы обезкуражить и раздражить ихъ. Да и то сказать: требуя отъ человѣка всего, надо кое-что и простить ему". Впрочемъ, примѣръ шелъ сверху. Всѣ выскочки новаго режима были одержимы ненасытнымъ сребролюбіемъ; въ ихъ средѣ царила грубость нравовъ и то презрѣніе къ закону, которое свойственно людямъ, привыкшимъ

[1]) При Вертингенѣ одинъ драгунскій унтеръ-офицеръ, за два дня до того разжалованный своимъ полковникомъ въ рядовые, спасъ ему жизнь, рискнувъ собственной. Послѣ сраженія Наполеонъ разспрашивалъ его объ этомъ происшествіи, и солдатъ сказалъ: „Третьяго дня я былъ виноватъ, а вчера я только исполнилъ свой долгъ". Императоръ наградилъ его орденомъ при кликахъ его товарищей (Сегюръ).

видѣть неизмѣнное торжество силы надъ правомъ. Тибо чистосердечно разсказываетъ, какъ онъ провозилъ контрабанду подъ носомъ у таможенныхъ чиновниковъ, какъ саблей ударилъ по рукѣ несчастнаго сборщика октруа, осмѣлившагося заглянуть въ его карету, и какъ былъ за взятку оправданъ военнымъ совѣтомъ. Въ началѣ континентальной блокады Массена въ нѣсколько мѣсяцевъ нажилъ продажею пропускныхъ свидѣтельствъ 6 милл. фр.; правда, Наполеонъ конфисковалъ эти безчестно нажитыя деньги, и Массена не посмѣлъ жаловаться. Сультъ вынудилъ у монаховъ богатаго аббатства Сенъ-Пельтенъ крупную военную контрибуцію и, чтобы замаскировать это лихоимство, не постѣснился загубить цѣлую дивизію изнурительнымъ форсированнымъ переходомъ, гдѣ отсталые и больные сотнями падали по дорогѣ. Позднѣе, во время своего проконсульства въ Андалузіи, онъ награбилъ множество драгоцѣнныхъ произведеній искусства, какъ, напримѣръ, ту картину Мурильо, которую онъ, будучи уже министромъ, продалъ Луврскому музею за баснословную цѣну. Мюратъ былъ только безобидно-смѣшонъ; онъ наряжался, какъ красивая женщина: за время одного только прусскаго похода онъ выписалъ изъ Парижа перьевъ на 27.000 фр.

Несмотря на эти темныя пятна, Великая армія въ высокой степени обладала тѣми качествами, которыя составляютъ принадлежность романской расы: отвагой, преданностью и чувствомъ чести. Наполеонъ на минуту возвысилъ француза надъ среднимъ человѣческимъ уровнемъ. Онъ насытилъ Францію военной славой; поэзія войны есть поэзія малоразвитыхъ слоевъ общества,—вотъ почему наполеоновская эпопея донынѣ дорога народу. Но если Наполеонъ рисуется воображенію молодымъ богомъ войны, то не слѣдуетъ забывать и того, что это былъ богъ смертоносный, разрушавшій все, къ чему прикасался. Онъ принесъ въ жертву своему честолюбію цѣлое поколѣніе людей, 6 — 7 милліоновъ человѣческихъ жизней, изъ нихъ четверть французовъ, и—что важнѣе — онъ внушилъ иностранцамъ ненависть къ имени Франціи и навлекъ на послѣднюю тѣ страшные удары мести, слѣды которыхъ не изгладились донынѣ.

II. — Третья коалиція. Австрія и Россія (1805).

Честолюбіе Наполеона; присоединеніе Генуи (1805). — Превращеніе французской республики въ имперію являлось угрозою для Европы. Говорили, будто Наполеонъ выбралъ титулъ императора потому, что не хотѣлъ встревожить Францію именемъ *короля*. „Никто не принялъ бы государственнаго акта, предложеннаго отъ имени короля... Соображаясь съ настроеніемъ націи, Наполеонъ и принялъ титулъ императора“ (герцогиня д'Абрантесъ). Онъ сдѣлалъ это скорѣе для того, чтобы, опираясь на титулъ императора, присвоить себѣ постепенно ту неограниченную власть, понятіе о которой искони связывается съ именемъ имперіи: въ глазахъ Европы со словомъ „имперія“ связывалось представленіе о римской державѣ, господствующей надъ всѣмъ міромъ. Именно такое историческое представленіе объ имперіи имѣлъ Наполеонъ, и это представленіе онъ пытался осуществить на дѣлѣ, ставъ императоромъ. Онъ заставилъ папу помазать себя,—того самого папу, у котораго онъ впослѣдствіи отниметъ Римъ. Онъ владѣлъ Ахеномъ и иногда избиралъ его своею резиденціею, какъ Карлъ Великій. Сюда онъ заставилъ Франца II австрійскаго прислать себѣ письмо, въ которомъ тотъ признавалъ новую Французскую имперію. Подобно Карлу Великому, онъ уже видѣлъ у своихъ ногъ, кромѣ Франціи, расширенной до Рейна, западную Германію и

сѣверную Италію. Ему недоставало еще Генуи; между тѣмъ онъ торжественно обязался предъ державами болѣе не увеличивать Французской имперіи. 4 іюня 1805 года императорскимъ декретомъ было провозглашено присоединеніе Генуи и Лигуріи. Европа справедливо опасалась властолюбія новаго императора. Россія и Швеція отказались признать его.

Сопротивленіе Англіи; второй булонскій лагерь.—Еще до этого началась война съ Англіей. Мортье съ однимъ корпусомъ занялъ Ганноверъ почти безъ боя. Наполеонъ не обольщалъ себя надеждой, такъ жестоко обманувшей Людовика XV, что оккупація Ганновера заставитъ англичанъ сложить оружіе. Но это была новая добыча, которую можно было бросить комунибудь изъ подобострастныхъ князей, обнаруживавшихъ готовность поддержать новый режимъ во Франціи. Притомъ Наполеонъ готовилъ Англіи болѣе прямой ударъ. Подобно Цезарю и Вильгельму Завоевателю, онъ хотѣлъ высадить свои войска въ самой Англіи, чтобы осилить своихъ непримиримыхъ враговъ на ихъ собственномъ островѣ. Какъ и передъ Амьенскимъ миромъ, во всѣхъ бухтахъ Па-де-Калэ были собраны эскадры транспортныхъ судовъ. Въ портахъ Сангатта, Виссана, Амблетёзы, Булони, Этапля и Вимэре кипѣла необычная тамъ дѣятельность. Множество инженеровъ, кораблестроителей, арматоровъ и лоцмановъ работали надъ оборудованіемъ доковъ и устройствомъ пристаней, строили, передѣлывали и вооружали по-военному шлюпки, большія рыболовныя лодки и другія суда, годныя для того, чтобы перевезти войско въ тихую погоду съ одного берега пролива на другой. Спустя нѣсколько недѣль 2.343 судна всякаго рода были готовы выйти въ море. Адмиралъ Лятушъ-Тревиль, руководившій работами, ручался за успѣхъ. Семь корпусовъ были отправлены къ берегамъ Сѣвернаго моря и Ламанша. Даву въ Амблэтёзѣ, Сультъ въ Булони, Ней въ Монтрейлѣ, Ланнъ въ Аррасѣ и Мюратъ съ сильнымъ кавалерійскимъ резервомъ производили маневры, имѣя подъ своимъ начальствомъ превосходныя войска численностью въ 120.000 человѣкъ. Мармонъ въ Утрехтѣ и Ожеро на берегахъ Бретани составляли крайніе фланги этой „англійской арміи".

Наполеонъ внимательно наблюдалъ за всѣми приготовленіями и торопилъ ихъ со страстнымъ нетерпѣніемъ. Чтобы вызвать воодушевленіе въ своей арміи и поразить воображеніе солдатъ, Наполеонъ задумалъ устроить торжественную раздачу орденовъ Почетнаго легіона 15 августа 1804 года. Это было какъ бы торжественнымъ освященіемъ Булонскаго лагеря. Эстрада была воздвигнута въ виду моря, у подножья естественнаго амфитеатра. Ее окружали 60.000 человѣкъ. Наполеонъ предсталъ предъ войскомъ на тронѣ, носившемъ названіе „стула короля Дагобера"; у его ногъ лежалъ „щитъ Франциска I". Надъ его головой возвышался величественный трофей—изорванныя ядрами и обагренныя славною кровью знамена. На ступеняхъ трона стояли, обнаживъ головы, пэры этого новаго Карла Великаго—двадцать четыре офицера Почетнаго легіона. Наполеонъ бралъ изъ „Баярдова шлема" кресты и красныя ленты и съ улыбкой на устахъ раздавалъ ихъ наиболѣе храбрымъ и преданнымъ своимъ соратникамъ, всѣмъ тѣмъ, которые уже заслужили почетныя сабли и почетные пистолеты. „Съ такими людьми я могу побѣдить весь міръ", воскликнулъ онъ. И это не были пустыя слова. Пораженіе Англіи представлялось ему только прелюдіей къ владычеству надъ міромъ.

Неуспѣшность морскихъ предпріятій Наполеона.—Однако у Наполеона не было настоящаго флота. Несмотря на энергичную дѣятельность, кипѣвшую во всѣхъ французскихъ арсеналахъ и на семидесяти военныхъ судахъ, готовившихся къ срединѣ 1805 года выйти въ море, Напо-

леонъ не могъ дать своимъ матросамъ и офицерамъ той многолѣтней привычки къ морю, которая обусловливала превосходство англійскихъ эскадръ. Онъ назначилъ сначала начальникомъ флота адмирала Лятушъ-Тревиля, человѣка неукротимой энергіи. Но послѣдній умеръ въ Тулонѣ, изнуренный непосильнымъ трудомъ. Его преемникомъ былъ вице-адмиралъ Вильнёвъ, спасшій при Абукирѣ остатки французской эскадры и стойко защищавшій Мальту. Но это былъ человѣкъ нерѣшительный, избѣгавшій всякаго шага, связаннаго съ большой отвѣтственностью, „трусливый умомъ, а не сердцемъ“, который благодаря своимъ постояннымъ колебаніямъ вѣчно упускалъ благопріятный случай. Французскіе порты были вплотную блокированы англійскими крейсерами. Наполеонъ приказалъ Вильнёву обмануть бдительность Нельсона, соединиться въ Кадиксѣ съ испанскимъ флотомъ адмирала Гравина и направиться къ Антильскимъ островамъ; тамъ онъ долженъ былъ дождаться Миссіесси и Гантома и вернуться съ ними въ Ламаншъ для прикрытія высадки на берегахъ Англіи. Вильнёву дѣйствительно удалось (29 марта 1805) незамѣтно для Нельсона выйти изъ Тулона. Но онъ прибылъ къ Антильскимъ островамъ слишкомъ поздно. Миссіесси уже успѣлъ вернуться оттуда, разоривъ англійскіе острова. Гантому не удалось прорвать блокаду адмирала Корнуэльса. Нельсонъ тщетно искалъ Вильнёва у береговъ Сардиніи, Мальты и въ Гибралтарѣ, потомъ у Антильскихъ острововъ, и вернулся къ Кадиксу, чтобы здѣсь дождаться его. Въ то же время французскій флотъ, сообразно послѣднимъ распоряженіямъ Наполеона, вернулся въ Феррольскій рейдъ. Наполеонъ расположилъ тамъ эскадру изъ пятнадцати французскихъ и испанскихъ судовъ. Имѣя теперь въ своемъ распоряженіи тридцать пять военныхъ кораблей, Вильнёвъ могъ отправиться въ Брестъ, обратить въ бѣгство или уничтожить эскадру Корнуэльса и выйти наконецъ въ Ламаншъ. Но англійскій морской штабъ, предупрежденный простой шлюпкой „Любопытный“, присланной отъ эскадры Нельсона, доставилъ подкрѣпленіе адмиралу Кольдеру, и послѣдній, несмотря на численное превосходство непріятельскихъ силъ (двадцать кораблей и семь фрегатовъ противъ пятнадцати кораблей), атаковалъ Вильнёва въ виду мыса Финистерръ. Побѣда осталась нерѣшенною. До сихъ поръ Вильнёвъ исполнилъ всѣ полученныя имъ предписанія; но къ нему не присоединились ни Миссіесси, ни Гантомъ; далѣе, грозная эскадра Корнуэльса вплотную блокировала Брестъ и охраняла входъ въ Ламаншъ; наконецъ Вильнёвъ потерпѣлъ тяжелыя аваріи, а главное, онъ не имѣлъ довѣрія къ своимъ силамъ: „У насъ плохія мачты, плохіе паруса, плохое вооруженіе, плохіе офицеры, плохіе матросы“, писалъ онъ своему другу, морскому министру Декрэ. Впрочемъ, это была правда; его помощникъ, Гравина́, человѣкъ болѣе смѣлый, раздѣлялъ его опасенія. Вильнёвъ вышелъ изъ Феррольскаго рейда 17 августа, еще намѣреваясь идти къ Бресту, но вѣтеръ внезапно повернулъ на сѣверъ; въ то же время какой-то торговый корабль принесъ извѣстіе, оказавшееся впослѣдствіи ложнымъ, о приближеніи англійскаго флота изъ двадцати пяти судовъ. Вильнёвъ впалъ въ свою обычную нерѣшительность и, боясь потерять ввѣренный ему флотъ, повернулъ отъ Бреста и направился къ Кадиксу. Планъ Наполеона, уже увѣреннаго въ побѣдѣ надъ Англіей и принимавшаго свои желанія за дѣйствительность, былъ основанъ на томъ невѣрномъ расчетѣ, что англичане сдѣлаютъ всѣ возможныя ошибки, а французскіе военачальники— ни одной. Наполеонъ, подобно Ксерксу желавшій повелѣвать стихіямъ, всю вину въ неудачѣ своихъ морскихъ плановъ свалилъ на Вильнёва. Между тѣмъ одинъ знатокъ

дѣла [1]) признаетъ Вильнёва „менѣе виновнымъ, чѣмъ его вообще принято считать“. Дѣйствительно, его неудача предотвратила опасность экспедиціи столь фантастической по своему замыслу, что невольно возникаетъ вопросъ, не хотѣлъ ли Наполеонъ просто напугать Англію показной высадкой? Въ Санъ-Доминго французское войско было истреблено неграми; въ Египтѣ другая армія вынуждена была сдаться, потому что англичане, владѣя моремъ, не позволили доставить имъ подкрѣпленія; итакъ, можно ли было думать, что хоть одному солдату Великой арміи удалось бы уйти живымъ съ британской территоріи?

Уничтоженіе французскаго флота при Трафальгарѣ.—Наполеонъ блестяще вознаградилъ себя на континентѣ за свои ошибки на морѣ, но флотъ, на который онъ возлагалъ такія безразсудныя надежды, постигла самая плачевная участь. Получивъ формальный приказъ покинуть Кадиксъ, крейсировать въ неаполитанскихъ водахъ и немедленно атаковать врага, если встрѣтитъ его въ меньшихъ силахъ, Вильнёвъ вышелъ изъ Кадикса 20 октября 1805 года съ тридцатью тремя караблями и какъ разъ наткнулся на Нельсона, имѣвшаго на шесть судовъ меньше. На высотѣ Трафальгарскаго мыса завязался ожесточенный бой. Вильнёвъ былъ вынужденъ растянуть свои корабли въ одну линію на протяженіи мили. Напротивъ, Нельсонъ шелъ на французскую линію двумя колоннами, которыя направлялись къ ней подъ прямымъ угломъ, чтобы отрѣзать центръ и арьергардъ отъ остального флота и тѣмъ уравнять число боевыхъ единицъ при неравномъ числѣ кораблей. Коллинвудъ долженъ былъ атаковать арьергардъ, Нельсонъ оставилъ себѣ центръ. Начальники обѣихъ враждебныхъ эскадръ значительно разнились и по таланту, и по счастью, но отличались одинаковымъ мужествомъ. „Капитанъ, не находящійся въ огнѣ, не находится на своемъ посту“,—говорилъ Вильнёвъ. А Нельсонъ закончилъ свои распоряженія слѣдующими словами, обнаруживающими такое же героическое одушевленіе: „Командиръ, неспособный разглядѣть сигналы, всегда правъ, ежели придвинетъ свой корабль бортъ о бортъ къ непріятельскому судну“. Несмотря на ожесточеніе, съ которымъ сражались французы и испанцы, побѣда осталась за англичанами. Двадцать союзныхъ кораблей были потоплены или взяты въ плѣнъ; только тринадцать вернулись въ Кадиксъ. Нельсонъ палъ на своемъ посту, получивъ смертельную рану. Менѣе счастливый Вильнёвъ былъ взятъ въ плѣнъ и затѣмъ освобожденъ. Преданный императоромъ военному суду, онъ въ тюрьмѣ покончилъ съ собою. Бой при Трафальгарѣ упрочилъ за Англіей неоспоримое владычество на морѣ. Она не прекратила своей ожесточенной борьбы съ Наполеономъ и, отличаясь бо́льшей выдержкой, чѣмъ Пруссія, бо́льшимъ постоянствомъ, чѣмъ Россія, и бо́льшимъ избыткомъ матеріальныхъ средствъ, чѣмъ Австрія, продолжала играть видную роль. Именно передъ Англіей и спасовалъ въ концѣ-концовъ геній Наполеона.

Третья коалиція.—Грозныя приготовленія Булонскаго лагеря кончились жалкой неудачей. Наполеонъ не хотѣлъ быть мишенью для насмѣшекъ. Ему нужно было возстановить свой престижъ и направить свою армію, совершеннѣе и опытнѣе которой еще не видѣлъ міръ, на новыя завоеванія. По свойственной ему привычкѣ всегда имѣть лишній выходъ про запасъ, чтобы никогда не попасть впросакъ, онъ уже давно предусмотрѣлъ тотъ случай, когда ему придется перебросить свою превосходную армію въ среднюю Европу, чтобы заставить вооружающуюся Австрію прекратить приготовленія къ войнѣ. И вотъ 13 августа, въ четвертомъ часу

[1]) Адмиралъ Jurien de la Gravière, *Guerres maritimes sous la République et l'Empire*, т. III, стр. 141.

утра, онъ диктуетъ въ Булони тотъ знаменитый планъ будущей кампаніи, который такъ поразилъ его секретаря, Дарю. Этотъ планъ былъ, очевидно, плодомъ долгаго и всесторонняго размышленія; не въ меньшей степени проявилось въ немъ и геніальное воображеніе Наполеона, такъ какъ за два мѣсяца впередъ онъ установилъ здѣсь порядокъ наступленій, мѣсто соединенія колоннъ, дни переправы черезъ Дунай и вступленія въ Мюнхенъ и Вѣну. „Два мѣсяца, триста миль и болѣе 200.000 враговъ отдѣляли замыселъ отъ его осуществленія, а геній императора все предолѣлъ — время, пространство и всевозможныя препятствія, предусмотрѣлъ все, что было скрыто во тьмѣ грядущаго. При своей способности прозрѣвать будущее съ той же безошибочностью, какая отличала его память, онъ уже въ Булони предначерталъ главныя событія предполагаемой войны, ихъ даты и конечныя послѣдствія, какъ если бы спустя мѣсяцъ по исполненіи ихъ ему пришлось возстановлять ихъ по памяти“ (Сегюръ). Между тѣмъ коалиція уже составилась. Австрія, Россія, Швеція и король неаполитанскій присоединились къ Англіи подъ предлогомъ необходимости защитить независимость итальянской, швейцарской и голландской республикъ, съ которыми Наполеонъ обращался какъ съ собственностью Франціи. Нужно было по крайней мѣрѣ заставить его соблюдать Люневильскій и Амьенскій договоры. Питтъ, снова вступившій въ министерство, не жалѣлъ денегъ. Онъ истратилъ болѣе 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ на субсидіи коалиціи. Австрія мобилизовала три арміи, подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда и Мака (90.000 человѣкъ на Иннѣ) и эрцгерцога Іоанна (40.000 человѣкъ въ верхней Италіи). Затѣмъ слѣдовали четыре русскихъ арміи: императоръ Александръ формально вступалъ на арену борьбы. При ожидавшемся содѣйствіи Пруссіи, союзники разсчитывали сосредоточить въ своихъ рукахъ почти полумилліонное войско, предназначенное сокрушить Наполеона.

Наполеонъ располагалъ въ свою очередь 60 милліонами франковъ, уплаченными ему за уступку Луизіаны Соединенными Штатами. Онъ разсчитывалъ, какъ на союзниковъ, на герцоговъ гессенъ-дармштадскаго, баденскаго, вюртембергскаго и баварскаго, щедро награжденныхъ имъ при раздѣлѣ Германіи. Марэ, посланный съ тайной миссіей къ курфюрсту баварскому, склонилъ его къ заключенію союзнаго договора, подавъ ему надежду на полученіе королевскаго титула, который былъ также обѣщанъ, вмѣстѣ съ новымъ территоріальнымъ вознагражденіемъ за счетъ Австріи, вюртембергскому герцогу. Дюрокъ въ Берлинѣ предложилъ прусскому королю, если онъ примкнетъ къ союзу съ Франціей, Ганноверъ. Но ему не удалось вывести короля изъ той нерѣшительности, которая парализовала Пруссію до конца кампаніи 1805 года. Нейтралитетъ Пруссіи обезпечилъ побѣду Наполеона.

Концентрація Великой арміи; капитуляція Ульма (20 октября).—Наступленіе австрійцевъ началось 9 сентября 1805 года. Они вторглись въ Баварію, принудили курфюрста бѣжать въ Вюрцбургъ, завладѣли Ульмомъ и стали поджидать французскую армію въ ущельяхъ Шварцвальда. Наполеонъ рѣшилъ ограничиваться въ Италіи обороной и сосредоточить всѣ свои усилія на дунайской арміи. Моро въ 1800 г. обошелъ лѣвый флангъ Крайя посредствомъ ловкихъ диверсій въ шварцвальдскихъ ущельяхъ; Наполеонъ отрѣзалъ отступленіе Маку, двинувшись въ обходъ ему справа дорогами, ведущими отъ Майна къ Дунаю. Это были симметричныя и другъ друга дополняющія операціи. Съ 9 по 24 сентября семь корпусовъ Великой арміи, расположенные между Ганноверомъ и Брестомъ и составлявшіе въ общемъ контингентъ почти въ 200.000 че-

ловѣкъ, прошли форсированнымъ маршемъ до Рейна и Майна: Бернадоттъ изъ Ганновера въ Вюрцбургъ, Мармонъ изъ Утрехта во Франкфуртъ, Даву изъ Брюгге въ Мангеймъ, Сультъ изъ Сэнтъ-Омера въ Шпейеръ, Ланнъ и Ней изъ Арраса и Монтрейля въ Карлсруэ, Ожеро изъ Бреста въ Страсбургъ. Какъ только пришло извѣстіе отъ Мюрата, что Макъ изолированъ въ Ульмѣ, Наполеонъ отправился въ Страсбургъ и предпринялъ рядъ показныхъ кавалерійскихъ атакъ съ цѣлью внушить Маку увѣренность, что главныя усилія французовъ направлены на его правый флангъ, какъ въ 1800 году. Но въ то же время онъ приказалъ своимъ войскамъ, занимавшимъ линію Страсбургъ—Мангеймъ—Вюрцбургъ, сдѣлать вмѣстѣ съ корпусомъ Нея громадный спиральный поворотъ направо; онъ съ изумительной безошибочностью установилъ всѣ подробности этой диверсіи, которую его помощники со столь же удивительной точностью привели въ исполненіе. Такимъ образомъ лѣвый флангъ (Бернадоттъ и Мармонъ) перешелъ черезъ Дунай у Ингольштадта и занялъ Мюнхенъ, чтобы остановить русскихъ. Центръ (Даву и Сультъ) расположился въ Аугсбургѣ. Правый флангъ (Ланнъ и Ней) поднялся вдоль праваго берега Дуная и отрѣзалъ Мака отъ его помощника Кинмайера, который отступилъ къ Инну. Тогда Макъ, слишкомъ поздно узнавъ, что путь въ Вѣну ему отрѣзанъ, сдѣлалъ попытку ускользнуть отъ непріятеля. Онъ двинулся сначала правымъ берегомъ Дуная, но былъ остановленъ сраженіемъ при Вертингенѣ (8 октября); затѣмъ онъ устремляется на югъ, но здѣсь наталкивается на корпусъ Сульта у Меммингена. Только его помощнику Елачичу удалось достигнуть Форарльберга, гдѣ немного спустя Ожеро заставилъ его сложить оружіе. Наконецъ Макъ рѣшилъ двинуться на сѣверъ отъ Дуная. Здѣсь всего жарче разгорѣлась война. По совѣту Мюрата, Наполеонъ приказалъ Нею сузить кольцо блокады и для того овладѣть Гюнцбургомъ, который и былъ взятъ. Но Ней принужденъ былъ противъ воли увести почти всѣ войска съ лѣваго берега, оставивъ тамъ только дивизію Дюпона. Послѣдній располагалъ въ Альбекѣ всего 6.000 человѣкъ; подвергшись атакѣ со стороны Фердинанда, у котораго было въ три раза больше войска, онъ оказалъ геройское сопротивленіе, но былъ отрѣзанъ отъ Нея. Теперь этотъ послѣдній, послѣ ожесточенной битвы, гдѣ Ланнъ по собственному почину пришелъ къ нему на помощь, овладѣваетъ укрѣпленной позиціей при Эльхингенѣ и штурмомъ беретъ михельсбергскіе окопы. Этимъ Маку былъ нанесенъ смертельный ударъ; тѣсно оцѣпленный въ Ульмѣ, безъ съѣстныхъ припасовъ, онъ имѣлъ только слабую надежду на прибытіе русскихъ; 17 октября онъ обѣщалъ сдать крѣпость чрезъ восемь дней, если до тѣхъ поръ русскіе не придутъ къ нему на выручку. Но когда Макъ узналъ, что эрцгерцогъ Фердинандъ, пробившій себѣ путь на сѣверъ чрезъ колонны дивизіи Дюпона, подвергся преслѣдованію со стороны конницы Мюрата, былъ настигнутъ ею въ Нересгеймѣ и добрался до Богеміи только съ нѣсколькими сотнями кавалеристовъ, что французы находятся въ Мюнхенѣ и что русскіе не прошли еще Линца,—онъ потерялъ голову и тотчасъ сдался съ 33.000 человѣкъ, 60 пушками и 40 знаменами (20 октября 1805). Такимъ образомъ стотысячная армія австрійцевъ была разсѣяна въ три недѣли. По всей операціонной линіи, развернувшейся болѣе чѣмъ на триста миль, французами не было сдѣлано ни одной ошибки, не упущено ни одной выгодной комбинаціи. „Императоръ разбилъ врага нашими ногами", говорили шутя солдаты.

Императоръ Александръ.—Первый актъ великой драмы кончился: австрійцы были разбиты въ Баваріи; теперь нужно было одолѣть въ Австріи русскихъ. Съ бурной

Ф. П. С. Жераръ.

Императоръ Александръ I.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

стремительностью, все покоряя на своемъ пути, пронеслась французская армія чрезъ изумленную Германію. Она двинулась форсированнымъ маршемъ на правый берегъ Дуная, въ погоню за Кинмайеромъ и русскими. „Крутыя ущелья, разрушенные мосты, изрытыя дороги, притоки Дуная, утомительные переходы по десять, пятнадцать миль — ничто не могло остановить нашихъ колоннъ. Въ Штейерѣ карабинеры Даву гуськомъ перешли Эннсъ по бревну подъ градомъ пуль и картечи, собрались на противоположномъ берегу и, выбивъ врага изъ позиціи, захватили въ плѣнъ больше человѣкъ, чѣмъ сколько было самихъ атакующихъ" (Сегюръ). Однако и дисциплина значительно пострадала: солдаты, не получая исправно продовольствія, вынуждены были пробавляться мародёрствомъ и не повиновались начальникамъ. Однажды на глазахъ Наполеона артиллерійскій капитанъ за дерзость разрубилъ саблею голову одному изъ своихъ солдатъ. Тьебо былъ вынужденъ стрѣлять по мародёрамъ, пытавшимся увлечь за собою его бригаду. Солдаты усвоили себѣ привычку бить крестьянъ, чтобы вынудить у нихъ деньги. „Врагъ, — говорили они, — точно снопъ хлѣба: чѣмъ больше его бьешь, тѣмъ больше получишь". Необходимо было примѣрною карою положить конецъ этой нарождающейся анархіи, которую самъ Наполеонъ признавалъ „неизбѣжнымъ послѣдствіемъ быстрыхъ и внезапныхъ переходовъ". 7 ноября 10.000 такихъ грабителей были заперты въ Браунау, гдѣ ихъ подвергли позорному обыску, отобрали у нихъ добычу и передали ихъ для тѣлеснаго наказанія собственнымъ товарищамъ.

Первая встрѣча съ русскими произошла у Амштеттена; сначала они опрокинули нѣсколько французскихъ кавалерійскихъ эскадроновъ, необдуманно выдвинутыхъ внутрь лѣса. Кавалеристамъ Мюрата и гренадерамъ Удино пришлось нѣсколько разъ повторять упорныя атаки, прежде чѣмъ они справились съ отчаянною храбростью русскихъ солдатъ, о которой французы не имѣли представленія. Раненые, безоружные, опрокинутые на землю, русскіе продолжали нападать, и сдавались только подъ ударами штыка или ружейнаго приклада. Наполеонъ надѣялся принудить Кутузова къ рѣшительному сраженію между богатымъ Мелькскимъ аббатствомъ и Санктъ-Пельтеномъ. Но русскій полководецъ ускользнулъ отъ него, перейдя Дунай по Кремсскому мосту, который затѣмъ разрушилъ. Эта непредвидѣнная диверсія грозила серьезной опасностью корпусу Мортье, изолированному на правомъ берегу рѣки. Увидавъ русскихъ прямо передъ собою, Мортье быстро оттѣснилъ ихъ къ Штейну, но, подавленный вчетверо бо́льшимъ количествомъ враговъ, принужденъ былъ отступить на протяженіе двухъ миль до Дирнштейна, гдѣ ночью былъ окруженъ въ ущельѣ непріятельскимъ войскомъ въ тридцать съ лишнимъ тысячъ человѣкъ. Онъ находился въ критическомъ положеніи, а Наполеонъ, отдѣленный отъ него Дунаемъ, не могъ подать ему никакой помощи. Къ счастью для французовъ, на выручку Мортье какъ разъ во́-время подоспѣла отставшая дивизія Дюпона. Плодомъ этого жаркаго дня, въ который военное счастье столько разъ склонялось то на ту, то на другую сторону, было взятіе въ плѣнъ 1.500 русскихъ.

Походъ на Вѣну. — Теперь Наполеонъ рѣшилъ обогнать русскихъ и до ихъ прихода форсировать въ Вѣнѣ переправу черезъ Дунай. Императоръ Францъ II покинулъ свою столицу; тамъ царило страшное смятеніе. Вѣна открыла свои ворота, даже не пытаясь оказать сопротивленіе. Ланнъ и Мюратъ стремглавъ бросились къ дунайскому мосту, и въ то время, какъ одинъ изъ ихъ офицеровъ вырывалъ фитиль у австрійскаго командира, пытавшагося взорвать мостъ на воздухъ, оба маршала увѣряли принца Ауэрсперга, что на-

дняхъ имѣетъ быть заключено перемиріе. Въ это время подоспѣли французскіе гренадеры и оттѣснили австрійцевъ. Драгоцѣнный мостъ оказался въ рукахъ французовъ раньше, чѣмъ ошеломленный принцъ опомнился и сообразилъ, что случилось.

Нѣсколько дней спустя русскіе отплатили французамъ тою же монетою. Багратіонъ съ небольшимъ отрядомъ долженъ былъ прикрывать отступленіе Кутузова къ сѣверу. Мюратъ, стоявшій въ Голлабруннѣ съ 50.000 человѣкъ, могъ бы разстроить весь этотъ планъ. Но онъ далъ себя усыпить на 24 часа, повѣривъ извѣщенію Багратіона о будто бы заключенномъ перемиріи. Выведенный изъ заблужденія Ланномъ, Мюратъ оттѣснилъ отъ Голлабрунна весь русскій арріергардъ. Но тѣмъ временемъ Кутузовъ успѣлъ прибыть въ Брюннъ (18 ноября).

Битва при Аустерлицѣ (2 декабря).—Наполеонъ недолго оставался въ Вѣнѣ. Онъ зналъ, что Пруссія ждетъ перваго успѣха русскихъ, чтобы присоединиться къ коалиціи. Надежда вернулась къ обоимъ императорамъ. Со своей соединенной арміей въ 90.000 человѣкъ они разсчитывали отрѣзать Наполеона отъ Вѣны и, соединившись съ эрцгерцогомъ Карломъ, совершенно закрыть ему выходъ на югъ; а эрцгерцогъ Фердинандъ, подкрѣпленный 70.000 пруссаковъ, долженъ былъ отрѣзать ему отступленіе къ сѣверу. Такимъ образомъ Наполеонъ будетъ вынужденъ капитулировать подобно Маку. Занятый вмѣстѣ съ Мюратомъ въ Моравіи, Наполеонъ поручилъ Бернадотту слѣдить за эрцгерцогомъ Фердинандомъ, Даву — наблюдать за венграми, Мортье — охранять Вѣну, Мармону — удержать эрцгерцога Карла въ Штиріи. Онъ сдѣлалъ все, чтобы усугубить смѣлость своихъ враговъ.

Онъ двинулся впередъ къ Вишау, принуждая русскихъ отступить къ Ольмюцу. Послѣ небольшого сраженія на аванпостахъ онъ, притворившись побѣжденнымъ, очистилъ эту позицію, чтобы тѣмъ вѣрнѣе заманить непріятеля въ невыгодную для него мѣстность. Дѣйствительно, австро-русскія войска заняли Праценское плоскогорье между Гольдбахомъ и Литтавою; ихъ главная квартира была перенесена въ деревню Аустерлицъ. Наполеонъ расположилъ свою армію, численностью въ 68.000 человѣкъ, передъ Брунномъ, въ углѣ, который образуютъ дороги, ведущія изъ этого города къ Вѣнѣ и Ольмюцу. На лѣвомъ флангѣ, на Сантонской возвышенности, онъ помѣстилъ Ланна и конницу Мюрата лицомъ къ Багратіону и Лихтенштейну; въ центрѣ Сультъ и Вандаммъ имѣли передъ собою Праценское плоскогорье; на правомъ флангѣ Даву стоялъ передъ Сокольницкимъ, Зачанскимъ и Меницкимъ прудами; Бернадоттъ былъ во второй линіи, позади главнаго корпуса, предназначеннаго для атаки; Удино, Бессьеръ и Раппъ съ гвардіей—въ резервѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона. Планъ императора очень хорошо резюмированъ Сегюромъ: „Въ то время, какъ нашъ лѣвый и особенно правый флангъ, скучившись въ заднемъ углу долины, по которой все глубже наступаетъ на нихъ непріятель, стойко держатся,—въ центрѣ, на вершинѣ плоскогорья, гдѣ союзная армія, растянувшись влѣво, подставляетъ намъ ослабленный фронтъ, мы обрушиваемся на нее стремительной атакой. Благодаря этому маневру оба непріятельскіе фланга внезапно окажутся отрѣзанными другъ отъ друга. Тогда одинъ изъ нихъ, атакуемый спереди и разстроенный нашей побѣдой въ центрѣ, долженъ будетъ уступить, между тѣмъ какъ другой, слишкомъ выдвинувшійся впередъ, обойденный, парализованный тою же побѣдой въ центрѣ и запертый среди озеръ въ той ловушкѣ, куда мы его заманили, будетъ частью уничтоженъ, частью взятъ въ плѣнъ“.

Все произошло совершенно такъ, какъ предвидѣлъ императоръ. Буксгевденъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ русскаго кор-

чуса, спустился съ Праценской возвышенности къ Тельницу и Меницу, въ Гольдбахскую долину, гдѣ Даву, медленно отступая, заманивалъ его все дальше и дальше. Наполеонъ, дождавшись пока возвышенность была достаточно обнажена, двинулъ туда Сульта, который опрокинулъ Коловрата и отрѣзалъ его отъ Буксгевдена. Бернадоттъ былъ отозванъ къ Гиршковицу, чтобы занять мѣсто Сульта и, въ случаѣ надобности, подать ему помощь. На лѣвомъ флангѣ Ланнъ и Мюратъ рядомъ блестящихъ атакъ помѣшали Багратіону и Лихтенштейну взойти на Праценскую возвышенность и отбросили ихъ къ Ольмюцу. Бессьеръ и Раппъ, преслѣдуя по пятамъ доблестную гвардейскую конницу, предводимую княземъ Репнинымъ, отбросили ее къ Аустерлицу: „Заставимъ плакать петербургскихъ дамъ!“ восклицали они. Наконецъ, Даву, смѣло перейдя въ наступленіе, окружилъ Буксгевдена. Наполеонъ со своей гвардіей принудилъ русскихъ скучиться на замерзшихъ прудахъ, пушечными выстрѣлами проломилъ ледъ и потопилъ такимъ образомъ нѣсколько тысячъ враговъ. Таковъ былъ этотъ рѣшительный бой при Аустерлицѣ (2 декабря 1805), въ которомъ союзники потеряли 15.000 человѣкъ убитыми и ранеными, 20.000 плѣнными, 45 знаменъ и 146 орудій. „Солдаты,—писалъ Наполеонъ на другой день послѣ сраженія въ своемъ приказѣ по войскамъ,—я вами доволенъ. Въ великій день Аустерлица вы оправдали надежды, которыя я возлагалъ на вашу храбрость... Когда я приведу васъ обратно во Францію, мой народъ съ ликованіемъ встрѣтитъ васъ, и достаточно будетъ вамъ сказать: „я участвовалъ въ аустерлицкомъ сраженіи“, чтобы услыхать въ отвѣтъ: „Вотъ храбрецъ!“

Блестящая побѣда при Аустерлицѣ изгладила впечатлѣніе, произведенное пораженіемъ при Трафальгарѣ. Вѣсть о тріумфѣ Наполеона потрясла Уильяма Питта почти до потери разсудка и была причиною его смерти, послѣдовавшей нѣсколько недѣль спустя. Онъ умеръ, неотступно преслѣдуемый „взоромъ Аустерлица“, словно призракомъ. Представитель прусскаго короля, Гаугвицъ, присланный для того, чтобы подготовить вступленіе своего государя въ коалицію, съ лицемѣріемъ настоящаго политическаго Януса поспѣшить принять всѣ условія побѣдителя. Австрійскій императоръ поторопился испросить перемиріе, которое и было заключено въ Уршицѣ. Русскіе безпрепятственно удалились.

Дѣйствія италійской арміи. — Столь же неблагопріятны для Австріи были и дѣйствія италійской арміи. Массена прогналъ изъ Вероны эрцгерцога Карла, заставилъ его покинуть укрѣпленную позицію у Кальдіеро, преслѣдовалъ его до Тальяменто и отбросилъ къ Лайбаху, между тѣмъ какъ Гувіонъ Сенъ-Сиръ блокировалъ Венецію. Эрцгерцогъ Іоаннъ, который и не пытался подать помощь Маку, ускользнулъ отъ Нея, перейдя чрезъ Бреннеръ и затѣмъ чрезъ Тоблахскій перевалъ и соединился съ эрцгерцогомъ Карломъ. Но корпусъ Елачича, ускользнувшій изъ Ульма и по пятамъ преслѣдуемый Ожеро, капитулировалъ въ Фюссенѣ. Венгерскіе драгуны Бланкенштейна и принцъ Роганъ, отказавшіеся капитулировать, должны были сдаться Гувіону Сенъ-Сиру послѣ битвы при Кастель-Франко. Эрцгерцогамъ Іоанну и Карлу, правда, удалось соединиться въ глубинѣ Штиріи, въ Цилли; но они не могли ни соединиться съ русскими, ни достигнуть Вѣны, такъ какъ Мармонъ не спускалъ съ нихъ глазъ. Они были отброшены къ Раабу, гдѣ Массена держалъ ихъ подъ постоянной угрозой нападенія. Итакъ, Австріи не оставалось другого исхода, какъ подчиниться условіямъ побѣдителя.

Пресбургскій договоръ (26 декабря). — Пресбургскій договоръ, при заключеніи котораго представителемъ Франціи былъ Талейранъ, Австріи — Гіулай и Лихтен-

штейнъ, былъ для Наполеона первымъ шагомъ на пути къ всемірному владычеству. Франція удерживала за собою итальянскія области, входившія въ составъ германской имперіи: Пьемонтъ, Геную, Парму и Пьяченцу. Австрія уступала итальянскому королевству Венеціанскую область, Истрію безъ Тріеста, Далмацію, словомъ — все, что она пріобрѣла по Кампо-Формійскому договору. Австрійскій императоръ признавалъ Наполеона королемъ Италіи и обязывался добиться его признанія прочими державами, — пунктъ чрезвычайно важный, въ виду исконныхъ притязаній германскихъ императоровъ на верховную власть надъ Италіей. Австрія уступала Баваріи Тироль, Форарльбергъ, епископства— Бриксенское, Тріентское, Пассауское и Аугсбургское, что удвоивало территорію этого королевства, а Вюртембергу и Бадену — австрійскую Швабію, Констанцъ, Бризгау и Ортенау. Взамѣнъ она пріобрѣтала Зальцбургъ и гросмейстерство Тевтонскаго ордена для эрцгерцога Антона. Зальцбургскій курфюрстъ, которымъ въ данный моментъ былъ не кто иной, какъ эрцгерцогъ Фердинандъ, братъ императора Франца II и бывшій великій герцогъ тосканскій, переводился въ Вюрцбургъ, переименованный въ курфюршество. Въ заключительномъ параграфѣ, походившемъ на улыбку жестокой ироніи, Наполеонъ гарантировалъ австрійской имперіи неприкосновенность оставшихся за нею владѣній. Напрасно Талейранъ совѣтовалъ императору быть умѣреннымъ, напрасно предлагалъ ему дать Австріи солидное территоріальное вознагражденіе въ долинѣ нижняго Дуная, именно Валахію, Молдавію и Бессарабію, чтобы навсегда поссорить Австрію съ Россіей и отдалить ее отъ Англіи: Наполеонъ остался непреклоннымъ въ отношеніи къ своему низвергнутому противнику[1]). Фактически Австрія была вытѣснена изъ Италіи и Германіи. Это было смертнымъ приговоромъ для древней романо-германской имперіи. Не удивительно, что теперь ея глава торжественно отказался отъ титула германскаго императора, освободивъ всѣхъ членовъ имперіи отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ имперской конституціей. Францъ II, императоръ германскій, отнынѣ довольствуется болѣе скромнымъ титуломъ Франца I, наслѣдственнаго императора австрійскаго.

Рейнская конфедерація.—Наполеонъ тотчасъ раздѣлилъ ризы побѣжденнаго между своими родственниками, товарищами по оружію и союзниками. Подъ предлогомъ реорганизаціи Германіи онъ основалъ Рейнскую конфедерацію, присвоивъ себѣ предсѣдательство въ ней. Въ нее вошло шестнадцать князей, между прочими: герцоги баварскій и вюртембергскій, провозглашенные теперь королями, и герцогъ баденскій, провозглашенный великимъ герцогомъ. Наполеонъ думалъ, что привяжетъ ихъ къ себѣ, раздѣливъ между ними Тироль и Швабію, отнятые у Австріи, и вступивъ съ ними въ родственныя связи. Его пасынокъ, принцъ Евгеній, женился на принцессѣ баварской; братъ Жеромъ— на принцессѣ вюртембергской; наслѣдникъ великаго герцога баденскаго — на дѣвицѣ Богарнэ, кузинѣ императрицы Жозефины. Его шуринъ Мюратъ сталъ эрцгерцогомъ бергскимъ, его другъ Бертье— принцемъ невшательскимъ. Тотчасъ по заключеніи Пресбургскаго договора Наполеонъ объявилъ неаполитанскихъ Бурбоновъ низложенными въ виду недостойнаго поведенія королевы Каролины, пріятельницы Нельсона и англичанъ. Итакъ, предстояло новое завоеваніе, которое и было поручено Массенѣ и Гувіонъ Сенъ-Сиру. Сопротивленіе оказала одна Гаэта, которая сдалась лишь послѣ пятимѣсячной блокады, стоившей осаждающимъ 2.000 человѣкъ. Іосифъ, старшій изъ Бонапартовъ, созданный скорѣе для праздной

[1]) См. письмо Талейрана къ императору, *Revue Historique*, т. XXXIX, стр. 64.

нѣги прекраснаго Морфонтена, чѣмъ для работъ, связанныхъ съ возлагаемой на него теперь короной, долженъ былъ переселиться въ Неаполь, чтобы вступить въ управленіе народомъ, который принималъ его скрѣпя сердце. Онъ носилъ титулъ короля Обѣихъ Сицилій, хотя фактически ему никогда не удалось подчинить себѣ Сицилію, гдѣ англичане хорошо охраняли низложенныхъ Бурбоновъ. Одна изъ сестеръ Наполеона, Элиза Баччіоки, стала принцессой луккской и піомбинской, а вскорѣ затѣмъ и великой герцогицей тосканской. Другая, красавица Полина Боргезе, безгрѣшная модель Кановы, сдѣлалась принцессой гвастальской. И сѣверъ, и югъ Италіи были въ рукахъ Наполеона. Одинъ папа въ центрѣ ея оставался независимымъ. На сѣверѣ имперіи Наполеонъ уничтожилъ батавскую республику, чтобы на ея мѣстѣ основать голландское королевство, королемъ котораго сталъ предпослѣдній изъ его братьевъ, Луи Бонапартъ.

Новая каролингская имперія. — Такимъ образомъ возникла новая каролингская имперія, и Наполеонъ, подобно Карлу Великому, выкраивалъ изъ нея королевства и княжества для своихъ родственниковъ. Но онъ требовалъ отъ своей семьи безусловнаго подчиненія. Его братъ Люсьенъ, отказавшійся разойтись съ подругой юныхъ лѣтъ, чтобы жениться на принцессѣ, и соглашавшійся принять корону лишь подъ извѣстными условіями, былъ удаленъ отъ двора, несмотря на услугу, которую онъ оказалъ Наполеону 18 брюмера. Мать императора никогда не была провозглашена принцессою и удостоилась только чести носить имя „Madame Mère", потому что она приняла сторону Люсьена въ его столкновеніи съ Наполеономъ. Когда Луи уѣзжалъ въ Голландію, чтобы вступить въ управленіе ею, Наполеонъ далъ ему инструкцію, въ которой его обязанности были перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ, идущемъ на перерѣзъ требованіямъ честности: 1) по отношенію къ императору, 2) — къ Франціи, 3)—къ Голландіи. Итакъ, всѣ эти принцы—родственники и союзники—въ сущности были вассалами императора. Чрезъ ихъ посредство онъ управлялъ Голландіей, Германіей и Италіей. Наполеонъ заставилъ офиціально признать за собою титулъ *Великаго* (1806). Празднованіе основанія имперіи было пріурочено къ 15 августа, дню его рожденія. Этотъ день сдѣлался какъ бы днемъ святого Наполеона, апоѳеозомъ императора. Культъ императоровъ въ Римѣ никогда не порождалъ болѣе пылкаго поклоненія, нежели то, которымъ былъ окруженъ Наполеонъ.

III.—Четвертая коалиція: Пруссія и Россія (1806—1807).

Нерѣшительность Пруссіи. — Если Рейнская конфедерація окончательно дискредитировала Австрію въ глазахъ Германіи, то она набросила тѣнь также и на Пруссію. Въ послѣдней войнѣ эта держава придерживалась выжидательной политики, которая дѣлала ей мало чести. Нерѣшительный король Фридрихъ-Вильгельмъ III, у котораго хватало энергіи только на сопротивленіе, сначала хорошо принялъ императора Александра: во время трогательнаго свиданія, состоявшагося въ полночь въ Потсдамѣ, у могилы Фридриха II, прусскій король торжественно обѣщалъ русскому царю поддержку прусскихъ войскъ на тотъ случай, если Наполеонъ отклонитъ его посредничество. Но прусскій министръ Гаугвицъ убѣдилъ короля подождать съ предложеніемъ посредничества, пока ходъ войны не дастъ рѣшительнаго перевѣса французамъ или ихъ врагамъ. Онъ сопровождалъ Наполеона до Аустерлица и, ошеломленный этой блестящей побѣдой, обратился къ императору не съ высокомѣрнымъ требованіемъ, какъ ему было поручено, а съ самымъ смиреннымъ поздравленіемъ. „Вотъ комплиментъ, — отвѣчалъ ему Наполеонъ,—направленный

судьбою не по указанному адресу". Тѣмъ не менѣе императоръ рѣшилъ воспользоваться этимъ вынужденнымъ благожелательствомъ. По договору, заключенному имъ съ Гаугвицемъ въ Шенбруннскомъ замкѣ, онъ добился отъ Пруссіи уступки нѣсколькихъ небольшихъ областей, клиньями входившихъ въ чужія владѣнія: Берга, Клеве и Везеля на Рейнѣ, Анспаха и Байрейта въ Баваріи, Невшателя въ Швейцаріи; взамѣнъ онъ далъ Пруссіи значительное вознагражденіе, именно отнятый у Англіи Ганноверъ. Наполеонъ надѣялся благодаря этой комбинаціи поселить смертельную вражду между Англіей и Пруссіей. Наконецъ, онъ предложилъ Фридриху-Вильгельму III образовать по образцу рейнской конфедераціи союзъ сѣверо-германскихъ княжествъ, въ которомъ гегемонія принадлежала бы Пруссіи.

Ганноверскій вопросъ.—Казалось, Пруссіи суждено было стать въ центрѣ Европы тѣмъ опорнымъ пунктомъ, въ которомъ нуждалась Французская имперія. Но Наполеонъ не далъ себѣ труда привлечь ее на свою сторону предупредительнымъ отношеніемъ. Предлагая королю образовать Сѣверную конфедерацію, онъ въ то же время запретилъ мелкимъ германскимъ князьямъ вступать въ нее. Сверхъ того, въ виду предпринятыхъ новымъ министромъ Георга III, Фоксомъ, шаговъ въ пользу мира между Франціей и Англіей, онъ объявилъ, что, если Ганноверъ является единственнымъ препятствіемъ къ заключенію прочной дружбы между обѣими великими націями,—онъ съ такою же легкостью отниметъ у Пруссіи Ганноверъ, съ какою отдалъ ей его. Англія ловко воспользовалась двуличностью императора. Пруссаки приняли Ганноверъ лишь скрѣпя сердце и отчасти съ чувствомъ стыда, такъ какъ онъ былъ платой за неблаговидный нейтралитетъ, или, вѣрнѣе, за настоящую измѣну по отношенію къ ихъ бывшимъ союзникамъ. Общественное мнѣніе было крайне раздражено противъ Наполеона. Королева Луиза-Амалія, принцъ Людвигъ, племянникъ короля, и министръ Гарденбергъ настаивали на объявленіи войны Франціи. Офицеры воображали, что все обстоитъ такъ же, какъ во времена Семилѣтней войны. Они ручались, что сокрушатъ эту такъ называемую Великую армію, которая сумѣла пока побѣдить только австрійцевъ и русскихъ. Съ каждымъ днемъ партія войны росла по численности и смѣлости. Гаугвицъ былъ освистанъ въ театрѣ, какъ авторъ позорнаго мирнаго договора. Прусскіе гвардейскіе офицеры изъ ребяческой хвастливости точили свои сабли о ступени зданія французскаго посольства въ Берлинѣ.

Прусско-русскій союзъ.—Англія по обыкновенію предложила Пруссіи и Россіи денежную субсидію. Несмотря на то, что Наполеонъ отпустилъ безъ выкупа множество русскихъ плѣнныхъ, Александръ I не могъ простить ему Аустерлицкаго пораженія. Какъ и послѣ битвы при Цюрихѣ, онъ обвинялъ австрійцевъ въ неспособности, а его ближайшіе совѣтники, Долгорукій и Ростопчинъ, укоряли ихъ даже въ предательствѣ, утверждая, что планъ атаки былъ сообщенъ Наполеону за сорокъ восемь часовъ до сраженія. Русскій царь не заключалъ мирнаго договора съ императоромъ: соглашеніе, принятое въ Парижѣ Убрилемъ, не было ратификовано. Вопреки представленіямъ министра иностранныхъ дѣлъ, князя Чарторижскаго, предвидѣвшаго, что Россіи въ скоромъ времени придется начать двойную войну—съ Турціей и Персіей, Александръ приказалъ произвести новый наборъ, обратился съ возваніемъ къ студентамъ и молодымъ дворянамъ, обѣщая имъ офицерскій чинъ за шестимѣсячную службу, и предписалъ священникамъ проповѣдовать „отечественную войну". Англія ссудила шесть милліоновъ фунтовъ; Пруссія двинула свои войска; Швеція примкнула къ союзникамъ. Такъ образовалась четвертая коалиція (15 сентября 1806).

Прусская армія и настроеніе умовъ въ Пруссіи. — Прусскій король обратился къ Наполеону съ высокомѣрнымъ ультиматумомъ, въ которомъ предписывалъ ему очистить всю Германію и отказаться отъ Рейнской конфедераціи. Берлинъ былъ охваченъ небывалымъ энтузіазмомъ. Только и было разговоровъ, что о необходимости освободить Германію и ввести Францію въ ея прежнія границы. Народъ восторженно привѣтствовалъ королеву Луизу, которая верхомъ дѣлала смотръ войскамъ. „Это была Армида, сама поджигающая свой дворецъ", рѣзко выразился *Монитёръ*, а Наполеонъ тотчасъ писалъ къ Бертье: „Насъ вызываютъ къ барьеру на 8 октября; отъ такого вызова французы не уклоняются". Объявленіе войны Пруссіей слишкомъ запоздало послѣ пораженія Австріи, а съ другой стороны оказалось преждевременнымъ, такъ какъ Россія еще не была готова. Вопреки похвальбѣ своихъ полководцевъ и политиковъ, Пруссія 1806 года представляла собою уже далеко не то, чѣмъ она была при Фридрихѣ II; по его смерти Пруссія какъ бы впала въ летаргическій сонъ. Прусская армія попрежнему была великолѣпна на парадѣ, но и только на парадѣ. Какъ и раньше, она въ значительной мѣрѣ состояла изъ иноземцевъ; солдата силою держали на службѣ до полнаго истощенія силъ, послѣ чего ему вмѣсто пенсіи давали билетъ на право нищенства. Единственной связью между солдатами была желѣзная дисциплина; главной основою послѣдней — битье палками за малѣйшій проступокъ. Солдатъ получалъ ничтожное продовольствіе и не могъ подниматься выше чина унтеръ-офицера. Капитанъ былъ неограниченнымъ властелиномъ своей роты, въ которой все—солдаты, лошади, одежда и оружіе—являлось его безусловной собственностью. Офицерскій персоналъ служилъ усердно, но производство обусловливалось исключительно старшинствомъ, почему высшіе офицерскіе чины доставались обыкновенно людямъ, фактически по старости уже непригоднымъ для службы. Довольно было одной серьезной битвы, чтобы разорвать въ клочки эту пышную декорацію выродившейся Пруссіи. „Наполеонъ дунулъ на Пруссію и ея не стало", сказалъ Генрихъ Гейне.

Тюрингенская кампанія: Іена и Ауэрштедтъ (14 октября).—Всѣ войны Наполеона имѣютъ родственное сходство между собою и отличаются какъ бы архитектурной симметричностью. Прусская кампанія 1806 года—почти копія австрійской 1805 года. Сперва Наполеонъ разбиваетъ прусскую армію въ Тюрингіи; затѣмъ онъ опрокидывается на русскихъ въ Польшѣ и Пруссіи: тотъ же Ульмъ, и за нимъ Аустерлицъ; разница лишь въ томъ, что русскіе признаютъ себя побѣжденными не сейчасъ, а только спустя полгода. Какъ всегда, Наполеонъ ошеломилъ врага и быстротою своихъ операцій, и мѣткостью своихъ ударовъ. Пруссаки готовились къ наступательной войнѣ, они надѣялись застигнуть врасплохъ Великую армію, расквартированную частями отъ Майна до Дуная. „Они бурно устремились впередъ, какъ долго сдержанная и наконецъ освобожденная отъ оковъ страсть" (Сегюръ). Чтобы продлить это заблужденіе и внушить непріятелю безпечность, Наполеонъ съ умысломъ задержался въ Парижѣ и даже сдѣлалъ демонстрацію въ сторону Везеля. Онъ далъ время обѣимъ прусскимъ арміямъ обнаружить свое движеніе къ Гессену. Главная изъ нихъ, которою командовалъ самъ король съ помощью герцога брауншвейгскаго и герцога саксенъ-веймарскаго, продвинулась до Эйзенаха, оставивъ свою главную квартиру въ Эрфуртѣ. Второй, болѣе слабый корпусъ, подъ командою князя Гогенлоэ, растянулся отъ Іены до Шлейца, имѣя авангардъ въ Заальфельдѣ. Прусскія войска насчитывали въ общемъ 150.000 человѣкъ. Наполеонъ быстро сосредоточилъ шесть корпусовъ между Вюрцбургомъ и Бамбергомъ; со включеніемъ

резервной конницы Мюрата и гвардіи онъ располагалъ 175.000 солдатъ. Пруссаки ждали его на сѣверо-западѣ, у Эйзенахскаго прохода; но онъ обошелъ ихъ съ юго-востока тремя ущельями Франкенвальда: отъ Байрейта къ Гофу (Сультъ и Ней съ правымъ крыломъ), отъ Кронаха къ Шлейцу, откуда вытѣснилъ Тауэнцина (Бернадоттъ, Даву и Мюратъ съ центромъ), отъ Кобурга къ Заальфельду (Ланнъ и Ожеро съ лѣвымъ крыломъ). Выигравъ сраженіе при Заальфельдѣ, гдѣ палъ принцъ Людвигъ прусскій, одинъ изъ инициаторовъ войны, Ланнъ утвердилъ французовъ за Заалой въ хорошей оборонительной позиціи. Наполеонъ повторилъ тотъ маневръ, къ которому прибѣгалъ и подъ Маренго и Ульмомъ; но на этотъ разъ онъ обошелъ пруссаковъ съ лѣваго фланга и, грозя отрѣзать ихъ отъ Берлина, заставилъ ихъ перейти къ оборонительной тактикѣ, къ которой они не готовились. Прусскій король поспѣшно отступилъ отъ Эйзенаха къ Веймару, чтобы прикрыть, пока не поздно, сообщеніе со своей столицей.

14 октября разыгралось два рѣшительныхъ сраженія. Наполеонъ, прочно утвердившійся на Заалѣ, въ Іенѣ, думалъ, что предъ нимъ — главная прусская армія. Князь Гогенлоэ впалъ въ обратную ошибку: онъ полагалъ, что имѣетъ дѣло съ тѣмъ корпусомъ французской арміи, который выигралъ сраженіе у Заальфельда; поэтому онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій въ виду битвы и, ставя ни въ грошъ противника, даже на слѣдующій день только въ 9 часовъ утра сталъ во главѣ своего войска. Напротивъ, Наполеонъ хорошо использовалъ ночь съ 13 на 14 октября: по его приказу, гренадеры Ланна за ночь вскарабкались на крутые склоны плоскогорья Ландграфенбергъ, господствующаго надъ Заалой [1]). Утромъ Ланнъ, пользуясь густымъ туманомъ, отбросилъ прусскіе аванпосты и поспѣшно занялъ плоскогорье своей пѣхотой и артиллеріей, между тѣмъ какъ Ожеро на лѣвомъ флангѣ подошелъ по единственной дорогѣ, ведущей въ Веймаръ вверхъ по склонамъ Мюленталя. Когда туманъ разсѣялся, пруссаки съ изумленіемъ увидали, что французы спускаются по скатамъ Ландграфенберга. Ланнъ атаковалъ ихъ съ фронта, Сультъ отрѣзалъ имъ путь на Дорнбургъ; Ней, пройдя между Ланномъ и Ожеро, прорвалъ прусскій центръ и завладѣлъ важной позиціей при Фирценэйлиге. Въ эту минуту правое прусское крыло подъ начальствомъ Рюхеля подоспѣло изъ Веймара съ намѣреніемъ возобновить битву. Наполеонъ приказалъ произвести общую атаку. Мюратъ бросилъ свою конницу на пошатнувшуюся массу непріятеля и обратилъ его отступленіе въ бѣгство.

Корпусъ Гогенлоэ, разбитый Наполеономъ при Іенѣ, составлялъ лишь меньшую половину прусской арміи. Главная же часть послѣдней, подъ начальствомъ герцога Брауншвейгскаго, поспѣшно шла отъ Веймара къ Наумбургу чрезъ Ауэрштедтъ съ цѣлью вновь овладѣть линіями Заалы и Эльстера. Наканунѣ битвы при Іенѣ Наполеонъ, будучи увѣренъ, что ему предстоитъ бой со всей прусской арміей, послалъ Даву и Бернадотта къ Наумбургу, предписавъ имъ перейти Заалу и зайти въ тылъ пруссакамъ. Въ ночь съ 13 на 14-ое Даву прочно утвердился въ Кезенскомъ ущельѣ. На слѣдующій день Блюхеръ сдѣлалъ попытку выбить его отсюда, но безъ успѣха. Приближалась вся прусская армія въ количествѣ 54.000 человѣкъ, а Даву могъ противопоставить ей только 26.000. Тщет-

[1]) „Императоръ такъ усердно старался за эту ночь сосредоточить на этомъ склонѣ всѣ орудія атаки, что еще около десяти часовъ вечера я видѣлъ, какъ онъ со свѣчою въ рукѣ освѣщалъ путь нашимъ артиллеристамъ. Онъ подбодрялъ ихъ и помогалъ имъ поднимать пушки руками и веревками на этотъ крутой откосъ, гдѣ они должны были дѣйствовать заодно съ его гвардіей“ (Сегюръ).

но звалъ онъ на помощь Бернадотта, предлагая даже стать подъ его начальство. Бернадоттъ, не любившій дѣлить славу съ другимъ и не желавшій связываться съ противникомъ превосходнымъ по количеству, уклонился отъ участія въ этомъ дѣлѣ, сославшись на приказъ императора, и отступилъ къ Дорнбургу, гдѣ и остался бездѣятельнымъ и безполезнымъ между двухъ боевыхъ аренъ. Въ самозабвеніи отваги Даву, мастерски поддерживаемый своими тремя дивизіонными командирами, храбрѣйшими изъ храбрыхъ,—Гюдэномъ, Фріаномъ и Мораномъ,—послѣдовательно двинулъ въ дѣло свои дивизіи, все время находясь подъ прикрытіемъ благодаря ущелью. Корпусъ Гюдэна, выстроенный въ карре, продвинулся до Гассенгаузена. Фріанъ, занявъ его правый флангъ, сдерживалъ Вартенслебена; наконецъ, когда противникъ, благодаря своему численному перевѣсу, грозилъ сломить лѣвое крыло французовъ, подоспѣлъ Даву съ дивизіей Морана и довершилъ побѣду въ знаменитомъ отнынѣ мѣстечкѣ Ауэрштедтѣ. Наиболѣе опытные изъ прусскихъ военачальниковъ—герцогъ Брауншвейгскій и Шметтау—были ранены на смерть, принцъ Вильгельмъ выведенъ изъ строя, Моллендорфъ убитъ на мѣстѣ. Даву, который „ничего не забывалъ и все дѣлалъ вовремя“, не преминулъ воспользоваться своей побѣдой, чтобы отбросить пруссаковъ на императора. Прусскій король, потерявшій голову, назначилъ цѣлью отступленія Веймаръ, и здѣсь побѣжденные при Ауэрштедтѣ встрѣтились съ побѣжденными при Іенѣ. Это былъ настоящій хаосъ: люди, безпризорныя лошади и фуры сбились въ одну кучу, охваченную смятеніемъ. 22.000 убитыхъ и раненыхъ, 18.000 военноплѣнныхъ, 200 орудій и 60 знаменъ—таковы были трофеи этой двойной побѣды, стоившей французамъ 12.000 человѣкъ ранеными и убитыми.

Наполеонъ въ Берлинѣ.—Прусской арміи, которая должна была все сокрушить на своемъ пути, больше не существовало. Ея жалкіе остатки сдались спустя нѣсколько дней: Гогенлоэ, преслѣдуемый Ланномъ и Мюратомъ, сложилъ оружіе въ Пренцлау; Блюхеръ, настигнутый въ Мекленбургѣ Сультомъ и Бернадоттомъ, капитулировалъ въ Любекѣ. Крѣпости сдались безъ сопротивленія: Магдебургъ открылъ свои ворота Нею; Штеттинъ сдался, какъ только завидѣлъ всадниковъ Лассаля, которые навѣрное не могли бы прорваться чрезъ его ограды. Одинъ французскій отрядъ достигъ береговъ Одера напротивъ цитадели Кюстрина, но за отсутствіемъ лодокъ не могъ переправиться чрезъ рѣку; и вотъ комендантъ крѣпости любезно предоставилъ въ распоряженіе французскихъ командировъ нужное количество паромовъ, чтобы они могли скорѣе вступить въ крѣпость. „Города падали градомъ, какъ спѣлые плоды! Это было похоже на сонъ: словно самъ Богъ стряхалъ ихъ въ лоно побѣдителя“ (герцогиня д'Абрантесъ). Вѣну Наполеонъ не захотѣлъ оскорбить тріумфальнымъ въѣздомъ, но теперь онъ относился къ побѣжденнымъ уже не столь снисходительно. Побѣдоносная армія продефилировала по улицамъ Берлина, и во главѣ ея Наполеонъ поставилъ Даву, чтобы вознаградить его за его блестящую побѣду при Ауэрштедтѣ; а сзади арміи, какъ въ античныхъ тріумфахъ, шли безоружные военноплѣнные лейбъ-гвардейцы короля, въ наказаніе за ихъ похвальбу. Берлинъ былъ тогда совершенно лишенъ общественнаго самосознанія и патріотизма; здѣсь царилъ глубокій нравственный маразмъ, которымъ и объясняется катастрофа 1806 года. Послѣ Іены почти все берлинское населеніе и вся печать обнаруживаютъ полнѣйшій индиферентизмъ [1]). Притомъ Наполеонъ приласкалъ буржуазію, которая противилась войнѣ: „Добрый

[1]) См. объ этомъ показанія самихъ нѣмцевъ у Geiger'a, *Geschichte des geistigen Lebens der preussischen Hauptstadt*, Берлинъ, 1895, 2 т.

берлинскій народъ,—сказалъ онъ,—принужденъ расплачиваться за войну, тогда какъ ея виновники спаслись. Но я настолько унижу эту дворцовую клику, что ей придется протягивать руку за подаяніемъ".

Военный режимъ въ Германіи. — Однако Наполеонъ не пощадилъ побѣжденныхъ. Лично себѣ онъ взялъ въ добычу только шпагу Фридриха Великаго: онъ отослалъ ее въ Парижъ, какъ и отнятыя у пруссаковъ 340 знаменъ, съ депутаціей отъ сената, пріѣхавшей поздравить его съ побѣдами. Но онъ наложилъ на Пруссію огромную военную контрибуцію. Главный казначей Великой арміи, Дарю, взималъ ее съ неукоснительной строгостью. Императоръ назначилъ въ главные города *аудиторовъ* своего Государственнаго совѣта, которымъ и была ввѣрена администрація; такимъ образомъ онъ безъ обиняковъ занялъ мѣсто изгнанныхъ хозяевъ страны, чтобы для себя использовать всѣ ея рессурсы. Всѣ взимаемыя суммы стекались къ Биньону, французскому резиденту въ Берлинѣ. Итакъ, Пруссія, разоренная мародёрствомъ французскихъ войскъ, громадными реквизиціями и контрибуціей, должна была еще платить подать своему побѣдителю, чтобы тѣмъ продлить его владычество. И эта система была распространена на всю Германію: Жеромъ и Вандаммъ занимали всю линію верхняго Одера, Бреславль, Франкфуртъ и Кюстринъ; голландскій король Луи обиралъ Вестфалію и Ганноверъ; Мортье прогналъ герцоговъ нассаускаго, гессенъ-кассельскаго и брауншвейгскаго изъ ихъ княжествъ, потому что они обнаружили равнодушіе или даже вражду по отношенію къ императору и, значитъ, не заслужили, чтобы онъ оставилъ имъ власть. Дѣло въ томъ, что здѣсь нужно было сколотить нѣсколько нѣмецкихъ княжествъ, чтобы составилось приличное королевство для Жерома, единственнаго изъ послушныхъ братьевъ Наполеона, который до сихъ поръ не получилъ удѣла. Гидра всемірной монархіи всюду протягивала свои щупальца. Пощажены были только герцоги саксонскіе, потому что при дворѣ одного изъ нихъ—герцога Саксенъ-Веймарскаго — жили величайшіе умы тогдашней Германіи: Гёте, Виландъ, Шиллеръ, Іоаннъ Мюллеръ. Наполеонъ старался не ссориться съ поэтами и историками. Онъ хотѣлъ жить въ ладу съ молвой и надѣялся водить перомъ исторіи.

Упорное сопротивленіе Россіи: польская кампанія. — Пруссія была сокрушена; но это была лишь одна, и притомъ меньшая, половина дѣла. Теперь нужно было одолѣть русскихъ, громадныя медлительныя полчища которыхъ уже показались на границѣ Польши. Приходилось начинать противъ нихъ зимній походъ въ странѣ, усѣянной озерами и болотами. Съ каждымъ днемъ положеніе Великой арміи становилось болѣе опаснымъ. 28 ноября Мюратъ вступилъ въ Варшаву. Наполеонъ прибылъ сюда 19 декабря и былъ встрѣченъ восторженными кликами поляковъ: при видѣ французскихъ орловъ они мгновенно увѣровали въ скорое освобожденіе Польши. Но Наполеонъ ничего не хотѣлъ сдѣлать для нея раньше, чѣмъ справится съ русскими.

Военныя дѣйствія начались тотчасъ по прибытіи императора. Русская армія, которою командовали Каменскій и Беннигсенъ, была расположена на Наревѣ, отъ Чарново до Остроленки. Ланну удалось перейти Вкру послѣ ночного сраженія при Чарново, гдѣ костры изъ сырой соломы, зажженные по приказу императора, помогли французамъ привести въ разстройство непріятельское войско. 26 декабря общая атака была увѣнчана тройнымъ успѣхомъ. На лѣвомъ флангѣ Ней оттѣснилъ отъ Сольдау прусскій корпусъ Лестока — единственный, который могъ бы соединиться съ русскими; на правомъ Ланнъ послѣ ожесточеннаго боя прогналъ русскихъ отъ Пултуска и отбросилъ ихъ къ Остроленкѣ; въ центрѣ Ожеро и Даву

овладѣли Голыминомъ. Русскіе, согласно приказу, давали ранить и убивать себя безъ единаго стона. „Казалось,—говоритъ Марбо,—что мы деремся съ призраками". Земля была покрыта снѣжной пеленой, но оттепель на этой глинистой почвѣ оказалась еще гораздо хуже. „Для Польши,— сказалъ Наполеонъ,— Господь создалъ пятую стихію—грязь". Поэтому рѣшено было дождаться болѣе благопріятнаго времени года для возобновленія операцій. Наполеонъ расположилъ свои войска на завоеванной территоріи, отъ Варшавы и Модлина до Остроленки, а самъ сосредоточилъ всѣ свои усилія на осадѣ Данцига.

Эйлау (8 февраля).—Въ то время какъ французская армія отдыхала въ своихъ зимнихъ квартирахъ, Беннигсенъ рѣшилъ разрѣзать ее на-двое. Онъ внезапно кинулся промежъ корпусовъ Нея и Бернадотта, разсчитывая окружить послѣдняго и опрокинуть его въ море. Стойкое сопротивленіе Бернадотта у Морунгена разстроило планъ русскаго генерала. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ поспѣшилъ сюда самъ, имѣя въ виду обойти лѣвое крыло Беннигсена, отрѣзать ему отступленіе и принудить его къ сдачѣ. Депеша Наполеона къ Бернадотту, перехваченная русскими, открыла Беннигсену грозившую ему опасность и побудила его двинуться назадъ къ Кёнигсбергу. Наполеонъ погнался за нимъ, и при Эйлау произошло большое сраженіе (8 февраля 1807). Наполеонъ собирался дать битву лишь на слѣдующій день, такъ какъ хотѣлъ укрѣпиться на Цигельгофской возвышенности и здѣсь дождаться прибытія Нея и Даву, которые должны были прикрывать оба его фланга. Но русскіе напали на фурьеровъ Наполеона, стоявшихъ въ селѣ Эйлау; корпусъ Сульта отбросилъ ихъ и схватка превратилась въ общее сраженіе. Поле битвы было покрыто снѣгомъ; противники, сами того не зная, дрались на прудахъ, покрытыхъ такимъ толстымъ льдомъ, что даже пушки не проломали его, иначе здѣсь произошла бы такая же катастрофа, какъ при Аустерлицѣ. Вначалѣ положеніе Наполеона было чрезвычайно опасно. Русская армія охватила французовъ полукругомъ отъ Серпаллена до Шмодиттена; русская артиллерія, ставъ впереди всѣхъ трехъ боевыхъ линій, производила страшныя опустошенія. Выдвинутый къ Серпаллену корпусъ Ожеро былъ ослѣпленъ снѣжной мятелью и почти весь истребленъ. Русская конница достигла Эйлаускаго погоста и едва не захватила Наполеона. Тогда Мюратъ во всю прыть ринулся со своими 90 эскадронами на поле битвы; предъ этимъ страшнымъ шкваломъ людей и коней ничто не въ силахъ устоять; всѣ три русскія линіи опрокинуты, и Мюратъ вторично перерѣзываетъ ихъ пополамъ, прокладывая себѣ обратный путь. Наконецъ, успѣшная диверсія Даву на правомъ флангѣ и прибытіе Нея на лѣвомъ заставляютъ русскихъ отступить. Съ наступленіемъ ночи они очистили поле битвы, гдѣ въ свалку на залитомъ кровью снѣгу лежало 30.000 русскихъ и 10.000 французовъ, убитыхъ и раненыхъ. „Что за бойня! — воскликнулъ Ней,—и безъ всякой пользы". Сраженіе при Эйлау дѣйствительно было не столько побѣдой, сколько ужасной рѣзней.

При извѣстіи объ этой битвѣ долгій трепетъ прошелъ по Европѣ. Казалось, Наполеонъ уже не непобѣдимъ, счастье оставило его. Беннигсенъ отслужилъ молебенъ. Прусскій король и русскій императоръ заключили въ Бартенштейнѣ (25 апрѣля 1807) новый союзъ, взаимно обязавшись не вступать въ переговоры съ Наполеономъ раньше, чѣмъ Франція не будетъ оттѣснена за Рейнъ; такимъ образомъ условія 1813 года были выставлены уже въ 1807-мъ. Они обратились съ настойчивыми воззваніями ко всей Европѣ, призывая ее встать противъ Наполеона. Но у Австріи уже не было ни войска, ни денегъ, да она была и не прочь наказать Пруссію за ея измѣну въ 1805 г.

Швеція была безсильна. Англія отказалась гарантировать русскій заемъ въ 150 милліоновъ. Себастіани, посланный со спеціальной миссіей въ Константинополь, побудилъ султана Селима III объявить войну царю и привелъ Дарданеллы въ оборонительное состояніе на случай нападенія англійскаго флота. Вообще Наполеонъ пользовался Турціей то какъ пугаломъ, то какъ приманкой. Въ то же время однако онъ старался успокоить общественное мнѣніе; въ своей новой главной квартирѣ, въ Остероде, онъ для отвода глазъ занимался всевозможными дѣлами, не имѣющими ничего общаго съ текущею войною: газетами, академіей, оперой, отдѣлами Почетнаго легіона. Тѣмъ временемъ была произведена реорганизація арміи; Массена привелъ изъ Италіи 36.000 человѣкъ. Шасселу-Лоба и Ларибуасьеръ принудили Данцигъ къ сдачѣ, благодаря чему освободился 40.000-ный корпусъ маршала Лефевра. Наконецъ, генералъ Гарданъ, отнюдь впрочемъ не отличавшійся ловкостью дипломата, былъ посланъ въ Персію, чтобы подстрекнуть шаха къ диверсіи противъ русскихъ. Мортье заставилъ Швецію вступить въ переговоры съ Франціей. Вандаммъ овладѣлъ Бреславлемъ и покорилъ всю Силезію. Все было подготовлено для рѣшительной кампаніи.

Фридландъ (14 іюня). — Русскіе также получили подкрѣпленія — 10.000 солдатъ и 6.000 казаковъ. Беннигсенъ, располагавшій приблизительно 100.000 человѣкъ, открылъ наступленіе. Ней первымъ подвергся нападенію, но Наполеонъ въ ожесточенной битвѣ при Гейльсбергѣ принудилъ русскихъ отступить до Фридланда. Здѣсь Беннигсенъ, желая сохранить за собою дорогу на Кёнигсбергъ, перешелъ Аллу и скучилъ свое войско въ узкой лощинѣ на лѣвомъ берегу этой рѣки, такъ что въ случаѣ неудачи оно могло спастись только чрезъ фридландскіе мосты. „Не каждый день поймаешь непріятеля на такой ошибкѣ!“ воскликнулъ Наполеонъ. Въ ночь, предшествовавшую сраженію, Ланнъ сильно укрѣпился на возвышенности Постененъ, чѣмъ далъ время Мортье утвердиться въ Генрихсдорфѣ. Сраженіе началось въ три часа утра. Это была годовщина битвы при Маренго—доброе предзнаменованіе. Наполеонъ заявилъ, что русскіе въ его рукахъ. Ланнъ съ 26.000 человѣкъ въ теченіе тринадцати часовъ сопротивлялся 82.000 русскихъ. Въ четыре часа дня, когда онъ уже началъ слабѣть, онъ замѣтилъ по замѣшательству русскихъ, что Нею удалось обойти ихъ. Ней, клиномъ врѣзавшись въ массу русскихъ и сначала безстрашно выдерживая градъ ихъ картечи, а затѣмъ самъ открывъ по нимъ убійственный огонь изъ своихъ орудій на разстояніи полуторaста шаговъ, обошелъ лѣвое русское крыло, предводимое Багратіономъ, перешелъ Аллу, разрушилъ мосты, обезпечивавшіе отступленіе русскихъ, и занялъ въ ихъ тылу замокъ Фридландъ. Съ этой минуты русскими, несмотря на ихъ стойкость предъ лицомъ смерти, овладѣло полное смятеніе. Они потеряли 25.000 человѣкъ и 80 орудій. Французы вступили въ Кёнигсбергъ. Русская армія потеряла всякую точку опоры.

Тильзитское свиданіе и миръ.—Тильзитскій миръ положилъ конецъ существованію четвертой коалиціи. Пруссія не захотѣла пойти навстрѣчу дружескимъ предложеніямъ Наполеона: онъ сокрушилъ ее и рѣшилъ сдѣлать точкой опоры Россію. Въ основѣ всякаго политическаго союза лежитъ общность вражды двухъ договаривающихся державъ противъ третьей: Александръ I не могъ простить Англіи, что она смотрѣла на коалицію лишь какъ на орудіе для защиты ея собственныхъ интересовъ; съ другой стороны, Наполеонъ только-что знаменитымъ берлинскимъ декретомъ организовалъ противъ нея *континентальную блокаду*. И вотъ Александръ и Наполеонъ соединяются въ своей общей ненависти къ Англіи. Союзъ

былъ быстро заключенъ. Они впервые увидѣлись на ошвартованномъ среди Нѣмана плоту, который былъ нарочно построенъ для ихъ встрѣчи. Затѣмъ они уже часто видѣлись въ городѣ Тильзитѣ. Они взаимно осыпали другъ друга знаками самой задушевной дружбы. Александръ былъ очарованъ Наполеономъ, какъ высшимъ существомъ, которое силишься понять или разгадать, а Наполеонъ пускалъ въ ходъ всѣ обольщенія, чтобы плѣнить восторженнаго царя. Они дѣлили между собою Европу. Наполеонъ посулилъ царю территоріальное обогащеніе въ Финляндіи на счетъ Швеціи и въ румынскихъ княжествахъ на счетъ Турціи; взамѣнъ царь согласился признать всѣ завоеванія Французской имперіи и всѣ королевства, созданныя Наполеономъ. По тайному пункту онъ обязался соблюдать блокаду, т.-е. строжайше закрыть свои порты англичанамъ. Итакъ, царь отрекся отъ своей недавней союзницы, Англіи, а Франція—отъ своихъ старыхъ союзницъ, Швеціи и Турціи.

Съ Пруссіей Наполеонъ поступилъ безпощадно. У прусскаго орла были отрублены оба крыла: съ одной стороны, король Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ уступить провинціи, отнятыя у Польши: онѣ образовали теперь великое герцогство Варшавское, исключая Данцига, объявленнаго вольнымъ городомъ; съ другой стороны, онъ принужденъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ владѣній и къ западу отъ Эльбы, отъ Магдебурга, котораго не спасли и слезы прекрасной прусской королевы. Эта территорія, вмѣстѣ съ Гессенъ-Касселемъ, Брауншвейгомъ и частью Ганновера, составила королевство Вестфалію, отданное Жерому Бонапарту. Великое герцогство Варшавское было предоставлено саксонскому курфюрсту, котораго Наполеонъ произвелъ въ короли. Эти два королевства съ двухъ боковъ охватывали Пруссію, готовыя ежеминутно пожрать ея жалкіе остатки. Въ угоду русскому царю Наполеонъ предоставилъ королю четыре провинціи: Силезію, Бранденбургъ, Померанію и Пруссію, которыя однѣ и должны были отнынѣ составлять прусское королевство. Фридрихъ-Вильгельмъ обѣщалъ закрыть свои порты англійскимъ товарамъ, признать всѣ территоріальныя переверстки, произведенныя Наполеономъ, и уплатить военную контрибуцію въ 100 милліоновъ. Эвакуація французскими войсками провинцій, возвращаемыхъ прусскому королю, была поставлена въ зависимость отъ уплаты этой контрибуціи. Этимъ способомъ Наполеонъ обезпечилъ себѣ возможность еще надолго продлить мученія Пруссіи.

Новый фазисъ наполеоновскаго владычества въ Европѣ. — Какъ орудіе разрушенія, этотъ договоръ представлялъ собою геніальную выдумку. Наканунѣ сраженія при Іенѣ Наполеонъ намѣревался сдѣлать изъ Пруссіи обширную полу-нѣмецкую, полу-славянскую державу; послѣ побѣды при Фридландѣ онъ предпочелъ изувѣчить Пруссію. Онъ безпощадно воспользовался своей побѣдой, не предусмотрѣвъ ни превратностей судьбы, ни жажды мести со стороны прусскаго народа „Да, я знаю, что изъ всѣхъ народовъ, старавшихся укусить колосса, Пруссія была злѣе всѣхъ, старалась укусить всего больнѣе и глубже“; и, произнося эти слова, герцогиня д'Абрантесъ знала лишь жестокую месть пруссаковъ въ 1814 и 1815 гг.! Отнынѣ Италія, Германія, Австрія, Пруссія и Польша всецѣло подвластны Наполеону; онъ раздѣляетъ съ русскимъ царемъ владычество надъ міромъ. Вскорѣ онъ пожелаетъ одинъ властвовать надъ Европой; но его договоры теперь уже не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ кратковременными передышками въ непрерывной войнѣ.

Глава IV.

Франко-русскій союзъ.

Отъ тильзитскаго свиданія до образованія пятой коалиціи.

1807—1809.

Политика Наполеона послѣ тильзитскаго свиданія.—Битва при Эйлау пошатнула положеніе Наполеона, сраженіе при Фридландѣ снова его укрѣпило, а тильзитское свиданіе, повидимому, упрочило его окончательно. Никогда еще ни одинъ человѣкъ не поднимался такъ высоко. Менѣе чѣмъ въ два года онъ сокрушилъ въ Европѣ двѣ большія военныя монархіи, а третью, побѣдивъ, склонилъ затѣмъ содѣйствовать своимъ замысламъ. Онъ впервые располагалъ теперь группой крупныхъ союзниковъ; это предотвращало возможность образованія новыхъ коалицій и позволяло ему всецѣло посвятить свое вниманіе морской войнѣ и завершенію своего грандіознаго предпріятія. Именно эти необычайныя удачи и погубили его. На минуту обезпечивъ себя со стороны Россіи, онъ уже считалъ себя въ силахъ на все дерзать, все предпринять и всего достигнуть. Упорно преслѣдуя свою постоянную цѣль—ослабленіе Англіи, онъ съ теченіемъ времени все болѣе утрачиваетъ чутье реальнаго и возможнаго. Провозгласивъ своимъ берлинскимъ декретомъ отъ 21 ноября блокаду британскихъ острововъ, онъ былъ увѣренъ, что ему и въ самомъ дѣлѣ удастся осуществить этотъ способъ веденія войны, который долженъ былъ привести къ системѣ постоянныхъ нашествій и всеобщаго притѣсненія. Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ европейскіе порты фактически были закрыты для англійскихъ судовъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ примѣнилъ эту мѣру и къ судамъ нейтральныхъ государствъ (миланскій декретъ 1807 г.), въ виду того, что англичане позволяли этимъ судамъ совершать рейсы только съ своего согласія и за извѣстную плату. Такимъ образомъ, онъ пытался совершенно запретить Европѣ морскую торговлю и пріостановить экономическую жизнь ста милліоновъ человѣкъ. Въ то же время онъ хотѣлъ забрать въ свои руки всѣ приморскія государства, чтобы затѣмъ распоряжаться ими по своему усмотрѣнію: тѣ изъ нихъ, которыя оказываются непокорными его велѣніямъ, онъ принуждаетъ силою или экспропріируетъ, занимаетъ ихъ территорію, конфискуетъ ихъ провинціи, низлагаетъ ихъ правительства, и въ концѣ концовъ доводитъ дѣло до того, что вызываетъ противъ себя единодушный взрывъ національныхъ возстаній, предъ которымъ не въ си-

Ж. Б. Ренно.

Бракосочетаніе принца Жерома Бонапарта съ принцессой Виртембергской 22 августа 1807 г.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

лахъ устоять и его геній. Такимъ образомъ отъ Тильзитскаго соглашенія тянется непрерывная нить событій, рядъ заблужденій и все учащающихся ошибокъ, которыя въ пять лѣтъ приводятъ его къ полному банкротству. Тильзитское свиданіе толкнуло его на путь гибели, внушивъ ему желаніе и давъ средства дерзать на невозможное.

Возвращеніе въ Парижъ; пребываніе въ Фонтенебло.—Давъ инструкцію полякамъ въ Варшавѣ и саксонскому двору, 27 іюля 1807 года онъ вернулся въ Парижъ. Въ Парижѣ сенатъ и Государственный совѣтъ старались превзойти другъ друга раболѣпствомъ поздравленій. Общество привѣтствовало не столько побѣду, сколько миръ: послѣднія двѣ кампаніи слишкомъ истощили и утомили Францію, чтобы она могла еще наслаждаться своей славой; тильзитское чудо—превращеніе вчерашняго врага въ друга — предвѣщало, казалось, новую эру, эру отдыха и покоя. Это вызвало въ Парижѣ энтузіазмъ, проявившійся во время празднествъ 15 августа; никогда народное ликованіе не обнаруживалось такъ свободно и бурно. „Сегодняшній праздникъ,—гласилъ одинъ изъ полицейскихъ рапортовъ,—былъ по истинѣ національнымъ праздникомъ“.

На нѣкоторое время Наполеонъ, казалось, погрузился въ дѣла внутренняго управленія, которыхъ онъ никогда не упускалъ изъ виду. Онъ употреблялъ всѣ старанія, чтобы оживить промышленность и торговлю, создать народное благосостояніе, развить и усовершенствовать тѣ великія учрежденія, которыя онъ желалъ сдѣлать опорами трона. Именно въ это время онъ отпраздновалъ женитьбу своего брата Жерома на принцессѣ Екатеринѣ вюртембергской (23 августа) и, отнявъ у Талейрана портфель министра иностранныхъ дѣлъ, даровалъ ему званіе vice-grand électeur; тѣмъ не менѣе онъ оставилъ Талейрана совѣщательнымъ министромъ при—или, скорѣе, надъ государственнымъ секретаремъ, которымъ въ данное время былъ графъ Шампаньи. 22 сентября онъ переѣхалъ со своимъ дворомъ въ Фонтенебло. Здѣсь непрерывно смѣнялись блестящіе пріемы, празднества, охота, театральныя представленія; въ продолженіе девяти недѣль гости императора веселились по приказанію, что многимъ казалось невыносимымъ. Для охоты даже дамы должны были надѣвать установленную форму, впрочемъ удобную и изящную. Здѣсь разыгрывались, правда, и семейныя сцены, романы, интриги, но эти тѣни терялись въ блескѣ, которымъ былъ окруженъ императоръ. Нѣмецкіе князья являлись на поклонъ къ нему и кадили ему лестью; постепенно онъ привыкъ видѣть себя окруженнымъ государями въ качествѣ царедворцевъ. Можно было подумать, что онъ, наконецъ, почилъ на лонѣ своего всемогущества и своей славы; между тѣмъ онъ работалъ неутомимо, составлялъ сложные проекты и обдумывалъ всеобъемлющій планъ новыхъ предпріятій.

Дѣйствія Наполеона въ Италіи; экспедиція противъ Португаліи.—Его замыселъ состоялъ въ томъ, чтобы сплотить весь континентъ изъ конца въ конецъ, поднять его противъ Англіи и мобилизовать его для морской войны на оба фланга—со стороны Средиземнаго моря и со стороны океана. На Средиземномъ морѣ Наполеонъ укрѣпляетъ свои позиціи и увеличиваетъ ихъ число. Согласно Тильзитскому договору онъ присвоиваетъ себѣ Корфу и Каттаро съ его обширнымъ рейдомъ, и приводитъ ихъ въ оборонительное состояніе; эти два военно-морскихъ пункта обезпечивали ему возможность давить на Турцію и въ случаѣ надобности—урѣзать ее. Въ силу конвенціи, заключенной въ октябрѣ 1807 года, онъ возвращаетъ Австріи Браунау, оставленный въ залогъ впредь до возвращенія Каттаро, и тѣмъ улаживаетъ свой споръ съ этимъ дворомъ,—но тутъ же навязываетъ ему размежева-

ніе границъ, выгодное для королевства Италій, а потомъ заставить и высказаться противъ Англіи и закрыть для нея Тріестъ. Въ Италіи, гдѣ онъ предписываетъ Евгенію преслѣдовать подозрительные товары и чрезъ посредство Жозефа подготовляетъ походъ противъ Сициліи, его вниманіе привлекаютъ два непокорныхъ государства,—Римъ и Тоскана. Пій VII, какъ глава религіи мира, не считалъ для себя возможнымъ участвовать въ репрессивныхъ мѣропріятіяхъ, носившихъ характеръ войны; его владѣнія, омываемыя двумя морями, съ двухъ сторонъ были доступны произведеніямъ англійской промышленности; помимо чисто церковныхъ пререканій [1]), Наполеонъ вмѣнялъ куріи въ вину этотъ нейтралитетъ и заявлялъ, что больше не потерпитъ его. Папѣ предложено было вступить въ континентальную лигу, закрыть свои порты и допустить въ Священную коллегію двадцать четыре французскихъ кардинала. Въ противномъ случаѣ легатства Урбинское, Мачератское и Анконское будутъ присоединены къ имперіи; Романья была уже раньше занята. Еще меньше церемонился Наполеонъ съ Тосканой. Такъ какъ англичане устроили въ Ливорно складочное мѣсто для товаровъ, то онъ отправилъ туда Міолли съ 4.000 солдатъ и наложилъ секвестръ на королевство Этрурію, причемъ очень неопредѣленно обѣщалъ королевѣ-регентшѣ вознагражденіе по ту сторону Пиренеевъ.

Дѣйствительно, Пиренейскій полуостровъ представлялся ему удобной ареной для обширныхъ предпріятій. Онъ хотѣлъ начать съ одной изъ его оконечностей, именно съ юго-западной, гдѣ Португалія дала превратить себя въ британскую колонію. Одинъ изъ пунктовъ Тильзитскаго договора гласилъ, что Португаліи должно быть предписано закрыть ея порты для враговъ Франціи. По возвращеніи въ Парижъ Наполеонъ обратился къ Португаліи съ соотвѣтственной нотой, а затѣмъ, не обращая вниманія на лживыя увѣренія Браганцкаго дома и его лицемѣрныя уступки, сформировалъ въ Байоннѣ 40.000-ную армію подъ командой Жюно, которому и предписалъ перейти Пиренеи и идти прямо на Лиссабонъ. Мадридскій дворъ долженъ былъ прислать вспомогательный отрядъ и дать пропускъ французскому войску. Независимо отъ своей прямой выгодности, португальская экспедиція давала императору поводъ изподтишка ввести войско въ Испанію [1]).

Династія Бурбоновъ въ Мадридѣ угасала отъ разврата и дряхлости. Жалкій король, распутная королева, фаворитъ, ненавидимый народомъ, правительство, лишенное престижа и силы, быстрое на всякую низость, способное на всевозможныя вѣроломства, — вотъ какую картину представляла Наполеону эта Испанія, которая разсыпáлась предъ нимъ въ изъявленіяхъ преданности и чуть не измѣнила ему наканунѣ сраженія при Іенѣ. Между тѣмъ въ послѣдніе дни монархіи Испанія была самымъ постояннымъ другомъ Франціи и самымъ выгоднымъ ея союзникомъ противъ Англіи: она удвоила морское могущество французовъ своимъ флотомъ, своими матросами, своими складами: она представляла изъ себя какъ бы запасный арсеналъ Франціи. И теперь еще въ портахъ Пиренейскаго полуострова стояли въ бездѣйствіи остатки могущественнаго военнаго флота. Пустить въ оборотъ эту даромъ пропадающую силу, вернуться къ политикѣ, намѣченной фамильнымъ договоромъ, [2])—такова была мысль,

---

[1]) См. ниже, глава VIII, *Церковь и культы.*

[1]) См. ниже гл. VI, *Испанія и Португалія.*

[2]) *Фамильный договоръ* былъ заключенъ, по иниціативѣ Шуазеля, 15 августа 1761 года между Франціей и Испаніей. Въ силу его оба государя должны были дѣйствовать при всѣхъ обстоятельствахъ какъ одинъ человѣкъ; въ договорѣ были точно опредѣлены размѣры вспомогательнаго вой-

которою, повидимому, руководился Наполеонъ, предпринимая испанскую экспедицію. Онъ хотѣлъ, прежде всего, сдѣлать союзъ съ Испаніей и прочнымъ, и активнымъ, „расшевелить это королевство, которое для всеобщей войны совсѣмъ не могло ему пригодиться". Какимъ же способомъ онъ достигнетъ этого? Отниметъ ли онъ у Испаніи ея сѣверныя провинціи, вознаградивъ ее за это владѣніями въ Португаліи, чтобы такимъ образомъ упрочить за собою постоянный доступъ въ Испанію и обезпечить себѣ свободный проходъ чрезъ Пиренеи? Выдастъ ли одну изъ своихъ племянницъ замужъ за наслѣдника престола, чтобы обновить династію, подливъ свѣжей крови въ ея жилы? Или же онъ воспользуется, напротивъ, любымъ поводомъ, какой не трудно было создать, чтобы низвергнуть эту расшатанную династію? Толкнетъ ли онъ ногою эту гниль и посадитъ въ Мадридѣ одного изъ своихъ братьевъ, стремясь повсюду замѣнить Бурбоновъ Бонапартами? Одинъ за другимъ развертывались въ его умѣ эти разнообразные планы, попеременно одерживая верхъ. Но пока онъ держалъ ихъ втайнѣ; явно же онъ занимался Испаніей лишь постольку, поскольку она могла оказать поддержку его предпріятію противъ португальской монархіи.

Военныя операціи на сѣверѣ. — Изъ-за южныхъ дѣлъ онъ однако не забывалъ о сѣверной Европѣ. Все побережье океана, Ламанша и другихъ сѣверныхъ морей онъ хотѣлъ превратить въ одну громадную боевую линію для блокады и атаки Англіи. Съ этой цѣлью онъ реорганизуетъ свои эскадры—лоріанскую, рошфорскую, брестскую—и свою булонскую флотилію, заводитъ эскадру въ Антверпенѣ и другую въ Текселѣ. Въ Германіи, обезпечивъ себѣ путемъ присоединенія Везеля и Келя постоянныя береговыя укрѣпленія по ту сторону Рейна, организовавъ Вестфальское королевство, онъ придвигаетъ къ морскому берегу нѣсколько корпусовъ, чтобы сильнѣе воздѣйствовать на ганзейскіе города и запереть Везеръ и Эльбу. Наконецъ, и позади Пруссіи, занятой его войсками, онъ обращаетъ свое вниманіе на Балтійское море. Онъ требуетъ отъ Даніи, чтобы она отказалась отъ нейтралитета и предоставила въ распоряженіе французовъ свои двадцать линейныхъ кораблей съ ихъ опытнымъ и храбрымъ экипажемъ. Швеція, король которой питалъ бѣшеную ненависть къ революціонной Франціи, не поддавалась увѣщаніямъ; и вотъ Наполеонъ снова открываетъ противъ нея военныя дѣйствія, и, по его приказанію, маршалъ Брюнъ осаждаетъ и беретъ Стральзундъ (іюль 1807). Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно запереть Балтійское море и превратить его въ базу французскихъ военныхъ дѣйствій можно было бы только въ томъ случаѣ, если бы главная изъ прибалтійскихъ державъ, Россія, сама выступила на боевую арену, объявила себя противъ Англіи, увлекла за собою Данію и оказала давленіе на Швецію. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ для Наполеона было достаточно, чтобы Россія ему не мѣшала, но на сѣверѣ онъ не могъ обойтись безъ ея помощи. Поэтому онъ не медля сталъ хлопотать о томъ, чтобы превратить миръ съ нею въ активный союзъ.

Посольство Савари.—Тотчасъ по заключеніи Тильзитскаго договора Наполеонъ назначилъ своимъ представителемъ при русскомъ царѣ одного изъ своихъ адъютантовъ, генерала Савари, и отправилъ его въ Петербургъ въ качествѣ временнаго посла и въ знакъ своей признательности къ царю: такимъ путемъ онъ хо-

ска, какое каждая изъ сторонъ должна была доставлять другой въ случаѣ чьего-либо нападенія на послѣднюю. Къ этому союзу вскорѣ примкнулъ и сардинскій король, вслѣдствіе чего образовалась какъ бы латинская унія, или унія Бурбоновъ: она была направлена преимущественно противъ Англіи.

тѣлъ поддержать связь съ императоромъ Александромъ впредь до возстановленія посольствъ и правильныхъ дипломатическихъ сношеній. Савари долженъ былъ на мѣстѣ ознакомиться съ намѣреніями императора и его двора и съ настроеніемъ общества и настоять на исполненіи взятыхъ на себя Россіей обязательствъ противъ Англіи. Онъ былъ превосходно принятъ императоромъ, холодно—императрицею-матерью, пользовавшейся большою силой, и очень дурно—обществомъ. Въ то время какъ императоръ Александръ приглашалъ его къ своему столу по нѣсколько разъ въ недѣлю и относился къ нему съ дружеской фамильярностью, всѣ сановники отказывались принимать его,—ему не посылали отвѣтныхъ визитныхъ карточекъ. Это былъ бойкотъ противъ „палача герцога Ангіенскаго". Одушевленная страстной ненавистью къ революціи, петербургская аристократія отказывалась принять Тильзитскій договоръ, и эта свѣтская оппозиція представлялась первою опасностью, грозившею союзу, такъ какъ русское самодержавіе, несмотря на свою неограниченную власть, имѣло обыкновеніе считаться съ мнѣніемъ высшихъ классовъ.

Сверхъ того, Россію связывали съ Англіей матеріальные интересы. Дѣйствительно, въ продолженіе предшествовавшаго вѣка Англія пріобрѣла монополію торговли съ Россіей. Еще и въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, изъ 1.200 судовъ, входившихъ ежегодно въ Неву, болѣе 600 носили англійскій флагъ. Русскіе вывозили на британскіе острова хлѣбъ и лѣсъ и взамѣнъ получали, кромѣ значительныхъ барышей, всевозможные предметы потребленія. Разрывъ съ Лондономъ былъ бы для имперіи экономическимъ бѣдствіемъ, нарушилъ бы привычки и многихъ разорилъ бы.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ первые мѣсяцы по заключеніи Тильзитскаго договора общественное мнѣніе энергично выражало свое недовольство новой политикой императора Александра. Однако, несмотря на многочисленныя затрудненія и препятствія, Савари не падалъ духомъ. Благодаря своей настойчивости и смѣлости онъ сумѣлъ пробить брешь въ петербургскомъ обществѣ, втерся въ нѣкоторые дома и зондировалъ почву съ цѣлью расположить въ свою пользу или по крайней мѣрѣ задобрить знать. Онъ добился доступа къ интимному другу императора Александра, Нарышкиной, и чрезъ ея посредство доводилъ до императора конфиденціальные совѣты: онъ умолялъ Александра обнаружить твердую волю, поступить какъ подобаетъ самодержцу, предупредить протестъ недовольныхъ, а не ждать его, словомъ—пронзить тучу мечомъ". Наполеонъ поддерживалъ своего представителя постоянными точнѣйшими инструкціями и всякими другими средствами. Онъ посылалъ Нарышкиной парижскіе наряды и драгоцѣнности, которые самъ выбиралъ: „Вы знаете,—писалъ онъ Савари,—что я знаю толкъ въ дамскихъ туалетахъ".Неистощимая предупредительность и безчисленныя мелкія услуги постепенно услаждали царю горечь его военныхъ неудачъ; мечъ Наполеона можно было сравнить съ копьемъ Ахиллеса, которое обладало чудеснымъ свойствомъ исцѣлять причиненныя имъ раны. Между обоими монархами завязалась прямая переписка, и Наполеонъ пользовался ею, чтобы поддержать на разстояніи тѣ интимныя отношенія, которыя установились между ними во время Тильзитскаго свиданія, напоминалъ русскому императору о великихъ планахъ, которые должны прославить его царствованіе и обезсмертить его имя, старался воздѣйствовать на его воображеніе и сердце. Но еще лучшую службу сослужили въ это время Наполеону грубость и насильственность англійской политики.

Бомбардировка Копенгагена.—Отношенія между лондонскимъ и петербургскимъ пра-

вительствами охладѣли еще до заключенія Тильзитскаго договора. Въ продолженіе послѣдней войны преемники Питта ни разу не оказали своимъ союзникамъ дѣятельной помощи. Вмѣсто того, чтобы высадить войска въ Данцигѣ и Кенигсбергѣ, они разсѣяли ихъ по всѣмъ частямъ земного шара: они атаковали или угрожали Константинополю, Египту, Буэносъ-Айресу, Монтевидео, словно Англія хотѣла овладѣть міромъ, пока Наполеонъ покорялъ Европу. Поэтому Тильзитскій миръ поразилъ ее меньше, чѣмъ полагали; она мало удивилась заслуженной измѣнѣ со стороны Россіи. Новый англійскій кабинетъ, въ которомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ Георгъ Каннингъ, понималъ, что подъ миромъ, состоявшимся между обоими императорами, скрывалось какое-то другое, тайное соглашеніе. Въ отвѣтъ на предложеніе посредничества со стороны Россіи, англійское правительство потребовало, чтобы ему сообщили секретныя статьи договора. Правда, проницательность его не простиралась до того, чтобы оно догадалось объ условіяхъ Тильзитскаго договора во всемъ ихъ объемѣ: въ Лондонѣ не могли предполагать, что мягкій Александръ измѣнилъ свой образъ дѣйствій рѣзче и въ сторону большаго своекорыстія, нежели запальчивый Павелъ I. По аналогіи съ 1801 годомъ, тамъ воображали, что Россія обѣщала только вступить, заодно съ другими прибалтійскими государствами, въ лигу вооруженнаго нейтралитета. Въ этомъ случаѣ самымъ дѣятельнымъ членомъ союза должна была бы стать Данія, расположенная на передовомъ посту и обладавшая сильнымъ флотомъ; поэтому англичане полагали, что, нанося ударъ Копенгагену, они сразу разстроятъ и обезоружатъ сѣверную лигу.

Въ концѣ іюля 1807 года сильная англійская эскадра подъ начальствомъ адмирала Гамбье, съ дессантнымъ войскомъ, безъ объявленія войны, переплыла Зундъ и появилась передъ Копенгагеномъ. Датскому принцу-регенту, находившемуся въ Килѣ, было внезапно предъявлено требованіе о сдачѣ крѣпости Кроненбурга, господствующей надъ Зундомъ, копенгагенскаго порта и всего флота. Англичане обѣщали вести себя въ занятыхъ пунктахъ какъ друзья и платить за свое продовольствіе. „Какое же вознагражденіе вы думаете уплатить за нашу честь?“ отвѣчалъ принцъ, и прекратилъ всякіе переговоры. Тогда англійскія войска подъ командою генерала Каскэрта высадились съ сѣверной и южной стороны Копенгагена и окружили его батареями. 1 сентября началась бомбардировка. Въ продолженіе пяти дней огненный дождь ядеръ осыпалъ городъ, который съ достоинствомъ и мужественно выдерживалъ это испытаніе. Англичане ворвались въ него, захватили шестнадцать кораблей и большое число легкихъ судовъ, опустошили арсеналъ, забрали даже запасныя снасти и веревки, и затѣмъ поспѣшно, какъ воры, удалились со своей добычей, явивъ міру примѣръ неслыханнаго нарушенія международнаго права. Однако не слѣдуетъ забывать, что Наполеонъ не болѣе Великобританіи былъ склоненъ щадить нейтралитетъ Даніи: раньше онъ потребовалъ, чтобы она присоединилась къ нему, — теперь онъ принудитъ ее къ этому. Англичане только заблаговременно сломали оружіе, которое онъ собирался направить противъ нихъ; но ихъ образъ дѣйствій представлялъ собою такое адское сочетаніе двуличности, безстыдства и насилія, что Европа была потрясена и возмущена.

Разрывъ Александра I съ Англіей. — Въ первую минуту изумленіе и ярость овладѣли и Наполеономъ; но очень скоро онъ сообразилъ, что этотъ гнусный поступокъ даетъ ему превосходное средство совершенно изолировать англичанъ и поставить ихъ внѣ охраны международнаго права. Теперь Данія умоляла его о заключеніи союза, и Наполеонъ согласился

на него. По его предложенію, Австрія, скрѣпя сердце, согласилась отозвать изъ Лондона своего посла и оффиціально примкнула къ блокадѣ, подъ рукою давъ знать королю Георгу и его министрамъ, что ея симпатіи остаются на сторонѣ англичанъ. Въ Петербургѣ французская дипломатія удвоила свои настоянія, чтобы добиться разрыва Россіи съ Англіей раньше срока, опредѣленнаго Тильзитскимъ договоромъ. „Стыдно было бы Россіи,— писалъ Наполеонъ,— остаться въ сторонѣ послѣ событія, такъ близко ея касающагося“.

Александръ принялъ къ сердцу беззаконіе, которому подверглась Данія,— другъ и исконный протеже его дома. Прибывшій въ Петербургъ тайный эмиссаръ Каннинга, полковникъ Уильсонъ, пытался представить объясненія, предлагалъ сдѣлку относительно Балтійскаго моря и большія выгоды на Востокѣ, но Александръ остался непреклоннымъ, потому что ждалъ отъ Наполеона большей поживы. Его замыслы о новыхъ пріобрѣтеніяхъ на Востокѣ въ это время были взвинчены его новымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, престарѣлымъ графомъ Румянцевымъ, смѣнившимъ Будберга, „который каждый разъ ждалъ приказанія, чтобы думать“. Румянцевъ, напротивъ, имѣлъ самостоятельные политическіе взгляды и лелѣялъ смѣлые замыслы. Сынъ блестящаго генерала, добывшаго себѣ военную славу при Екатеринѣ II въ борьбѣ съ турками, онъ только и мечталъ о завоеваніяхъ въ Турціи и видѣлъ въ этомъ столько же семейную традицію, сколько исполненіе національной миссіи. Надѣясь осуществить свою мечту при помощи союза съ Франціей, онъ убѣждалъ императора, что необходимо дать быстрое и полное удовлетвореніе Наполеону въ его борьбѣ съ Англіей, чтобы вынудить у него на Востокѣ всѣ тѣ уступки, на которыя, повидимому, позволяли надѣяться тильзитскіе переговоры. Съ приближеніемъ зимы, когда уже нечего было бояться нападенія англичанъ на Кронштадтъ и русская средиземная эскадра была въ безопасности, Александръ принялъ рѣшеніе, несмотря на ропотъ общества, подстрекаемаго Уильсономъ. 7 ноября онъ въ грозной нотѣ выразилъ неодобреніе своему послу въ Англіи, который позволилъ вовлечь себя какъ бы въ моральное соучастіе по копенгагенскому дѣлу; онъ протестовалъ противъ бомбардировки, напоминалъ о принципахъ морского права, провозглашенныхъ его прапрадѣдомъ, и объявлялъ войну Великобритании. Наряду съ этимъ его восточная политика приняла болѣе рѣзкій характеръ. Согласно статьямъ Тильзитскаго договора, въ Слободзеѣ, при посредствѣ французскаго офицера Гильемино, было заключено перемиріе съ турками, въ силу котораго дунайскія княжества должны были быть эвакуированы русскими. Александръ отказался ратифицировать этотъ актъ и оставилъ свои войска въ Молдо-Валахіи, не возобновляя пока военныхъ дѣйствій, а въ половинѣ ноября, спустя восемь дней послѣ разрыва съ Англіей, онъ сообщилъ Савари о своемъ желаніи удержать дунайскія княжества и включить ихъ въ составъ своихъ владѣній, и просилъ согласія Наполеона на этотъ проектъ.

Планъ соглашенія насчетъ Турціи и Пруссіи.—Наполеонъ все болѣе и болѣе втягивался въ свои южныя предпріятія. Сорока тысячный корпусъ Жюно достигъ Лиссабона, и Браганцкій домъ бѣжалъ въ Бразилію. 27 октября въ Фонтенебло былъ заключенъ договоръ съ Испаніей о раздѣлѣ Португаліи; ее разрубили на три куска: сѣверный рѣшено было отдать королевѣ Этруріи взамѣнъ Тосканы, изъ южнаго образовать для Годоя Альгарвское княжество, а центръ оставался въ распоряженіи императора, которому онъ могъ пригодиться для обмѣна при его сдѣлкахъ съ Испаніей. Такимъ образомъ онъ продолжалъ вести переговоры съ Бурбо-

нами и не отвергалъ мысли о такой комбинаціи, которая поставила бы ихъ въ полную зависимость отъ него, хотя еще болѣе желалъ ихъ окончательнаго низложенія. Испанія, казалось, сама искала его вмѣшательства: король Карлъ IV и королева, по наущенію Годоя, обвинили въ заговорѣ собственнаго сына Фердинанда; инфантъ прибѣгъ къ Наполеону, клянча у него поддержки. Такимъ образомъ въ королевскомъ домѣ воцарилось междоусобіе, государство разлагалось, и Наполеонъ во время путешествія, которое онъ совершалъ по Италіи въ теченіе ноября и декабря, сказалъ своему брату Люсьену по поводу Испаніи: „Не правда ли, это королевство само падаетъ мнѣ въ руки?“ Предвидя грядущія событія, онъ отправилъ на Пиренейскій полуостровъ вторую армію, подъ предлогомъ усиленія оккупаціоннаго корпуса въ Португаліи, и придвинулъ къ границѣ другія войска. Чтобы пріобрѣсти свободу дѣйствія въ Испаніи и возможность поступать сообразно обстоятельствамъ, онъ стремился окончательно обезпечить себѣ дружбу императора Александра, „на чемъ-нибудь покончить“ съ нимъ и упрочить союзъ.

Поэтому онъ не отказывался предоставить русскому царю дунайскія княжества; но онъ соглашался на эту уступку только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему самому была предоставлена прямая и соотвѣтственная выгода. Въ счетъ, который оба императора открыли другъ другу, онъ не заносилъ на свой активъ ни возможныхъ пріобрѣтеній по ту сторону Пиренеевъ, ни своихъ завоеваній въ Италіи. Ему нужно было такое территоріальное пріобрѣтеніе, которое могло бы непосредственно уравновѣсить ростъ могущества Россіи. Онъ могъ бы для этого ограбить Турцію, взявъ себѣ Боснію и Албанію; но это было бы началомъ раздѣла Турціи, о чемъ уже была рѣчь въ Тильзитѣ, а императоръ въ настоящее время былъ склоненъ отсрочить это грандіозное предпріятіе, главнымъ образомъ изъ страха, чтобы англичане, какъ хозяева на морѣ, не захватили лучшую часть добычи—Египетъ и острова. Онъ теперь предпочелъ бы часть Пруссіи. Онъ раскаявался, что пренебрегъ въ Тильзитѣ принципомъ Фридриха Великаго: „никогда не обижать противника наполовину“, т.-е. что отнялъ у Пруссіи слишкомъ много, чтобы она могла забыть свои потери, не лишивъ ея однако навсегда возможности снова подняться. Чтобы подавить въ ней всякую мысль о возстаніи, онъ продолжалъ занимать Пруссію войсками, обусловивъ ея эвакуацію полнымъ разсчетомъ по уплатѣ военной контрибуціи, и въ то же время замедлялъ срокъ разсчета своими все возраставшими вымогательствами. Словомъ, онъ всячески увертывался отъ исполненія Тильзитскаго договора,—и теперь просьбы императора Александра давали ему для этого удобный предлогъ. Такъ какъ Александръ хотѣлъ во что бы то ни стало удержать за собою дунайскія княжества, тогда какъ по Тильзитскому договору ему лишь условно была обѣщана какая-нибудь часть Турціи, то станетъ ли онъ препятствовать тому, чтобы Наполеонъ и съ своей стороны превысилъ условія, навязанныя Пруссіи, и причинилъ ей новое увѣчье, отрѣзавъ у нея Силезію? Силезія за дунайскія княжества—таковъ долженъ былъ быть предметъ новой сдѣлки: оба императора взаимно уступятъ другъ другу чужую собственность и этотъ двойной грабежъ сохранитъ равновѣсіе между ними.

Коленкуръ и Толстой.—Какъ разъ въ это время Савари былъ отозванъ и на постъ посла въ Петербургѣ назначенъ генералъ Коленкуръ, который въ 1808 году сдѣлается герцогомъ виченцскимъ. Для перваго дебюта ему было поручено предложить обмѣнъ дунайскихъ княжествъ на Силезію. Это былъ безупречный слуга, не боявшійся говорить правду своему господину и никогда не кривившій душою

ради карьеры; при высокихъ душевныхъ качествахъ онъ импонировалъ благовоспитанностью и изящными манерами. Въ Петербургѣ ему былъ оказанъ торжественный и пышный пріемъ. Его внушительное барство ослѣпило столичные круги; дамы относились къ нему не такъ сурово, какъ къ Савари: „Я танцовалъ съ наиболѣе упорными,—писалъ онъ,—а остальное сдѣлаетъ время". Александръ сразу допустилъ его въ свой интимный кругъ и давалъ себѣ трудъ плѣнять его чарующей любезностью своего обращенія. Тѣмъ не менѣе при первомъ словѣ посла относительно турецко-прусской комбинаціи царь мягко выказалъ свою неподатливость: онъ отказывался дать согласіе на новую урѣзку Пруссіи, но продолжалъ съ горячностью требовать дунайскія княжества.

Какъ можно было при такихъ условіяхъ удовлетворить Россію, не предоставляя ей преимущественныхъ предъ Франціей выгодъ? Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль Наполеонъ оставлялъ вопросъ открытымъ, а самъ продолжалъ занимать Пруссію, затягивалъ переговоры съ нею о контрибуціи и успокоивалъ турокъ, неопредѣленно обѣщая въ то же время царю раздѣлъ Оттоманской имперіи. Вмѣсто того, чтобы удовлетворить требованія Александра по существу, онъ отдѣлывался мелкими услугами и любезностями: посылалъ ему драгоцѣнныя вещи, дорогой фарфоръ, необыкновенный севрскій сервизъ, отдѣльныя части котораго представляли египетскіе памятники временъ фараоновъ и который до сихъ поръ хранится въ московской оружейной палатѣ. Александръ сердечно благодарилъ, но предпочелъ бы кусокъ Турціи. Иногда онъ жаловался, что призракъ восточнаго раздѣла, появившійся въ Тильзитѣ, ушелъ въ туманное будущее, и Наполеонъ отвѣчалъ, что въ договорѣ все обусловлено поведеніемъ турокъ, а они держатся весьма миролюбиво. „Говорятъ,—писалъ онъ,—что я уклонился отъ тильзитской мелодіи: я признаю только мелодіи, положенныя на ноты, т.-е. текстъ договора".

Другимъ препятствіемъ, тормозившимъ правильное функціонированіе союза, была личность русскаго посла въ Парижѣ, графа Толстого. Какъ военный человѣкъ, онъ скорбѣлъ о русскихъ пораженіяхъ; кромѣ того, онъ былъ насквозь пропитанъ предубѣжденіями русской аристократіи. Быть настороже противъ Наполеона казалось ему первымъ и послѣднимъ словомъ мудрости. Восточный миражъ, возможность территоріальнаго обогащенія исполу съ Франціей, мало его соблазняли: онъ видѣлъ одну Пруссію, онъ хотѣлъ во что бы то ни стало добиться ея освобожденія и тѣмъ возстановить ее, какъ необходимую преграду между Франціей и Россіей. На этого человѣка, полнаго предразсудковъ и лишеннаго воображенія, Наполеонъ ничѣмъ не могъ повліять. Напрасно онъ предоставилъ ему одинъ изъ лучшихъ домовъ Парижа, напрасно отличалъ при всякомъ случаѣ: русскій посолъ оставался безчувственнымъ ко всѣмъ этимъ знакамъ вниманія. Онъ оживлялся только въ салонахъ сенъ-жерменскаго предмѣстья, среди фрондирующей знати. Онъ вздумалъ затѣять военный и политическій споръ съ Неемъ, „который столько же знаетъ о моихъ планахъ,—говорилъ императоръ,—сколько послѣдній барабанщикъ въ арміи". Споръ перешелъ въ ссору и едва не привелъ къ дуэли. Донесенія Толстого, вмѣсто того, чтобы водворять довѣріе, возбуждали въ Петербургѣ безпокойство: менѣе, чѣмъ кто-либо, этотъ спесивый человѣкъ былъ способенъ разсѣять подозрѣнія и содѣйствовать процвѣтанію союза.

Римъ, Испанія и Швеція.—Между тѣмъ Наполеонъ болѣе чѣмъ когда-либо чувствовалъ необходимость вполнѣ овладѣть императоромъ Александромъ, приручить и плѣнить его перспективою блестящихъ выгодъ, потому что онъ самъ загребалъ

объими руками. Несмотря на то, что папа удовлетворилъ бо́льшую часть его требованій, онъ занялъ войсками Анкону и Урбино, точно хотѣлъ окончательно вывести римскую курію изъ себя и тѣмъ приготовить поводъ къ захвату Рима: „папа—римскій епископъ,— говорилъ онъ,— а я—римскій императоръ“. Дѣйствительно, выведенный изъ терпѣнія Пій VII въ концѣ-концовъ взялъ назадъ свои уступки; тогда Міолли въ февралѣ 1808 года занялъ Римъ и учредилъ въ немъ французскую администрацію. Такимъ образомъ папскія владѣнія были фактически присоединены къ Франціи. Въ Испаніи французскія войска продолжали подвигаться впередъ, проникли въ Наварру и Каталонію и обманнымъ способомъ захватывали крѣпости; они надвигались со всѣхъ сторонъ, словно въ объятіяхъ властно сжимая полуостровъ, чтобы Бурбонамъ не оставалось другого выхода, какъ либо подчиниться вполнѣ, либо совсѣмъ устраниться. Было очевидно, что царь только въ томъ случаѣ примирится съ этимъ непрерывнымъ ростомъ французскаго могущества, если ему самому будетъ открытъ просторъ для завоеваній. Наполеонъ пытался сначала обратить его вожделеніе на Финляндію, принадлежавшую еще Швеціи, и отвлечь его этимъ завоеваніемъ. Если Россія стремится расширить свои границы, почему бы не обратиться ей противъ Швеціи, преданной анаѳемѣ Тильзитскимъ договоромъ! Александръ послѣдовалъ этому совѣту: его войска внезапно перешли границу и вступили въ Финляндію (февраль 1808). Послѣ такого насилія надъ беззащитнымъ сосѣдомъ онъ уже не могъ жаловаться на то, что Наполеонъ точно такъ же поступаетъ съ Испаніей. Наполеонъ говорилъ позднѣе: „Я продалъ Финляндію за Испанію“.

Но Испанія была не единственнымъ предметомъ, отъ котораго слѣдовало отвлечь вниманіе царя: нужно было также сдѣлать его глухимъ къ жалобамъ Пруссіи и Германіи, занятыхъ французскими войсками. Притомъ Наполеонъ понималъ, что Александръ и Румянцевъ смотрятъ на захватъ Финляндіи лишь какъ на задатокъ въ счетъ будущихъ барышей и что только крупное пріобрѣтеніе на Востокѣ заставитъ ихъ все забыть и на все смотрѣть сквозь пальцы. Поэтому онъ мало-по-малу возвращался къ мысли о томъ, чтобы подѣлить Турцію со своими союзниками и открыть имъ безконечную перспективу.

Большое нашествіе на юго-востокъ казалось ему вполнѣ совмѣстимымъ съ захватомъ Испаніи на неопредѣленный срокъ; онъ думалъ, что это послѣднее предпріятіе потребуетъ не столько силы, сколько хитрости и, быть можетъ, времени и займетъ лишь часть его войскъ. Со своими италійскимъ и далматскимъ корпусами, съ войсками новаго, только что произведеннаго имъ набора и съ 420.000 чел., находившимися подъ оружіемъ, онъ разсчитывалъ сокрушить Турцію, бросить армію на Константинополь, здѣсь соединиться съ русскими и затѣмъ двинуться вглубь Азіи. Его опять соблазняла мысль предпринять, при содѣйствіи Россіи и Персіи, нападеніе или, по крайней мѣрѣ, демонстрацію противъ англійской Индіи и нанести здѣсь англичанамъ смертельный ударъ. Онъ давно лелѣялъ эту завѣтную мечту: теперь она приняла въ его умѣ опредѣленныя очертанія [1]). Онъ сталъ готовиться къ нападенію на Турцію: собралъ на Корфу большіе запасы оружія и провіанта и сосредоточилъ свои морскія силы въ Средиземномъ морѣ, готовясь лишить англичанъ ихъ первенства на этомъ морѣ, захватить Сицилію и обратить ее въ этапный пунктъ по направленію къ Египту. Талейранъ предупредилъ Австрію, что она, вѣроятно, будетъ приглашена къ участію въ дѣ-

[1]) См. ниже, гл. XXX, *Азія*.

лежѣ добычи. Однако Наполеонъ еще колебался, еще медлилъ принять окончательное рѣшеніе, ожидая, чтобы непримиримость Англіи обнаружилась воочію. Въ этотъ моментъ малѣйшій шагъ къ примиренію со стороны лондонскаго кабинета остановилъ бы ту грозную машину, которую собирался пустить въ ходъ Наполеонъ.

Раздѣлъ міра. — Въ самомъ концѣ января онъ узналъ, что англійскій кабинетъ въ тронной рѣчи категорически высказался противъ примиренія и изъявилъ готовность начать борьбу на жизнь и на смерть. При этомъ извѣстіи всѣ завоевательные и разрушительные замыслы, бродившіе въ его умѣ, сразу ударили ему въ голову. Одно желаніе владѣло имъ теперь—перевернуть все, что еще оставалось отъ старой Европы, чтобы подъ обломками ея похоронить Англію. Онъ рѣшилъ столковаться съ Александромъ I по всѣмъ вопросамъ. Надо устроить новое свиданіе и на немъ формально разрѣшить Александру продолжать завоеванія въ Швеціи, а также выработать планъ раздѣленія Оттоманской имперіи, которое должно быть осуществлено при первой возможности, когда обстоятельства это позволятъ, и одновременно съ движеніемъ франко-русской арміи въ сторону Индіи. Этой цѣною онъ разсчитывалъ заранѣе обезпечить себѣ согласіе царя на всѣ свои мѣропріятія въ Испаніи и пріобрѣсти возможность удержать Пруссію въ плѣну на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, раздѣленіе Востока фактически должно было сдѣлаться раздѣломъ міра, при чемъ львиная доля доставалась Наполеону.

2 февраля 1808 года онъ написалъ царю письмо, полное увлекательнаго краснорѣчія,—магическій призывъ къ предпріимчивости и завоеваніямъ: „Армія въ 50.000 человѣкъ, наполовину русская, наполовину французская, частью можетъ быть даже австрійская, направившись чрезъ Константинополь въ Азію, еще не дойдя до Евфрата, заставитъ дрожать Англію и повергнетъ ее въ прахъ предъ континентомъ. Я приготовилъ все нужное въ Далмаціи, Ваше величество—на Дунаѣ. Спустя мѣсяцъ послѣ нашего соглашенія армія можетъ быть на Босфорѣ. Этотъ ударъ отзовется въ Индіи, и Англія будетъ сокрушена. Я согласенъ на всякій предварительный уговоръ, какой окажется необходимымъ для достиженія этой великой цѣли. Но взаимные интересы обоихъ нашихъ государствъ должны быть тщательно соглашены и уравновѣшены. Все можетъ быть условлено и рѣшено до 15 марта. Къ 1 мая наши войска могутъ быть въ Азіи и войска Вашего величества—въ Стокгольмѣ; тогда англичане, угрожаемые въ Индіи, изгнанные изъ Леванта, падутъ подъ тяжестью событій, которыми будетъ полна атмосфера. Ваше величество и я предпочли бы наслаждаться миромъ и провести жизнь среди нашихъ обширныхъ державъ, оживляя ихъ и водворяя въ нихъ благоденствіе посредствомъ развитія искусствъ и благодѣтельнаго управленія; но враги міра не позволяютъ намъ этого. Мы должны рости вопреки нашей волѣ. Мудрость и политическое сознаніе велятъ дѣлать то, что предписываетъ судьба, идти туда, куда влечетъ насъ неудержимый ходъ событій... Въ этихъ краткихъ строкахъ я вполнѣ раскрываю предъ Вашимъ величествомъ мою душу. Тильзитскій договоръ будетъ регулировать судьбы міра. Быть можетъ, при нѣкоторомъ малодушіи Ваше величество и я предпочли бы вѣрное и наличное благо возможности лучшаго, но такъ какъ англичане рѣшительно противятся этому, то признаемъ, что насталъ часъ великихъ событій и великихъ перемѣнъ“.

Тотъ же курьеръ привезъ Коленкуру инструкцію, въ силу которой онъ долженъ былъ начать предварительные переговоры объ условіяхъ раздѣла. Сейчасъ

имѣлось въ виду намѣтить лишь общія основанія договора, окончательно же все должно было быть условлено лично между обоими императорами. Относительно мѣста и времени свиданія Наполеонъ предоставлялъ себя въ полное распоряженіе своего союзника: „Если императоръ Александръ можетъ пріѣхать въ Парижъ, онъ доставитъ мнѣ этимъ большое удовольствіе. Если онъ можетъ выѣхать лишь на полдороги, отмѣрьте циркулемъ на картѣ середину пути между Петербургомъ и Парижемъ. Вы можете дать согласіе по этому вопросу, не дожидаясь отвѣта отъ меня: я неукоснительно явлюсь на мѣсто свиданія въ условленный день".

Раздѣлъ Востока между Франціей и Россіей.—Читая письмо отъ 2 февраля, Александръ вспыхнулъ въ лицѣ: восторгъ изобразился въ его чертахъ. Коленкуръ и Румянцевъ тотчасъ приступили къ выработкѣ предварительныхъ условій. Это были необычайные переговоры. Среди дружеской бесѣды посланникъ и министръ раскрываютъ карту міра; они оспариваютъ другъ у друга и уступаютъ одинъ другому столько городовъ, областей и царствъ, сколько никогда еще не приходилось распредѣлять ни одному торжественно созванному конгрессу. „Вамъ,—говоритъ Коленкуръ,—Молдавія, Валахія и Болгарія; намъ—Боснія, Албанія и Греція, а для Австріи мы выкроемъ промежуточный удѣлъ". Трудности начались тогда, когда въ переговорахъ дошла очередь до центральныхъ частей Турціи и особенно до Константинополя, который по своему господствующему положенію не имѣлъ себѣ равныхъ. Александръ сперва предложилъ сдѣлать его вольнымъ городомъ; затѣмъ, уступая совѣтамъ своего министра, болѣе честолюбиваго, чѣмъ онъ самъ, потребовалъ его для себя и заупрямился на этомъ. Коленкуръ не оспаривалъ у него Константинополя, но желалъ уравновѣсить эту крупную уступку пріобрѣтеніемъ для Франціи Дарданеллъ; Александръ и Румянцевъ отвѣчали, что получить Константинополь безъ Дарданеллъ—все равно, что пріобрѣсти запертый домъ, не имѣя ключа къ нему. За Дарданеллы съ Босфоромъ, за этотъ „кошачій языкъ", какъ выражался Румянцевъ, намекая на форму полуострова Галлиполи, они предлагали Наполеону цѣлую державу: Египетъ, Сирію и малоазіатскіе порты. Соглашенія такъ и не удалось достигнуть; было составлено два проекта дѣлежа—французскій и русскій. Александръ написалъ Наполеону письмо, дышавшее сердечностью и признательностью, но обусловилъ свиданіе предварительнымъ принятіемъ русскаго проекта въ его главныхъ чертахъ.

Отсрочка свиданія.— Коленкуръ ждалъ окончанія этихъ необыкновенныхъ переговоровъ, чтобы сообщить своему господину ихъ результаты: шесть недѣль Наполеонъ не получалъ никакихъ извѣстій изъ Россіи. Въ началѣ этого промежутка времени онъ дѣлилъ свое вниманіе между Испаніей, гдѣ его войска вступили на путь къ Мадриду, и Турціей, которую онъ изучалъ съ точки зрѣнія удобствъ нашествія. Въ мартѣ произошло событіе, отдавшее въ его руки Испанію и ускорившее его рѣшеніе: 18 марта вспыхнула революція въ Аранхуэцѣ [1]), противопоставившая Фердинанда Карлу IV. Наполеонъ воспользовался ею, чтобы парализовать одного другимъ и захватить испанскую корону. Въ эту минуту, если вѣрить показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, англійскій кабинетъ, чувствуя свою изолированность, былъ болѣе склоненъ идти на мировую, чѣмъ позволяли думать его публичныя заявленія; но захватъ Испаніи устранилъ всякую возможность примиренія, даже временнаго, и обрекъ Наполеона на непрерывную войну [2]).

---

[1]) См. ниже, VI, *Испанія и Португалія*.

[2]) Изъ Martens, *Traités de la Russie avec l'Angleterre (1801--1831)* мы узнаемъ, что въ мартѣ 1808 года бывшій русскій посланникъ въ Лондо-

Онъ возвѣстилъ испанцамъ свой близкій пріѣздъ и приготовился ѣхать къ Пиренеямъ; но какъ можно было соединить эту отлучку со свиданіемъ въ Германіи, столь категорически предложеннымъ царю? При своей необыкновенной быстротѣ онъ надѣялся въ короткій срокъ совершить обѣ поѣздки; но онъ не зналъ, съ которой ему придется начать, такъ какъ Александръ могъ воспользоваться его предложеніемъ и выѣхать тотчасъ по полученіи письма отъ 2 февраля. 31 марта онъ, наконецъ, получилъ русскій отвѣтъ, развязавшій ему руки: Александръ отсрочивалъ свиданіе, соглашаясь на него лишь условно и ставя его въ зависимость отъ новыхъ переговоровъ. Наполеонъ счелъ себя въ правѣ продлить отсрочку и, рѣшивъ сначала покончить съ Испаніей, а затѣмъ уже придти къ окончательному соглашенію съ Россіей, выѣхалъ изъ Парижа въ Байонну.

Состояніе союза во время байоннскихъ событій. — Въ то время, какъ Карлъ IV, королева, Фердинандъ и Годой собрались у него въ Байоннѣ и запутывались въ разставленныхъ имъ сѣтяхъ, Коленкуру велѣно было приготовить Александра I къ принятію окончательнаго рѣшенія. Изъ Байонны Наполеонъ писалъ въ Петербургъ письмо за письмомъ, излагая и по-своему комментируя событія. „Испанскія дѣла сильно запутываются... Отецъ протестуетъ противъ сына, сынъ противъ отца. Оба очень раздражены другъ противъ друга. Ссора между ними дошла до крайней степени. Все это легко можетъ привести къ перемѣнѣ династіи". Когда узурпація совершилась, когда Бурбоны подписали свое отреченіе и Жозефъ, послѣ комедіи запроса у представителей народа, былъ провозглашенъ королемъ, императоръ утверждаетъ, что онъ ничего этого не подстраивалъ заранѣе, что ко всему этому принудили его обстоятельства; притомъ, онъ-де не оставляетъ за собою „ни одной деревушки". „Въ дѣйствительности Испанія будетъ теперь болѣе независима отъ меня, чѣмъ когда-либо".

Россія безпрепятственно дала совершиться этому дерзкому нарушенію монархическаго права: ея силы были заняты въ Швеціи, ея вниманіе поглощено Турціей. Въ Финляндіи, гдѣ ея войска взяли Свеаборгъ и заняли большую часть края, ей приходилось теперь отражать новое наступленіе непріятеля. Наполеонъ обѣщалъ поддержать ее посредствомъ франко-датской диверсіи въ Сканіи—путемъ высадки войскъ на южномъ берегу Швеціи; но Бернадоттъ, которому онъ ввѣрилъ руководство этой операціей, поднявшись со своимъ отрядомъ въ Голштинію и занявъ позицію по близости датскихъ острововъ, не рѣшался переправиться черезъ Бельтъ. Онъ ссылался не недостаточность своихъ силъ; но болѣе вѣроятно, что его удерживала его инструкція. Александръ страдалъ отъ этой задержки и видѣлъ въ ней измѣну данному слову; однако онъ мало жаловался и терпѣливо ждалъ, поглощенный своей мечтой о Востокѣ, во снѣ и наяву видя Константинополь.

Въ первые дни мая Наполеонъ убѣдился, что Испанія—въ его рукахъ: Жозефъ пустился въ путь къ Мадриду, Фердинандъ уѣхалъ въ Валенсэ, Карлъ IV—въ Компьенъ. Все еще оставаясь въ Байоннѣ, онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе отнынѣ главнымъ образомъ на Россіи, на Востокѣ, на тѣхъ грандіозныхъ предпріятіяхъ, которыя должны сокру-

нѣ, Алопеусъ, проѣздомъ черезъ Парижъ сообщилъ императору содержаніе своего конфиденціальнаго разговора съ Каннингомъ: послѣдній—неизвѣстно, искренно ли — выразилъ готовность открыть переговоры на почвѣ *uti possidetis*, т.-е. подъ условіемъ сохраненія каждою изъ сторонъ сдѣланныхъ ею пріобрѣтеній. Наполеонъ сначала ухватился за это предложеніе съ радостью и велѣлъ изготовить благопріятный отвѣтъ. Но когда послѣдній былъ готовъ, онъ не отправилъ его: въ промежуткѣ произошла Аранхуэцкая революція; можетъ быть, именно въ этотъ моментъ безповоротно рѣшилась участь Наполеона.

шить англичанъ, если порабощенія Испаніи окажется недостаточно, чтобы сломить ихъ упорство. Онъ возобновляетъ съ императоромъ Александромъ прерванные на время переговоры и снова требуетъ свиданія, но отклоняетъ всякое предварительное соглашеніе объ условіяхъ раздѣла; дѣло де слишкомъ важно и слишкомъ щекотливо, чтобы можно было улаживать его издали и письменно: „главная трудность все еще лежитъ въ вопросѣ о томъ, кому долженъ достаться Константинополь". При личномъ свиданіи, въ бесѣдѣ съ глазу на глазъ, они легко столкуются: ихъ дружба сдѣлаетъ это чудо.

Когда Александръ I наконецъ согласился на свиданіе безъ предварительныхъ условій, рѣшено было устроить его въ сентябрѣ, въ Эрфуртѣ, и Наполеонъ былъ увѣренъ, что ему снова, какъ въ Тильзитѣ, удастся одержать моральную побѣду надъ царемъ, т.-е. подчинить его своей волѣ. Въ виду этого предстоящаго соглашенія онъ удвоиваетъ свою энергію, дѣлаетъ колоссальныя приготовленія, безъ устали работаетъ надъ размѣщеніемъ своихъ эскадръ, дессантныхъ войскъ и наступательныхъ средствъ во всевозможныхъ пунктахъ береговой линіи. Въ теченіе всего лѣта, по его плану, необходимо было тревожить англичанъ безчисленными ложными атаками и диверсіями отъ Текселя до южной оконечности Италіи: „мы ихъ загоняемъ до полусмерти". Осенью, послѣ свиданія, въ то время какъ онъ, Наполеонъ, изъ Италіи будетъ руководить раздѣломъ, снопъ эскадръ вылетитъ изъ французскихъ портовъ и разсѣется по морямъ: одна изъ нихъ переброситъ 20.000 человѣкъ въ Египетъ, двѣ другія обогнутъ Африку, чтобы грозить Индіи, къ которой въ то же время чрезъ остатки Оттоманской имперіи отправится сухопутная франко-русская армія. Эта грозная послѣдовательность наступательныхъ дѣйствій повергнетъ въ трепетъ Англію; охваченная вихремъ разрушительныхъ операцій, она откажется отъ борьбы и покорно склонитъ голову. Наполеонъ наконецъ чувствовалъ себя въ силахъ закончить и увѣнчать дѣло своихъ рукъ, какъ вдругъ въ этой колоссальной постройкѣ раздался страшый трескъ, поколебавшій ее отъ основанія до вершины.

Вліяніе байленской капитуляціи на положеніе дѣлъ въ Европѣ.—Ему ни разу не приходила въ голову мысль о возможности національнаго сопротивленія въ Европѣ: онъ ждалъ здѣсь развѣ мѣстныхъ вспышекъ и нѣкотораго волненія въ городахъ. Это была одна изъ его главныхъ и наиболѣе гибельныхъ ошибокъ. Испанская корона сдалась, но народъ не пожелалъ подчиниться и въ страстномъ порывѣ поднялся противъ узурпатора. 2 мая вспыхнуло возстаніе въ Мадридѣ, и Мюратъ былъ вынужденъ картечью обстрѣливать народъ на улицахъ. Картагена, Севилья, Сарагосса, Бадахозъ и Гренада послѣдовали примѣру Мадрида; всюду возникли инсуррекціонныя хунты; регулярныя войска высказались за Фердинанда и смѣшались съ шайками повстанцевъ, открывшими партизанскую войну противъ французскихъ войскъ.

Сначала Наполеонъ отнесся къ этому мятежу съ полнымъ пренебреженіемъ; ему казалось, что для усмиренія его нужны не войска, а полицейскія средства. Но видя, что движеніе разрастается, онъ рѣшилъ принять серьезныя мѣры: приказалъ Дюпону двинуться съ войскомъ къ Севильѣ и сформировалъ на сѣверѣ Испаніи другой корпусъ подъ начальствомъ Бессьера. 14 іюля Бессьеръ одержалъ блестящую побѣду при Медина де Ріо-Секо. Императоръ протрубилъ объ этомъ успѣхѣ на весь міръ и снова возвѣстилъ, что въ Испаніи все кончено. Вдругъ, на обратномъ пути изъ Байонны въ Парижъ, онъ получилъ въ Бордо извѣстіе о происшествіи неслыханномъ, неправдоподобномъ, противорѣчившемъ всякому вѣроятію и однако вполнѣ реальномъ: испан-

скія банды, эта жалкая сволочь, разбили одну изъ французскихъ армій и заставили ее капитулировать въ открытомъ полѣ. Дѣйствительно, Дюпонъ далъ окружить себя въ Андалузіи, близъ Байлена, и, не сумѣвъ ни выбраться, ни разбить врага, въ концѣ - концовъ сдался: восемнадцать тысячъ французовъ со своими знаменами, орудіями и обозомъ капитулировали на позорныхъ условіяхъ.

Байленская капитуляція была однимъ изъ важнѣйшихъ событій этого періода и всей императорской эпохи. Ея матеріальныя и моральныя послѣдствія, какъ прямыя, такъ и косвенныя, были громадны. На Пиренейскомъ полуостровѣ ея результатомъ была немедленная и почти полная потеря французами Испаніи, гдѣ французскія войска вмѣстѣ съ Жозефомъ принуждены были отступить по сю сторону Эбро, и Португаліи, гдѣ изолированному и подвергшемуся нападенію англичанъ Жюно не оставалось ничего другого, какъ сдаться. Во Франціи общество было глубоко потрясено; народная совѣсть глухо возмущалась противъ наглой политики, уже не оправдываемой даже успѣхомъ; въ извѣстныхъ кругахъ снова начали предсказывать крушеніе императорскаго режима, и наиболѣе ловкіе, наиболѣе осторожные уже опять помышляли о томъ, чтобы обезпечить себѣ будущее предусмотрительной измѣной. Въ Германіи и особенно въ Пруссіи, гдѣ національное чувство пробуждалось и распалялось подъ вліяніемъ иноземной оккупаціи, гдѣ тайныя общества начали пламенную пропаганду противъ французовъ, сердца дрогнули и родилась мысль о возстаніи: прусскій министръ Штейнъ въ письмахъ своихъ предлагалъ принцу Сайнъ-Витгенштейну поощрять въ Вестфаліи смуту и противодѣйствіе. На Балтійскомъ морѣ испанскій контингентъ Романьи, включенный въ составъ арміи Бернадотта, дезертировалъ и бѣжалъ на англійскіе корабли; это обстоятельство окончательно разстроило обѣщанную русскимъ диверсію въ Сканіи, и это разочарованіе естественно возбудило неудовольствіе въ императорѣ Александрѣ. Но всего сильнѣе испанская катастрофа отозвалась въ Австріи. Въ низложеніи испанскихъ Бурбоновъ австрійскій домъ увидѣлъ предостереженіе всѣмъ законнымъ династіямъ и угрозу самому себѣ; поэтому онъ тотчасъ сталъ съ лихорадочною энергіей ускорять начатое уже раньше преобразованіе своихъ военныхъ силъ. Одинъ за другимъ императоръ Францъ II издаетъ указы о сформированіи резерва дѣйствующей арміи, объ организаціи *Landwehr*'а, наконецъ о всеобщей мобилизаціи. Извѣстіе о байленской катастрофѣ внушило австрійцамъ мысль воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Наполеона и самимъ перейти въ наступленіе. До сихъ поръ они вооружались изъ страха, теперь продолжали вооружаться изъ жажды мести. Еще не рѣшаясь на новую войну, правительство вело себя вызывающе, уступая внушеніямъ партіи, стоявшей за войну. Такимъ образомъ Наполеонъ, только что готовившійся къ наступленію во всѣ стороны, видѣлъ себя теперь вынужденнымъ защищать свои южныя границы противъ Испаніи и противъ англійской высадки, а за Рейномъ и Альпами вставала, угрожая, Австрія. Всѣ его планы были разрушены, всѣ комбинаціи уничтожены, его пристижъ подорванъ, Англія спасена и самъ онъ снова вовлеченъ въ эти континентальныя войны, которымъ не было конца: таковы были для него послѣдствія капитуляціи при Байленѣ.

Новые планы Наполеона. — Его гнѣвъ и горе не имѣли границъ. „У меня здѣсь — пятно", сказалъ онъ, указывая на свой сюртукъ. Онъ писалъ Даву: „Когда вы узнаете объ этомъ, у васъ волосы дыбомъ станутъ на головѣ". Тѣмъ не менѣе онъ не терялъ надежды исправить и даже отчасти предотвратить послѣдствія

катастрофы. Съ удивительной подвижностью ума онъ мѣнялъ и перекраивалъ свои планы. Для того, чтобы снова завоевать Испанію и отмстить за поруганную честь своего оружія, онъ неизбѣжно долженъ былъ двинуть на югъ значительную часть своей германской арміи. Принуждаемый къ жертвѣ необходимостью, онъ мгновенно рѣшился: онъ очиститъ Пруссію, но обратитъ это въ заслугу себѣ предъ императоромъ Александромъ, чтобы тѣмъ крѣпче привязать его къ себѣ. Ему онъ и сообщаетъ прежде всего свое рѣшеніе письмомъ изъ Рошфора въ Петербургъ, при чемъ съ тонкой хитростью помѣчаетъ свое письмо заднимъ числомъ, чтобы царь подумалъ, что оно было написано до полученія извѣстій изъ Испаніи, и чтобы возвѣщаемая въ немъ мѣра имѣла видъ безкорыстнаго одолженія. Этимъ Наполеонъ разсчитывалъ понудить царя къ предстательству предъ Австріей въ видахъ предупрежденія враждебныхъ дѣйствій съ ея стороны. Восточныя дѣла, писалъ Наполеонъ, они уладятъ на предстоящемъ свиданіи; такъ какъ необходимость предпринять походъ въ Испанію лишаетъ его возможности предложить царю, какъ наиболѣе цѣнный даръ, раздѣлъ Турціи, то онъ найдетъ другой способъ удовлетворить его и въ случаѣ надобности отдастъ ему дунайскія княжества безъ всякаго территоріальнаго вознагражденія для Франціи, если царь согласится на свой счетъ сторожить Германію. Такимъ образомъ, союзъ съ Россіей остается базисомъ всѣхъ комбинацій Наполеона, но теперь онъ хочетъ дать ему новое назначеніе: до сихъ поръ онъ видѣлъ въ этомъ союзѣ прежде всего орудіе наступленія, теперь же стремится обратить его въ орудіе обороны и притѣсненія. Отнынѣ это будетъ руководящей идеей его политики.

Сначала императоръ Александръ, казалось, былъ готовъ пойти навстрѣчу его желаніямъ. Онъ съ радостью принялъ извѣстіе о намѣреніи Наполеона эвакуировать Пруссію, призналъ Жозефа испанскимъ королемъ, выразилъ сожалѣніе по поводу несчастія, постигшаго Дюпона, и даже далъ легкое предостереженіе Австріи. Затѣмъ онъ отправился въ Эрфуртъ, горя нетерпѣніемъ: только что происшедшая въ Константинополѣ новая революція, во время которой бывшій султанъ Селимъ III погибъ, Мустафа IV былъ низвергнутъ и на престолъ возведенъ его братъ Махмудъ [1]), должна была, повидимому, облегчить ему достиженіе его цѣли. Тѣмъ не менѣе онъ остановился въ Кенигсбергѣ, чтобы повидаться съ прусской королевской четой. Тѣмъ временемъ Наполеонъ вернулся въ Парижъ. 15 августа у него былъ бурный разговоръ съ австрійскимъ посломъ Меттернихомъ, причемъ онъ старался доказать послѣднему, что объявленіе войны Австріею будетъ для нея равносильно самоубійству. 8 сентября онъ заключилъ съ принцемъ Вильгельмомъ прусскимъ договоръ объ эвакуаціи: военная контрибуція была окончательно опредѣлена въ 140 милліоновъ; крѣпости на Одерѣ: Штеттинъ, Кюстринъ и Глогау, онъ удерживаетъ въ качествѣ залога, и максимальный составъ прусской арміи устанавливается въ 42.000 человѣкъ. Принявъ эти мѣры предосторожности, Наполеонъ затѣмъ уже ни о чемъ больше не думаетъ, кромѣ какъ о свиданіи съ императоромъ Александромъ. Онъ хотѣлъ плѣнить, заинтересовать, удивить, ослѣпить русскаго царя; онъ привезъ съ собою все, что было у него наиболѣе замѣчательнаго во всѣхъ отрасляхъ:— Талейрана и Тальму, весь женскій персоналъ Французской комедіи, гвардейскія команды и придворный штатъ,—словомъ, полный наборъ великолѣпныхъ декорацій: геніальный режиссеръ, онъ превратилъ старый нѣмецкій городъ въ пыш-

---

[1]) См. ниже, гл. XIX, *Турція и христіанскія народности*.

ную сцену для одной изъ тѣхъ удивительныхъ комедій, какія онъ такъ мастерски умѣлъ ставить.

Свиданіе въ Эрфуртѣ.—27 сентября оба монарха встрѣтились, не доѣзжая города, и затѣмъ торжественно вступили въ него подъ гулъ орудій и колоколовъ, привѣтствуемые кликами войска: „Да здравствуютъ императоры!“ Первый разговоръ ихъ былъ посвященъ исключительно любезностямъ, какихъ требуетъ этикетъ: они освѣдомлялись другъ у друга о здоровьѣ императрицъ и принцевъ: „Если бы хватило времени при первомъ визитѣ, — съ насмѣшкою писалъ Талейранъ,—вѣроятно было бы замолвлено словечко и о здоровьѣ кардинала Феша“. Въ слѣдовавшіе затѣмъ дни близость между императорами какъ бы возстановилась и окрѣпла. Они были неразлучны. Наполеонъ оставлялъ въ своемъ распоряженіи только утренніе часы, которые употреблялъ на то, чтобы бесѣдовать съ Гете и другими нѣмецкими мыслителями и поэтами; онъ старался очаровать ихъ и очень дорожилъ этой побѣдою. Днемъ императоры верхомъ присутствовали на маневрахъ, дѣлали смотры; они называли другъ друга братьями, подчеркивая это, и обмѣнялись шпагами. Вечеромъ они снова встрѣчались въ театрѣ, гдѣ Тальма игралъ трагедіи передъ партеромъ, полнымъ королей. Короли баварскій, саксонскій, вюртембергскій и королева вестфальская явились въ Эрфуртъ заявить свою преданность императору; крошечный городокъ былъ полонъ нѣмецкихъ князьковъ, именитыхъ гостей и любопытныхъ, и въ эту расшитую золотомъ международную толпу вмѣшалось нѣсколько членовъ нѣмецкихъ тайныхъ обществъ, люди, глубоко страдавшіе при видѣ униженія своей родины. Одинъ юный студентъ поклялся заколоть Наполеона, но въ рѣшительную минуту у него не хватило мужества.

Князья и сановники соперничали другъ предъ другомъ въ низкомъ раболѣпствѣ: „Я не видѣлъ, — сказалъ Талейранъ,— чтобы хоть одна рука погладила гриву льва благородно“. Примѣръ лести подавалъ самъ Александръ; извѣстно, какъ онъ подчеркнулъ стихъ Вольтера:

А дружба генія—высокій даръ боговъ.

Онъ называлъ Наполеона не только величайшимъ, но и лучшимъ изъ людей. Его братъ, Константинъ, восхищался красотою французскаго войска и игралъ въ солдатъ: онъ зазывалъ въ свою комнату часового, стоявшаго у его дверей, и приказывалъ ему стрѣлять, какъ на ученьи, при чемъ вюртембергскій король, сидѣвшій тутъ же, однажды едва не былъ убитъ. Разъ на парадѣ, проходя позади шеренги съ губернаторомъ города, Удино, онъ приподнялъ ранецъ одного изъ французскихъ гренадеровъ. „Кто меня тронулъ?“ сердито сказалъ ветеранъ, обернувшись. — „Я!“ находчиво отвѣчалъ Удино.

Эрфуртская жизнь была прервана поѣздкою въ Веймаръ, герцогская династія котораго была въ родствѣ съ русскимъ императорскимъ домомъ. Здѣсь Наполеонъ снова увидѣлся съ Гете, пригласилъ къ себѣ Виланда и долго бесѣдовалъ съ ними о различныхъ предметахъ изъ области литературы, философіи и исторіи, при чемъ, между прочимъ, защищалъ цезарей противъ Тацита; онъ неустанно старался примирить съ собою Германію въ лицѣ ея славнѣйшихъ представителей. На слѣдующій день онъ устроилъ апоѳеозъ своей побѣды надъ военными силами Германіи: объѣхалъ со своими гостями поле битвы при Іенѣ, объясняя на мѣстѣ ходъ сраженія. Затѣмъ все общество вернулось въ Эрфуртъ, гдѣ по прежнему безъ передышки начались непрерывные банкеты, смотры и театральныя представленія.

Переговоры; эрфуртское соглашеніе.—Наружное согласіе между императорами

прикрывало собою очень серьезныя разногласія и довольно острыя пререканія. Однако насчетъ Востока удалось столковаться: раздѣлъ Турціи былъ отсроченъ на неопредѣленное время, и Наполеонъ, дѣлавшій сначала оговорки и искавшій лазеекъ, въ концѣ-концовъ согласился немедленно и безусловно уступить Россіи дунайскія княжества въ видѣ задатка подъ ея будущую долю въ турецкомъ наслѣдіи. Въ награду онъ требовалъ, чтобы Александръ тотчасъ сдѣлалъ строгое внушеніе Австріи и сосредоточилъ войска на границѣ Галиціи, словомъ—„показалъ зубы"; это было единственнымъ средствомъ сохранить миръ на континентѣ, такъ какъ Австрія конечно не осмѣлилась бы напасть одновременно на Францію и Россію и смирилась бы предъ демонстраціей, обнаруживающей ихъ тѣсную связь. Однако Александръ противился этому, выставляя всяческія возраженія. Это противодѣйствіе удивляло Наполеона: онъ не узнавалъ того Александра, котораго зналъ въ Тильзитѣ; кто же изъ нихъ перемѣнился? Теперь исторія въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ какъ закулисная сторона эрфуртскаго свиданія раскрыта. Несомнѣнно, что недовѣрчивость Александра сама собою усилилась подъ вліяніемъ послѣднихъ событій; а сверхъ того ее питалъ и обосновывалъ аргументами на тайныхъ совѣщаніяхъ Талейранъ. Онъ былъ привезенъ для того, чтобы способствовать осуществленію плановъ своего господина; вмѣсто этого онъ тайкомъ противодѣйствовалъ имъ. Видя, что Наполеонъ все болѣе и болѣе зарывается, онъ отдѣляетъ свою судьбу отъ его судьбы и старается подготовить себѣ путь къ примиренію съ Европой; главное, онъ отсовѣтуетъ царю грозить Австріи. Этимъ онъ началъ или возобновилъ длинный рядъ своихъ вѣроломствъ, который онъ увѣнчаетъ въ 1814 году торжественной встрѣчей союзниковъ въ покоренномъ Парижѣ. Въ своихъ мемуарахъ, написанныхъ въ эпоху реставраціи, онъ ставитъ себѣ въ заслугу свое поведеніе въ Эрфуртѣ и прикрываетъ его именемъ законнаго разсчета; но исторія должна назвать его предательствомъ.

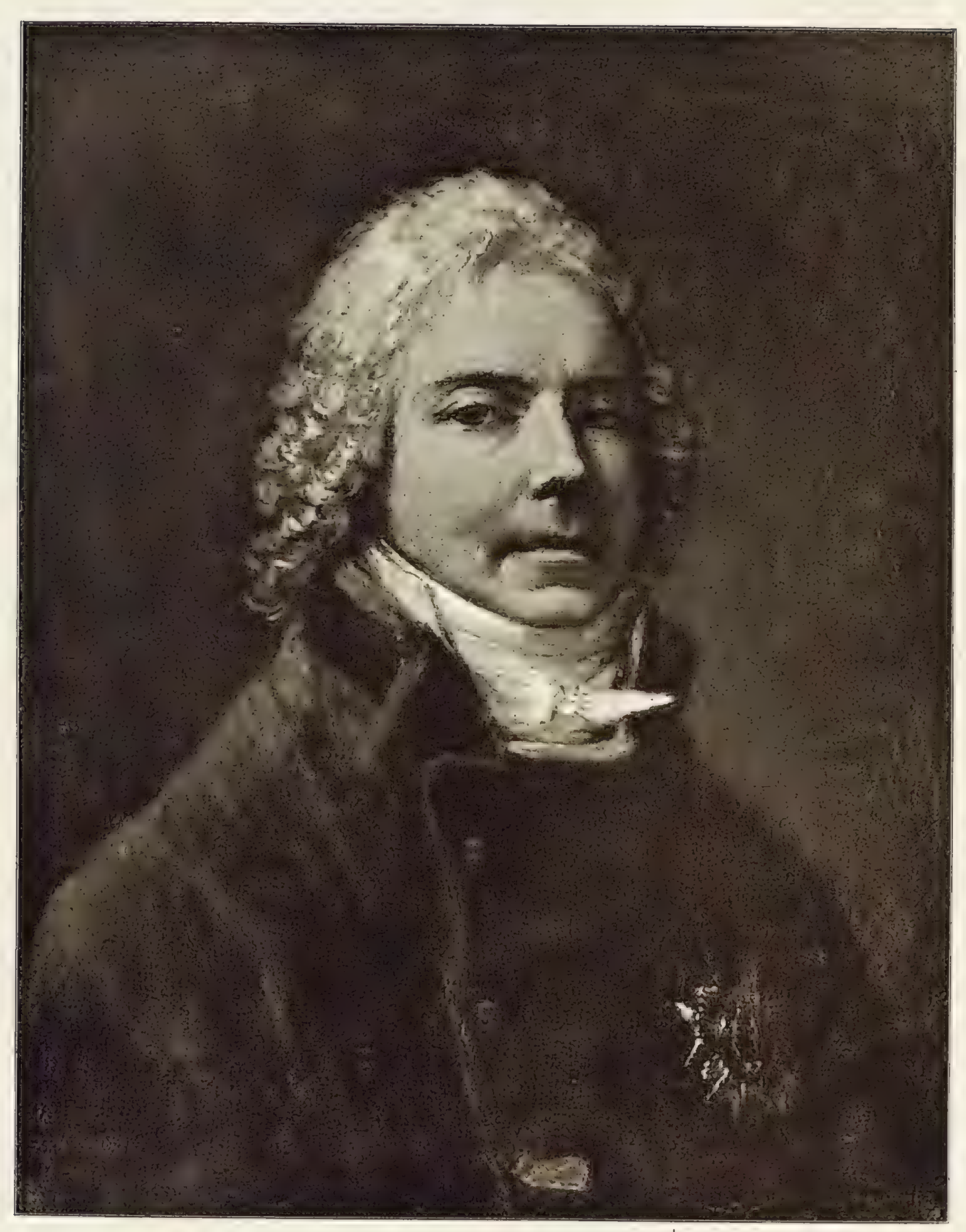
Наполеонъ настаивалъ и раздражался, Александръ продолжалъ увертываться. Однажды, когда они спорили, расхаживая рядомъ въ кабинетѣ Наполеона, послѣдній тѣмъ движеніемъ, которое было ему свойственно въ минуты гнѣва, бросилъ на полъ свою шляпу и съ бѣшенствомъ растопталъ ее. „Вы вспыльчивы,—спокойно сказалъ Александръ,—а я упрямъ. Значитъ, гнѣвомъ со мною ничего нельзя сдѣлать. Будемте обсуждать дѣло, иначе я уѣзжаю", и онъ направился къ двери. Наполеонъ принужденъ былъ успокоиться и въ концѣ-концовъ отступиться отъ своихъ требованій. Онъ только категорически отказался исполнить настойчивыя просьбы Александра о возвращеніи прусскому королю крѣпостей на Одерѣ и согласился сбавить Фридриху-Вильгельму лишь жалкую часть контрибуціи — двадцать милліоновъ; письмо Штейна къ Витгенштейну, перехваченное полиціей, воскресило въ немъ всю его прежнюю ненависть къ Пруссіи.

12 октября оба императора подписали соглашеніе, которымъ ихъ союзъ возобновлялся и которое они условились десять лѣтъ держать въ тайнѣ. Они обязывались прежде всего торжественно предложить миръ Англіи на условіи *uti possidetis:* мирный договоръ долженъ былъ формально признать перемѣну династіи въ Испаніи и присоединеніе къ русской имперіи Финляндіи и дунайскихъ княжествъ. Относительно послѣднихъ въ актъ былъ внесенъ особый параграфъ, который, по настоянію императора Александра и Румянцева былъ формулированъ такъ ясно и категорически, что не оставлялъ никакого мѣста сомнѣніямъ: по отношенію къ Наполеону они считали

необходимымъ принять всѣ возможныя мѣры предосторожности. „Его величество императоръ Наполеонъ", говорилось здѣсь, „соглашается на то, чтобы русскій императоръ владѣлъ на правахъ полной собственности Валахіей и Молдавіей, считая границей Дунай, и съ этого же момента признаетъ ихъ включенными въ составъ русской имперіи". Съ другой стороны, если Австрія объявитъ войну одной изъ союзныхъ имперій, послѣднія должны дѣйствовать сообща и оказывать одна другой вооруженную помощь; но о томъ, чтобы сейчасъ произвести совмѣстно дипломатическое давленіе на вѣнскій дворъ и заставить его прекратить военныя приготовленія, не было рѣчи. Александръ даже весьма благосклонно отнесся къ барону Винценту, присланному императоромъ Францомъ въ Эрфуртъ. Въ общемъ Наполеонъ не достигъ своей главной цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы парализовать Австрію чрезъ посредство Россіи и предотвратить новую войну въ Германіи: дипломатическое единоборство, разыгравшееся въ Эрфуртѣ, кончилось для него лишь половиннымъ успѣхомъ—почти пораженіемъ.

Вопросъ о бракѣ Наполеона. — На совѣщаніи двухъ императоровъ былъ затронутъ еще одинъ вопросъ. Уже съ годъ Наполеонъ серьезно помышлялъ о разводѣ. Въ 1807 году смерть унесла старшаго сына его брата Луи, не по лѣтамъ умнаго мальчика, котораго онъ иногда намѣчалъ себѣ въ преемники. Въ это же время одна изъ его фаворитокъ родила ему сына; это внушило ему увѣренность въ томъ, что онъ способенъ плодоноснымъ бракомъ обезпечить будущность своей династіи. Зимою 1807—1808 гг. онъ едва не развелся съ Жозефиной и распространился слухъ о его женитьбѣ на русской принцессѣ. Въ Эрфуртѣ онъ желалъ, чтобы Александръ заранѣе обѣщалъ ему одну изъ великихъ княженъ на тотъ случай, если онъ рѣшится на разводъ. Будучи стороной предупрежденъ объ этомъ, Александръ повелъ рѣчь о своей младшей сестрѣ, великой княжнѣ Аннѣ, которой не было еще пятнадцати лѣтъ, и намекнулъ императору на возможность этого брака, подъ тѣмъ однако условіемъ, если на это согласится его мать, такъ какъ ей-де принадлежитъ право распоряжаться своими дочерьми и устраивать ихъ судьбу. Эту увертку, если не придумалъ, то одобрилъ Талейранъ, избранный Наполеономъ въ главные посредники по этому дѣлу: „Признаюсь,— писалъ онъ,—меня испугала мысль о новой еще связи между Франціей и Россіей. На мой взглядъ, необходимо было настолько одобрить планъ этого союза, чтобы удовлетворить Наполеона, и въ то же время выставить такія оговорки, которыя сдѣлали бы его трудно осуществимымъ". Онъ не уладилъ брака своего господина, какъ ему было поручено; зато, благодаря посредничеству признательнаго ему Александра I, онъ женилъ своего собственнаго племянника на курляндской принцессѣ, будущей герцогинѣ Дино: это была награда за вѣроломство.

Переговоры съ Англіей; отозваніе Наполеона изъ Испаніи.—14 октября императоры послѣ нѣжнаго прощанья разстались; они снова увидятся лишь сквозь дымъ орудій. Не зная, каково будетъ окончательное рѣшеніе Австріи, Наполеонъ рѣшилъ, что во всякомъ случаѣ успѣетъ лично двинуться въ Испанію и усмирить ее; по его разсчету, для этого достаточно было трехъ мѣсяцевъ. Онъ лишь проѣздомъ посѣтилъ Парижъ, куда привезъ и водворилъ Румянцева, уполномоченнаго вмѣстѣ съ Шампаньи руководить мирными переговорами, къ которымъ была приглашена Англія. Переговоры дѣйствительно начались, но ни одна изъ сторонъ не относилась къ нимъ серьезно: къ Англіи вернулось все ея высокомѣріе, съ тѣхъ поръ какъ она снова пріобрѣла союзниковъ въ Европѣ въ лицѣ возставшей

П. Прюдонъ.

Ш. М. Талейранъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Испаніи и вооружавшейся Австріи; а Наполеонъ желалъ прежде всего сломить мятежъ за Пиренеями и поставить Англію предъ совершившимся фактомъ. Онъ явился въ Испанію въ началѣ ноября; онъ и его сподвижники отмѣтили свое движеніе рядомъ побѣдъ — при Бургосѣ, Туделѣ, Эпиносѣ. Атака Сомо-Сіерры открыла ему путь въ Мадридъ. Онъ не удостоилъ Мадридъ посѣщенія и ограничился тѣмъ, что возстановилъ въ немъ власть своего брата (4 декабря), а затѣмъ направился въ сѣверо-западную часть полуострова, противъ англійской арміи, высадившейся здѣсь подъ начальствомъ генерала Мура. Онъ едва не настигъ ея: она ускользнула отъ него, но онъ захватилъ ея отсталыхъ, обозъ и запасы, Онъ тѣсно сжалъ ее въ галисійскихъ горахъ и бѣшено гналъ къ побережью, разсчитывая опрокинуть ее въ море; но въ первыхъ числахъ января 1809 года онъ вдругъ пріостановилъ преслѣдованіе и отступилъ отъ Асторга къ Бенавенту, а затѣмъ къ Вальядолиду. Уже нѣсколько дней курьеръ за курьеромъ привозили ему тревожныя извѣстія, которыя и заставили его бросить Испанію, чтобы дать отпоръ другимъ врагамъ.

Послѣ эрфуртскаго свиданія Австріей овладѣла предательская самоувѣренность, ускорившая ея рѣшеніе. Въ бесѣдахъ съ Меттернихомъ Талейранъ выдалъ этому двору, на который онъ смотрѣлъ какъ на своего личнаго союзника, тайну разногласія, возникшаго между обоими императорами, при чемъ выразилъ убѣжденіе, что „Александра уже не удастся вовлечь въ войну противъ Австріи“. Языкъ русской колоніи въ Вѣнѣ, кружка интригановъ обоего пола, фанатически ненавидѣвшихъ Францію, подтверждалъ это мнѣніе. Считая несомнѣннымъ, что Александръ не зайдетъ ей въ тылъ и не станетъ ей поперекъ дороги, Австрія все болѣе и болѣе увлекалась своими шовинистскими замыслами. Въ декабрѣ 1808 года въ Вѣнѣ принципіально было признано необходимымъ начать войну; рѣшено было перейти въ наступленіе весною 1809 года, и былъ тайно выработанъ договоръ съ Англіей о субсидіяхъ. Уже теперь усиленныя приготовленія, передвиженія войскъ, оживленная дѣятельность австрійской дипломатіи, открыто начавшей кампанію, и цѣлый рядъ интригъ, о которыхъ отовсюду извѣщали французскіе агенты, указывали на близость войны.

Въ то же время Наполеонъ узналъ о фактѣ болѣе странномъ—объ интригѣ, возникшей въ самомъ Парижѣ, средоточіи его могущества. Талейранъ и Фуше возобновили игру, которую они начинали каждый разъ, когда имъ казалось, что жизнь или судьба Наполеона виситъ на волоскѣ: въ этихъ случаяхъ они начинали изыскивать средства къ тому, чтобы выжить или замѣнить его другимъ лицомъ или, въ случаѣ надобности, ускорить его паденіе съ цѣлью самимъ спастись при крушеніи имперіи. Въ этотъ разъ они спекулировали на возможность гибели Наполеона въ Испаніи отъ пули фанатика, ровно какъ и на опасности новой войны въ Германіи и новыя злоключенія, которыя, какъ можно было думать, вызовутъ окончательную реакцію въ общественномъ мнѣніи. И вотъ они организуютъ за кулисами новое правительство на смѣну Наполеону, которое они намѣреваются вывести на сцену, лишь только обстоятельства это позволятъ: во главѣ его, разумѣется, должны стать они оба, но на верхушкѣ этой наскоро сколоченной постройки, въ качествѣ конька, будетъ водруженъ Маратъ. Меттернихъ узналъ кое-что объ этомъ заговорѣ и далъ знать своему правительству. Перехваченныя на почтѣ письма отчасти открыли Наполеону секретъ, не освѣдомивъ его однако о той тайной связи, какая существовала между заговорщиками и внѣшнимъ врагомъ.

Онъ понялъ, что ему необходимо тотчасъ вернуться въ Парижъ, чтобы личнымъ присутствіемъ упрочить свое положеніе и въ то же время принять мѣры предосторожности противъ Австріи. Онъ сѣлъ на коня, во весь опоръ примчался изъ Вальядолида въ Бургосъ и отсюда въ шесть дней достигъ Парижа. 23 января онъ явился въ Парижъ, точно упавъ съ неба. Въ знаменитой сценѣ, которую онъ 28-го устроилъ Талейрану, онъ далъ волю своему гнѣву: онъ осыпалъ его обвиненіями и бранью, ставя ему въ упрекъ даже участіе въ убійствѣ герцога Ангіенскаго и въ испанской катастрофѣ. Талейранъ выдержалъ грозу съ невозмутимымъ хладнокровіемъ; говорятъ, послѣ этого свиданія онъ замѣтилъ только: „Какъ жаль, что такой великій человѣкъ такъ дурно воспитанъ!" На слѣдующій день императоръ велѣлъ отнять у него оберъ-камергерскій ключъ и временно удалилъ его отъ своей особы, но тѣмъ и ограничилъ наказаніе; быть можетъ, онъ боялся слишкомъ взволновать общественное мнѣніе при столь критическихъ обстоятельствахъ. Слѣдовавшія затѣмъ недѣли, т.-е. февраль и мартъ, онъ, не покидая Парижа, употребилъ на то, чтобы передвинуть часть своихъ военныхъ силъ къ Рейну и верхнему Дунаю, отрядить Даву къ Бамбергу, Удино къ Аугсбургу и Массену къ Ульму и мобилизовать контингенты рейнской конфедераціи, Варшавскаго герцогства и Италіи, словомъ—по всей линіи выставить войска противъ Австріи. Свою ярость противъ послѣдней онъ изливалъ въ неистовыхъ словахъ: „Какіе доводы приводитъ Австрія: что ей грозитъ опасность? Такъ развѣ она въ своемъ образѣ дѣйствій слѣдуетъ баснѣ о волкѣ и ягненкѣ? Любопытно было бы видѣть, какъ она докажетъ мнѣ, что я ягненокъ, и какъ сама будетъ силиться стать волкомъ". Онъ грозилъ, что тотчасъ пойдетъ противъ нея, разрѣжетъ ее на куски и испепелитъ.

Австрійское нападеніе.—Но, готовясь къ этой войнѣ со страстью и бѣшенствомъ, онъ все-таки смотритъ на нее съ отвращеніемъ: она ему противна, такъ какъ онъ чувствуетъ, что даже въ случаѣ удачнаго исхода она будетъ имѣть пагубныя послѣдствія и повлечетъ за собою нескончаемыя перетасовки. Въ частности онъ рисковалъ благодаря ей поссориться съ Россией. Въ случаѣ раздѣла Австріи, Галиція, которую связываютъ съ Польшей и племенное родство, и симпатіи, естественнымъ и вѣроятно неодолимымъ порывомъ сольется съ Варшавскимъ герцогствомъ; расширеніе послѣдняго обезпокоитъ Россію, которая въ этомъ фактѣ склонна будетъ видѣть начало возстановленія Польши, и между обѣими имперіями возникнетъ споръ, почти не поддающійся разрѣшенію. А въ русскомъ союзѣ, который едва ли пережилъ бы новый европейскій кризисъ, Наполеонъ все еще видѣлъ единственное средство предотвратить послѣдній. Достаточно было бы, если бы Александръ рѣшился наконецъ повысить тонъ, заговорить ясно и опредѣленно, открыто объявить себя союзникомъ Франціи; тогда иллюзіи, которыя питала Австрія, разсѣялись бы и она отказалась бы отъ войны. Наполеонъ судорожно цѣплялся за мысль обуздать и парализовать Австрію посредствомъ Россіи.

Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Вальядолида онъ опять обратился къ царю съ пламеннымъ призывомъ: повторяя свои эрфуртскіе доводы, онъ просилъ о томъ, чтобы сообща сдѣлать предостереженіе Австріи, которое заставило бы ее отмѣнить ея враждебныя мѣропріятія. Опять заставъ въ Парижѣ Румянцева, онъ задержалъ его здѣсь нѣкоторое время и старался плѣнить его, настроить въ желательномъ ему смыслѣ, привить ему свое страстное убѣжденіе. Въ доказательство своего миролюбія онъ предлагалъ, чтобы Александръ и онъ взаимно другъ противъ друга гарантировали Австріи ея

територіальную цѣлость, если вѣнское правительство согласится разоружиться.

Но Александръ упорно отказывался понять его и слѣдовать за нимъ. Не то, чтобы онъ желалъ сейчасъ новой войны въ Германіи: напротивъ, онъ хотѣлъ бы на время обезпечить европейскій миръ; но вѣря Австріи больше, чѣмъ Наполеону, онъ считалъ слухъ о наступательныхъ замыслахъ императора Франца и его министровъ выдумкой, приписывалъ ихъ ажитацію законному страху и полагалъ, что лучшее средство успокоить ихъ— не скупиться на обнадеживающія слова. Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что чрезъ посредства Шварценберга, присланнаго къ нему въ качествѣ чрезвычайнаго посла, рекомендовалъ австрійцамъ спокойствіе и терпѣніе, не закрывая имъ однако же видовъ на будущее и не осуждая ихъ на вѣчное смиреніе. Но его заявленія оказали какъ разъ противоположное дѣйствіе: стараясь удержать австрійцевъ отъ войны, онъ только еще болѣе поощрилъ ихъ, и дальнѣйшія событія застигли его врасплохъ. 10 апрѣля, безъ предварительнаго объявленія войны, главная австрійская армія подъ начальствомъ эрцгерцога Карла перешла границу, вторглась въ союзную съ Франціей Баварію и открыла военныя дѣйствія [1]).

Состояніе Европы въ 1809 году.—Европа представляла теперь слѣдующую картину. 310.000 австрійцевъ шли войною на рейнскую конфедерацію и итальянское королевство, охваченные невѣдомыми раньше чувствами: до сихъ поръ Австрія представляла собою только правительство, распоряжавшееся конгломератомъ народностей; теперь она пыталась спаять эти народности общимъ патріотизмомъ и „превратить себя въ націю". Наполеонъ могъ противопоставить ей лишь наскоро сколоченную армію, составленную изъ неравныхъ по качеству элементовъ, изъ горсти ветерановъ и большого числа новобранцевъ, въ общемъ далеко уступавшую тѣмъ несравненнымъ арміямъ, которыя дрались при Аустерлицѣ, при Эйлау и Фридландѣ. За спиною онъ оставлялъ Францію, утомленную войною, изнуренную и обуреваемую тревогой, въ жертву все возрастающей смутѣ. Въ Германіи, гдѣ ему приходилось отражать ударъ, почва дрожала подъ его ногами: на югѣ Тироль возсталъ противъ баварскаго владычества и звалъ назадъ своихъ старыхъ господъ; на сѣверѣ прусскій дворъ, колеблясь между ненавистью и страхомъ, то замышлялъ заговоры, то повергался ницъ, а часть прусской арміи своевольно взялась за оружіе и примкнула къ шайкамъ Шилля, Дорнберга и Брауншвейгъ-Эльса. Въ Италіи, гдѣ Тоскана и Римъ уже были окончательно присоединены къ Франціи (30 мая 1808 и 17 мая 1809), недовольство возрастало, а грубый арестъ папы (6 іюля 1809), совершонный безъ формальнаго приказанія императора, окончательно выводитъ изъ себя католиковъ. Въ Испаніи снова сформировались инсуррекціонныя войска; *гверильи* всюду тревожили французскія колонны и истребляли ихъ по частямъ; героическое и свирѣпое сопротивленіе Сарагоссы показало, какъ опасна эта партизанская война. Турція ускользала изъ-подъ вліянія Наполеона: видя, что въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ ее заживо хоронили, потрясаемая періодическими судорогами, она сблизилась съ Англіей и заключила съ нею Дарданелльскій договоръ (февраль 1809), который положилъ конецъ разногласіямъ и воскресилъ британское вліяніе въ Константинополѣ [1]). Набѣгъ боснійцевъ грозилъ опасностью французскимъ владѣніямъ въ Иллиріи. Всюду поддер-

[1]) См. ниже, гл. V.

[1]) Это былъ первый международный актъ, которымъ закрыты были Босфоръ и Дарданеллы. Англія обязалась впредь не посылать сюда эскадръ, Порта—закрыть проливы для военныхъ кораблей прочихъ державъ.

живая враговъ Франціи своими субсидіями, Англія возвѣщала грандіозную высадку на французскомъ побережьѣ и намѣчала для этого Антверпенъ. Словомъ, Англія, Испанія и Австрія составили новую коалицію, счетомъ пятую; кромѣ того, образовался тайный союзъ между этими державами съ одной стороны, и Пруссіей, германскими народностями и всѣми европейскими аристократіями съ другой. Еще ни разу имперіи не грозило такое яростное нападеніе.

Отложеніе Россіи.—Тутъ-то Наполеону представлялся случай испытать боевую цѣнность русскаго союза, который онъ разсчитывалъ сдѣлать своей главной опорой. Александръ не сумѣлъ предупредить войну,—приметъ ли онъ по крайней мѣрѣ открытое участіе въ ней? Если Россія возмется за оружіе, если Александръ исполнитъ обязательства, принятыя имъ на себя въ Эрфуртѣ,—это сократитъ войну и, безъ сомнѣнія, приведетъ ее къ выгодному для Франціи окончанію. Правда, Россія была занята борьбою съ Швеціей: въ Финляндіи и на Ботническомъ заливѣ еще длились военныя дѣйствія,—но какъ разъ въ это время въ Стокгольмѣ вспыхнула революція (13 марта 1809) [1]; Густавъ IV былъ низложенъ и на престолъ возведенъ безвольный Карлъ XIII. Этотъ переворотъ ускорилъ заключеніе мира; послѣдній былъ заключенъ въ Фридрихсгамѣ и санкціонировалъ присоединеніе Финляндіи и Аландскихъ острововъ къ Россіи (17 сентября 1809). Кромѣ того, Россія все еще воевала съ Персіей и Турціей: на Дунаѣ ея войска возобновили военныя дѣйствія, прерванныя въ предыдущемъ году, и старались вынудить у Порты уступку дунайскихъ княжествъ соотвѣтственно эрфуртскому соглашенію. Тѣмъ не менѣе Россія располагала достаточными силами, чтобы оказать французамъ въ высшей степени цѣнную услугу: диверсія въ Галиціи или Венгріи, поставивъ Австрію межъ двухъ огней, отвлекла бы ее назадъ и парализовала бы ея стремленіе къ Рейну.

Но двинется ли Россія? Наполеонъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы склонить ее къ этому. Его недавно найденная переписка съ Коленкуромъ проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ періодъ: она свидѣтельствуетъ о томъ, что сначала Наполеонъ совершенно искренно старался избѣжать войны, и показываетъ, какъ остро онъ въ моментъ взрыва ощущалъ нужду въ посторонней помощи и какое большое значеніе придавалъ содѣйствію Россіи. Эта переписка—ничто иное, какъ рядъ настойчивыхъ, упорныхъ, горячихъ призывовъ. Въ пламенныхъ выраженіяхъ онъ заклинаетъ царя отозвать своего посла изъ Вѣны и двинуть свои войска въ предѣлы Галиціи; онъ назначаетъ ему свиданіе подъ стѣнами Вѣны и предлагаетъ ему долю въ своей славѣ. „Неужели императоръ (Александръ) захочетъ, чтобы его союзъ оказался безсильнымъ и безполезнымъ для общаго дѣла? Вы хорошо знаете, что я не боюсь ничего. Но я въ правѣ ожидать, что Россія для блага союза и спокойствія міра будетъ дѣйствовать рѣшительно“.

Для достиженія этой цѣли онъ радъ все обѣщать, взять на себя всякое обязательство: онъ предлагаетъ теперь же заключить соглашеніе съ Россіей, которымъ были бы подробно опредѣлены и ограничены результаты войны; онъ готовъ сузить свои притязанія: онъ ничего не возьметъ себѣ при раздѣлѣ Австріи: „Можно будетъ разъединить три короны Австрійской имперіи... Когда это государство будетъ такимъ образомъ раздѣлено, мы можемъ уменьшить численность нашихъ войскъ, замѣнить эти всеобщіе наборы, ставящіе подъ ружье чуть не женщинъ, небольшимъ числомъ регулярныхъ войскъ и упразднить такимъ пу-

[1]) См. ниже, гл. XVII, *Скандинавскія государства.*

тѣмъ систему большихъ армій, введенную покойнымъ прусскимъ королемъ (Фридрихомъ II). Казармы превратятся въ дома призрѣнія, и рекруты останутся у сохи... Если желательно будетъ и послѣ побѣды гарантировать неприкосновенность монархіи, я дамъ согласіе на это, разъ она будетъ вполнѣ обезоружена". Во всякомъ случаѣ, можно заключить соглашеніе по вопросу о будущей судьбѣ австрійской Польши.

Александръ не потребовалъ ни одного изъ этихъ обязательствъ, обѣщалъ Наполеону самое широкое содѣйствіе, но про себя рѣшилъ помогать ему только съ виду и вести съ Австріей чисто-фиктивную войну. Онъ не постѣснился даже предупредить австрійцевъ о своихъ намѣреніяхъ. „Въ знакъ своего полнаго довѣрія императоръ сказалъ мнѣ,—писалъ Шварценбергъ,—что въ предѣлахъ человѣческой возможности будутъ приняты всѣ мѣры съ цѣлью избѣгнуть враждебныхъ дѣйствій противъ насъ. Онъ прибавилъ, что находится въ странномъ положеніи, такъ какъ не можетъ не желать намъ успѣха, хотя мы и являемся его противникомъ". Русскимъ войскамъ, которыя должны были дѣйствовать въ Галиціи, приказано было избѣгать по возможности всякихъ столкновеній, всякихъ непріязненныхъ дѣйствій; самое выступленіе ихъ въ походъ было съ умысломъ сильно замедлено.

Эта уклончивость Александра привела къ роковымъ послѣдствіямъ. Покинутый главнымъ своимъ союзникомъ, Наполеонъ еще разъ, благодаря своему генію, восторжествовалъ надъ всѣми препятствіями; но при заключеніи мира съ Австріей и дѣлежѣ добычи онъ долженъ былъ, за счетъ Россіи, которая такъ дурно ему помогала, вознаградить поляковъ за ихъ усердное содѣйствіе: лучшую часть Галиціи пришлось отдать этимъ храбрецамъ, заплатившимъ за нее своею кровью. Наполовину возстановленная Польша тотчасъ дѣлается для Александра предметомъ неукротимыхъ подозрѣній, и разрывъ съ Россіей является въ первой линіи слѣдствіемъ кампаніи 1809 года,—кампаніи, которой Наполеонъ не желалъ, но которую онъ вызвалъ своей, не знавшей удержа, насильственной и коварной политикой. За свои грубыя посягательства на независимость народовъ въ 1808 году, онъ въ 1809 и 1810 теряетъ выгоды, пріобрѣтенныя имъ по Тильзитскому договору. Испанскій походъ, порожденный косвенно союзомъ съ Россіей, привелъ къ уничтоженію этого союза; онъ повлекъ за собою войну съ Австріей, а эта война, снова поднявъ вопросъ о Польшѣ, въ свою очередь привела къ войнѣ съ Россіей; такимъ образомъ, байоннскія событія, въ конечномъ итогѣ, привели Наполеона въ Москву, черезъ Мадридъ и Вѣну.

Глава V.

Пятая коалиція.

Война съ Австріей.

1809.

Причины образованія пятой коалиціи; озлобленіе Австріи. — Неизбѣжность войны 1809 года была обусловлена еще Пресбургскимъ миромъ. Изувѣчивъ Австрію, но не сокрушивъ ее окончательно, Наполеонъ внушилъ ей страстную жажду мести. Не спросившись ея, онъ ограбилъ Пруссію, создалъ въ Германіи нѣсколько новыхъ государствъ для своихъ братьевъ и вассаловъ, окончательно подчинилъ Италію своей власти, присвоивъ себѣ Тоскану и папскія земли, низложилъ королей португальскаго и испанскаго и купилъ союзъ съ Россіей обѣщаніемъ дунайскихъ княжествъ. Такимъ образомъ Австрія не только оплакивала прекрасныя провинціи, утраченныя ею въ 1805 году: ей пришлось еще примириться съ новыми опасными политическими перемѣнами въ Германіи и Италіи, съ неимовѣрнымъ ростомъ французской и русской монархій. Эти тяжкіе удары, непрерывно слѣдовавшіе одинъ за другимъ, казалось, предвѣщали ея близкую гибель. Если бы она молча и покорно согласилась на всѣ захваты, совершонные Наполеономъ въ послѣдніе три года, это было бы для нея равносильно самоубійству. Подъ страхомъ смерти, она должна была протестовать съ оружіемъ въ рукахъ. Поэтому она дѣятельно готовилась къ новой войнѣ. Эта война сильно разстроитъ честолюбивые планы Наполеона: она заставитъ его покинуть Испанію въ тотъ моментъ, когда онъ разсчитываетъ закончить ея покореніе. Вопреки его жалобамъ на вызывающее поведеніе Австріи, онъ самъ сдѣлалъ эту новую войну неизбѣжною.

Стеченіе обстоятельствъ казалось выгоднымъ для враговъ Наполеона. Терпѣніе народовъ, подвластныхъ его военной тираніи, было истощено. Испанія уже показала, на что способенъ народъ, охваченный отчаянной рѣшимостью отстоять свою независимость. Германія также, повидимому, пробуждалась. *Тугендбундъ* всюду простиралъ свои вѣтви—въ университеты, въ армію. Въ Тиролѣ подготовлялось обширное возстаніе. На сѣверѣ, въ разныхъ пунктахъ, готовы были вспыхнуть мѣстные мятежи. Пруссія не могла примириться съ мыслью стать третьестепенною державою и тайно интриговала въ Петербургѣ. Мелкіе медіатизированные нѣмецкіе князья, лишенные своихъ владѣній и фактически приравненные Наполеономъ къ французскимъ эмигран-

тамъ [1]), подстрекали вѣнскій дворъ начать войну, въ надеждѣ вернуть свои владѣнія. Австрійскіе патріоты уже давно работали за кулисами. Графъ Стадіонъ, смѣнившій Кобенцеля на канцлерскомъ посту, и эрцгерцогъ Карлъ, преемникъ Коллоредо въ качествѣ военнаго министра, преобразовали армію. Было создано территоріальное ополченіе, долженствовавшее служить резервомъ для активной арміи; ополченцы должны были обучаться въ праздничные дни и разъ въ мѣсяцъ собираться отрядами (указъ отъ 12 мая 1808). Богемія и Венгрія вотировали субсидіи на содержаніе этого *Landwehr*'а. Дамы высшей аристократіи вступили въ ряды „вербовщиковъ ландвера"; императрица собственноручно вышивала ленты къ его знаменамъ. Самъ императоръ, казалось, пробудился отъ оцѣпенѣнія, такъ какъ опасался, чтобы Наполеонъ не вздумалъ низвергнуть его династію, подобно испанскимъ Бурбонамъ. Онъ послалъ въ Петербургъ Шварценберга, будто бы для переговоровъ о женитьбѣ одного изъ эрцгерцоговъ на сестрѣ царя, а въ дѣйствительности — чтобы увлечь Александра противъ Наполеона. Покуда у Наполеона были связаны руки его войною съ испанцами, которой не предвидѣлось конца, Австрія разсчитывала, двинувъ за Иннъ многочисленныя войска, вызвать отпаденіе нѣмецкихъ князей. „Ваши нѣмецкіе братья, стоящіе теперь въ непріятельскихъ рядахъ, страстно ждутъ своего освобожденія",—говорилъ эрцгерцогъ Карлъ своимъ солдатамъ. Въ другой прокламаціи онъ писалъ: „Наше сопротивленіе — послѣдній якорь спасенія для Германіи; борясь за себя, мы боремся за нее. Подъ верховенствомъ Австріи Германія была независима и счастлива; только чрезъ посредство Австріи она можетъ вернуть себѣ независимость и благоденствіе". „Нашествіе встрѣтитъ ничтожное сопротивленіе; народъ какъ нельзя болѣе расположенъ въ нашу пользу",— писалъ Стадіонъ. Такимъ образомъ, предстоявшая война должна была стать „войною народовъ" противъ деспотизма Наполеона. Англія обѣщала субсидію въ 100 милліоновъ и снаряжала новыя эскадры съ цѣлью произвести высадку на континентѣ. Внутри самой Франціи господствовало глубокое недовольство, обусловленное этими безпрестанно возобновляющимися войнами и деспотическимъ режимомъ. Народъ проклиналъ рекрутскіе наборы, пожиравшіе съ каждымъ годомъ все большее количество молодежи. Со времени эрфуртскаго свиданія Талейранъ добровольно служилъ иностраннымъ державамъ въ качествѣ соглядатая и доносчика, а Фушэ вмѣстѣ съ нимъ втайнѣ готовилъ козни противъ находившагося въ отсутствіи императора. Мюратъ лелѣялъ тайную надежду занять мѣсто Наполеона, если онъ падетъ отъ пули или подъ кинжаломъ убійцы.

Нерѣшительность Россіи.—Замыслы Австріи не укрылись отъ Наполеона; онъ внезапно оставилъ Испанію, чтобы приготовиться къ новой войнѣ. Рано утромъ 23 января 1809 года онъ прибылъ въ Парижъ послѣ шестидневнаго путешествія изъ Вальядолида частью верхомъ во всю прыть, частью въ почтовой каретѣ. Сначала онъ сдѣлалъ попытку застращать Австрію. Онъ еще раньше громогласно заявлялъ, что можетъ двинуть на Иннъ 150.000 человѣкъ, не взявъ изъ Великой арміи ни одного солдата. „Россія,—прибавилъ онъ, — возмущена вызывающимъ поведеніемъ Австріи. Это головокружительное сумасбродство, неизмѣнно предшествующее потерѣ владѣній, положительно необъяснимо. Или воды Дуная пріобрѣли то свойство, которымъ отличалась Лета?" Въ то же время онъ по-

[1]) Наполеонъ приказалъ князьямъ, входившимъ въ составъ рейнской конфедераціи, наложить секвестръ на имущество всѣхъ отсутствующихъ лицъ, которыя не вернутся въ тридцатидневный срокъ (15 февраля 1809).

слалъ князьямъ, составлявшимъ рейнскую конфедерацію, приказъ занять угрожающее положеніе противъ Австріи. Въ Парижѣ онъ афишировалъ глубочайшее презрѣніе къ ней: „Она желаетъ пощечины; я дамъ ей двѣ—по одной на каждую щеку, и вы увидите, какъ она будетъ меня благодарить и спрашивать у меня дальнѣйшихъ приказаній“. Онъ насмѣхался надъ ея „голодранцами-солдатами“. „Я палкою приколочу Австрію“. Напротивъ, у Россіи онъ заискивалъ, стараясь вовлечь ее въ активный военный союзъ. Онъ пустилъ въ ходъ всѣ возможныя обольщенія, чтобы склонить къ своимъ планамъ теоретика и наиболѣе пылкаго сторонника франко-русскаго союза, Румянцева, находившагося проѣздомъ въ Парижѣ, и новаго русскаго посланника, князя Куракина. Въ то же время Коленкуръ въ Петербургѣ пытался вынудить у Александра что-нибудь кромѣ туманныхъ обѣщаній поддержки. Параграфомъ 10-мъ Эрфуртскаго договора русскій царь обязался примкнуть къ Наполеону въ случаѣ возникновенія войны съ Австріей. Наполеонъ напомнилъ Александру объ этомъ обязательствѣ, оставляя за нимъ выборъ военныхъ средствъ. Но Россія могла только проиграть въ этой войнѣ. Въ случаѣ новой побѣды Наполеона роль царя въ ихъ двойственномъ союзѣ сдѣлалась бы еще болѣе подчиненной, а его пораженіе повлекло бы за собою потерю Финляндіи и бывшихъ турецкихъ областей, которыми былъ оплаченъ этотъ союзъ. Притомъ, Александръ считалъ существованіе Австріи необходимымъ, видя въ ней буферъ между Россіей и французской имперіей; ея исчезновеніе отдало бы его всецѣло во власть Наполеона. Такимъ образомъ, каковъ бы ни былъ исходъ новаго европейскаго катаклизма, императоръ Александръ былъ убѣжденъ, что эта война нанесетъ ущербъ его вліянію и завоевательнымъ планамъ. Немудрено, что онъ усвоилъ двусмысленную и нерѣшительную политику. Онъ старался оттянуть дѣло; удвоивъ свою предупредительность по отношенію къ Коленкуру, котораго допустилъ въ свой интимный кружокъ, онъ въ то же время пускалъ въ ходъ всяческія уловки, чтобы какъ можно дольше уклониться отъ какихъ бы то ни было точныхъ обязательствъ. Онъ ссылался на дурное состояніе своихъ финансовъ, на затяжной характеръ своей войны со шведами и войны съ турками, на трудность, вслѣдствіе дальности разстояній, соединить свои войска съ французской арміей въ Дрезденѣ и такимъ образомъ освятить союзъ боевымъ братствомъ. Когда Австрія открыла военныя дѣйствія, царь былъ принужденъ противъ своей воли двинуть на нее войска. Правда, онъ обѣщалъ Коленкуру „ничего не дѣлать наполовину“; но Шварценберга онъ увѣрилъ въ моментъ его отъѣзда, что „приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы Австріи не были нанесены удары“. Такимъ образомъ, онъ рѣшился оказать Наполеону военную поддержку, такъ какъ не могъ избѣгнуть этого безъ разрыва съ Франціей; но онъ позаботился лишить эту поддержку всякаго дѣйствительнаго значенія.

Даву, Массена и эрцгерцогъ Карлъ.— Наполеонъ готовился къ войнѣ такъ, какъ если бы ему приходилось разсчитывать только на собственныя силы. Кромѣ набора 1809 года, онъ призвалъ на службу 90.000 солдатъ призывовъ 1805—1808 годовъ и весь призывъ 1810 года, въ количествѣ 110.000 человѣкъ. Онъ выбралъ изъ числа воспитанниковъ сенъ-сирской и компьеньской школъ, политехнической школы и даже ляфлешскаго пританея и лицеевъ всѣхъ тѣхъ, которые были способны въ короткое время стать офицерами. Онъ полагалъ, что ему нужна новая армія въ 400.000 человѣкъ. Великая армія находилась въ Испаніи, и онъ хотѣлъ оставить ее тамъ до полнаго покоренія полуострова. Однако онъ взялъ изъ нея нѣсколько частей, которыя могли больше

пригодиться ему въ Германіи, именно—императорскую гвардію, часть которой была почтою провезена чрезъ Францію, и конницу, мало пригодную въ странѣ столь гористой, какъ Испанія: ея доблестные вожди, Монбрёнъ и Лассаль, могли оказать ему бо́льшія услуги на дунайскихъ равнинахъ. Онъ отозвалъ къ себѣ Бессьера, отличнаго исполнителя, нуждавшагося въ руководствѣ, эльзасца Лефевра, который говорилъ по-нѣмецки и могъ тѣмъ оказать большія услуги, а главное—Ланна, который былъ свободенъ со времени взятія Сарагоссы и который въ этой новой войнѣ доведетъ до апогея свою боевую отвагу. Со времени Тильзитскаго мира Германію занимало около 100.000 французовъ. Даву́ было приказано сосредоточить въ Бамбергѣ 45.000 человѣкъ, разбросанныхъ по сѣвернымъ крѣпостямъ; Массенѣ—соединить въ Ульмѣ корпусъ Удино съ баденскими войсками и расположиться въ Аугсбургѣ. Князья, входившіе въ составъ рейнской конфедераціи, должны были вооружить свои контингенты и выставить ихъ въ боевой позиціи каждый на границѣ своей территоріи. Начальство надъ баварцами и вюртембержцами, въ количествѣ 36.000 человѣкъ, было ввѣрено Лефевру и Вандамму. Бернадоттъ съ саксонскимъ контингентомъ долженъ былъ охранять Богемію; Понятовскій съ 18.000 поляковъ—сторожить границы Галиціи, принцъ Евгеній съ 45.000 чел.—защищать линію Эча, Мармонъ—набрать 15.000 чел., чтобы въ случаѣ надобности усилить италійскую армію. Участь войны должна была рѣшиться въ южной Германіи и Австріи; всѣ остальныя операціи имѣли второстепенное значеніе. Верховное начальство надъ силами, собранными въ Германіи, было ввѣрено Бертье; ему приказано было, въ случаѣ нападенія со стороны эрцгерцога, сосредоточить ихъ въ Донаувертѣ.

Австрія съ необыкновеннымъ напряженіемъ силъ, доказывающимъ ея военную жизнеспособность, выставила въ поле 310.000 чел., раздѣленныхъ на три арміи: нѣмецкую, въ 175.000 чел., подъ начальствомъ эрцгерцога Карла; италійскую, въ 95.000 чел., подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна, двое помощниковъ котораго, Елачичъ и Гіулай, должны были вначалѣ дѣйствовать порознь—первый въ Тиролѣ, второй въ Далмаціи; наконецъ галиційскую, въ 40.000 чел., подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда. Формально война не была объявлена: французскій курьеръ былъ схваченъ и заточенъ въ Браунау, и эрцгерцогъ Карлъ прислалъ баварскому королю письмо, гдѣ выражалъ надежду, что ни одинъ нѣмецкій отрядъ не окажетъ противодѣйствія „освободительной арміи, идущей выручать Германію изъ рукъ ея угнетателей“. Этимъ и ограничились прелиминарныя дѣйствія. Всѣ три австрійскія арміи перешли границу; Меттернихъ въ Парижѣ и Андреосси въ Вѣнѣ потребовали свои паспорты.

Бертье и Наполеонъ.—Вторгаясь въ Баварію съ главными своими силами (10 апрѣля 1809), эрцгерцогъ Карлъ надѣялся врасплохъ застигнуть французскія войска въ моментъ ихъ сформированія и концентраціи. Дѣйствительно, Даву, продвинувшійся до Регенсбурга, былъ отдѣленъ отъ Аугсбурга, занятаго Массеною, почти 40 милями. При нѣкоторой быстротѣ и смѣлости эрцгерцогъ Карлъ могъ отрѣзать ихъ другъ отъ друга. Бортье, поспѣшно прибывшій изъ Страсбурга въ Донаувертъ (13 апрѣля), не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы предотвратить опасность, которою грозила эта разбросанность французскихъ силъ; онъ не рѣшался измѣнить что-либо въ распоряженіяхъ, заранѣе сдѣланныхъ Наполеономъ. Послѣдній почтою прибылъ изъ Парижа въ Донаувертъ (17 апрѣля). Онъ думалъ, что австрійцы дадутъ ему срока до 20 апрѣля. Они начали военныя дѣйствія на де-

сять дней раньше, но не воспользовались этимъ выигрышемъ во времени: австрійцы вообще не любятъ торопиться. Наполеонъ не далъ имъ времени опомниться. Прежде всего онъ постарался улучшить опасное положеніе, въ которомъ находились его полководцы. Одного его присутствія оказалось достаточно, чтобы влить бодрость въ его войска и смутить непріятеля. При немъ находились опытные и даровитые помощники, безошибочнымъ чутьемъ угадывавшіе, какія операціи необходимо совершить. Непріятель, напротивъ, шелъ ощупью и нерѣшительно, боясь всякаго слишкомъ отвѣтственнаго шага. Баварская кампанія была закончена еще быстрѣе, чѣмъ кампанія 1805 года: въ пять дней разыгрался рядъ рѣшительныхъ сраженій, совершенно разстроившихъ всѣ австрійскія комбинаціи.

Пятидневная кампанія: Абенсбергъ и Экмюль (19—23 апрѣля 1808). — Даву грозила опасность быть запертымъ между Бельгардомъ, шедшимъ изъ Богеміи вверхъ по лѣвому берегу Дуная, и эрцгерцогомъ Карломъ, который употребилъ цѣлую недѣлю, чтобы пройти небольшое разстояніе между Инномъ и Изаромъ, и теперь не рѣшался идти отъ Изара къ Дунаю по странѣ, изрѣзанной рѣчками вродѣ Абенса, малаго и большого Лабера, непроходимыми лѣсами и болотами. Даву понялъ опасность и еще до полученія приказа отъ Наполеона началъ отступать отъ Регенсбурга къ Нейштадту. Съ необыкновенною отвагою онъ совершилъ фланговой переходъ на протяженіи 8 миль между Дунаемъ справа и австрійцами, грозившими ему слѣва. Онъ искусно скрылъ свои колонны при проходѣ чрезъ Абахское ущелье и, когда показался австрійскій авангардъ, опрокинулъ его въ ожесточенной схваткѣ у Тенгена (19 апрѣля). Теперь въ рукахъ Наполеона была сосредоточена вся французская армія, 120.000 человѣкъ; лѣвый флангъ занималъ Даву, центръ—Ланнъ, Лефевръ и Вандаммъ, правый—Массена, прискакавшій изъ Аугсбурга въ Пфаффенгофенъ. Императоръ угадалъ слабый пунктъ непріятеля, пробилъ его центръ у Абенсберга (20 апрѣля) и разрѣзалъ австрійскую армію надвое. Лѣвый флангъ австрійцевъ, находившійся подъ командой Гиллера и эрцгерцога Людвига, былъ разгромленъ у Ландсгута Ланномъ и Массеною и въ безпорядкѣ отброшенъ погоней до Инна (25 апрѣля). Наполеонъ думалъ, что обращена въ бѣгство главная австрійская армія; между тѣмъ послѣдняя, подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, отступила къ сѣверу, овладѣла Регенсбургомъ и, будучи подкрѣплена 20.000-нымъ корпусомъ, отряженнымъ на югъ отъ Дуная Бельгардомъ, бѣшено атаковала Даву при Экмюлѣ. Даву, какъ и при Ауэрштедтѣ, могъ противопоставить непріятельскимъ полчищамъ сравнительно ничтожныя силы, именно двѣ дивизіи — Сентъ-Илера и Фріана. Но Наполеонъ, обезпокоенный гуломъ канонады, доносившимся съ сѣвера, во-время подоспѣлъ на выручку своего сподвижника и послѣ упорнаго сопротивленія опрокинулъ австрійцевъ. Если бы Регенсбургъ находился въ рукахъ французовъ, эрцгерцогъ Карлъ былъ бы принужденъ капитулировать, какъ Макъ въ Ульмѣ. Но полкъ, оставленный Даву въ этой крѣпости, принужденъ былъ сдаться послѣ доблестной обороны, истощивъ всѣ свои боевые запасы. Пришлось выдержать еще одно бѣшеное сраженіе, чтобы вернуть Регенсбургъ; въ этой битвѣ Наполеонъ былъ легко раненъ въ ногу шальной пулей; Марбо и Лабедуайеръ первыми взобрались на стѣны [1]). Это сопроти-

---

[1]) Марбо ставилъ свою жизнь на карту въ теченіе всей этой кампаніи. При Экмюлѣ эскадронъ кирасировъ, летя въ атаку, прошелъ чрезъ него, не ранивъ. При Мёлкѣ онъ исполнилъ необыкновенно опасную рекогносцировку, причемъ ночью переправился чрезъ разлившійся Дунай и захватилъ въ лагерѣ Гиллера нѣсколько плѣнныхъ, которые

вленіе, продолжавшееся нѣсколько часовъ, дало эрцгерцогу Карлу время сжечь мостъ чрезъ Дунай и уйти вглубь Богеміи. За пять дней, въ пяти большихъ сраженіяхъ (при Тенгенѣ, Абенсбергѣ, Ландсгутѣ, Экмюлѣ и Регенсбургѣ), слившихся какъ бы въ одинъ грандіозный бой—такъ быстро слѣдовалъ ударъ за ударомъ и такъ близки другъ къ другу были арены этихъ битвъ, — Наполеонъ захватилъ 40.000 плѣнныхъ, 100 орудій, 40 знаменъ, 3.000 телѣгъ и повозокъ. Австрійская армія была разрѣзана на двѣ потерпѣвшія пораженіе арміи, дорога къ Вѣнѣ открыта, и Наполеону ничто не мѣшало перейти отъ обороны къ наступленію; и этихъ успѣховъ онъ достигъ съ арміей, можно сказать, лишенной національнаго характера—такъ великъ былъ въ ней процентъ нѣмецкихъ солдатъ—и совершенно обновленной притокомъ молодыхъ рекрутовъ. Но эти нѣмцы выказали себя въ битвѣ при Абенсбергѣ, выигранной благодаря имъ, достойными соперниками французскихъ новобранцевъ, а послѣдніе въ свою очередь сразу слились въ однородное цѣлое съ несравненными ветеранами, составлявшими ядро каждаго полка. Начало кампаніи было великолѣпно.

Попытки національныхъ возстаній.— Эти блестящія и быстрыя побѣды во-время заставили призадуматься всѣхъ тѣхъ, кто ждалъ лишь заминки въ дѣлахъ Наполеона, чтобы постараться его низвергнуть. Тироль уже былъ въ огнѣ; горцы, страстно преданные своимъ обычаямъ и своимъ монахамъ, ненавидѣли обитателей равнины, которые радушно встрѣтили своихъ новыхъ господъ—баварцевъ. Они спускали по горнымъ ручьямъ глыбы изъ смѣси муки, угля и крови, которые должны были подать сигналъ къ мятежу. Во главѣ повстанцевъ стояли трактирщики и разносчики—единственные люди, которыхъ знали во всей странѣ, вслѣдствіе трудности путей сообщенія,—и попы, разжигавшіе ихъ фанатизмъ: капуцинъ Гаспингеръ, крестьянинъ Спекбахеръ и въ особенности трактирщикъ Андрей Гоферъ, пріобрѣтшій популярность своей большой бородой и атлетическимъ сложеніемъ, вмѣстѣ пьяница и мистикъ. Мятежниковъ подстрекалъ изъ Вѣны тирольскій писатель Гормайръ. Это была какъ бы тирольская Вандея, имѣвшая цѣлью гораздо болѣе борьбу съ новшествами, чѣмъ возстановленіе австрійскаго владычества. Маршалъ Лефевръ, командированный сюда съ отрядомъ баварцевъ, ограничился тѣмъ, что занялъ вооруженной силой дороги и обезпечилъ безопасность равнины; каждый разъ, когда Гоферъ пытался выйти изъ своихъ горъ, его легко отбрасывали назадъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ 1810 году, судимъ какъ измѣнникъ и разстрѣленъ въ мантуанской крѣпости, павъ жертвой вѣроломства вѣнскаго двора, не сдержавшаго своихъ обѣщаній. Въ сѣверной Германіи произошло нѣсколько мятежныхъ вспышекъ, оставшихся безуспѣшными благодаря отсутствію предварительнаго уговора. Прусскій майоръ Каттъ сдѣлалъ неудачную попытку съ нѣсколькими сотнями человѣкъ врасплохъ захватить Магдебургъ. Каспаръ Дернфельдъ, любимецъ короля Жерома и полковникъ его гвардіи, поднялъ гессенскихъ крестьянъ въ надеждѣ увлечь за собой армію и овладѣть самимъ королемъ; но армія осталась вѣрна королю, и населеніе Касселя отнеслось къ мятежу равнодушно; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разсѣяли мятежниковъ. Майоръ Шилль, пользовавшійся большой популярностью въ Берлинѣ [1]) за свою удачную защиту

точно указали направленіе, куда шелъ этотъ генералъ. Онъ разсказываетъ о размолвкѣ между Бессьеромъ и Ланномъ, которые—не вмѣшайся Массена—вцѣпились бы другъ въ друга вечеромъ въ день первой битвы при Эсслингѣ. Описаніе похода 1809 года принадлежитъ къ интереснѣйшимъ страницамъ мемуаровъ Марбо.

[1]) Производя ученье своему полку на площадяхъ Берлина, „Шилль показывалъ, какъ надо

Кольберга въ 1806 году, возмутилъ свой гусарскій полкъ въ окрестностяхъ Берлина; когда робкій Фридрихъ-Вильгельмъ, боявшійся потерять оставленныя ему владѣнія, отрекся отъ солидарности съ нимъ, Шилль сталъ грозить Касселю, потомъ бросился въ Стральзундъ, изъ котораго надѣялся сдѣлать съ помощью англичанъ новую Сарагоссу; но англичане не явились. Генералъ Гратіанъ съ 6.000 голландцевъ отнялъ у него Стральзундъ, и Шилль былъ убитъ во время штурма. Изъ этихъ возстаній наиболѣе опаснымъ оказалось то, которымъ руководилъ герцогъ Брауншвейгъ-Эльсъ. Со своими гусарами—„лейб-гвардіей смерти",—къ которымъ примкнули остатки полчищъ Дернберга и майора Шилля, онъ бродилъ по Брауншвейгу и Саксоніи во главѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Но населеніе всюду оставалось глухо къ его призывамъ. Ему удалось бѣжать на островъ Гельголандъ, гдѣ англичане спасли его съ его небольшимъ войскомъ. Слишкомъ силенъ былъ внутри Германіи страхъ предъ побѣдоносными французскими арміями. Бывшій гессенскій курфюрстъ, у котораго повстанцы просили поддержки, предложилъ имъ вексель на 30.000 талеровъ, „подлежащій уплатѣ послѣ побѣды". Эти частичныя и не связанныя общимъ планомъ возстанія избавили Наполеона отъ наиболѣе безпокойныхъ элементовъ. Населеніе южной Германіи и Саксоніи, вполнѣ довольное Наполеономъ, оставалось вѣрнымъ ему; сѣверная же Германія, тайно подстрекаемая Шарнгорстомъ, Гнейзенау, Блюхеромъ и агентами *Тугендбунда*, ожидала лишь появленія англичанъ и побѣды австрійцевъ, чтобы возстать поголовно. Но англичане, преслѣдуя, какъ всегда, исключительно свои собственные интересы, сосредоточили свои военныя операціи у устьевъ Шельды, а австрійцы были изгнаны изъ Баваріи. Ихъ полное пораженіе разстроило всѣ планы возстаній.

держать шашку, чтобы отрубить голову французу, и какъ, перемѣнивъ позицію, можно отрубить голову и другому французу" (Беньо).

Новый походъ на Вѣну. — Разбитый въ Баваріи, эрцгерцогъ Карлъ оказался счастливѣе Мака: ему удалось спастись въ Богемію. Какъ и въ 1805 году, пришлось предпринять вторую кампанію для окончанія войны; но эта кампанія оказалась болѣе продолжительной и болѣе кровопролитной, чѣмъ аустерлицская. Эрцгерцогъ Карлъ сумѣлъ даже нѣкоторое время держать чашки вѣсовъ почти въ равновѣсіи; онъ выказалъ себя достойнымъ противникомъ Наполеона. Французская армія направилась къ Вѣнѣ вдоль Дуная по правому берегу его. Корпусъ Гиллера, медленно отступавшій въ томъ же направленіи со времени битвы при Ландсгутѣ, тщетно пытался задержать французовъ при переправѣ чрезъ Траунъ. Ожесточенный бой завязался при Эберсбергѣ, гдѣ множество сражающихся и горожанъ вперемежку сгорѣло подъ развалинами подожженнаго города [1]). Послѣ этого Гиллеръ уже болѣе не пытался задержать походъ французовъ; онъ перешелъ на лѣвый берегъ Дуная, чтобы связать свои операціи съ операціями эрцгерцога. Наполеонъ не сразу узналъ объ этомъ маневрѣ. Онъ опасался нечаяннаго нападенія сзади; поэтому онъ расположилъ свои войска эшелонами и самъ двинулся впередъ съ гвардіей, которою командовалъ Бессьеръ, и съ корпусами Массены и Ланна, между тѣмъ какъ Даву оставался въ Линцѣ, а Бернадоттъ съ саксонцами

[1]) „Представьте себѣ всѣ эти трупы, изжарившіеся въ пожарѣ, потомъ истоптанные ногами лошадей и наконецъ искрошенные колесами артиллерійскихъ повозокъ. Мы шли по кашѣ изъ жаренаго человѣческаго мяса, издававшаго невыносимое зловоніе. Достаточно сказать, что для того, чтобы похоронить всѣ останки, пришлось работать лопатами, такъ, какъ очищаютъ грязную дорогу" (Мемуары Ровиго; сравн. также Сегюра).

въ Пассау. Благодаря этимъ мудрымъ мѣрамъ предосторожности, онъ обезопасилъ свою линію отступленія и успѣлъ достигнуть Вѣны раньше австрійской арміи. Французы безъ единаго выстрѣла заняли предмѣстья и Пратеръ. Эрцгерцогъ Максимиліанъ пытался оказать сопротивленіе подъ прикрытіемъ вала, которымъ окруженъ городъ, но послѣ нѣсколькихъ часовъ бомбардировки отступилъ въ Мархфельдъ, сжегши позади себя Шпицскій мостъ. Французы не могли преслѣдовать его; имъ предстояло перейти Дунай въ виду всей арміи эрцгерцога Карла, который готовился всѣми силами помѣшать ихъ переправѣ.

Асперпъ и Эсслингъ (21 и 22 мая). — Сначала Наполеонъ думалъ воспользоваться для этой трудной операціи небольшимъ островомъ Шварцеръ-Лакенъ, лежащимъ нѣсколько выше Вѣны. Здѣсь Ланнъ произвелъ довольно продолжительную демонстрацію, правда, не имѣвшую успѣха, но отвлекшую вниманіе австрійцевъ отъ острова Лобау. Этотъ островъ отдѣленъ отъ праваго берега Дуная двумя рукавами приблизительно въ 700 метровъ ширины, а отъ лѣваго—однимъ, гораздо болѣе узкимъ, шириною всего въ 120 метровъ. Здѣсь и рѣшено было переправиться; Массена занялъ здѣсь позицію, безъ труда прогнавъ горсть непріятельскихъ стрѣлковъ. Мостъ былъ перекинутъ въ вогнутой излучинѣ Дуная, оба крайнихъ пункта которой заняты двумя деревнями, состоящими сплошь изъ каменныхъ домовъ и потому удобными для защиты: Асперномъ вверхъ по теченію и Эсслингомъ—внизъ по теченію. Первымъ прибылъ корпусъ Массены, который и занялъ обѣ деревни. Массена утвердился въ Асперпѣ, причемъ однако сдѣлалъ ту ошибку, что не позаботился снабдить зубцами стѣны домовъ; Ланнъ, корпусъ котораго долженъ былъ переходить вторымъ, расположился въ Эсслингѣ. Увидѣвъ, что французская армія раздѣлена рѣкою на-двое, эрцгерцогъ Карлъ бросился на тѣ три дивизіи, которыя уже переправились. У него было 90.000 человѣкъ и 300 орудій. Онъ разсчитывалъ принудить обоихъ сподвижниковъ Наполеона къ сдачѣ или сбросить ихъ въ рѣку. Какъ ни ускорялъ Наполеонъ переправу остальныхъ войскъ, къ вечеру 21 мая онъ успѣлъ сосредоточить на другомъ берегу лишь 30.000 человѣкъ безъ малаго и 50 орудій. А тутъ еще въ Дунаѣ поднялась вода, грозя снести французскіе мосты; австрійцы спускали въ рѣку толстыя доски, лодки, наполненныя камнями, брандеры, зажженную мельницу. И вотъ мосты сломаны, и изолированное французское войско принуждено отражать бѣшеныя атаки втрое болѣе сильнаго непріятеля, поддерживаемыя ужасающей канонадой. „Ядра падали въ наши ряды и вырывали сразу по три человѣка; медвѣжьи шапки вскидывались гранатами на двадцать футовъ въ вышину. Едва одинъ рядъ былъ подкошенъ, я приказывалъ: „Поддержать вправо, сомкнуть ряды!“ и храбрые гренадеры безропотно заступали мѣсто павшихъ... При нашихъ пушкахъ больше не оставалось артиллеристовъ; генералъ Дорсеннъ замѣнилъ ихъ двѣнадцатью гренадерами, раздавъ имъ кресты; но всѣ эти храбрецы пали у своихъ орудій. У насъ не было больше ни лошадей, ни обозной прислуги; колеса и лафеты разбиты въ дребезги, пушки валялись на землѣ, какъ чурбаны!“ (капитанъ Куанье). Три раза Массена былъ отброшенъ за Асперпъ и три раза онъ съ неслыханными усиліями снова овладѣвалъ этой деревней, между тѣмъ какъ Бессьеръ съ кавалеріей атаковалъ врага въ центрѣ, а Ланнъ отражалъ всѣ приступы на Эсслингъ. Съ наступленіемъ ночи каждая армія оставалась на той позиціи, которую занимала съ утра. Наполеонъ успѣлъ переправить еще весь корпусъ Ланна, двѣ дивизіи конницы и всю гвардію; на слѣдующій день онъ могъ противопо-

ставить эрцгерцогу 60.000 человѣкъ и 150 орудій. Битва возобновилась еще съ бóльшимъ ожесточеніемъ рано утромъ 22 мая. Въ то время какъ Массена ограничивался защитою Асперна, корпусъ Ланна, не дравшійся наканунѣ, колоннами двинулся на непріятельскій центръ. Эрцгерцогъ подался назадъ, и Ланнъ уже держалъ въ своихъ рукахъ побѣду, какъ вдругъ онъ получаетъ отъ императора приказъ отступить. Большой мостъ былъ разрушенъ такъ, что его нельзя было починить. Корпусъ Даву и артиллерійскіе парки непріятель задерживалъ на правомъ берегу. Между тѣмъ у войска не хватало боевыхъ запасовъ. Приходилось ограничиваться обороной, стараясь во что бы то ни стало удержать свои позиціи, чтобы не быть опрокинутымъ въ рѣку. Массена дрался въ Асперне какъ левъ: „Кто не видѣлъ Массену въ Асперне, тотъ ничего не видѣлъ“, съ восторгомъ говорилъ впослѣдствіи Наполеонъ. Эсслингъ былъ тринадцать разъ потерянъ и взятъ обратно. Подъ конецъ оставшіеся въ живыхъ устроили себѣ ограду изъ труповъ, устилавшихъ землю, и отбивались уже только штыками. Канонада прекратилась лишь съ наступленіемъ ночи; она стоила жизни храброму Сентъ-Илеру, „рыцарю безъ страха и упрека“, и маршалу Ланну, одному изъ замѣчательнѣйшихъ вождей наполеонской арміи и самому вѣрному изъ друзей императора [1]). Съ наступленіемъ ночи пришлось оставить это бранное поле, такъ жестоко оспаривавшееся и сплошь покрытое благородными жертвами; пришлось вернуться на островъ Лобау.

Битва при Эсслингѣ кончилась хотя и не пораженіемъ, но отступленіемъ французовъ. Послѣ сраженія при Эйлау она явилась въ глазахъ Европы новымъ предвѣстіемъ близкой гибели Наполеона. Теперь уже не какой-нибудь Дюпонъ, простой дивизіонный генералъ, въ минуту умопомраченія капитулировалъ въ глубинѣ Испаніи: самъ Наполеонъ, со своими знаменитѣйшими маршалами и гвардіей, казалось, призналъ себя побѣжденнымъ. Эрцгерцога Карла со всѣхъ сторонъ поздравляли, какъ достойную опору трона, какъ спасителя монархіи. „Вопреки моему рапорту,—писалъ графъ Беньо,—битва при Эсслингѣ была признана пораженіемъ, и волненіе охватило всю Германію. Пруссія думала, что освободится такъ же быстро, какъ была покорена. Данія стала держать себя враждебно. Не лучше было и настроеніе Швеціи, а князья, входившіе въ составъ рейнской конфедераціи, лелѣяли надежду на скорое освобожденіе отъ своего строгаго протектора. Если бы въ этотъ критическій моментъ между Эсслингомъ и Ваграмомъ Россія подала знакъ,—трудно и сказать, что произошло бы; но такъ великъ былъ личный престижъ императора, что его одного оказалось довольно, чтобы уравновѣсить чашки вѣсовъ послѣ битвы при Эсслингѣ и въ критическіе дни пребыванія французской арміи на островѣ Лобау“.

Островъ Лобау.—Теперь Наполеонъ рѣшилъ болѣе ничего не дѣлать наугадъ,

---

[1]) Ланнъ палъ однимъ изъ послѣднихъ; одно и то же ядро раздробило ему оба колѣна. Онъ умеръ семь дней спустя въ походномъ госпиталѣ. Мишле утверждаетъ, что въ послѣднія минуты онъ упрекалъ Наполеона, пришедшаго обнять его на прощанье, за его систему непрерывныхъ завоеваній. Формальное свидѣтельство Марбо, состоявшаго въ его штабѣ и принявшаго его послѣдній вздохъ, заставляетъ насъ признать передававшійся въ арміи разсказъ объ этомъ послѣднемъ свиданіи за легенду. Достовѣрно, что ужасы, разыгравшіеся при взятіи Сарагоссы, глубоко взволновали благородную душу Ланна, который, подобно Даву, умѣлъ при случаѣ говорить правду своему господину. Его смерть вызвала сильную скорбь во всей арміи; ее искренно оплакивалъ и самъ Наполеонъ, всегда обнаруживавшій особенную заботливость относительно его семьи.

привлечь новыя войска и собрать запасы, чтобы получить возможность по своей волѣ дать рѣшительное сраженіе, которое ему было нужно для возстановленія его престижа, когда и гдѣ пожелаетъ. Прежде всего Лобау былъ обращенъ въ грозный лагерь. Чрезъ главный рукавъ Дуная было перекинуто три моста снабженныхъ эстокадами, которыя защищали ихъ отъ приливовъ и брандеровъ; армія была обильно снабжена провіантомъ; изъ Франціи были вытребованы новобранцы для пополненія потерь, понесенныхъ въ кровопролитныхъ бояхъ 21 и 22 мая. Наполеонъ превратился въ инженеръ-механика [1]); онъ придумалъ новую систему мостовъ для окончательной переправы; онъ велѣлъ забрать множество лѣстницъ на колесахъ у вѣнскихъ садовниковъ, и пользовался ими, какъ подвижными наблюдательными постами; переодѣвшись, какъ и Массена, въ костюмъ сержанта, онъ со своими адъютантами, переодѣтыми въ простыхъ солдатъ, лично высматривалъ апроши Энцерсдорфа, гдѣ собирался снова произвести переправу; наконецъ онъ воздвигъ на островѣ Лобау сильные редуты, вооруженные 120 орудіями. Онъ призвалъ къ себѣ всѣ свободныя войсковыя части и всѣхъ даровитыхъ военачальниковъ, способныхъ ему помочь; Бернадоттъ привелъ къ нему своихъ саксонцевъ, Вандаммъ — баварскій корпусъ; остальныя войска рейнской конфедераціи должны были охранять линіи Трауна, Инна и Изара.

Военныя дѣйствія въ Польшѣ и Италіи.— Отъ своихъ полководцевъ онъ получаетъ теперь болѣе утѣшительныя извѣстія. Правда, эрцгерцогъ Фердинандъ вторгся въ Польшу и вступилъ въ Варшаву, но Понятовскій во главѣ вѣрныхъ поляковъ поднялся вверхъ по лѣвому берегу Вислы, проникъ въ Галицію и вызвалъ здѣсь народное возстаніе противъ австрійцевъ. Русскій императоръ, слишкомъ долго колебавшійся, рѣшился, наконецъ, послѣдовать призыву Наполеона и двинулъ въ Польшу 40.000 человѣкъ подъ начальствомъ Голицына. Но Александръ боялся, какъ бы не началось возстаніе среди его польскихъ подданныхъ; кромѣ того, онъ боялся, чтобы Австрія не была въ конецъ сокрушена. Между польскими солдатами Понятовскаго и солдатами Голицына неразъ едва не доходило до рукопашной. „Я больше боюсь моихъ союзниковъ, чѣмъ моихъ враговъ“, писалъ Голицынъ царю—и былъ усиленно любезенъ и вѣжливъ съ австрійцами. Когда русскіе приближались, австрійцы умышленно отступали; между ними произошла лишь одна стычка, ночью, по ошибкѣ,—почти безкровная битва, стоившая австрійцамъ трехъ убитыхъ и четырехъ раненыхъ. Между тѣмъ эрцгерцогъ Фердинандъ былъ оттѣсненъ къ верховьямъ Вислы и защищалъ уже одинъ только Краковъ, которому вскорѣ суждено было перейти въ руки поляковъ и русскихъ.

Въ Италіи принцъ Евгеній былъ сначала врасплохъ настигнутъ у Порденоне, разбитъ у Сачиле и отброшенъ къ Эчу эрцгерцогомъ Іоанномъ. Но извѣстіе о блестящей пятидневной кампаніи парализовало пылъ австрійцевъ. Прибылъ Макдональдъ съ подкрѣпленіями. Эрцгерцогъ Іоаннъ отступилъ за Піаве и Тальяменто, потерялъ позиціи при Озоппо и Мальборгетто, и чрезъ Тарвизское ущелье былъ отброшенъ за Норическія Альпы. Елачичъ, спѣшившій на помощь къ нему изъ глубины Тироля, былъ разбитъ при Санктъ-Михаэлѣ; Гіулай не сумѣлъ остановить Мармона, шедшаго изъ Илли-

[1]) „Работа—моя стихія“, говорипъ позднѣе Наполеонъ на св. Еленѣ: „я рожденъ и отъ природы созданъ для работы. Мнѣ случалось видѣть границы, поставленныя моимъ ногамъ и глазамъ; но я никогда не зналъ предѣловъ моей работоспособности“.

ріи, ни у Лайбаха, ни у Греца. Эрцгерцогъ Іоаннъ принужденъ былъ броситься въ долину Рааба, тогда какъ побѣдоносный Евгеній перешелъ Земерингъ и подалъ руку арміи Наполеона, а Лефевръ, подавивъ вторичное возстаніе въ Тиролѣ, двинулся къ Линцу, чтобы смѣнить корпусы Бернадотта и Вандамма. Эрцгерцогъ Іоаннъ отступилъ къ Раабу и занялъ здѣсь позицію, казавшуюся ему неприступною. 14 іюня, въ годовщину сраженій при Маренго и Фридландѣ, принцъ Евгеній атаковалъ его здѣсь, вывелъ у него изъ строя 6.000 человѣкъ и заставилъ его перейти обратно на лѣвый берегъ Дуная. Это былъ первый крупный успѣхъ послѣ битвы при Эсслингѣ и какъ бы прологъ генеральнаго боя.

Ваграмъ (6 іюля).—Наполеонъ располагалъ теперь 150.000 человѣкъ и 450 орудіями. Несмотря на то, что его переходъ чрезъ Дунай предвидѣлся уже въ теченіе шести недѣль, онъ сумѣлъ и здѣсь точно волшебствомъ провести врага. Полагая, что французская армія будетъ переправляться у Асперна и Эсслинга, австрійцы укрѣпили эти двѣ деревни такъ же сильно, какъ Наполеонъ — островъ Лобау. Для того, чтобы еще крѣпче привязать ихъ къ этому мѣсту, Наполеонъ заготовилъ здѣсь на виду матеріалы для наведенія мостовъ и произвелъ ложную демонстрацію. Въ то же время, воспользовавшись темною ночью и сильною грозой, онъ приказалъ изъ 120 орудій сразу палить по деревнѣ Энцерсдорфъ, расположенной ниже Асперна. Здѣсь въ десять минутъ былъ наведенъ мостъ и вслѣдъ за нимъ — пять другихъ, и съ трехъ часовъ утра вся армія въ полнѣйшемъ порядкѣ начала переходить по этимъ шести вдругъ выросшимъ дорогамъ. Поутру эрцгерцогъ Карлъ остолбенѣлъ, увидѣвъ французскую армію выстроенной въ боевомъ порядкѣ на Мархфельдской равнинѣ. Очистивъ Эсслингъ и Асперпъ, онъ отступилъ на Ваграмскую возвышенность.

Здѣсь-то и разыгралось 5 и 6 іюля 1809 года то рѣшительное сраженіе, которое такъ заботливо подготовлялъ Наполеонъ. Всѣ его силы были крѣпко сосредочены въ его рукѣ: въ первой линіи, справо налѣво, Даву, Удино и Массена, во второй линіи Мармонъ, Макдональдъ и Бернадоттъ, позади Бессьеръ съ гвардіей и тяжелой конницей; легкая кавалерія Монбрёна прикрывала правое крыло, легкая кавалерія Лассаля — лѣвое. Фронтъ—150.000 французовъ—занималъ протяженіе не болѣе, какъ въ 6 километровъ. Наполеонъ могъ устно отдавать приказанія и простымъ глазомъ видѣть, что они исполнены; онъ могъ бросать свои резервы всюду, гдѣ они оказывались нужными. Напротивъ, 140.000 австрійцевъ растянулись гораздо болѣе длинной линіей: ихъ правое крыло находилось на возвышенности Бизамбергъ, лѣвое — на сѣверномъ берегу Руссбаха, отъ Ваграма до Нейзидля. Австрійскія силы были болѣе раздроблены, и у нихъ не было свободнаго резерва. Ихъ вождь могъ отдавать приказанія лишь письменно и не имѣлъ возможности быстро убѣждаться въ томъ, что они исполнены. Его боевой порядокъ былъ *эксцентрическимъ*, тогда какъ боевой строй Наполеона—*концентрическимъ*. Правда, линія австрійскаго огня была гораздо длиннѣе французской и обращена въ одну точку, благодаря чему онъ вначалѣ сильно опустошалъ болѣе сомкнутые ряды французовъ. Въ полдень Наполеонъ приказалъ войскамъ наступать въ видѣ опахала, такъ, чтобы задній корпусъ вступалъ въ просвѣты передняго по мѣрѣ того, какъ здѣсь образуются для него свободныя пространства. 11-й корпусъ, гвардія и конница по-прежнему оставались въ резервѣ; развернутая такимъ образомъ армія образовала фронтъ въ 14 километровъ. Въ семь ча-

совъ вечера началось сраженіе; Удино и принцъ Евгеній вмѣстѣ съ Мармономъ и Бернадоттомъ сдѣлали попытку прорвать непріятельскій центръ, но атака была лишена единства: саксонцы дѣйствовали слишкомъ вяло. Къ ночи войска вернулись на свои первоначальныя позиціи.

На слѣдующій день, 6 іюля, эрцгерцогъ Карлъ перешелъ въ наступленіе. Онъ рѣшилъ отрѣзать французовъ отъ Дуная и острова Лобау; его правое крыло подъ командой Коловрата и Кленау начало энергично тѣснить Массену къ Асперну; маршалъ, раненый за нѣсколько дней передъ тѣмъ, ѣхалъ въ коляскѣ; лишь съ трудомъ, появляясь во всѣхъ опасныхъ пунктахъ, онъ могъ удерживать своихъ людей. Саксонскій корпусъ Бернадотта разсѣялся; австрійцы подвигались впередъ; жители Вѣны, столпившись на террасахъ, на крышахъ и даже колокольняхъ, махали шляпами и платками и неистовыми криками поощряли своихъ, будучи уже почти увѣрены въ побѣдѣ. Между тѣмъ австрійцы обнажили свой центръ. Наполеонъ наскоро сформировалъ грозную батарею въ 100 орудій подъ начальствомъ Друо и Лористона, чтобы разрѣзать ихъ на-двое. На центръ австрійцевъ была брошена могучая колонна изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій подъ командой Макдональда, поддерживаемая кирасирами Нансути и легкой гвардейской конницей. Предъ ея атакою ничто не могло устоять: Бельгардъ и Гогенцоллернъ были отброшены назадъ на цѣлую милю. Въ то же время на правомъ французскомъ крылѣ Даву, въ самомъ началѣ битвы подвергшійся энергичному нападенію Розенберга, взялъ верхъ, занялъ Нейзидль и готовился опередить и обойти лѣвое крыло австрійцевъ. „Битва выиграна!“ воскликнулъ Наполеонъ, увидѣвъ, что Даву приказываетъ идти въ обходъ; онъ послалъ сказать Массенѣ, чтобы держался, и приказалъ идти въ общую атаку. Онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что велѣлъ своему вѣрному мамелюку Рустану постлать на землѣ медвѣжью шкуру и проспалъ нѣсколько минутъ. Массена снова взялъ Эсслингъ, Даву овладѣлъ Ваграмомъ,—лѣвому крылу австрійцевъ грозила опасность быть окруженнымъ. Эрцгерцогъ приказалъ отступать, и его войска отступили въ порядкѣ, будучи хорошо прикрыты кавалеріей, расположенной въ удобныхъ для обороны позиціяхъ.

Въ семь часовъ вечера, когда все было кончено, эрцгерцогъ Іоаннъ появился на правомъ крылѣ французовъ. Утромъ 5 іюля братъ поспѣшно призвалъ его на помощь; эрцгерцогъ Іоаннъ выступилъ въ тотъ же день, но лишь въ 11 часовъ вечера, и ему понадобилось двадцать часовъ, чтобы пройти восемь миль, отдѣлявшихъ его отъ поля сраженія. Приди онъ на два часа раньше, онъ, можетъ быть, измѣнилъ бы исходъ сраженія.

Такова была знаменитая битва при Ваграмѣ, одна изъ кровопролитнѣйшихъ въ ряду наполеоновскихъ войнъ (каждая сторона потеряла 20—25.000 чел.) и вмѣстѣ одна изъ наиболѣе планомѣрныхъ. Наполеонъ уже не такъ твердо, какъ прежде, полагался на сплоченность своей арміи: „это уже не солдаты Аустерлица!“ воскликнулъ онъ съ горечью. Поэтому ему пришлось замѣнить штыковую атаку канонадой, а эта новая тактика дѣлала сраженія болѣе кровопролитными, но ничуть не болѣе рѣшительными. Даву получилъ титулъ принца Экмюльскаго, Массена—Эсслингскаго, Бертье, который въ качествѣ начальника генеральнаго штаба много способствовалъ побѣдѣ,—принца Ваграмскаго. Макдональдъ, Удино и Мармонъ получили званіе маршаловъ Франціи. Но они представляли собою лишь „тѣни Ланна“. Наполеонъ осыпалъ наградами и похвалами всѣхъ, кто сколь-

ко-нибудь замѣтно отличился въ этой битвѣ титановъ, вплоть до простого рядового.

По существу война могла продолжаться и послѣ этого сраженія. Эрцгерцогъ Карлъ въ порядкѣ отступалъ чрезъ Моравію къ Богеміи и былъ въ состояніи оказать серьезное сопротивленіе. Значительная партія убѣждала императора Франца бороться до конца. Наполеонъ имѣлъ вѣскія основанія избѣгать новаго единоборства со столь упорнымъ противникомъ; побѣда при Ваграмѣ достаточно обезкуражила всѣхъ явныхъ и тайныхъ враговъ Франціи. Было заключено перемиріе въ Цнаимѣ; затѣмъ въ Альтенбургѣ начались переговоры между Шампаньи и Меттернихомъ. Но требованія Наполеона были чрезмѣрны: онъ хотѣлъ лишить Австрію еще болѣе обширныхъ и цѣнныхъ провинцій, чѣмъ тѣ, которыя отнялъ у нея по Прессбургскому миру. Меттернихъ отказался принять эти жестокія условія; онъ уступилъ свое мѣсто князю Лихтенштейну и этимъ отказомъ пріобрѣлъ широкую популярность. Русскій царь не прислалъ представителя на Альтенбургскій конгрессъ: онъ велъ войну противъ воли и не желалъ даже въ малой степени брать на себя отвѣтственность за миръ. Въ виду того, что переговоры затягивались, Наполеонъ рѣшилъ снестись чрезъ голову официальныхъ уполномоченныхъ прямо съ генераломъ Бубной, котораго Францъ I прислалъ въ Шёнбруннъ умилостивить жестокаго побѣдителя. Условія были нѣсколько смягчены, и миръ, наконецъ, подписанъ въ ночь съ 13 на 14 октября 1809 года.

Вѣнскій миръ; новыя территоріальныя пріобрѣтенія французской имперіи. — По Шенбрунnскому, или Вѣнскому, миру (14 октября) Австрія лишилась всѣхъ своихъ юго-западныхъ провинцій. Виллахскій округъ въ Каринтіи, вся Карніолія, Гёрицъ, графство Монтефальконе, Тріестъ, Рагуза, Фіуме, вся военная и гражданская Кроація составили вмѣстѣ съ Далмаціей, уступленной еще въ 1805 году, Иллирійскую провинцію. Западная Галиція съ Замосцьскимъ округомъ были присоединены къ великому герцогству Варшавскому. Россія получила лишь Тарнопольскій округъ съ узкой полосой въ Восточной Галиціи. Браунау, Зальцбургъ и Иннскій округъ были отданы баварскому королю и включены въ составъ рейнской конфедераціи. Французскій императоръ гарантировалъ австрійскому неприкосновенность оставленныхъ ему владѣній, тогда какъ Францъ I долженъ былъ признать законными всѣ перемѣны, происшедшія и имѣвшія быть произведенными въ Испаніи, Португаліи и Италіи. Австрія потеряла три съ половиною милліона подданныхъ. Теперь ея народонаселеніе состояло лишь приблизительно изъ 20 милліоновъ чел., и территорія ея была меньше, чѣмъ территорія Франціи при Людовикѣ XVI. Она должна была уменьшить свою армію до 150.000 человѣкъ и уплатить контрибуцію въ 85 милліоновъ. Мятежный Тироль былъ предоставленъ своей участи и снова подпалъ подъ иго Баваріи. Слабый потомокъ Габсбурговъ былъ подвергнутъ всяческимъ униженіямъ: эрцгерцогъ Антонъ долженъ былъ отказаться отъ званія гросмейстера Тевтонскаго ордена, который былъ упраздненъ; крѣпостные валы Вѣны, нѣкогда останавливавшіе нашествія турокъ, Греца, Рааба, Клагенфурта и Брюнна были взорваны въ одинъ и тотъ же день. Истощенная Австрія вскорѣ затѣмъ обанкрутится; отнынѣ она находится въ полной зависимости отъ политики Наполеона. Россія, въ награду за свое столь неохотно оказанное содѣйствіе, получила 400.000 новыхъ подданныхъ—очень скромное вознагражденіе, скорѣе похожее на подачку. Это конечно не сдѣлало союзъ между Франціею и Россіей болѣе сердечнымъ;

царь боялся возстановленія Польши и не могъ добиться отъ Наполеона никакой серьезной гарантіи въ этомъ смыслѣ. Французская имперія граничила теперь съ Балканскимъ полуостровомъ. Южная оконечность ея быстро растущей территоріи достигала залива Каттаро, на сѣверѣ же она почти безъ перерыва простиралась до Данцига. Такимъ образомъ постепенно континентъ почти весь былъ запертъ для англійскихъ товаровъ. Въ 1809 году Наполеону, казалось, было уже недалеко до всемірнаго владычества [1]). „Все должно было подчиниться ему— союзники и враги, глава церкви и короли, его собственные братья и иностранцы".

[1]) Наполеонъ уѣхалъ изъ Шенбрунна ночью на слѣдующій день послѣ подписанія договора (15 октября 1809 г.). Дѣло въ томъ, что онъ не чувствовалъ себя здѣсь достаточно безопаснымъ. 12 октября, во время смотра, какой-то молодой человѣкъ, силившійся пробраться къ Наполеону, былъ быстро оттѣсненъ адъютантомъ Раппомъ, который при этомъ нащупалъ у него подъ платьемъ оружіе — длинный кухонный ножъ. Будучи арестованъ, Фридрихъ Штапсъ сознался, что имѣлъ намѣреніе убить императора. Это былъ юноша, почти ребенокъ, родомъ изъ хорошей семьи, сынъ протестантскаго пастора въ Наумбургѣ, тихаго и кроткаго нрава, но воспылавшій непримиримой ненавистью къ угнетателю своей родины. Доктору Корвисару поручено было изслѣдовать его умственныя способности, но Штапсъ на осмотрѣ держался такъ, чтобы его не могли выдать за помѣшаннаго. Наполеонъ самъ допрашивалъ его и предлагалъ ему помилованіе; Штапсъ спокойно заявилъ, что воспользуется свободой для новаго покушенія. Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять его втихомолку, желая сохранить втайнѣ покушеніе, обнаруживавшее ненависть нѣмцевъ къ нему. Префекту полиціи велѣно было распространить слухъ, что Штапсъ былъ сумасшедшимъ. Сисмонди утверждаетъ, что Наполеонъ подъ большимъ секретомъ помиловалъ его. Во всякомъ случаѣ, участь Штапса до сихъ поръ не вполнѣ выяснена.

Глава VI.

Испанія и Португалія

отъ 1800 до 1814.

I.—Франція и пиренейскія государства отъ 1800 до 1808.

Карлъ IV и Бонапартъ.—Извѣстіе о переворотѣ 18 брюмера было очень сочувственно принято въ Испаніи. Министры мало сожалѣли о Директоріи, постоянно досаждавшей имъ своими требованіями и придирками. Карлъ IV восхищался генераломъ Бонапартомъ и ожидалъ, что онъ возстановитъ европейскій миръ.

Первое время консульства было настоящимъ медовымъ мѣсяцемъ Франціи и Испаніи. Вмѣсто прежняго члена Конвента Гильемардэ, французскимъ посломъ въ Мадридѣ былъ назначенъ Алькье, любезный, тактичный и тонкій скептикъ, очаровавшій министровъ своими учтивыми манерами. Алькье очень скоро понялъ, что Годой, хотя офиціально уже и переставшій быть министромъ, все-таки остается самымъ вліятельнымъ лицомъ при дворѣ, благодаря слѣпому довѣрію къ нему короля. Алькье сблизился съ фаворитомъ и, пользуясь его слабостью — тщеславіемъ, обѣщалъ ему отъ имени перваго консула царскій подарокъ—полное вооруженіе. Нельзя вообразить, насколько Годой почувствовалъ себя польщеннымъ и какъ счастливъ былъ король вниманіемъ Бонапарта къ его дорогому Мануэлю. Тогда Алькье отважился предложить подарокъ и самому королю, и Карлъ IV съ дѣтской радостью принялъ нѣсколько предложенныхъ ему хорошенькихъ вещицъ изъ охотничьяго оружія. Тотчасъ и королева спросила, не подаритъ ли генералъ Бонапартъ ей чего-нибудь.—Ей было обѣщано все, чего она пожелаетъ; она выбрала чайный сервизъ севрскаго фарфора и нѣсколько платьевъ—„газовое, батистовое или вышитое кисейное самыхъ модныхъ цвѣтовъ и новѣйшихъ фасоновъ". Благодушный Карлъ IV не хотѣлъ уступать въ щедрости своему другу, первому консулу; еще до полученія обѣщанныхъ ему подарковъ онъ послалъ Бонапарту шестнадцать прекрасныхъ лошадей изъ своихъ аранхуецскихъ конюшенъ.

Побѣда при Маренго довела восторгъ испанскаго короля до энтузіазма. Королеву Бонапартъ подкупилъ тѣмъ, что обѣщалъ ей королевство въ Италіи для ея дочери, пармской инфанты. Годою онъ внушилъ неопредѣленную надежду, что для него со временемъ можетъ найтись княжество. Когда король, королева и фаворитъ были въ его рукахъ, произошелъ небольшой дворцовый переворотъ, которымъ былъ низвергнутъ мало-послушный

Урквихо и вмѣсто него снова поставленъ во главѣ правленія Годой.

Аранхуецскій договоръ.—Когда Люсьенъ Бонапартъ, назначенный посломъ вмѣсто Алькье, прибылъ въ Мадридъ, дворъ былъ уже настолько расположенъ къ первому консулу, что королева выражала желаніе, чтобы онъ развелся и женился на ея дочери, инфантѣ Изабеллѣ, которой въ то время было тринадцать лѣтъ. Бонапартъ благоразумно отклонилъ это предложеніе, но заставилъ Карла IV заключить Аранхуецскій договоръ (21 марта 1801). Испанія возвращала французамъ Луизіану и обязывалась начать войну съ Португаліей, чтобы заставить ее отказаться отъ союза съ Англіей. Въ награду за эти жертвы Тоскана была превращена въ королевство Этрурію и отдана инфанту пармскому, зятю Карла IV.

Аранхуецскій договоръ могъ удовлетворить честолюбіе королевы и польстить отеческимъ чувствамъ Карла IV; но въ дѣйствительности онъ былъ очень опасенъ для Испаніи, которая не замедлила въ этомъ убѣдиться.

Меньше, чѣмъ черезъ два года послѣ уступки Луизіаны, Бонапартъ продалъ послѣднюю Соединеннымъ Штатамъ вопреки статьѣ Аранхуецскаго договора, которая предоставляла Испаніи преимущественное право на покупку ея.

Этрурское королевство просуществовало недолго. Наполеонъ смотрѣлъ на него, „какъ на изуродованіе итальянскаго полуострова". Онъ упразднитъ его однимъ почеркомъ пера 23 октября 1807 года.

Война съ Португаліей едва не вовлекла Испанію въ ссору съ Франціей. Карлъ IV, связанный тѣсными узами съ Брагансскимъ домомъ, велъ съ нимъ войну противъ воли, по принужденію, поставивъ условіемъ, что Португалія ни въ какомъ случаѣ не будетъ раздроблена. Годой, сдѣланный генералиссимусомъ, употребилъ на приготовленія три мѣсяца и выступилъ въ походъ только 20 мая 1801 года, когда французскій генералъ Леклеркъ уже стоялъ лагеремъ въ Сіудадъ-Родриго съ корпусомъ въ 12.000 человѣкъ, а Люсьенъ Бонапартъ грозилъ двору гнѣвомъ перваго консула, если испанская армія не перейдетъ границы.

Война съ Португаліей. — Странное зрѣлище представляли теперь эти двѣ воюющія націи, употреблявшія всѣ усилія, чтобы не встрѣтиться на полѣ битвы. „Зачѣмъ намъ сражаться?—сказалъ герцогъ Лафоэсъ, португальскій генералиссимусъ, испанскому генералу Солано.— Португалія и Испанія — вьючные мулы. Насъ толкнула Англія, васъ подгоняетъ Франція; будемъ скакать и звенѣть бубенчиками, но, ради Бога, не будемъ причинять другъ другу зла, чтобы не стать посмѣшищемъ для людей". Испанскія и португальскія войска маневрировали такимъ образомъ, чтобы не встрѣтиться. Оливенца, Херуменга, Кампо-Майоръ сдались безъ сопротивленія, и послѣ этой кампаніи, похожей на фарсъ, въ Бадахозѣ былъ заключенъ договоръ между Карломъ IV и португальскимъ регентомъ (6 іюня 1801). Испанія получила Оливенцу на лѣвомъ берегу Гвадіаны, при чемъ Португалія еще обязалась уплатить Франціи вознагражденіе въ 20 милліоновъ.

Оставалось еще только добиться ратификаціи договора Бонапартомъ. Люсьенъ усердно принялся хлопотать объ этомъ. Онъ уже получилъ за Аранхуецскій договоръ двадцать цѣнныхъ картинъ и на 100.000 экю брилліантовъ въ оправѣ; Годой предложилъ ему званіе гранда, орденъ золотого руна, пенсію въ 100.000 фр., нѣсколько мѣшечковъ съ неотдѣланными алмазами и ларчикъ съ портретомъ короля, окруженнымъ бумажнымъ вѣнчикомъ, который заключалъ въ себѣ на 5 милліоновъ драгоцѣнныхъ камней. Въ концѣ-концовъ Люсьенъ добился ратификаціи Бадахозскаго договора (29 сентября 1801). Амьенскій миръ, заключенный

26 марта слѣдующаго года, долженъ былъ, казалось, извлечь Испанію изъ пропасти, въ которую она погружалась. Въ іюлѣ 1802 года дворъ предпринялъ пышное путешествіе по Каталоніи и Валенсіи. Оно было ознаменовано блестящими празднествами. Въ Барселонѣ принцъ астурійскій женился на Маріи Антуанеттѣ неаполитанской, а его сестра Изабелла вышла замужъ за наслѣднаго принца Обѣихъ Сицилій.

Расторженіе Амьенскаго мира.—Съ первыхъ же мѣсяцевъ 1803 года стало очевиднымъ и для мало проницательныхъ людей, что война между Франціей и Англіей неминуемо должна возобновиться. Испанія снова сдѣлалась яблокомъ раздора для обѣихъ соперничествующихъ націй, и неисцѣлимая слабость ея правительства не позволяла ей извлечь никакой выгоды изъ этого привилегированнаго положенія. Карлъ IV, очарованный славою перваго консула, стоялъ за союзъ съ Франціей. Королева склонялась къ тому же въ интересахъ своей дочери, королевы этрурской. Напротивъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Севальосъ, былъ приверженцемъ союза съ Англіей, и Годой, который охотно сталъ бы на его сторону, не рѣшался однако одобрить мнѣніе, противное мнѣнію короля, и навлечь на себя гнѣвъ Бонапарта, и безъ того уже дававшій себя ему чувствовать. Ему казалось ловкимъ маневромъ противопоставить нетерпѣнію французовъ „отрицательную политику“, которою исчерпывалась его политическая мудрость. Онъ былъ очень любезенъ съ французскимъ посломъ Бернонвиллемъ, обѣщалъ все, чего тотъ хотѣлъ, и ничего не сдѣлалъ. Бонапартъ не поддался на удочку. 29 марта 1808 года въ Аранхуэцъ прибылъ генералъ Ла Планшъ Мортьеръ съ письмомъ перваго консула къ королю. 17 мая Франція объявила войну Англіи. 22 іюня Бонапартъ, извѣщенный о прибытіи въ Кадиксъ транспорта изъ Индіи, настоятельно потребовалъ денегъ. Годой не дерзнулъ отказать въ субсидіи, но, повидимому, твердо рѣшилъ сохранять нейтралитетъ въ предстоящей войнѣ. Онъ даже собралъ нѣсколько полковъ въ Бургосѣ и Вальядолидѣ для охраны границы. Бонапартъ сломилъ его упорство, пригрозивъ открыть королю дворцовые скандалы; мало того, Бернонвилль въ публичной аудіенціи вручилъ Карлу IV письмо Бонапарта, наполненное крайне компрометтирующими разоблаченіями. Годой настолько пользовался довѣріемъ у Карла IV, что сумѣлъ убѣдить его не читать письма; но онъ понялъ, что борьба невозможна. 23 октября онъ обязался предоставить Франціи ежемѣсячную субсидію въ 4 милліона. Можетъ быть, онъ думалъ этой цѣной купить для Испаніи право оставаться нейтральной. Народъ въ Мадридѣ оказался проницательнѣе; при возвращеніи Годоя въ столицу онъ вышелъ къ нему навстрѣчу и окружилъ его карету съ крикомъ: „Мира и хлѣба!“

Ни Франція, ни Англія не желали, чтобы Испанія оставалась нейтральной. Бонапартъ хотѣлъ располагать всѣми силами Испаніи для борьбы съ Англіей, Питтъ хотѣлъ сдѣлать Испанію базою своихъ военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Казнь герцога Ангіенскаго и провозглашеніе имперіи, страхъ и престижъ славы крѣпче прежняго затянули узы, связывавшія Испанію съ Франціей. Когда Англія окончательно убѣдилась, что союзъ между Испаніей и Франціей состоялся, она открыла военныя дѣйствія, напавъ безъ объявленія войны на четыре испанскихъ фрегата, возвращавшіеся изъ Испаніи въ Кадиксъ (1 октября 1804). 4 декабря Карлъ IV объявилъ Англіи войну.

Трафальгаръ.—Такъ какъ Испанія была вовлечена въ войну самой судьбою, то она должна была предаться ей безъ оглядки и дерзать на невозможное, лишь бы одолѣть общаго врага. Нельзя не признать, что она дѣлала героическія усилія, чтобы помочь осуществленію грандіозныхъ пла-

новъ Наполеона. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она снарядила три эскадры: въ Картагенѣ, Кадиксѣ и Ферролѣ. На судахъ плохо оснащенныхъ, скудно снабженныхъ провіантомъ, обремененныхъ артиллеріей, отягченныхъ огромными мачтами, испанцы помѣстили экипажъ, набранный съ сосенки и съ бору—изъ рыбаковъ, крестьянъ, бродягъ, и съ такими плохими судами и такимъ плохимъ экипажемъ начальники, подобные Чуррука, сумѣли покрыть себя славою. Гравина, едва имѣвшій возможность держаться въ открытомъ морѣ, присоединился съ семью судами къ эскадрѣ Вильнева и выдержалъ вмѣстѣ съ нимъ битву при Ферролѣ, гдѣ только туманъ помѣшалъ французамъ одержать полную побѣду надъ англичанами. Въ сентябрѣ 1805 года соединенная французско-испанская эскадра, стоявшая въ Кадиксѣ, насчитывала 33 судна, 5 фрегатовъ и 2 военныхъ брига съ экипажемъ въ 25.000 человѣкъ и 2.836 пушками. Безполезная битва при Трафальгарѣ стоила франко-испанской эскадрѣ 6.000 человѣкъ и 17 судовъ [1]). Карлъ IV принялъ всѣ мѣры, чтобы спасти раненыхъ и помочь оставшимся въ живыхъ, щедро наградилъ всѣхъ, кто участвовалъ въ битвѣ, но бѣдствіе было непоправимо. Суда, оставшіяся въ гаваняхъ, не могли прорвать блокаду, арсеналы были пусты, экипажи опустошены лихорадкой и дезертирствомъ, офицеры обезкуражены. Англія на долгіе годы пріобрѣла первенство на морѣ. Наполеонъ никогда не былъ мягокъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ. Опьяненный своими тріумфами при Ульмѣ и Аустерлицѣ, онъ поступилъ съ Испаніей безпощадно. Карлъ IV долженъ былъ уплатить субсидію въ 24 милліона и послать 5.000 человѣкъ въ Этрурію для охраны королевства, которое, по признанію самого Наполеона, онъ собирался уже упразднить. Бурбоны были изгнаны изъ Неаполя, королевство Обѣихъ Сицилій отдано Жозефу Бонапарту, и, такъ какъ Карлъ IV колебался признать новаго короля, Наполеонъ произнесъ грозныя слова: „Преемникъ Карла IV признаетъ его".

Манифестъ 1807 года. — Годой скрѣпя сердце повиновался надменному повелителю, котораго самъ посадилъ себѣ на голову, и только ждалъ случая, чтобы возстать противъ него. Въ августѣ 1806 года въ Лиссабонъ вступила англійская эскадра, и баронъ Строгоновъ, русскій посланникъ въ Мадридѣ, сдѣлалъ попытку вовлечь Испанію въ только-что образованную новую коалицію противъ Франціи. Первою должна была вооружиться Португалія; Испанія должна была собрать войска какъ будто для защиты противъ вторженія португальцевъ; англійская армія высадится въ Португаліи, и въ удобный моментъ Англія, Португалія и Испанія вмѣстѣ нападутъ на южную Францію. Годой не умѣлъ скрыть своей радости: 5 октября 1806 года, еще далеко не кончивъ приготовленій къ походу, онъ обратился къ испанскому народу съ воинственнымъ манифестомъ, гдѣ, обращаясь къ его лойяльнымъ чувствамъ, звалъ его на борьбу съ врагомъ, котораго онъ не называлъ, но котораго легко было угадать. Десять дней спустя Наполеонъ выигралъ сраженіе при Іенѣ. Великій страхъ обуялъ Годоя при извѣстіи объ этой побѣдѣ. Французская партія упрекала его въ томъ, что онъ погубилъ Испанію. Карлъ IV не зналъ, какъ умилостивить императора. Въ газетахъ было сообщено, что прокламація подложна. Годой извинился передъ Наполеономъ и пытался доказать ему, что хотѣлъ вооружить испанцевъ только въ интересахъ Франціи. Наполеонъ, казалось, принялъ представленныя ему оправданія, но есть основанія думать, что съ этого момента онъ замыслилъ ниспроверженіе испанскихъ Бурбоновъ. Онъ осыпалъ Карла IV и Годоя комплиментами и любезностями. Карлъ IV, совершенно успо-

[1]) См. выше стр. 62.

коившись, въ наивной надеждѣ угодить тѣмъ императору, даровалъ князю мира титулъ свѣтлости и произвелъ его въ генералъ-адмиралы; но этимъ онъ сдѣлалъ Годоя еще болѣе ненавистнымъ принцу астурійскому, знати и народу. Наполеонъ отправилъ въ Мадридъ новаго посланника, Богарнэ, который очень скоро проникъ въ тайны королевской семьи и узналъ о глубокой ненависти, которую принцъ астурійскій Фердинандъ питалъ къ Годою. Онъ постарался разжечь эту ненависть, увѣривъ Фердинанда, что онъ найдетъ у императора сильную поддержку противъ фаворита. Такимъ образомъ, въ моментъ рѣшительнаго кризиса королевская семья оказалась расколотою надвое, а фаворитъ — обреченнымъ народной мести за свое чрезмѣрное возвышеніе.

Вмѣшательство Наполеона въ испанскія дѣла.—7 іюля 1807 года Наполеонъ подписалъ Тильзитскій миръ. 15 августа онъ вернулся въ Парижъ, а спустя нѣсколько недѣль принялся за испанскія дѣла.

Португалія отказалась примкнуть къ континентальной блокадѣ; Наполеонъ предложилъ Испаніи завоевать ее общими силами и подѣлить между собою (27 октября 1807). По его плану, королева этрурская должна была отказаться отъ своего итальянскаго королевства и стать королевой сѣверной Лузитаніи; Годой получитъ княжество Альгарвское, а самъ Наполеонъ оккупируетъ остальную часть Португаліи, которую по заключеніи общаго мира передастъ Карлу IV, при чемъ за послѣднимъ будетъ признанъ суверенитетъ надъ Лузитаніей и Альгарвскимъ княжествомъ и титулъ индійскаго императора. При мысли о томъ, чтобы стать императоромъ подобно Наполеону, бѣдный Карлъ IV потерялъ голову и немедленно согласился на все, чего отъ него требовали. На этихъ условіяхъ былъ заключенъ договоръ въ Фонтенебло. 17 октября Жюно съ 20.000 человѣкъ перешелъ Бидассоа. 19 ноября онъ вступилъ въ Португалію. Принцъ-регентъ не сталъ ждать его: 27 ноября онъ отплылъ въ Бразилію со своею матерью, придворнымъ штатомъ и сокровищами; спустя три дня Жюно съ 40.000-ной арміей вступилъ въ Лиссабонъ [1]).

Подъ видомъ подкрѣпленій для него Наполеонъ безпрерывно посылалъ въ Испанію новыя войска. Дюпонъ вступилъ въ ея предѣлы 13 ноября 1807 года, Монсей— 9 января 1808, каждый съ 25.000 человѣкъ. Французы врасплохъ заняли Санъ-Себастіанъ, Пампелуну, Фигуэръ и Барселону; ихъ рекруты заканчивали свое военное обученіе на глазахъ изумленныхъ испанцевъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ Мюратъ прибылъ съ отрядомъ императорской гвардіи въ 6.400 человѣкъ, чтобы принять главное начальство надъ пиренейскими войсками. 13 марта онъ былъ въ Бургосѣ, нѣсколько дней спустя—у воротъ Мадрида. Пиренеи были перейдены, треть Испаніи находилась въ рукахъ французовъ, а Карлъ IV и Годой, повидимому, еще и не подозрѣвали опасности: всю зиму они были поглощены любительскимъ театромъ.

Заговоръ въ Эскуріалѣ.—Годой зналъ о глубокой ненависти, которую питалъ къ нему принцъ астурійскій. Онъ рѣшилъ пустить въ ходъ всѣ средства, чтобы спасти свою репутацію, свое положеніе и свою жизнь послѣ смерти Карла IV. Онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ пріобрѣсти независимое княжество, гдѣ могъ бы найти убѣжище въ минуту опасности. Съ своей стороны Фердинандъ хотѣлъ предупредить грозившія ему опасности. Онъ жилъ одиноко, вдали отъ дѣлъ, подчиняясь строгому и однообразному дворцовому этикету; король недолюбливалъ его, королева относилась къ нему подозрительно. Его ближайшими совѣтниками были герцоги Санъ-Карлосъ и Инфантадо и его бывшій учитель, каноникъ Донъ-Хуанъ Эскоикизъ, тщеславный и легкомысленный гу-

[1]) См. выше стр. 80.

манистъ, разсчитывавшій управлять государствомъ отъ имени своего ученика. Эскоикизъ совѣтовалъ Фердинанду опереться на Наполеона, такъ какъ Наполеонъ презиралъ Годоя. Въ іюлѣ 1807 года пронырливый каноникъ въ паркѣ Ретиро имѣлъ свиданіе съ французскимъ посланникомъ Богарнэ; послѣдній совѣтовалъ астурійскому принцу просить руки какой-нибудь изъ принцессъ императорской фамиліи. Только 12 октября принцъ рѣшился написать Наполеону. 28 числа король, предупрежденный Годоемъ, велѣлъ захватить всѣ бумаги принца, который и самъ былъ на слѣдующій день арестованъ. Вмѣсто того, чтобы замять дѣло, Карлъ IV тотчасъ написалъ о немъ Наполеону, оповѣстилъ о немъ весь народъ и приказалъ кастильскому Совѣту возбудить процессъ противъ сообщниковъ принца; Фердинандъ такъ раболѣпно унижался, что Годой позволилъ ему снова войти въ милость у короля. Совѣтъ понялъ, какъ опасно было бы для него наказать друзей наслѣднаго принца, и оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ. Король оказался менѣе снисходительнымъ: онъ сослалъ ихъ въ различные замки и монастыри (25 января 1808).

Таково было скандальное дѣло, которому сначала дали громкое названіе заговора въ Эскуріалѣ. Можно было думать, что оно не будетъ имѣть серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ король, принявъ проектъ Эскоикиза, просилъ у Наполеона руки одной изъ принцессъ императорской фамиліи для принца астурійскаго (18 ноября 1807). Но императоръ былъ теперь освѣдомленъ о раздорѣ, царившемъ въ королевской семьѣ; Годой сталъ окончательно ненавистенъ всѣмъ, благодаря жестокости, съ которой преслѣдовалъ своихъ противниковъ; Карлъ IV навсегда сдѣлалъ себя смѣшнымъ своими сумасбродными прокламаціями; Фердинандъ обезчестилъ себя малодушіемъ: онъ плакалъ и просилъ прощенія, какъ ребенокъ, пойманный на мѣстѣ преступленія; онъ выдалъ своихъ друзей, чтобы избѣжать наказанія.

Аранхуэцскій бунтъ.—Въ концѣ февраля 1808 года изъ Парижа внезапно прибылъ со странными предложеніями Донъ-Эухеніо Искіердо, которому Годой поручилъ вести переговоры съ Наполеономъ. Наполеонъ не желалъ возобновленія фонтенеблоскаго договора. Онъ предлагалъ уступить Карлу IV Португалію взамѣнъ провинцій, расположенныхъ на сѣверъ отъ Эбро; въ противномъ случаѣ онъ оставитъ за собою всю Португалію, а Испанія пусть откроетъ ему „военный путь" до португальской границы.

Годой никогда не питалъ довѣрія къ Наполеону, но онъ обольщалъ себя призрачными мечтами. Пріѣздъ Искіердо открылъ ему глаза: онъ понялъ, что монархія погибла, и, узнавъ о приближеніи Мюрата, рѣшилъ увлечь короля въ Севилью, откуда, сообразно обстоятельствамъ, можно будетъ организовать сопротивленіе или бѣжать на Канарскіе острова или Майорку. Планъ Годоя, безспорно, былъ разсчитанъ правильно, но принцъ астурійскій, все еще видѣвшій во французахъ союзниковъ, постарался разрушить этотъ планъ. Аранхуэцъ наполнился мадридскими жителями и крестьянами. Переодѣтый графъ Монтихо, подъ прозваніемъ „дядя Петръ", неустанно возбуждалъ ихъ противъ Годоя.

16 марта король издалъ приказъ, въ которомъ подтверждалъ свое рѣшеніе остаться среди своихъ возлюбленныхъ подданныхъ. Между тѣмъ онъ ускорилъ свои приготовленія къ отъѣзду. Въ ночь съ 17 на 18-ое дозоръ заговорщиковъ встрѣтилъ донью Хозефу Тудо, когда она выходила изъ квартиры Годоя; забили тревогу, Аранхуэцъ мгновенно наполнился разъяренной толпой, дворецъ Князя мира былъ взятъ приступомъ, и, чтобы смирить возстаніе, 18-го утромъ король объявилъ Годоя отрѣшеннымъ отъ всѣхъ должностей. Никто не зналъ, что сталось съ

временщикомъ, до утра 19 марта, когда одинъ изъ солдатъ валлонской гвардіи увидалъ его во дворѣ его дворца. Оказалось, что несчастный спрятался на чердакѣ подъ грудой ковровъ; тридцать восемь часовъ онъ провелъ здѣсь безъ питья и пищи, и вотъ, мучимый голодомъ и жаждой, вынужденъ былъ оставить свое убѣжище. На крики солдата сбѣжался народъ. Годой успѣлъ только броситься въ средину взвода лейбъ-гвардейцевъ, которые предложили ему защитить его, какъ бывшаго своего товарища, и довести до своей казармы. Пѣшій между двухъ конныхъ, судорожно ухватившись за луки ихъ сѣделъ, осыпаемый ударами палокъ и камней, Годой добрался до гвардейской казармы полумертвымъ. Его положили въ конюшнѣ на соломенную подстилку. Въ этотъ страшный часъ король и королева были полны тревоги о своемъ другѣ; они умоляли своего сына сжалиться надъ нимъ; Фердинандъ отправился къ Годою и объявилъ ему свое помилованіе. „Развѣ ты уже король"? спросилъ его Годой.—„Нѣтъ еще", отвѣчалъ Фердинандъ, „но скоро буду имъ". Дѣйствительно, въ семь часовъ вечера король, боясь новаго мятежа, подписалъ свое отреченіе.

При первомъ извѣстіи о событіяхъ, совершившихся въ Аранхуэцѣ, Мадридъ возсталъ; когда сдѣлалось извѣстнымъ, что временщикъ низвергнутъ, толпа бросилась къ его дворцу и разорила его; были разграблены также домъ матери Годоя, домъ его брата Донъ-Діего и дома его друзей. При извѣстіи объ отреченіи короля ярость мятежниковъ сразу перешла въ безумный восторгъ. Радость была такъ велика, что вступленіе Мюрата въ Мадридъ (23 марта) прошло почти незамѣченнымъ. Фердинандъ вступилъ въ столицу на слѣдующій день при изступленныхъ крикахъ народа. Женщины усыпали цвѣтами дорогу, по которой онъ ѣхалъ, мужчины разстилали свои плащи подъ ноги его коня.

Эти необычайныя событія застали Наполеона врасплохъ. Очень вѣроятно, что онъ еще не принялъ твердаго рѣшенія, хотя уже 27 марта онъ условно предлагалъ испанскую корону своему брату Луи. Глупость старой королевской четы и совѣтниковъ Фердинанда сослужила ему превосходную службу.

Карлъ IV и Марія-Луиза желали одного—удалиться въ Бадахозъ, чтобы тамъ жить спокойно съ Годоемъ, *ихъ единственнымъ другомъ*. Желая спасти Годоя, они вздумали обратиться къ Мюрату, намѣстнику императора въ Испаніи. Мюратъ сразу понялъ выгоду, которую онъ могъ извлечь изъ этого положенія дѣлъ. Онъ предложилъ Карлу IV заявить протестъ противъ своего отреченія (25 марта 1808) и прибѣгнуть къ заступничеству Наполеона. Онъ далъ ему охрану изъ французскихъ солдатъ и убѣдилъ его по пути во Францію заѣхать въ Эскуріалъ. Одну минуту Наполеонъ думалъ лично отправиться въ Испанію, и то, что онъ увидѣлъ бы здѣсь, безъ сомнѣнія, открыло бы ему истинныя чувства народа. Къ несчастію, онъ остановился въ Байоннѣ. Богарнэ, Мюратъ и Эскоикизъ побудили Фердинанда отправиться сюда на свиданіе съ императоромъ.

Свиданіе въ Байоннѣ.—Фердинандъ оставилъ Мадридъ 10 апрѣля, надѣясь найти Наполеона въ Байоннѣ. Его убѣдили проѣхать въ Виторію. Здѣсь нѣсколько преданныхъ слугъ, Уркихо, Корреа, Алава и герцогъ Магонъ, умоляли его не ѣхать дальше; но Савари склонилъ его продолжать путь во Францію, и 20 апрѣля Фердинандъ миновалъ Бидассоа. Сначала Наполеонъ не могъ повѣрить такому ослѣпленію: „Неужели онъ здѣсь!" воскликнулъ онъ. Онъ пожелалъ видѣть его прежде, чѣмъ приметъ окончательное рѣшеніе, но, увидавъ, тотчасъ рѣшился: приговоръ Фердинанда былъ подписанъ. Принцъ астурійскій, — писалъ онъ, „очень глупъ, очень золъ и ненавидитъ Францію".

Сначала Наполеонъ предложилъ Фердинанду уступить ему королевство Этрурію въ обмѣнъ за испанскую корону. Эскоикизъ считалъ себя способнымъ вести переговоры съ императоромъ; онъ увѣрялъ его въ добрыхъ намѣреніяхъ Фердинанда и старался убѣдить Наполеона, что Фердинандъ, женившись на принцессѣ императорской фамиліи, станетъ самымъ вѣрнымъ и постояннымъ союзникомъ Франціи. „Ваша политика плоха, каноникъ!" отвѣчалъ Наполеонъ. И онъ объяснилъ ему, что союзъ съ Испаніей необходимъ для безопасности его государства; но онъ не будетъ въ немъ увѣренъ, пока на мадридскомъ престолѣ не сядетъ одинъ изъ принцевъ его дома: онъ не вѣрилъ въ возможность національной войны, такъ какъ формально заявлялъ о своемъ намѣреніи сохранить неприкосновенность, независимость и религію Испаніи.

Фердинандъ не могъ рѣшиться принять условія, которыя предлагалъ ему Наполеонъ. Императоръ объявилъ ему, что будетъ вести переговоры непосредственно съ Карломъ IV, который 30 апрѣля прибылъ въ Байонну.

2 мая.—Во время этихъ нескончаемыхъ переговоровъ въ Мадридѣ произошло важное событіе. Народъ уже давно былъ раздраженъ присутствіемъ французовъ, и въ столицѣ едва не вспыхнулъ бунтъ; въ Толедо и Бургосѣ произошли волненія. 1 мая Мюратъ былъ освистанъ толпою на Прадо. Утромъ въ понедѣльникъ 2 мая въ Мадридѣ распространился слухъ, что французы хотятъ силою увезти брата короля, инфанта донъ-Франсиско, послѣдняго принца королевской фамиліи, который оставался еще въ предѣлахъ Испаніи. Народъ началъ собираться толпами, раздались угрожающіе крики по адресу французовъ и тотчасъ же вспыхнулъ страшный мятежъ. Мюратъ былъ, можетъ быть, радъ этому, такъ какъ мятежъ давалъ ему поводъ проучить мадридцевъ: онъ не сомнѣвался въ томъ, что сломитъ ихъ сопротивленіе. Испанскія власти мужественно стали между нимъ и населеніемъ. При первыхъ выстрѣлахъ министры О'Фарриль и Аціанца сѣли на коней и отправились къ Мюрату, которому предложили возстановить порядокъ, если онъ велитъ прекратить стрѣльбу. Мюратъ согласился и далъ имъ въ провожатые до зданія Совѣта генерала Ариспа. Члены Кастильскаго Совѣта ходили по улицамъ, убѣждая гражданъ разойтись по домамъ. Серьезная схватка произошла лишь вокругъ артиллерійскаго парка, которымъ народъ едва не овладѣлъ. Все было бы скоро забыто и *Dos de Mayo* не остался бы въ народной памяти днемъ ненависти и гнѣва, если бы Мюратъ ночью не велѣлъ безъ суда разстрѣлять нѣсколько сотъ взятыхъ въ плѣнъ бунтовщиковъ. Испанія и донынѣ не простила этой казни послѣ битвы, этой грубой измѣны данному слову.

Въ Байоннѣ узнали о мадридскихъ событіяхъ 5 мая. Наполеонъ еще не нашелъ способа сломить упорство Фердинанда: мадридскій мятежъ далъ ему поводъ разыграть одну изъ тѣхъ театральныхъ сценъ, на которыя онъ былъ такой мастеръ. Фердинандъ былъ приглашенъ къ императору въ присутствіи короля и королевы. Наполеонъ объявилъ его виновникомъ кровопролитія, осыпалъ его гнѣвными укорами и грозилъ смертью, если онъ не подчинится немедленно. Въ то же время онъ лицемѣрно предложилъ Карлу IV свою помощь для возвращенія въ Мадридъ. Старый король отказался, прося лишь о томъ, чтобы ему дали мирно кончить его дни съ женою и Годоемъ. Онъ уступилъ всѣ свои права императору, выговоривъ только, чтобы Испанія не была раздѣлена и церковь оставлена безъ защиты. 10 мая Фердинандъ VII также отказался отъ всѣхъ своихъ правъ и уѣхалъ въ Валансэ, тогда какъ Карлъ IV, королева и Годой отправились въ Компьень. 12 мая инфанты Карлосъ и Анто-

нію обнародовали въ Бордо отреченіе отъ всѣхъ своихъ правъ на испанскую корону. 6 іюня Наполеонъ издалъ декретъ о возведеніи Жозефа Бонапарта на испанскій престолъ. Собранная въ Байоннѣ хунта въ двѣнадцать засѣданій вотировала наскоро составленную конституцію, которая и была обнародована 7 іюля. Спустя два дня Жозефъ вступилъ въ предѣлы Испаніи. Онъ нашелъ ее уже кругомъ охваченной возстаніемъ.

II.—Внутренняя исторія пиренейскихъ государствъ съ 1800 по 1808 г.

Испанцы относились къ Карлу IV довольно благодушно и сохранили воспоминаніе только о его личныхъ добродѣтеляхъ. Дѣйствительно, по сравненію со своимъ сыномъ, Карлъ IV былъ прекраснымъ государемъ — гуманнымъ, лойяльнымъ и либеральнымъ въ той мѣрѣ, въ какой это можно было требовать отъ испанскаго короля XVIII вѣка. Несмотря на всѣ бѣдствія и злоключенія, его царствованіе было ознаменовано большими успѣхами въ разныхъ областяхъ общественной жизни, и онъ оставилъ Испанію болѣе просвѣщенной, чѣмъ какою засталъ ее при своемъ вступленіи на престолъ.

Финансовое положеніе Испаніи.—Финансы особенно привлекали вниманіе правительства. Война съ Англіей (1796—1802) стоила 4.268.071.263 реала; государственный долгъ возросъ до 4.108.052.721 реала; Канга Аргуэльесъ опредѣлялъ чистый доходъ съ государственныхъ сборовъ въ 644.206.633 реала, а расходы, сокращенные до предѣловъ крайней необходимости, все еще составляли 647.329.599 реаловъ, такъ что образовался ежегодный дефицитъ въ 3.122.966 реаловъ. И чѣмъ было покрыть просроченные платежи въ 700.000? Гдѣ взять денегъ на непредвидѣнные расходы?

Карлъ IV хотѣлъ честно выплатить государственный долгъ; но состояніе казны было такъ плачевно, что министры не могли быть слишкомъ щепетильными въ выборѣ средствъ. Они прибѣгали ко всѣмъ пріемамъ, какими пользуются для добыванія денегъ финансисты, готовые вылетѣть въ трубу. Въ теченіе одного 1801 года они заключили три новыхъ займа; они установили рядъ новыхъ налоговъ и обложили данью кассу общественныхъ хлѣбныхъ магазиновъ (*positos*). Пять главныхъ мадридскихъ корпорацій, консульство въ Кадиксѣ, банкъ Санъ-Карло были разорены вымогательствами фиска. Канга Аргуэльесъ опредѣляетъ количество изданныхъ Карломъ IV указовъ о чрезвычайныхъ налогахъ ни мало, ни много — въ 114.

И однако при всей этой нуждѣ правительство сумѣло провести нѣсколько превосходныхъ мѣръ, такихъ смѣлыхъ, на какія Аранда и Кампоманесъ никогда не рѣшились бы. 30 августа 1800 года ассигнаціи (*vales*) были объявлены государственнымъ долгомъ, и найдены были обильныя средства для пополненія консолидаціонной королевской кассы. Неотчуждаемыя имущества являлись истинной язвой Испаніи; теперь собственникамъ майоратовъ и держателямъ церковныхъ помѣстій было разрѣшено реализовать эти недвижимыя имущества подъ условіемъ, что вырученныя суммы помѣщаются въ ассигнаціонную кассу. Были пущены въ продажу земли и угодья, принадлежащія страннопріимнымъ домамъ, госпиталямъ и богоугоднымъ заведеніямъ, и образовавшійся такимъ путемъ капиталъ внесенъ въ ассигнаціонную кассу. Наконецъ, въ 1806 году былъ прямо выставленъ принципъ отчужденія церковныхъ имуществъ, и только событія 1808 года помѣшали правительству пустить ихъ въ продажу. Къ 19 марта 1808 года владѣльцамъ ассигнацій было выплачено уже 400.000.000 реаловъ. Бо́льшаго и нельзя

было сдѣлать въ странѣ, гдѣ промышленности совсѣмъ не существовало, торговля была парализована войной, земледѣліе страдало отъ безчисленныхъ злоупотребленій и приростъ населенія поглощался желтой лихорадкой.

Торговля.—Съ заключеніемъ Амьенскаго мира торговля, казалось, сразу ожила. Какъ только договоръ былъ подписанъ, товары, уже давно заготовленные въ портахъ Новаго Свѣта, немедленно двинулись въ Испанію. Въ 1802 и 1803 гг. торговое движеніе было необыкновенно оживлено. Въ одинъ только портъ Кадиксъ за 1802 годъ было доставлено товаровъ на 1.636 милл. реаловъ. Министры занялись вопросомъ объ условіяхъ, въ какія Амьенскій миръ ставилъ испанскую промышленность, и изготовили по этому вопросу подробную записку, свидѣтельствующую объ основательномъ знакомствѣ съ экономическимъ состояніемъ страны. По возобновленіи военныхъ дѣйствій Португалія стала служить передаточнымъ пунктомъ для испанской торговли: англійскіе товары и американскій хлопокъ выгружались съ кораблей въ Лиссабонѣ и отсюда доставлялись въ Испанію и даже во Францію. Но громадные расходы двора, чрезмѣрные налоги и обезцѣненіе ассигнацій сильно подрывали испанскую торговлю.

Работы по улучшенію дорогъ, начатыя уже при Карлѣ III, продолжались и теперь въ нѣкоторыхъ провинціяхъ. Дороги Наварры и Васконгадъ не уступали лучшимъ дорогамъ Франціи; дороги изъ Мадрида къ королевскимъ замкамъ были удобны и хорошо содержались, дорога отъ Пиренеевъ къ Кадиксу была кончена, переходъ чрезъ Сіерру Гвадарраму и Сіерру Морену не представлялъ уже никакихъ трудностей. Но въ другихъ провинціяхъ еще ничего не было сдѣлано. Изъ Мадрида въ Валенсію едва можно было проѣхать, между Астуріей и королевствомъ Леонъ не было никакихъ путей сообщенія, лучшій испанскій портъ Виго не былъ соединенъ съ внутренними частями королевства. Вдоль дорогъ, на извѣстныхъ разстояніяхъ, были расположены постоялые дворы (*posadas, ventas*) „для удобства проѣзжающихъ“; но содержатель постоялаго двора ничего не могъ продавать: проѣзжающіе должны были все привозить съ собою. Большая часть вентъ въ Андалузіи сдавалась въ аренду гитанамъ (цыганамъ). Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ снова начали шалить разбойники. Въ 1804 году четыре шайки терроризировали провинцію Замору; бандиты простирали свои наѣзды до самаго Мадрида, а однажды совершили грабежъ и въ самой столицѣ — въ церкви *Salesas reales*. Слѣдствіемъ было дознано, что эти шайки составляли обширное товарищество, въ числѣ членовъ котораго было немало должностныхъ и духовныхъ лицъ.

Администрація.—Карлъ IV мало сдѣлалъ для общей администраціи страны; но централистическія тенденціи правительства сказались въ нѣкоторыхъ реформахъ и въ образованіи цѣлаго ряда новыхъ комиссій. Финансовый совѣтъ былъ преобразованъ указомъ отъ 2 февраля 1803 года. Предсѣдательство въ *аудіенціяхъ* было по всей Испаніи предоставлено генералъ-губернаторамъ провинцій. Издана была *Novisima Recopilacion* (Мадридъ, 1805, 6 т. in-4), явившаяся для областей, гдѣ господствовало кастильское право, довольно удобнымъ, хотя и черезчуръ пространнымъ кодексомъ. Были приняты мѣры къ сокращенію числа судейскихъ чиновниковъ; отъ адвокатовъ, прокуроровъ и алгвазиловъ стали требовать извѣстныхъ гарантій пригодности къ службѣ; были извлечены изъ-подъ спуда старые указы, воспрещавшіе судьямъ принимать подарки и министерскимъ чиновникамъ—взимать незаконные сборы.

Уголовное уложеніе, уже и раньше весьма снисходительное, было еще значительно смягчено. Въ большихъ городахъ

возникли благотворительныя общества для поддержки арестантовъ. Князь мира чрезъ своихъ агентовъ обслѣдовалъ состояніе тюремъ и интересовался проектами тюремныхъ реформъ, которые были ему представлены.

Инквизиція сохраняла свое старое устройство, но благодаря гуманности Карла IV и либерализму его министровъ количество ея жертвъ было незначительно. Въ 1800 году была еще совершена одна заочная казнь; тайное преслѣдованіе возбуждалось противъ множества лицъ, но доводить его до конца инквизиція не рѣшалась. Она только воспротивилась допущенію евреевъ въ Испанію и, будучи принуждена отказаться отъ гоненія на людей, воздвигала гоненіе на книги. Ея Индексъ попрежнему запрещалъ чтеніе лучшихъ произведеній современной литературы; но общество успѣло уже настолько выросши умственно, что наканунѣ войны за независимость начали раздаваться голоса о необходимости пересмотра Индекса.

Армія и флотъ.—Военная мощь Испаніи несомнѣнно возросла въ царствованіе Карла IV. Правда, флотъ былъ сильно разстроенъ; но онъ съ честью принималъ участіе въ войнѣ противъ Франціи (1793—1795), сумѣлъ еще выставить нѣсколько крупныхъ эскадръ во время борьбы съ Англіей (1796—1802) и одно время, казалось, грозилъ подорвать успѣхъ Великобританіи (1805). При Карлѣ IV испанскій флотъ имѣлъ нѣсколько блестящихъ адмираловъ, каковы Гравина, Мазаредо, Галіано, Вальдесъ и Чуррука, герой Трафальгара. Онъ терпѣлъ недостатокъ только въ хорошихъ матросахъ, и особенно въ деньгахъ. Однако, еще и послѣ Трафальгарской битвы онъ насчитывалъ сорокъ два корабля, въ томъ числѣ восемь въ 100—114 орудій каждый, и тридцать фрегатовъ.

Армія была совершенно преобразована по образцу французской. Князь мира относился серьезно къ своему званію генералиссимуса. Онъ старался упорядочить систему набора, разрѣшилъ вступать въ армію на опредѣленный срокъ, увеличилъ жалованье, обезпечилъ отставныхъ офицеровъ пенсіей, организовалъ новые инвалидные батальоны и смягчилъ дисциплину. Онъ основалъ въ Заморѣ военное училище, создалъ превосходную по плану военно-санитарную организацію, далъ артиллеріи устройство, которое она сохранила частью до нашихъ дней, и основалъ инженерный корпусъ. Къ несчастію, Годою не удалось искоренить предубѣжденіе испанцевъ противъ военной службы; онъ принужденъ былъ наполнять полки ворами и бродягами; онъ не всегда могъ исправно уплачивать жалованье и былъ безсиленъ внести строгую законность въ систему производства. Онъ много работалъ надъ усовершенствованіемъ арміи, но не всегда съ должнымъ благоразуміемъ. Онъ нѣсколько разъ мѣнялъ форму обмундировки и распорядокъ полковъ, сначала уничтожилъ драгунскій корпусъ, потомъ возстановилъ, очень мало заботился объ обученіи офицеровъ, не создалъ генеральнаго штаба и не рѣшался перечить королю, который не желалъ слышать ни о маневрахъ, ни объ учебныхъ лагеряхъ. Испанская армія была лишена какъ теоретической выучки, такъ и боевого опыта. Несмотря на эту неудовлетворительную организацію, армія, насчитывавшая въ 1808 году 109.000 человѣкъ, благодаря трезвости, выносливости и храбрости солдатъ составляла внушительную силу, а съ войною въ ней быстро оживаетъ и боевой духъ.

Народное образованіе.—Князь мира ставилъ себѣ въ почетную обязанность поощрять искусства и науки. Въ 1807 году онъ предпринялъ общую реформу университетовъ, и хотя программа ихъ и послѣ того осталась крайне узкой, однако нельзя отрицать, что новая программа стояла выше старой. Небольшіе уни-

верситеты вродѣ Ирачскаго и Оньятскаго, были закрыты. Университеты, которые оказались бы не въ силахъ организовать полные курсы медицины и хирургіи, лишались права выдавать дипломы на званіе врача или хирурга. Богословскіе факультеты утрачиваютъ средневѣковый характеръ, который они сохраняли до сихъ поръ: въ нихъ вводится комментированіе Св. Писанія и учреждается каѳедра исторіи религій. На философскомъ факультетѣ видное мѣсто отводится точнымъ наукамъ: отнынѣ здѣсь преподаются алгебра и тригонометрія, физика, химія, естественная исторія. На медицинскомъ факультетѣ учреждаются каѳедры физіологіи и гигіены; при каѳедрѣ анатоміи учреждается должность прозектора. Юридическій факультетъ, болѣе враждебный духу новаго времени, принужденъ отвести больше мѣста національному праву и открыть свои двери политической экономіи; но для того, чтобы прослушать всѣ предметы, преподаваемые на факультетѣ, все еще требуется десять лѣтъ, и студентъ можетъ проходить не больше одного курса въ годъ. Преподаваніе попрежнему обращается почти исключительно къ памяти. Профессоръ комментируетъ учебное руководство, котораго не въ правѣ перемѣнить безъ разрѣшенія короля; студенты зубрятъ его изо всѣхъ силъ, а на экзаменѣ пишутъ сочиненіе, представляющее собою дословный пересказъ учебника. Однако законъ уже поощряетъ преподавателей къ составленію самостоятельныхъ руководствъ на латинскомъ языкѣ и обѣщаетъ тому, кто напишетъ хорошій учебникъ, благоволеніе короля. Каждое воскресенье происходятъ парадныя засѣданія и торжественные диспуты, столь излюбленные въ старыхъ испанскихъ университетахъ; но на философскомъ факультетѣ треть засѣданія уже должна быть посвящена математическимъ наукамъ. Эти паллiативныя реформы казались современникамъ революціонными; мелкіе университеты энергично протестовали противъ указа объ ихъ упраздненіи, и такъ велико было ихъ упорство, что еще въ 1808 году, во время поѣздки короля въ Байонну, т.-е. въ такую минуту, когда на карту была поставлена независимость націи, городъ Оньятъ послалъ депутатовъ привѣтствовать Фердинанда VII при его проѣздѣ и просить о возстановленіи своего университета.

Наиболѣе плодотворною оказалась реформа въ области медицинскаго образованія. Въ Мадридѣ преподаваніе медицины было организовано въ полномъ объемѣ. До 1801 года медицинскимъ вѣдомствомъ руководила верховная хунта трехъ соединенныхъ факультетовъ—медицинскаго, хирургическаго и фармацевтическаго. Между 1801 и 1804 гг. каждый ихъ этихъ трехъ факультетовъ пріобрѣлъ полную независимость. Врачи были подвѣдомствены высшей королевской медицинской хунтѣ; хирурги, дѣлившіеся на классическихъ (*latinos*) и новыхъ (*romancistas*), зависѣли отъ высшей хирургической хунты (*Protocirujanato*); фармацевты имѣли свою высшую фармацевтическую хунту, ветеринары — свою королевскую школу. Этимъ тщательно подобраннымъ и снабженнымъ обильными средствами корпораціямъ было ввѣрено руководство медицинскимъ образованіемъ и надзоръ надъ нимъ. Отнынѣ всякій, желавшій получить званіе лекаря, долженъ былъ по крайней мѣрѣ годъ слушать лекціи въ мадридской клиникѣ. Члены хунтъ командировались для инспекторскихъ объѣздовъ въ провинціи. Хирургамъ-цирульникамъ и сельскимъ лекарямъ безъ дипломовъ была еще временно разрѣшена практика, но они были обложены тяжелыми поборами, отъ которыхъ могли освободиться, выдержавъ практическій экзаменъ. Большіе успѣхи сдѣлало также обученіе повивальному искусству, что было крайне необходимо, судя по усиленнымъ жалобамъ городовъ на этотъ счетъ. Рядомъ съ коро-

левскими школами и университетами экономическія общества продолжали устраивать практическіе курсы обученія, часто весьма цѣнные, и всѣми средствами, какія были въ ихъ распоряженіи, поощрять промышленность и будить инициативу.

Литература. — Утилитарныя тенденціи этой эпохи мало благопріятствовали развитію литературы. Великіе, смѣлые прозаики предыдущей эпохи успѣли умереть или умолкли. Мы находимъ здѣсь лишь нѣсколько благозвучныхъ, но довольно безсодержательныхъ поэтовъ, писавшихъ не хуже и не лучше, нежели полагается людямъ, у которыхъ нѣтъ ничего новаго сказать. Стиховъ Гаспара де Норонья и Сіенфуэгоса теперь никто не станетъ читать. Иглесіасъ де ла Каса съ успѣхомъ подражалъ манерѣ Кеведо. Діего Гонзалецъ подражалъ Фр.-Луи де Леонъ. Можетъ быть, одинъ только Кинтана въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ, каковы *Склепъ Эскуріала* (1805) и *Призывъ къ оружію* (1806), исторгъ у музы дѣйствительно сильные, поэтическіе звуки. Его драмы *Герцогъ Визейскій* и *Пелагій* нѣсколько забыты. Театръ былъ чрезвычайно въ модѣ, но пристрастіе публики дѣлилось между итальянской оперой и національными *саинетами*, да еще и нельзя сказать съ увѣренностью, не предпочитала ли она танцы и пѣсни всему прочему: по крайней мѣрѣ, *minue afandangado* привлекалъ больше зрителей, чѣмъ наиболѣе тщательно отдѣланныя пьесы. Старое испанское искусство умерло, подражательная литература интересовала только книжныхъ людей, первые симптомы новаго искусства едва начали появляться, а цензура была такъ строга, что никакое истинно-оригинальное произведеніе не могло увидѣть сцены. Привычки общества дѣлали литературную революцію невозможной безъ предварительной политической революціи.

Португалія.—Португалія пала еще ниже Испаніи. Здѣсь мы тщетно стали-бы искать той малочисленной, но доблестной плеяды благородныхъ дѣятелей, какая существовала въ Испаніи. Народъ прозябалъ въ невѣжествѣ и нищетѣ. Знать была бездѣятельна и развратна, духовенство безнравственно и суевѣрно. Принцъ-регентъ въ ипохондрической праздности бродилъ по своему дворцу, заложивъ руки въ карманы, и безучастно смотрѣлъ на разложеніе своего государства. Онъ признавался англичанину Бекфорду, что королевство находится въ рукахъ монаховъ и что половина этихъ монаховъ совершенно потеряла разсудокъ. Его супруга, принцесса Карлотта-Іоакина, жила въ своей очаровательной виллѣ Келюсъ среди своихъ статсъ-дамъ, пѣвицъ и андалузскихъ танцовщицъ. Безумная королева Марія переходила отъ подавленности къ ужасу и издавала потрясающіе крики, когда ей являлся образъ ея обугленнаго отца на пьедесталѣ изъ раскаленнаго желѣза, окруженный сонмомъ демоновъ.

Вся политика регента сводилась къ тому, чтобы противодѣйствовать вторженію французскихъ идей въ королевство. Лиссабонская полиція, въ главѣ которой стоялъ интендантъ Пина Манрикецу, представляла собою настоящую политическую инквизицію; на ея обязанности лежало отыскивать и конфисковать запрещенныя книги, выслѣживать якобинцевъ, франкъ-масоновъ и подозрительныхъ лицъ. Робеспьеръ былъ для интенданта первымъ антихристомъ, Наполеонъ вторымъ: именно его непобѣдимымъ воинствамъ предназначено разрушить міръ.

Однако, несмотря на усилія полиціи, новыя идеи все болѣе проникали въ народъ. Книгопродавецъ Борель продалъ въ Лиссабонѣ 12.000 экземпляровъ французской конституціи 1791 года. Негоціанты, французскіе эмигранты, консулы Соединенныхъ Штатовъ, Швеціи и даже Австріи пропагандировали революцію. Въ Мадерѣ открылась масонская ложа. Герцогъ Лафоэсъ собиралъ неофитовъ въ своемъ соб-

ственномъ домѣ. Его любимецъ, аббатъ Коррейа да Серра, неутомимо распространялъ крамольныя рукописи; интендантъ полиціи считалъ его опаснѣйшимъ изъ подстрекателей.

Въ подобномъ обществѣ литература не могла цвѣсти пышнымъ цвѣтомъ. *Новая Аркадія*, основанная въ 1790 году, наполнялась произведеніями посредственныхъ поэтовъ, называвшихъ въ своихъ сонетахъ ножки дамы „снѣговыми ящерами", а ея черные глаза „фигами дьявола". Двое писателей, не лишенныхъ дарованія, Раттонъ и Бокажъ, подвергались преслѣдованіямъ со стороны инквизиціи. Болѣе плодотворна была дѣятельность бразильской *Заморской академіи*. Въ провинціи Минасъ Гераэсъ возникла цѣлая поэтическая школа (*os mineiros*), подготовлявшая своими національными пѣснями освобожденіе страны.

За упадокъ, въ которомъ находилась ихъ родина, португальцы были вознаграждены тѣми выгодами, какія доставляло имъ ея нейтральное положеніе. Лиссабонъ служилъ передаточнымъ пунктомъ для испанской и частью европейской торговли. Ежегодно по Таго ввозилось 140.000 кипъ хлопка. Старыхъ магазиновъ уже не хватало для храненія товаровъ, и на площадяхъ и набережныхъ понастроили новыхъ амбаровъ. Городъ разросся и пріукрасился. Въ ходъ пошла поговорка: „Португалія мала, но въ ней текутъ медовыя рѣки!"

Регентъ ничего не жалѣлъ для сохраненія этого благодатнаго нейтралитета. Въ 1801 году онъ купилъ миръ у Бонапарта за 20 милл. франковъ; для уплаты ихъ пришлось заключить заемъ въ Голландіи, заложить коронные брилліанты, обложить сборами дворянство и духовенство, наложить руку на имущества безвѣстно отсутствующихъ и сиротъ, изъять всю звонкую монету и пустить въ обращеніе бумажныя деньги. Въ 1803 году регентъ предложилъ Франціи ежемѣсячную субсидію въ милліонъ франковъ. Былъ сокращенъ расходъ на армію, ея составъ уменьшенъ, и возникъ даже планъ сохранить лишь то количество солдатъ, которое было необходимо для поддержанія порядка внутри королевства. Повидимому, никто не предвидѣлъ опасностей, угрожавшихъ Португаліи, когда стало извѣстно, что Наполеонъ отказался допустить португальскихъ уполномоченныхъ къ участію въ тильзитскихъ переговорахъ

III.—Война за независимость.

Возстаніе въ Испаніи; капитуляція Байлена (1808).—При первомъ же извѣстіи о байоннскихъ событіяхъ Испанія поняла, что Наполеонъ дурачилъ ея королей и издѣвался надъ нею. Возмущенное національное чувство не хотѣло примириться съ совершившимся фактомъ. Въ Валенсіи, Кадиксѣ, Бадахозѣ и Тортозѣ вспыхнули необыкновенно страстныя народныя возстанія, сопровождаемыя криками: „смерть французамъ!" 26 мая провинціальная хунта Овіедо вступила въ сношенія съ англичанами. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль Испанія вооружила 150.000 человѣкъ, раздѣленныя на астурійскую, галисійскую, кастильскую, эстрамадурскую, валенсійскую, мурсійскую и арагонскую арміи. Правда, онѣ представляли собою не что иное, какъ нестройныя полчища мятежныхъ крестьянъ и ремесленниковъ, обрамленныя нѣсколькими отрядами милиціи и нѣсколькими полками регулярной арміи; но всѣ онѣ были одушевлены однимъ чувствомъ, и командовали ими энергичные вожди, какъ Куэста, Кастаньосъ и Палафоксъ.

Жозефъ долженъ былъ проложить себѣ путь въ Мадридъ. Генералы Вердье и Лассаль оттѣснили мятежниковъ при его проѣздѣ чрезъ Логроньо и Торкемаду. Вальядолидъ пытался задержать французовъ, но его защитники были разбиты при Понтъ де Кабезонъ. 14 іюля

1808 года Бессьеръ при Медина дель Ріо-Секо одержалъ побѣду надъ соединенными арміями—галисійской и кастильской; результатомъ этой побѣды было подчиненіе Леона и Заморы. Испанцы потеряли здѣсь 4—5.000 человѣкъ и всѣ свои орудія. 20 іюля Жозефъ вступилъ въ Мадридъ. Съ минуты на минуту ждали извѣстія о вступленіи Дюпона въ Севилью и Монсея въ Валенсію. Мадридская знать явилась съ поздравленіями къ Жозефу. Казалось, Испанія готова подчиниться, какъ вдругъ 23 іюля получено было извѣстіе о капитуляціи Дюпона въ Байленѣ.

Дюпонъ дѣйствительно въ концѣ мая перешелъ Сіерру-Морену и съ 9.000 человѣкъ направился къ Севильѣ. Кордова пыталась противостоять ему, но 7 іюня онъ вступилъ въ городъ и предалъ его грабежу. Затѣмъ, не получая подкрѣпленій и угрожаемый спереди хаэнскими инсургентами, сзади—севильскими, онъ рѣшился отступить и 18 іюня расположился въ Андухарѣ, у входа въ тѣснины Сіерры-Морены. Ошибка его заключалась въ томъ, что онъ оставался здѣсь цѣлый мѣсяцъ, хотя зналъ изъ донесеній генерала Веделя, что Ла-Манча поголовно охвачена возстаніемъ. 15 іюля первыя колонны севильской арміи подступили къ Андухару. Дюпонъ и теперь еще не желалъ уходить и только отрядилъ часть своего войска къ сѣверу, чтобы занять тѣснины и обезпечить сообщеніе съ Ла-Манчой. Испанскій генералъ Редингъ опередилъ его и овладѣлъ Байленомъ, занявъ такимъ образомъ позицію между Дюпономъ и Веделемъ. Дюпонъ разсчитывалъ сокрушить испанцевъ и соединиться съ Веделемъ въ Ла-Манчѣ, но, будучи всего болѣе озабоченъ желаніемъ сохранить свою военную добычу, пустилъ впереди своихъ колоннъ громадный обозъ. Редингъ имѣлъ возможность не спѣша приготовиться къ оборонѣ; французскіе полки подходили одинъ вслѣдъ за другимъ, и въ моментъ рѣшительной атаки они оказались слишкомъ утомленными, чтобы идти на приступъ. Дюпону не удалось прорвать боевую линію Рединга, а вслѣдъ затѣмъ на него съ тыла ударилъ Кастаньосъ. Онъ запросилъ перемирія. Пока онъ велъ переговоры, Ведель, подоспѣвшій на выручку къ нему, атаковалъ Рединга и захватилъ у него два орудія и 1.100 человѣкъ плѣнными. Онъ стоялъ теперь на разстояніи двухъ миль отъ французской линіи; еще одно усиліе, и оба французскихъ войска соединились бы, и путь въ Ла-Манчу былъ бы открытъ. Но Дюпонъ отказался сдѣлать это усиліе. Онъ послалъ Веделю приказъ вернуть испанцамъ отнятыхъ имъ у нихъ плѣнныхъ и отступить къ сѣверу. Но Кастаньосъ воспользовался плачевнымъ положеніемъ Дюпона и потребовалъ, чтобы Ведель былъ включенъ въ капитуляцію, грозя истребить всю дивизію Дюпона, если Ведель не сдастся. 23 іюля оба генерала капитулировали подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они сами и ихъ войска были доставлены во Францію. Хунта отказалась признать капитуляцію и отправила плѣнниковъ сначала на понтоны въ Кадиксъ затѣмъ на островъ Кабреру. Изъ 17.000 человѣкъ, сдавшихся въ Байленѣ, только 3.000 вернулись во Францію, послѣ шестилѣтнихъ страданій и притѣсненій.

Еще болѣе пагубны были моральныя послѣдствія этого событія. Французы болѣе не считались непобѣдимыми; испанскіе патріоты воспрянули духомъ, многіе изъ тѣхъ, кто вначалѣ сталъ на сторону Жозефа, отступились отъ него, и онъ принужденъ былъ покинуть свою столицу спустя восемь дней послѣ вступленія въ нее. Почти въ то же время сдѣлалось извѣстнымъ, что графъ Ла Романа, командовавшій испанскимъ корпусомъ въ 10.000 человѣкъ на островѣ Зеландѣ, отплылъ въ Испанію на судахъ англійской эскадры. Жозефъ отступилъ до Эбро и писалъ Наполеону: „Чтобы усмирить

Испанію, необходимы три активныя арміи въ 50.000 человѣкъ и другія 50.000 для охраны путей сообщенія. Для покоренія Испаніи нужны громадныя средства; эта страна и этотъ народъ не похожи ни на какія другія; здѣсь нельзя достать ни лазутчика, ни курьера".

Сами министры Жозефа признавали завоеваніе Испаніи невозможнымъ. Они полагали, что Жозефъ можетъ сохранить свой тронъ, если предложитъ инсургентамъ сепаратный миръ съ Англіей, присоединеніе Португаліи къ Испаніи и уплату Франціей военныхъ издержекъ. Но этотъ планъ шелъ совершенно въ разрѣзъ съ замыслами Наполеона. Послѣ перваго взрыва бѣшенства противъ Дюпона онъ рѣшилъ вернуть оружіемъ все потерянное и писалъ брату (31 іюля): „Я обрѣту въ Испаніи Геркулесовы столпы, но не границы моей власти". При данныхъ обстоятельствахъ отступленіе было для Наполеона невозможно.

Капитуляція Синтры (1808).—Августъ мѣсяцъ былъ ознаменованъ новой катастрофой. Жюно съ ноября 1807 года занималъ Португалію съ корпусомъ менѣе, чѣмъ въ 20.000 человѣкъ; теперь англичане рѣшили отправить войско въ Португалію, и при вѣсти объ этой поддержкѣ вся страна возстала. Въ Порто образовалось временное правительство подъ предсѣдательствомъ архіепископа, которое сформировало армію и призвало въ ополченіе всѣхъ способныхъ носить оружіе. Французскія войска сначала легко одолѣли португальскихъ мятежниковъ; но 6 августа 1808 года Артуръ Уэльслей высадился въ устьѣ Мондего. Два дня спустя къ нему присоединился Брентъ-Спенсеръ, и оба англійскихъ полководца съ 18.000 человѣкъ двинулись на Лиссабонъ. Жюно могъ противопоставить имъ только 12.000. Давъ имъ битву 21 августа у Вимейро, онъ принужденъ былъ отступить къ Торресъ-Ведрасу и нѣсколько дней спустя подписалъ соглашеніе въ Синтрѣ. Англичане оказались добросовѣстнѣе испанцевъ: во исполненіе договора они перевезли Жюно и его солдатъ во Францію.

Походъ Наполеона въ Испанію (1808—1809). — Теперь, послѣ двухъ тяжелыхъ неудачъ при Байленѣ и Синтрѣ, Наполеонъ не хотѣлъ зарываться вглубь Испаніи, не обезпечивъ себя предварительно со стороны Россіи: этимъ было обусловлено эрфуртское свиданіе [1]).

Устранивъ всякую опасность съ сѣвера, Наполеонъ снова перевелъ свою армію чрезъ Пиренеи, между тѣмъ какъ Жозефъ держался въ Виторіи, имѣя свое правое крыло въ Бильбао и лѣвое въ Логроньо. 5 ноября 1808 года Наполеонъ прибылъ въ Виторію. Онъ тотчасъ перешелъ въ наступленіе съ 180.000 человѣкъ, раздѣленными на 6 корпусовъ; императорская гвардія въ 34.000 человѣкъ подъ начальствомъ Бессьера составляла резервъ. Движеніе Наполеона было ознаменовано рядомъ побѣдъ: маршалъ Лефевръ 11 ноября разбилъ галисійскую армію при Эспиносѣ, а Сультъ преслѣдовалъ ее до Сантандера, куда и вступилъ 16 ноября. Побѣда при Туделѣ (23 ноября) заставила андалузскую армію отступить сначала къ Сарагоссѣ, потомъ къ Калатайуду и Гвадалахарѣ. Вступивъ въ Бургосъ послѣ незначительнаго сраженія, Наполеонъ 30 ноября достигъ подошвы ущелья Сомо-Сіерры, гдѣ его ждалъ донъ Бенито Санъ-Хуанъ съ 20.000 человѣкъ. Батарея въ 12 орудій обстрѣливала дорогу вдоль, такъ что пройти, казалось, не было никакой возможности. Императоръ велѣлъ своимъ польскимъ уланамъ взять батарею приступомъ. Испанская армія пришла въ разстройство, бѣжала до Талаверы и убила своего генерала. 2 декабря Наполеонъ сталъ лагеремъ въ виду Мадрида на высотахъ Чамартина. Населеніе Мадрида, подкрѣплен-

---

[1]) См. выше стр. 94.

ное 40.000 вооруженныхъ крестьянъ, хотѣло защищаться, но зажиточный классъ предпочелъ вступить въ переговоры; губернаторъ Мадрида, маркизъ Кастеларъ, испросилъ перемиріе. Такъ какъ переговоры шли слишкомъ медленно, то Наполеонъ 4 декабря, въ 10 часовъ утра, взялъ штурмомъ Ретиро. Въ 5 часовъ вечера генералъ Морла и донъ Бернардо Иріарте явились въ императорскій лагерь. Наполеонъ далъ имъ срокъ для сдачи до 6 часовъ утра. Въ теченіе ночи Кастеларъ эвакуировалъ городъ; на слѣдующій день, 5 декабря, въ 10 часовъ утра, его занялъ генералъ Бельяръ. Со дня прибытія Наполеона въ Испанію прошелъ всего мѣсяцъ.

Императоръ былъ недоволенъ Жозефомъ и считалъ, что самый фактъ возстанія испанцевъ освободилъ его отъ обязанности исполнить данныя имъ обѣщанія. Одно время онъ намѣревался взять прямо въ свои руки управленіе Испаніей, которую хотѣлъ раздѣлить на нѣсколько большихъ военныхъ областей; Жозефъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ стать королемъ Италіи. Однако онъ раздумалъ и снова предложилъ оставить королевство неприкосновеннымъ, если Испанія согласится признать Жозефа. Обитатели Мадрида предъ Святыми Дарами присягнули на вѣрность королю. Наполеонъ обѣщалъ амнистію всѣмъ, кто въ мѣсячный срокъ сложитъ оружіе, упразднилъ Кастильскій Совѣтъ, инквизицію, феодальныя права, областныя таможни и двѣ трети монастырей. Депутація изъ виднѣйшихъ гражданъ Мадрида во главѣ съ коррехидоромъ явилась благодарить императора за его милосердіе, и даже Жозефу при его вступленіи въ столицу (22 января 1809) былъ оказанъ „подобающій пріемъ".

Наполеонъ думалъ, что, занявъ Мадридъ, онъ сломилъ сопротивленіе Испаніи; но ея завоеваніе еще далеко не было кончено. Англійскіе генералы Бэрдъ и Муръ находились въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Мадрида; въ Сарагоссѣ по прежнему господствовалъ Палафоксъ; Венегасъ и Инфантадо продолжали партизанскую войну въ Ла-Манчѣ; Куэста и Галіуцо занимали нижнее теченіе Таго; Ла Романа стоялъ въ Галисіи, Бальестеросъ— въ Астуріи. 1 января 1809 года севильская хунта обратилась съ протестомъ ко всѣмъ европейскимъ націямъ. Она снова созвала ополченіе, и англичане снабдили ее деньгами, оружіемъ и одеждой. Провинціи, занятыя французами, были наводнены партизанскими шайками, которыя вскорѣ освоились съ военной техникой и сдѣлались опаснымъ противникомъ.

Оставивъ Жозефу 30.000 человѣкъ, Наполеонъ бросился въ погоню за англичанами (22 января). Дойдя до Асторги, онъ передалъ командованіе арміей Сульту и вернулся во Францію.

Первая кампанія маршаловъ Наполеона (1809).—Сультъ настигъ англійскій арріергардъ 3 февраля. Муръ прошелъ со своимъ войскомъ 25 миль въ два дня, прибылъ въ Коронью 10 февраля и, давъ сраженіе подъ стѣнами города, успѣлъ 18-го отплыть домой. Французы вступили въ Коронью и въ Ферроль, гдѣ нашли болѣе 1.500 пушекъ. Вся сѣверо-восточная Испанія изъявила покорность Жозефу. Тѣмъ временемъ Венегасъ былъ разбитъ при Уклесѣ (13 января), а маршалъ Ланнъ энергично велъ осаду Сарагоссы. Городъ капитулировалъ 30 февраля послѣ героическаго сопротивленія, стоившаго жизни 40.000 человѣкъ.

Плодъ этихъ побѣдъ едва не былъ почти тотчасъ-же утраченъ. Жозефъ, номинально стоявшій во главѣ арміи, не имѣлъ никакого вѣса въ глазахъ полководцевъ своего брата, начальникъ его штаба Журданъ импонировалъ имъ не многимъ болѣе. Сультъ и Ней ненавидѣли другъ друга, а отъѣздъ Наполеона лишилъ командованіе всякаго единства. Онъ увезъ съ собою и гвардію.

Сульту поручено было вторгнуться въ

Португалію. Онъ вступилъ въ нее 24 февраля 1809 года, разбилъ съ 20.000 человѣкъ 45.000 португальцевъ подъ стѣнами Опорто, отнялъ у нихъ 197 орудій и проникъ въ городъ (29 марта). Но имѣя мало боевыхъ запасовъ и безпокоясь за цѣлость своихъ сообщеній, онъ не рѣшался идти далѣе. Уэльслей 22 апрѣля высадился въ Лиссабонѣ, 12 мая отнялъ Опорто у Сульта и отбросилъ его въ Галисію, затѣмъ въ Леонъ. Отступленіе Сульта заставило Нея эвакуировать Галисію (іюль).

Маршалъ Викторъ долженъ былъ ждать въ Кастиліи, пока Сультъ вступитъ въ Лиссабонъ, и тогда вторгнуться въ Андалузію. Онъ оттѣснилъ Куэсту къ португальской границѣ и разбилъ его у Меделлина въ тотъ самый день, когда Себастіани разбилъ Картохаля у Сіудадъ-Реаля (28 марта).

Эта двойная неудача—Сульта въ Португаліи и Нея въ Галисіи—заставила Виктора и Себастіани повернуть назадъ къ Мадриду, къ которому вскорѣ затѣмъ подступили 70.000 испанцевъ и англо-португальское войско въ 28.000 человѣкъ подъ начальствомъ Уэльслея и Бересфорда. Оба французскихъ маршала могли противопоставить непріятелю только 32.000 чел. Жозефъ призвалъ Сульта къ себѣ на помощь, оставилъ Бельяра въ Мадридѣ всего съ 4.000 человѣкъ и 28 іюля у Талаверы далъ сраженіе арміямъ Уэльслея и Куэсты. Бой былъ крайне кровопролитнымъ, стоилъ французамъ 7.000 чел. и остался нерѣшеннымъ; но приближеніе Сульта заставило англичанъ отступить. Мортье настигъ Куэсту у Пуэнте дель Арцобиспо, обратилъ его въ бѣгство и отнялъ у него 30 орудій (8 августа). Жозефъ и Викторъ, избавившись отъ Куэсты, двинулись на Венегаса, разбили его у Альмонасида (11 августа) и заставили его повернуть къ Сіеррѣ-Моренѣ. 15 августа Жозефъ вернулся въ Мадридъ и отслужилъ благодарственное молебствіе въ San-Isidro. Армія до крайности нуждалась въ отдыхѣ, обозъ былъ разстроенъ, артиллерія лишена коней, конница недостаточна, полкъ не всегда могъ выставить въ бой 250 всадниковъ.

Побѣды Наполеона въ Австріи и Вѣнскій миръ не обезкуражили испанцевъ. Севильская хунта преобразовала армію, разбитую при Альмонасидѣ, увеличила ея составъ до 50.000 человѣкъ и, вручивъ начальство надъ нею генералу Аризагѣ, приказала ему идти на Мадридъ. 18 ноября произошло сраженіе при Оканьѣ, гдѣ испанцы потеряли 20.000 убитыми и ранеными и 50 орудій. Мѣсяцемъ раньше (18 октября) герцогъ дель Парке былъ разбитъ при Тамамесѣ, а 28 ноября онъ же былъ вторично разбитъ при Альба де Тормесъ. Испанскія войска очистили Кастилію до Сіерры-Морены.

Въ Арагоніи Блэкъ былъ разбитъ генераломъ Сюшэ предъ Сарагоссой (15 іюня). Въ Каталоніи испанцы въ сраженіи при Молинъ дель Рей потеряли 50 орудій, и Редингъ, руководившій сопротивленіемъ, принужденъ былъ отступить въ Таррагону.

Кампанія 1810 года: Испанія почти покорена.—Онъ выступилъ оттуда лишь для того, чтобы быть разбитымъ у Валлса (25 февраля 1810). Такимъ образомъ новый годъ начался при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ для французовъ и обѣщалъ закончить кампанію. Наполеонъ прислалъ подкрѣпленій: теперь можно было предпринять крупныя операціи. Жозефу слѣдовало бы постараться прежде всего прогнать изъ Португаліи Уэльслея, ставшаго въ промежуткѣ лордомъ Веллингтономъ, дождаться подчиненія Валенсіи и только послѣ этого двинуться въ Андалузію. Но завоеваніе Андалузіи было болѣе легкимъ дѣломъ; при томъ разсчитывали, что занятіе этой обширной провинціи непосредственно приведетъ къ миру. Наполеонъ, къ которому Жозефъ обратился за совѣтомъ, отвѣчалъ уклон-

чиво. 9 января 1810 года Жозефъ оставилъ Мадридъ и съ 60.000 человѣкъ двинулся въ Андалузію. Переходъ чрезъ тѣснины Деспенья-Перросъ былъ форсированъ въ пять часовъ (20 января). 26-го король вступилъ въ Кордову, 1-го февраля—въ Севилью. Себастіани овладѣлъ Хаэномъ, Гренадой и Малагой. Но французы сдѣлали ошибку, не поспѣшивъ занять Кадиксъ: герцогъ Альбукерке вступилъ сюда съ превосходнымъ войскомъ въ 9.000 человѣкъ за день до прибытія маршала Виктора въ Чиклану. Эта тяжелая ошибка повліяла на весь ходъ кампаніи. Кадиксъ, хорошо защищенный своей позиціей, своимъ гарнизономъ и англійской эскадрой, сдѣлался неприступнымъ убѣжищемъ для испанскаго національнаго правительства. Сультъ удовольствовался блокадой города и не сдѣлалъ ни одной серьезной попытки овладѣть имъ.

Французы надѣялись, что паденіе Севильи повлечетъ за собою подчиненіе всей южной Испаніи; но Бадахозъ и Валенсія отказались открыть свои ворота, и *Верховная хунта*, собравшаяся на островѣ Леонѣ, назначила регентство и выразила рѣшимость продолжать борьбу съ удвоенной энергіей.

Тѣмъ не менѣе завоеваніе Андалузіи произвело глубокое впечатлѣніе. Робкіе и нерѣшительные отказались отъ всякой надежды, и Жозефъ, предпринявшій объѣздъ главныхъ городовъ Андалузіи, встрѣтилъ здѣсь почти восторженный пріемъ. Быть можетъ, никогда планъ Наполеона не былъ болѣе близокъ къ осуществленію. Испанія была занята 270 тысячами человѣкъ. Не покорились французамъ только Галисія, Валенсія, Сіудадъ-Родриго, Бадахозъ и Кадиксъ.

Военный режимъ въ Испаніи (1810). — Этотъ моментъ Наполеонъ избралъ для того, чтобы нанести испанскому народу новое оскорбленіе, доведшее до пароксизма негодованіе всѣхъ патріотовъ. Указомъ отъ 8 февраля 1810 года императоръ раздѣлилъ Испанію на семь большихъ военныхъ губерній, вполнѣ независимыхъ одна отъ другой. Генералъ-губернаторы сосредоточивали въ своихъ рукахъ всю гражданскую власть; они собирали налоги, расходовали ихъ на нужды провинціи, назначали и смѣщали чиновниковъ и несли отвѣтственность только предъ императоромъ. Губернаторами были назначены: Ожеро въ Каталоніи, Сюшэ въ Арагоніи, Дюфуръ въ Наваррѣ, Тувенэ въ Васконгадѣ, Дорсеннъ въ Бургосѣ, Келлерманъ въ Вальядолидѣ и Сультъ въ Андалузіи; король Жозефъ, власть котораго распространялась теперь на одну только Новую Кастилію, являлся, по его собственному выраженію, ничѣмъ инымъ, какъ „привратникомъ мадридскихъ больницъ“. Жозефъ отправилъ въ Парижъ д'Азара. Императоръ ограничился тѣмъ, что уполномочилъ своего брата вступить въ переговоры съ кортесами, только - что созванными регентствомъ въ Кадиксѣ. Если кортесы согласятся признать Жозефа, Наполеонъ обѣщалъ сохранить испанскую монархію въ неприкосновенномъ видѣ; въ противномъ случаѣ онъ считалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ своихъ обѣщаній и намѣренъ былъ руководиться единственно интересами Франціи.

Это новое рѣшеніе Наполеона вывело изъ себя испанскихъ патріотовъ. Національное правительство удвоило свои усилія, и Англія могла теперь подстрекать Европу противъ Франціи новымъ и весьма вѣскимъ доводомъ—именно указаніемъ на желаніе Наполеона присоединить Испанію къ своей монархіи. Вымогательства генераловъ и грабежи низшихъ офицеровъ доводили до отчаянія населеніе покоренныхъ областей, въ которыхъ и началась непрерывная партизанская война. Мина въ Наваррѣ, Лонга въ Бискайѣ, Порлье въ Астуріи, Мендизабаль въ Верхней Арагоніи, Донъ Хуліанъ въ Старой Кастиліи, Эмпесинадо и Медико въ Но-

вой организовали грозные партизанскіе отряды, борьба съ которыми постепенно истощала энергію французовъ. Это была безпощадная борьба, сопровождаемая ужасными звѣрствами съ обѣихъ сторонъ; война приняла ожесточенный характеръ.

Продолженіе кампаніи 1810 года: Торресъ-Ведрасъ.—Покоривъ Андалузію, Наполеонъ рѣшилъ прогнать англичанъ изъ Лиссабона. Командованіе 60.000-ной арміей, предназначенной для Португаліи, было ввѣрено Массенѣ. Друэ д'Эрлонъ долженъ былъ присоединиться къ нему съ 20.000 человѣкъ, а въ тылу его долженъ былъ занимать страну корпусъ молодой гвардіи также въ 20.000 человѣкъ. Веллингтонъ располагалъ 30.000 англичанъ, 40.000 португальцевъ подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ, и португальской милиціей. Былъ изданъ указъ, предписывавшій подъ страхомъ смерти всѣмъ португальцамъ безъ различія возраста и пола покидать свои жилища при приближеніи французовъ и уносить съ собою или истреблять все, чѣмъ послѣдніе могли бы воспользоваться. Такимъ образомъ Массенѣ, находившемуся въ большихъ неладахъ съ маршаломъ Неемъ, предстояло дѣйствовать въ бездорожной и опустошенной странѣ противъ врага многочисленнаго, обильно снабженнаго провіантомъ и твердо рѣшившагося оказать отчаянное сопротивленіе.

Первой операціей кампаніи была осада Сіудадъ-Родриго. Траншея была открыта 15 іюня 1810 года, а 19 іюля городъ сдался послѣ двадцатичетырехъ-дневной бомбардировки. Осада Альмейды длилась съ 24 іюля по 26 августа. Въ Визеу Массена могъ прибыть лишь 19 сентября. 27-го онъ атаковалъ Веллингтона въ грозной позиціи у Бусако, откуда не сумѣлъ его выбить; но, опасаясь обхода, Веллингтонъ на слѣдующій день отступилъ къ линіи Торресъ-Ведрасъ, которую заранѣе укрѣпилъ. Между Таго и моремъ тянулись три ряда редутовъ, въ которыхъ насчитывалось 168 батарей съ 383 орудіями. Массена простоялъ въ виду непріятеля до 13 ноября, тщетно ожидая обѣщанныхъ подкрѣпленій. Генералъ Фуа былъ посланъ въ Парижъ просить новыхъ войскъ, но Наполеонъ рѣшительно отказалъ. 13 ноября Массена повернулъ къ Сантарему, чтобы расположить свою армію въ странѣ не столь истощенной; Веллингтонъ послѣдовалъ за нимъ и перевелъ часть своихъ силъ на лѣвый берегъ Таго.

Кампанія 1811 года: Фуэнтесъ-де-Оноро; Арапилы.—Получи Массена подкрѣпленія, онъ могъ бы успѣшно атаковать ослабленнаго Веллингтона; будь у него понтоны, онъ могъ бы перейти чрезъ Таго, но онъ не получилъ ни подкрѣпленій, ни понтоновъ. Сультъ, завидовавшій ему, ограничился тѣмъ, что осадилъ Бадахозъ. 6 марта 1811 года Массена началъ отступленіе къ испанской границѣ. Оно было сопряжено съ большими трудностями. Маршалъ Ней покрылъ себя славой при Редингѣ, гдѣ съ одной дивизіей и конницей и шестью орудіями въ теченіе нѣсколькихъ часовъ давалъ отпоръ 30.000 англичанъ. 8 апрѣля вся армія обратно перешла испанскую границу; за французами изъ всѣхъ ихъ завоеваній въ Португаліи оставалась одна только крѣпость Альмейда. Ее осадили 20.000 англичанъ. Массена рѣшилъ идти къ ней на выручку; 5 мая 1811 года онъ далъ сраженіе англичанамъ у Фуэнтесъ-де-Оноро, но не сумѣлъ вытѣснить ихъ изъ ихъ позицій. Генералъ Бренье, командовавшій крѣпостью, взорвалъ ее и соединился съ генераломъ Рейнье въ Санъ-Феличе. 10 мая командующимъ португальскимъ корпусомъ вмѣсто Массены былъ назначенъ Мармонъ. Экспедиція, на которую было возложено столько надеждъ, кончилась полной неудачей.

Въ Испаніи положеніе оставалось неизмѣннымъ. Пока шла война въ Португаліи, Сультъ разбилъ Бальестероса у

Кастилехосъ и овладѣлъ Оливенцой и Бадахозомъ (11 марта 1811). Но 4 апрѣля Оливенцу заняли англичане, приступившіе вслѣдъ затѣмъ и къ осадѣ Бадахоза. 5 марта корпусъ, блокировавшій Кадиксъ, подвергся у Чикланы нападенію 22.000-наго войска и не сумѣлъ помѣшать англичанамъ утвердиться на островѣ Леонѣ. Желая выручить Бадахозъ, Сультъ далъ Бересфорду сраженіе при Альбуэрѣ (16 мая), оставшееся нерѣшеннымъ, и долженъ былъ отступить къ Льеренѣ. Въ іюнѣ на помощь къ нему пришелъ Мармонъ и, кромѣ того, Друэ де'Эрлонъ привелъ къ нему 7—8.000 человѣкъ. Теперь португальскій и андалузскій корпусы могли бы соединенными силами ударить на Веллингтона, но оба маршала завидовали другъ другу и раздѣлились, ничего не сдѣлавъ. Сультъ двинулся обратно въ Андалузію и спасъ Севилью, которой грозили два корпуса испанской арміи. Блэкъ, разбитый у Базы, былъ оттѣсненъ до Валенсіи; Бальестеросъ долженъ былъ отступить почти до Гибралтара. Эти успѣхи были парализованы Гиллемъ и Кастаньосомъ, которые врасплохъ напали на генерала Жерара у Арройо-Молиносъ (26 октября) и перерѣзали сообщеніе между южной арміей и португальскимъ корпусомъ. Мармонъ сумѣлъ только защитить Сіудадъ-Родриго противъ нападенія со стороны англичанъ, отказался принять бой, который предложилъ ему Веллингтонъ у Фуэнте Гинальдо, и оставилъ всѣ свои осадные матеріалы въ Сіудадъ-Родриго, что было большой ошибкой, такъ какъ эта первоклассная крѣпость должна была раньше всего навлечь на себя удары врага.

Въ то время, какъ на западѣ и югѣ французы съ трудомъ удерживали за собою завоеванныя области, Сюшэ дѣлалъ большіе успѣхи въ Каталоніи. Таррагона, осажденная 4 мая, была взята 28 іюня 1811 года и доставила французамъ 9.700 плѣнныхъ и 384 орудія. Отсюда Сюшэ двинулся на Валенсію, взялъ послѣдовательно форты Оропесу и Сагонтъ, разбилъ въ двухъ схваткахъ генерала Блэка, защищавшаго Валенсію, и 10 января 1812 года вступилъ въ городъ. Императоръ пожаловалъ ему званіе маршала и титулъ герцога Альбуферскаго и наградилъ его роскошными помѣстьями въ Валенсіи, присоединивъ къ его громадному домену земель болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ годового дохода, и тѣмъ лишній разъ доказавъ, что его цѣль—раздѣлъ Испаніи.

Кампанія 1812 года. —Уже въ началѣ 1812 года легко было замѣтить, что французы утомлены войной. Въ Мадридѣ царилъ голодъ: хлѣбъ стоилъ по 30 су за фунтъ; португальскій корпусъ долженъ былъ разсѣяться, чтобы найти себѣ пропитаніе; блокаду Кадикса сами солдаты называли „вѣчной"; французскихъ войскъ едва хватало на оккупацію завоеванныхъ пунктовъ, и они всюду принуждены были ограничиваться обороной. Веллингтонъ, которому удалось удержаться въ Португаліи, понялъ, что наступилъ моментъ, когда онъ можетъ перейти въ наступленіе. Пользуясь тѣмъ, что Мармонъ былъ изолированъ, онъ овладѣлъ Сіудадъ-Родриго (19 января 1812), затѣмъ обратился противъ Сульта и отнялъ у него Бадахозъ (6 апрѣля). Взбѣшенный неудачами своихъ полководцевъ, Наполеонъ передалъ высшее начальство своему брату Жозефу и прикомандировалъ къ нему въ званіи начальника штаба Журдана, къ великому неудовольствію Сульта, который справедливо надѣялся, что руководство войною будетъ ввѣрено ему. Донесеніе Журдана Жозефу отъ 28 мая свидѣтельствуетъ, что бо́льшая часть войскъ находилась уже въ самомъ плачевномъ состояніи: не было ни магазиновъ, ни транспортныхъ средствъ, полевая артиллерія была ничтожна, осадныя орудія были захвачены англичанами въ Сіудадъ-Родриго, жалованье не уплачивалось, войска систематически пре-

давались грабежу, и если бы Веллингтонъ со своими 60.000 человѣкъ двинулся на Мадридъ, Жозефъ могъ бы противопоставить ему только 50.000, несмотря на то, что Франція имѣла на полуостровѣ 230.000 чел. Журданъ предлагалъ сформировать въ окрестностяхъ Мадрида резервный корпусъ въ 20.000 человѣкъ, который всегда былъ бы готовъ поддержать португальскій или андалузскій корпусъ въ случаѣ нападенія Веллингтона на тотъ или на другой. Но ни одинъ изъ генералъ-губернаторовъ не желалъ ослабить своего корпуса, и Журдану не оставалось ничего другого, какъ сообщить военному министру объ этомъ печальномъ положеніи дѣлъ.

Въ тотъ самый день, когда Журданъ извѣщалъ о грозящей опасности, Веллингтонъ выступилъ въ походъ (12 іюня). Мармонъ, вынужденный отступить къ Дуро, получилъ здѣсь кое-какія подкрѣпленія и обратно перешелъ рѣку. Веллингтонъ отступилъ къ Саламанкѣ, преслѣдуемый Мармономъ. Обѣ арміи двигались параллельно на полуразстояніи пушечнаго выстрѣла. Мармону слѣдовало бы атаковать Веллингтона на ходу; но онъ далъ ему вернуться въ его лагерь у Альдеа-Нуэва и, не дожидаясь подкрѣпленій, которыя велъ къ нему Жозефъ, далъ битву на Арапильской равнинѣ (22 іюля). Онъ былъ раненъ въ бою, потерялъ 6.000 человѣкъ и девять орудій и отступилъ до Бургоса. Жозефъ, поставленный въ опасное положеніе отступленіемъ Мармона, 10 августа покинулъ Мадридъ и бѣжалъ въ Валенсію, гдѣ призвалъ къ себѣ андалузскій корпусъ.

Пока Сультъ скрѣпя сердце готовился эвакуировать Севилью, генералъ Клозель, смѣнившій Мармона при португальской арміи, велъ блестящую кампанію противъ Веллингтона. Присоединивъ къ себѣ гарнизоны Торо и Заморы, онъ медленно поднимался по направленію къ Эбро; въ цитадели Бургоса онъ оставилъ генерала Дюбретона, котораго не было возможности выбить отсюда. Въ серединѣ октября Сугамъ, преемникъ Клозеля, имѣлъ въ своемъ распоряженіи 40.000 человѣкъ; онъ взялъ Бургосъ и заставилъ Веллингтона перейти обратно Дуро (25 октября).

Сультъ снялъ осаду Кадикса 25 августа и на Гренаду и Гуэскаръ двинулся къ Альманцѣ, гдѣ 2 октября соединился съ центральной арміей. 2 ноября Жозефъ вернулся въ Мадридъ. 10-го всѣ три французскихъ корпуса—южный, центральный и португальскій—были соединены въ виду союзной англо-испано-португальской арміи. У Сульта, Жозефа и Сугама было 70.000 чел. пѣхоты, 10.000 конницы и 120 пушекъ. Жозефъ хотѣлъ атаковать врага, но сраженіе не состоялось вслѣдствіе нежеланія Сульта. Веллингтонъ ушелъ назадъ въ Португалію, но Андалузія была потеряна для французовъ.

Кампанія 1813 года: отступленіе; битва при Виторіи.—Нужны были подкрѣпленія, а Наполеонъ не только не прислалъ ихъ, но еще отозвалъ часть войскъ. Сюшэ сумѣлъ удержаться въ завоеванномъ имъ краю и даже заставилъ Джона Мёррея снять осаду Таррагоны, при чемъ послѣднему пришлось бросить свою осадную артиллерію подъ стѣнами города (12 іюня 1813); но Жозефу удалось собрать только 66.000 чел. пѣхоты, 10.700 конницы и 100 орудій для состязанія съ Веллингтономъ, который имѣлъ подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ 120.000 человѣкъ. Едва англичане двинулись, какъ генералъ Леваль поспѣшить очистить Мадридъ и присоединиться къ Жозефу который съ 23 марта стоялъ въ Вальядолидѣ. Пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, Веллингтонъ сдѣлалъ попытку отрѣзать французамъ путь къ Пиренеямъ. 2 іюня всѣ французскія войска соединились у Медина дель Ріо-Секо, но обозъ составлялъ безконечный хвостъ, и, спасаясь отъ мести соотечественниковъ, за арміей слѣдовало болѣе 10.000

преданныхъ Жозефу (*afrancesados*) испанцевъ. 16 іюня армія заняла позицію у Миранды. Нѣкоторые генералы желали продолжать отступленіе къ Туделѣ и Сарагоссѣ, но нужно было какъ можно скорѣе переправить во Францію багажъ и эмигрантовъ; обозъ началъ тянуться къ сѣверу 20-го подъ прикрытіемъ конвоя въ 4.000 человѣкъ. 21-го, когда еще отправка не была окончена, появились союзники, и пришлось, не дожидаясь подкрѣпленій, которыя вели Фуа и Клозель, дать при Виторіи сраженіе съ 39.000 человѣкъ противъ 60.000. Бой былъ очень кровопролитенъ, врагъ потерялъ 5.000 человѣкъ, французы оставили на полѣ битвы 7.000 чел., 150 орудій и почти весь обозъ; они снова успѣли собраться только въ Сальватіеррѣ. Жозефъ отступилъ къ Пампелунѣ, затѣмъ къ Сенъ-Жанъ де-Луцъ. 2 іюля армія обратно перешла Бидассоа. Клозель, вечеромъ 21 іюня стоявшій уже въ полумилѣ отъ Виторіи, отступилъ къ Сарагоссѣ и Хакѣ. Сюшэ медленно очистилъ Валенсію. 12 іюля Сультъ прибылъ въ Сенъ-Жанъ де-Луцъ, и Жозефъ передалъ ему командованіе.

Теперь надо было позаботиться уже о томъ, чтобы не дать англичанамъ перейти Пиренеи. Сначала Сультъ имѣлъ намѣреніе снова перенести арену войны въ Испанію. Съ 35.000 чел. онъ двинулся къ Пампелунѣ и дошелъ до Уарте, но здѣсь наткнулся на Веллингтона и не сумѣлъ пробиться. Тогда онъ сдѣлалъ попытку передвинуться къ Санъ-Себастіану, чтобы обрушиться на правое крыло англичанъ, предводимое Гиллемъ. Веллингтонъ догадался объ его маневрѣ, послѣдовалъ за нимъ и отбросилъ его во Францію (25 іюля, 1 августа). Эти битвы обошлись французской арміи въ 8.000 чел., англо-испанской—въ 6.000. Три недѣли обѣ арміи простояли другъ передъ другомъ, не вступая въ битву, затѣмъ Веллингтонъ возобновилъ свое наступательное движеніе. 31 августа англичане послѣ бѣшенаго штурма овладѣли Санъ-Себастіаномъ, который затѣмъ разорили до тла; вечеромъ въ день побѣды городъ сгорѣлъ, и донынѣ неизвѣстно, какъ начался пожаръ. Изъ 600 домовъ уцѣлѣло едва 40. Сультъ пытался оказать помощь несчастному городу, но не сумѣлъ взять позиціи при Санъ-Марсіалѣ, героически защищаемой испанцами подъ начальствомъ донъ Мануэля Фреире.

Сентябрь ушелъ у Сульта на реорганизацію его арміи и на введеніе въ строй 30.000 новобранцевъ, набранныхъ въ южной Франціи. Съ 6 по 13 октября произошло нѣсколько стычекъ на линіи Нивеллы, заставившихъ Сульта отступить къ Сенъ-Жанъ де-Луцъ. Съ 10 по 12 ноября Веллингтонъ форсировалъ линію Нивеллы и отбросилъ французовъ въ укрѣпленный лагерь у Байонны, захвативъ 50 орудій. У Сульта было всего 50.000 чел. пѣхоты и 6.000 конницы; Веллингтонъ же располагалъ почти 80.000 чел.

Кампанія 1814 года; битва при Тулузѣ.— Съ 8 по 13 декабря Веллингтонъ въ первый разъ атаковалъ линію Нивы, а 15 февраля 1814 года овладѣлъ ею. Сультъ оставилъ Байонну, которая тотчасъ и была осаждена, и отступилъ къ Ортезу. Здѣсь онъ 27 февраля далъ англичанамъ ожесточенное сраженіе, въ которомъ опять потерялъ 12 пушекъ и 2.000 чел. плѣнными. Онъ отступилъ къ Тулузѣ, и Веллингтонъ пошелъ за нимъ вслѣдъ, отрядивъ тѣмъ временемъ Бересфорда къ Бордо. Мэръ города надѣлъ бѣлую кокарду и встрѣтилъ англичанъ какъ друзей (12 марта). 10 апрѣля Сультъ, имѣя всего 30.000 чел., далъ сраженіе Веллингтону передъ Тулузой; онъ удержалъ всѣ свои позиціи, но на слѣдующій день очистилъ Тулузу, и 12 апрѣля Веллингтонъ самъ вступилъ въ этотъ городъ, гдѣ роялистское общество привѣтствовало его, какъ освободителя.

Сультъ разсчитывалъ соединиться съ Сюшэ, который, отступая отъ самой Ва-

ленсіи и не давъ себя прорвать, только что вошелъ въ предѣлы Франціи. Сюшэ очистилъ Валенсію только 5 іюля, оставивъ гарнизоны во всѣхъ главныхъ городахъ побережья. Оставленіе Сарагоссы генераломъ Пари (8 іюля) и капитуляція Алхаферіи, Дароки и Мальена заставили Сюшэ обратно перейти Эбро (14—15 августа). Таррагона, еще раньше осажденная англичанами и испанцами, была освобождена; маршалъ взорвалъ ея укрѣпленія и отступилъ за Льобрегатъ. Расположившись лагеремъ въ окрестностяхъ Барселоны, онъ простоялъ здѣсь до конца 1813 года, но войско его сократилось до 23.000 чел., такъ какъ одна итальянская дивизія ушла и, кромѣ того, онъ вынужденъ былъ разоружить нѣмцевъ, входившихъ въ составъ его арміи. Въ январѣ 1814 года Наполеонъ вытребовалъ отъ него 10.000 чел. пѣхоты, двѣ трети его конницы и почти всѣ его пушки. 1 февраля Сюшэ покинулъ Барселону, оставивъ въ ней генерала Эбера съ 8.000 чел. Въ мартѣ Сюшэ имѣлъ уже только 12.000 чел. и занималъ уже только Барселону и Тортозу. Въ первые дни апрѣля Сюшэ вступилъ въ предѣлы Франціи и двинулся къ Каркассону на соединеніе съ Сультомъ. 18 апрѣля обоимъ маршаламъ было сообщено о паденіи Наполеона и заключеніи перемирія. 16 апрѣля гарнизонъ Байонны далъ послѣднее сраженіе этой долгой войны, убивъ въ вылазкѣ 600 англичанъ.

Оцѣнка испанской войны. — Испанская война была одной изъ величайшихъ ошибокъ Наполеона и одной изъ главныхъ причинъ его гибели. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что политически для него было въ высшей степени важно обезпечить себѣ союзъ Испаніи путемъ перемѣны династіи. Его предшествующіе тріумфы внушали ему увѣренность, что исполнить эту задачу будетъ нетрудно: „Если бы это дѣло должно было стоить 80.000 человѣкъ, — сказалъ онъ, — я не сталъ бы его предпринимать, но оно обойдется мнѣ не болѣе, какъ въ 12.000". А разъ война была начата, Наполеонъ уже ни въ какомъ случаѣ не могъ отступать: онъ долженъ былъ побѣдить во что бы то ни стало и слѣдовательно долженъ былъ отдать на эту войну всѣ рессурсы Франціи и всю силу своего генія. Ошибкою было и то, что онъ грозилъ Испаніи раздѣломъ, и то, что онъ покинулъ эту страну въ январѣ 1809 года, не доведя до конца ея покоренія, и то, что онъ разрѣшилъ въ 1810 году приступить къ завоеванію Андалузіи, прежде чѣмъ Веллингтонъ былъ изгнанъ съ полуострова, и то, что не поддержалъ Массены, когда 50.000-ти человѣкъ, можетъ быть, было бы достаточно, чтобы обезпечить побѣду, и то, что ввязался въ войну съ Россіей, не кончивъ предварительно испанской войны, и, наконецъ, то, что не имѣлъ мужества очистить полуостровъ въ январѣ 1813 года. Пагубность всѣхъ этихъ ошибокъ была усилена бездарностью Жозефа, взаимной завистью генераловъ, ихъ грабительствомъ и игрою ихъ личныхъ самолюбій. 300.000 французовъ легли въ этой ужасной борьбѣ, единственнымъ плодомъ которой для Франціи была надолго непримиримая ненависть цѣлаго народа.

Испанія справедливо гордится отпоромъ, который она оказала Наполеону: въ теченіе шести лѣтъ она обнаруживала непоколебимую стойкость и мужество, почти превосходящее человѣческія силы. Но, отдавая должное ея героизму, нельзя не признать, что онъ былъ обусловленъ отчасти ея культурной отсталостью; закваской ея возстанія были невѣжество и фанатизмъ. Она возстала во имя Бога, отечества и короля (*Dios, patria, rey!*), но Наполеонъ, возстановившій католическій культъ во Франціи, не угрожалъ католицизму въ Испаніи, не угрожалъ и ея монастырямъ: испанцы сами упразднили ихъ нѣкоторое время спустя. Наполеонъ

хотѣлъ оставить неприкосновенною испанскую территорію, и мысль о раздѣлѣ Испаніи родилась у него лишь съ той минуты, когда сопротивленіе испанцевъ вывело его изъ терпѣнія. Что же касается низложенія старой династіи, то Испанія могла только выиграть отъ него. Наиболѣе безпристрастные изъ испанскихъ писателей сами признаютъ, что Жозефъ не былъ лишенъ ни благихъ намѣреній, ни добрыхъ качествъ, что „*Pepe Botellas*“ не заслуживалъ тѣхъ насмѣшекъ, которыми его осыпали, и что въ концѣ-концовъ Фердинандъ VII достаточно отомстилъ ему.

Если фактически завоеваніе Испаніи французами не удалось, отсюда не слѣдуетъ заключать, что эта великая борьба оказалась безплодной. Испанія окончательно пробудилась отъ оцѣпенѣнія и пріучилась къ политической свободѣ. Старый порядокъ былъ пораженъ на смерть. Послѣ шестилѣтней борьбы съ французами Испанія затѣмъ цѣною шестидесятилѣтней борьбы принуждаетъ свою возстановленную династію усвоить французскія идеи.

Кортесы и Фердинандъ VII.—Первой конституціей новой Испаніи была конституція 1808 года, предложенная Наполеономъ байоннской хунтѣ, среди членовъ которой было нѣсколько наиболѣе просвѣщенныхъ людей Испаніи. Эта конституція, сколоченная наскоро и съ необычайнымъ легкомысліемъ, была не очень либеральна; тѣмъ не менѣе она представляла громадный шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ режимомъ, который она смѣняла. Она обязывала короля сзывать кортесы по меньшей мѣрѣ разъ въ годъ. Она установила гражданское равенство, формально запретила пытку, сократила число майоратовъ и упразднила множество тягостныхъ привилегій.

Патріоты съ отвращеніемъ отвергли даръ чужеземца, но лишь для того, чтобы замѣнить неполную конституцію, которую онъ предлагалъ имъ, истинно-національной и либеральной конституціей.

Во всей Испаніи сигналъ къ возстанію былъ поданъ частными хунтами: менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ около тридцати городовъ возмутились противъ французовъ; но всѣ эти общества, соперничавшія другъ съ другомъ, не могли бы добиться успѣха. 25 сентября 1808 года въ Аранхуэцѣ, подъ предсѣдательствомъ Флорида-Бланки, собралась *Верховная хунта*, составленная изъ делегатовъ отъ всѣхъ мѣстныхъ хунтъ. Будучи перенесена въ Севилью послѣ занятія Мадрида Жозефомъ, Верховная хунта продолжала дѣйствовать съ необыкновенной энергіей и сама (22 мая 1809) возвѣстила предстоящее созваніе кортесовъ. Дѣйствительно, необходимо было прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, такъ какъ мѣстныя хунты тяготились руководствомъ Верховной хунты, Кастильскій совѣтъ оспаривалъ ея компетенцію и въ ея собственныхъ нѣдрахъ царило несогласіе. Послѣ взятія Севильи французами Верховная хунта передала свою власть *Комитету регентства* изъ пяти лицъ, который сталъ править, опираясь на народную хунту, избранную населеніемъ Кадикса. Народная хунта заставила еще весьма реакціонный Кастильскій совѣтъ и колеблющееся регентство созвать чрезвычайные общіе кортесы, члены которыхъ должны были быть выбраны по невиданной въ Испаніи системѣ: каждыя 50.000 жителей должны были прислать одного депутата; выборы были трехстепенные—въ приходской, окружной и областной хунтахъ; избирателемъ по первому разряду являлся каждый осѣдлый испанецъ не моложе 25 лѣтъ. Указъ о созваніи кортесовъ былъ составленъ 7 января 1810 года. Кортесы открылись въ Кадиксѣ 24 сентября. Несмотря на вторженіе французовъ, выборы состоялись почти во всѣхъ частяхъ Испаніи. Каталонія прислала полное число депутатовъ, а въ Мадридѣ вотировало 4.000 избирателей.

Въ первомъ же засѣданіи кортесы провозгласили принципъ народовластія. Когда въ Испаніи распространился слухъ, что Фердинандъ VII, можетъ быть, женится на принцессѣ изъ императорскаго дома и будетъ затѣмъ возстановленъ Наполеномъ на престолѣ, кортесы заявили (1 января 1811), что нація не приметъ этихъ условій.

Среди опасностей блокады, подъ грохотъ французскихъ орудій, ядра которыхъ иногда попадали и въ самый Кадиксъ, кортесы обсудили и вотировали конституцію.

Съ перваго своего шага на политической аренѣ испанскіе депутаты выказали себя замѣчательными ораторами. Они вносили въ пренія тотъ глубокій энтузіазмъ, который отличалъ французскую Конституанту. Въ числѣ либераловъ находились: финансистъ Аргуэльесъ, географъ Антильонъ, Геррересъ, Калатрава, Порсель и рядъ духовныхъ лицъ, какъ Муньозъ Торреро, Оливеросъ, Гальего, Эспига. Ораторами консервативной партіи (*serviles*) были: донъ Франсиско Гутіеррецъ де ла Хуэрта, донъ Хозэ Пабло Валіенте, донъ Франсиско Борруль и нѣсколько духовныхъ лицъ, какъ донъ Хаиме Креусъ и донъ Педро Ингуанцо. Вождемъ американской группы депутатовъ былъ донъ Хозэ Мехіа, человѣкъ пристрастный и своекорыстный, но искусный діалектикъ, истинный виртуозъ политической полемики; рядомъ съ нимъ наиболѣе видными представителями вест-индскихъ колоній являлись: Леива, Моралесъ Дуарецъ, Феліу и Гутьеррецъ де Теранъ, Алькосеръ, Ариспе, Ларразабаль, Гордоа и Кастильо.

Новая конституція была обнародована 18 марта 1812 года. Она установляла суверенитетъ народа (§ 3) и раздѣленіе властей, единство законодательства (§ 258), несмѣняемость должностныхъ лицъ, свободу личности и свободу печати, отмѣняла пытку (§ 303) и конфискацію (§ 304), наконецъ, реформировала финансы. Исполнительная власть ввѣрялась королю и семи министрамъ при содѣйствіи Государственнаго совѣта изъ сорока членовъ. Законодательная власть принадлежала кортесамъ, избираемымъ по трехстепенной системѣ на два года и засѣдающимъ ежегодно три, самое большее, четыре мѣсяца. Въ промежутки между сессіями кортесовъ за соблюденіемъ конституціи наблюдала постоянная комиссія, называвшаяся *депутаціей*. Провинціи управлялись гражданскими губернаторами и выборными депутаціями. Во главѣ каждой общины стоялъ *алькадъ*, управлявшій совмѣстно съ выборнымъ совѣтомъ (*ayuntamiento*). Въ одномъ только пунктѣ личная свобода была ограничена: католическая религія, „единая истинная“, была навсегда объявлена государственной религіей Испаніи, и отправленіе всякаго другого культа воспрещено (§ 12). Инквизиція была уничтожена, но учреждены особые трибуналы для охраны религіи, долженствовавшіе воспрещать изданіе всякаго печатнаго произведенія, „противнаго догматамъ и исконному строю церкви“.

„Безсмертные чрезвычайные кортесы“, засѣдавшіе въ Кадиксѣ, разошлись 20 сентября 1813 года. Спустя шесть дней открылась въ Кадиксѣ первая сессія очередныхъ кортесовъ, организованныхъ сообразно требованіямъ конституціи. Изъ Кадикса они были перенесены на островъ Леонъ и наконецъ 5 января 1814 года перешли въ Мадридъ.

Какъ мы видѣли, еще въ ноябрѣ 1813 года начались переговоры между Наполеономъ и Фердинандомъ. По Валенсейскому договору (8 декабря 1813), Наполеонъ призналъ Фердинанда испанскимъ королемъ и обѣщалъ, что французскія войска будутъ очищать полуостровъ по мѣрѣ очищенія его англійскими войсками. Фердинандъ послалъ въ Мадридъ герцога Санъ-Карлоса съ порученіемъ добиться ратификаціи договора кортесами, при

чемъ подъ секретомъ заявилъ, что „по возвращенiи въ Испанiю непремѣнно объявитъ его недѣйствительнымъ“. Регентство почтительно отвѣчало королю, что не считаетъ его свободнымъ и не можетъ на этихъ условiяхъ вести съ нимъ переговоры. 19 февраля кортесы, уже обезпокоенные поведенiемъ Фердинанда, постановили, что король будетъ признанъ не раньше, какъ по принесенiи имъ присяги на вѣрность конституцiи. Дѣйствительно, они имѣли тысячу причинъ сомнѣваться въ его искренности. Реакцiонная партiя агитировала и старалась привлечь на свою сторону генераловъ; таинственная рука раздавала солдатамъ хлѣбъ, водку и деньги. Депутатъ отъ Севильи, Хуанъ Лопецъ Реина, „подлый писаришка“, въ засѣданiи кортесовъ провозгласилъ абсолютную власть короля.

Однако Фердинандъ VII боялся компрометировать себя. Когда Наполеонъ изъявилъ согласiе на его возвращенiе въ Испанiю (7 марта 1814), онъ написалъ регентству, что одобряетъ „все, что въ его отсутствiе было сдѣлано для блага Испанiи“. Онъ оставилъ Валенсэ 13 марта, а 24-го въ сопровожденiи маршала Сюшэ прибылъ на лѣвый берегъ Флювiи. На правомъ берегу его встрѣтилъ генералъ Копонъ со своимъ войскомъ и проводилъ до Жироны, гдѣ его приняли съ небывалымъ энтузiазмомъ. Все еще скрывая свои истинныя намѣренiя, онъ 16 апрѣля прибылъ въ Валенсiю, гдѣ нашелъ матерiальную поддержку въ дивизiи генерала Элiо. Реакцiонные депутаты прислали въ Валенсiю адресъ, прося о распущенiи кортесовъ. Простой народъ, ополоумѣвшiй отъ радости, что получилъ назадъ своего короля, не хотѣлъ допустить ограниченiя его власти. Генералъ Сантъяго Виттингемъ приблизился къ Мадриду, и въ ночь съ 10 на 11 мая оба регента, двое министровъ и всѣ подозрѣваемые въ либерализмѣ депутаты были арестованы по приказу короля. Аргуэльесъ, Мартинецъ де ла Роза, Ариспе, Теранъ, Кинтана и множество другихъ видныхъ людей въ награду за свои заслуги, энергiю и самоотверженiе были брошены въ тюрьму. 13 мая Фердинандъ VII совершилъ свой въѣздъ въ столицу. Созданное кортесами, казалось, исчезло безъ слѣда. Побѣдоносная Испанiя добровольно снова легла подъ иго.

Глава VII.

Гражданскія учрежденія имперіи.

1804—1814.

Политическія, административныя и судебныя учрежденія первой имперіи представляютъ собою логическое развитіе учрежденій эпохи консульства. Они отличаются отъ послѣднихъ только болѣе рѣзко выраженнымъ духомъ реакціи и болѣе откровеннымъ поворотомъ къ старымъ формамъ; чрезъ весь этотъ строй красной нитью проходитъ то стремленіе къ централизаціи, которое характеризовало какъ послѣднюю стадію стараго порядка, такъ и революціонный періодъ, и которое не могло не соблазнять деспотическую натуру Наполеона. До сихъ поръ преградою являлся недостатокъ единообразія въ законодательствѣ; теперь преграда исчезла и воцаряется необузданная централизація.

Эти двѣ черты—реакція и непреклонная централизація—сказываются даже въ гражданскомъ и торговомъ законодательствѣ, гдѣ уже мало считаются съ мѣстными обычаями и гдѣ воскресаютъ нѣкоторыя упраздненныя учрежденія, равно какъ и въ организаціи народнаго просвѣщенія, т.-е. въ такой сферѣ, гдѣ свобода и разнообразіе являются необходимыми условіями прогресса. Если бы не окончательное упраздненіе феодализма, замѣна мѣстныхъ обычаевъ обще-государственными законами и установленіе однообразной чиновничьей іерархіи, то около 1810 года можно было бы думать, что Франція вернулась назадъ на цѣлый вѣкъ.

I.—Политическія и административныя учрежденія.

Органическій указъ сената отъ 28 флореаля XII года.—Въ силу сенатскаго указа отъ 16 термидора X года, которымъ учреждалось пожизненное консульство [1]), охранительный сенатъ предоставилъ себѣ право „установить посредствомъ органическаго сенатскаго указа все то, что не предусмотрѣно конституціей и необходимо для ея правильнаго дѣйствія“. Онъ воспользовался этимъ правомъ 28 флореаля XII года для созданія наслѣдственной имперіи. Новый сенатскій указъ, начинающійся такой странной фразою: „Управленіе *республикой* ввѣряется *императору*“, содержитъ цѣлыхъ 142 статьи. Онъ представляетъ собою подлинную имперскую конституцію, господствовавшую безъ большихъ измѣненій вплоть до 1 апрѣля 1814 года.

Въ ней говорится прежде всего о по-

---

1) См. выше стр. 18.

рядкѣ наслѣдованія императорской короны, объ императорской фамиліи и о регенствѣ, затѣмъ о высшихъ сановникахъ и главныхъ должностныхъ лицахъ имперіи—новомъ или, скорѣе, возобновляемомъ институтѣ, имѣвшемъ главной цѣлью увеличить блескъ трона. Затѣмъ рѣчь идетъ о главныхъ правительственныхъ коллегіяхъ—сенатѣ, Государственномъ совѣтѣ, Законодательномъ корпусѣ и трибунатѣ, компетенція которыхъ расширяется или суживается здѣсь смотря по тому, насколько та или другая изъ нихъ является *persona grata*. Сенатскій указъ заканчивается цѣлымъ рядомъ постановленій относительно избирательныхъ собраній, императорскаго двора, порядка судопроизводства и способа обнародованія законовъ.

Надо замѣтить, что компетенція новаго главы республики, императора, нигдѣ не опредѣлена. На первый взглядъ можно было бы подумать, что все дѣло ограничилось измѣненіемъ титула. Но при внимательномъ чтеніи новой конституціи тотчасъ выясняется, что полномочія перваго консула значительно увеличены и что въ дѣйствительности первая роль въ государствѣ юридически и фактически принадлежитъ ему.

Императорская корона.—Императорская корона объявляется „наслѣдственной въ прямомъ, естественномъ и законномъ мужскомъ потомствѣ Наполеона, въ порядкѣ первородства, съ постояннымъ исключеніемъ женщинъ и ихъ потомства“ (ст. 3): этимъ возстановлялись право старшинства и салическій законъ. За неимѣніемъ дѣтей Наполеонъ въ правѣ усыновлять сыновей или внуковъ своихъ братьевъ; „его пріемные сыновья включаются въ линію его прямого потомства“. Въ томъ случаѣ, если бы онъ не оставилъ ни законнаго, ни пріемнаго сына, корона переходитъ послѣдовательно къ Жозефу и Луи Бонапарту и къ ихъ соотвѣтственному потомству. Люсьенъ и Жеромъ исключены изъ права наслѣдованія, такъ какъ они вступили въ браки, недостойные ихъ положенія и не одобренные главою фамиліи. Во избѣжаніе повторенія такихъ фактовъ, въ указѣ формально оговорено, что браки *французскихъ принцевъ*, т.-е. „членовъ императорскаго дома, входящихъ въ линію наслѣдованія“, должны быть подъ страхомъ потери ихъ условныхъ правъ на корону, представляемы на одобреніе императора. Старшій сынъ послѣдняго носитъ титулъ *prince impérial*. Императоръ признается несовершеннолѣтнимъ до тѣхъ поръ, пока ему исполнится восемнадцать лѣтъ. На время его несовершеннолѣтія учреждается *регентство*, которое вручается либо одному изъ „французскихъ принцевъ“, назначенному покойнымъ императоромъ, либо старшему „французскому принцу“ ближайшаго колѣна, либо одному изъ высшихъ сановниковъ по выбору сената. Регентъ управляетъ имперіей отъ имени несовершеннолѣтняго императора, но не пользуется всѣми прерогативами короны.

Эти прерогативы обширны. Разумѣется, за императоромъ сохраняется право обнародовать указы сената и законы, предсѣдательствовать въ сенатѣ и Государственномъ совѣтѣ, миловать осужденныхъ, назначать и отставлять членовъ Государственнаго совѣта министровъ, посланниковъ и всѣхъ невыборныхъ чиновниковъ, издавать приказы о способѣ исполненія законовъ, поддерживать дипломатическія сношенія съ другими государствами, вести переговоры и заключать трактаты—права, которыми располагалъ уже и первый консулъ, одинъ или сообща со своими товарищами. Императоръ пріобрѣлъ сверхъ того право принимать или отвергать заявленія сената о несоотвѣтствіи съ конституціей того или другого закона, вотированнаго Законодательнымъ корпусомъ, право назначать высшихъ сановниковъ и главныхъ должностныхъ лицъ имперіи, президентовъ сената, кассаціон-

наго и апеляціоннаго судовъ, избирать президента и двухъ квесторовъ трибуната изъ числа трехъ кандидатовъ, представляемыхъ послѣднимъ на каждую вакансію. Онъ подписываетъ обвинительные приговоры *верховнаго имперскаго суда*. Наконецъ—и это было наслѣдіемъ королевства—правосудіе, творимое до сихъ поръ отъ имени французскаго народа, должно отнынѣ „осуществляться отъ имени императора назначенными имъ чиновниками". Эта статья, сильно отзывавшаяся старымъ порядкомъ, наносила чувствительный ударъ знаменитой теоріи раздѣленія властей, которое Монтескье провозгласилъ отличительнымъ признакомъ всякаго свободнаго строя и которое было тщательно соблюдено въ конституціи III года: судебная власть стремилась къ сліянію съ исполнительной.

Въ рукахъ Наполеона исполнительная власть тотчасъ начинаетъ вторгаться и въ сферу законодательной. Путемъ простыхъ декретовъ (теперь *указы* замѣняются *декретами*) императоръ разрѣшаетъ отнынѣ всевозможные законодательные вопросы. Мало того, онъ издаетъ и *неконституціонные* декреты, изъ которыхъ одни нарушаютъ вольности, гарантированныя конституціей, другіе содержатъ въ себѣ карательныя постановленія, присвоенныя конституціей законодательной власти. Со времени своего вступленія на престолъ Наполеонъ пользуется законодательнымъ механизмомъ, организованнымъ конституціей VIII года, лишь для выработки тѣхъ большихъ кодексовъ, которые онъ пожелалъ и сумѣлъ оставить въ наслѣдство Франціи. Но по окончаніи выработки этихъ сводовъ законодательный корпусъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ даже не созывается. Отнынѣ воля императора—законъ. Такъ дѣло мало-помалу шло къ полному сліянію властей, и въ послѣдніе годы имперіи эта цѣль была достигнута. Режимъ, выработанный революціей, еще до извѣстной степени сохранялся формально, но по существу отъ него не оставалось и слѣда.

Высшіе сановники и главныя должностныя лица имперіи.—Возстановляя самодержавіе, Наполеонъ желалъ, по примѣру прежнихъ французскихъ королей и нѣмецкихъ императоровъ, окружить себя сонмомъ придворныхъ сановниковъ. По мысли Талейрана, узаконенной сенатскимъ указомъ отъ 28 флореаля, были учреждены должности шести высшихъ сановниковъ имперіи; это были: верховный избиратель (Жозефъ Бонапартъ), имперскій великій канцлеръ (Камбасересъ), государственный великій канцлеръ (которымъ долженъ былъ быть Евгеній Богарнэ), верховный казначей (Лебрёнъ), коннетабль (Луи Бонапартъ) и генералъ-адмиралъ (которымъ предполагалось сдѣлать Мюрата). Эти высшіе сановники были несмѣняемы, по рангу непосредственно слѣдовали за „французскими принцами" и пользовались тѣми же почестями. Всѣ вмѣстѣ они составляли верховный совѣтъ императора и верховный совѣтъ Почетнаго легіона, а въ отдѣльности каждому были присвоены функціи сомнительной цѣнности и полномочія болѣе номинальныя, чѣмъ дѣйствительныя. Наполеонъ не упустилъ изъ виду воспретить совмѣстительство должностей высшихъ имперскихъ сановниковъ съ функціями министровъ, которыя однѣ только и были реальными. Высшіе сановники предназначались главнымъ образомъ для церемоніальныхъ ролей.

За ними слѣдовали три категоріи высшихъ чиновниковъ имперіи, также несмѣняемыхъ: 1) маршалы Франціи числомъ шестнадцать; Наполеонъ прибавилъ четыре почетныхъ маршальства для Келлермана, Лефевра, Серрюрье и Периньона; 2) генералъ-инспекторы и генералъ-полковники артиллеріи и инженерныхъ войскъ, конницы и флота, числомъ восемь; 3) высшіе гражданскіе коронные чиновники, „какіе назначены распоряженіемъ импе-

ратора". Наполеонъ создалъ должности главнаго духовника императора (кардиналъ Фешъ), оберъ-егермейстера (Бертье), оберъ-камергера (Талейранъ), оберъ-шталмейстера (Коленкуръ), оберъ-гофмаршала (Дюрокъ), оберъ-церемоніймейстера (Сегюръ, избранный на этотъ постъ для того, чтобы воскресить при новомъ дворѣ традиціи стараго). Впрочемъ, гражданскія должностныя лица, подобно высшимъ сановникамъ, служили лишь цѣлямъ придворнаго этикета, и единственной ихъ реальной функціей было предсѣдательство въ главныхъ избирательныхъ собраніяхъ.

Было создано также и множество другихъ придворныхъ должностей все въ тѣхъ же видахъ представительства. „Императрица, принцессы и сестры императора получили каждая свой штатъ статсъ-дамъ и фрейлинъ. Были воскрешены титулы высочества, сіятельства и свѣтлости. Представители высшаго общества наперерывъ добивались этихъ должностей, которыя обратились какъ бы въ подачки. Каждый забывалъ убѣжденія, которыхъ онъ держался раньше, и Бонапартъ первый желалъ, чтобы они были забыты" (Дарестъ де ла Шаваннъ).

Высшія коллегіальныя учрежденія имперіи.—Ближайшимъ результатомъ учрежденія имперіи было устройство императорскаго двора. Правительственныя же учрежденія въ собственномъ смыслѣ слова сохранили въ своихъ основныхъ чертахъ прежнее устройство и тѣ внѣшнія формы, которыя дала имъ конституція VIII года. Однако кое-какія измѣненія были сдѣланы.

Сенатъ, не забывшій о себѣ при составленіи сенатскаго указа отъ 16 термидора X года, въ XII году тщетно требовалъ себѣ права законодательной иниціативы и наслѣдственной передачи сенаторскаго званія. Онъ пріобрѣлъ только двѣ новыя компетенціи: были учреждены двѣ комиссіи, изъ семи сенаторовъ каждая, названныя, одна—*сенатской комиссіей о личной свободѣ*, другая—*сенатской комиссіей о свободѣ печати;* первой принадлежалъ контроль надъ арестами, произведенными подъ предлогомъ участія обвиняемаго лица въ заговорѣ противъ государства, вторая должна была провѣрять, достаточно ли мотивированы запретительныя мѣры, принимаемыя властью противъ свободнаго обращенія печатныхъ произведеній. Но Наполеонъ ослабилъ сенатъ тѣмъ, что къ восьмидесяти членамъ его, предусмотрѣннымъ конституціей, присоединилъ всѣхъ „французскихъ принцевъ", всѣхъ высшихъ сановниковъ и „всѣхъ гражданъ, которыхъ онъ признáетъ нужнымъ возвести въ званіе сенатора".

Членамъ Государственнаго совѣта, раздѣленнаго на шесть секцій (законодательственную, внутреннихъ дѣлъ, финансовую, военную, морскую и торговую), было обезпечено пожизненное утвержденіе въ должности послѣ пятилѣтняго отправленія ея, что являлось для нихъ цѣнной гарантіей.

Члены Законодательнаго корпуса пріобрѣли право быть избираемыми вторично безъ перерыва и полномочіе собираться въ „общіе комитеты", гдѣ они могли между собою обсуждать законопроекты, въ отличіе отъ „регулярныхъ засѣданій", гдѣ ихъ роль ограничивалась подачей голосовъ и гдѣ они не имѣли права говорить. Засѣданія общихъ комитетовъ по принципу были тайными и только при извѣстныхъ условіяхъ могли быть публичными (ст. 83).

Продолжительность службы членовъ трибуната была доведена до десяти лѣтъ. Это было оппозиціонное учрежденіе, къ которому Наполеонъ не имѣлъ довѣрія. Поэтому онъ раздѣлилъ его на три секціи (законодательную, внутреннихъ дѣлъ и финансовую), президенты которыхъ должны были назначаться имъ самимъ срокомъ на одинъ годъ и которымъ было

запрещено въ общихъ засѣданіяхъ обсуждать законопроекты (ст. 97). Но въ виду того, что трибунатъ все-таки до извѣстной степени сохранилъ въ себѣ „тотъ духъ безпокойнаго демократизма, который такъ долго волновалъ Францію“ (по выраженію одного офиціальнаго доклада 1807 г.), то 19 августа этого года новый сенатскій указъ прямо и окончательно упразднилъ его, возложивъ его функціи на три комиссіи изъ семи членовъ каждая, избранныя Законодательнымъ корпусомъ изъ своей среды путемъ закрытой баллотировки. Эти комиссіи, предсѣдатели которыхъ избирались императоромъ, должны были заниматься: первая—гражданскимъ и уголовнымъ законодательствомъ, вторая—внутреннимъ управленіемъ, третья—финансами, на тѣхъ же условіяхъ, какъ и секціи трибуната. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастъ, дававшій право быть членомъ Законодательнаго корпуса, былъ повышенъ съ тридцати до сорока лѣтъ. Наполеонъ называлъ это: „упрощать и усовершенствовать учрежденія“.

Центральное управленіе.—Новое направленіе, какое получила вся внутренняя политика, не могло не отразиться и на организаціи внутренняго управленія.—Руководство главными отраслями государственнаго управленія принадлежало теперь *министрамъ*, на обязанности которыхъ лежала, по конституціи VIII года, „забота объ исполненіи законовъ и распоряженій администраціи“. Одному изъ нихъ, именно министру финансовъ (Годэну), было спеціально ввѣрено управленіе государственной казною; но, находя это вѣдомство слишкомъ обширнымъ и частью уступая настояніямъ Годэна, Наполеонъ въ IX году учредилъ новое министерство—государственной казны [1]). Этотъ портфель былъ врученъ Молльену; въ его рукахъ должны были сосредоточиваться всѣ денежныя средства имперіи, и онъ же долженъ былъ контролировать всѣ государственные расходы. Точно также Наполеонъ раздвоилъ военное министерство, учредивъ наряду съ нимъ министерство войны *(de l'administration de la guerre)*. На обязанности этого второго министра лежала забота о подготовкѣ всѣхъ военныхъ рессурсовъ и о снабженіи военнаго министра нужными послѣднему матеріальными средствами. Наконецъ, Наполеонъ создалъ еще одну министерскую должность—*государственнаго секретаря*, функціи котораго онъ опредѣлялъ такимъ образомъ: „Отъ государственнаго секретаря исходили всѣ правительственные акты: это былъ министръ министровъ, облекавшій законной силой всѣ дѣйствія посредствующихъ властей, главный нотаріусъ имперіи, подписывавшій и узаконявшій всѣ документы. Чрезъ министра государственной казны въ каждую данную минуту я зналъ состояніе моихъ дѣлъ; чрезъ государственнаго секретаря я проводилъ мои рѣшенія и мою волю всюду и по всѣмъ направленіямъ“ *(Mémorial de Sainte-Hélène, 21 novembre 1816)*. Кромѣ того, въ 1811 году было учреждено министерство *промышленности и торговли*, такъ что въ концѣ имперіи насчитывалось цѣлыхъ двѣнадцать министерствъ: статсъ-секретаріатъ, министерства—юстиціи, вѣроисповѣданій, иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, дѣлъ, финансовъ, государственной казны, военное, военной администраціи, морское, общей полиціи (уничтоженное въ X году и возстановленное въ XII-мъ для Фушэ), наконецъ, промышленности и торговли.

Но лучшимъ министромъ Наполеона былъ, конечно, онъ самъ. Подобно Людовику XIV, онъ работалъ неустанно. Разъ въ недѣлю, въ опредѣленный день, онъ собиралъ у себя всѣхъ своихъ министровъ, которые здѣсь, въ присутствіи всѣхъ товарищей, „опоражнивали предъ нимъ свои портфели“. Отдѣльно онъ совѣщался только съ министрами иностранныхъ дѣлъ и

[1]) См. выше, стр. 9, примѣч. 2.

полиціи. Всего чаще онъ работалъ одинъ въ своемъ кабинетѣ со своими секретарями, которыхъ изнурялъ работой. Сюда доставлялись ему безчисленные доклады его министровъ, здѣсь онъ читалъ ихъ проекты и принималъ или измѣнялъ ихъ. Онъ самолично назначалъ должностныхъ лицъ на всѣ вакансіи, часто замѣняя предложенныхъ ему кандидатовъ другими. Онъ составлялъ даже дипломатическія ноты за министра иностранныхъ дѣлъ, который долженъ былъ по прочтеніи присылать ему всѣ донесенія посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ, чтобы Наполеонъ самъ могъ прочитать ихъ [1]).

Департаментская и муниципальная администрація.—Мѣстное управленіе было, согласно конституціи VIII года (ст. 59), подчинено министрамъ. Это подчиненіе усугубляется въ эпоху имперіи. Въ то же время возрастаетъ престижъ административныхъ чиновниковъ, какъ представителей болѣе сильной, чѣмъ прежде, и лучше вооруженной центральной власти. Въ провинціяхъ и коммунахъ исчезаетъ всякая независимость. Защищенные противъ всякаго протеста со стороны пасомыхъ ими статьею 75-й конституціи VIII года, отмѣненной лишь въ 1870 году, агенты правительства становятся всемогущими.

Имперія не внесла никакихъ измѣненій въ законъ отъ 20-го плювіоза VIII года, которымъ установлены были въ каждомъ департаментѣ префектъ, совѣтъ префектуры и генеральный совѣтъ, въ каждомъ коммунальномъ округѣ—су-префектъ и окружный совѣтъ, въ каждой коммунѣ—муниципалитетъ (мэръ и засѣдатели) и муниципальный совѣтъ. Такимъ образомъ юридически мѣстное управленіе осталось тѣмъ же, какимъ оно было при консульствѣ [2]); на дѣлѣ же власть мѣстной администраціи въ силу благопріятствующихъ обстоятельствъ возросла.

Спеціальныя административныя вѣдомства.—На ряду съ общей администраціей Наполеонъ сохранилъ, частью въ прежнемъ, частью въ преобразованномъ видѣ, или создалъ наново нѣсколько спеціальныхъ вѣдомствъ для обслуживанія тѣхъ отраслей администраціи, которыя требуютъ техническихъ навыковъ или познаній, чуждыхъ обыкновенному чиновнику.

Въ фискальной области имперія сохранила вѣдомство прямыхъ налоговъ, созданное въ началѣ консульства (ноябрь 1799). Она только дополнила его организацію важнымъ закономъ отъ 15—25 сентября 1807 года о *кадастрѣ*, составленіе котораго, начатое тотчасъ вслѣдъ затѣмъ, заняло цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Что касается косвенныхъ налоговъ, то финансовый законъ отъ вантоза XII года создалъ т. наз. *régie des droits réunis*, на обязанности которой лежало взиманіе налоговъ съ табака, напитковъ, винокуренъ и общественныхъ каретъ. Эта администрація была сохранена и вооружена для борьбы съ нарушеніями закона рядомъ декретовъ 1805 года, къ которымъ въ 1813 году прибавилось нѣсколько декретовъ, регламентировавшихъ торговлю виномъ и устройство складочнаго мѣста въ Парижѣ.

Вѣдомство натаріата, гербовыхъ сборовъ и государственныхъ имуществъ, организованное декретомъ отъ 18—27-го мая 1791 года, не было измѣнено и попрежнему было подчинено министерству финансовъ.

Для завѣдыванія водами и лѣсами сентябрьскій законъ 1791 года создалъ особую администрацію, т. наз. *лѣсоохранительную*, которая также должна была быть подчинена министерству финансовъ. Эта администрація была организована лишь въ нивозѣ IX года. Въ 1805 и 1806 гг. Наполеонъ пополнилъ её учрежденіемъ должностей генеральнаго ди-

[1]) См. его письмо къ Талейрану отъ 28-го февраля 1806 г.

[2]) См. выше, стр. 11 и сл.

ректора, главныхъ инспекторовъ по одному на каждый лѣсоохранительный округъ и двѣнадцати генеральныхъ инспекторовъ.

Наконецъ, вѣдомствомъ общественныхъ работъ управляли два спеціальныхъ коллегіальныхъ органа, созданныхъ Конвентомъ,—корпусъ инженеровъ путей сообщенія и корпусъ горныхъ инженеровъ. Наполеонъ, посвящавшій общественнымъ работамъ особенное вниманіе и дѣятельно заботившійся объ ихъ развитіи, радикально преобразовалъ вѣдомство путей сообщенія декретомъ отъ 7-го фрюктидора XII года. Былъ учрежденъ, подъ главенствомъ генеральнаго директора, совѣтъ изъ генеральныхъ и окружныхъ инспекторовъ, гдѣ должны были обсуждаться всѣ проекты работъ. Въ каждомъ департаментѣ находился отнынѣ главный инженеръ, обязанный составлять проекты и контролировать производимыя работы. Въ округа посылались простые инженеры. Приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ было преобразовано въ 1810 году *горное* вѣдомство, въ 1811 — *кораблестроительное.* Инженеры, входившіе въ составъ этихъ управленій, набирались, подобно военнымъ инженерамъ, изъ воспитанниковъ политехнической школы и совершенствовались въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

II.—Судебныя учрежденія.

Двойная судебная іерархія, гражданская и уголовная, установленная закономъ отъ 27-го вантоза VIII года, удержалась при имперіи, и единственной реформой, которой она подверглась вначалѣ, было переименованіе главныхъ судебныхъ учрежденій и нѣкоторыхъ изъ ихъ членовъ. Такъ, кассаціонный трибуналъ превратился въ *кассаціонную палату*, аппеляціонные трибуналы — въ *аппеляціонныя палаты*, уголовные трибуналы—въ *уголовныя судебныя палаты.* Точно такъ же президенты и вице-президенты палатъ получили званіе *первыхъ президентовъ* и *президентовъ*, правительственные комиссары при палатахъ—званіе *имперскихъ генералъ-прокуроровъ,* правительственные комиссары при прочихъ судахъ—*имперскихъ прокуроровъ.* Приговоры палатъ получили названіе *arrêts*, опредѣленій (сенатскій указъ отъ 28-го флореаля). Въ 1810 году сдѣланъ былъ еще новый шагъ по пути этикета: апелляціонныя палаты были переименованы въ *имперскія палаты*, а ихъ члены—въ *совѣтниковъ его величества.*

Кассаціонная палата. — Въ остальномъ судебная іерархія мало была измѣнена, по крайней мѣрѣ до 1810 года. Во главѣ ея по прежнему стоитъ кассаціонная палата съ ея тремя секціями: кассаціонныхъ жалобъ, гражданской и уголовной. Императорскій декретъ отъ 28-го января 1811 года увеличилъ число ея президентовъ до трехъ и каждаго изъ нихъ прикрѣпилъ къ одной изъ секцій. Такъ была окончательно и съ наименованіями, которыя удержатся до нашего времени, организована кассаціонная палата [1]).

Ей недоставало теперь еще только двухъ вещей: во-первыхъ несмѣняемости ея членовъ, которая и была на будущее время дарована имъ хартіей 1814 года; во-вторыхъ—права предписывать свое рѣшеніе, въ смыслѣ *юридическомъ*, суду, вторично разбирающему дѣло, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдовала вторая кассація, основанная на тѣхъ же данныхъ, что и первая; это право, безъ котораго кассаціонная палата была бы не въ силахъ упрочить единство судопроизводства во Франціи, было предоставлено ей лишь въ 1837 году, послѣ цѣлаго ряда нерѣшительныхъ попытокъ, подробное изложеніе которыхъ было бы здѣсь неумѣстно.

Гражданское судопроизводство. — Высшей инстанціей гражданскаго судопроиз-

[1]) *Секціи* въ 1826 году были переименованы въ *камеры* (ордонансъ отъ 15—19 января).

водства являлись *апелляціонныя палаты*, число которыхъ Наполеонъ въ 1810 году умножилъ до 34, увеличивъ вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ персоналъ съ цѣлью превратить ихъ въ „многолюдные и могущественные коллегіальные органы“ и „организовать, на ряду съ военнымъ и духовнымъ, бюрократическій классъ“. Въ округахъ по прежнему дѣйствовали *гражданскіе трибуналы*, по одному на каждый округъ, созданные вантозскимъ закономъ; въ каждомъ кантонѣ находился *мировой судья*. Древняя консульская юрисдикція, сохраненная въ 1790 году подъ наименованіемъ *коммерческихъ судовъ*, была въ 1809 году преобразована согласно основамъ новаго торговаго уложенія.

Мировые судьи и члены коммерческихъ судовъ по прежнему назначались путемъ выборовъ; за исключеніемъ же ихъ, члены всѣхъ палатъ и трибуналовъ назначались императоромъ.

Сначала они были несмѣняемы, но сенатскимъ указомъ отъ 12-го октября 1807 года было опредѣлено, что „грамоту на пожизненное отправленіе своей должности судья можетъ получить лишь послѣ пятилѣтней службы въ этомъ званіи“. Въ 1808 году Наполеонъ учредилъ при апелляціонныхъ палатахъ должность *juges-auditeurs* (кандидатовъ на судебныя должности), которые въ 1810 году были переименованы въ *conseillers-auditeurs* (законъ отъ 20-го апрѣля) и по достиженіи 25-лѣтняго возраста получали право совѣщательнаго голоса. По тому же закону 1810 года кандидаты на судебныя должности могли состоять и при судахъ, насчитывавшихъ всего трехъ членовъ [1]). Декретъ отъ 14-го декабря того же года возстановилъ сословіе *адвокатовъ*.

Уголовное и полицейское судопроизводство.—1808 и 1809 годы были чреваты реформами въ области уголовнаго судопроизводства. При установленіи имперіи были сохранены, подъ именемъ *уголовныхъ судебныхъ палатъ*, департаментскіе уголовные трибуналы, дѣйствовавшіе съ помощью двойного жюри—обвинительнаго и судебнаго — и руководившіеся уложеніемъ о наказаніяхъ, изданнымъ въ брюмерѣ IV года [1]).

Уложеніе объ уголовномъ судопроизводствѣ, изданное въ 1808 году, замѣнило ихъ судомъ присяжныхъ (*cours d'assises*); вслѣдъ затѣмъ, въ 1810 году, судебныя уголовныя палаты были упразднены, и въ то же самое время были уничтожены судебныя жюри, званіе директоровъ жюри и тѣхъ *magistrats de sûreté*, которымъ законъ отъ 7 плювіоза IX года ввѣрилъ судебную полицію въ каждомъ округѣ. Cours d'assises должны были представлять собою и дѣйствительно представляютъ донынѣ высшую уголовную инстанцію; они засѣдаютъ, съ участіемъ судебнаго жюри, разъ въ три мѣсяца въ главномъ городѣ каждаго департамента.

Функціи *исправительной* полиціи, возложенныя Учредительнымъ собраніемъ на мировыхъ судей, были вантозскимъ закономъ VIII года переданы окружнымъ гражданскимъ судамъ. Уложеніе 1808 го-

---

1) Должность magistrats-auditeurs была уничтожена въ 1830 году.

1) „Составленіе этого свода было поручено 3-го флореаля II года Камбасересу и Мерлену. Въ дѣйствительности онъ былъ дѣломъ рукъ Мерлена, исполнившаго колоссальный трудъ. Уложеніе носитъ на себѣ ясный слѣдъ своего происхожденія: это — систематическій сводъ, всѣ части котораго согласованы другъ съ другомъ и который не искаженъ парламентскими преніями, часто порождающими непослѣдовательность и взаимное противорѣчіе частей: дѣло въ томъ, что Конвентъ вотировалъ его по довѣрію и безъ преній наканунѣ своего распущенія. Къ сожалѣнію, кодексъ 3 брюмера отличался крупными недостатками, имѣвшими одно происхожденіе съ его достоинствами. Сложность механизма, уснащеннаго формальностями и оговорками, сдѣлала его крайне неудобнымъ для практическаго примѣненія; а главное—онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отрекался отъ принциповъ 1791 года“.

да сохранило эту систему, санкціонированную еще декретомъ отъ 18 августа 1810 года. Тамъ, гдѣ окружный судъ имѣетъ нѣсколько камеръ, дѣла исправительно-полицейскаго свойства спеціально поручаются одной изъ нихъ. *Аппеляціи* должны были подаваться, согласно старинному установленію, уцѣлѣвшему въ кодексѣ 1808 года, либо въ суды, засѣдающіе въ главныхъ городахъ департаментовъ, либо въ окружную аппеляціонную палату, которая всегда заключала въ себѣ особую аппеляціонную камеру по дѣламъ исправительной полиціи [1]).

Юрисдикція по дѣламъ *обыкновенной полиціи*, ввѣренная вантозскимъ закономъ мировымъ судьямъ, была затѣмъ упрощена законами отъ 29 вантоза IX года и 28 флореаля X года. Уложеніе объ уголовномъ судопроизводствѣ 1808 года, напротивъ, усложнило ее, установивъ двоякаго рода суды по дѣламъ общей полиціи: во-первыхъ, *кантональный* судъ, состоящій изъ мирового судьи, правительственнаго чиновника (комиссаръ полиціи, мэръ или его помощникъ) и регистратора; во-вторыхъ, *коммунальный судъ* (исключая коммунъ, являвшихся административнымъ центромъ кантона), состоящій изъ мэра, его помощника, какъ представителя государственной власти, и одного гражданина - присяжнаго, исполняющаго функціи регистратора. Мировымъ судьямъ полицейская юрисдикція принадлежитъ и теперь, а полицейская юрисдикція мэра очень скоро атрофировалась.

Тѣ три вида репрессивной юрисдикціи, о которыхъ мы сейчасъ говорили, на техническомъ языкѣ называются *обычными*; но рядомъ съ ними имперія сохранила или создала вновь рядъ *исключительныхъ* юрисдикцій. — Важнѣйшимъ изъ такихъ учрежденій была *верховная имперская палата*. Она была учреждена подъ именемъ верховной судебной палаты конституціей VIII года, и назначеніемъ ея тогда было судить министровъ по декрету Законодательнаго корпуса; сенатскій декретъ отъ 28 флореаля XII года совершенно преобразовалъ ея устройство. Она должна была состоять теперь изъ „французскихъ принцевъ“, высшихъ сановниковъ и высшихъ должностныхъ лицъ имперіи, президента государственнаго совѣта и двадцати членовъ кассаціонной палаты, призываемыхъ въ порядкѣ старшинства. Предсѣдательствовалъ въ ней великій канцлеръ имперіи. Защитникомъ интересовъ государства являлся генералъ-прокуроръ, назначаемый пожизненно императоромъ. Компетенція верховной имперской палаты состояла въ томъ, чтобы судить членовъ императорской фамиліи, сановниковъ, высшихъ чиновниковъ и всякое лицо, уличенное въ покушеніи или заговорѣ противъ безопасности государства или императора. Но верховная палата и при имперіи функціонировала такъ же мало, какъ при консульствѣ.

Несравненно большее значеніе пріобрѣлъ на практикѣ другой органъ репрессивной юрисдикціи, созданный для временной надобности послѣ покушенія 3 нивоза IX года [1]). Мы говоримъ о „спеціальныхъ уголовныхъ трибуналахъ“, устройство и компетенція которыхъ уже были выше описаны [2]). Эти суды въ 1804 году получили названіе *спеціальныхъ палатъ* и сдѣлались постоянными (Уставъ угол. судопроиз. 1808 г.). Они были учреждены главнымъ образомъ въ западныхъ и южныхъ департаментахъ. Законъ отъ 20 апрѣля 1810 года раздѣлилъ ихъ на двѣ категоріи—на *обыкновенныя* и *чрезвычайныя* спеціальныя палаты; послѣднія долж-

---

[1]) Эту довольно сложную систему оказалось возможнымъ упразднить, благодаря возросшей легкости сообщенія, закономъ отъ 13 іюня 1856 года, согласно которому „всякая аппеляція подается въ имперскую палату“ (Code d' Instr. crim., art. 201 nouveau).

[1]) См. выше стр. 14.

[2]) См. выше стр. 16.

ны были замѣнять судъ присяжныхъ въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ жюри были временно уничтожены или еще не введены. Всѣ эти суды были упразднены въ 1814 году. Та же участь постигла *специальные таможенные суды* и превотальныя таможенныя палаты, на которые декретомъ отъ 18 октября 1810 года была возложена борьба съ таможенной контрабандой.

Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть о *военно-уголовныхъ учрежденіяхъ*, именно: 1) для сухопутной арміи—военные совѣты и воинскія присутствія (законъ отъ 18 вандемьера VI года); 2) для флота—на борту судовъ судебные и военные совѣты, въ арсеналахъ и острогахъ—морскіе трибуналы. Тѣ и другіе были учреждены двумя императорскими декретами 1806 года (22 іюля и 12 ноября).

Уставъ гражданскаго судопроизводства (1806)—Новая судебная организація, созданная законодательствомъ консульства и имперіи, дѣлала неизбѣжной кодификацію процессуальнаго права. Въ области уголовнаго суда существовалъ сначала законъ о судопроизводствѣ 1791 года, затѣмъ упомянутое выше уложеніе о преступленіяхъ и наказаніяхъ отъ 3 брюмера IV года. Но въ области гражданскаго судопроизводства ничего не было сдѣлано. Правда, Учредительное собраніе въ 1790 году заявило, что гражданское судопроизводство будетъ немедленно преобразовано (24 августа); но два мѣсяца спустя оно приказало судамъ „временно“ руководствоваться ордонансомъ 1667 года; только прокуроровъ замѣнили такъ называемыми *avoués*. Во II году Конвентъ упразднилъ послѣднихъ и всю вообще процедуру, чѣмъ лишилъ тяжущихся всякой гарантіи. Въ V году въ Совѣтъ пятисотъ былъ представленъ проектъ уложенія о судопроизводствѣ, который однако не прошелъ. По необходимости въ VIII году были возстановлены avoués (законъ отъ 27 вантоза) и снова введенъ въ дѣйствіе, опять-таки „временно“, ордонансъ 1667 года (консульскій указъ отъ 18 фрюктидора).

Въ X году наконецъ подумали о томъ, чтобы восполнить существующій пробѣлъ. 3 жерминаля консулы назначили комиссію для выработки проекта уложенія о гражданскомъ судопроизводствѣ, въ которую вошли: членъ государственнаго совѣта Трейльяръ, президентъ парижскаго апелляціоннаго суда Сегье и бывшій адвокатъ въ Шатлэ—Пижо. Послѣдній принималъ главное участіе въ составленіи проекта, который былъ опубликованъ въ XII году и представленъ на разсмотрѣніе кассаціоннаго и аппеляціонныхъ судовъ. Онъ прошелъ затѣмъ чрезъ всѣ конституціонныя инстанціи, былъ обсужденъ Государственнымъ совѣтомъ всего только въ двадцати трехъ засѣданіяхъ (отъ 20 апрѣля 1805 г. до 29 марта 1806 г.) и вступилъ въ силу 1 января 1807 года. Изъ великихъ кодексовъ, которыми Франція обязана Наполеону, это — наименѣе совершенный. Онъ обсуждался слишкомъ поспѣшно и поверхностно: „предметъ былъ сухъ,—говоритъ Локрэ,—и большинство членовъ совѣта не понимали его“. Въ общемъ онъ представляетъ собою ни что иное, какъ исправленное изданіе ордонанса 1667 года, и, несмотря на дополненія и нѣкоторыя измѣненія, внесенныя въ него позднѣе, нуждался бы теперь въ коренной переработкѣ. Кодексъ 1806 года установилъ процедуру для всѣхъ органовъ гражданскаго судопроизводства, исключая коммерческихъ судовъ, судопроизводство которыхъ было организовано нѣсколько позднѣе торговымъ уложеніемъ (книга IV), и кассаціонной палаты. Въ области гражданскихъ дѣлъ послѣдняя и донынѣ обязана руководиться, mutatis mutandis, старымъ уставомъ 28 іюня 1738 года.

Уставъ уголовнаго судопроизводства и уложеніе о наказаніяхъ. — Уставъ уголовнаго судопроизводства былъ введенъ въ

дѣйствіе только четыре года спустя послѣ устава гражданскаго судопроизводства, именно 1 января 1811 года. Между тѣмъ подготовительныя работы начались раньше, чѣмъ подготовительныя работы по составленію послѣдняго, и на почвѣ, уже расчищенной уложеніемъ отъ 3 брюмера IV года. Комиссія для выработки проекта была назначена консулами 7 жерминаля IX года; она состояла изъ Вьейльяра, Таржэ, Удара, Трейльяра и Блонделя. Она составила сначала проектъ одного кодекса, заключавшаго въ себѣ, подобно брюмерскому, и уставъ уголовнаго судопроизводства, и уложеніе о наказаніяхъ, подъ наименованіемъ *Code criminel, correctionnel et de police*. Запросивъ предварительно мнѣніе судовъ объ этомъ проектѣ, первый консулъ представилъ его затѣмъ на обсужденіе законодательной секціи Государственнаго совѣта, въ которой тогда предсѣдательствовалъ Биго де Преаменё. Пренія, начавшіяся 22 мая 1804 года, носили своеобразный характеръ: прежде чѣмъ разсматривать отдѣльныя статьи проекта, секція постаралась придти къ соглашенію относительно цѣлаго ряда основныхъ вопросовъ. Изъ нихъ однимъ изъ важнѣйшихъ и вызвавшихъ наибольшее разногласіе былъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли сохранить институтъ жюри. Этотъ институтъ, запятнавшій себя поддержкою, которую онъ оказалъ революціоннымъ трибуналамъ, подвергся нападкамъ уже въ III году. Эти нападки возобновились теперь, особенно со стороны Камбасереса и кассаціоннаго суда. Наполеонъ, не высказываясь противъ него прямо враждебно, предложилъ нѣчто иное, именно соединеніе гражданской и уголовной юрисдикцій въ однихъ и тѣхъ же рукахъ съ цѣлью создать сильные судебные коллегіальные органы и лучше обезпечить преслѣдованіе за преступныя дѣянія, „которое при настоящемъ положеніи вещей почти отсутствуетъ“. Въ виду этихъ разногласій обсужденіе проекта было послѣ 25-го засѣданія пріостановлено (24 декабря 1804). Оно было возобновлено лишь три года спустя, въ январѣ 1808 года.

Теперь первоначальный проектъ былъ раздѣленъ на двѣ части. Рѣшено было, что статьи, касающіяся судопроизводства, и статьи, касающіяся наказаній, составятъ два отдѣльныхъ свода, именно уставъ уголовнаго судопроизводства и уложеніе о наказаніяхъ. Первымъ обсуждался уставъ уголовнаго судопроизводства. На этотъ разъ Наполеонъ открыто высказался за сохраненіе жюри. Онъ признавалъ за послѣднимъ двоякое преимущество: что обвиняемаго судятъ не люди, быть можетъ, очерствѣвшіе благодаря привычкѣ, а ему равные, и что этимъ путемъ устраняется необходимость ввѣрять судамъ чрезмѣрную власть, какою они располагаютъ тамъ, гдѣ имъ принадлежитъ и сужденіе о правѣ, и сужденіе о фактѣ. Рѣшено было сохранить жюри, а также соединить гражданскую юрисдикцію съ уголовной. Послѣ тридцати семи засѣданій пренія были закрыты 30 октября 1808 года и проектъ переданъ на разсмотрѣніе Законодательнаго корпуса, который 16 декабря того же года вотировалъ послѣднюю статью его. Но уставъ уголовнаго судопроизводства не могъ быть введенъ въ дѣйствіе ранѣе опубликованія уложенія о наказаніяхъ. Между тѣмъ послѣднее было готово лишь 20 февраля 1810 года. Обсужденіе его, начавшееся въ Государственномъ совѣтѣ 4 октября 1808 года, заняло 41 засѣданіе. Съ другой стороны, сліяніе гражданской и уголовной юрисдикцій, принятое въ принципѣ, требовало преобразованія судебныхъ органовъ, которое и было произведено лишь закономъ отъ 20 апрѣля 1810 года. Въ результатѣ законъ отъ 17 декабря 1809 года опредѣлилъ срокомъ введенія въ дѣйствіе устава уголовнаго судопроизводства и уложенія о наказаніяхъ лишь 1-ое января 1811 года.

Изъ этихъ двухъ кодексовъ первый безконечно выше второго, хотя и самъ по себѣ не свободенъ отъ недостатковъ. Онъ проникнутъ той гуманной идеей, что до момента осужденія въ подсудимомъ слѣдуетъ предполагать невиновнаго. Судебное слѣдствіе должно имѣть цѣлью столько же обнаруженіе невинности, сколько и установленіе вины подсудимаго. Защита свободна. Система формальныхъ доказательствъ окончательно отмѣнена. Такимъ образомъ, французскій кодексъ устранилъ ошибки прошлаго и явился крупнымъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ господствовавшими въ ту эпоху формами уголовнаго судопроизводства. Уложеніе о наказаніяхъ, напротивъ, представляло собою шагъ назадъ. Оно было проникнуто не столько идеей абсолютной справедливости, сколько принципами утилитаристической философіи Бентама. Подобно ордонансу 1670 года, къ которому оно приближается по характеру, оно стремится главнымъ образомъ запугать. Отсюда чрезмѣрная строгость наказаній. Смертная казнь расточается щедро и примѣняется къ проступкамъ, не заслуживающимъ ея, каковы: поддѣлка государственной печати, фабрикація фальшивой монеты или политическія преступленія. Въ числѣ наказаній снова появляются изувѣченіе, клеймленіе, выставленіе у позорнаго столба, и общая конфискація имущества. Но при всемъ своемъ реакціонномъ характерѣ новое уложеніе отмѣчено и прогрессивными чертами, каковы установленіе минимума и максимума наказаній (принципъ, освященный закономъ отъ 25 фримера VIII года) и организація системы смягчающихъ вину обстоятельствъ. Точно такъ же лежащая въ основѣ этого уложенія классификація преступленій и наказаній лучше координирована, нежели господствовавшая раньше. При томъ, оно нѣсколько разъ подвергалось пересмотру въ видахъ смягченія наказаній: общая конфискація (съ 1814 года), изувѣченіе, клеймленіе и выставленіе у позорнаго столба были уничтожены.

Административныя юрисдикціи.—Картина судебныхъ учрежденій первой имперіи была бы неполна, если бы мы не упомянули, на ряду съ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ, такъ назыв. *административнаго*. Предназначенная вѣдать всѣ процессы, гдѣ замѣшана администрація въ качествѣ публичной власти, административная юрисдикція была тщательно изъята изъ-подъ контроля кассаціонной палаты, которому прямо или косвенно были подчинены всѣ органы гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, не исключая даже военныхъ судовъ. Это мотивировалось тѣмъ соображеніемъ, что необходимо оградить администрацію отъ возможныхъ вторженій въ ея сферу со стороны судебной власти,—вторженій, какія такъ часто позволяли себѣ прежніе парламенты. Но при этомъ упустили изъ виду возможность вторженій со стороны административной власти въ сферу суда, чрезвычайно участившихся при Директоріи, и забыли, что при такихъ условіяхъ администрація будетъ въ собственныхъ дѣлахъ вмѣстѣ и судьею, и стороною.

Высшимъ административнымъ судомъ былъ Государственный совѣтъ, являвшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и кассаціонной и апелляціонной палатой. Далѣе шли министры, префекты, совѣты префектуры, мэры, и нѣсколько спеціальныхъ юрисдикцій какъ, напримѣръ, государственнаго контроля.

О Государственномъ совѣтѣ, какъ высшемъ политическомъ учрежденіи, уже была рѣчь выше [1]). Здѣсь необходимо прибавить нѣсколько словъ, чтобы опредѣлить его административно-судебную компетенцію. Намѣченная весьма неопредѣленно въ конституціи VIII года (ст. 52), она была точно опредѣлена консульскимъ указомъ отъ 5 нивоза, организовавшимъ

---

1) См. выше стр. 9.

новый совѣтъ. По тексту статьи 11-ой, „Государственный совѣтъ, на основаніи заявленія консуловъ, разбираетъ: во-первыхъ, столкновенія между администраціей и судами; во-вторыхъ, спорныя дѣла, которыя донынѣ разрѣшались министрами". Какъ органъ, разрѣшающій столкновенія между администраціей и судами, Государственный совѣтъ пріобрѣлъ главенство даже надъ кассаціоннымъ судомъ, а вѣдѣніе спорныхъ дѣлъ обратило его въ высшій административный судъ. Но онъ могъ дѣйствовать лишь „подъ руководствомъ консуловъ": онъ только сообщалъ имъ свои заключенія, которыя они имѣли право игнорировать; слѣдовательно, онъ былъ совершенно лишенъ *собственной* власти. Съ процессуальной стороны нивозскій указъ не различалъ спорныхъ дѣлъ отъ дѣлъ чисто административныхъ. Тѣ и другія разбирались сначала въ секціи, которой были подсудны, а затѣмъ въ общемъ собраніи. Но позднѣе нашли необходимымъ тщательнѣе организовать судопроизводство по спорнымъ дѣламъ, число которыхъ возрастало съ каждымъ днемъ. Въ виду этого декретъ отъ 11 іюня 1806 г. учредилъ спеціальную комиссію подъ названіемъ комиссіи *спорныхъ дѣлъ*, на обязанности которой лежало производство слѣдствій и составленіе докладовъ. Тѣмъ же декретомъ былъ созданъ институтъ адвокатовъ при Государственномъ совѣтѣ, которые одни имѣли право подписывать жалобы и объяснительныя записки тяжущихся. Другой декретъ отъ 22 іюля того года установилъ процедуру разсмотрѣнія исковъ о возмѣщеніи убытковъ по спорнымъ дѣламъ; такіе иски разсматривались непремѣнно въ общемъ собраніи.

Контрольная палата, учрежденная закономъ отъ 16 сентября 1807 года, обязана провѣрять (въ первой инстанціи или по апеляціи) денежные счета всѣхъ должностныхъ лицъ, распоряжающихся какими бы то ни было казенными суммами. Ея рѣшенія окончательны, но могутъ быть обжалованы въ кассаціонномъ порядкѣ предъ Государственнымъ совѣтомъ. Ея устройство съ самаго начала представляло аналогію съ устройствомъ обыкновенныхъ судовъ, которая придаетъ ей характеръ чисто судебнаго органа, незаконно затесавшагося въ административную сферу.

III. Гражданское и торговое законодательство.

Кодексъ Наполеона; подготовительныя работы. — До установленія консульства потерпѣли неудачу четыре проекта гражданскаго уложенія, и данное въ 1790 году Учредительнымъ собраніемъ обѣщаніе создать однообразное законодательство осталось невыполненнымъ. Его исполнилъ первый консулъ. 24 термидора VIII года онъ вмѣстѣ со своими товарищами издалъ указъ, которымъ назначались четыре комиссара для составленія пятаго проекта: президентъ кассаціоннаго суда Троншэ, правительственный комиссаръ при томъ же судѣ Биго де Преаменё, комиссаръ призового совѣта Порталисъ и членъ кассаціоннаго суда Малевиль. Работа должна была быть окончена „въ послѣднюю декаду брюмера IX года и къ этому сроку представлена министромъ юстиціи консуламъ". Воля Бонапарта была исполнена: „Упорно работая,—говоритъ Малевиль,— мы успѣли составить гражданское уложеніе въ *четыре* мѣсяца; печатаніе его окончилось 1 плювіоза IX года". Правительство отдало эту первую редакцію на разсмотрѣніе кассаціоннаго и апеляціонныхъ судовъ; на основаніи сдѣланныхъ ими, часто весьма важныхъ замѣчаній, проектъ подвергся нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ.

Обсужденіе проекта высшими государственными учрежденіями началось еще въ томъ же году: извѣстно было, что первый консулъ торопился съ этимъ дѣломъ. Согласно сложной законодательной іерархіи, которую создала конститу-

ція VIII года, окончательную редакцію долженъ былъ дать проекту Государственный совѣтъ. Проектъ подвергся здѣсь чрезвычайно основательному пересмотру. Засѣданія въ тѣ дни, когда предсѣдательствовалъ Наполеонъ, кончались въ 8 или 9 часовъ вечера, начинаясь въ полдень. Существуетъ много разсказовъ о той роли, которую игралъ въ этихъ совѣщаніяхъ первый консулъ. Будучи самымъ молодымъ изъ членовъ, будучи совершенно неподготовленъ своими предшествовавшими занятіями къ пониманію сложныхъ юридическихъ вопросовъ, онъ удивлялъ всѣхъ быстротою и находчивостью, съ какою умѣлъ оріентироваться въ предметѣ преній. Стоя выше системъ, привычекъ и предразсудковъ, онъ безусловно игралъ первенствующую роль, хотя и предоставлялъ всякому полную свободу въ изложеніи его взглядовъ и подъ вліяніемъ дѣльныхъ аргументовъ легко допускалъ рѣшенія, противоположныя его первоначальнымъ намѣреніямъ. Онъ внушилъ множество постановленій, часто весьма удачныхъ. Правда, его можно упрекнуть въ томъ, что въ своихъ мнѣніяхъ онъ руководился иногда своекорыстными видами. Будучи уже теперь озабоченъ желаніемъ обезпечить себѣ преемника и уже потерявъ надежду имѣть потомство, онъ настойчиво, хотя и безуспѣшно, добивался того, чтобы несходство характеровъ было признано законнымъ поводомъ къ разводу и чтобы изъ римскаго права былъ заимствованъ искусственный и нелѣпый институтъ усыновленія, сопряженнаго со всею полнотою правъ, какія принадлежатъ законному сыну. Болѣе разумными мотивами руководился онъ, когда настаивалъ на повышеніи возрастной нормы, дающей право вступать въ бракъ, на болѣе дѣятельной охранѣ правъ лица, находящагося въ безвѣстной отлучкѣ, на суженіи сферы представительства при наслѣдованіи въ боковой линіи и т. п.

Проредактированный Государственнымъ совѣтомъ, проектъ долженъ былъ затѣмъ быть прочтенъ въ Законодательномъ корпусѣ и наконецъ представленъ трибунату, который долженъ былъ снова обсудить его и выразить *сужденіе* о принятіи или непринятіи его, послѣ чего троимъ его членамъ поручалось поддерживать это сужденіе въ Законодательномъ корпусѣ. Здѣсь произошло нѣсколько серьезныхъ инцидентовъ, которые едва не погубили всего дѣла. Извѣстное число трибуновъ, относившихся враждебно къ политикѣ перваго консула, подвергли рѣзкой критикѣ первую статью проекта, доказывая, что она—ничто иное, какъ лишенная оригинальности компиляція изъ римскаго и обычнаго права, и что она возстановляетъ ненавистные институты, вродѣ гражданской смерти. По предложенію трибуната, Законодательный корпусъ отвергъ первую статью (24 фримера X года). Та же участь готовилась и второй статьѣ, когда Бонапартъ въ виду оборота, который принимало дѣло, взялъ назадъ проектъ слѣдующимъ заявленіемъ: „Законодатели, правительство рѣшило взять назадъ проекты гражданскаго уложенія. Оно съ грустью видитъ себя вынужденнымъ отсрочить до другого времени изданіе законовъ, съ нетерпѣніемъ ожидаемыхъ націей; но оно убѣдилось, что еще не наступило время, когда бы можно было вести эти важныя пренія съ тѣмъ спокойствіемъ и единодушіемъ, которыхъ они требуютъ".

Но Наполеонъ *хотѣлъ* провести свой кодексъ и потому не отчаялся и не сложилъ рукъ. 18 жерминаля X года онъ, вопреки конституціи, создалъ новую форму *офиціознаго обращенія* къ трибунату. Отнынѣ трибунатъ приглашается изъявлять свое мнѣніе о законопроектахъ до чтенія ихъ въ Законодательномъ корпусѣ, и въ случаѣ разногласія съ Государственнымъ совѣтомъ онъ образуетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ смѣшанную комиссію, которая и вноситъ въ проектъ необходимыя

измѣненія. Исправленный такимъ образомъ проектъ проходитъ затѣмъ всю требуемую конституціей процедуру, которая, очевидно, превращается въ чистую формальность. Этимъ путемъ и былъ проведенъ кодексъ. Въ теченіе одного года, съ марта 1803 по мартъ 1804, всѣ статьи, числомъ тридцать шесть, были вотированы и по мѣрѣ принятія обнародованы. Послѣдній законъ, изданный 30 вантоза XII года (21 марта 1804), окончательно объединилъ всѣ эти статьи въ одинъ кодексъ, заключающій въ себѣ 2.281 параграфъ и объявилъ отмѣненными „всѣ римскіе законы, ордонансы, общіе и мѣстные кутюмы, статуты и регламенты по всѣмъ вопросамъ права, трактуемымъ въ настоящемъ уложеніи".

Гражданское уложеніе—трудъ замѣчательный и при всѣхъ своихъ неизбѣжныхъ недостаткахъ дѣлающій большую честь своимъ авторамъ. Изъ числа послѣднихъ слѣдуетъ назвать особенно Троншэ, которому Наполеонъ офиціально пожаловалъ титулъ *перваго законовѣда Франціи,* Порталиса, Камбасереса, Трейльяра и самого перваго консула. Это не оригинальное произведеніе, а скорѣе компиляція изъ римскаго права, кутюмовъ, королевскихъ ордонансовъ, судебной практики старыхъ парламентовъ, изъ ученій старинныхъ правовѣдовъ (Дома, Потье), изъ революціонныхъ законовъ,—компиляція, сведенная въ ясную, хотя и не методическую систему. Именно этому своему эклектическому характеру Кодексъ обязанъ своей живучестью. Наполеонъ справедливо гордился имъ. „Моя истинная слава,—сказалъ онъ на о. св. Елены,—не въ томъ, что я выигралъ сорокъ сраженій: Ватерлоо изгладитъ воспоминаніе обо всѣхъ этихъ побѣдахъ. Но что не можетъ быть забыто, что будетъ жить вѣчно,—это мое гражданское уложеніе".

Этотъ Кодексъ выдержалъ нѣсколько офиціальныхъ изданій. Первое было выпущено въ трехъ различныхъ форматахъ въ X и XI годахъ. Второе было сдѣлано по постановленію Законодательнаго корпуса отъ 3 сентября 1807 года съ цѣлью согласовать терминологію уложенія съ новымъ политическимъ режимомъ [1]) и дать ему въ общемъ заслуженное наименованіе *Кодекса Наполеона.* Докладчикъ упомянутаго сейчасъ постановленія 1807 г., Биго де Преаменё, мотивировалъ эту перемѣну наименованія тѣмъ курьезнымъ соображеніемъ, что нѣкоторыя иностранныя націи, введя у себя этотъ новый Кодексъ и не имѣя возможности сохранить за нимъ названіе „Французскаго гражданскаго уложенія", сами переименовали его въ Кодексъ Наполеона — „справедливая дань уваженія тому, кому этотъ великій памятникъ обязанъ своимъ происхожденіемъ".

Кодексъ Наполеона за предѣлами Франціи.—Биго де Преаменё былъ правъ: Кодексъ Наполеона уже перешелъ границы Франціи. Исторія его распространенія не лишена интереса. Онъ былъ введенъ сначала въ главныхъ французскихъ колоніяхъ: Ла-Реюніонъ, Гваделупѣ, Мартиникѣ и Гвіанѣ—въ 1806 году, затѣмъ въ странахъ, присоединенныхъ къ имперіи: въ Италіи—въ 1806 г., въ Голландіи и ганзейскихъ департаментахъ — въ 1810, въ великомъ герцогствѣ Бергенъ—въ 1811. Нѣкоторыя другія страны въ средней Европѣ добровольно ввели его у себя, именно: королевство Вестфальское, великія герцогства Баденское, Нассауское и Франкфуртское, нѣсколько швейцарскихъ кантоновъ, вольный городъ Данцигъ, великое герцогство Варшавское и иллирійскія провинціи.

Можно думать, что и Германія пріобрѣла бы въ Кодексѣ Наполеона однообразное гражданское законодательство, если бы этому не помѣшало паденіе имперіи. Послѣднее побудило также нѣко-

---

[1]) Третье и послѣднее офиціальное изданіе было сдѣлано по той же причинѣ въ 1816 году.

торыя страны, въ томъ числѣ всѣ итальянскія государства, исключая Неаполя, съ нарочитою поспѣшностью отвергнуть его; другія ограничились внесеніемъ въ него болѣе или менѣе значительныхъ поправокъ. Голландія тотчасъ предприняла пересмотръ его, законченный только въ 1838 году. Бельгія, которая, какъ и вся республика, ввела у себя Кодексъ тотчасъ по его появленіи, ограничилась затѣмъ частичными поправками, изъ которыхъ важнѣйшей является законъ 15 декабря 1851 года объ ипотечной системѣ. Въ неаполитанскомъ королевствѣ Бурбоны сохранили Кодексъ Наполеона съ нѣкоторыми измѣненіями и распространили его дѣйствіе на Сицилію (1819). То же случилось и въ рейнскихъ провинціяхъ, въ великихъ герцогствахъ Бергенскомъ, Люксембургскомъ и Баденскомъ, въ Женевскомъ кантонѣ и французской части Бернскаго и въ русской Польшѣ.

Послѣ паденія имперіи Кодексъ Наполеона былъ распространенъ еще на нѣкоторыя французскія колоніи: на французскія поселенія въ Индіи (1819), Сенегалъ (1830), Кохинхину (1864), Новую Каледонію (1866) и Таити (1868). Кромѣ того, онъ послужилъ образцомъ для многихъ иностранныхъ кодексовъ, частью воспроизводящихъ его дословно; таковы, между прочимъ, кодексы нѣсколькихъ швейцарскихъ кантоновъ: Во (1818), Тессина, Валлиса, Фрибурга, Невшателя (1855); кодексъ Іоническихъ острововъ (1841), часто воспроизводящій его текстъ съ буквальной точностью; румынскій кодексъ (1864), расходящійся съ нимъ въ законоположеніяхъ о бракѣ, для котораго румынскій кодексъ требуетъ церковнаго благословенія; итальянскій кодексъ 1866 года; монакскій кодексъ отъ 1 января 1885 года. Вліяніе наполеоновскаго кодекса отразилось даже въ Америкѣ — на гражданскомъ законодательствѣ Луизіаны (1825), Гаити (1826), Боливіи (1845) и Сальвадора (1880), исключая въ общемъ той части его, которая касается формъ заключенія брака. Нижняя Канада ввела у себя 1 августа 1865 года кодексъ, представляющій собою смѣсь постановленій, заимствованныхъ изъ парижскаго кутюма и наполеоновскаго Кодекса, съ англійскими законами. Такимъ образомъ, безъ метафоры можно сказать, что созданіе перваго консула обошло весь міръ. И этимъ оно опять-таки обязано своему эклектическому характеру.

Кодексъ Наполеона и предшествовавшее ему гражданское законодательство.—Мы не имѣемъ возможности анализировать здѣсь этотъ кодексъ; мы ограничимся лишь нѣкоторыми общими указаніями, чтобы дать понятіе о тѣхъ основныхъ пунктахъ, въ которыхъ онъ подтвердилъ или измѣнилъ предшествовавшее ему законодательство.

Принципомъ, опредѣляющимъ *положеніе личности* въ обществѣ, остается попрежнему равенство передъ закономъ. Однако Кодексъ не отмѣнилъ указа отъ 30 флореаля X года, которымъ консулы возстановили рабство въ колоніяхъ. Наперекоръ нѣсколько опрометчивой гуманности Учредительнаго собранія въ отношеніи къ иностранцамъ, Кодексъ предоставляетъ имъ извѣстныя права лишь подъ условіемъ дипломатической взаимности или спеціальныхъ гарантій. Въ 1808 году Наполеонъ нарушилъ принципъ равенства возстановленіемъ дворянства, и именно *имперскаго дворянства*, окончательно организованнаго сенатскимъ указомъ отъ 1 марта. Онъ хотѣлъ этимъ вознаградить преданность, увеличить блескъ своего двора и, какъ онъ выражался, „согласовать французскія учрежденія съ европейскими". Высшіе сановники получили титулы свѣтлостей и князей, низшіе — герцоговъ, графовъ и бароновъ. Какъ форму дареній, сопряженныхъ съ этими титулами, Наполеонъ создалъ институтъ *майоратовъ*—неотчуждаемыхъ помѣстій, передаваемыхъ по мужской линіи въ порядкѣ старшин-

ства. Это былъ открытый поворотъ назадъ, къ старому порядку.

Въ вопросѣ *о бракѣ* Кодексъ придерживается порядка, установленнаго законами 1792 года. Онъ сохраняетъ *гражданскій* бракъ, ограничиваясь только повышеніемъ возрастной нормы для вступающихъ въ бракъ до восемнадцати и пятнадцати лѣтъ, и *разводъ*, при чемъ допускаетъ „для католиковъ" прекращеніе сожительства и, вопреки волѣ Бонапарта, отмѣняетъ одностороннее расторженіе брака подъ видомъ развода, обусловленнаго несходствомъ характеровъ. Въ эпоху Реставраціи, закономъ 1816 года, разводъ былъ совершенно отмѣненъ.

Составители Кодекса завершили упраздненіе феодальнаго строя и реальныхъ повинностей, тяготѣвшихъ до сихъ поръ надъ *земельною собственностью*, рѣшивъ, согласно мнѣнію перваго консула, но послѣ долгихъ и бурныхъ преній, что поземельная рента, исчезнувшая благодаря брюмерскому закону 7 года объ ипотечной системѣ, не можетъ быть возстановлена и должна отнынѣ носить характеръ лишь долгового обязательства подъ движимое имущество (ст. 530). Этимъ они намѣтили послѣдній шагъ по пути освобожденія земельной собственности.

Напротивъ, въ области *наслѣдственнаго права* Кодексъ устранилъ излишества нивозскаго закона II года, смягченныя уже раньше закономъ отъ 4 жерминаля VIII года. Принципъ равенства между наслѣдниками остался въ силѣ; но представительство по боковой линіи было ограничено; размѣръ той части имущества, которою въ правѣ распоряжаться наслѣдодатель, былъ увеличенъ; ассигновки изъ наслѣдственной массы въ пользу постороннихъ лицъ признаны подлежащими сокращенію, а не лишенными законной силы; наслѣдственныя права внѣбрачныхъ дѣтей уменьшены.

Въ области *ипотечнаго* права Кодексъ Наполеона санкціонировалъ начала, установленныя брюмерскимъ закономъ VII года, но, къ сожалѣнію, отказался отъ системы *транскрипціи*, организованной этимъ закономъ для обезпеченія гласности сдѣлокъ, имѣющихъ предметомъ отчужденіе земельной собственности. Послѣ долгихъ колебаній ее пришлось возстановить въ 1855 году.

Торговое уложеніе (1807).—Регламентація частнаго права въ духѣ новаго времени, начатая гражданскимъ уложеніемъ, была закончена торговымъ уложеніемъ, обнародованнымъ въ 1807 году. Все еще дѣйствовавшіе ордонансъ 1673 года для сухопутной торговли и ордонансъ 1681 для морской сдѣлались недостаточными. Особенно узаконенія о банкротствахъ требовали спѣшнаго пересмотра. Эта работа, признанная неотложной уже въ 1787 году и поставленная на очередь Учредительнымъ собраніемъ, была фактически начата лишь при консульствѣ.

Указомъ отъ 13 жерминаля IX года была назначена комиссія изъ девяти лицъ—частью законовѣдовъ, частью коммерсантовъ — для изготовленія проекта торговаго устава. Проектъ былъ составленъ менѣе, чѣмъ въ девять мѣсяцевъ, и сообщенъ кассаціонному и аппеляціоннымъ судамъ, коммерческимъ судамъ и совѣтамъ. Другую редакцію изготовили въ 1803 году три члена комиссіи—Горно, Ле Гра и Виталь-Ру, и она была внесена въ секцію Государственнаго совѣта по внутреннимъ дѣламъ. Проектъ пролежалъ подъ сукномъ до 1806 года, когда нѣсколько скандальныхъ банкротствъ, происшедшихъ въ Парижѣ, побудили Наполеона, находившагося тогда въ Пруссіи, распорядиться, чтобы Государственный совѣтъ возобновилъ работу, не дожидаясь его возвращенія. Обсужденіе проекта возобновилось 4 ноября 1806 года и, занявъ шестьдесятъ засѣданій, окончилось 29 августа 1807 года. Его вотированіе прошло ту же процедуру, какъ и вотированіе предшествовавшихъ ему гражданскаго

уложенія и устава судопроизводства; 1 января 1808 года торговое уложеніе вошло въ силу.

Оно состоитъ изъ пяти законовъ, объединенныхъ въ одну серію статей, и представляетъ собою лишь переработку ордонансовъ 1673 и 1681 гг., откуда многія статьи перенесены въ него съ дословной точностью. Поэтому торговое уложеніе устарѣло несравненно быстрѣе, чѣмъ остальные кодексы императорской эпохи; впрочемъ, это было неизбѣжно уже въ виду необычайно быстраго развитія торговли и измѣненія ея характера. Съ 1817 года приходится исправлять торговое уложеніе—и исправлять часто. То же случилось и въ странахъ, введшихъ его у себя добровольно, какъ Греція и Испанія, или принужденныхъ ввести его у себя, какъ Италія, Голландія, Бельгія, Люксембургъ.

IV.—Народное образованіе.

Организація народнаго образованія въ началѣ имперіи.—Въ моментъ установленія имперіи правительство имѣло на рукахъ законъ отъ 11 флореаля X года о народномъ образованіи. Этотъ законъ упразднялъ старыя *центральныя школы*, созданныя Конвентомъ, и устанавливалъ три степени обученія: низшую — *начальныя школы*, устраиваемыя коммунами, вторую—*среднія школы* и *лицеи*, и высшую—*спеціальныя школы*. Но если основы были опредѣлены, то на дѣлѣ еще ничего не было организовано, и до основанія императорскаго университета (1808), которое начало новую эру въ исторіи народнаго просвѣщенія во Франціи, Наполеонъ неустанно работалъ надъ проведеніемъ въ жизнь закона отъ 11 флореаля.

Для обученія *правовѣдѣнію* донынѣ не существовало никакихъ школъ. Законъ 11 флореаля уполномочивалъ правительство открыть десять спеціальныхъ школъ правовѣдѣнія; но въ XII году еще ни одна не была открыта. Предстояло вскорѣ обнародованіе гражданскаго уложенія, а для истолкованія его не было назначено ни одного профессора. Первый консулъ поспѣшилъ восполнить этотъ пробѣлъ закономъ отъ 22 вантоза XII года (13 марта 1804), за которымъ вскорѣ послѣдовалъ императорскій декретъ отъ 4-го дня дополн. м. того же года. Эти два законодательныхъ акта указали предметъ преподаванія, опредѣлили продолжительность обученія, установили ученыя степени, форму и содержаніе экзаменовъ, наконецъ организовали администрацію школъ. Всюду въ этой системѣ даетъ себя чувствовать недовѣрчивый и властный духъ императора. Въ школахъ правовѣдѣнія должно быть преподаваемо только то, что строго необходимо для надобностей практики: „французское гражданское право въ порядкѣ, установленномъ гражданскимъ уложеніемъ, римское право въ его отношеніяхъ къ французскому, уголовное законодательство и судопроизводство гражданское и уголовное, французское публичное право и гражданское право въ его отношеніи къ публичной администраціи“. „Чистой и самодовлѣющей наукѣ здѣсь не было мѣста“ (Ліаръ). Что касается административнаго устройства школъ правовѣдѣнія, то каждая школа состояла изъ пяти профессоровъ и двухъ помощниковъ, назначаемыхъ императоромъ послѣ публичнаго конкурса, дававшаго право не на занятіе вакантной каѳедры, а только на то, чтобы быть *предложеннымъ* на выборъ правительства. Одинъ изъ профессоровъ завѣдовалъ школою подъ именемъ *директора;* онъ назначался на три года. При немъ состоялъ *главный секретарь*, также назначаемый императоромъ. Сверхъ того, школа состояла подъ надзоромъ генеральнаго инспектора, административнаго бюро и педагогическаго совѣта. Все это устройство можно характеризовать однимъ

словомъ: новыя школы были подчинены военному режиму. Впрочемъ, ученики набирались довольно быстро: въ 1807 году ихъ было уже 2.000.

Существовавшія *медицинскія* и *фармацевтическія* школы были сохранены. Въ этой области имперія ограничилась учрежденіемъ, на ряду со степенью доктора, даваемой школами, званія officier de santé, которое присуждалось въ каждомъ департаментѣ особымъ жюри; кромѣ того, установлена была двоякая форма фармацевтическаго диплома: дипломъ перваго разряда, даваемый школами, позволялъ практиковать на всемъ протяженіи имперіи, дипломъ второго разряда, присуждаемый спеціальными жюри, давалъ право практиковать лишь въ одномъ департаментѣ. *Музей* естественной исторіи былъ сохраненъ безъ измѣненій. *Политехническая школа* превратилась въ интернатъ, или вѣрнѣе, въ казарму, подчиненную военному режиму. Курсы *восточныхъ языковъ* были сохранены. *Collège de France* продолжалъ процвѣтать. Для нуждъ высшаго богословскаго образованія, о которомъ законъ X года умалчивалъ, были устроены въ 1805 и 1806 гг. католическія *семинаріи* и протестантскія *академіи*.

Организація *средняго* образованія дѣлилась на лицеи, являвшіеся „ея главнымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно новымъ органомъ", и среднія школы. *Лицеи* представляли собою казенныя заведенія, и число ихъ было невелико; по закону, на каждый округъ апелляціоннаго суда полагался одинъ лицей. Во главѣ лицея стояло административное бюро, состоявшее, кромѣ директора, изъ городского мэра, префекта департамента и двухъ членовъ апелляціоннаго суда. Въ программѣ лицеевъ преобладали точныя науки; словесныя стояли на заднемъ планѣ, сообразно духу времени, хотя все же имъ было удѣлено здѣсь больше мѣста, чѣмъ въ прежнихъ центральныхъ школахъ. Въ этомъ отношеніи лицеи представляли шагъ впередъ. *Среднія школы* были не казенными, а общественными или частными учебными заведеніями; учебная программа ихъ была сходна съ лицейской, но нѣсколько сокращена сравнительно съ послѣднею.

Организація *начальнаго* обученія была всецѣло предоставлена коммунамъ подъ надзоромъ су-префектовъ. Каждая коммуна или группа коммунъ должна была имѣть свою школу. Выборъ преподавателей принадлежалъ, какъ и раньше, мэрамъ и муниципальнымъ совѣтамъ. Въ этомъ пунктѣ законъ 11 флореаля не урѣзалъ автономіи коммунъ.

Основаніе императорскаго университета.— Описанная сейчасъ организація народнаго просвѣщенія не удовлетворяла Наполеона: она была еще недостаточно сконцентрирована. Преподавательскій персоналъ не былъ слитъ въ одинъ органъ, и члены его оставались независимыми другъ отъ друга. Наполеонъ рѣшилъ создать настоящую педагогическую *корпорацію* совсѣмъ новаго рода, которой онъ намѣревался самъ предписать доктрину, дать уставъ и начальника. Устройство этой корпораціи было въ принципѣ рѣшено закономъ отъ 10—20 мая 1806 года, который отсрочивалъ окончательную ея организацію до 1810 года. Но императоръ спѣшилъ: въ 1808 году былъ созданъ особымъ декретомъ (отъ 17 марта) *императорскій университетъ*. Съ основаніемъ этого университета долженъ былъ осуществиться типъ просвѣтительнаго государства, государства какъ главы школы, который былъ идеаломъ Наполеона. Онъ былъ организованъ на началахъ единства доктрины и единства дѣйствія, въ виду чего ему предоставлена была монополія образованія, и основной задачей было поставлено ему — служить моральной опорой государству. Этимъ обусловлены были извѣстныя обязательства,

предписанныя университетскимъ профессорамъ; такъ, основами ихъ преподаванія должны были являться „правила католической религіи, вѣрность императору и императорской монархіи, блюстителямъ народнаго благополучія, и наполеоновской династіи, хранительницѣ единства Франціи и всѣхъ либеральныхъ идей, провозглашенныхъ конституціей". Съ этою же цѣлью профессорамъ предписывалось при исполненіи ихъ обязанностей подчиняться „статутамъ педагогической корпораціи, которые имѣютъ цѣлью установить единообразіе въ преподаваніи и стремятся создавать для государства гражданъ, преданныхъ вѣрѣ, государю, отечеству и своей семьѣ" (декретъ 1808 г.). Эти предначертанія были вызваны очевидно не надобностями науки, а политическими соображеніями.

По уставу 1808 года во главѣ императорскаго университета стояли *ректоръ* (grand maître) и университетскій совѣтъ, „обсуждающіе наиболѣе важныя дѣла и имѣющіе попеченіе обо всѣхъ средствахъ къ улучшенію преподаванія". Далѣе шли канцлеръ и казначей, главные и подчиненные инспектора, затѣмъ директоры и профессора спеціальныхъ школъ, ректоры, цензоры и профессора лицеевъ, директоры и профессора коллежей, репетиторы и адъюнкты,—и всѣ эти должностныя лица были въ строго іерархическомъ порядкѣ подчинены ректору университета, и каждое изъ нихъ имѣло свою спеціальную функцію и, такъ сказать, свой порядковый нумеръ въ этой громадной корпораціи съ правильными повышеніями въ чинѣ, какъ у армейскихъ офицеровъ. Эта послѣдняя идея исходила отъ Бонапарта. Исключеніе составляли только спеціальныя школы, гдѣ каѳедры замѣщались конкурснымъ порядкомъ. Университетъ, единый для всей имперіи, былъ раздѣленъ на округа, называемые *академіями*. Въ районѣ каждаго аппеляціоннаго суда существовала академія; во главѣ ея стояли ректоръ и академическій совѣтъ.

Преподаваніе въ университетѣ.—Университетъ обнималъ всѣ учебныя заведенія, какъ *общественныя*, такъ и *частныя:* „Внѣ его и безъ разрѣшенія его главы не могла быть устроена ни одна школа". Первыя учреждались и управлялись университетомъ, вторыя онъ разрѣшалъ и контролировалъ. Музей и Collège de France были, въ видѣ исключенія, изъяты изъ его вѣдѣнія. Всѣ эти учебныя заведенія попрежнему дѣлились на три категоріи: высшаго, средняго и начальнаго образованія.

Въ области *высшаго* образованія на первомъ планѣ стояли *факультеты.* Ихъ было пять видовъ: богословскіе (католическіе и протестантскіе), юридическіе, медицинскіе, физико-математическіе и словесные. При новой организаціи народнаго просвѣщенія юридическіе и медицинскіе факультеты являлись тѣми же старыми спеціальными школами, лишь подъ другимъ наименованіемъ. Напротивъ, физико-математическіе и словесные факультеты представляли собой совершенно новые органы, предназначенные почти исключительно для присужденія ученыхъ степеней, благодаря чему ихъ роль естественно должна была быть ничтожной. Въ Парижѣ въ ихъ составъ входили, кромѣ лицейскихъ профессоровъ, нѣкоторые профессора Collège de France, музея и политехнической школы; но въ провинціи они составлялись почти исключительно изъ профессоровъ сосѣдняго лицея. Отдѣльные факультеты были совершенно независимы другъ отъ друга; теперь они не группировались, какъ прежде, въ областные университеты. Такимъ образомъ, въ общемъ имперія только придала общій характеръ системѣ спеціальныхъ школъ; возможность другой организаціи высшаго образованія не представлялась уму Наполеона.

Напротивъ, *средняя* школа должна была, по его мысли, давать общее образованіе и подготовлять молодыхъ людей къ

вступленію затѣмъ, сообразно ихъ вкусамъ, въ одну изъ спеціальныхъ школъ. Органами этого общаго образованія являлись *лицеи* и разрѣшенные правительствомъ коллежи, программа которыхъ также носила утилитарный характеръ. Въ видахъ пополненія профессорскаго персонала былъ основанъ въ Парижѣ „нормальный пансіонъ", вмѣщавшій до трехсотъ воспитанниковъ; изъ него возникла позднѣе *Высшая нормальная школа*.

Что касается *начальныхъ* школъ, то декретъ 1808 года, подчинивъ ихъ университету, тѣмъ самымъ связалъ ихъ съ центромъ. Ректоръ университета обязанъ былъ слѣдить за подборомъ учителей. Для облегченія этого подбора декретъ предписывалъ открыть „при каждой академіи, въ лицеяхъ и коллежахъ по одному или по нѣсколько нормальныхъ классовъ, предназначенныхъ для подготовки учителей начальныхъ школъ". Декретъ присовокуплялъ, что frères des écoles chrétiennes „должны быть уполномочиваемы на открытіе школъ и поощряемы ректоромъ университета, которому принадлежитъ надзоръ надъ ихъ школами", и что ихъ настоятели могутъ быть членами университета.

Пространный декретъ отъ 15 ноября 1811 года, которымъ былъ организованъ университетъ, опредѣлилъ его внутреннее устройство, далъ ему юрисдикцію и установилъ источники его доходовъ, словомъ—завершилъ его устроеніе все въ томъ же духѣ строгой централизаціи. По мысли Наполеона, „университетъ долженъ былъ представлять собою прежде всего *instrumentum regni*" (Ліаръ). Это и былъ его природный недостатокъ, обрекшій его погибнуть въ тотъ день, когда исчезло согласіе между духомъ, царившимъ въ немъ, и настроеніемъ общества.

Глава VIII.

Церковь и культы въ періодъ консульства и имперіи.

1800—1814.

Исторія французской церкви въ эпоху революціи представляетъ картину непрерывнаго, долгаго гоненія. Съ учрежденіемъ консульства она, хотя и не безъ усилій, вступаетъ въ періодъ мирнаго преобразованія, и на тотъ же путь Наполеонъ выводитъ сначала протестантскіе, потомъ и еврейскій культы. Въ эпоху имперіи, когда въ государственномъ управленіи берутъ верхъ принципы крайняго абсолютизма, снова начинаются столкновенія, между тѣмъ какъ за предѣлами Франціи всюду понемногу обнаруживается вліяніе событій, волнующихъ Францію. Разсмотримъ послѣдовательно эти разнообразныя перипетіи.

I. — Офиціальное возстановленіе католическаго культа.

Религіозное состояніе Франціи въ IX году.—Въ моментъ вступленія генерала Бонапарта во власть Франція переживала въ религіозномъ отношеніи періодъ совершенной анархіи. Папа Пій VI только что умеръ (29 августа 1799), и преемникъ ему еще не былъ избранъ. „Ослушное" духовенство, подвергшееся послѣ 18 фрюктидора новымъ преслѣдованіямъ и все же имѣвшее за себя большинство вѣрующихъ, было разсѣяно. „Конституціонное" духовенство, потерявшее всякій авторитетъ, тщетно пыталось возстановить свое вліяніе. Результатомъ этихъ условій былъ непримиримый расколъ, поддерживавшій смуту въ обществѣ и отдѣльныхъ семьяхъ. Оспаривалась законность множества браковъ, равно какъ и сдѣлокъ по продажѣ церковнаго имущества. Клонившаяся къ упадку секта *теофилантроповъ* все еще оспаривала у католическихъ обществъ право пользованія зданіями, предназначенными для надобностей культа [1]). Наконецъ, среди высшей бюрократіи и частью даже въ кругу приближенныхъ перваго консула продолжалъ царить якобинскій духъ съ его узкой нетерпимостью, безпрестанно создававшій все новыя затрудненія.

Бонапартъ понялъ, что необходимо возстановить какой-нибудь порядокъ въ этомъ хаосѣ. Онъ имѣлъ опредѣленныя идеи о роли религіи въ государствѣ, которыя и не замедлилъ высказать. За десять дней до битвы при Маренго, 5 іюня 1800 года, онъ обратился къ миланскому духовенству съ такими словами: „Ника-

[1]) Право пользованія этими зданіями было отнято у теофипантроповъ консульскимъ указомъ 21 октября 1801 года.

Ж. Л. Давидъ.

Папа Пій VII.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

кое общество не можетъ существовать безъ морали, а настоящая мораль немыслима внѣ религіи. Слѣдовательно, прочную и постоянную опору даетъ государству только религія. Общество, лишенное вѣры, похоже на корабль, лишенный компаса... Наученная своими несчастіями, Франція наконецъ прозрѣла; она сознала, что католическая религія есть какъ бы якорь, который одинъ только можетъ дать ей устойчивость среди обуревающихъ ее волненій".

Съ другой стороны, первый консулъ обратилъ вниманіе на быстрые успѣхи, которые сдѣлало „ослушное" духовенство въ немногіе мѣсяцы свободы, слѣдовавшіе за обнародованіемъ декрета отъ 3 вантоза III года и прекращеніемъ преслѣдованій послѣ 30 преріаля VII года. Онъ опасался, чтобы предоставленіе церкви слишкомъ большой независимости не послужило во вредъ свѣтской власти, и потому считалъ нужнымъ ограничить свободу церкви. Руайэ-Колларъ сказалъ въ Совѣтѣ Пятисотъ: „Опытъ неопровержимо доказалъ, что всюду, гдѣ существуетъ въ государствѣ религія, исповѣдуемая большинствомъ населенія, правительству приходится либо заключить съ нею союзъ, основанный на выгодахъ взаимной поддержки, либо разрушить ее, если оно не хочетъ само быть низвергнуто ею". Именно таково было мнѣніе Бонапарта. Революція пыталась сокрушить церковь, но безуспѣшно, а Бонапартъ не хотѣлъ, чтобы церковь разрушила государство. Итакъ, оставался только одинъ исходъ: заключить конкордатъ.

Этими двумя мотивами и была опредѣлена религіозная политика перваго консула. Ими объясняется вызвавшее столь различныя оцѣнки поведеніе Бонапарта во время переговоровъ, которые онъ началъ со св. Престоломъ. Его образъ дѣйствій въ этихъ переговорахъ былъ вмѣстѣ и смѣлъ, и беззастѣнчивъ: смѣлъ потому, что Бонапарту приходилось бороться съ массой противниковъ — со своими боевыми сподвижниками, съ товарищами по консульству, съ высшими государственными учрежденіями; беззастѣнчивъ — потому что онъ старался запугиваніемъ или хитростью вырвать у папы уступки, которыя послѣдній не властенъ былъ сдѣлать, и потому, что позднѣе пытался силою вынудить у него то, чего ему не удалось добиться переговорами. Таковы были его взгляды и замыслы, когда онъ въ 1801 году началъ переговоры о конкордатѣ.

Переговоры съ куріей и заключеніе конкордата (1801). — Моментъ былъ благопріятенъ: конклавъ, собравшійся въ Венеціи (1 декабря 1799—14 марта 1800), только что избралъ въ папы миролюбиваго и мягкаго по характеру прелата, кардинала-епископа Имолы, Григорія-Варнаву, изъ рода графовъ Кьярамонти. Новый папа былъ коронованъ 21 марта подъ именемъ Пія VII и, сначала не будучи допущенъ въ Римъ, могъ вступить въ него лишь 3 іюля. Ради возстановленія католицизма во Франціи онъ былъ готовъ идти на всѣ уступки, совмѣстимыя съ его властью, и ясно намекнулъ на это въ своей энцикликѣ о бѣдствіяхъ церкви (25 мая). Тотчасъ по заключеніи Люневильскаго мира, которымъ былъ урегулированъ римскій вопросъ, Бонапартъ чрезъ версейльскаго епископа, кардинала Мартиніана, обратился къ новому папѣ съ просьбою прислать во Францію уполномоченныхъ для улаженія религіозныхъ дѣлъ. Пій VII прислалъ коринѳскаго архіепископа монсиньора Спину и патера Казелли, ставшаго позднѣе генераломъ ордена Сервитовъ. Со своей стороны, первый консулъ назначилъ своего брата Жозефа, члена Государственнаго совѣта Кретэ и аббата Бернье, кюрэ въ Сенъ-Ло д'Анжеръ. Миролюбивый по натурѣ Како былъ отправленъ въ Римъ въ званіи полномочнаго министра съ инструкціей обходиться съ папой такъ, „какъ

если бы у него было 200.000 человѣкъ".

Переговоры сразу наткнулись на чрезвычайно серьезныя затрудненія. Первый консулъ хотѣлъ многаго: прежде всего, полной переверстки французскихъ епархій съ сокращеніемъ ихъ числа и перемѣщеніемъ ихъ границъ; прáва назначать новыхъ епископовъ; сохраненія извѣстнаго числа конституціонныхъ епископовъ, которымъ папа долженъ дать каноническое посвященіе; признанія законнымъ отчужденія церковныхъ имуществъ; наконецъ, *неограниченнаго* прáва полицейскаго надзора надъ культомъ, которое фактически вполнѣ подчинило бы французскую церковь консуламъ, какъ нѣкогда она была подчинена королю. Эти неслыханныя притязанія вызвали упорное противодѣйствіе со стороны представителей куріи. Бонапартъ, привыкшій вести переговоры быстро, былъ удивленъ этими проволочками и возраженіями. Искренно или притворно онъ приписалъ ихъ нерѣшительности монсиньора Спины и послалъ свой проектъ прямо къ папѣ. Пій VII передалъ его на разсмотрѣніе комиссіи кардиналовъ, куда вошелъ и его статсъ-секретарь Консальви. Комиссія одобрила большинство оговорокъ, сдѣланныхъ Спиною, и прибавила къ нимъ нѣсколько новыхъ; особенно она требовала формальнаго заявленія, которое признало бы католическую религію господствующей во Франціи.

Потерявъ терпѣніе, Бонапартъ прибѣгъ къ запугиванію. 13 мая 1801 года онъ призвалъ въ Мальмезонъ монсиньора Спину, аббата Бернье и Талейрана, горячо жаловался на папу и на кардинала Консальви и грозилъ прекратить переговоры; онъ даже отозвалъ изъ Рима своего посланника Како, которому велѣлъ переѣхать во Флоренцію. Въ то же время онъ разрѣшилъ „конституціоннымъ" епископамъ созвать въ Парижѣ новый „національный синодъ", показывая этимъ видъ, будто хочетъ сблизиться съ ними. Конституціонные епископы дѣйствительно собрались въ количествѣ пятидесяти человѣкъ подъ предсѣдательствомъ Грегуара (29 іюня 1801). Наполеонъ предоставилъ имъ полную свободу слова и печати, чтобы ясно показать папѣ, что расколъ продолжаетъ существовать. Эти угрозы сильно разстроили Пія VII. Но передъ своимъ отъѣздомъ Како поставилъ ему на видъ, что во Франціи мало знакомы съ религіозными вопросами, и добился согласія на посылку въ Парижъ кардинала Консальви для возобновленія переговоровъ. Этотъ прелатъ пользовался репутаціей человѣка прямодушнаго, твердаго и искренно желающаго возстановить миръ. Онъ принялъ порученіе, не скрывая отъ себя трудности и отвѣтственности возложенной на него задачи.

Думая запугать его, первый консулъ принялъ его съ театральной пышностью, окруженный персоналомъ высшихъ государственныхъ учрежденій, и предоставилъ ему лишь нѣсколько дней для соглашенія съ аббатомъ Бернье (22 іюня).

Виртуозная дипломатическая игра, на подробностяхъ которой здѣсь не мѣсто останавливаться, наконецъ привела къ мировой сдѣлкѣ. Католическая религія была объявлена „религіей преобладающаго большинства французской націи" и публичное отправленіе культа гарантировано. Папа согласился на два условія, которыми больше всего дорожилъ Бонапартъ: на переверстку епархій, которая должна была имѣть естественнымъ послѣдствіемъ сложеніе легитимными епископами ихъ власти въ руки папы и конституціонными—въ руки перваго консула, и на признаніе отчужденія церковныхъ имуществъ. Бóльшія трудности вызвалъ вопросъ о правѣ полицейскаго надзора надъ культомъ, котораго требовалъ Бонапартъ. Можно было опасаться, что въ его рукахъ этотъ надзоръ пріобрѣтетъ опасные размѣры. По этому поводу переговоры едва не были снова прерваны.

Въ послѣднюю минуту Консальви уступилъ, выговоривъ однако, что право полицейскаго надзора надъ культомъ должно имѣть цѣлью лишь сохраненіе „общественной тишины“ (pro tranquillitate publicâ).

15 іюля (26 мессидора) уполномоченные обмѣнялись подписями. 6 августа Бонапартъ лично доложилъ о результатѣ переговоровъ Государственному совѣту, который холодно выслушалъ его. 13 августа Пій VII, вопреки протесту нѣкоторыхъ кардиналовъ, въ особой окружной грамотѣ изложилъ свои доводы въ пользу ратификаціи конкордата, а 15-го обратился къ французскимъ епископамъ съ буллою *Ecclesia Dei*, увѣщевая ихъ отказаться отъ своихъ каѳедръ ради блага церкви. 10 сентября (23 фрюктидора IX года) въ Парижѣ состоялся обмѣнъ ратификацій. Наполеону и теперь не терпѣлось: онъ хотѣлъ бы сейчасъ привести въ исполненіе конкордатъ, съ 18 брюмера офиціально возстановить католическое богослуженіе и водворить новыхъ епископовъ. Онъ упустилъ изъ виду, что переговоры съ бывшими епископами, разсѣянными по всей Европѣ, должны занять немало времени. Благодаря этимъ задержкамъ Конкордатъ былъ внесенъ въ Законодательный корпусъ и вотированъ имъ лишь 5 апрѣля 1802 года. Онъ былъ обнародованъ по-французски, какъ государственный законъ, 8 апрѣля (18 жерминаля X года).

Содержаніе и исполненіе Конкордата.— Въ отличіе отъ конкордата 1516 года, конкордатъ 1801 г. имѣетъ *форму* взаимно-обязывающаго договора (*conventio*) между духовной и свѣтской властями. Этотъ же признакъ характеризуетъ его и *по существу*, и именно такимъ договоромъ всегда признавали его какъ курія, такъ и всѣ разнообразныя французскія правительства. Слѣдовательно, онъ представляетъ собою одновременно и церковный, и государственный законъ. Онъ состоитъ изъ вступленія и семнадцати статей.

Во вступленіи „правительство республики признаетъ, что католическая, апостольская и римская религія исповѣдуется преобладающимъ большинствомъ французскаго народа“, и въ частности консулами. Текстъ не называетъ ее „религіей Франціи“, какъ того желалъ кардиналъ Консальви, и, стало быть, не признаетъ за нею ея прежняго значенія государственной религіи. Статья 1-я постановляетъ, „что она *свободно* исповѣдуется во Франціи и что ея культъ публиченъ при соблюденіи полицейскихъ узаконеній, которыя правительство найдетъ необходимыми въ интересахъ *общественной безопасности*“. Статья 2-я гласитъ: „Св. Престолъ, по соглашенію съ правительствомъ, произведетъ переверстку французскихъ епархій“. На сей предметъ папа обязывается потребовать у старыхъ епископовъ отреченія отъ ихъ сана и, въ случаѣ отказа съ ихъ стороны, все-таки назначить новыхъ епископовъ на ихъ мѣсто (ст. 3). Изъ оставшихся въ живыхъ восьмидесяти одного епископа сорокъ пять вняли увѣщаніямъ папы и сложили съ себя санъ; остальные были низложены (буллою *Qui Christi Domini*, 29 ноября 1801) и покорились, исключая тринадцати, продолжавшихъ упорствовать въ своемъ отказѣ. Что же касается конституціонныхъ епископовъ, то они всѣ, кромѣ двухъ, подали первому консулу прошенія объ отставкѣ. Порядокъ назначенія новыхъ епископовъ долженъ былъ остаться тотъ же, какъ и при старомъ режимѣ: правительство въ трехмѣсячный срокъ по освобожденіи каѳедры *представляетъ* кандидата, а папа *утверждаетъ* послѣдняго „съ соблюденіемъ формъ, какія были установлены для Франціи до перемѣны правительства“ (ст. 5). Прежняя присяга епископовъ на вѣрность королю была возстановлена какъ для епископовъ, такъ и для „церковнослужителей второго разряда“ (ст. 6—7).

Статья 8-я гласитъ: „Во всѣхъ като-

лическихъ церквахъ Франціи въ концѣ богослуженія должна быть читаема слѣдующая молитва: *Domine, salvam fac Rempublicam; Domine, salvos fac consules* (Спаси, Господи, республику; спаси, Господи, консуловъ). Эта статья, на внесеніе которой сильно настаивалъ первый консулъ и текстъ которой онъ такъ скоро измѣнитъ [1]), имѣла цѣлью показать, что церковь не признаетъ себя солидарной со старымъ порядкомъ и что она, напротивъ, равнодушна къ формѣ государственнаго устройства. Таково и было неизмѣнное ученіе церкви, такъ что эта статья не встрѣтила затрудненій. Слѣдующія затѣмъ статьи опредѣляли компетенцію епископовъ въ отношеніи: 1) разграниченія приходовъ ихъ епархіи и назначенія приходскихъ священниковъ, для котораго по прежнему требовалось согласіе правительства, 2) учрежденія капитуловъ и семинарій, которыя разрѣшалось имѣть по одной на каждую епархію, „при чемъ правительство не обязывается оказывать имъ матеріальную помощь", 3) не отчужденныхъ церквей — архіепископскихъ, каѳедральныхъ, приходскихъ и иныхъ,—„которыя поступаютъ въ ихъ распоряженіе" (ст. 9—12).

Статьею 13-й папа „ради сохраненія мира" заявляетъ, „что ни онъ, ни его преемники никакимъ образомъ не потревожатъ тѣхъ, въ чье владѣніе перешли отчужденныя церковныя имущества, и что, слѣдовательно, право собственности на эти имущества останется безспорнымъ какъ за ними, такъ и за ихъ наслѣдниками". Это заявленіе, которымъ санкціонировалось явное беззаконіе, было вынуждено силою обстоятельствъ. Правительство взамѣнъ обязывалось, какъ это сдѣлало уже Учредительное собраніе, „обезпечить приличное содержаніе епископамъ и приходскимъ священникамъ, епархіи и приходы которыхъ будутъ задѣты новой переверсткой" (ст. 14), и принять „мѣры къ тому, чтобы французскіе католики могли при желаніи дѣлать вклады на церкви" (ст. 15).

Статья 16-я гласитъ, что „его святѣйшество признаетъ за первымъ консуломъ французской республики тѣ же права и прерогативы, которыми пользовалось предъ его лицемъ *(apud sanctam sedem)* прежнее правительство". Здѣсь подразумѣвались *личныя* привилегіи, нѣкогда дарованныя папами королямъ, напримѣръ, право имѣть переносный алтарь и часовню, изъятую изъ епископской юрисдикціи, право получать отпущеніе грѣховъ отъ своихъ духовниковъ въ случаяхъ, подлежащихъ по каноническому закону вѣдѣнію папы, входить въ сопровожденіи немногихъ лицъ во всѣ монастыри, быть отлучаемыми не иначе, какъ по особому постановленію св. престола, быть канониками храма Іоанна Латеранскаго. Въ томъ случаѣ, если бы какой-нибудь изъ преемниковъ перваго консула былъ не католикомъ, упомянутыя личныя привилегіи, согласно статьѣ 17-й, должны быть „опредѣлены новымъ соглашеніемъ", точно такъ же, какъ и способъ назначенія епископовъ.

Таково было общее содержаніе Конкордата, который въ продолженіе почти цѣлаго вѣка опредѣлялъ взаимныя отношенія католической церкви и французскаго государства. Его постановленія были въ однихъ пунктахъ формулированы весьма точно, въ другихъ—гораздо менѣе. Его обнародованіе сопровождалось торжественнымъ молебствіемъ въ храмѣ Парижской Богоматери, которое совершалъ въ день Пасхи (18 апрѣля) кардиналъ Капрара, легатъ *a latere*, въ сослуженіи новыхъ епископовъ, и на которомъ по приказанію консуловъ присутствовали члены высшихъ государственныхъ учрежденій, сановники и генералы.

Новыхъ епископовъ требовалось для

---

[1]) Въ эпоху имперіи пѣли: *Domine, salvum fac imperatorem* (спаси, Господи, императора).

Франціи, Савойи и Бельгіи шестьдесятъ (считая въ томъ числѣ десять архіепископовъ). Ихъ назначеніе встрѣтило немало трудностей. Бонапартъ, полагавшій, что ему такъ же легко будетъ уничтожить религіозныя секты, заставивъ ихъ силою подчиниться, какъ онъ уничтожилъ политическія партіи, назначилъ на эти каѳедры множество конституціонныхъ епископовъ, при чемъ ограничился истребованіемъ отъ нихъ подписки о покорности св. Престолу. Тщетно Консальви, Каправа и Како указывали ему на то, что такимъ образомъ дѣйствій онъ только увѣковѣчитъ, а не потушитъ расколъ. Бонапартъ стоялъ на своемъ и заставилъ легата Капрару утвердить пятнадцать конституціонныхъ епископовъ. Остальныя сорокъ пять каѳедръ были предоставлены „ослушнымъ" прелатамъ и священникамъ. Впрочемъ, выборъ оказался очень удачнымъ, благодаря Порталису, назначенному завѣдующимъ дѣлами культа и довольно умѣло исполнявшему свои обязанности. Новыя шестьдесятъ епископствъ были раздѣлены на десять церковныхъ провинцій, во главѣ которыхъ стояли архіепископы [1]). Въ каждомъ кантонѣ былъ поставленъ священникъ, назначаемый епископомъ съ согласія правительства и несмѣняемый. Наконецъ, кононическое право снова было введено въ дѣйствіе и сдѣлалось обязательнымъ въ полномъ объемѣ, за исключеніемъ оговорокъ и ограниченій, указанныхъ въ Конкордатѣ.

По принятіи этихъ мѣръ, санкціонировавшихъ примиреніе республики со св. Престоломъ, первый консулъ всюду возстановилъ публичный культъ. Папа снова офиціально принялъ на себя духовное руководство Франціей, которое принадлежало ему по уставу церкви и которое онъ въ теченіе десяти лѣтъ былъ невластенъ осуществлять. Его свѣтская независимость была признана. Въ Парижъ былъ присланъ нунцій, въ Римъ—посланникъ. Французскіе церковнослужители снова были поставлены подъ покровительство общественныхъ властей. Такимъ образомъ, Конкордатъ знаменовалъ собою новую эру въ отношеніяхъ церкви и государства.

„Органическія статьи" X года объ организаціи католическаго культа. — Одновременно съ Конкордатомъ первый консулъ представилъ въ Государственный совѣтъ, провелъ чрезъ Законодательный корпусъ и 18 жерминаля обнародовалъ такъ называемые *Articles organiques du culte catholique.* Эти „Органическія статьи" не слѣдуетъ смѣшивать, какъ это иногда дѣлается, съ самимъ Конкордатомъ, хотя они и входятъ въ составъ одного и того же государственнаго закона. Конкордатъ, заключенный между двумя властями, является одновременно и церковнымъ, и государственнымъ закономъ. „Органическія статьи", созданіе исключительно французскаго правительства, никогда не были представлены на усмотрѣніе папы, ни одобрены имъ. Бонапартъ представлялъ ихъ, какъ законъ, имѣющій цѣлью установить подробности Конкордата и обезпечить его исполненіе. Въ дѣйствительности же это было окольное средство, которымъ онъ хотѣлъ устранить извѣстныя уступки въ сравненіи со своимъ первоначальнымъ планомъ, на которыя онъ былъ вынужденъ согласиться при заключеніи Конкордата. Вдохновившись принципами, выраженными въ галликанской деклараціи 1682 года, онъ пытается въ свою пользу подчинить новую французскую церковь тѣмъ верховнымъ правамъ, какія присвоили себѣ самодержавные короли надъ старою. Это было для него средствомъ держать

[1]) Сейчасъ во Франціи вмѣстѣ съ Алжиромъ, Гваделупой, Мартиникомъ и Ла-Реюніонъ—90 архіепископствъ и епископствъ, въ томъ числѣ 18 архіепископствъ и 72 епископства. Тѣ изъ нихъ, которыя не существовали въ 1802 году, были учреждены въ 1821, 1838, 1855, 1866 — 1867 гг. въ силу спеціальныхъ соглашеній съ куріей.

въ своихъ рукахъ духовенство, которое онъ надѣялся сдѣлать орудіемъ своихъ личныхъ замысловъ.

Издавая „Органическія статьи", Бонапартъ дѣлалъ видъ, будто онъ этимъ только осуществляетъ то право полицейскаго надзора надъ культомъ, которое предоставилъ ему Конкордатъ. Между тѣмъ онъ хорошо зналъ, что превышаетъ его. Дѣйствительно, Конкордатъ, послѣ долгихъ и подробнѣйшихъ переговоровъ, ограничилъ этотъ надзоръ единственно случаями, затрогивающими *общественную тишину*, а первая часть „Органическихъ статей" содержитъ въ себѣ: 1) старыя галликанскія правила о „провѣркѣ" (свѣтской властью) актовъ куріи и постановленій иностранныхъ синодовъ, „даже постановленій общихъ соборовъ", подлежащихъ *placet* (ст. 1, 2); 2) запрещеніе епископамъ собираться въ предѣлахъ Франціи въ соборъ или синодъ безъ согласія правительства (ст. 4), равно какъ выѣзжать изъ своей епархіи, хотя бы по пути въ Римъ, безъ особаго разрѣшенія (ст. 20); 3) возстановленіе древняго права аппеляціи (appel comme d'abus) въ формѣ обращенія къ Государственному совѣту (ст. 6). Всѣ эти пункты во время переговоровъ встрѣчали категорическое сопротивленіе со стороны папскихъ делегатовъ.

Далѣе, „Органическія статьи" трактуютъ о вопросахъ, касающихся благочинія, вѣроученія и даже догматики, т.-е. о вопросахъ, которые лежатъ внѣ компетенціи гражданской власти; притомъ нѣкоторыя изъ этихъ статей идутъ въ разрѣзъ съ каноническими правилами и даже съ Конкордатомъ, который онѣ будто бы имѣютъ цѣлью приспособить къ практикѣ. Таковы: ст. 10, отмѣняющая „всѣ привилегіи, сопряженныя съ изъятіемъ изъ епископской юрисдикціи"; ст. 11, ставящая въ зависимость отъ согласія правительства открытіе капитуловъ и семинарій, разрѣшенное Конкордатомъ; стт. 13, 14, 15, 21, 22, 23, которыми опредѣляются пастырскія обязанности архіепископовъ и епископовъ; ст. 24, обязывающая профессоровъ семинарій „подписать декларацію 1682 года и преподавать доктрину, изложенную въ ней"; ст. 39, предписывающая ввести во всей Франціи одинъ катехизисъ и одну литургію; ст. 26, опредѣляющая, въ разрѣзъ съ каноническими правилами, возрастъ и условія, дающіе право быть рукоположеннымъ въ священники (эта статья была, впрочемъ, отмѣнена декретомъ отъ 28 октября 1810 г.), и т. п. Порталисъ сказалъ въ оправданіе „Органическихъ статей", что „онѣ не вводили новыхъ законоположеній и представляли собою ничто иное, какъ подтвержденіе древнихъ правилъ галликанской церкви". Но именно это осуждаетъ ихъ безповоротно: онѣ—наслѣдіе стараго порядка [1]).

„Органическія статьи" явились источникомъ дальнѣйшихъ пререканій со св. Престоломъ. Въ засѣданіи консисторіи 24 мая 1802 года папа горячо нападалъ на двоедушіе перваго консула. Затѣмъ онъ поручилъ кардиналу Капрарѣ представить Талейрану протестъ противъ этихъ статей, „которыя его святѣйшество даже не былъ приглашенъ разсмотрѣть" и „которыя существенно затрогиваютъ нравы, благочиніе, права, учебный строй и юрисдикцію церкви". На длинное письмо Капрары (18 августа 1803) отвѣчалъ Порталисъ еще болѣе пространной защитительной рѣчью, въ которой старался оправдать Бонапарта (22 сентября). Новая нота, съ которою кардиналъ Капрара обратился къ Талейрану по поводу миропомазанія Наполеона, показала послѣднему, что папа

---

[1]) Къ „Органическимъ статьямъ" слѣдуетъ прибавить еще два декрета, которые дополняютъ ихъ и проникнуты тѣмъ же духомъ: декретъ—законъ отъ 30 декабря 1809 года о церковныхъ угодьяхъ и декретъ отъ 6 ноября 1813 года объ управленіи церковными имуществами.

упорно отличаетъ принятый имъ Конкордатъ отъ „такъ называемыхъ органическихъ законовъ, многія статьи которыхъ не могутъ быть согласованы съ принципами и правилами церкви“ (25 іюня 1804). На этотъ разъ отвѣчалъ Талейранъ: „Конкордатъ есть результатъ воли двухъ договаривающихся властей. Напротивъ, органическіе законы представляютъ собою лишь начертаніе способовъ его примѣненія, составленное для себя одною изъ этихъ двухъ властей. Эти способы подлежатъ измѣненію и улучшенію сообразно обстоятельствамъ. Итакъ, было бы несправедливо обобщать въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ безъ различія оба эти акта“ (18 іюля). Кардиналъ Консальви отъ имени папы принялъ къ свѣдѣнію заявленіе Талейрана, согласно коему „семнадцать статей Конкордата, выработанныя по соглашенію со св. Престоломъ, совершенно отличны отъ органическихъ законовъ, съ которыми онѣ были названы заодно въ декретѣ отъ 18 жерминаля X года“ и „на измѣненіе и улучшеніе которыхъ его святѣйшество надѣется подвигнуть его императорское величество“ (28 августа).—Надежда папы оказалась неосновательной. Онъ ничего не сумѣлъ добиться отъ Наполеона и долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что еще нѣсколько разъ повторилъ свой протестъ (булла *Quam memorandam* отъ 10 іюня 1809 г., конкордатъ 1817 г., ст. 3).

„**Малая церковь.**“—Конкордатъ былъ въ общемъ хорошо принятъ во Франціи, гдѣ быстро начала обнаруживаться реакція въ пользу католицизма. Шатобріанъ пожалъ успѣхъ своимъ *Génie du Christianisme ou beauté de la religion chrétienne* (1802). Лагарпъ обращается къ вѣрѣ и въ своемъ завѣщаніи отрекается отъ заблужденій, которыя онъ проповѣдовалъ въ своихъ книгахъ (1803). Различныя конгрегаціи, какъ Prêtres de la mission, Frères des écoles chrétiennes, Soeurs hospitalières, Soeurs de la charité и др., преобразуются и распространяются въ большинствѣ епархій.

Однако, далеко не все общество привѣтствовало Конкордатъ. Нѣкоторые епископы, отказавшіеся подписать прошеніе объ отставкѣ, встрѣтили сочувствіе и помощь въ своемъ сопротивленіи со стороны извѣстнаго числа вѣрующихъ, особенно въ Вандеѣ, Пуату, Шаролэ, Нижней Нормандіи и Бельгіи. Эти вѣрующіе видѣли въ Конкордатѣ посягательство на права церкви и отвергали юрисдикцію новыхъ епископовъ. Въ Бельгіи они приняли названіе *стевенистовъ*, во Франціи—*антиконкордатаровъ*. Здѣсь, во Франціи, они образовали раскольническую церковь, прозванную *малой церковью*.

Всего многочисленнѣе были диссиденты въ Бокажѣ (Пуату), гдѣ ихъ средоточіями были села Сиріеръ и Курлэ—„раскольничій Римъ“. Ими руководили бывшій епископъ ларошельскій м-ръ де Куси и бывшій епископъ блуаскій, м-ръ де Теминъ, которые оба позднѣе вернулись въ лоно римской церкви. Противъ этихъ-то диссидентовъ были направлены статья 44-ая „Органическихъ статей“, запрещавшая „основывать домашнія часовни и частныя молельни безъ нарочитаго въ каждомъ случаѣ разрѣшенія правительства“, и въ особенности декретъ отъ 22 декабря 1812 года, предписывавшій „императорскимъ прокурорамъ, префектамъ, мэрамъ и другимъ полицейскимъ властямъ“ закрывать часовни и молельни, владѣльцы которыхъ не представятъ офиціальнаго разрѣшенія въ шестимѣсячный срокъ (продолженный въ 1813 году до десяти мѣсяцевъ). Наперекоръ этимъ репрессивнымъ мѣрамъ и вопреки увѣщаніямъ Льва XII и Григорія XVI, расколъ просуществовалъ почти полвѣка, благодаря поддержкѣ извѣстнаго числа антиконкордатарскихъ священниковъ [1]). Но съ те-

[1]) Одинъ изъ нихъ, аббатъ Бланшаръ, послѣдовательно издалъ рядъ сочиненій, направленныхъ

ченіемъ времени эти попы вымерли, и около 1850 года секта, вынужденная довольствоваться самой элементарной формой богослуженія, которое часто приходилось совершать старымъ дѣвицамъ, пришла въ полный упадокъ. Съ 1851 по 1868 г. монсиньоръ Пи вернулъ въ лоно правовѣрной церкви большое число диссидентовъ; наиболѣе видные изъ нихъ обратились подъ вліяніемъ письма, адресованнаго Львомъ XIII епископу пуатьескому 17 іюля 1893 года. Въ настоящее время число не покорившихся такъ ничтожно, что расколъ можно считать прекращеннымъ.

II.—Не-католическіе культы во Франціи.

Органическія статьи протестантскихъ культовъ (1802).—Въ революціонную эпоху французскіе протестанты, допущенные Учредительнымъ собраніемъ къ гражданскому равенству, жили въ полномъ мирѣ. Ихъ культъ, объявленный свободнымъ, не подвергался гоненію, исключая одного момента въ Парижѣ, во время гебертистской коммуны. Затѣмъ онъ воспользовался благами закона отъ 3 вантоза III года объ отдѣленіи церквей отъ государства.

Когда Наполеонъ рѣшилъ положить конецъ религіозной анархіи, которую создала революція, его планъ состоялъ въ томъ, чтобы привязать всѣ культы къ государству. Въ отношеніи католицизма онъ достигъ этой цѣли путемъ заключенія конкордата съ папою. Что же касается протестанскихъ культовъ, внушавшихъ ему опасенія своей родственной близостью съ иностранными державами—нѣмецкими и англійской, то здѣсь предъ нимъ стояло двоякое затрудненіе: эти церкви распадались на множество сектъ, большинство которыхъ имѣло во Франціи весьма малое число прозелитовъ; кромѣ того, онѣ не были подчинены какому-нибудь одному верховному главѣ, съ которымъ можно было бы заключить договоръ. Онъ разрубилъ этотъ Гордіевъ узелъ тѣмъ, что призналъ лишь два культа: *реформатскихъ церквей* или кальвинистскій, и *церквей аугсбургскаго исповѣданія* или лютеранскій,—и что регламентировалъ эти два культа помощью „органическихъ статей".

„Органическія статьи" протестантскихъ культовъ, вотированныя и обнародованныя одновременно съ „Органическими статьями" католическаго культа (18 жерминаля X года), дѣлятся на три главы.

Первая содержитъ „общія предписанія для всѣхъ протестантскихъ исповѣданій", и здѣсь-то вскрывается руководящая мысль Наполеона. Вначалѣ говорится, что „къ отправленію богослужебныхъ обязанностей допускаются только французы" и что „ни протестантскія церкви, ни ихъ священнослужители не въ правѣ поддерживать сношенія съ какою бы то ни было иноземной державой или властью" (ст. 1, 2). Никакое богослужебное или догматическое постановленіе не можетъ быть обнародовано или введено въ школьныя программы, никакое измѣненіе произведено въ церковномъ благочиніи безъ разрѣшенія правительства (ст. 4, 5). Взамѣнъ этого пасторы получаютъ жалованье отъ казны (ст. 6). Въ видахъ пополненія ихъ персонала и обученія ихъ первый консулъ обязывался основать одну семинарію въ Женевѣ для реформатскихъ церквей и двѣ академіи или семинаріи въ восточной Франціи для церквей аугсбургскаго исповѣданія.

Глава II трактуетъ о „реформатскихъ церквахъ". Ихъ организація должна состоять изъ *пасторовъ*, *консисторій* и *синодовъ*. На каждыя 6.000 чел. одного и того же исповѣданія полагается одна

противъ Конкордата: *La Controverse pacifique*, *La Défense du clergé français*, *L'Abus sans exemple*, и пр.

консисторская церковь, на каждыя пять консисторскихъ церквей—синодъ. Консисторіи, состоящія изъ пасторовъ и 6—12 мірянъ, „выбранныхъ изъ числа лицъ, наиболѣе высоко обложенныхъ прямыми налогами", обязаны имѣть надзоръ „надъ церковнымъ благочиніемъ, надъ управленіемъ церковными имуществами и надъ завѣдованіемъ суммами, образующимися изъ мірскихъ подаяній" (ст. 20). Онѣ избираютъ и смѣщаютъ пасторовъ, но каждое избраніе или увольненіе должно быть утверждено правительствомъ (ст. 25, 26). Синоды, состоящіе изъ пасторовъ отъ каждой церкви, наблюдаютъ „за всѣмъ, что касается богослуженія, за религіознымъ обученіемъ паствы за ходомъ церковныхъ дѣлъ"; но собираться они могутъ лишь съ разрѣшенія правительства и обязаны представлять на его утвержденіе всѣ свои постановленія (ст. 29, 32).

„Церкви аугсбургскаго исповѣданія" были организованы аналогичнымъ образомъ (гл. III); но ихъ устройство было сложнѣе. Оно состояло изъ *пасторовъ, мѣстныхъ консисторій, инспекцій* и *генеральныхъ консисторій*. Каждой инспекціи были подвѣдомствены пять консисторскихъ церквей. Въ составъ инспекціи входили одинъ церковнослужитель и по одному видному прихожанину отъ каждой церкви. Она выбирала, съ согласія перваго консула, церковнаго *инспектора*, который былъ обязанъ „имѣть надзоръ за церковнослужителями и сохраненіемъ порядка въ сектантскихъ церквахъ" и долженъ былъ представлять всѣ ихъ постановленія на утвержденіе правительства (ст. 35—39). Инспекціи стояли въ подчиненіи генеральнымъ консисторіямъ, которыхъ было три: одна въ Страсбургѣ, для департаментовъ Верхняго и Нижняго Рейна; другая въ Майнцѣ для департаментовъ Сарры и Мон-Тоннерра; третья въ Кёльнѣ для департаментовъ Рейна-и-Мозеля и Роера. Каждая такая консисторія состояла изъ свѣтскаго президента, двухъ церковныхъ инспекторовъ, назначаемыхъ первымъ консуломъ, и депутатовъ отъ инспекцій по одному отъ каждой. Генеральныя консисторіи могли собираться только съ разрѣшенія правительства и подъ условіемъ предварительнаго сообщенія члену Государственнаго совѣта, завѣдующему церковными дѣлами, списка вопросовъ, которые они собирались обсуждать. Въ промежуткахъ между сессіями каждая генеральная консисторія была представляема директоріей, въ составъ которой входили: президентъ, старѣйшій изъ обоихъ инспекторовъ и трое мірянъ. Функціи консисторіи и директоріи опредѣлялись обычаями церквей аугсбургскаго исповѣданія, поскольку то допускается наличными законами республики или тѣми, которые могутъ быть изданы впредь.

Въ общемъ, оба главныхъ протестантскихъ культа были подчинены государству, замѣнившему для нихъ единую духовную власть.

Евреи въ эпоху имперіи; „Великій Синедріонъ" 1806 г.—Спустя нѣсколько лѣтъ Наполеонъ ощутилъ необходимость „организовать" и еврейскій культъ.—Въ силу постановленій Учредительнаго собранія евреи пріобрѣли гражданское равенство; но, несмотря на то, что на нихъ была распространена обязанность давать гражданскую присягу, они не отреклись отъ своей національной обособленности и далеко не вполнѣ вошли въ составъ французскаго общества. Въ 1805 году эльзасскіе евреи, по поводу продажи національныхъ имуществъ и ростовщическихъ ссудъ, повлекшихъ за собой черезчуръ строгія репрессивныя мѣры противъ неисправныхъ должниковъ, обратили на себя вниманіе императора. Послѣ горячихъ дебатовъ въ Государственномъ совѣтѣ Наполеонъ пріостановилъ на годъ исполненіе приговоровъ, состоявшихся по искамъ эльзасскихъ заимодавцевъ. За-

тѣмъ онъ рѣшилъ искоренить ихъ партикуляристическій духъ, заставить ихъ отказаться отъ преимуществъ и ограниченій, обусловленныхъ ихъ вѣроисповѣданіемъ, и подчинить послѣднее государству, какъ и прочіе культы. Способъ, которымъ онъ принялся за это дѣло, заслуживаетъ вниманія. Съ католиками, у которыхъ есть и общее вѣроученіе, и общій глава, онъ могъ заключить конкордатъ. Къ протестантамъ, не имѣющимъ ни общаго вѣроученія, ни общаго главы, онъ примѣнилъ актъ власти. Но, что было дѣлать съ евреями? Они не имѣли общаго главы, но у нихъ было общее вѣроученіе. Это вѣроученіе нѣкогда охранялъ въ извѣстной мѣрѣ тотъ великій синедріонъ, который осудилъ Іисуса Христа и апостола Павла; и если бы онъ теперь, въ 1806 году, еще засѣдалъ въ Іерусалимѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ вступилъ бы съ нимъ въ переговоры. Но великій синедріонъ, впрочемъ никогда и не пользовавшійся абсолютной верховной властью въ дѣлахъ еврейской вѣры, былъ теперь лишь далекимъ воспоминаніемъ. А Наполеонъ хотѣлъ имѣть передъ собою какой-нибудь живой авторитетъ, который могъ бы изъяснить ему принципы, исповѣдуемые евреями по вопросамъ гражданскаго общежитія, и увѣрить его, что ни одно изъ ихъ религіозныхъ правилъ не грозитъ безопасности государства. И такъ какъ подобнаго авторитета не было, онъ рѣшилъ его создать.

Императорскимъ декретомъ отъ 30 мая 1806 года въ Парижѣ созывалось собраніе еврейскихъ нотаблей въ числѣ ста одиннадцати, которые должны были быть выбраны французскими и итальянскими префектами. Этому собранію оффиціально поручалось „обсудить мѣры къ улучшенію еврейской *націи* и къ распространенію среди ея членовъ любви къ искусствамъ и полезнымъ ремесламъ". На Молэ, Порталиса и Паскье была возложена обязанность руководить работами этого собранія въ качествѣ императорскихъ комиссаровъ. Они поставили ему нѣсколько вопросовъ, чрезвычайно важныхъ съ политической точки зрѣнія, но имѣвшихъ весьма далекое отношеніе къ „полезнымъ искусствамъ и ремесламъ". Такъ какъ его отвѣты оказались удовлетворительными, то 10 декабря того же года въ Парижѣ было созвано подъ именемъ Великаго Синедріона новое, болѣе многолюдное собраніе, въ которое приглашены были прислать своихъ делегатовъ всѣ синагоги Европы.

Императорскіе комиссары поставили ему тѣ же вопросы, какъ и собранію еврейскихъ нотаблей: „Признаете ли Францію своимъ отечествомъ? Считаете ли себя обязанными защищать ее и повиноваться общественнымъ властямъ? Совмѣстима ли военная служба съ вашими религіозными вѣрованіями? Принимаете ли единобрачіе, узаконяемое Гражданскимъ уложеніемъ, вопреки Пятикнижію, разрѣшающему многобрачіе? Полагаете ли, что правила честности и гуманности, которыя вы признаете обязательными по отношенію къ вашимъ единовѣрцамъ, обязательны для васъ также въ отношеніи французовъ?"—Великій Синедріонъ постановилъ принципіально, что Моисеево законодательство распадается на предписанія *религіозныя,* которыя неизмѣнны, и *политическія,* которыя могутъ мѣняться сообразно обстоятельствамъ, и что, слѣдовательно, гражданскія узаконенія евреевъ могутъ сочетаться съ гражданскими узаконеніями страны, въ которой они живутъ. Такимъ образомъ французскіе евреи должны признавать Францію своимъ отечествомъ, отбывать въ ней военную службу (во время которой соблюденіе субботы и другихъ обрядовъ, несовмѣстимыхъ съ этой службою, упраздняется), соблюдать ея законы о бракѣ и разводѣ, считать свои договоры съ французами столь же обяза-

тельными для себя, какъ и договоры съ единовѣрцами, воздерживаться отъ ростовщичества и поощрять своихъ дѣтей къ занятію полезными искусствами и ремеслами.—Декретомъ отъ 2 марта 1807 г. эти „вѣроучительныя постановленія“ были обнародованы и утверждены. Другой декретъ обязалъ евреевъ, въ цѣляхъ облегченія набора рекрутовъ, принять *фамильныя* имена, которыхъ они до тѣхъ поръ не имѣли.

Организація еврейскаго культа (1808).— Третій декретъ, отъ 17 марта 1808 года, пополненный еще указами отъ 17 іюля, 19 октября и 11 декабря того же года, далъ евреямъ религіозную организацію, которая въ смыслѣ свободы и независимости почти уравняла еврейскій культъ съ католическимъ. Согласно этому декрету „въ каждомъ департаментѣ, гдѣ число исповѣдующихъ вѣру Моисея достигаетъ 2.000, должна быть учреждена синагога и еврейская консисторія“. Остальные департаменты были сгруппированы по нѣскольку въ одинъ консисторіальный округъ (ст. 1, 2). Во главѣ каждой синагоги стоитъ *раввинъ*. Въ Парижѣ учреждается центральная консисторія, состоящая изъ трехъ раввиновъ и двухъ евреевъ-мірянъ.

Консисторіи были обязаны наблюдать за порядкомъ внутри синагогъ, слѣдить, чтобы раввины въ своихъ наставленіяхъ строго придерживались „вѣроучительныхъ рѣшеній Великаго Синедріона“, руководить сборомъ и расходованіемъ суммъ, предназначенныхъ на нужды культа, всѣми способами поощрять еврейское населеніе даннаго округа къ занятію полезными промыслами и ежегодно доводить до свѣдѣнія власти имена евреевъ, подлежащихъ призыву на военную службу.— Съ своей стороны, раввины, обязанные наставлять паству въ религіозныхъ истинахъ и „вѣроученіи, содержащемся въ отвѣтахъ Великаго Синедріона“ — вѣроученіи, котораго Наполеонъ не терялъ изъ виду,—должны были „при всякомъ случаѣ внѣдрять повиновеніе законамъ, въ частности и особенно—тѣмъ изъ нихъ, которые относятся до защиты отечества, внушать евреямъ понятіе о военной повинности, какъ о священномъ долгѣ, и объяснять имъ, что на время военной службы законъ освобождаетъ ихъ отъ исполненія обрядовъ, несовмѣстимыхъ съ нею“, и т. п. При такихъ условіяхъ императоръ, разумѣется, оставлялъ за собою право утверждать избранія въ члены консисторій и въ раввины. Послѣднимъ онъ назначилъ опредѣленное жалованіе, уплачиваемое, впрочемъ, самими еврейскими общинами; оно было принято на счетъ казны лишь по закону отъ 8 февраля 1831 года.

Съ узаконеніемъ еврейскаго культа число офиціально признанныхъ религій достигло *четырехъ*. Остальные культы, какъ православный, англиканскій, мусульманскій, оставались свободными подъ условіемъ не нарушать узаконеннаго во Франціи общественнаго порядка и сообразоваться съ законами о сообществахъ, особенно съ Уголовнымъ уложеніемъ, воспрещающимъ и карающимъ образованіе сообществъ болѣе чѣмъ изъ двадцати лицъ (ст. 291). Ихъ священнослужителямъ правительство не платитъ жалованья и не оказываетъ спеціальнаго покровительства.

III.—Разрывъ Наполеона съ церковью.

Декретъ отъ 3 мессидора XII года.—Несмотря на инцидентъ съ „Органическими статьями“, первый консулъ послѣ заключенія Конкордата все время находился въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ куріей. Не то было въ эпоху имперіи. Насильственный образъ дѣйствій Наполеона и его чрезмѣрныя притязанія неизбѣжно должны были встрѣтить здѣсь одно изъ тѣхъ сопротивленій, которыхъ уже не

могъ терпѣть его деспотическій умъ, и близкій разрывъ былъ неминуемъ.

Не прошло и мѣсяца со времени его вступленія на престолъ, какъ онъ принялся за религіозные ордена, оправившіеся благодаря затишью, обусловленному Конкордатомъ. Онъ поступилъ съ ними приблизительно такъ же, какъ Законодательное собраніе. Конгрегація *Pères de la foi* или *Adorateurs de Jésus*, утвердившаяся въ Беллеѣ, Амьенѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, показалась ему замаскированной формой стараго іезуитскаго ордена, и декретомъ отъ 3 мессидора XII года онъ объявилъ ее упраздненной. Тѣмъ же декретомъ онъ упразднилъ „всѣ прочія общества и ассоціаціи, образованныя подъ предлогомъ религіозныхъ цѣлей и не получившія разрѣшенія". Возстановлялись въ силѣ старые законы, направленные противъ „религіозныхъ орденовъ, требующихъ пожизненнаго обѣта". Отнынѣ никакое мужское или женское религіозное сообщество не можетъ быть образовано иначе, какъ „на основаніи формальнаго разрѣшенія императорскимъ декретомъ по разсмотрѣніи его статутовъ и регламентовъ". Только пять женскихъ конгрегацій, извѣстныхъ подъ названіями: Soeurs de la charité, Soeurs hospitalières, Soeurs de Saint-Thomas, Soeurs de Saint-Charles. Soeurs Vatelottes, уже разрѣшенныя различными консульскими указами, могли продолжать свое существованіе подъ условіемъ въ шестимѣсячный срокъ представить свои статуты на утвержденіе Государственнаго совѣта. Генералъ-прокурорамъ при апеляціонныхъ судахъ и имперскимъ прокурорамъ предписывалось „преслѣдовать, даже *экстраординарнымъ* путемъ (т.-е. *уголовнымъ* по старой судебной терминологіи [1])), лицъ обоего пола, виновныхъ въ нарушеніи настоящаго декрета".

Этотъ декретъ, объявляя неразрѣшенныя религіозныя сообщества *запрещенными*, тѣмъ самымъ создавалъ проступокъ, не предусмотрѣнный уголовными законами, и слѣдовательно противорѣчилъ конституціи. Но такъ великъ былъ страхъ, который уже началъ внушать Наполеонъ, что никто не осмѣлился донести объ этомъ охранительному сенату. Безъ сопротивленія декретъ былъ напечатанъ въ *Bulletins des lois*, и ему повиновались безъ противодѣйствія.

Пій VII въ Парижѣ; миропомазаніе Наполеона (1804). — Уже въ моментъ провозглашенія имперіи Наполеонъ, который не прочь былъ видѣть въ себѣ новаго Карла Великаго, задумалъ быть коронованъ въ Парижѣ папою, — актъ безпримѣрный въ исторіи Франціи со временъ Пипина Короткаго. Государственный совѣтъ, Камбасересъ, Фушэ и Талейранъ встрѣтили эту мысль холодно; напротивъ, легатъ Капрара и кардиналъ Фешъ, дядя Наполеона и его посланникъ въ Римѣ, приняли ее съ усерднѣйшей готовностью. Оба они настойчиво упрашивали папу согласиться, Переговоры тянулись долго. Пій VII находился въ крайней нерѣшительности, боясь отказомъ разсердить Наполеона, согласіемъ — вѣнскій дворъ. Чисто гражданскій бракъ Наполеона съ Жозефиной, убіеніе герцога Ангіенскаго, наконецъ, вопросъ о свободѣ культовъ, которую императоръ долженъ былъ клятвенно обязаться охранять, — смущали его совѣсть; кромѣ того, у него были поводы къ недовольству, именно изданіе „Органическихъ статей" и распущеніе религіозныхъ орденовъ. Онъ просилъ разъясненій, совѣтовъ, и кончилъ тѣмъ, что согласился „ради славы Господней, спасенія душъ и успѣха католической религіи" (29 октября).

Его путешествіе во Францію началось при добрыхъ предзнаменованіяхъ. По всему пути его встрѣчали восторженно и почтительно толпы народа. Въ Ліонѣ, гдѣ онъ сдѣлалъ остановку, одушевленіе пре-

[1]) Срав. ст. 577 гражданскаго уложенія.

вратилось въ энтузіазмъ. Наполеонъ ждалъ папу въ Фонтенебло. Въ Парижѣ онъ окружилъ его всевозможнымъ почетомъ. Въ день, назначенный для коронованія (2 декабря), императоръ прибылъ въ соборъ Богоматери въ пышномъ парадномъ костюмѣ; на немъ было императорское облаченіе, а предъ нимъ маршалы несли корону, скипетръ и мечъ Карла Великаго. Наканунѣ кардиналъ Фешъ, снабженный необходимымъ диспенсомъ, въ тюильрійской часовнѣ обвѣнчалъ его по церковному обряду съ Жозефиной. Папа совершилъ надъ нимъ и надъ императрицей миропомазаніе; но когда онъ хотѣлъ возложить на его голову корону, Наполеонъ рѣзко схватилъ ее и короновалъ себя собственноручно. Обиженный Пій VII выразилъ свое недовольство и добился того, что въ описаніи торжества въ „Монитёрѣ" объ этомъ инцидентѣ не было упомянуто.

Тотчасъ послѣ коронованія отношенія между папой и императоромъ обострились. Наполеонъ хотѣлъ воспользоваться вліяніемъ св. Престола, чтобы освятить свою власть въ глазахъ народовъ; но онъ не желалъ подчиниться этому вліянію. Чтобы ослабить впечатлѣніе, произведенное тріумфальнымъ проѣздомъ Пія VII чрезъ его владѣнія, онъ противъ воли послѣдняго задержалъ его въ Парижѣ, при чемъ не безъ аффектаціи обращался съ нимъ „какъ со своимъ духовникомъ". Папа воспользовался этимъ вынужденнымъ сидѣніемъ, чтобы лично уладить нѣкоторыя церковныя дѣла. Ему удалось добиться нѣсколько бо́льшей свободы для епископовъ и устранить препятствія, которыя до сихъ поръ правительство ставило замѣщенію священническихъ вакансій; но его ходатайства объ отмѣнѣ „Органическихъ статей", декларацiи 1682 года и развода, только что узаконеннаго Гражданскимъ уложеніемъ, не увѣнчались успѣхомъ. Тщетно просилъ онъ также о возвращеніи ему Легатствъ, на которое подалъ ему надежду кардиналъ Фешъ.

Ему удалось наконецъ выѣхать 4 апрѣля 1805 года, въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ отправился въ Италію, чтобы тамъ возложить на себя желѣзную корону. Необыкновенный почетъ, оказанный ему въ Ліонѣ и Туринѣ, ослабилъ чувство горечи, которое въ итогѣ оставила въ немъ его поѣздка въ Парижъ. Во Флоренціи ему довелось, къ его радости, примирить съ церковью Сципіона Риччи, зачинщика пистойскаго синода. Онъ вернулся въ Римъ съ яснымъ предчувствіемъ, что у него вскорѣ начнутся осложненія съ его грознымъ союзникомъ.

Первыя столкновенія Наполеона со св. Престоломъ.—Пій VII не ошибся. Тотчасъ послѣ своего коронованія въ Миланѣ королемъ Италіи (26 мая 1805) Наполеонъ ввелъ въ своемъ новомъ королевствѣ Гражданское уложеніе безъ всякихъ измѣненій и назначилъ въ немъ нѣсколько епископовъ, игнорируя конкордатъ, заключенный незадолго до того Піемъ VII съ Цизальпинской республикой. Пій VII отказался дать выбраннымъ каноническое посвященіе.

Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ обратился къ нему съ просьбою расторгнуть бракъ, которымъ епископъ Балтиморы сочеталъ его брата Жерома съ дочерью одного богатаго гражданина Соединенныхъ Штатовъ, миссъ Паттерсонъ (8 декабря 1803). Папа, не усматривая въ этомъ бракѣ ничего противнаго каноническимъ правиламъ, отказалъ. Наполеонъ отвѣтилъ на этотъ отказъ занятіемъ Анконы (сентябрь 1805). Это было нарушеніемъ нейтралитета папскихъ владѣній [1]), и папа выразилъ протестъ, заявляя, что желаетъ сохранить свой нейтралитетъ въ отношеніи всѣхъ державъ и ни подъ какимъ видомъ не намѣренъ выступать на поле брани (13 ноября).

---

[1]) См. ниже, гл. XII, Италія.

Спустя три мѣсяца—новое требованіе. Письмомъ изъ Мюнхена (7 января 1806), въ которомъ онъ называетъ себя „покровителемъ св. Престола“, Наполеонъ предписывалъ папѣ закрыть его гавани для англійскихъ кораблей и изгнать изъ своего двора англичанъ, русскихъ и шведовъ. Въ слѣдующемъ письмѣ (13 февраля) онъ пишетъ ему: „Вы — владыка Рима, я же императоръ; мои враги должны быть вашими“. Пій VII отвѣчалъ (21 марта) пространнымъ изложеніемъ своего образа дѣйствій, составленнымъ по совѣщанію съ кардиналами; онъ снова заявлялъ здѣсь, что хочетъ остаться нейтральнымъ и предпочитаетъ подвергнуться всевозможнымъ невзгодамъ, чѣмъ поступать противъ совѣсти. Наполеонъ теперь уже не былъ способенъ понять этотъ языкъ: онъ обвинилъ папу въ томъ, что послѣдній, несмотря на свое безсиліе, вздумалъ по примѣру Григорія VII угрожать ему, очевидно воображая, что онъ боится ватиканскихъ перуновъ. Споръ обострился, и Наполеонъ рѣшилъ прибѣгнуть къ силѣ. 28 августа 1807 года онъ послалъ генерала Лемарруа занять провинціи Анкону, Мачерата, Фермо и Урбино. Шесть мѣсяцевъ спустя генералъ Міолли вступилъ въ Римъ (февраль 1808) [1].

Отлученіе императора и захватъ папы (1809). — Послѣ 14-мѣсячной оккупаціи, въ продолженіе которой Пій VII жилъ узникомъ въ Квириналѣ съ „почетной“ стражей, не имѣя возможности сноситься даже со своими кардиналами, изъ которыхъ двадцать четыре были сосланы, Наполеонъ, декретомъ изъ Вѣны (17 мая 1809), объявилъ папскія владѣнія присоединенными къ французской имперіи, при чемъ папа долженъ былъ сохранить только свой дворецъ и свои помѣстья съ рентою въ два милліона, и провозгласилъ Римъ „свободнымъ имперскимъ городомъ“. Такимъ образомъ свѣтская власть папы упразднялась; Наполеонъ взялъ назадъ у св. Престола даръ Карла Великаго, „своего славнаго предшественника“. Онъ во всеуслышаніе заявлялъ, что не посягаетъ на духовную власть папы и что раздраженъ противъ него лишь какъ противъ враждебнаго ему свѣтскаго государя. Позднѣе онъ призналъ, что стремился подчинить себѣ и духовное владычество папы. „Водвореніе римской куріи въ Парижѣ, — писалъ онъ на о. св. Елены, — имѣло бы важныя послѣдствія... Парижъ сдѣлался бы столицей христіанскаго міра, и я главенствовалъ бы въ религіозной сферѣ точно такъ же, какъ въ политической“.

Вѣнскій декретъ былъ приведенъ въ исполненіе 10 іюня. Въ этотъ же самый день Пій VII подписалъ протестъ на итальянскомъ языкѣ, который слѣдующею ночью былъ расклеенъ въ Римѣ, и издалъ буллу объ отлученіи Наполеона, которая среди бѣла дня была прибита на дверяхъ трехъ главныхъ римскихъ церквей (булла *Quam memorandam*). Отлучены были всѣ тѣ, кто совершилъ акты насилія въ предѣлахъ папскихъ владѣній; но папскимъ подданнымъ, какъ и всѣмъ христіанскимъ народамъ, запрещалось на основаніи этого отлученія какимъ бы то ни было образомъ посягать на имущество или права тѣхъ лицъ, которыхъ оно касалось. Мало того: папа не называлъ прямо императора, чтобы не сдѣлать его *vitandus*.

Наполеонъ, хотя и смѣялся надъ папою, который наивно думаетъ, что „отъ его отлученія оружіе выпадетъ изъ рукъ его солдатъ“, однако принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобы помѣшать опубликованію буллы, взволновавшей умы во всемъ христіанскомъ мірѣ. Онъ распорядился напечатать въ *Монитёрѣ* изложеніе принциповъ галликанской церкви, гдѣ доказывалось, что папа не въ правѣ отлучать французскаго государя. Затѣмъ онъ овладѣлъ Піемъ VII. Въ ночь съ 5

[1] Подробности см. ниже, въ гл. XII.

на 6 іюля жандармскій генералъ Радэ оцѣпилъ Квириналъ, проникъ въ комнаты папы и нашелъ его сидящимъ въ первосвященническомъ облаченіи. Онъ потребовалъ отъ него отреченія отъ свѣтской власти, прибавивъ, что въ случаѣ отказа имѣетъ предписаніе увезти его изъ Рима. Пій VII поднялся, взялъ свой требникъ и, поддерживаемый самимъ Радэ, спустился съ лѣстницы въ сопровожденіи своего статсъ-секретаря кардинала Пакка. Оба плѣнника были усажены въ карету, у которой затѣмъ были опущены сторы и дверцы заперты на ключъ. Въ этой-то каретѣ Пія VII увезли сначала въ картезіанскій монастырь во Флоренціи, отсюда въ Туринъ, затѣмъ въ Гренобль и, наконецъ, въ Савону (20 августа); кардинала Пакку разлучили съ нимъ и заперли въ крѣпости Фенестреллы.

Въ Савонѣ папа жилъ подъ строгимъ надзоромъ въ домѣ префектуры, не имѣя права принять кого-либо иначе, какъ въ присутствіи своихъ тюремщиковъ. Онъ отклонилъ всѣ знаки почета, которыми хотѣли-было его окружить. Живя скудно и большую часть времени проводя въ молитвѣ, онъ заявлялъ, что ничего не приметъ отъ того, кто беззаконно захватилъ владѣнія церкви, и энергично отвергалъ нѣсколько разъ повторенное предложеніе отказаться отъ Рима и поселиться въ Парижѣ, въ архіепископскомъ дворцѣ, съ ежегоднымъ содержаніемъ въ два милліона. Несмотря на молчаніе европейскихъ дворовъ, Наполеонъ чувствовалъ, что весь міръ осуждаетъ его. Популярность Пія VII безпокоила его. Онъ пытался свалить на Мюрата отвѣтственность за его арестъ, а потомъ приказалъ хранить полное молчаніе о римскихъ дѣлахъ и поступкахъ папы.

Новыя затрудненія; савонскія грамоты.— Наполеонъ скоро понялъ, что этимъ способомъ затрудненія не могутъ быть улажены. Назначивъ только-что нѣсколько новыхъ епископовъ, онъ потребовалъ для нихъ каноническаго посвященія. Пій VII отказалъ, на томъ основаніи, что „находясь въ плѣну, не имѣетъ при себѣ совѣта кардиналовъ“. Стали изыскивать мѣры къ улаженію конфликта. Не можетъ ли папа дать каноническое посвященіе епископамъ, не упоминая объ ихъ назначеніи императоромъ, такъ, какъ будто онъ даетъ имъ это посвященіе по собственному почину? Не можетъ ли онъ смотрѣть на этихъ епископовъ, какъ на капитулярныхъ викаріевъ, уполномоченныхъ управлять данными епархіями? Пій VII отклонилъ и эти предложенія (26 августа 1809). Число вакантныхъ каѳедръ вскорѣ достигло двадцати семи.

Чтобы выйти изъ щекотливаго положенія, Наполеонъ вызвалъ въ Парижъ оставшихся въ Римѣ кардиналовъ, а также генераловъ духовныхъ орденовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ доставить въ Парижъ административный архивъ куріи, точно въ самомъ дѣлѣ собирался осуществить свой планъ—сдѣлать Парижъ центромъ христіанскаго міра. Въ то же время онъ образовалъ *церковный комитетъ*, предсѣдателемъ котораго назначилъ кардинала Феша; но, несмотря на всѣ его настоянія, ему не удалось вынудить у этого комитета заявленія о томъ, что можно обойтись и безъ согласія папы. Тогда онъ отправилъ въ Савону двухъ кардиналовъ, Казелли и Спину, съ порученіемъ понудить папу къ уступкѣ; но ихъ миссія не увѣнчалась успѣхомъ.

Свою досаду Наполеонъ вымѣстилъ на французской церкви. Епископы были поставлены подъ надзоръ жандармеріи, которая представляла доклады объ ихъ поведеніи, ихъ предписанія были отданы подъ цензуру префектовъ, которые иногда требовали измѣненій или пропусковъ. Наполеонъ пытался также обратить ихъ въ пособниковъ правительства, предлагая имъ поддерживать мѣропріятія по набору войска, проповѣдовать противъ его враговъ и т. п. Онъ любилъ выражаться

такъ: „Мои епископы и мои жандармы". Въ декабрѣ 1809 года онъ издалъ упомянутый выше декретъ-законъ о церковныхъ угодьяхъ. Въ февралѣ 1810 года онъ возстановилъ въ силѣ и распространилъ на всю имперію галликанскую декларацію 1682 года.

Послѣ этой новой демонстраціи Наполеонъ приказалъ назначеннымъ имъ епископамъ занять свои каѳедры, не ожидая каноническаго посвященія. Когда кардиналъ Мори, назначенный въ Парижъ, счелъ своимъ долгомъ повиноваться, Пій VII посланіемъ изъ Савоны (5 ноября) запретилъ ему вмѣшиваться въ управленіе епархіей. Несмотря на то, что Мори пренебрегъ этимъ запрещеніемъ, Наполеонъ въ новомъ припадкѣ гнѣва велѣлъ бросить въ Венсеннскую тюрьму тѣхъ духовныхъ лицъ, которыхъ подозрѣвали въ доставленіи папской грамоты. Когда же папа 2 декабря обратился съ такимъ же посланіемъ къ новоназначенному флорентійскому епископу, Наполеонъ удвоилъ мѣры строгости по отношенію къ своему плѣннику. Чтобы лишить его возможности вести переписку, онъ велѣлъ отнять у него перья, бумагу и книги, которыя до сихъ поръ оставались въ его распоряженіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ префектъ Монтенотте сообщилъ папѣ, что ему воспрещается сноситься съ какою-либо церковью или съ кѣмъ-либо изъ подданныхъ императора подъ страхомъ навлечь на себя и на данную церковь или лицо обвиненіе въ мятежѣ противъ императорской власти. Пій VII отвѣчалъ: „Предоставляю Богу отмстить за мою обиду, которая есть Его обида" (январь 1811).

Разводъ и второй бракъ Наполеона (1809—1810). — А тѣмъ временемъ Наполеонъ еще и въ другомъ отношеніи нарушилъ церковные законы. Тотчасъ по возвращеніи изъ Австріи онъ сообщилъ Камбасересу, что послѣ долгихъ размышленій рѣшился на разводъ, такъ какъ чувствуетъ, что его тронъ колеблется, такъ какъ ни одинъ изъ его братьевъ неспособенъ наслѣдовать ему и такъ какъ онъ желаетъ передать свою корону прямому наслѣднику, котораго уже не надѣется имѣть отъ Жозефины. Камбасересъ поставилъ ему на видъ, что Жозефина, несмотря на все свое легкомысліе, пользуется популярностью, какой не стяжать принцессѣ изъ какого-либо стараго королевскаго дома, и что ему слѣдуетъ избѣгать такого шага, который слишкомъ напоминалъ бы старый порядокъ. Но эти предостереженія не привели ни къ чему. Наполеонъ пригласилъ къ себѣ Евгенія Богарнэ, чтобы чрезъ него подготовить императрицу къ ожидающему ее удару, но затѣмъ подъ вліяніемъ минуты вдругъ самъ признался ей, при чемъ даже мало позаботился о томъ, чтобы придать своему заявленію обычную въ такихъ случаяхъ деликатную форму.

Онъ долженъ былъ, слѣдовательно, расторгнуть какъ гражданскій, такъ и церковный бракъ. Въ отношеніи гражданскаго брака Кодексъ Наполеона давалъ ему удобный выходъ, именно—разводъ по взаимному соглашенію. Правда, формальности, которыхъ требуетъ статья 289-я для обезпеченія свободы и неизмѣнности обоюднаго желанія, не были соблюдены: фактически Жозефина не согласилась, а покорилась. Прежде всего былъ нарушенъ тотъ пунктъ закона, въ силу котораго разводъ не допускался, разъ женѣ было болѣе сорока пяти лѣтъ: возрастъ Жозефины уже перешелъ за этотъ предѣлъ. Далѣе, по регламенту императорской фамиліи (30-го марта 1806), разводъ воспрещался ея членамъ обоего пола, въ какомъ бы возрастѣ они ни были; и на это не обратили вниманія. Наконецъ, разводъ могъ состояться лишь по рѣшенію гражданскаго суда: въ данномъ случаѣ дѣло вовсе не поступало въ судъ. Чтобы прикрыть всѣ эти беззаконія, Наполеонъ заставилъ сенатъ санкціонировать его разводъ особымъ указомъ (16-го

Ф. П. С. Жераръ.

Императрица Жозефина.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

декабря 1809); а такъ какъ сенатъ не располагалъ ни судебной, ни законодательной властью, то и самое его вмѣшательство въ это дѣло было беззаконіемъ.

Послѣ того, какъ гражданскій бракъ былъ, по крайней мѣрѣ формально, „расторгнутъ", Наполеонъ занялся вопросомъ о признаніи *недѣйствительнымъ* его церковнаго брака, такъ какъ каноническое право не допускаетъ развода для браковъ *rata et consummata.* Но для признанія чего-либо недѣйствительнымъ требуется, во-первыхъ, причина, дѣлающая актъ недѣйствительнымъ, во-вторыхъ, судья, признающій его таковымъ. Наполеонъ привелъ двѣ причины недѣйствительности: 1) отсутствіе согласія со своей стороны; это было смѣло, потому что онъ послѣ заключенія церковнаго брака пять лѣтъ жилъ съ Жозефиною; 2) формальныя упущенія, на что онъ не въ правѣ былъ теперь ссылаться, такъ какъ кардиналъ Фешъ, благословившій его бракъ, получилъ на этотъ счетъ всѣ необходимые диспенсы. Судьею же въ этомъ дѣлѣ могъ быть только папа, вѣдѣнію котораго каноническое право предоставляетъ всѣ церковно-правовыя дѣла, касающіяся государей. Но какъ обратиться къ нему? Пять лѣтъ назадъ у него исходатайствовали диспенсъ; поэтому можно было опасаться, что онъ станетъ дѣлать затрудненія. Наполеонъ рѣшилъ обойтись безъ его содѣйствія. Онъ обратился къ церковному комитету, который заявилъ, что парижская консисторія компетентна рѣшить это дѣло. Неизвѣстно, была ли консисторія искренно убѣждена въ своей компетентности, или нѣтъ; но она разсмотрѣла дѣло и признала бракъ недѣйствительнымъ.

Жозефина отправилась въ Мальмезонъ оплакивать свое разрушенное счастье, а Наполеонъ пустился въ поиски за новой супругой. 21-го января 1810 года онъ созвалъ на совѣтъ высшихъ сановниковъ имперіи и предложилъ имъ на выборъ: русскую великую княжну, сестру царя, дочь короля саксонскаго и дочь императора австрійскаго. Камбасересъ склонялся въ сторону русскаго союза [1]); Шампаньи и Талейранъ высказались за австрійскій союзъ, котораго желалъ и императоръ. Наполеонъ тотчасъ обратился въ Вѣну, прося руки герцогини Маріи-Луизы, которой не было и двадцати лѣтъ. Австрійскій императоръ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ, какимъ образомъ освободился Наполеонъ, и отдалъ ему свою дочь. Брачный договоръ былъ составленъ 8-го февраля, по образцу договора Маріи-Антуанеты; затѣмъ принцесса была привезена во Францію, гдѣ 1 и 2 апрѣля 1810 года былъ заключенъ и пышно отпразднованъ ея гражданскій и церковный бракъ съ императоромъ.

Во всемъ этомъ важномъ дѣлѣ папа былъ оставленъ совсѣмъ въ сторонѣ и его власть формально игнорирована. Въ видѣ протеста противъ этой узурпаціи— тринадцать изъ двадцати шести находившихся въ Парижѣ кардиналовъ отказались присутствовать при совершеніи церковнаго брака. Наполеонъ, увидя ихъ мѣста пустыми, пришелъ въ ярость и на слѣдующій день отказался принять протестантовъ, заявивъ, что болѣе не признаетъ „этихъ господъ" кардиналами, и чрезъ министра исповѣданій приказалъ имъ снять кардинальское облаченіе и надѣть черную рясу, при чемъ министръ сообщилъ имъ также, что они отданы подъ надзоръ жандармеріи и лишены пенсіи. 10-го іюня „черные" кардиналы были высланы въ восточную Францію, гдѣ ихъ по-двое водворили въ разныхъ городахъ. Имъ пришлось прожить здѣсь болѣе трехъ лѣтъ.

Парижскій соборъ (1811); папская грамота Ex quo.— Въ концѣ 1810 года Наполеонъ снова занялся своимъ церковнымъ комитетомъ: онъ увеличилъ его персоналъ, желая образовать въ немъ

---

[1]) См. выше стр. 96.

послушное себѣ большинство (16 ноября). Онъ поставилъ этому комитету слѣдующіе два вопроса: 1) Къ кому слѣдуетъ обращаться за полученіемъ необходимыхъ диспенсовъ, разъ прекращено всякое сообщеніе между вѣрующими и папою? Комитетъ установилъ различіе между общими и спеціальными законами церкви и заявилъ, что по поводу первыхъ въ такомъ случаѣ невозможно получить диспенсъ, а по поводу вторыхъ вѣрующіе могутъ обращаться къ суду епископа. 2) Какимъ законнымъ способомъ можетъ быть доставлено каноническое посвященіе назначеннымъ властью императора епископамъ, разъ папа отказывается издать соотвѣтствующія буллы? Въ угоду своему господину комитетъ осудилъ поведеніе Пія VII, но не указалъ никакого способа добыть каноническое посвященіе. Онъ только подалъ мысль просить о добавленіи къ Конкордату новаго пункта, въ силу котораго папа былъ бы обязанъ давать посвященіе въ опредѣленный срокъ; если же папа не согласится на это, то императоръ можетъ созвать національный соборъ, который, быть можетъ, и рѣшитъ вопросъ.

Наполеонъ ухватился за эту мысль. 16-го марта 1811 года, призвавъ въ засѣданіе церковнаго комитета высшихъ сановниковъ имперіи, онъ произнесъ страстную рѣчь, въ которой рѣзко нападалъ на папу и сообщилъ о своемъ намѣреніи созвать соборъ, который положитъ конецъ противодѣйствію папы. Одинъ только аббатъ Эмери осмѣлился заявить, что соборъ, засѣдающій безъ папы или осужденный имъ, будетъ лишенъ всякаго авторитета. На его слова не обратили вниманія. 25-го апрѣля циркуляромъ, составленнымъ въ повелительныхъ и лаконическихъ выраженіяхъ, въ какихъ онъ обыкновенно обращался къ своимъ солдатамъ, императоръ созвалъ въ Парижъ французскихъ и итальянскихъ епископовъ. Въ то же время онъ послалъ въ Савону трехъ безусловно преданныхъ ему епископовъ — турскаго, нантскаго и трирскаго (Барраль, Дювуазенъ и Маннэ), съ порученіемъ вынудить у папы кое-какія уступки, которыя могли бы повліять на рѣшенія будущаго собора (20 апрѣля). Эти депутаты отъ имени императора просили Пія VII прибавить къ Конкордату параграфъ, въ силу котораго онъ обязывался бы давать каноническое посвященіе въ извѣстный срокъ, по истеченіи коего оно могло бы быть дано архіепископомъ или старѣйшимъ епископомъ данной провинціи. Они доказывали ему, что таково единодушное желаніе французской церкви, и рисовали предъ нимъ картину бѣдствій, которыя вызоветъ его отказъ. Въ концѣ-концовъ имъ удалось настолько обмануть и поколебать Пія VII, что онъ согласился на просимую вставку „въ надеждѣ, что эта уступка подготовитъ путь къ соглашеніямъ, которыя возстановятъ порядокъ и миръ въ церкви“ (19 мая). Такимъ образомъ, его обѣщаніе было условнымъ. Наполеонъ понялъ это и сдѣлалъ распоряженіе объ открытіи собора. Послѣдній былъ открытъ 17-го іюня съ большой пышностью подъ предсѣдательствомъ кардинала Феша [1]).

Наполеонъ думалъ, что сумѣетъ руководить настроеніями собора, какъ руководилъ движеніями своихъ армій. Онъ скоро убѣдился, что его увѣренность была ошибочна. Уже въ самомъ началѣ епископъ труаскій, хотя и сторонникъ галликанскихъ принциповъ, произнесъ рѣчь столь благопріятную для авторитета папы, что министръ исповѣданій запретилъ ее печатать. Епископы, еще не получившіе посвященія, были устранены отъ участія въ совѣщаніяхъ собора. Коадъюторъ мюнстерскій, поддерживаемый епископами шамберійскимъ, суассонскимъ, бордос-

[1]) Въ этомъ соборѣ участвовала половина французскихъ епископовъ и только треть итальянскихъ.

скимъ и туринскимъ, предложилъ прежде всего просить императора объ освобожденіи папы. Адресъ, составленный Дювуазеномъ, оказался послѣ дебатовъ настолько искаженнымъ, что Наполеонъ отказался его принять и приказалъ собору ограничить свои совѣщанія однимъ вопросомъ: чѣмъ могутъ быть замѣнены папскія буллы въ дѣлѣ посвященія епископовъ.

Обиженные прелаты избрали комиссію изъ одиннадцати членовъ, которая значительнымъ большинствомъ голосовъ постановила, что соборъ не компетентенъ даже временно и въ случаѣ крайней надобности обходить буллы и что безъ папы онъ ничего не можетъ дѣлать. Этотъ отвѣтъ возбудилъ въ Наполеонѣ крайнее раздраженіе, которое онъ выместилъ на кардиналѣ Фешѣ; затѣмъ онъ, по совѣту Дювуазена, обуздалъ свой гнѣвъ и, ссылаясь на уступки, исторгнутыя у папы въ Савонѣ, отдалъ на разсмотрѣніе комиссіи одиннадцати проектъ декрета, основанный будто бы на этихъ уступкахъ. Комиссія приняла проектъ; но когда послѣдній подвергся обсужденію на соборѣ, епископъ Турнэ поставилъ вопросъ: разъ папа дѣйствительно категорически согласился на эти уступки, зачѣмъ же правительство требуетъ отъ собора ненужнаго утвержденія ихъ? Въ томъ же смыслѣ говорилъ бордосскій епископъ д'Авіо, оправдывая сверхъ того папскую буллу объ отлученіи. Фешъ поспѣшилъ закрыть засѣданіе (10 іюля). Ночью Наполеонъ отдалъ приказаніе распустить соборъ и заключить епископовъ труаскаго, турнейскаго и гентскаго въ Венсеннскую тюрьму.

Ужасъ охватилъ членовъ собора. Нѣсколько дней Наполеонъ держалъ ихъ въ неизвѣстности; затѣмъ, мѣняя тактику, велѣлъ министру исповѣданій вызвать къ себѣ всѣхъ епископовъ по одиночкѣ и въ присутствіи министра полиціи предлагать имъ для подписи актъ согласія на проектъ декрета. Обѣщанія, лесть, угрозы—все было пущено въ ходъ. Этимъ неканоническимъ способомъ Наполеонъ собралъ подписи 88 епископовъ, изъ которыхъ иные, правда, прибавили оговорку: „если папа дастъ на то согласіе". Четырнадцать болѣе стойкихъ епископовъ отказались подписаться. 5 августа соборъ снова былъ открытъ. Чтобы предупредить всякое противодѣйствіе, Наполеонъ обѣщалъ, что принятый соборомъ декретъ будетъ представленъ на ратификацію папы. На основаніи этого заявленія проектъ былъ вотированъ безъ преній.

Оставалось получить согласіе Пія VII. Шесть епископовъ были посланы въ Савону. Вотумъ собора произвелъ впечатлѣніе на папу, не знавшаго, какимъ способомъ были отобраны эти подписи. Больной, павъ духомъ, онъ въ концѣ-концовъ изъявилъ согласіе. Грамотой *Ex quo* онъ утвердилъ представленный ему декретъ, прибавивъ только нѣкоторыя оговорки, долженствовавшія оградить отъ захватовъ остатокъ его власти (20 сентября). Къ общему изумленію Наполеонъ, несмотря на неожиданныя уступки, которыя сдѣлалъ ему папа, отказался принять эту грамоту. Онъ желалъ бо̀льшаго; но, чувствуя себя безсильнымъ, онъ притворился, будто ему надоѣлъ „этотъ поповскій раздоръ", и безъ всякихъ формальностей распустилъ національный соборъ, на который возлагалъ такія надежды (20 октября).

Фонтенеблоскій „конкордатъ" (1813).— Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ нѣкоторыя репрессивныя мѣры противъ французскихъ епископовъ и священниковъ церкви св. Сульпиція (22 октября), повторялъ и чрезъ своихъ клевретовъ распространялъ всюду, что „больно видѣть, какъ первосвященникъ, который могъ бы играть столь великую и прекрасную роль, сталъ проклятіемъ для церкви" (письмо отъ 9 февраля 1812), и совершенно пересталъ стѣсняться съ нимъ.—Онъ не отказался

отъ своихъ намѣреній. 27-го мая 1812 года, во время своего пребыванія въ Дрезденѣ, предшествовавшаго его вступленію въ Россію, онъ отдалъ приказъ тайно похитить папу изъ Савоны и привезти его въ Фонтенебло: онъ хотѣлъ имѣть папу подъ рукою, чтобы по возвращеніи снова, въ послѣдній разъ, попытаться запугать его.

9-го іюня старикъ, лишенный своего первосвященническаго облаченія, долженъ былъ подъ строжайшимъ инкогнито выѣхать въ Фонтенебло. При проѣздѣ чрезъ Монъ-Сенисъ онъ тяжко заболѣлъ и даже причастился св. Таинъ (14 іюня). По приказу изъ Турина его заставили ночью выѣхать дальше. Въ Фонтанебло онъ пріѣхалъ при смерти (20 іюня), и нѣсколько мѣсяцевъ пролежалъ въ постели. Все это время его усиленно склоняли къ уступкамъ. Видѣть его разрѣшено было только „краснымъ" кардиналамъ и нѣсколькимъ преданнымъ Наполеону прелатамъ, какъ епископы турскій и нантскій. Они въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовали ему состояніе церкви, опасности нескончаемаго раскола, происки сектъ и пр.; исцѣлить всѣ эти язвы могло, по ихъ мнѣнію, только одно: примиреніе папы съ императоромъ.

Вернувшись побѣжденнымъ изъ Россіи (декабрь 1812), Наполеонъ желалъ этого примиренія болѣе, чѣмъ кто-либо. Онъ началъ понимать, что его жестокость по отношенію къ папѣ отчуждаетъ отъ него сердца его католическихъ подданныхъ и даетъ иноземнымъ государямъ предлогъ для ополченія ихъ народовъ противъ Франціи. Необходимо было возможно быстрѣе кончить споръ. Въ январѣ 1813 года онъ возобновилъ переговоры съ Піемъ VII. Въ тотъ моментъ, когда, по его соображенію, рѣшимость папы была достаточно поколеблена, онъ внезапно прибылъ въ Фонтенебло вмѣстѣ съ императрицей и провелъ пять дней въ личныхъ переговорахъ съ нимъ. Онъ требуетъ, чтобы папа перенесъ свою резиденцію во Францію или въ итальянское королевство, предоставилъ ему право замѣщать всѣ епископскія каѳедры во Франціи и Италіи, за исключеніемъ шести принадлежащихъ къ римской діоцезѣ и десяти другихъ, которыя должны быть особо опредѣлены, и уполномочилъ архіепископовъ давать новымъ епископамъ по истеченіи шестимѣсячнаго срока каноническое посвященіе. Взамѣнъ всего этого св. Престолу будутъ возвращены его неотчужденныя владѣнія, отчужденныя же замѣнены другими съ такимъ разсчетомъ, чтобы образовался годовой доходъ въ два милліона; наконецъ, будутъ учреждены новыя епископства въ Голландіи и ганзейскихъ департаментахъ. Наполеонъ требовалъ еще, чтобы папа одобрилъ галликанскую декларацію 1682 года, предоставилъ свѣтскимъ государямъ назначеніе двухъ третей кардиналовъ и торжественно осудилъ образъ дѣйствій „черныхъ" кардиналовъ во время его бракосочетанія съ Маріей-Луизой. Изнуренный папа согласился на первыя требованія, которыя должны были составить одиннадцать „прелиминарныхъ статей" новаго конкордата, но еще нашелъ въ себѣ силы отвергнуть остальныя (25 января). На слѣдующій день Савари отъ имени императора выпустилъ на свободу „черныхъ" кардиналовъ.

Пій VII выговорилъ себѣ право подписать конкордатъ только послѣ того, какъ обсудитъ его текстъ въ тайномъ засѣданіи консисторіи. Лишь только онъ получилъ возможность посовѣтоваться съ „черными" кардиналами, особенно съ Ди Піетро, Консальви и Паккой, онъ понялъ, какія пагубныя послѣдствія неизбѣжно будутъ имѣть его уступки для французской и итальянской церквей, попадающихъ въ этомъ случаѣ въ полную зависимость отъ свѣтской власти. Поэтому онъ рѣшилъ взять назадъ свое согласіе. Чтобы предотвратить впечатлѣ-

ніе, которое произвело бы на Европу раскаяніе папы, Наполеонъ поспѣшилъ обнародовать фонтенеблоскій „конкордатъ", какъ государственный законъ, и велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ по поводу своего примиренія со св. Престоломъ (13 февраля). Тогда Пій VII собственноручно написалъ составленное кардиналомъ Консальви письмо, гдѣ бралъ назадъ свое согласіе (24 марта). Тотчасъ по полученіи этого письма Наполеонъ издалъ декретъ, объявлявшій конкордатъ обязательнымъ для всѣхъ епископовъ и капитуловъ имперіи (25 марта). Затѣмъ онъ велѣлъ ночью арестовать кардинала Ди Піетри и сослалъ его въ Оксоннъ (13 апрѣля). Пій VII, съ своей стороны, разослалъ кардиналамъ грамоту, въ которой заранѣе объявлялъ недѣйствительными посвященія, данныя архіепископами, посвященныхъ такимъ образомъ епископовъ — захватчиками и давшихъ имъ посвященіе—схизматиками (9 мая). Папа снова владѣлъ собою.

Возвращеніе папы въ Римъ (1814).— Между тѣмъ событія развивались съ головокружительной быстротой. Скипетръ ускользалъ изъ рукъ Наполеона; въ такую минуту папа-плѣнникъ стѣснялъ его. Онъ предложилъ папѣ отпустить его въ Римъ и вернуть ему часть его владѣній. Пій VII потребовалъ всѣхъ (21 января 1814). Черезъ день Наполеонъ приказалъ ему оставить Фонтенебло. Пій VII въ послѣдній разъ обратился съ рѣчью къ своимъ кардиналамъ, изъ которыхъ ни одному не было дозволено сопровождать его, и вернулся въ Савону (11 февраля), по пути горячо привѣтствуемый населеніемъ. Спустя четыре дня и „черные" кардиналы были высланы подъ военнымъ конвоемъ въ различные города южной Франціи.

10 марта Наполеонъ, которому приходилось теперь защищать уже французскую территорію, вернулъ папѣ римскій и тразименскій департаменты и послалъ въ Савону приказъ освободить его и ускорить его возвращеніе въ Римъ. Папа въѣхалъ въ Болонью въ тотъ самый день, когда союзники вступили въ Парижъ (31 марта). Въ Римъ онъ прибылъ, послѣ тріумфальнаго путешествія, 24 мая: прошло уже больше мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ подписалъ отреченіе въ томъ самомъ замкѣ Фонтенебло, который былъ свидѣтелемъ послѣднихъ страданій папы. Только однажды еще Пій VII коснулся Наполеона: послѣ Ста дней онъ предложилъ его семьѣ убѣжище въ Римѣ и предстательствовалъ предъ Англіей объ облегченіи его плѣна на св. Еленѣ.

IV.—Вліяніе французскихъ событій въ Европѣ.

Церковь въ Германіи; Регенсбургскій сеймъ (1803).—Событія въ области церкви, происходившія во Франціи, не могли не отразиться въ Европѣ заодно съ революціонными и наполеоновскими войнами. Французскія арміи занесли въ Германію якобинскія идеи, и мы уже видѣли, что въ 1794 году въ Майнцѣ, Трирѣ и Кёльнѣ были воздвигнуты алтари въ честь Разума. Секуляризація имуществъ нѣмецкой церкви, проектированная уже въ Базельскомъ (1795) и Кампо-формійскомъ (1797) договорахъ, была окончательно узаконена Люневильскимъ трактатомъ (1801). Въ силу этого договора весь лѣвый берегъ Рейна былъ уступленъ Франціи; но ст. 7 гласила, что наслѣдственные князья получатъ взамѣнъ утраченныхъ ими владѣній другія земли въ предѣлахъ имперіи. Какъ и послѣ Вестфальскаго договора, для вознагражденія свѣтскихъ князей послужили церковныя княжества и имущества церкви [1])

Дѣйствительно, „депутація" Священ-

---

[1]) См. выше, стр. 44 и ниже, гл. XV, *Наполеоновская Германія.*

ной имперіи, собравшаяся въ Регенсбургѣ въ мартѣ 1803 года, постановила (ст. 35), что всѣ владѣнія капитуловъ, аббатствъ и монастырей должны быть повсемѣстно переданы въ распоряженіе государей „какъ для покрытія издержекъ по культу, народному образованію и другимъ вѣдомствамъ, такъ и для поправленія ихъ финансовъ". Въ силу этого постановленія тотчасъ были секуляризованы тринадцать церковныхъ княжествъ и множество *иммедіатныхъ* (т.-е. зависѣвшихъ прямо отъ имперіи) аббатствъ, не считая епископства люттихскаго и трехъ церковныхъ курфюршествъ, уступленныхъ Франціи: кёльнскаго, майнцскаго и трирскаго. И такъ какъ большинство секуляризованныхъ этимъ путемъ земель досталось князьямъ протестантскаго вѣроисповѣданія или проникнутымъ іозефистскими идеями, то католическая церковь оказалась въ этихъ областяхъ беззащитной.— Одинъ только князь - архіепископъ майнцскій, Карлъ - Теодоръ Дальбергъ (ум. 1817), сумѣлъ сохранить свое положеніе благодаря вліянію Наполеона, къ которому онъ успѣлъ втереться въ фавориты: онъ добился того, что его архіепископская каѳедра была перенесена изъ майнцской епархіи въ регенсбургскую, превращенную для него въ княжество (1 февраля 1803). Онъ ухитрился даже распространить свою юрисдикцію, въ качествѣ „примаса Германіи", на часть бывшихъ владѣній майнцской, кёльнской и трирской каѳедръ, расположенную на правомъ берегу Рейна.

Узаконяя секуляризацію, регенсбургскій сеймъ принципіально установилъ, что государи, которые воспользуются ея плодами, обязаны давать средства на содержаніе церкви въ ихъ княжествахъ. Уцѣлѣвшіе капитулы должны были получать опредѣленный доходъ, церковнослужители и монахи—годовую пенсію. Эти ренты были невелики и уплачивались неисправно. За церквами не было обезпечено никакихъ угодій, съ которыхъ онѣ получали бы доходъ. Съ другой стороны, епископы часто оставались безъ капитуловъ вслѣдствіе смерти и ухода канониковъ, епархіи — безъ пастырей вслѣдствіе смерти епископовъ. Исключая немногихъ епархій, какъ, напримѣръ, мюнстерской, гдѣ Францискъ Фюрстенбергъ сумѣлъ сохранить свой авторитетъ, нѣмецкая церковь находилась въ полномъ упадкѣ. Необходимо было принять какія-нибудь мѣры. Баварія и вслѣдъ за нею Вюртембергъ подняли вопросъ о заключеніи конкордата. Но, пока германская имперія еще существовала, папа предпочиталъ заключить одинъ конкордатъ для всей имперіи и не хотѣлъ считаться съ отдѣльными государствами. Въ 1806 г. самъ Наполеонъ вознамѣрился заключить конкордатъ для рейнской конфедераціи.

Впрочемъ, эти конкордаты никогда не были заключены, и для обезпеченія правильнаго хода церковнаго управленія въ вакантныхъ епархіяхъ папѣ не оставалось ничего другого, какъ учредить коегдѣ апостольскіе викаріаты (Брухзаль, Элльвангенъ, Констанцъ). Но это средство плохо служило своей цѣли. Апостольскіе викаріи, чуждые своимъ епархіямъ, были лишены энергіи или не пользовались довѣріемъ паствы; а тѣ изъ нихъ, чье управленіе могло бы быть полезно, встрѣчали всевозможныя затрудненія со стороны правительствъ.—Свѣтская власть вмѣшивалась во все и хотѣла все устанавливать самочинно — вплоть до богослужебныхъ пріемовъ и текста молитвъ. Здѣсь все еще царила іозефистская система, несмотря на то, что Леопольдъ II (1790—1792) отмѣнилъ наиболѣе притѣснительныя мѣропріятія своего брата и въ частности упразднилъ верховныя семинаріи. Вліяніе Меттерниха при Францѣ I (1792—1835) упрочило здѣсь придирчивую политику австрійской бюрократіи. Этотъ примѣръ нашелъ под-

раженіе и въ другихъ мѣстахъ. Въ февралѣ 1812 года прусскій король лично учредилъ въ Бреславлѣ новый капитулъ при соборѣ, не спрашивая разрѣшенія папы. Правда, плѣнъ, въ которомъ находился тогда Пій VII, затруднялъ сношенія съ нимъ. Такъ тянулось дѣло до Вѣнскаго конгресса, и нигдѣ не было принято никакихъ мѣръ къ окончательному примиренію свѣтской власти съ церковною.

Церковь въ Италіи [1]); конкордатъ 1803 г.— Успѣхи французскаго владычества въ Италіи навлекли на итальянскую церковь тѣ же законодательныя мѣры, какія постигли французскую церковь: упраздненіе монастырей и конгрегацій (сначала частичное, затѣмъ общее въ 1810 году), конфискацію церковныхъ имуществъ, безпрестанныя вторженія въ церковную юрисдикцію, сокращеніе числа епископствъ, вынужденное у папы путемъ неотступныхъ требованій. Въ 1803 году въ Пьемонтѣ было уничтожено девять епископствъ (изъ семнадцати), въ Папской области—семнадцать.—Въ томъ же году Цизальпинская республика заключила съ Піемъ VII конкордатъ, сходный съ французскимъ, но болѣе выгодный для церкви (16 сентября 1803). Особенно важно было то, что епископы сохранили право свободно сноситься со св. Престоломъ. Но преимущества, пріобрѣтенныя по этому конкордату церковью, были значительно урѣзаны декретомъ президента Мельци (февраль 1804), придавшимъ чрезвычайно распространительный смыслъ статьямъ, выгоднымъ для правительства, и ограничительный—статьямъ, выгоднымъ для церкви.

Послѣ того какъ Наполеонъ возложилъ на себя желѣзную корону (1805), отношенія еще болѣе обострились. По присоединеніи папскихъ владѣній къ имперіи французскій конкордатъ былъ особымъ декретомъ распространенъ на всю Италію (1809) и принципы галликанской церкви объявлены господствующими во всей имперіи (1810); епископы, отказавшіеся принять ихъ, были брошены въ тюрьму.

Церковь въ Испаніи [1]).—Испанскую церковь постигла почти та же участь, что итальянскую. Послѣ испанскаго мятежа, въ которомъ приняло участіе довольно много монаховъ, Наполеонъ, вступивъ въ Мадридъ, упразднилъ двѣ трети монастырей (особенно нищенствующихъ орденовъ), конфисковалъ ихъ имущества и оказалъ лишеннымъ крова монахамъ лишь ничтожную матеріальную помощь (1808). Затѣмъ епископамъ и капитуламъ предложено было публично заявить о своемъ согласіи съ галликанскими принципами. Нѣсколько прелатовъ—большею частью французскіе епископы, назначенные на испанскія каѳедры,—подчинились; остальные, какъ и въ Италіи, были заключены въ тюрьму.—Такимъ образомъ, къ концу имперіи Наполеонъ всюду успѣлъ уничтожить плоды дѣла, предпринятаго имъ въ эпоху консульства: дѣла преобразованія и умиротворенія церкви.

---

1) См. ниже, гл. XII, *Италія*.

1) См. выше, стр. 124 и слѣд.

Глава IX.

Французская литература

съ 1799 по 1815.

Если всякую эпоху можно назвать переходной, то эпоха имперіи была переходнымъ временемъ въ болѣе точномъ смыслѣ слова, чѣмъ всякая другая. Такою ее слѣдуетъ признать потому, что здѣсь чрезвычайно ясно противостоятъ другъ другу вкусы, вскормленные прошлымъ, и новыя тенденціи, изъ которыхъ вскорѣ родится сильное литературное движеніе, и потому что борьба этихъ силъ придаетъ литературѣ этого времени болѣе хаотическій видъ, чѣмъ во всякую другую эпоху. Таковъ былъ общій характеръ французской литературы въ періодъ съ 1799 по 1815 г. Часть писателей продолжаетъ подражать „великимъ образцамъ“ XVIII вѣка и опирается на Вольтера, Сенъ - Ламбера, Кребильона младшаго и Дидро; другая ищетъ новаго пути и, еще никому не подражая (въ чемъ она права), исходитъ главнымъ образомъ изъ того принципа, что прежде всего нужно презирать и забыть XVIII в. Отсюда два теченія, которыя то идутъ параллельно, то сталкиваются и перекрещиваются.

Поэты.—Наиболѣе яркими представителями идей XVIII вѣка являются въ эту эпоху поэты: таковъ почти непреложный законъ, потому что, принужденные подчиняться опредѣленнымъ правиламъ стихосложенія, поэты въ силу одного этого болѣе преданы традиціи и медленнѣе подвигаются къ реформѣ. Два поэта огромнаго таланта стоятъ въ эту эпоху во главѣ французской поэзіи—Делилль и Парни,—и это всецѣло люди XVIII вѣка.

Делилль—ученикъ Вольтера, читавшій Бюффона и немного Руссо. Ребенкомъ онъ былъ развитъ не по лѣтамъ. Двадцати лѣтъ онъ написалъ стихотвореніе о машинѣ Марли, приводившее въ восторгъ любителей. Ставъ профессоромъ въ одномъ изъ парижскихъ коллежей, онъ съ любовью перевелъ *Георгики* Вергилія и издалъ ихъ въ 1769 году. Онъ былъ большой виртуозъ: въ каждомъ стихѣ *Георгикъ* онъ съ изящной легкостью преодолѣваетъ какую-нибудь трудность, и вообще умѣніе побѣждать трудности и облекать въ искусный стихъ вещи, не поддающіяся стихотворной обработкѣ, является главнымъ отличительнымъ свойсвомъ его таланта. Переводъ былъ встрѣченъ восторженнымъ одобреніемъ, и авторъ, превозносимый Вольтеромъ, очень скоро былъ избранъ во Французскую академію. Осыпанный почестями и пенсіями, Делилль издалъ послѣдовательно множество поэмъ, изъ которыхъ ни одна не

стоитъ его *Георгикъ*, но которыя всѣ написаны искусно и мѣстами блестяще: *Les Jardins* въ 1782 г., *L'Homme des champs* въ 1800, *L'Imagination* въ 1806, *Les Trois règnes de la nature* въ 1809. Это все—собранія разсказовъ, размышленій, дидактическихъ отрывковъ, *лекцій* и особенно описаній, вставленныя въ плохо построенныя и словно ежеминутно разваливающіяся рамки. Описаніе всегда играло видную роль въ поэмахъ Делилля, а съ теченіемъ времени оно стало занимать у него все болѣе мѣста и въ концѣ-концовъ затопляетъ все, до такой степени, что сложилось представленіе (основательное или неосновательное, другой вопросъ), что Делилль изобрѣлъ новый жанръ—описательный. Это не первый примѣръ, что недостатокъ превращается въ систему, а система—въ мнимое изобрѣтеніе. Впрочемъ, Делилль дѣйствительно обладалъ изряднымъ описательнымъ талантомъ. Онъ холоденъ, часто однообразенъ и чрезмѣрно растянутъ, но—что бы ни говорили—онъ умѣетъ смотрѣть, и если никогда не живописуетъ въ подлинномъ смыслѣ слова, то даетъ точный и довольно подробный рисунокъ. Въ общемъ онъ изображаетъ природу такъ, какъ если бы она была машиною Марли, и только ея живой духъ ускользаетъ отъ него. Кромѣ того, онъ уменъ, и нѣкоторые изъ портретовъ въ манерѣ Ла-Брюйера, нарисованныхъ имъ въ его послѣднемъ произведеніи, *La Conversation* (1812), довольно удачны. Этотъ искусный и плодовитый версификаторъ, бывшій всегда крайне осмотрительнымъ въ своемъ поведеніи, умеръ какъ разъ вовремя, чтобы быть похороненнымъ съ королевскими почестями,—въ 1813 году. Нѣсколько лѣтъ спустя та могучая поэтическая школа, которая въ это время уже народилась, но пока еще не имѣла ни одного представителя среди стихотворцевъ, обрекла бы его на то глубокое забвеніе, въ которое повергла его послѣ его смерти, не совсѣмъ заслуженная реакція.

Гораздо болѣе одаренный Парни не сдѣлалъ такой блестящей карьеры. Этотъ безпечный креолъ съ острова Бурбона очень молодымъ пріѣхалъ во Францію и выпустилъ въ свѣтъ „Эротическія стихотворенія“ (1778), принятыя чрезвычайно благосклонно. Въ нихъ есть изящество и нѣкоторая чувственная грація, а порою слышится и мимолетная нотка истиннаго чувства. Этого было достаточно, чтобы Парни провозгласили „Расиномъ элегіи“. Онъ не былъ Расиномъ ни въ какомъ жанрѣ. Позже замѣтили, что это былъ поэтъ въ духѣ Gentil-Bernard'a [1]), довольно остроумный, способный довольно ловко перекладывать въ стихи скабрезности *Философскаго словаря*, словомъ—нѣчто въ родѣ юмористическаго Вольтера. Такимъ является онъ намъ въ своихъ *Guerre des Dieux*, *Déguisements de Vénus*, *Galanteries de la Bible* и пр. Но именно это нравилось тогдашней публикѣ, подготовленной всѣмъ вольтерьянскимъ движеніемъ XVIII вѣка; неудивительно, что вслѣдъ за заслуженнымъ признаніемъ со стороны, знатоковъ, Парни стяжалъ колоссальную популярность въ массѣ. Но слава не обогатила его, и бѣдный пѣвецъ сладострастія поневолѣ прозябалъ въ стоицизмѣ, отъ котораго лишь на короткое время избавила его запоздалая пенсія императора. Онъ умеръ въ 1814 г., годомъ позже Делилля, напутствуемый искреннимъ сожалѣніемъ немногихъ и небольшой элегіей Беранже, имя котораго здѣсь впервые появляется въ исторіи литературы въ связи съ именемъ поэта, чьимъ наслѣдникомъ онъ до нѣкоторой степени можетъ считаться.

Фонтанъ—поэтъ приблизительно той же школы, что и двое предшествующихъ, исключая непристойностей Парни, какъ и можно ожидать отъ человѣка, бывшаго

---

[1]) Франц. поэтъ 1710—1775 г. *(Прим. перев.)*.

grand maître'омъ императорскаго университета. Молодой Фонтанъ, очень знатный, но мало взысканный вещественными дарами фортуны, дебютировалъ еще до революціи нѣсколькими стихотвореніями, напечатанными въ *Almanach des Muses*. Благодаря своей довольно реакціонной дѣятельности въ періодъ „смуты“ онъ принужденъ былъ затѣмъ бѣжать въ Англію, гдѣ познакомился съ Шатобріаномъ. Вернувшись послѣ 18 брюмера, онъ сдѣлался драматическимъ критикомъ въ *Меркуріи*, затѣмъ депутатомъ, потомъ grand maître'омъ университета и наконецъ съ 1815 г. до смерти (1821) былъ пэромъ Франціи. Это былъ чрезвычайно ловкій человѣкъ, никогда не дѣлавшій глупостей и умѣвшій никогда не попадать въ бѣду. Его стихотворенія отличаются изяществомъ, остротою и тонкостью, какими были отмѣчены и его бесѣда, лицо и обращеніе. Въ общемъ ихъ можно отнести къ описательному роду. Это—поэмы на такіе сюжеты: *Астрономія*, *Сельскій домъ*, *Горы*, *День поминовенія мертвыхъ*, который и теперь еще стоитъ прочесть, *Гробницы Сенъ-Дени* и пр. Сюда надо прибавить еще нѣсколько *Посланій* и довольно милыхъ *Стансовъ*, написанныхъ въ довольно выдержанномъ тонѣ, не слишкомъ строгомъ и не слишкомъ небрежномъ, соотвѣтствующемъ тому, что Мармонтель нѣсколько раньше называлъ задушевно-благороднымъ слогомъ. Какъ ни значительны еще и на нашъ взглядъ достоинства Фонтана, какъ поэта, однако къ нему скорѣе слѣдовало бы возвращаться иногда какъ къ критику и съ нѣкоторымъ вниманіемъ перелистывать его: это былъ бы не безполезный трудъ. Его статьи въ *Меркуріи* обнаруживаютъ въ авторѣ широкій и вдумчивый умъ, который, несмотря на свои пристрастія къ XVIII вѣку, такъ сказать, заранѣе даетъ мѣсто смѣлому новаторству ближайшаго будущаго. Насъ мало интересуетъ, было ли его поклоненіе Шатобріану слѣдствіемъ его дружбы съ послѣднимъ, или, наоборотъ, поклоненіе заставило его полюбить Шатобріана; но мы привѣтствуемъ стойкую поддержку, которую онъ оказывалъ автору *Ренэ*, и энтузіазмъ, который онъ первый принесъ въ дань его генію въ тѣ дни, когда наиболѣе авторитетные критики эпохи безусловно отрицали этотъ геній. Очень рѣдко случается, чтобы консерваторъ въ художественномъ творчествѣ являлся новаторомъ въ критикѣ, и это требуетъ большого умѣнья отрѣшаться отъ самого себя. Почти таковъ и былъ Фонтанъ. Это доказываетъ, что онъ обладалъ большимъ вкусомъ и еще большею скромностью. По крайней мѣрѣ, въ этихъ двухъ отношеніяхъ онъ былъ очень оригинальнымъ человѣкомъ.

Андріё, не будучи великимъ человѣкомъ, былъ болѣе выдающимся поэтомъ, чѣмъ Фонтанъ. Онъ родился въ Страсбургѣ въ 1759 году, и еще до революціи во Французскомъ театрѣ съ успѣхомъ шла его хорошенькая комедія *Les Étourdis*. Онъ былъ общественнымъ дѣятелемъ, впрочемъ, довольно независимымъ, въ эпоху консульства и имперіи, а при реставраціи занималъ каѳедру французской литературы въ Collège de France. Въ его произведеніяхъ—бездна тонкости, граціи и остроумія, но прочихъ литературныхъ достоинствъ въ нихъ нѣтъ и слѣда. Естественно поэтому, что его излюбленный жанръ — повѣствованіе. Нѣкоторые его стихотворные разсказы — маленькіе шедевры; таковы: *Le Meunier de Sans-Souci*, *Cécile et Térence*, *La Promenade de Fénelon*, *Le Procès du sénat de Capoue*. Бóльшаго благодушія, непринужденности и почти естественнаго остроумія нельзя и вообразить. Въ Андріё виденъ ученикъ Вольтера, менѣе ѣдкій и язвительный, но ничуть не уступающій учителю въ умѣніи превратить разсказъ въ забавную сатиру. Это искусство устарѣло, но только въ томъ смыслѣ, что мы утратили его секретъ, чѣмъ вовсе нельзя намъ гор-

диться. Драматическія произведенія Андріё забыты, и вполнѣ справедливо. Андріё и на сценѣ оставался разсказчикомъ. Когда онъ выдумывалъ, какъ въ *Les Étourdis*, сущность его пьесы бывала совершенно ничтожна. Нѣсколько лучше удавалась ему обработка эпизодовъ изъ исторіи или исторіи литературы въ формѣ комедій. Въ сущности это—разсказы, изложенные въ формѣ діалога; таковы его *Helvétius*, *Le Souper d'Auteuil*, *L'Enfance de Jean-Jacques Rousseau* и др. Настоящее драматическое искусство состоитъ совсѣмъ не въ этомъ. Но слѣдуетъ помнить, что этотъ пріемъ, обусловленный какъ бы художественнымъ безсиліемъ, породилъ цѣлый жанръ. *Анекдотическая комедія* ведетъ свое начало почти вполнѣ отъ Андріё. Правда,—какъ и вообще ни одинъ литературный жанръ не возникаетъ въ точно опредѣленный моментъ,—*Les Trois Oronte* Буагобера представляютъ собою литературный анекдотъ, заимствованный у Талльманъ де Рео и передѣланный въ комедію, и являются истиннымъ прообразомъ комедій Андріё; да и Данкуръ часто облекалъ въ форму комедіи новѣйшій скандальный анекдотъ своего времени. Но только съ Андріё анекдотическая комедія становится настоящимъ литературнымъ жанромъ, который очень цѣнила публика XIX вѣка приблизительно до 1850 года, и намъ важно было по крайней мѣрѣ отмѣтить его возникновеніе. Андріё умеръ въ 1833 году, послѣ того какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ „заставлялъ своихъ слушателей въ Collège de France слушать себя благодаря своему умѣнію заставлять себя слушать", по остроумному выраженію Вильмэна.

Арно, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его великимъ однофамильцемъ, родился въ Парижѣ въ 1766 году и, подобно Андріё, много работалъ для театра, но безъ особеннаго успѣха, и не оставилъ ни одной пьесы, которая заслуживала бы вниманія потомства. Гораздо значительнѣе его *Басни*, которыя большею частью представляютъ собою не басни въ собственномъ смыслѣ слова, а сатирическіе анекдоты или даже просто сатирическіе діалоги. Онъ также не лишенъ остроумія и граціи, но у него меньше увлекательной легкости, чѣмъ у Андріё. Во всѣхъ поэтическихъ хрестоматіяхъ помѣщается его элегія въ пятнадцать стиховъ подъ заглавіемъ *La Feuille*, которая была признана шедевромъ и дѣйствительно есть шедевръ. Одна эта страница спасла имя Арно отъ забвенія и обезпечиваетъ за нимъ безсмертіе, и это вполнѣ справедливо, потому что произведенія искусства нельзя мѣрять на аршинъ. Арно оставилъ прозаическія *Воспоминанія шестидесятилѣтняго человѣка*, мемуары, донынѣ чрезвычайно интересные и мѣстами очень увлекательные.

Эпическихъ поэтовъ этого времени почти не стоило бы и называть; но необходимо сказать, что эпическія поэмы писались тогда во множествѣ, и исторія литературы не можетъ пройти молчаніемъ столь распространенной моды. Парсеваль-Гранмэзонъ издалъ въ 1804 году *Les Amours épiques* и медленно писалъ свою пространную эпопею въ двѣнадцати пѣсняхъ *Philippe Auguste*, вышедшую лишь въ 1825 году; Антуанъ де Курно нагромождалъ одну за другой *Les Quatre âges de l'homme*, *L'Achilléide* и т. п. Какъ извѣстно, даже Беранже въ началѣ своей карьеры задумывалъ эпическую поэму и даже написалъ начало эпопеи, которую потомъ осудилъ на смерть. Не слѣдуетъ забывать, что *Мученики* Шатобріана возникли изъ его теоретическихъ взглядовъ на поэзію, изъ его идей о возрожденіи религіознаго духа и изъ того пристрастія къ эпической поэзіи, которое проснулось около 1810 года,—проснулось потому, что оно періодически просыпается во Франціи, и потому, что жизненная эпопея Наполеона естественно разбудила его.

Драматическая литература этого пе-

ріода, хотя и не блистала ярко и, особенно, не дала ничего вполнѣ новаго, все же заслуживаетъ вниманія. Мы видимъ здѣсь кое-какія попытки внести нѣсколько больше занимательности въ старую трагедію, не ломая ея рамокъ и не мѣняя ея традиціонныхъ пріемовъ.

Лагарпъ, о которомъ намъ, можетъ быть, слѣдовало говорить въ предыдущей главѣ, какъ о трагикѣ, но котораго мы оставили для настоящей, гдѣ онъ займетъ подобающее ему мѣсто какъ критикъ, съ 1763 по 1786 г., какъ вѣрный ученикъ Вольтера, написалъ кучу трагедій, искусно построенныхъ, пріятныхъ въ чтеніи, но очень холодныхъ: *Варвикъ* (1763), *Тимолеонъ* (1765), *Густавъ Ваза* (1766), *Меланія или монахиня*, современная драма съ философскими тенденціями, которую оказалось невозможнымъ поставить на сценѣ, но которую много читали и весьма хвалили. Эти усилія—едва ли успѣхи—открыли предъ нимъ въ 1776 г. двери Французской академіи, что Жильберъ возвѣстилъ въ слѣдующихъ стихахъ:

C'est ce petit rimeur de tant d'orgueil enflé,
Qui sifflé pour ses vers, pour sa prose sifflé,
Tout meurtri des faux pas de sa muse tragique,
Tomba de chute en chute au trône académique [1]).

Онъ и послѣ этого упорно продолжалъ пожинать въ театрѣ половинный успѣхъ. *Меньшиковъ* въ 1776 г., *Бармесиды* въ 1778, *Іоанна неаполитанская* въ 1781, *Филоктетъ* въ 1783, *Брамины* въ 1783, *Коріоланъ* въ 1784, *Виргинія* въ 1786 ничуть не увеличили и не умалили его извѣстности. Между тѣмъ драматическія произведенія Лагарпа не лишены историческаго интереса. Подобно своему учителю Вольтеру и слѣдуя его примѣру, Лагарпъ пытался „расширить территорію трагедіи“, варьировать сюжеты, разнообразить мѣсто дѣйствія. Все это проторило путь суровому и оригинальному поэту, пользовавшемуся большой извѣстностью въ эпоху первой республики и при имперіи, Дюси.

Жанъ-Франсуа Дюси родился въ 1733 году въ Версали. Онъ дебютировалъ въ 1768 году во Французской комедіи *Артемисіей*, не имѣвшей никакого успѣха. У него возникла мысль обратиться къ тому великому трагику новаго времени, котораго ввелъ въ моду во Франціи Вольтеръ, къ Шекспиру, и эта мысль оказалась очень удачной. Его *Гамлетъ* (1796) имѣлъ большой успѣхъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Дюси „передѣлалъ для сцены“, какъ говорятъ въ настоящее время, послѣдовательно *Ромео и Джульету* (1772), *Короля Лира* (1783), принятаго съ энтузіазмомъ, *Макбета* (1784) и *Отелло* (1792). Въ промежуткахъ и позднѣе онъ ставилъ пьесы болѣе оригинальныя или заимствованныя у другихъ авторовъ, какъ *Іоаннъ Безземельный* (1791), *Абуфаръ или арабская семья* (1796), *Эдипъ въ Колонѣ* (1797), *Өедоръ Вальдамиръ или сибирская семья* (1801). Въ эпоху консульства и имперіи онъ наполнялъ свою бодрую и гордую старость не столь обширными поэтическими работами: онъ писалъ небольшія пьесы интимнаго содержанія, домашнія идилліи: „Моему ручью“, „Моему погребу“, „Моимъ двумъ пенатамъ“. Извѣстны прелестные стихи, въ которыхъ онъ изображаетъ простой патріархальный бытъ двухъ семействъ: Пьера Корнеля и Томаса Корнеля. Онъ обладалъ необыкновенно благороднымъ, стоическимъ, можно сказать героическимъ, характеромъ. Онъ съ такою же энергіей избѣгалъ богатства и почестей, съ какою другіе добиваются ихъ и съ какою богатство и почести сами преслѣдовали его. Наполеонъ I настойчиво желалъ сдѣлать его сенаторомъ. Отказаться было опасно, притомъ Дюси былъ бѣденъ. И онъ не только отказался,

[1]) „Ничтожный риѳмоплетъ, надменный толикой спѣсью, освистанный за свои стихи и за свою прозу, искалѣченный своей колченогой трагической музою, падая со ступеньки на ступеньку, свалился на академическое кресло“.

но отказался почти грубо: „Я католикъ, поэтъ, республиканецъ и люблю уединеніе; все это не подходитъ ни къ компаніи, ни къ мѣсту". Онъ держался того убѣжденія, что трагическій поэтъ долженъ походить на Корнеля,—и въ смыслѣ характера онъ превзошелъ Корнеля.

Въ литературномъ отношеніи его драматическія произведенія очень цѣнны. Надо помнить, что онъ первый акклиматизировалъ Шекспира во Франціи. При этомъ естественно могли возникать колебанія относительно выбора пьесъ для обработки; между тѣмъ мы видимъ, что Дюси выбралъ тѣ изъ шекспировскихъ драмъ, которыхъ французская сцена послѣ столькихъ разнообразныхъ попытокъ держится донынѣ и къ которымъ она постоянно возвращается. Чутье и вкусъ Дюси оказались въ этомъ случаѣ абсолютно вѣрными. Способъ, какимъ онъ передѣлывалъ драмы англійскаго поэта, также во многомъ вполнѣ правиленъ. Французы спустя вѣкъ послѣ Дюси помнятъ и охотно смотрятъ изъ шекспировскихъ драмъ именно то и,—что особенно любопытно,—сами англичане, сокращающіе Шекспира еще больше французовъ, именно то удерживаютъ на сценѣ, опуская все остальное, что̀ Дюси, руководимый тонкимъ чутьемъ сцены, съ перваго раза, ошибаясь только въ деталяхъ, заботливо и съ точностью перенесъ въ свои чистыя и прозрачныя передѣлки пьесъ великаго англійскаго драматурга. Притомъ его стихъ, всегда ясный и чистый, часто весьма сильный и сжатый, обыкновенно съ замѣчательной яркостью и выпуклостью передаетъ наиболѣе классическія красоты великаго поэта. Дюси нигдѣ не искажаетъ его. Шекспировское движеніе во французскомъ театрѣ, достигшее наибольшей силы въ промежутокъ времени съ 1820 по 1840 г., въ значительной мѣрѣ обязано своимъ началомъ скромному и, на взглядъ его преемниковъ, слишкомъ робкому Дюси.

Непомукъ Лемерсье по характеру нѣсколько напоминаетъ Дюси, что дѣлаетъ ему честь, а какъ поэтъ онъ подвинулъ французскій театръ еще на шагъ впередъ по пути, который привелъ позднѣе къ романтической драмѣ. Онъ родился въ Парижѣ въ 1771 году. Это былъ чудо-ребенокъ; благодаря покровительству высокопоставленныхъ лицъ онъ поставилъ на сцену свою первую трагедію *Méléagre* въ такомъ возрастѣ, въ какомъ отроки обыкновенно еще съ трудомъ понимаютъ чужія (1788). Однако ни эта, ни вторая его драма *Clarisse Harlowe* (1795) не стяжали ему успѣха; но поставленная въ 1795 году комедія его *Tartuffe révolutionnaire,* очень хорошо принятая зарождающейся реакціей, обнаружила въ немъ задатки таланта, и возбужденныя ею надежды были оправданы слѣдовавшими за нею *Le Lévite d'Èphraim* (1796) и *Agamemnon* (1797). Но наиболѣе оригинальной вещью Лемерсье была его прозаическая драма *Pinto ou la journée d'une conspiration* (1801), имѣвшая колоссальный успѣхъ. *Pinto* положилъ начало исторической драмѣ въ томъ смыслѣ, какъ ее позднѣе понимали Александръ Дюма и Викторъ Гюго. Дорога была открыта, оставалось только идти по ней далѣе. Но Лемерсье уже не могъ этого дѣлать, вслѣдствіе своихъ разногласій съ Наполеономъ I. Онъ очень любилъ перваго консула и былъ имъ любимъ; но, будучи, подобно Дюси, искренно преданъ своимъ республиканскимъ убѣжденіямъ, онъ отослалъ Наполеону свой крестъ Почетнаго легіона въ тотъ самый день, когда была провозглашена имперія. Съ тѣхъ поръ Лемерсье, вѣроятно по внушенію свыше, встрѣчалъ въ театрахъ такой пріемъ, какого и слѣдовало ожидать. Съ своей стороны, и онъ подъ вліяніемъ досады заупрямился; когда однажды во время какого-то офиціальнаго торжества императоръ, какъ бы смягчившись, спросилъ его: „Когда же вы намъ что-нибудь

дадите?"—Лемерсье отвѣчалъ: „Государь, я жду". Пусть бы онъ ждалъ работая, — но онъ ничего не дѣлалъ, и, когда наступилъ моментъ, котораго онъ ждалъ, у него ничего не оказалось наготовѣ и онъ вообще уже ничего не написалъ замѣчательнаго, по крайней мѣрѣ для сцены. Онъ поставилъ еще только одну очень слабую трагедію—*Frédégonde et Brunehaut* (1825), представлявшую собою запоздалую вспышку лже-классицизма среди разгара романтическаго направленія; она была встрѣчена рѣзкой критикой новаторовъ и слабо поддержана друзьями автора. Его громадная поэма, которую римляне назвали бы *satura*,—смѣсь эпоса, комедіи, лирики и сатиры—*La Panhypocrisiade* (1819), представляетъ собою какъ бы кошмаръ, сквозь который тамъ и сямъ вспыхиваютъ на мгновенье яркіе огоньки. Оцѣнить этотъ плохо дисциплинированный и неровный талантъ нелегко. Послѣдній изъ классиковъ боролся въ немъ съ первымъ изъ романтиковъ. Во всякомъ случаѣ, несмотря на безпорядочность и непостоянство, онъ обладалъ прекраснымъ, блестящимъ и очень подвижнымъ воображеніемъ.

Франсуа Ренуаръ—менѣе мятежный, но также очень значительный талантъ. Онъ родился въ Бриньолѣ (Варъ) въ 1761 г., былъ политическимъ дѣятелемъ во время революціи и неожиданно оказался даровитымъ драматургомъ. Въ 1794 году онъ издалъ драму *Катонъ Утическій*, которая представляла собою главнымъ образомъ протестъ противъ тираніи того времени. Онъ, повидимому, уже и забылъ объ этомъ первомъ своемъ опытѣ, когда въ 1805 г., сорока пяти лѣтъ отъ роду, поставилъ трагедію *Тампліеры*. Она имѣла необычайный успѣхъ. Энергичный, твердый стихъ, приноровленный для декламаціи и мѣстами напоминающій Корнеля, прекрасные трагическіе эффекты и патетическій самъ по себѣ сюжетъ вызвали всеобщій восторгъ. Это была, подобно *Инесъ да Кастро* или современной *Дочери Роланда*, одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя долго живутъ въ памяти людей, во-первыхъ, благодаря своимъ достоинствамъ, и, во-вторыхъ, какъ лучшее произведеніе автора, уже не сумѣвшаго вторично достигнуть той же высоты. Дѣйствительно, въ 1814 году Ренуаръ потерпѣлъ неудачу со своими *États de Blois* и перенесъ свою умственную дѣятельность на другое поприще. Онъ создалъ цѣлую науку, науку о романскихъ языкахъ, и хотя его методъ позднѣе былъ оставленъ, но онъ далъ рѣшительный толчокъ разработкѣ этой дисциплины, послѣдствія котораго чувствуются еще и теперь. Это былъ высоко-образованный, воспріимчивый и изобрѣтательный умъ прекраснаго и сильнаго южнаго склада.

И эта эпоха имѣла своего Гарди, драматическихъ дѣлъ мастера, отличавшагося чудовищной плодовитостью и изобрѣтательностью, ставящей втупикъ. Это—Пиксерекуръ, котораго слѣдуетъ признать родоначальникомъ современной популярной мелодрамы, какъ Лемерсье былъ родоначальникомъ исторической драмы. Пиксерекуръ первый открылъ секретъ этихъ сложныхъ исторій, изобилующихъ необыкновенными, таинственными и трогательными происшествіями, нанизанными на искусно построенную интригу, и первый овладѣлъ ихъ техникой, правда—довольно грубой, но все же требующей опытнаго пера. Его *Victor ou l'enfant de la forêt* держался на сценѣ болѣе пятидесяти лѣтъ, и тѣ, у кого эта драма исторгала слезы около 1850 года, не подозрѣвали, что она была написана еще въ 1798 году. Нужно ли упоминать еще *Coelina ou l'enfant du mystère, Le Solitaire de la Roche noire Le Petit Carilloneur, Le Chien de Montargis, La Chapelle des bois, L'Allée des Veuves, Latude ou trente-cinq ans de captivité?* Писательская дѣятельность Пиксерекура

продолжалась дольше, чѣмъ плѣнъ Лятуда. Первая его пьеса была написана въ 1798 году, послѣдняя, которую мы знаемъ и которая, можетъ быть, еще и не была послѣдней,—въ 1834 г., и послѣ этого онъ еще 10 лѣтъ печаталъ всевозможныя *воспоминанія* и *путевыя записки*. Онъ родился въ 1773 году и умеръ въ 1844-мъ, исторгнувъ слезы у двухъ поколѣній и оставивъ своимъ произведеніямъ силу исторгнуть ихъ и у третьяго. Онъ былъ въ своемъ родѣ благодѣтелемъ человѣчества.

Еще болѣе неоспоримо заслуживаютъ это имя тѣ, кто вызываетъ смѣхъ у людей. Нѣсколько такихъ поэтовъ было и въ эпоху первой имперіи.

Симпатичный Пикаръ, бывшій директоромъ театра и писавшій комедіи, не лишенъ естественности и веселости; его наблюдательность очень поверхностна, но мѣтка. Дѣйствіе его пьесъ развивается довольно небрежно и медлительно, что̀ имъ вредитъ въ нашихъ глазахъ. При всемъ томъ его *La Petite Ville, Les Marionnettes* и *Les Ricochets* еще и теперь читаются съ большимъ удовольствіемъ.

Шарль-Гильомъ Этьеннъ, довольно видный чиновникъ временъ имперіи, въ 1804 году поставилъ на сцену *La Jeune femme colère*, въ 1807—*Brueys et Palaprat*, двѣ очень остроумныя комедіи, и въ 1810 году—*Les Deux Gendres*, пьесу, сюжетъ которой онъ нашелъ въ одной рукописи XVII вѣка; этотъ сюжетъ онъ совершенно переработалъ, и его вина заключалась только въ томъ, что онъ не заявилъ своевременно объ этомъ своемъ вполнѣ законномъ заимствованіи. *Les Deux Geudres*, имѣвшіе громадный успѣхъ,—во всякомъ случаѣ очень интересная и отлично сдѣланная пьеса. Онъ написалъ еще около двадцати другихъ драматическихъ произведеній, не имѣющихъ такого значенія. Во время реставраціи онъ былъ преимущественно оппозиціоннымъ журналистомъ, внушавшимъ изрядный страхъ противной партіи, и политическимъ дѣятелемъ. Онъ родился въ 1778 году, умеръ въ 1845.

Не слѣдуетъ забывать и другого Этьенна, извѣстнаго лишь подъ своимъ псевдонимомъ Жуи. Послѣ полной приключеній, но безусловно честной молодости, во время которой онъ послѣдовательно былъ морякомъ, артиллерійскимъ офицеромъ, журналистомъ и пр., онъ въ самомъ концѣ XVIII вѣка посвятилъ себя литературѣ. Онъ написалъ для сцены водевиль *Comment faire?* (1799), *L'Avide héritier* (1807), трагедію *Tippo-Saïb* (1813), *Bélisaire* (1818), *Sylla* (1824), множество оперъ и т. д. Онъ извѣстенъ также книгою *L'Ermite de la Chaussée-d'Antin*, представляющей картины нравовъ. Жуи писалъ во множествѣ журналовъ. Онъ былъ полонъ остроумія, которому нѣсколько вредили его усилія быть остроумнымъ. Впрочемъ, такова, кажется, участь всѣхъ, кто не лишенъ этого дара.

Романисты этой эпохи стоятъ невысоко. Публика лишь смутно помнитъ г-жу Жанлисъ, г-жу Коттенъ и Пиго-Лебрёна. Г-жа Жанлисъ, происходившая изъ довольно знатной, но обѣднѣвшей фамиліи и рано осиротѣвшая, ребенкомъ была взята на воспитаніе финансистомъ Ла Попелиньеръ, шестнадцати лѣтъ, въ 1762 году, вышла замужъ за полковника графа Жанлиса и затѣмъ сдѣлалась воспитательницей дѣтей герцога Орлеанскаго. Въ 1793 г. она эмигрировала и, вернувшись въ 1800-мъ, понравилась Наполеону; онъ назначилъ ей пенсію съ тѣмъ, чтобы она обучала его наукѣ, къ которой онъ питалъ непреоборимую слабость,—наукѣ обычаевъ, манеръ и этикета стараго двора. Она сумѣла сохранить свою пенсію и свое положеніе и при реставраціи и умерла какъ разъ въ то время (1830), когда ея Palais-Royal превратился въ Тюильри. Она была необыкновенно продуктивна. Мы оставляемъ въ сторонѣ ея безчисленныя нравоучительныя книги

для дѣтей, какъ *Adèle et Théodore, Les Veiltées du château, Théâtre d'éducation* и пр. Какъ романистка, она оставила *Les Voeux téméraires, Les Méres rivales, Les Battuécas,* которые называютъ донынѣ, потому что они удостоились быть прочитанными Жоржъ-Зандомъ, и наконецъ *M-lle de Clermont*, ея лучшее и дѣйствительно прекрасное произведеніе, которое М.-Ж. Шенье поставилъ на ряду съ *La Princesse de Clèves*, а Сентъ-Бёвъ причислилъ къ книгамъ, которыя всякій долженъ прочитать. Ея плавный и прозрачный стиль лишенъ всякой силы, но очень чистъ и довольно пріятенъ.

Г-жа Коттэнъ владѣла даромъ слезъ и врожденнымъ искусствомъ поддерживать интересъ въ продолженіе длиннаго разсказа. Она родилась въ 1773 году, начала писать въ 1798 и умерла въ 1806, такъ что ея литературная карьера была весьма непродолжительна; но она сразу пріобрѣла славу или, по крайней мѣрѣ, популярность, которая надолго пережила ее. Ея романы читались еще въ 1830 году, и только великіе романисты эпохи Людовика-Филиппа окончательно вытѣснили ее. Главные романы г-жи Коттэнъ—*Claire d'Albe, Malvina,* наиболѣе прославившійся (1800), *Amélie Mansfeld* и *Mathilde*. Имя г-жи Коттэнъ обыкновенно произносится съ оттѣнкомъ насмѣшки. Она этого совершенно не заслуживаетъ. Конечно, г-жа Коттэнъ—не геній; но она разсказываетъ очень трогательно и занимательно, и—что весьма существенно въ этомъ дѣлѣ—она первая взволнована предметомъ своего повѣствованія.

Пиго-Лебрёнъ былъ „веселымъ писателемъ". Офицеръ, актеръ, драматургъ—онъ велъ въ молодости странную жизнь, полную приключеній, оставаясь при всемъ томъ безусловно честнымъ и даже довольно мягкимъ человѣкомъ; въ концѣ-концовъ онъ пристроился въ таможенномъ вѣдомствѣ и употреблялъ свой досугъ на сочиненіе веселыхъ романовъ и комедій-буффъ. И теперь еще отъ скуки можно прочитать его *L'Enfant du carnaval, Monsieur Botte, Jérôme, La Famille Luceval* и просмотрѣть его комедіи *Le Pessimicme, Les Riveaux d'eux-mêmes*. Вмѣстѣ со своимъ зятемъ, Ожье, онъ написалъ романъ *Le Beau-Pére et le Gendre*, и ему посчастливилось угадать нарождающійся талантъ во внукѣ, котораго онъ очень любилъ и имя котораго было Эмиль Ожье. Пиго-Лебрёнъ умеръ въ 1833 году.

Прежде чѣмъ оставить романистовъ, необходимо отмѣтить, что оба знаменитыхъ романа этой эпохи—*Дельфинъ* и *Адольфъ*—были написаны двумя авторами, которые не занимались спеціально писаніемъ романовъ и которыхъ мы встрѣтимъ дальше въ другой категоріи писателей.

Главными тремя литературными величинами эпохи имперіи являются—г-жа Сталь, Бенжамэнъ Констанъ и Шатобріанъ. Характеристику послѣдняго мы откладываемъ до эпохи реставраціи, куда онъ, какъ родоначальникъ романтизма, скорѣе всего долженъ быть отнесенъ. О первыхъ двухъ мы скажемъ сейчасъ.

Г-жа Сталь была дочерью женевскаго банкира и французскаго министра Неккера. Будучи еще очень юной, почти ребенкомъ, она славилась въ блестящемъ салонѣ своей матери остроуміемъ и краснорѣчіемъ. Ставъ по мужу, шведскому дипломату, г-жею Сталь, она съ ненасытной страстью всю жизнь занималась литературой, философіей и политикой. Причастная великимъ событіямъ революціи и особенно директоріи, ненавидимая Наполеономъ I, вынужденная все время имперіи жить внѣ Франціи и даже бѣжать, гонимая завоеваніями императора въ Россію и Швецію, она при реставраціи лишь на короткое время снова увидѣла свое отечество и умерла въ 1817 году. Сначала она всецѣло стояла подъ вліяніемъ, съ одной стороны Руссо, съ

Ф. П. С. Жераръ.

Mme де-Сталь.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

другой—философовъ XVIII вѣка, апостоловъ безграничнаго совершенствованія. Эта идея вмѣстѣ со страстной чувствительностью Жанъ-Жака составляетъ характерныя черты ея первыхъ произведеній: *Lettres sur les écrits et le caractère de Rousseau: De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations, De la littérature considérée dans ses rapports avec l'état moral et politique des nations* — произведенія, которое Шатобріанъ подвергъ рѣзкой критикѣ въ *Меркуріи*. Эти произведенія, по духу и часто по стилю относящіяся къ XVIII вѣку, очень изящны, крайне спорны по существу, но полны очень интересныхъ, новыхъ, странныхъ и оригинальныхъ отдѣльныхъ мыслей, наводящихъ на размышленіе. Позднѣе г-жа Сталь пришла въ соприкосновеніе съ нѣмецкимъ національнымъ геніемъ. Она лично знала Шиллера, Гёте, Шлегеля. Со страстью, какую она вносила во все, съ чисто женской воспріимчивостью, развитой въ ней до крайней степени, она прочла все, чтò произвела германская мысль въ ея плодотворнѣйшій періодъ—съ 1750 по 1800 г., и въ ея умѣ сложилось новое философско-литературное воззрѣніе. Безусловно первая во Франціи она оцѣнила величіе и оригинальность нѣмецкой литературы и поняла, что съ послѣднею народился не просто новый собратъ въ ряду европейскихъ литературъ, но цѣлый новый духовный міръ, что пришелъ конецъ общественной литературѣ и что на смѣну классической литературы, исчерпанной въ конецъ, идетъ литература болѣе личная и, стало быть, болѣе глубокая, какъ выраженіе болѣе сильныхъ чувствъ, литература болѣе мечтательная и болѣе безпорядочная, потому что болѣе индивидуальная, болѣе неопредѣленная и таинственная, потому что ея источникомъ являются не столько идеи, сколько чувства. Въ этихъ мысляхъ заключался весь романтизмъ вмѣстѣ съ реакціей противъ XVIII вѣка. Романтизмъ былъ, если не созданъ, то вызванъ къ жизни не столько вліяніемъ Германіи, съ которой романтики имѣли мало сношеній, сколько вліяніемъ книги, которую Германія внушила г-жѣ Сталь. Эта книга — *L'Allemagne* (1810)—одна изъ главнѣйшихъ датъ въ исторіи французской литературы. Она важна еще и въ другомъ отношеніи: такъ какъ религіозное чувство было однимъ изъ сильнѣйшихъ чувствъ, какія выражала нѣмецкая литература, и вмѣстѣ однимъ изъ тѣхъ глубокихъ личныхъ чувствъ, которыми—какъ предвидѣла г-жа Сталь—будетъ вдохновляться новое искусство, то она отвела ему въ своемъ умѣ и въ своемъ сердцѣ болѣе широкое мѣсто, чѣмъ раньше, и такимъ образомъ почти сошлась съ Шатобріаномъ, отъ котораго ее до тѣхъ поръ отдѣляло немалое разстояніе. Такъ случилось, что оба величайшихъ писателя начала вѣка, выйдя изъ далекихъ другъ отъ друга пунктовъ, въ концѣ-концовъ стали родоначальниками всего дальнѣйшаго литературнаго движенія. Передъ смертью г-жа Сталь написала еще *Considérations sur la Révolution française*, произведеніе чрезвычайно интересное и изобилующее личными мыслями. Мы пока оставимъ въ сторонѣ ея два романа—*Коринну* и *Дельфина*. *Коринна*—это просто рядъ замѣтокъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ Италіи, объединенный довольно условной интригой, которая оставляетъ читателя холоднымъ; напротивъ, *Дельфинъ*—большой романъ, гдѣ выведены живыя и отмѣченныя довольно яркими характеристическими чертами лица и гдѣ современные нравы хорошо подмѣчены и искусно воспроизведены. Правда, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ *Дельфинѣ*, какъ и въ *Короннѣ*, является сама г-жа Сталь; но въ *Дельфинѣ* она окружена другими персонажами, индивидуальность которыхъ передана очень отчетливо и которые ярко оттѣняютъ ея собственную. Одно изъ ея

дѣйствующихъ лицъ, хотя и женскаго пола, по всѣмъ признакамъ списано съ Талейрана, и послѣдній очень зло замѣтилъ ей по этому поводу: „Какъ видно, вы вывели *насъ обоихъ* подъ видомъ женщинъ“. Эта женщина, бывшая почти великимъ человѣкомъ, самостоятельно переработала всѣ идеи своего времени и сама высказала нѣсколько оригинальныхъ и глубокихъ идей.

Бенжамэнъ Констанъ, хотя и не обладалъ такимъ богатымъ воображеніемъ, былъ однако очень сильнымъ мыслителемъ. Онъ представлялъ собою чистѣйшій типъ „либерала“,—политика, считающаго свободу ключомъ къ рѣшенію всѣхъ вопросовъ, и притомъ человѣка, для котораго свобода, ничѣмъ не ограниченная автономія личности, является страстью. Въ борьбѣ или, лучше сказать, въ антиноміи государства и личности, Констанъ безусловно стоитъ за личность. Въ защиту этихъ принциповъ, не чуждыхъ вліянія протестантской религіи, въ которой онъ былъ воспитанъ, Констанъ написалъ множество политическихъ сочиненій, составляющихъ настолько послѣдовательное цѣлое, что ихъ оказалось возможнымъ объединить подъ однимъ общимъ заглавіемъ—*Cours de politique constitutionnelle*. Въ эпоху реставраціи онъ съ каѳедры защищалъ эти идеи съ нѣсколько холоднымъ, но яснымъ и непреклоннымъ краснорѣчіемъ, производившимъ сильное впечатлѣніе. Онъ пытался даже провести ихъ въ жизнь: когда въ 1815 году, по возвращеніи съ о. Эльбы, Наполеонъ поручилъ ему формулировать основныя начала новой имперіи, имперіи либеральной,—онъ составилъ знаменитый *Article additionnel aux constitutions de l'empire*. Онъ занимался также религіозными вопросами и съ 1824 по 1831 г. издалъ подъ заглавіемъ *De la Religion considérée dans sa source, ses formes et ses développements* громадное сочиненіе, слишкомъ развѣтвленное и перегруженное матеріаломъ, и все же неизмѣнно ясное и интересное. Уже послѣ его смерти вышло другое его сочиненіе, посвященное тому же предмету: *Le Polythéisme romain considéré dans ses rapports avec la philosophie grecque et la religion chrétienne*. Но своей славою Бенжамэнъ Констанъ обязанъ не столько своимъ многотомнымъ сочиненіямъ по религіозной и политической философіи, сколько роману въ сто страницъ, написанному въ мѣсяцъ. *Адольфъ*—недосягаемый образецъ точной наблюдательности, психологической прозорливости и вмѣстѣ глубокаго лиризма, несмотря на то, что авторъ не пользуется ни однимъ изъ вульгарныхъ, даже ни однимъ изъ обыкновенныхъ способовъ возбуждать жалость. Напротивъ, этотъ разсказъ о страданіяхъ двухъ людей, по характеру не подходящихъ другъ къ другу и любя терзающихъ одинъ другого,—сухъ, холоденъ и сдержанъ, и только правда дѣлаетъ его одною изъ самыхъ потрясающихъ драмъ, какія когда-либо были изображены писателемъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ 4 или 5 первоклассным романамъ, которые донынѣ въ каждый вѣкъ порождала французская литература между двадцатью или тридцатью тысячами романовъ и которые дѣлаютъ излишнимъ чтеніе и даже самое появленіе всѣхъ остальныхъ. Бенжамэнъ Констанъ родился въ Лозаннѣ въ 1767 г. и умеръ въ Парижѣ въ 1830, послѣ іюльской революціи, которую онъ призывалъ всѣмъ сердцемъ. Его бурная связь съ г-жою Сталь есть историческій фактъ, который нельзя пройти молчаніемъ.

Жуберъ—тоже философъ, но философъ, желавшій быть только моралистомъ. Онъ родился въ Монтиньякѣ (Перигоръ) въ 1754 году. Сначала онъ занимался учительствомъ въ Тулузѣ, потомъ, скопивъ небольшое состояніе, около 1780 года переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ сошелся съ нѣсколькими знаменитыми писателями—съ

А. Л. Жиродэ.

Ф. А. Шатобріанъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Дидро, Д'Аламберомъ, Мармонтелемъ. Съ этого времени онъ почти безпрерывно жилъ въ Парижѣ. Около 1789 года онъ подружился съ Фонтаномъ и чрезъ него—съ Шатобріаномъ, котораго сталъ неизмѣннымъ поклонникомъ. Такъ составился въ послѣдніе годы вѣка изящный и очаровательный кружокъ свѣтскихъ людей и литераторовъ, тѣсно сплоченный также сердечными симпатіями, средоточіемъ котораго былъ салонъ г-жи Бомонъ и наиболѣе постоянными, какъ и наиболѣе знаменитыми, членами котораго были Фонтанъ, Жуберъ и Шатобріанъ. Въ этомъ салонѣ Фонтанъ занималъ амплуа изящнаго поэта, Шатобріанъ—геніальнаго импровизитора, очаровательнаго чтеца своихъ и чужихъ произведеній, „чародѣя", какъ говорилъ Жуберъ, Жуберъ—интимнаго, тонкаго, остроумнаго и изысканнаго causeur'a. Наперсникъ Шатобріана, очень дорожившаго его совѣтами, онъ родился литературнымъ критикомъ и обладалъ главнѣйшей способностью критика—умѣніемъ понимать самые различные виды красоты. Древность и Шекспиръ, Расинъ и Гёте, Вольтеръ и Шатобріанъ были равно доступны его пониманію. Онъ былъ—перефразируя слова любимаго имъ Ораса—и пробнымъ, и точильнымъ камнемъ для окружавшаго его литературнаго общества. Будучи назначенъ въ 1809 г. генеральнымъ инспекторомъ университета, онъ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности и вносилъ въ это дѣло все свое благородство и свою деликатную человѣчность, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одно его прекрасное письмо къ его начальнику, Фонтану, представляющее собою административный отчетъ, какой, конечно, не часто можно встрѣтить. Онъ не любилъ писать пространно. Онъ говорилъ о самомъ себѣ: „Я неспособенъ къ непрерывному разсужденію. Всюду мнѣ кажется, что мнѣ недостаетъ промежуточныхъ идей, или же онѣ наводятъ на меня скуку". Онъ предпочиталъ сгущать свою мысль въ небольшія короткія фразы, живыя, мѣткія, тщательно отдѣланныя, пожалуй, высиженныя. „Если есть человѣкъ, терзаемый проклятымъ честолюбивымъ стремленіемъ сжимать цѣлую книгу въ одну страницу, цѣлую страницу въ одну фразу и эту фразу въ одно слово, то этотъ человѣкъ—я". Эти-то, по его собственному выраженію, „золотыя крупинки свѣта", съ прибавленіемъ нѣсколькихъ писемъ, собраны въ два тома, представляющіе или имѣющіе претензію представлять собою чистый нектаръ для читателей-гурмановъ. Здѣсь есть мысли истинно-глубокія, есть мысли чрезвычайно тонкія, есть мысли изысканныя и есть такія, которымъ только форма ихъ выраженія придаетъ интересъ, и часто незаслуженный,—напримѣръ: „Существуетъ потребность удивленія, свойственная извѣстнымъ женщинамъ въ просвѣщенные вѣка, которая есть не что иное, какъ замѣна потребности любить". „Кара тѣхъ, кто слишкомъ любилъ женщинъ,—необходимость любить ихъ безпрестанно". „Комедія бичуетъ недостатки въ ущербъ нравамъ". Жуберъ умеръ въ 1824 году. Такъ какъ его произведенія были изданы лишь въ 1842 году, то расцвѣтъ его славы пришелся лишь на средину XIX вѣка. Теперь она нѣсколько гаснетъ вмѣстѣ со вкусомъ къ тонкостямъ ума и вылощенному слогу.

Эта эпоха выставила довольно много даровитыхъ критиковъ. Изъ нихъ наиболѣе извѣстенъ, какъ по восхищенію, которое онъ вызывалъ при жизни, такъ и по позднѣйшимъ нападкамъ на него, Лагарпъ, о которомъ мы упомянули въ началѣ этой главы, какъ о драматургѣ. Съ 1786 года Лагарпъ, оставивъ театръ, посвящаетъ свои силы почти исключительно своему курсу въ лицеѣ и становится очень популярнымъ профессоромъ-критикомъ. Онъ читалъ здѣсь свои основательныя лекціи до 1794 года, когда

его, какъ подозрительнаго, посадили въ тюрьму, несмотря на его шумныя завѣренія въ полной преданности новому режиму. Это заключеніе произвело въ немъ переворотъ. Онъ сдѣлался отъявленнымъ рагомъ философіи XVIII вѣка и даже святошей. Снова занявъ свою каѳедру, онъ продолжалъ читать, уже въ новомъ духѣ, приблизительно до конца вѣка; затѣмъ онъ собралъ свои лекціи и издалъ ихъ подъ заглавіемъ *Cours de littérature*. Это сочиненіе, представляющее собою первый послѣдовательный обзоръ исторіи литературы отъ древнихъ до нашего времени, долго было и почти донынѣ остается классическимъ. Оно крайне неровно. Лагарпъ плохо зналъ греческій и латинскій языки, равно какъ и римскую исторію. Эти пробѣлы дурно отразились на твердости и отчетливости его сужденій объ античныхъ писателяхъ. Новѣйшая часть его курса гораздо лучше, да и гораздо подробнѣе. Она не лишена достоинствъ. Лагарпъ очень хорошо понимаетъ Корнеля, особенно Расина, даже Мольера, хотя и не ставитъ его такъ высоко, какъ, можетъ быть, слѣдовало бы, и Лафонтэна, и Боссюэта. Его „XVII-ый вѣкъ“ и теперь еще весь можетъ быть прочитанъ съ пользою. На его „XVIII вѣкѣ“ нѣсколько отразились его пристрастія и та шаткость въ основахъ, отъ которой не можетъ быть свободенъ человѣкъ, сначала боготворившій, а потомъ проклявшій цѣлую категорію писателей и мыслителей. Однако и здѣсь много очень вѣрныхъ и довольно проницательныхъ сужденій, всегда выраженныхъ тѣмъ яснымъ, легкимъ, даже нѣсколько жидкимъ языкомъ, какого требуетъ для себя преподаваніе. „Ясность—вѣжливость профессоровъ“, сказалъ Жерюзэ. Этимъ видомъ учтивости Лагарпъ, за отсутствіемъ прочихъ, отличался въ высокой степени. Его заслуги сначала переоцѣнивали, затѣмъ столь же несправедливо умаляли. Намъ нѣтъ нужды реабилитировать его. Всякая критика осуждена на полное забвеніе, и въ этомъ нѣтъ вопіющей несправедливости. Необходимо только указать, что Лагарпъ остается однимъ изъ надежныхъ вожатаевъ для молодежи при первомъ ея ознакомленіи съ исторіей литературы. Совершенно вѣрно сказалъ о немъ Сентъ-Бёвъ: „Хорошо пройти чрезъ Лагарпа даже тому, кто скоро уйдетъ отъ него“.

Послѣ Лагарпа необходимо отмѣтить еще нѣсколько критиковъ, которые въ ту эпоху пользовались извѣстнымъ, отчасти значительнымъ вліяніемъ; это—Жоффруа, Мореллэ, Дюссо, Гофманнъ и Фелецъ.

Жоффруа въ юности, слѣдуя повальной модѣ, царившей около 1745 года, написалъ трагедію—*Смерть Катона;* онъ былъ очень популярнымъ профессоромъ реторики въ Наваррскомъ коллежѣ и коллежѣ Мазарини и сотрудничалъ въ *Année Littéraire* (послѣ смерти Фрерона) и въ *Journal de Monsieur*. Онъ отнюдь не былъ знаменитъ, когда въ 1800 году ему поручили театральный фельетонъ въ *Journal des Débats*. Его статьи здѣсь отличались необыкновенной живостью и пыломъ и вмѣстѣ рѣзкостью, доходившей до безпощадности. Очень образованный, „гуманистъ“ въ высокой степени, обладая навыкомъ быстро сравнивать современныя произведенія съ классическими для правильнаго опредѣленія цѣнности первыхъ и привыкнувъ исправлять ученическія сочиненія съ извѣстной строгостью, которая въ пылу литературныхъ битвъ превращалась въ свирѣпость, онъ являлся чрезвычайно основательнымъ, превосходно вооруженнымъ и грознымъ литературнымъ судьею. Къ сожалѣнію, его честность не стояла выше подозрѣній. Четырнадцать лѣтъ держалъ онъ ферулу въ *Journal des Debats*. Онъ умеръ въ 1814 году.

Мореллэ былъ старше Жоффруа: въ началѣ XIX вѣка онъ былъ уже стари-

комъ. Онъ родился въ 1727 году, но очень поздно достигъ извѣстности. Всю вторую половину XVIII вѣка онъ много писалъ по всевозможнымъ литературнымъ вопросахъ, сотрудничалъ въ *Энциклопедіи* и *Меркуріѣ* и тѣмъ стяжалъ уваженіе и дружбу Вольтера, Мармонтеля, Дидро и Д'Аламбера, не завоевавъ однако популярности. Около 1780 года Мари-Жозефъ Шенье называлъ его зло „многообѣщающимъ шестидесятилѣтнимъ младенцемъ". Однако онъ былъ членомъ Французской академіи и занимаетъ видное мѣсто въ исторіи этого учрежденія, потому что именно онъ въ 1793 году, когда академія была уничтожена, спряталъ у себя и сохранилъ до возстановленія академіи (1803) ея архивъ, протоколы и рукописи академическаго словаря. Новое искусство, выступившее на сцену въ первыхъ произведеніяхъ Шатобріана, стало ему поперекъ горла; въ 1801 году онъ написалъ свою знаменитую брошюру—*Observations critiques sur le roman intitulé Atala*, гдѣ протестовалъ противъ художественной манеры новаго автора и его религіозныхъ тенденцій. Ему еще довелось увидать, на чью сторону стало молодое поколѣніе, и убѣдиться, что XVIII столѣтіе безвозвратно умерло,—потому что онъ дожилъ до 1819 г. Это былъ очень честный человѣкъ, довольно остроумный и со вкусомъ, хотя и нѣсколько узкій, необычайно мудрый и умѣренный во всемъ.

Дюссо, подобно Жоффруа, писалъ въ *Journal des Debats;* онъ былъ сравнительно мало образованъ, но необычайно заботился о стилѣ, который дѣйствительно былъ у него хорошъ. Его статьи еще и теперь читаются съ удовольствіемъ, хотя онѣ очень поверхностны и столь осторожны, что въ нихъ нѣтъ ни одного яснаго заключенія или рѣшительнаго приговора. Ученикъ Ж.-Ж. Руссо въ отношеніи стиля, онъ нѣсколько злоупотребляетъ стилистическими пріемами великаго писателя. Онъ пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ благодаря изящному такту, которымъ дышало все, что онъ писалъ.

Напротивъ, Гофманнъ былъ очень образованнымъ, почти ученымъ человѣкомъ. Его критика отличается твердостью и рѣшительностью и обнаруживаетъ въ немъ рѣдкое умѣнье чутьемъ отличать, насколько успѣхъ писателя обусловленъ пристрастіемъ или рекламой: въ этихъ случаяхъ онъ почти со сладострастіемъ разрушалъ иллюзію публики или выводилъ интригу на чистую воду. Онъ сочинилъ множество оперъ, комедій и даже драмъ, изъ которыхъ ни одна не поднялась выше временнаго успѣха, исключая *Rendez vous bourgeois* (1807), забавной оперы-буффъ, которую играли еще въ серединѣ XIX вѣка, и *Roman d'une heure*, очень тонкой и остроумной комедіи (1803). Онъ родился въ 1760, умеръ въ 1823 году.

Фелецъ былъ самымъ свѣтскимъ, самымъ аристократическимъ и наиболѣе утонченно-изящнымъ изъ критиковъ этой эпохи. Онъ воплощалъ въ себѣ тончайшую изысканность середины XVIII вѣка, и одно его присутствіе превращало всякую гостиную, куда онъ входилъ (а онъ бывалъ во всѣхъ гостиныхъ хорошаго общества), въ салонъ г-жи дю-Деффанъ. Въ своихъ статьяхъ онъ былъ тѣмъ же человѣкомъ, какъ и облокотившись на край камина,—деликатнымъ, непринужденнымъ, разсудительнымъ, чрезвычайно тонкимъ и очень ѣдкимъ при совершенной учтивости. Въ эпоху, когда французское краснорѣчіе расцвѣло и сулило въ будущемъ еще болѣе пышный расцвѣтъ, этотъ остроумный человѣкъ умѣлъ сохранять и умѣренный жестъ, и проницательную мысль, и короткую фразу. Онъ старѣлся изящно, окруженный и баюкаемый вѣрными и заслуженными привязанностями. Онъ умеръ болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду, до послѣдняго дня пользуясь любовью знавшихъ его за свою

любезность и умъ и привлекая къ себѣ наблюдателей, которые, какъ Сентъ-Бёвъ, будучи сами представителями поколѣнія 1848 года, имѣли здѣсь рѣдкій случай видѣть и изучать XVIII вѣкъ въ его безспорно наиболѣе плѣнительной формѣ.

Въ исторіи французской философіи періодъ съ 1800 по 1815 г. не отмѣченъ особеннымъ блескомъ. Однако исторіи литературы не слѣдуетъ относиться къ „идеологамъ" съ тѣмъ отчужденіемъ и пренебреженіемъ, какія обнаруживалъ къ нимъ Наполеонъ I. Необходимо отмѣтить знаменитыя или почтенныя имена Мэнъ де Бирана, Ла Ромигьера и д'Азаи.

Мэнъ де Биранъ, родившійся въ 1766 году и бывшій послѣдовательно депутатомъ, префектомъ и государственнымъ совѣтникомъ, игралъ довольно видную роль при Директоріи, Консульствѣ, Имперіи и Реставраціи. Въ досуги, которые онъ улучалъ отъ своей политической или административной дѣятельности, онъ съ увлеченіемъ занимался психологіей и метафизикой. Выйдя изъ идей Кондильяка, какъ это показываютъ его первыя сочиненія (*Influence des signes*, 1794; *Influence de l'habitude sur la faculté de penser*, 1801), онъ мало-по-малу склонялся къ ученіямъ, гораздо менѣе проникнутымъ сенсуализмомъ, и наконецъ въ своихъ *Rapports du physique et du moral de l'homme* и своемъ *Dssai sur les fondements de la psychologie* возстановилъ по крайней мѣрѣ основы цѣлой спиритуалистической системы. Философы-спиритуалисты 1820-хъ годовъ признавали и провозгласили его своимъ учителемъ. Это былъ во всякомъ случаѣ чрезвычайно оригинальный и сильный умъ. Въ его сочиненіяхъ, слогъ которыхъ, къ сожалѣнію, страдаетъ запутанностью и безполезною неясностью, всюду присутствуетъ, иногда просвѣчивая, чаще скрываясь, проницательная, сильная, плодотворная, смѣлая въ синтезѣ мысль, всегда возбуждающая умъ читателя, хотя иногда не удовлетворяющая его. Родоначальникъ философскаго движенія, которому суждена была великая будущность, онъ умеръ въ 1824 году, въ тотъ самый моментъ, когда это движеніе зарождалось и начинало увлекать всѣ умы.

Въ это время Ла Ромигьеръ, родившійся въ 1756 году, почти во всемъ покорно слѣдовавшій Кондильяку, просто, отчетливо и изящно, иногда даже съ воодушевленіемъ, излагалъ классическую тогда доктрину, извѣстную подъ именемъ сенсуализма. Онъ былъ гораздо менѣе глубокъ, нежели Мэнъ де Биранъ, да и не претендовалъ на это, и гораздо болѣе ясенъ, что̀, впрочемъ, не можетъ быть поставлено ему въ особенно большую заслугу. Онъ обладалъ всѣми свойствами хорошаго профессора и нѣкоторыми изъ свойствъ великаго писателя. Можно также сказать, что онъ обладалъ всѣми свойствами, какія обыкновенно присущи послѣднимъ представителямъ старѣющей школы: убѣжденностью безъ упрямства, мягкостью въ спорѣ, умѣніемъ искусно или искусственно смягчать все, что есть слишкомъ прямолинейнаго или оскорбительнаго въ доктринѣ, и закруглять всѣ углы, наконецъ, вкрадчивымъ искусствомъ вульгаризаціи. Эти доктрины сходятъ теперь съ арены (не навсегда: онѣ потомъ воскреснутъ), какъ человѣкъ уходитъ изъ гостиной, замѣтивъ холодность къ себѣ,— съ досадой, если онъ глупъ, и съ вящшей учтивостью, если онъ уменъ: любезный Ла Ромигьеръ былъ человѣкомъ второго рода.

Азаи также былъ профессоромъ сначала въ провинціи, потомъ въ Парижѣ, въ Атенеѣ; потомъ онъ сталъ инспекторомъ книжныхъ лавокъ и, будучи въ 1815 году уволенъ, жилъ съ тѣхъ поръ лишь на пенсію, которую выхлопоталъ съ трудомъ. Онъ обладалъ не лишеннымъ оригинальности умомъ. Онъ изобрѣлъ, можетъ быть позаимствовавъ и во всякомъ случаѣ переработавъ самостоятельно, философско-моральную систему самаго утѣ-

шительнаго оптимизма, приводящую къ тому заключенію, что въ судьбѣ каждаго человѣка счастье и несчастье до такой степени уравновѣшиваютъ другъ друга, что въ мірѣ нѣтъ человѣка, который былъ бы счастливѣе или несчастливѣе всякаго другого. Въ основѣ мысли Азаи лежали извѣстная доля здраваго смысла, доля кроткаго самоотреченія, дѣлающаго честь человѣку, который самъ не былъ счастливъ, и доля восточнаго фатализма. Свою систему, носившую вначалѣ исключительно моральный характеръ, онъ распространилъ затѣмъ на все мірозданіе, придавъ ей такимъ образомъ видъ метафизической доктрины. Онъ интересенъ потому, что, если исключить „философа" Сенъ-Мартена (1743—1803), не заслуживающаго имени философа, онъ первый обнаружилъ въ своемъ философскомъ мышленіи весьма яркія мистическія тенденціи, которыя вскорѣ пышно расцвѣтутъ у Балланша и нѣкоторыхъ другихъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ знаменуетъ собою дату въ исторіи философіи, если и не очень важную, то во всякомъ случаѣ заслуживающую не быть забытой. Свои грезы, любопытныя уже тѣмъ, что онѣ выражены съ сравнительно большой отчетливостью, онъ изложилъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій: *Des compensations dans les destinées humaines* (1809), *Le Système universel* (1810—1812), *Du sort de l'homme dans toutes les conditions* (1820), *Explication universelle* (1826) и пр. Онъ умеръ въ 1845 году восьмидесяти девяти лѣтъ.

Литература эпохи Имперіи болѣе всякой другой является литературой переходной эпохи. Духъ XVIII вѣка и XIX вѣка; веселое остроуміе и грандіозное, уже чрезмѣрно пышное воображеніе; осторожный и узкій вкусъ и вкусъ свободный и уже слишкомъ широкій; французская традиція и нѣмецкій духовный складъ; гаснущій классицизмъ и зарождающійся романтизмъ; англо-французская философія Локка и Вольтера и спиритуалистическая философія, уже проникнутая религіозностью и мистицизмомъ: всѣ эти факторы встрѣчаются въ эту эпоху лицомъ къ лицу, удивлены этой встрѣчей и бросаются другъ на друга. Рѣдко встрѣчаются въ исторіи эпохи, когда бы люди такъ мало понимали другъ друга въ вопросахъ литературы и философіи, чувства, воображенія и стиля, какъ и въ вопросахъ политическихъ. Именно это придаетъ своеобразіе и интересъ этой эпохѣ, которою историки литературы обыкновенно слишкомъ пренебрегаютъ. Въ ней и прелесть разсвѣта, и грусть увяданія, и увлекательная таинственность сумерекъ.

Глава X.

Искусство въ Европѣ

до 1814 г.

Между тѣмъ какъ въ Императорскомъ Институтѣ, вокругъ „алтаря Минервы"— какъ выразился непремѣнный секретарь класса изящныхъ искусствъ, Іоакимъ Лебретонъ, въ день перваго публичнаго засѣданія, состоявшагося подъ куполомъ прежней коллегіи четырехъ націй—торжествующій классицизмъ все болѣе и болѣе обособлялся отъ жизни, уже всюду давали о себѣ знать предвозвѣстники зарождающагося романтизма. Въ самыхъ нѣдрахъ школы Давида они вдругъ вспыхивали въ студіяхъ нѣкоторыхъ его наивѣрнѣйшихъ послѣдователей, словно безъ вѣдома самихъ художниковъ; въ Европѣ слышались горячіе протесты противъ тираніи несомнѣнно слишкомъ узкаго ученія и раздавались нетерпѣливые призывы; въ самомъ Римѣ, международной столицѣ классицизма, иные изъ молодыхъ людей, явившіеся сюда, подобно своимъ товарищамъ, съ цѣлью принести жертву „безсмертнымъ богамъ", вдругъ круто сворачивали съ священнаго пути, на который ихъ толкали учителя, и шли искать у средневѣковыхъ фресковыхъ живописцевъ тайну искусства, болѣе отвѣчающаго пока еще неяснымъ, но пламеннымъ стремленіямъ ихъ сердца. При ближайшемъ разсмотрѣніи, отличительной чертой періода, исторію котораго намъ предстоитъ вкратцѣ изложить, оказывается не столько, можетъ быть, торжество классицизма, сколько зарожденіе романтизма.

I. Искусство во Франціи.

Классъ изящныхъ искусствъ въ Институтѣ.—Четвертый классъ Института, преобразованный консульскимъ постановленіемъ 3-го плювіоза IX года (23 января 1803), избралъ непремѣннымъ секретаремъ Іоакима Лебретона, принимавшаго сначала дѣятельное участіе въ созданіи Музея, а затѣмъ получившаго должность начальника бюро изящныхъ искусствъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и засѣдавшаго въ Трибунатѣ. Ему пришлось по долгу службы составить часть изящныхъ искусствъ въ общемъ отчетѣ, который еще въ 1802 году потребовалъ первый консулъ и который былъ представленъ императору въ началѣ 1808 года: „Объ успѣхахъ, достигнутыхъ съ 1789 г. въ наукахъ, литературѣ и искусствахъ". Онъ формулировалъ здѣсь, какъ и въ „отчетахъ", писанныхъ имъ для общихъ засѣданій Института, офиціальную доктрину учрежденія, право-

мѣрнымъ глашатаемъ котораго онъ состоялъ. Это — длинный обвинительный актъ противъ искусства XVIII вѣка, „эпохи полнѣйшаго упадка вкуса“. Ничто не находитъ милости въ глазахъ новыхъ теоретиковъ. Художники какъ Лемуанъ и Пигалль „погубили искусство“. Фальконнэ „былъ бы лучше въ лучшія времена... Позже онъ изучилъ бы древность въ Римѣ или хотя бы въ Парижѣ“. Пажу́ „первый проложилъ лучшую дорогу и началъ періодъ возрожденія скульптуры“. Да и ему еще ставится въ упрекъ, что онъ „не такъ любилъ античное, какъ тѣ, которые видятъ въ немъ первую основу искусства“. „Экстравагантность“ скульпторовъ, „современниковъ пресловутаго Бушэ“, становится съ этихъ поръ общимъ мѣстомъ, которое всякій критикъ развиваетъ по всякому поводу. Бюсты работы Каффіери и Гудона, сохранившіеся въ Comedie Française, эти „неправильныя физіономіи“, представляютъ собой „прямую противоположность Красоты“. Ибо теперь найдена формула, безошибочный рецептъ этой „Красоты“. Черты красиваго лица просты, протяженны и возможно менѣе осложнены. Лицо, въ которомъ черта, идущая отъ лба до конца носа, дуга бровей и дуги, описываемыя вѣками глазъ, образуютъ изломъ, обладаетъ меньшей красотой, нежели лицо, въ которомъ каждая изъ этихъ чертъ составляетъ одну линію; безобразіе увеличивается по мѣрѣ умноженія числа линій...“ Поэтому задача скульптора состоитъ въ томъ, чтобы приблизить всякую такую „натуру“ къ идеальному типу, совершенный образецъ котораго данъ ему въ профилѣ Аполлона Бельведерскаго или Антиноя.

Ваяніе и зодчество при первой имперіи.— Это представленіе о красотѣ безличной и отвлеченной, это ученіе, ограничивавшее всю работу художника исканіемъ „идеальнаго“ или „героическаго“ типа, наибольшимъ гнетомъ легли на ваяніе. „Наши современные скульпторы, — писалъ Гизо по поводу Салона 1810 г.,— словно задаются цѣлью утрировать красивыя формы; недостаточно довѣряясь своему рѣзцу, чтобы силой его очарованія придать мрамору красоту, не изысканную, не вымученную, одушевленную, они стараются взамѣнъ ея преувеличить красоту, требуемую правилами; такъ, они удлиняютъ вѣки, выпрямляютъ линіи лба и носа, укорачиваютъ разстояніе между носомъ и ртомъ и, можетъ быть, льстятъ себя мыслью, что такимъ образомъ создаютъ красивыя головы“.

Когда въ 1804 г. понадобилось изготовить статую, которую незадолго передъ тѣмъ вотировало Законодательное собраніе, съ цѣлью „освятить благодѣяніе, только что оказанное націи первымъ консуломъ чрезъ созданіе новаго свода законовъ“, то между скульпторами и теоретиками искусства начались глубокомысленныя пренія по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли представить Бонапарта въ его генеральской формѣ, или задрапированнаго по-античному, или же, наконецъ, въ „героической“ и символической наготѣ? Газеты того времени полны забавныхъ сужденій по этому вопросу эстетическаго приличія. Одержало верхъ мнѣніе Виванъ-Денона, бывшаго камеръ-пажа и камеръ-юнкера Людовика XV, породнившагося потомъ чрезъ семейство Богарнэ съ Бонапартомъ, который, сдѣлавшись императоромъ, назначилъ его главнымъ директоромъ надъ музеями и своего рода министромъ искусствъ. „Въ настоящее время, когда судьбы Франціи придаютъ ей видъ такого величія,— писалъ Денонъ [1]),— почему бы не вернуть искусству, и въ особенности скульптурѣ, ту *величественность* (*grandiosité* sic), — которая сообщала ей столь высокое достоинство въ лучшія эпохи Греціи и Рима? Почему бы не освободить ее отъ тѣхъ

---

[1]) *Journal des Débats*, 28 апрѣля 1804 года.

узъ, налагаемыхъ одѣяніемъ, которыя остановили ея развитіе въ царствованіе Людовика XIV и почти уничтожили ее при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI... когда несчастнымъ скульпторамъ приказывали не упускать въ портретахъ великихъ людей даже самыя низменныя подробности... Художникъ долженъ воздерживаться отъ передачи потомству истины, которая ему претитъ, истины, не заключающей въ себѣ ничего героическаго и монументальнаго".

Канова, который долженъ былъ выполнить памятникъ, и Катрмэръ де Кэнси, его другъ и совѣтникъ, также объявили, что только „греческій стиль" соотвѣтствуетъ случаю, равно какъ и достоинству искусства, и что „*Graeca res est nihil velare*". Разумѣется, говоритъ Катрмэръ де Кэнси, „я предвидѣлъ, какія нареканія это вызоветъ въ вѣкъ, въ странѣ и среди людей, чуждыхъ подобнымъ представленіямъ, особенно со стороны того, кого предстояло изобразить и который, будучи болѣе всякаго другого чуждъ такого рода теоріямъ, по всей вѣроятности, весьма неохотно помирится съ идеальными условностями подражательнаго стиля".

Дѣйствительно, Бонапартъ уступилъ не безъ нѣкотораго сопротивленія. „Невозможно будетъ, — увѣрялъ Канова, — сдѣлать что-либо порядочное, сохраняя панталоны и сапоги французской формы. Изящныя искусства имѣютъ свой особый языкъ — возвышенность. Возвышенность статуи — въ наготѣ и драпировкѣ!" Государь подчинился, а вскорѣ и сподвижники императора были изображены въ совершенной наготѣ, „по образцу героическихъ статуй". Добрые люди, правда, дивились и посмѣивались; но эстеты торжествовали. Критикъ *Journal de l'Empire* съ удовольствіемъ сообщалъ нѣсколько времени спустя, что „публика, дотолѣ столь враждебная этому стилю, повидимому, болѣе не чуждается его. Быть можетъ,—прибавлялъ онъ,—пришло время когда въ этомъ вопросѣ надлежитъ преклониться предъ завѣтнымъ убѣжденіемъ истинныхъ цѣнителей искусства".

Шодэ (1763 — 1810), Муаттъ (1747—1810), Рамэ-отецъ (1754 — 1817), Лемо (1773 — 1827), Картелье (1757 — 1831), Десенъ (1759—1822), Эсперсьё (1758—1840), Бозіо (1768 — 1845), выдрессированные на началахъ этой педагогики, дали Франціи наиболѣе безжизненную, наиболѣе жеманную, наиболѣе холодную, наименѣе французскую школу ваятелей, какую она когда-либо знала. Застывши въ почтительномъ и механическомъ подражаніи жалкимъ образцамъ, застрявъ между многоглаголивыми и глубокомысленными теоретиками, съ одной стороны и практиками-итальянцами, наводняющими теперь мастерскія, съ другой, французскіе скульпторы, искони столь искренніе и свободные въ своемъ творчествѣ, почти утрачиваютъ свои природныя качества: смѣлость въ трактовкѣ матеріала и даръ жизненности, которые сквозь рядъ столѣтій и всяческія вліянія сохраняли за французской школой постоянное первенство. Несомнѣнно, талантъ былъ и у Шодэ, который иногда въ передачѣ женской граціи находитъ какъ бы отголоски мастерскихъ XVIII вѣка, гдѣ онъ выросъ, и у Картелье, и у Лемо, и у Корто и Бозіо, дѣятельность которыхъ продолжалась и послѣ имперіи; но они были лишены всякой творческой самобытности. Пожалуй, наиболѣе своеобразное дарованіе и наиболѣе сочное исполненіе можно было встрѣтить въ это время у провинціальныхъ скульпторовъ: у Шинара изъ Ліона (умершаго въ 1813 г.), отличнаго портретиста, у Жиро, уроженца Прованса, и Дюпати изъ Бордо.

Архитектура, въ силу обстоятельствъ совершенно заброшенная въ эпоху революціи, получила отъ новаго императора сильный толчокъ и дала скульпторамъ поводъ для нѣсколькихъ большихъ ра-

ботъ. Вдохновителемъ всѣхъ монументальныхъ работъ того времени былъ высокоталантливый архитекторъ Персье (1764—1838), съ сотрудникомъ своимъ Фонтеномъ; несмотря на свою покорность господствовавшей доктринѣ, онъ въ приспособленіе античныхъ формъ къ современнымъ сооруженіямъ вносилъ по крайней мѣрѣ—и часто удачно — чутье и изящество гармоніи и проявилъ себя изобрѣтательнымъ и тонкимъ художникомъ преимущественно въ декораціи зданій. Наполеонъ пожелалъ прежде всего воздвигнуть въ своей столицѣ памятники въ честь своихъ армій; сооруженіе цѣлаго ряда тріумфальныхъ воротъ, храмовъ, колоннъ и тріумфальныхъ дорогъ имъ было декретировано и немедленно предпринято. Персье и Фонтенъ для тріумфальной арки на площади Карусель взяли за образецъ арку Септимія Севера; Гондуэнъ (1737—1818) и Ле Пэръ, подъ руководствомъ Денона, воздвигли на Вандомской площади колонну Великой Арміи, на подобіе колонны Траяна; Шодэ помѣстилъ на ея вершинѣ статую императора въ видѣ римскаго цезаря; Шальгрэнъ начинаетъ въ 1806 г. строить на площади Этуаль тріумфальную арку, которая будетъ окончена только при іюльскомъ правительствѣ; объявленъ конкурсъ для передѣлки церкви Магдалины—начатой въ 1753 г. — въ храмъ Великой Арміи. Наполеонъ самъ въ познанскомъ лагерѣ устанавливаетъ программу этого конкурса; проекты присылаются ему въ Тильзитъ; онъ выбираетъ планъ Виньона: „Я желалъ имѣть планъ *храма*, а не церкви", писалъ онъ къ Шампаньи. „Мыслимо ли создать церковь, которая могла бы соперничать съ церковью св. Женевьевы, даже съ соборомъ Парижской Богоматери, не говорю уже съ соборомъ св. Петра въ Римѣ?" По ту сторону Сены, противъ церкви Магдалины, воздвигается фасадъ Законодательнаго корпуса подъ наблюденіемъ Пуайэ (1742—1824); Броньяръ (1739—1813) начинаетъ строить для биржи „греческій храмъ", оконченный Лабарромъ; на Орсейской набережной Боннаръ въ 1810 г. закладываетъ дворецъ министерства иностранныхъ дѣлъ, постройка котораго, прерванная въ 1814 г., возобновляется при Реставраціи; послѣ 1830 г. въ немъ помѣщаются государственный контроль и Государственный совѣтъ, а при коммунѣ онъ былъ сожженъ.

Лувръ, ставшій Центральнымъ музеемъ искусствъ и освобожденный отъ всего чужеяднаго населенія, пріютившагося въ немъ, былъ по приказу императора „оконченъ, украшенъ и расширенъ". Завѣдываніе работами было поручено Персье и Фонтену. Планъ императора заключался въ томъ, чтобы не только окончить четыре боковыя части стараго дворца, но и соединить Лувръ съ Тюйльрійскимъ дворцомъ. Начали съ реставраціи стараго Лувра. Колоннада была — вторично, меньше чѣмъ за полвѣка—заново перестроена и перебрана камень за камнемъ; Лемо изваялъ на фронтонѣ Исторію, вносящую на свои скрижали имя Людовика XIV, а Картелье, надъ входомъ,—коней Славы. Дворъ Лувра былъ оконченъ такъ, что „если бы Леско вернулся на землю и ему бы сказали: вотъ ваша работа,—онъ бы возмутился" (Витэ).

Живопись. Давидъ, живописецъ императора. — Когда одинъ изъ любимыхъ учениковъ Давида, Этьенъ Делеклюзъ, сообщилъ ему результатъ брюмэрскаго переворота, суровый членъ Конвента удовольствовался словами: „Увы! Я и всегда думалъ, что въ насъ нѣтъ достаточно добродѣтели, чтобы быть республиканцами. *Causa... dtis placuit...* Какъ конецъ, Этьенъ?" И когда его собесѣдникъ договорилъ цитату: „Такъ, именно такъ, мой другъ, *sed victa Catoni!*" [1]) повторилъ

[1]) Извѣстныя слова Катона: *Res victrix diis placuit; victa Catoni* (побѣдоносное дѣло было угодно богамъ, побѣжденное мило Катону). *Прим. пер.*

онъ нѣсколько разъ, при каждомъ выдыхая облако дыма изъ трубки, которую въ это время курилъ. И это было единственное его надгробное слово святой Свободѣ, когда-то имъ прославленной.

Бонапартъ, искренно ли восхищаясь художникомъ, или предчувствуя, что воспользуется его талантомъ, всегда оказывалъ Давиду величайшую благосклонность. 18-го фрюктидора онъ предложилъ ему убѣжище въ своемъ войскѣ; тотчасъ по своемъ избраніи въ консулы онъ привлекъ его къ себѣ и послѣ Маренго заказалъ ему свой портретъ. Онъ призвалъ художника и въ присутствіи Жюльена разспрашивалъ о его работахъ.

„Я началъ картину „Переходъ черезъ Ѳермопилы".—„Тѣмъ хуже! Очень жаль, Давидъ, что вы тратите свои силы, изображая побѣжденныхъ".

А послѣ аудіенціи Жюльенъ, провожая художника, представленіе котораго объ „исторической живописи" было нѣсколько поколеблено этой бесѣдой, сказалъ ему съ улыбкой: „Вотъ видите, мой милый, онъ любитъ одни только національные сюжеты, потому что онъ въ нихъ что-нибудь да значитъ.

Было рѣшено, что Бонапартъ будетъ изображенъ *спокойнымъ на горячемъ конѣ*. Далѣе, оригиналъ безусловно отказывался отъ „позированія". Во-первыхъ, у него не было времени; а затѣмъ, великія люди древности, изображенія которыхъ дошли до насъ, никогда не позировали! „Не бородавка на носу даетъ сходство,—сказалъ онъ;—Александръ никогда не позировалъ Апеллесу. Никто не освѣдомляется, похожи ли портреты великихъ людей: ихъ геній—вотъ что должны изображать художники".

Итакъ, картина „Ѳермопилы" была прервана; едва подмалеванное полотно было надолго убрано въ дальній уголъ мастерской, и Давидъ началъ свою большую картину—*Переходъ Бонапарта черезъ Сенъ-Бернаръ*. Это—одно изъ самыхъ слабыхъ его произведеній. По условію, художникъ могъ ежедневно посѣщать перваго консула въ часъ завтрака; напялили на манекенъ штаны, мундиръ, шпагу и сапоги, которые генералъ носилъ при Маренго, и съ этой-то „модели" былъ исполненъ портретъ, настолько же холодный, фальшивый и театральный, насколько набросокъ, сдѣланный съ натуры въ минуту энтузіазма, при возвращеніи съ похода въ Египетъ, былъ исполненъ искренности, *непосредственности* и жизненнаго трепета.

Ставъ императоромъ, Наполеонъ тотчасъ же назначилъ Давида своимъ „первымъ живописцемъ", и послѣдній принялъ „съ почтительной благодарностью" это отличіе, противъ котораго онъ нѣкогда такъ страстно возставалъ. Даже раньше, нежели былъ отпразднованъ обрядъ коронованія, императоръ призвалъ своего перваго живописца и заказалъ ему четыре большія картины, предназначенныя для украшенія троннаго зала: *Коронованіе, Раздача знаменъ на Марсовомъ полѣ, Возведеніе Наполеона на престолъ въ церкви Богоматери, Вступленіе Наполеона въ парижскую ратушу.*

Послѣднія двѣ картины никогда не были исполнены. *Раздача знаменъ*, несмотря на нѣкоторыя удачныя мѣста, все же нѣсколько безжизненна. Давидъ внесъ въ нее летающія аллегорическія *Побѣды*, которыя онъ затѣмъ уничтожилъ по приказанію, но которыя тѣмъ не менѣе дгвятъ картину. *Коронованіе*—вещь первоклассная. Онъ работалъ надъ нею четыре года. Не безъ нѣкотораго недовѣрія принялся онъ за неё. Эта большая картина изъ современной исторіи смущала его. Развѣ это не значило спуститься до „анекдотическаго рода живописи", въ предпочтеніи котораго высокому стилю исторической живописи онъ упрекалъ своего ученика Гро? Но приказъ государя не допускалъ разсужденій. Онъ принялся за дѣло. И благо ему

было! По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ своей работѣ, онъ все больше ею увлекался и, по свидѣтельству Бутара, которому онъ повѣрялъ свои мысли, онъ признавался, что нашелъ въ длинныхъ одеждахъ священнослужителей, въ группировкѣ прелатовъ, въ нарядахъ придворныхъ дамъ и въ мундирахъ военныхъ „больше рессурсовъ для искусства“ нежели онъ ожидалъ. Онъ понялъ, писалъ Бутаръ въ напечатанной имъ въ *Journal de l'Empire* статьѣ „О *Короновании*, картинѣ г. Давида, перваго живописца Его Величества, члена Института и ордена Почетнаго Легіона“,—онъ понялъ, „что для сохраненія гармоніи въ композиціи, переполненной такимъ количествомъ портретовъ, ему придется нѣсколько смягчить строгій стиль, обезпечившій успѣхъ его прежнихъ работъ и составляющій славу современной школы, которой онъ первый преподалъ примѣръ и правило!“ И критикъ считалъ долгомъ оправдывать его въ этомъ!.. Такова тиранія принциповъ...

Эта чудная картина достаточно извѣстна. Предъ зрителемъ вся сцена воспроизведена точно, какъ бы церемоніймейстеромъ, который былъ бы одновременно и художникомъ, и историкомъ. Это—эпическій протоколъ. Стоя на одной изъ ступенекъ алтаря, одѣтый въ бѣлую атласную тунику и въ длинную мантію изъ пунцоваго бархата, цезарь держитъ корону надъ головой Жозефины, колѣнопреклоненной у его ногъ. Онъ самъ захотѣлъ быть представленнымъ въ этой позѣ, властнымъ и торжествующимъ, впереди папы, который сидитъ сзади него какъ бы лишній и бездѣятельный и вся роль котораго состоитъ въ томъ, чтобы покорнымъ жестомъ, точно по приказу, дать свое благословеніе. Онъ возложилъ на себя корону; ему не пристало получать ее изъ чужихъ рукъ: теперь онъ самъ вѣнчаетъ свою супругу. Около папы—портретъ удивительный и трагичный—кардиналъ Капрара: это—лицо итальянскаго дипломата съ большимъ безстрастнымъ лбомъ и наблюдательными глазами; далѣе, кардиналъ Браски, съ руками, сложенными поверхъ своей золотой ризы. По сторонамъ алтаря — Камбасересъ, принцъ Невштельскій, Талейранъ, Мюратъ, Коленкуръ и др., за императрицей — г-жи Лафайетъ и Ларошфуко. Въ глубинѣ, выпрямившись въ отведенной трибунѣ,—мать императора, между женой маршала Сультъ и Фонтаномъ; въ другой трибунѣ, въ углу,—самъ Давидъ рисуя. Онъ былъ тамъ; онъ все *видѣлъ;* онъ ничего не забылъ; онъ довелъ до конца эту неимовѣрную работу, ни разу не ослабѣвъ волей, почти не дрогнувъ кистью.

Онъ самъ удивлялся тому, какіе эффекты онъ сумѣлъ извлечь изъ этой современной церемоніи, изъ этой обстановки, правда, величественной и захватывающей... Не художникъ, не живописецъ, а теоретикъ испытывалъ это удивленіе, поистинѣ наивное. Надо видѣть, какой свободной и сочной кистью онъ изобразилъ все, до второстепенныхъ деталей: мраморъ и позолоту алтаря, ковры, бархатъ, канделябры, пестрыя ткани; какъ широко распредѣлилъ и съ какой увѣренностью выдержалъ свѣтъ въ интересахъ правильной перспективы и выразительности; надо въ особенности изучить одно за другимъ всѣ лица, тамъ собранныя, столь жизненныя и индивидуальныя, надо оцѣнить, какъ роскошно и знаменательно величественное единство цѣлаго... и всякій согласится, что Давидъ никогда не превзошелъ, какъ историческій живописецъ, своей картины *Коронованія,* получившей на десятилѣтнемъ конкурсѣ 1810 года, шестой „большой призъ первой степени, присуждаемый произведенію на тему, дѣлающую честь національному характеру.

Онъ уже былъ награжденъ другой наградой, при особенно трогательныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ очевидецъ сохранилъ намъ память.

По окончаніи картины Давидъ явился доложить о томъ императору, который и пожелалъ видѣть ее. Въ назначенный день, сопровождаемый Жозефиной, своей военной свитой и министрами, съ эскортомъ изъ музыкантовъ и всадниковъ впереди и позади онъ выѣхалъ на улицу Сенъ-Жакъ. Послѣ того, какъ весь дворъ выстроился въ мастерской, императоръ болѣе получаса ходилъ съ покрытой головой передъ огромнымъ полотномъ, разсматривая одну за другой всѣ детали, иногда останавливаясь и затѣмъ опять возобновляя свою прогулку и свой молчаливый осмотръ, между тѣмъ какъ Давидъ и всѣ присутствующіе неподвижно ждали въ глубокомъ волненіи. Наконецъ, государь, еще разъ пріостановившись, сказалъ: „Хорошо, Давидъ; вы вполнѣ постигли мою мысль". Въ эту минуту императрица приблизилась къ императору справа, Давидъ же слушалъ, наклонившись, слѣва. Наполеонъ, сдѣлавъ два шага по направленію къ художнику, приподнялъ шляпу и слегка наклонивъ голову, громко сказалъ—commediante! [1])—„Давидъ, благодарю васъ!"

Конкурсъ 1810 г. — Наполеонъ приказалъ въ 1810 году устроить торжественный конкурсъ (который отнынѣ долженъ былъ устраиваться черезъ каждые десять лѣтъ) изъ всѣхъ произведеній научныхъ, литературныхъ и художественныхъ, появившихся съ 1810 г., подвергнуть ихъ оцѣнкѣ Института и наградить автора наилучшей работы въ каждомъ родѣ вѣнкомъ и національнымъ приношеніемъ. Давидъ ожидалъ двойной награды по живописи; онъ обманулся [2]).

[1]) „Комедіантъ!" Намекъ на свиданіе Наполеона съ Піемъ VII въ Фонтенебло, когда папа, по преданію, на оправданія и гнѣвъ Наполеона отвѣчалъ только двумя словами: сначала *commediante*, затѣмъ *tragediante*. *Прим. пер.*

[2]) Слѣдующія картины были допущены на конкурсъ по этому разряду: Дебрэ, *Императоръ привѣтствуетъ раненыхъ противниковъ;* Жиродэ, *Императоръ принимаетъ ключи города Вѣны;* Гро, *Чумные въ Яффѣ*, *Сраженіе при Эйлау* и *Бой при Абукирѣ;* Карлъ Вернэ, *Утро Аустерлицкаго сраженія;* Герэнъ, *Возстаніе въ Каирѣ;* Тевененъ, *Переходъ черезъ Сенъ-Бернаръ;* Готеро, *Рѣчь императора къ войскамъ;* Менье, *Солдаты 76-го полка находятъ свое знамя въ Инсбрукѣ.*

Какъ мы видѣли, *Коронованіе* было премировано на десятилѣтнемъ конкурсѣ 1810 г. не въ качествѣ исторической картины, а просто на основаніи сюжета, „дѣлающаго честь національному характеру". По разряду собственно *историческихъ картинъ*, т.-е. картинъ высокаго стиля, которыя однѣ по господствующей эстетикѣ считались принадлежащими къ высшему искусству, онъ представилъ своихъ *Сабинянокъ* [1]). Онъ придавалъ этому произведенію первостепенную важность; онъ работалъ надъ нимъ давно, онъ сосредоточилъ на немъ всѣ свои привязанности; по его мнѣнію, онъ выразилъ въ немъ новый, или по крайней мѣрѣ болѣе чистый, болѣе высокій, идеалъ. Любопытство общества было очень возбуждено; разсказывали, что нѣкоторыя изъ наиболѣе элегантныхъ дамъ Парижа не погнушались служить моделями, называли красавицу, г-жу де Бельгардъ, позволившую художнику нарисовать съ себя портретъ для изображеніи Эрсиліи. Притомъ, какъ разъ объ эту пору въ мастерской самого Давида возникло броженіе, о которомъ намъ еще придется сказать нѣсколько словъ, начинали смутно чувствовать, что еще не достигли истинныхъ источниковъ той античной красоты, которую хотѣли сдѣлать мѣриломъ всякаго современнаго произведенія, что между Греціею и Римомъ разница была не просто

[1]) Вмѣстѣ съ *Сабинянками* Давида были допущены на конкурсъ слѣдующія историческія картины: Гарнье, *Семейство Пріама въ скорби;* Герэнъ, *Маркъ Секстъ* и *Федра и Ипполитъ;* Жиродэ, *Атала* и *Эпизодъ изъ потопа;* Жераръ, *Три возраста;* Прюдонъ, *Божеское правосудіе и отмщеніе;* Генекэнъ, *Раскаянье Ореста;* Менье, *Телемакъ на островѣ Калипсо;* Бартелеми, *Два аллегорическихъ плафона.*

въ оттѣнкахъ, и у самого Давида вырывались иногда такого рода признанія: „О, если бы я могъ снова начать учиться теперь, когда древность болѣе извѣстна,— я бы пошелъ прямо къ своей цѣли“. *Сабинянки* служили предметомъ всѣхъ свѣтскихъ разговоровъ, равно какъ и всѣхъ споровъ о школахъ и доктринахъ; не было картины, о которой бы столько толковали.

Теперь мы видимъ въ этой картинѣ только холодное и условное академическое произведеніе, въ которомъ художникъ явно стремился достигнуть большей легкости, прозрачности и тонкости, путемъ намѣренно-серебристаго общаго тона, большей чистоты и изящества въ рисункѣ, преобладанія наготы въ фигурахъ. Онъ нарисовалъ два эскиза: въ одномъ преобладали драпировки, въ другомъ—нагія фигуры; окончательно остановился онъ на второмъ, думая приблизиться тѣмъ самымъ къ греческому идеалу.

На десятилѣтнемъ конкурсѣ завязалась оживленная борьба между сторонниками „*Сабинянокъ*“ и сторонниками „*Эпизода изъ потопа*“ Жиродэ-Тріозона. Въ концѣ-концовъ, большинство голосовъ оказалось за послѣдняго. Жюри, хотя и воздавая похвалу „античной чистотѣ фигуръ, общей композиціи, рисунку и изяществу“ картины Давида, отнеслось критически къ нѣкоторымъ ея деталямъ: такъ, оно выражало удивленіе, что художникъ изобразилъ римлянъ и сабинянъ одѣтыми, а ихъ вождей совершенно нагими, между тѣмъ какъ казалось бы приличнѣе и цѣлесообразнѣе не только одѣть ихъ, но и вооружить ихъ съ головы до ногъ, „такъ какъ сохраненіе ихъ жизни было всего дороже для обоихъ народовъ“. Напрасно почитатели Давида возражали, что по степени живописности голая фигура неизмѣримо выше фигуры одѣтой и „что художникъ далъ историческую картину, а не историческій разсказъ“; смѣлость драматическихъ эффектовъ, „плодъ сильнаго и пламеннаго воображенія“, которая восхищала въ *Эпизодѣ изъ потопа* Жиродэ, дала ему перевѣсъ при голосованіи. Одинъ критикъ, близкій другъ Жиродэ, даже находилъ, что „это произведеніе, отличающееся безусловной оригинальностью, болѣе сродни работамъ великихъ современныхъ мастеровъ, нежели образцамъ, завѣщаннымъ намъ древностью“.

Мы сдѣлали попытку на мгновеніе замѣшаться въ толпу, тѣснившуюся передъ этими, столь знаменитыми тогда картинами, и уловить кое-что изъ жаркихъ споровъ, которые велись по ихъ поводу. Мы не можемъ повторить здѣсь для каждаго изъ произведеній Давида подобное изслѣдованіе, основанія котораго мы здѣсь намѣтили. Намъ важно было лишь уяснить его талантъ въ главныхъ стадіяхъ его развитія и наиболѣе характерныхъ его произведеніяхъ, — талантъ вмѣстѣ и непосредственный, и методическій, скрывавшій въ себѣ странныя противорѣчія, въ которыхъ часто виденъ какъ бы слѣдъ борьбы между его инстинктомъ и его доктриной. До конца его дѣятельности въ немъ встрѣчаются тѣ же контрасты: нѣсколько лѣтъ послѣ *Сабинянокъ* онъ пишетъ *Леонида* (1814), многократно возвращаясь къ нему и съ каждымъ разомъ внося въ него все больше холодности, и одновременно съ нимъ — портретъ „дѣдушки Фюзелье“, старшаго изъ луврскихъ сторожей при концѣ первой имперіи, честное лицо котораго его заинтересовало и котораго онъ изобразилъ сидящимъ въ его зеленой съ краснымъ ливреѣ, съ ласково и добродушно сложенными руками, ad vivum. Такимъ же образомъ до самой смерти (29-го декабря 1823 г.), живя изгнанникомъ въ Брюсселѣ, онъ пишетъ *Амура, покидающаго Психею, Телемака и Евхарису, Гнѣвъ Ахиллеса, Марса, обезоруженнаго Венерой и Граціями*,—вещи, свидѣтельствующія о его пагубной вѣрности доктринѣ, и чере-

дуетъ съ ними портреты, гдѣ снова видны страсть и волненіе художника передъ дѣйствительностью и жизнью, какъ, напримѣръ, *Кумушекъ*, эти три удивительныхъ лица, собранныхъ въ одной и той же рамкѣ,—картину, перешедшую изъ старой коллекціи Ванъ-Праетъ въ Луврскій музей, проникнутую горячимъ реализмомъ, неподкупной искренностью; или исполненные прелести и граціи, хотя и нѣсколько застывшей, портреты дочерей Жозефа Бонапарта, написанные имъ въ 1822 г. въ Брюсселѣ и принадлежащіе теперь тулонскому музею.

Ученики и соперники Давида. Первое сопротивленіе. — Выставка 1810 г. знаменовала собою кульминаціонный пунктъ въ развитіи школы Давида и вмѣстѣ начало ея упадка. Его ученики оказали дурную услугу его памяти. Одной изъ странностей его судьбы, быть можетъ и возмездіемъ, является то, что онъ, съ такой непреклонностью сокрушившій старую Академію, оказался основателемъ и вдохновителемъ новой Академіи, сектантской и тиранической, которая въ теченіе 50 лѣтъ парализовала всякую попытку освобожденія и гнала всѣ молодые таланты, теперь записанные на золотыхъ скрижаляхъ французской живописи XIX вѣка. Какъ это всегда бываетъ, послѣдователи, особенно же теоретики, оказались еще нетерпимѣе основателя ученія. Делеклюзъ увѣряетъ, что въ своей мастерской Давидъ, поправляя работу учениковъ, умѣлъ съ рѣдкой проницательностью распознавать темпераментъ и индивидуальныя наклонности каждаго изъ нихъ и хотя указывалъ ошибки или опасности, хотя поддерживалъ непоколебимо „превосходство древности", но поощрялъ всякій самобытный талантъ слѣдовать своему призванію. „Ты съ хвоста хомутъ надѣваешь,— говорилъ онъ, напримѣръ, какому-нибудь молодому *колористу*:—ничего, дѣлай такъ, какъ чувствуешь, рисуй какъ видишь, учись по-своему, потому что человѣка признаютъ художникомъ лишь за какое-нибудь выдающееся его качество, каково бы оно ни было; лучше писать хорошія вульгарныя картинки, какъ Тенье или Ванъ-Остаде, чѣмъ историческія картины подобно Лэрессу или Филиппу де Шампень". Несомнѣнно, такъ не выражается учитель-тиранъ: тутъ напротивъ сказывается широта и разумность педагогическихъ воззрѣній. Къ сожалѣнію, намъ придется показать, что Давидъ не всегда стоялъ на этой высотѣ и что въ лучшихъ своихъ ученикахъ онъ не сумѣлъ понять и поддержать плодотворное и оригинальное творчество. Казалось, будто онъ приберегаетъ свою снисходительность и широту взглядовъ особенно для тѣхъ, на которыхъ не возлагалъ большихъ надеждъ; отъ наиболѣе же одаренныхъ и сильныхъ, каковъ, напримѣръ, былъ Гро, онъ требовалъ съ почти угрожающей настойчивостью вѣрности „высокому искусству" въ томъ смыслѣ, какъ онъ самъ понималъ его.

Впрочемъ, приведемъ еще примѣръ его свободнаго образа мыслей, переданный тѣмъ же правдивымъ свидѣтелемъ. Дѣло идетъ о Гранэ, избравшемъ своей спеціальностью картины домашняго быта и эффекты свѣто-тѣни, одномъ изъ первыхъ живописцевъ, обратившихъ вниманіе на проблемы свѣта и воздушной оболочки. „У этого есть свои мысли и своя манера, — говорилъ Давидъ: — онъ будетъ колористомъ; онъ любитъ свѣто-тѣнь и красивые свѣтовые эффекты. Это прекрасно, это дѣльно; я всегда радъ, когда вижу у человѣка ясно выраженныя наклонности. Учитесь хорошенько рисунку, милый Гранэ, но слѣдуйте своему влеченію". Слѣдуйте своему влеченію! Какъ жаль, что онъ не говорилъ этого Гро...

Но „духъ времени", этотъ всегда присущій и часто тиранической безымянный сотрудникъ, который кладетъ свою печать на все творчество даннаго поколѣнія, еще сильнѣе чѣмъ доктрина учителя

сковывалъ общій идеалъ, навязывалъ всѣмъ тотъ же *героическій* и напыщенный стиль, ту же деревянность, ту же превыспренность. Жанъ-Батистъ Реньо (1754—1829) и Франсуа-Андрэ Венсанъ (1746—1816), открывшіе соперничествующія мастерскія, ученики которыхъ оспаривали у учениковъ Давида академическія награды,—поклонялись тѣмъ же богамъ. Піеръ-Нарсисъ Герэнъ (1774—1833), ученикъ Реньо,—Герэнъ, авторъ *Энея* и *Клитемнестры*, находящихся въ Луврѣ,—съ успѣхомъ могъ бы сойти за ученика Давида. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые своимъ примѣромъ и своимъ преподаваніемъ распространяли и старались внѣдрить въ новыя поколѣнія чистую академическую доктрину, которую его ученикъ Делакруа формулировалъ такъ: „чтобы придать идеальный характеръ головѣ египтянина, мои учителя приближаютъ ее къ профилю Антиноя. Они говорятъ: мы сдѣлали все, что возможно, а если вещь благодаря нашей поправкѣ не стала еще прекраснѣе—въ томъ виновата эта несуразная натура, эти черты, претящія глазу, этотъ приплюснутый носъ, эти толстыя губы... Лица у Жиродэ—забавное подтвержденіе этого принципа; онъ просто въ отчаяніи отъ этихъ шалостей природы: ужасныхъ носовъ крючкомъ, носовъ, задранныхъ кверху, и т. д.".

И все же, если присмотрѣться, можно уловить въ самыхъ нѣдрахъ торжествующаго правовѣрія, въ его святая святыхъ,—еще задолго до часа рѣшительныхъ возстаній — признаки освобожденія или попытки вырваться на свободу, движенія и тенденціи, предвѣщающія перемѣну во вкусѣ и позволяющія до нѣкоторой степени услѣдить самый ходъ эволюціи. Въ мастерской Давида—съ первыхъ годовъ XIX столѣтія и даже въ послѣдніе XVIII—вспыхнулъ своего рода мятежъ, поднятый небольшой группой художниковъ, о которыхъ было бы весьма желательно имѣть сколько-нибудь болѣе точныя свѣдѣнія; особенно же важно было бы увидѣть что-нибудь изъ ихъ произведеній. Ихъ называли *примитивами, бородачами, мыслителями*... Нѣсколько восторженныхъ страницъ у Нодье, одна мягко-ироническая глава у Делеклюза, нѣсколько статей или параграфовъ о „мыслящей сектѣ", полныхъ уничтожающаго презрѣнія, у Бутара—вотъ и все, что дошло до насъ отъ нихъ или скорѣе о нихъ, — и ни одного произведенія, ни даже эскиза. Чего стоилъ и чего дѣйствительно хотѣлъ этотъ Морисъ Гюэ, котораго воспѣлъ Нодье? „Подъ образомъ, совмѣщающимъ въ себѣ черты Антиноя и Геркулеса, онъ скрывалъ душу Моисея, Гомера и Пиѳагора; онъ сочеталъ мужество сильнаго съ простодушіемъ ребенка и умъ мудреца съ восторженностью священнослужителя... Ни разу не поднялъ я глазъ на него безъ чувства священнаго ужаса, ни разу не услыхалъ невыразимо-мелодичныхъ звуковъ его голоса, когда онъ призывалъ меня къ себѣ, безъ мысли, что Богъ, сдѣлавшійся человѣкомъ, тоже любилъ окружать себя несчастными сего міра..."

Этотъ тонъ самъ говоритъ за себя. А рядомъ съ Морисомъ Гюэ — Люцила Франкъ, самое имя которой „очищало уста". „Пробуждалось ли въ васъ участіе къ горестной судьбѣ грустящей Мальвины, извлекающей изъ арфы скорбныя мелодіи и обращающей печальный взглядъ, полный слезъ, на слѣпого барда, который уже не можетъ имъ любоваться?.. Тогда вы почти знаете Люцилу".

Делеклюзъ, вообще не расположенный къ лиризму и по натурѣ мало склонный къ мистикѣ, внесъ гораздо меньше паѳоса въ свою біографію Давида. Онъ просто разсказываетъ, что во времена консульства группа учениковъ Давида осмѣлилась „легко, а затѣмъ и серьезнѣе" критиковать произведенія учителя, даже *Сабинянокъ*. Хотя они и признавали

въ ней „нѣкоторую готовность слѣдовать по стопамъ грековъ“, но не усматривали никакой простоты, никакого величія, словомъ — ничего *примитивнаго*, — таково было излюбленное ихъ выраженіе. Эти прерафаэлиты, опередившіе *прерафаэлитизмъ*, дали Давиду клички: *Ванлоо, Помпадуръ, рококо*. Главой мятежниковъ былъ Морисъ Гюэ, прозванный Агамемнономъ. Онъ прогуливался по улицамъ въ длинной туникѣ, доходящей до щиколотки, и въ большомъ плащѣ, который онъ умѣлъ носить съ царственной граціей и непринужденностью. Въ этомъ человѣкѣ было что-то, напоминавшее „Магомета и Христа“ (это говоритъ спокойный Делеклюзъ); большого роста, съ густой черной бородой и волосами, съ пламеннымъ взоромъ и выраженіемъ страсти и вмѣстѣ доброжелательности на лицѣ, онъ привлекалъ и импонировалъ въ одно и то же время. Его сужденія въ области литературы, какъ и въ области искусства, далеко опережали его вѣкъ; все греческое искусство послѣ Перикла и итальянское послѣ Рафаэля было въ его глазахъ продуктомъ порчи и упадка; онъ находилъ истинныя, основательныя и неотъемлемыя достоинства только въ Библіи, въ поэмахъ Гомера и (вспомните время) въ Оссіанѣ. Онъ восхищался Софокломъ; но Эврипидъ казался ему *Ванлоо!* Онъ говорилъ съ презрѣніемъ: „Это въ духѣ господина Вольтера“... Вотъ ужъ дѣйствительно—человѣкъ, необыкновенно хорошо подготовленный для чтенія „Духа христіанства“ и той литературы, которой вскорѣ положитъ начало Шатобріанъ! Любопытно уловить это первое пробужденіе и предразсвѣтный трепетъ романтизма въ разгарѣ классической реакціи.

Имъ былъ зараженъ самъ Жиродэ (Анна-Луи Жиродэ де Ранси-Тріозонъ, 1767—1824). Весьма одаренный литературно, временами самъ поэтъ, правда—посредственный, онъ былъ изъ тѣхъ, на кого поэзія Оссіана произвела глубокое впечатлѣніе, и, къ великому огорченію своего учителя, онъ рано вдался въ сентиментальную манерность, въ своего рода академическій романтизмъ, „опасность“ котораго обнаружили его *Погребеніе Атала* (1808) и *Оссіанъ*. Делеклюзъ, плодовитый и драгоцѣнный исторіографъ, разсказалъ, какъ однажды, когда онъ зашелъ за Давидомъ для ежедневной прогулки, послѣдній сказалъ ему: „Жиродэ далъ мнѣ знать, что его *Оссіанъ* конченъ; онъ просилъ меня придти посмотрѣть; хотите—пойдемъ къ нему вмѣстѣ?“ Взобрались не безъ труда — мастерская Жиродэ была тогда на чердакахъ Лувра—и послѣ пяти или шести попытокъ достучались наконецъ. „О, Жиродэ—человѣкъ осторожный,—сказалъ Давидъ.—Онъ, какъ львица, скрывается, чтобы рожать своихъ дѣтей“. Ставъ передъ картиной, Давидъ, „не садясь и не снимая шляпы“, долго смотритъ съ величайшимъ вниманіемъ, молча. Жиродэ, обезпокоенный, а затѣмъ почти разсерженный, рѣшается вырвать у него сужденіе, и учитель восклицаетъ, „какъ бы подводя итогъ своимъ мыслямъ“: „Ей Богу, другъ мой, надо сознаться—я не знатокъ въ такой живописи; нѣтъ, милѣйшій мой Жиродэ, совсѣмъ, совсѣмъ не знатокъ!“ [1]).

Онъ круто оборвалъ свой визитъ и еще на дворѣ Лувра все продолжалъ, размахивая руками: „Ну, Жиродэ! Вѣдь это безумецъ! Вѣдь онъ сумасшедшій!.. Какая жалость! Чудесный талантъ, а ничего не сдѣлаетъ, кромѣ глупостей... У него нѣтъ царя въ головѣ!“

Эта картина, *Оссіанъ*, была предназначена для Мальмезона, украшеніе котораго было поручено Жиродэ и Жерару. Вопреки энтузіазму нѣкоторыхъ учениковъ художника, картина въ общемъ мало понравилась на Салонѣ X года, и критикъ *Journal des Debats*, хотя и былъ однимъ

1) *Louis David, son école et son temps*, souvenirs par E. F. Delécluze. Изд. 1863 г., стр. 265.

изъ ближайшихъ друзей художника, объяснивъ и защитивъ противъ нападокъ его произведеніе, кончалъ свой отзывъ такими словами: „Несомнѣнно, что нашимъ художникамъ, если они не хотятъ заблудиться, необходимо отправить Морвенскаго барда назадъ въ туманъ, изъ котораго онъ еле показался, и возможно ближе слѣдовать за пѣвцомъ Ахиллеса и пѣвцомъ Лавиніи".

На томъ же Салонѣ Жераръ пожалъ своимъ *Велизаріемъ*, а также *Психеей* свой первый большой успѣхъ, который скоро превратитъ его первоначальное дружеское соревнованіе съ Жиродэ въ соперничество, а затѣмъ и во вражду.

Франсуа Жераръ (1770—1837) въ исторической живописи былъ не болѣе, какъ соперникомъ Жиродэ. *Психея, получающая первый поцѣлуй Амура* (1797), выставленная на три года позднѣе его *Велизарія, несущаго своего молодого проводника* — картины, не превзойденной имъ въ этомъ родѣ живописи,—такъ же холодна, какъ и манерна по стилю; и конечно не банальныя аллегоріи его *Сраженія при Аустерлицѣ* (плафонъ для залы Государственнаго совѣта, 1810), не *Вступленіе въ Парижъ Генриха IV*, *Коринна на Мизенскомъ мысѣ*, *Людовикъ XIV, провозглашающій своего внука королемъ испанскимъ*, *Коронованіе Карла X*, или наконецъ *Дафнисъ и Хлоя*, вялость которыхъ доводитъ зрителя, можно сказать, до раздраженія, могутъ быть приведены въ защиту его памяти... Для него, какъ и для столькихъ другихъ, спасеніемъ былъ портретъ. Въ этой области онъ былъ безспорно превосходенъ, до такой степени, что это вызывало зависть, или по меньшей мѣрѣ дурное настроеніе, у Давида.

Начало его карьеры было трудное: сирота, безъ средствъ, попавъ въ конскрипцію и спасенный благодаря Давиду, но дорогой цѣной — включеніемъ въ списки жюри революціоннаго трибунала, — онъ былъ вынужденъ,—чтобы, не навлекая на себя обвиненія въ измѣнѣ, освободиться отъ этой кровавой барщины,—притвориться тяжело-больнымъ и совершенно бросить работу. Настала нищета. Его поддержалъ участливый художникъ Изабэ,—тотъ самый, который оставилъ такія прекрасныя миніатюры и нѣсколько превосходныхъ рисунковъ. Онъ купилъ у него *Велизарія* и заставилъ его даже взять прибыль, принесенную перепродажей этой картины; въ знакъ благодарности за эту щедрую и тактичную помощь Жераръ написалъ въ 1795 г. портретъ во весь ростъ своего благодѣтеля съ дочкой. Это—прелестная картина. Портретъ m-lle Броньяръ также простъ и правдивъ, а портретъ г-жи Реньо де Сенъ-Жанъ д'Анжели (1798), съ полуоткрытыми устами, влажнымъ и кроткимъ взглядомъ и обаятельной граціей, дышащій робкой обольстительностью и какъ бы невиннымъ кокетствомъ, весьма близокъ къ совершенству.

Съ этой минуты Жераръ становится наиболѣе моднымъ портретистомъ. Великосвѣтское общество, снова принимающееся за свою жизнь послѣ стихнувшей бури и снова открывающее свои салоны, съ этихъ поръ заваливаетъ его заказами. Съ удивительной находчивостью и тактомъ онъ понимаетъ и удовлетворяетъ желаніе нравиться, тайно волнующее его прекрасныхъ заказчицъ. Его называютъ „королемъ живописцевъ", а вскорѣ и „живописцемъ королей". Къ нему обратилась однажды г-жа Рекамье, недовольная портретомъ, который началъ писать съ нея Давидъ. Извѣстно, какъ онъ ее изобразилъ. Едва прикрытая длинной бѣлой туникой и падающимъ шарфомъ, съ обнаженной грудью и руками, съ босыми ногами, божественная Жюльетта только что присѣла, или скорѣе бросилась, на кресло съ лиловатой подушкой, въ одной изъ тѣхъ галлерей съ колоннадой, „которыя никуда не ведутъ" — неопредѣленная декорація классической трагедіи, — сама похожая на какую-нибудь

принцессу изъ трагедіи. Слегка меланхолическая улыбка грустно-примиреннаго кокетства, прелестная въ своей усталости, блуждаетъ на ея губахъ... Пришлось ли ей отвергнуть настойчивое признаніе обожателя, менѣе терпѣливаго, чѣмъ безобидный Балланшъ, менѣе „умиротвореннаго", чѣмъ Монморанси? Пробудились ли на мгновеніе тѣ страсти, которыя ея красота разжигаетъ, ея доброе сердце успокоиваетъ, ея любвеобиліе излѣчиваетъ и нѣжно превращаетъ въ дружбу? Или она сердилась? Кажется, будто за ея радушной улыбкой кроется упрекъ и тѣнь унынія въ ея довѣрчивомъ и ласкающемъ взорѣ.

Давидъ никогда не простилъ г-жѣ Рекамье предпочтенія ему его ученика. Когда, по окончаніи портрета Жерара, около 1805 г., она вернулась къ нему, чтобы просить его окончить прерванный портретъ, онъ сухо отвѣчалъ ей: „Сударыня, и художники бываютъ капризны, какъ женщины. Съ вашего позволенія, мы оставимъ вашъ портретъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ сейчасъ находится". Онъ даже намѣревался уничтожить его, но, къ счастью, не привелъ этотъ замыселъ въ исполненіе. Ленорманъ пріобрѣлъ этотъ прелестный набросокъ, который въ своей неоконченности сохранилъ цвѣтъ юности и нѣжность улыбки; онъ составляетъ теперь одно изъ украшеній Лувра.

За г-жей Рекамье послѣдовали генералъ Моро [1]), Мюратъ, молодой герцогъ Клевскій, императрица Жозефина, принцъ Беневентскій, герцогъ Монтебелло, г-жа Тальенъ, г-жа Висконти, позже — императрица Марія-Луиза съ королемъ римскимъ, и т. д., и т. д.

1) Критикъ того времени пишетъ объ этомъ портретѣ (Салонъ XIII года): „Портретъ великаго человѣка—переводъ глубокомысленнаго произведенія, духъ котораго надо сохранить, а букву—украсить". Жераръ выставилъ въ томъ же Салонѣ *Портретъ гражданина С. Р., читающаго Цицерона.*

Гро и Жерико. — Изъ всѣхъ учениковъ Давида ни одинъ не былъ болѣе почтительно преданъ и болѣе послушенъ своему учителю, чѣмъ Антуанъ-Жанъ Гро (1771 — 1835), и ни одинъ не сдѣлалъ больше, самъ того не зная и не желая, чтобы подготовить и объединить возстаніе, которое должно было свергнуть школу Давида. Между тѣмъ какъ послѣдній, окончивъ *Коронованіе*, отказался отъ завершенія серіи заказанныхъ ему четырехъ большихъ картинъ въ память современныхъ событій, чтобы остаться вѣрнымъ *Исторіи* и высокому стилю, Гро черпалъ въ зрѣлищахъ войны, въ изображеніи видѣнной дѣйствительности, свои сильнѣйшія вдохновенія и самое острое удовольствіе.

Приключенія его скитальческой юности рано удалили его изъ Парижа и изъ мастерской учителя; онъ отправился въ Италію и остановился сначала въ Генуѣ; по протекціи Давида и Реньо ему посчастливилось быть представленнымъ здѣсь Жозефинѣ, а черезъ нея Бонапарту, который позволилъ ему написать съ него портретъ и вскорѣ причислилъ къ своему генеральному штабу, давъ ему чинъ поручика, а впослѣдствіи инспектора на смотрахъ. Такимъ образомъ онъ могъ видѣть сраженія, и какія!

Его душа и дарованіе загорѣлись отъ соприкосновенія съ этой живой эпопеей; онъ вложилъ въ свои картины благоговѣйный трепетъ и непосредственное волненіе, навѣваемые исторіей, когда переживаешь ее. Онъ вложилъ въ нихъ также вольность и пылкость кисти, побѣдоносную смѣлость красокъ, которыя свидѣтельствуютъ, какое вліяніе имѣло на него другое памятное и рѣшающее знакомство, сдѣланное имъ въ Генуѣ,—знакомство съ Рубенсомъ.

Такимъ образомъ, передъ этимъ горячимъ и плохо подготовленнымъ юношей, убѣжденнымъ до тѣхъ поръ, что *Смерть Сократа* и *Гораціи*—наивысшее выраже-

ніе истины, природы и искусства, сразу предстали и живая жизнь въ ея наиболѣе трагическихъ проявленіяхъ, и лирическое дарованіе, выше котораго въ живописи не существуетъ. Если бы въ эту минуту кто-нибудь сказалъ ему: „Довѣрься своему пробуждающемуся генію; вѣрь призыву твоего инстинкта и твоего сердца“,—нѣтъ сомнѣнія, что вмѣсто двухъ или трехъ выдающихся произведеній, изъ которыхъ ни одно, пожалуй, не вполнѣ совершенно и которыя являются какъ бы неожиданными среди остальныхъ его работъ, творецъ картинъ: *Бонапартъ на Аркольскомъ мосту*, *Чумные въ Яффѣ*, *Поле битвы при Эйлау*, оставилъ бы потомству много другихъ дивныхъ вещей. Молодые художники не ошиблись, когда они, на Салонѣ 1804 г., повѣсили вѣнокъ на рамѣ картины *Чумные въ Яффѣ*. Въ этомъ генералѣ, возбужденномъ и блѣдномъ, въ обращенныхъ къ нему больныхъ съ воспаленными глазами и покрытымъ язвами тѣломъ, среди живописной обстановки моря, парусовъ и трехцвѣтныхъ знаменъ, они привѣтствовали зарю новаго искусства.

Можно себѣ представить, что долженъ былъ испытать Жерико, когда, въ Салонѣ 1808 г., онъ увидѣлъ *Поле битвы при Эйлау*. Вѣдь никто никогда еще не далъ ничего подобнаго этой снѣжной равнинѣ, безконечно унылой, съ двигающимися рядами войскъ, съ неровностями почвы—могилами цѣлыхъ полковъ; на первомъ планѣ зловѣщія груды мертвыхъ тѣлъ и стонущихъ раненыхъ, и посреди этихъ криковъ, этихъ человѣческихъ останковъ, этой рѣзни,—съ лицомъ мертвеца, съ взглядомъ, неподвижно направленнымъ на горизонтъ, обагренный пожаромъ деревень,—завоеватель, повелитель, императоръ, во главѣ своего штаба, безучастный, какъ рокъ.

Но Давидъ слѣдилъ не безъ тревоги за своимъ ученикомъ, вступившимъ на такую дорогу, посвящающимъ свои способности „пустяшнымъ сюжетамъ, картинамъ на случай“, которыя онъ считалъ несовмѣстимыми съ достоинствомъ высшаго искусства. Можно сказать безъ преувеличенія, что онъ донималъ Гро совѣтами и выговорами; его письма переполнены ими: „Безсмертіе считаетъ наши года; не навлекайте на себя его упрековъ; производите великія творенія, чтобы занять подобающее вамъ мѣсто“. Въ другой разъ онъ пишетъ: „Потомство требуетъ отъ васъ прекрасныхъ *историческихъ картинъ* изъ жизни древняго міра...“ И опять: „Время идетъ, и мы старѣемся; скорѣй, скорѣй, мой другъ, *перелистайте вашего Плутарха* и выберите сюжетъ, всѣмъ извѣстный!“

Гро боготворилъ своего учителя; онъ вѣрилъ ему больше, чѣмъ собственному чувству; онъ упрекалъ себя, какъ за измѣну, за все, что онъ дѣлалъ не спросивши его мнѣнія; критика Давида причиняла ему постоянныя угрызенія совѣсти, и когда, въ 1810 г., молодой художественный критикъ съ довольно блестящимъ будущимъ, Гизо,—хотя и признавая что „манера г. Гро, быть можетъ, лучше всякой другой пригодна для сюжетовъ національныхъ“—упрекалъ его въ томъ, что онъ открылъ дорогу школѣ, которая, „пріучившись передавать дѣйствительность безъ примѣси красоты, какъ необходимаго условія, легко впадетъ въ безобразныя крайности“, то Гро опускалъ голову, брался снова за Плутарха и за миѳологію древнихъ, испытывалъ приливъ смиренія и, по присущей ему искренности, раскаивался. Онъ вѣренъ себѣ лишь въ нѣсколькихъ портретахъ и картинахъ изъ современной жизни. *Бонапартъ на Аркольскомъ мосту* [1]) вѣ-

---

[1]) Бутаръ писалъ объ этомъ портретѣ: „Этотъ портретъ генерала Бонапарта, хотя и принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые на него похожи, доказываетъ, кажется, что гражданинъ Гро—не сильный колористъ; цвѣтъ тѣла намъ показался желтоватымъ и недостаточно жизненнымъ; аксессуары, особенно шарфъ, грязноваты по жи-

ликолѣпенъ по страстности; маленькій портретъ перваго консула на лошади, гдѣ блѣдное лицо выдѣляется изъ-подъ черной шляпы и надъ темнымъ воротникомъ, превосходенъ по тону и трагичности впечатлѣнія; портретъ генералъ-лейтенанта графа Фурнье-Сарловезъ, до крайности утрированный, представляетъ собою тѣмъ не менѣе вещь сильную по живописи, и вмѣстѣ любопытный документъ. Въ портретѣ генерала Лассаля также чувствуется героическій размахъ; но нерѣдко у Гро замѣтна театральная напыщенность, какъ, напр., въ портретахъ *Жерома Бонапарта, короля Вестфаліи, Маршала Дюрока, Дарю*, и пр.

Еще при жизни Гро смерть поразила въ расцвѣтѣ молодости Жерико (Г.-Л.-А. Теодоръ, 1791—1824), котораго онъ могъ бы признать своимъ духовнымъ сыномъ. Казалось бы, что наблюдая развитіе этого молодого человѣка, онъ долженъ былъ уразумѣть, прочитать наконецъ собственную душу, снова увѣровать въ себя. То, что онъ самъ испыталъ, ту потребность жизни и героическаго движенія, которая его волновала, обнаруживалъ и этотъ новичокъ въ произведеніяхъ, полныхъ огня. Онъ говорилъ своимъ особымъ языкомъ, что школьныя академіи ему уже не достаточны, что у него въ душѣ сидитъ нѣчто, требующее удовлетворенія, какой-то голодъ, нуждающійся въ пищѣ, котораго не понять никогда *Клитемнестрамъ, Ипполитамъ* и *Андромахамъ* его учителя Герэна; онъ видѣлъ въ природѣ и жизни больше красоты, нежели въ римскихъ барельефахъ; самъ Аполлонъ Бельведерскій не представлялся ему наисовершеннѣйшимъ идеаломъ,—и когда онъ рисовалъ съ *негровъ* и *негритянокъ* свои смѣлые наброски карандашомъ, онъ меньше всего думалъ о томъ, какъ бы „подвести ихъ подъ профиль Антиноя“.

вописи“ (Салонъ IX года). — Зато „Жераръ своимъ Велизаріемъ показалъ себя великимъ колористомъ!“ (Салонъ X года.)

Странная иронія собрала въ мастерской разсудительнаго и холоднаго Герэна нѣсколькихъ изъ молодыхъ людей, которымъ суждено было принять наиболѣе дѣятельное участіе въ романтическомъ движеніи: Делакруа, Жерико, Шеффера и др. Правда, Жерико по отношенію къ Давиду еще не бунтовщикъ, но онъ—отщепенецъ: съ первыхъ своихъ шаговъ онъ обнаруживаетъ, куда онъ хочетъ идти, и что его дорога не ведетъ въ классическій храмъ. Не въ мастерской Герэна научился онъ такому широкому, прочувствованному рисунку, такому страстному чувству живой природы, такой любви къ тѣлу въ дѣйствіи, къ прекраснымъ формамъ въ движеніи. Онъ самъ себя образовалъ; онъ смѣло берется за современную дѣйствительность; онъ упивается съ горячимъ увлеченіемъ ея красотами и ея драматизмомъ. Съ Салона 1812 г. онъ пользовался извѣстностью и успѣхомъ, но такъ какъ его роль и его вліяніе особенно усиливаются при Реставраціи, то мы вернемся къ нему, когда перейдемъ къ этому времени [1]).

П.-П. Прюдонъ.—Прюдонъ, хотя и стоялъ совершенно особнякомъ между своими современниками—живописцами и художниками, повидимому, пользовался благосклонностью Наполеона. По случаю коронаціи и позже, при заключеніи Тильзитскаго мира, ему поручается выработка плана декоративныхъ работъ; онъ пишетъ по заказу *Свиданіе императора съ Францемъ II послѣ битвы при Аустерлицѣ*; при бракосочетаніи императора съ Маріей-Луизой онъ завѣдуетъ убранствомъ празднествъ, которыя даются городомъ Парижемъ; онъ составляетъ рисунокъ и руководитъ работами по исполненію туалета, который городское управленіе подноситъ новой императрицѣ, и онъ же пишетъ въ честь этой свадьбы аллегорическую картину, эскизъ къ которой пред-

[1]) См. ниже, т. II, гл. *Искусство въ Европѣ*.

ставляетъ собою прелестную вещь. Послѣ рожденія короля римскаго, съ котораго онъ позднѣе напишетъ нѣсколько портретовъ, онъ же даетъ рисунокъ колыбели. Всѣ свойства его великаго художественнаго дарованія нашли себѣ естественное приложеніе въ этихъ спеціальныхъ работахъ, и между всѣми мастерами декоративнаго искусства Прюдонъ донынѣ остается первымъ по прелести, по тонкости, оригинальности и изобрѣтательности, по силѣ, сочетающейся съ граціей. Въ довершеніе всего ему пришлось еще обучать рисованію Марію-Луизу. Впрочемъ, эта должность была для него мало интересна и даже унизительна, вслѣдствіе апатичности его ученицы. Она выходила къ уроку зѣвая: „Г. Прюдонъ, мнѣ хочется спать!"—„Ну что жъ, Ваше Величество, спите!" И назначенный для урока часъ онъ проводилъ, прохаживаясь взадъ и впередъ въ своемъ придворномъ костюмѣ передъ своею дремлющей царственной ученицей.

Нѣкоторыя изъ наилучшихъ его картинъ относятся къ промежутку отъ 1808 до 1814 гг., наиболѣе для него плодотворному: *Божья справедливость и возмездіе преслѣдуютъ преступленіе* [1]) (1807); *Похищеніе Психеи амурами* (1808); *Венера и Адонисъ* (1814); *Качающійся Зефиръ* (1814). Уже неоднократно было разсказано, какъ другъ его Фрошо, сенскій префектъ, подалъ ему мысль о картинѣ *Божья справедливость*, первые наброски которой относятся къ 1804 г. и которая была предназначена для залы уголовнаго суда въ Palais de Justice. Сначала онъ сдѣлалъ два прекрасныхъ эскиза ея, на которыхъ мстящая Немезида влечетъ, или скорѣе толкаетъ, преступника къ судилищу, гдѣ засѣдаетъ невозмутимая Ѳемида. Для самой картины онъ иначе разрѣшилъ свою задачу, о чемъ самъ разсказалъ. Присущія ему оригинальность и сила драматизма чувствуются въ ней еще и теперь, композиція сохранила всю свою красоту и величіе; но полутоны исчезли, потемнѣвъ, очертанія затуманились, изящество формъ пропало.

Картина *Похищеніе Психеи* лучше устояла предъ разрушительнымъ дѣйствіемъ времени. Никогда Прюдонъ не ласкалъ болѣе легкой и нѣжной кистью тѣла́, вылѣпленныя изъ неземной глины. Нѣтъ словъ, чтобы выразить безмолвную прелесть этого ровнаго и медленнаго полета черезъ струящійся воздухъ, непринужденность этого прекраснаго, мягко-округлаго тѣла, полноту его роскошныхъ и дѣвственныхъ формъ, очарованіе лица, обрамленнаго закинутой рукой, подернутаго чуднымъ, прозрачнымъ полутономъ, наполовину скрывающимъ его красоту и дополняющимъ ее тайной.

Качающійся Зефиръ (Салонъ 1814) не менѣе прекрасенъ. Именно въ этихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ слегка элегической прелестью и сладострастной нѣжностью, надо изучать глубоко-своеобразное дарованіе Прюдона. Именно они, вмѣстѣ съ его рисунками и нѣсколькими эскизами, каковы *Пробужденіе*, *Амуръ и Невинность*, *Первый поцѣлуй Амура*, представляютъ собой лучшее, что было сдѣлано его кистью, карандашомъ и сердцемъ. *Успеніе* (1816), заказанное для тюильрійской часовни, много ниже этихъ прекрасныхъ произведеній; его послѣдняя работа, *Христосъ на крестѣ*, почернѣла и, несмотря на несомнѣнныя красоты, обнаруживаетъ уже утрировку его манеры и злоупотребленіе его пріемами. На высотѣ своихъ лучшихъ вещей онъ остается еще въ рисункахъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, сдѣланныхъ отчасти въ сотрудничествѣ съ m-lle Майеръ: *Амуръ соблазняетъ Невинность, удовольствіе увлекаетъ ее, раскаяніе преслѣдуетъ ее; Невин-*

[1]) За эту картину онъ долженъ былъ получить 15.000 франковъ въ три пріема: при представленіи эскиза, въ теченіе работы и при сдачѣ картины.

ность предпочитаетъ Амура богатству; Чтенiе, и т. д.

Написанные имъ послѣ смерти его подруги *Несчастное семейство, Христосъ на крестѣ,* прекрасный рисунокъ *Несенiе креста,* черной и бѣлой краской исполненный набросокъ *Освобожденная душа* ясно свидѣтельствуютъ о томъ, какiя мысли жили въ его опустошенной душѣ. Онъ умеръ 10-го февраля 1823 г., „счастливый мыслью о соединенiи съ этимъ ангеломъ доброты, этой подругой, чье одобренiе было такъ сладко его душѣ" и любовь которой была ему въ его жизни, для его жаждущей нѣжности природы, помощью, пристанищемъ и вдохновенiемъ.

Прюдонъ умеръ весь. Онъ былъ среди своихъ современниковъ единственнымъ, необъясненнымъ и прелестнымъ явленiемъ. То, что сдѣлало его великимъ художникомъ, не передается; онъ не оставилъ учениковъ. Единственная его ученица, талантъ которой былъ рожденъ любовью, m-lle Майеръ, сошла въ могилу раньше него. Ему еще довелось увидѣть первую выставку работъ Эжена Делакруа.

Первые шаги Ж.-Д. Энгра.—Имя Ж. Д. Энгра въ это время было еще мало извѣстно, между тѣмъ въ моментъ крушенiя Имперiи ему было уже тридцать пять лѣтъ, онъ выставлялъ съ 1806 г. Его конечно знали; но въ офицiальномъ мнѣнiи онъ еще не былъ знаменитостью, и, хотя приближалось время, когда его извѣстность должна была быстро возрасти и двери Института открыться передъ нимъ, наиболѣе авторитетные представители школы Давида, или ея обломковъ, еще не отказались отъ прежней недовѣрчивости, которую онъ возбудилъ въ нихъ своими первыми работами.

Въ самомъ дѣлѣ, теперь слишкомъ забываютъ, что теоретики правовѣрной эстетики видѣли въ Энгрѣ человѣка страннаго и даже еретика; самый снисходительный и одинъ изъ самыхъ умныхъ, Бутаръ, упрекалъ его лишь за „эксцентрическiя выходки" и за „странную причуду—желанiе снова ввести въ моду старинные прiемы живописи"; но даже въ „этихъ заблужденiяхъ" онъ признавалъ за нимъ по крайней мѣрѣ „дѣйствительный талантъ". Авторъ *Французскаго Павзанiя* (Салонъ 1806 г.) былъ строже: „А въ другомъ родѣ, настолько же скверномъ, насколько *готическомъ,* г. Энгръ стремится не къ чему иному, какъ къ возвращенiю искусства вспять на четыре столѣтiя: онъ хочетъ вернуть насъ къ его дѣтству, воскресить манеру Яна вана Эйка!" Не лучше были отзывы и о работахъ, выставленныхъ имъ въ салонахъ 1814 и 1819 гг.; Ландонъ, Кератри, *Journal de Paris* и даже самъ Бутаръ критиковали его за его упрямство съ все болѣе грозной строгостью: *Анжелика и Рожеръ* „возвращаютъ насъ къ дѣтству искусства" (они упрямо повторяли это слово); это было лишь „необъяснимое чудачество", подобное „инымъ современнымъ стихотворенiямъ, слогъ которыхъ, скорѣе глупый, чѣмъ наивный, свидѣтельствуетъ о стремленiи подражать тону и языку нашихъ старыхъ поэтовъ". Бутаръ, разозлившись, подымалъ на смѣхъ съ безпощадной иронiей „манiю" искать вдохновенiе „у *божественнаго* Мазаччiо, у *несравненнаго* Гирландайо" и т. д. Не было сомнѣнiя: Энгръ былъ уцѣлѣвшiй послѣдователь ненавистной секты *примитивовъ, бородачей, мыслителей,* которые одно время пытались поднять бунтъ въ самой мастерской Давида и ученiе которыхъ было нами выше изложено.

Былъ ли Энгръ прямо причастенъ этому движенiю и состоялъ ли онъ въ числѣ приверженцевъ Мориса Гюэ? Ничто не даетъ права это утверждать; но достаточно взглянуть на его произведенiя, на превосходныя работы его молодости, на всѣ картины и особенно на рисунки 1805—1806 гг. и слѣдующихъ лѣтъ, чтобы понять, какимъ образомъ молодой

художникъ заслужилъ эпитеты „готическаго" и „примитива", которыми правовѣрные критики хотѣли его уничтожить; не трудно догадаться, что его идеалъ красоты и искусства въ эту раннюю пору былъ—завѣдомо ли, или безсознательно—очень далекъ отъ идеала Давида и его учениковъ. О первыхъ годахъ его дѣятельнаго творчества, уже не ученичества, существуетъ много данныхъ. На страницахъ его дорожнаго альбома находимъ замѣтки, сдѣланныя въ Ассизи, въ Перуджіи, наброски съ Филиппо Липпи; онъ упоминаетъ, что долженъ провести „по меньшей мѣрѣ недѣлю въ Сполето", онъ покупаетъ небольшія картины школы Анжелико да Фіезоле. У него есть этюды доспѣховъ, которые обладаютъ рѣзкой отчетливостью, изящной трезвостью и лаконической твердостью рисунковъ Пизанелло... Достаточно взглянуть на *Красавицу Зелію* въ руанскомъ музеѣ, относящуюся къ 1808 г., на *Наполеона* во дворцѣ Инвалидовъ, той же эпохи и еще на чудесный рисунокъ, находяшійся теперь въ Луврѣ, *Семейство Форестье*, къ которымъ надо прибавить *Юпитера и Ѳетиду* (1811), въ экскомъ музеѣ—программную работу, присланную имъ изъ Рима,—его карандашные портреты г. Тэвенена, г. и г-жи Шовенъ (1814), г. и г-жи Кавендишъ (1816), г. Ало (1818), г-жи Бернаръ (1819), его прекрасный этюдъ для *Рожера и Анжелики* въ коллекціи Бонна, рисунокъ сепіей *Франческа да Римини*, любопытный рисунокъ перомъ и акварелью, представляющій самого художника спиной (и что эта за выразительная, коренастая, полная бѣшенства спина!) передъ его картиной *Ромулъ, побѣдитель Акрона*, со скрипкою, лежащей возлѣ него,—тогда можно составить себѣ представленіе о его манерѣ, возсоздать исторію его развитія въ теченіе долгихъ лѣтъ одиночества и подчасъ нужды, которыя онъ прожилъ въ Римѣ и во Флоренціи, вдали отъ родины, откуда до него доносилось лишь эхо тупоумныхъ критикъ,—погруженный въ свою мечту, замкнувшись въ ней отъ міра, и непоколебимый въ своемъ хотѣніи.

Конечно, никто не будетъ утверждать, что человѣкъ, передающій природу со страстнымъ и умѣлымъ прилежаніемъ, съ дѣвственнымъ пыломъ, образчикомъ котораго остается портретъ *Красавицы Зеліи*, застрялъ въ дебряхъ школьной каллиграфіи. Сознательно или нѣтъ, онъ подалъ тогда руку, и уже не какъ подражатель, а какъ равный, мастерамъ XV вѣка, умѣвшимъ такъ строго и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ тонко, такъ страстно и нервно опредѣлять форму и характеръ, — и именно этимъ колола ему глаза офиціальная критика. Возможно, что сюжетъ и даже движеніе *Юпитера и Ѳетиды* заимствованы съ какого-нибудь античнаго зеркала или вазы, но въ немъ чувствуется своего рода личный лиризмъ и какое-то упоеніе пластикой въ доведенномъ до послѣдней степени стилизаціи рисункѣ этой длинной шеи, этой руки богини, ласкающей и молящей, протянутой къ отцу боговъ. Въ этомъ почти насильственномъ преувеличеніи чувствуется экстазъ и какое-то чудное сладострастіе духа; быть можетъ, никогда онъ не высказалъ больше, чѣмъ въ этотъ періодъ, съ очевидностью настолько ясной и рѣзкой, какому идеалу, какой своеобразной грезѣ онъ повиновался, грезѣ, обаяніе и власть которой наполняютъ его жизнь и опредѣляютъ его творчество.

Энгру не суждено было создать ничего болѣе прекраснаго; онъ выразилъ тутъ всю сущность своего дарованія, все наиболѣе непосредственное, личное, дѣйствительно возвышенное; онъ примѣшаетъ сюда потомъ много теоріи, разсудочнаго догматизма, спорныхъ пристрастій, когда, чтобы дать отпоръ угрожающимъ успѣхамъ романтизма, послѣдніе хранители завѣтовъ Давида, испуганные и выбитые изъ занимаемыхъ ими позицій, разыщутъ

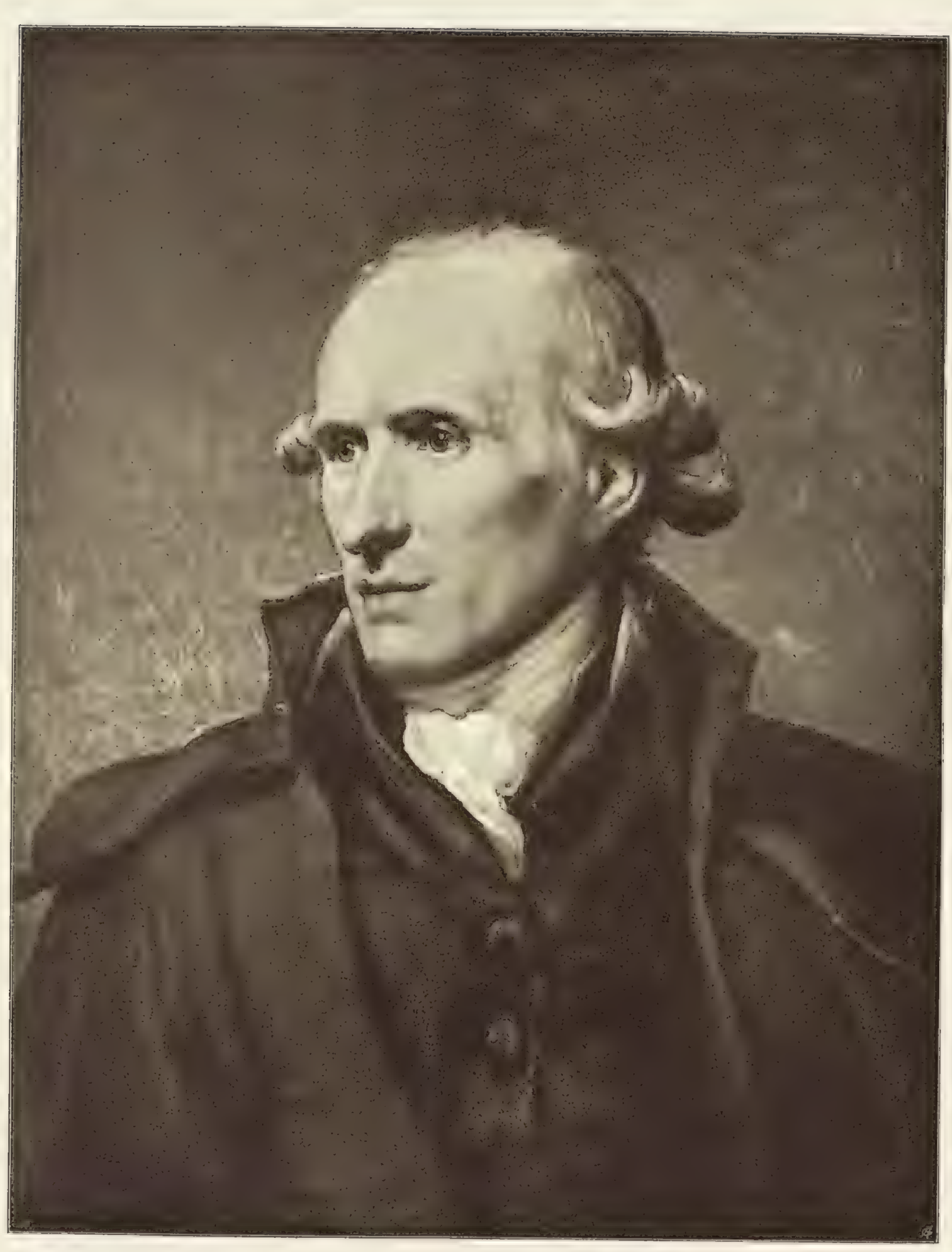
его въ Римѣ и сдѣлаютъ его вождемъ сопротивленія.

Позднѣе намъ придется досказать эту повѣсть и описать успѣшную борьбу современнаго пейзажа противъ пейзажа историческаго, преданію и заповѣдямъ котораго императорскій Институтъ взялся вернуть утраченную честь и подчинить учениковъ школы. Въ 1815 году всѣ главныя дѣйствующія лица новой школы въ искусствѣ, романтической и натуралистической, уже родились, нѣкоторыя даже собирались вступить въ борьбу.

II.—Искусство внѣ Франціи (1789—1815).

Италія.—Иностранные художники въ Римѣ. Канова.—Римъ во время классической реакціи больше, чѣмъ въ какую-либо другую эпоху, сталъ международной столицей искусства. Однако, онъ былъ скорѣе центромъ и всеобщимъ мѣстомъ сбора, нежели творческимъ очагомъ, такъ какъ римская почва была всегда художнически безплодна и кажется, какъ будто вѣчному городу было судьбой предписано вдохновлять чужихъ больше, нежели собственныхъ дѣтей. Сначала нѣмцы, Рафаэль Менгсъ, Винкельманъ, позже Карстенсъ, играли тамъ въ XVIII в. первую роль; ихъ смѣнили, начиная съ Давида, французы. Ни одно имя художника-итальянца не заслуживало бы стать рядомъ съ ними, если бы не появился Канова (1757—1822). Онъ былъ родомъ изъ самой сѣверной части полуострова, изъ Поссаньо (провинція Тревизо), гдѣ его семьѣ, искони жившей въ томъ краѣ, принадлежала одна изъ наиболѣе цѣнныхъ мѣстныхъ каменоломенъ. Въ 1779 г., послѣ долгаго пребыванія въ Венеціи, онъ прибылъ въ Римъ, гдѣ тогда, при папѣ Бенедиктѣ XIV, ученые, археологи и гуманисты были въ большой чести. Его *Тезей, побѣждающій Минотавра*, вслѣдъ за которымъ вскорѣ появилась другая группа, совершенно отличная по изображаемому чувству, *Амуръ и Психея*, обратили на него вниманіе, и его тотчасъ стали заваливать заказами, которые онъ исполнялъ съ невѣроятной легкостью. Мавзолей папы Климента XIV въ церкви святыхъ Апостоловъ, особенно же мавзолей Климента XIII въ соборѣ святого Петра въ Римѣ, довели его славу до апогея. Присматриваясь къ этимъ двумъ памятникамъ, съ ихъ аллегорическими фигурами, стоящими или колѣнопреклоненными около саркофага, надъ которымъ возвышается статуя прославляемаго покойника, убѣждаешься, что они точно слѣдуютъ традиціи знаменитыхъ театральныхъ надгробныхъ памятниковъ XVII и XVIII вѣковъ. Разница, или, если угодно, улучшеніе, состоитъ въ характерѣ исполненія, въ линіяхъ драпировокъ, способѣ передачи формъ: точно программа Бернини, исполненная искуснымъ мастеромъ, остепенившимся, раскаявшимся и охлажденнымъ. Вмѣсто того, чтобы усиливать разнузданностью и напыщенностью исполненія, развивающимися и крикливыми драпировками высокопарность и театральность замысла, Канова, почтительно преклоняясь передъ „античной“ дисциплиной, вноситъ въ линіи спокойствіе, сглаживаетъ и даже при нуждѣ крахмалитъ падающія складки одеждъ, пеплумовъ и тогъ, такъ что вещь производитъ впечатлѣніе какой-то сдержанной декламаціи.

Случайно при изготовленіи памятниковъ обоихъ папъ онъ долженъ былъ принимать въ разсчетъ дверь для внутренняго сообщенія, на косякахъ и перемычкахъ которой долженъ былъ располагаться памятникъ. Кажется, какъ будто это случайное обстоятельство навело его на самую прекрасную и оригинальную его мысль. Венеціанцы просили его соорудить Тиціану, могила котораго обозначалась тогда еще только простой плитой въ славной церкви Фрари, надгробный памятникъ, куда предполагалось торжественно пере-

Ф. П. С. Жераръ.

А. Канова.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

нести останки великаго художника. По этому случаю Канова придумалъ проектъ, дѣйствительно новый и поражающій. Онъ принялъ дверь, которая была ему навязана въ памятникахъ обоихъ папъ въ Римѣ, за самый центръ и какъ бы за тему своего новаго произведенія. Онъ растворилъ настежь у подножія огромной пирамиды обѣ половинки мрачной двери, ведущей въ гробницу, и съ обѣихъ сторонъ ея размѣстилъ вереницу траурныхъ фигуръ, медленно движущихся и задрапированныхъ въ длинныя одежды: между нихъ лежитъ одинъ изъ тѣхъ символическихъ львовъ, которыми такъ восхищались на мавзолеѣ Климента XIII.

Политическія событія, паденіе венеціанскаго правительства, не позволили Кановѣ осуществить этотъ проектъ; но, получивъ заказъ на памятникъ эрцгерцогини Христины въ Вѣнѣ, онъ вернулся къ той же мысли, нѣсколько видоизмѣнивъ ее въ частностяхъ. Онъ отправился въ Вѣну, чтобы лично руководить установкой всѣхъ фигуръ и чтобы сдѣлать на мѣстѣ послѣднія поправки. Оттуда онъ вернулся, осыпанный почестями герцогомъ Альбрехтомъ; отнынѣ его слава и вліяніе пріобрѣли по всей Европѣ неоспоримое господство. Ему было заказано множество монументальныхъ гробницъ, какъ-то: проектъ памятника Нельсону, мавзолей принца Оранскаго, маркизы Сентъ-Круа, кавалера Тренто, графа Сузы, адмирала Эмо; онъ работалъ въ Венеціи, Лиссабонѣ, Миланѣ, Виченцѣ, Падуѣ, равно какъ и въ Римѣ, гдѣ онъ изваялъ статую Пія VI, колѣнопреклоненнаго передъ входомъ въ усыпательницу ап. Петра. Всѣ эти работы не насыщали его жажды дѣятельности. Въ промежуткахъ онъ производилъ иконографическія и миѳологическія статуи, которымъ въ продолженіе полувѣка подражала вся европейская скульптура; таковы его: *Амуръ и Психея, Геба, Геркулесъ и Ликасъ, Терпсихора, Три Граціи, Танцовщицы, Венера и Адонисъ, Дамоксенъ и Крейгасъ, Тезей и Кентавръ, Аяксъ и Гекторъ, Персей, Кающаяся Магдалина* и т. д., и т. д.; какова бы ни была виртуозность таланта и, пожалуй, изобрѣтательность вымысла, ихъ изящество слишкомъ приторно и стиль слишкомъ условенъ. Если бы Канова не былъ такъ опутанъ эстетическими понятіями своего времени, его внутренній даръ, живой и роскошный, навѣрное свободнѣе развился бы въ произведеніяхъ болѣе выразительныхъ; какъ бы то ни было, академическое ваяніе не произвело ни болѣе крупнаго, ни болѣе знаменитаго образца.

Послѣ сраженія при Ватерлоо, Канова снова пріѣхалъ въ Парижъ—куда Наполеонъ два раза призывалъ его и гдѣ старался удержать, — чтобы потребовать назадъ отъ имени папы художественныя сокровища, которыя побѣдитель Италіи сосредоточилъ въ Луврѣ. Онъ былъ снова осыпанъ почестями, сдѣланъ маркизомъ Искіи; но онъ не позабылъ своей родной деревни и захотѣлъ посвятить ей храмъ, который былъ бы его послѣднимъ и лучшимъ твореніемъ. За этой работой и застигла его смерть.

Германія и сѣверныя государства. — Назареи. — Извѣстно, какую роль сыграли нѣмецкіе археологи во главѣ съ Винкельманомъ въ той классической реакціи, которая увлекла въ „страну красоты“ Карстенса, а за нимъ и Бонавентуру Женелли (1798—1868), котораго Гейзе називалъ „послѣднимъ кентавромъ“. Несмотря на все страстное стараніе и на весь искренній пылъ, вложенные въ произведенія этихъ молодыхъ людей, ихъ усилія остались тщетными и ихъ вліяніе на родное искусство оказалось отрицательнымъ. Присматриваясь къ нимъ ближе и вникая въ ихъ признанія, на которыя они не скупились, мы увидѣли бы, что въ сущности они тревожной душой стремились къ воплощенію той безмятежной красоты, мечта о которой ихъ неотступно преслѣдовала, и что въ своемъ желаніи

создать себѣ въ идеальномъ мірѣ убѣжище отъ угнетающей ихъ дѣйствительности они поистинѣ являлись духовными братьями будущихъ романтиковъ, которыхъ они предвозвѣщаютъ, и тѣхъ „Назареевъ", которые образуютъ отдѣльную отъ нихъ группу. Нѣмецкій классицизмъ въ концѣ-концовъ застылъ безповоротно въ бездушныхъ школьныхъ формулахъ; благородное увлеченіе Карстенса не пережило его; правда, „Друзья искусства" въ Веймарѣ попробовали было подъ покровительствомъ Гёте и при дѣятельномъ участіи Г. Г. Майера въ Цюрихѣ, дать новый толчокъ изученію древности, вызвать путемъ конкурсовъ (1790—1805) приливъ новыхъ произведеній, предлагая художникамъ поэмы Гомера, какъ живой источникъ вдохновенія; но эти старанія не привели къ большимъ результатамъ. Со свойственной нѣмцу тяжеловѣсной ироніей Кохъ говоритъ, что эта педагогика порождала теперь уже только „плоды безъ остроты и безъ силы, но сладкія,—мертворожденныя дѣтища евнуховъ, зачатыя въ состояніи тупого сомнамбулизма". Политическія условія становились къ тому же все болѣе и болѣе неблагопріятными. Война поглащала всѣ силы и все вниманіе общественной власти. Обѣдненіе казны и частныхъ лицъ все менѣе и менѣе позволяло разсчитывать на поощреніе со стороны любителей и на поддержку со стороны обѣднѣвшаго государства; наконецъ, не существовало никакого обмѣна мыслей, никакого общенія между художниками и публикой. Слова Шиллера были приложимы и къ тогдашнимъ молодымъ живописцамъ: „Намъ надо забыть свой вѣкъ, если мы хотимъ работать согласно съ нашими внутренними убѣжденіями". Художники работали для немногихъ друзей и для самихъ себя, и ихъ произведенія оставались совершенно неизвѣстны современникамъ.

Настало время, когда пламенныя и смутныя исканія современной души направили ее къ другимъ источникамъ. На Пасху 1793 г. Вакенрёдеръ и Тикъ предприняли путешествіе по Германіи съ цѣлью новыхъ открытій; они бродятъ по церквамъ и кладбищамъ, мечтаютъ у гробницъ Альбрехта Дюрера и Петера Фишера, и во вновь обрѣтенномъ искусствѣ стараго Нюрнберга они предчувствуютъ, видятъ „кишащую жизнью школу" (lebendig wimmelnde Schule), въ которой должно обновиться одряхлѣвшее искусство ихъ родины. Немного времени спустя, Вальраффъ собираетъ произведенія старой кёльнской школы и готовитъ аргументы и примѣры для романтизма, который онъ предвозвѣщаетъ. *Сердечныя изліянія любящаго искусство монаха* (Herzensergiessungen eines kunstliebenden Klosterbruders), изданныя Вакенрёдеромъ въ 1797 г., вскорѣ становятся настольной книгой многихъ молодыхъ художниковъ.

Однако жъ, не къ національному источнику обратились вначалѣ лучшіе художники Германіи; новые паломники направляютъ свои стопы все въ тотъ же священный городъ, *nach Rom*. Они не ищутъ здѣсь, подобно классикамъ, слѣдовъ древняго искусства и не хотятъ оживлять умирающую религію олимпійскихъ боговъ; они идутъ въ христіанскій Римъ, въ Римъ катакомбъ и монастырей, за братскимъ совѣтомъ и благоговѣйнымъ вдохновеніемъ. Въ 1810 г. въ заброшенныхъ стѣнахъ монастыря Санъ-Изидоро, на Монте-Пинчіо, четверо молодыхъ людей, исключенныхъ изъ Вѣнской академіи за еретичество, основали союзъ. То были Фридрихъ Овербекъ (1789 — 1869), Францъ Пфорръ, Лудвигъ Фогель и Геттингеръ. Къ ихъ союзу для бесѣды и работы примкнули вскорѣ и другіе, изъ которыхъ самымъ крупнымъ былъ Петръ Корнеліусъ. Жизнь этихъ молодыхъ людей, отличавшаяся монастырскимъ воздержаніемъ и правильностью, протекала въ посѣщеніи соборовъ и церквей и въ чисто-личной работѣ; но всего больше сердце ихъ прониклось тре-

петомъ, когда, путешествуя по Тосканѣ, они узнали Дуччіо изъ Сіенны, Фра Анжелико изъ Фіезоле и Беноццо Гоцолли. Въ своемъ чистосердечномъ увлеченіи они полагали, что нашли своихъ настоящихъ учителей, хотя они вовсе не понимали ихъ уроковъ. Ихъ товарищи дали имъ въ насмѣшку кличку „Назареевъ" (слово прерафаэлиты еще не было выдумано). По крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, Корнеліусъ, вернулся изъ своего путешествія съ широкими замыслами. Тогда какъ назареи всецѣло посвящали себя тому христіанскому искусству, которое открылось ихъ неподготовленному взору въ итальянской живописи эпохи *кватроченто*, его мечтой стало „создать заново нѣмецкое искусство и направить его къ цѣли, достойной новой эпохи и духа народа, а какъ неминуемое средство къ этому—возродить фресковую живопись, какъ она существовала въ Италіи отъ великаго Джіотто до божественнаго Рафаэля". Онъ задумалъ воспроизвести въ этой монументальной, эпической и символической формѣ всѣ легендарныя преданія народнаго прошлаго, начиная съ *Нибелунговъ*. „У насъ голова полна поэзіи, а мы ничего не можемъ сдѣлать", воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, и въ самомъ дѣлѣ его живопись была далеко ниже его поэзіи... Но тѣ художники—архитекторы, живописцы и скульпторы, — талантъ которыхъ складывался въ это время, развернутъ свои силы преимущественно въ слѣдующемъ періодѣ. Корнеліусъ дожилъ до 1867 г., Шинкель — до 1844 г., Лео Кленце — до 1864 г., Христіанъ Раухъ—до 1857 г.; о ихъ произведеніяхъ умѣстнѣе будетъ сказать въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Въ сѣверныхъ государствахъ насажденіе южнаго классицизма, хотя и запоздавшее, носило не менѣе общій характеръ. Археологи, ученые, а за ними художники, старались совѣстливымъ и упорнымъ размышленіемъ усвоить формы и духъ, противорѣчащіе всѣмъ преданіямъ ихъ племени. И Данія, которой скульпторъ Видевельтъ, другъ и ученикъ Винкельмана, поддерживавшій съ нимъ переписку, привилъ убѣжденія своего учителя, привѣтствовала съ патріотическимъ восторгомъ въ Бертелѣ Торвальдсенѣ (1770 — 1844) великаго ваятеля, котораго между тѣмъ весьма трудно было бы назвать „національнымъ". Живописецъ Абильдгаардъ (1741 — 1809), имѣвшій на датскихъ художниковъ большое вліяніе и написавшій много картинъ изъ всеобщей исторіи (weltgeschichtliche Bilder) въ безличномъ и холодномъ стилѣ, которыя нашли себѣ продолжателей въ школѣ Корнеліуса, былъ первымъ руководителемъ и наставникомъ Бертеля Торвальдсена. Несмотря на всѣ награды, полученныя имъ въ академіи искусствъ въ Копенгагенѣ, Торвальдсенъ считалъ моментомъ своего вступленія на художественное поприще день своего прибытія въ Римъ. „Я родился,—пишетъ онъ, — 8 марта 1797 г.; до тѣхъ поръ я не существовалъ". Римъ былъ его настоящей родиной. Онъ провелъ въ немъ бо́льшую часть своей жизни и наѣзжалъ въ отечество лишь на короткіе сроки. Въ Римѣ онъ исполнилъ свои главныя работы, изъ которыхъ важнѣйшія, относящіяся ко времени послѣ 1815 г., мы назовемъ и разсмотримъ на своемъ мѣстѣ, въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ.

Шведъ І. Т. Сергель (1736 — 1813) и его ученикъ І. Н. Бистромъ (1783—1846) были его вѣрными послѣдователями.

Англія. Англійскій академизмъ. Портретисты и пейзажисты.—Англія тоже думала, что обрѣла въ Джонѣ Флаксманѣ (1755—1828) великаго скульптора, на что впрочемъ ея прошлое не давало ей права надѣяться. Флаксманъ, какъ и Торвальдсенъ, былъ довольно искусственнымъ продуктомъ той интенсивной археологической культуры, которая стремилась тогда подчинить себѣ живое искусство такъ же, какъ и науку. Возстановленіе *щита Ахиллеса* согласно тексту Иліады привело въ

восторгъ англійскихъ гуманистовъ; теперь оно представляетъ собою лишь документъ изъ исторіи безполезнаго академизма. Надгробный памятникъ лорду Мансфильду въ Вестминстерѣ, а также женѣ сэра Франсиса Бэринга и адмираламъ Гоу и Нельсону въ соборѣ св. Павла въ Лондонѣ — холодныя и надуманныя произведенія. Какъ рисовальщикъ, Флаксманъ тоже пользуется очень большой извѣстностью. Давъ серію иллюстрацій къ Гомеру и Эсхилу, онъ затѣмъ посвятилъ себя Данту, а въ послѣдніе годы своей жизни — исключительно религіознымъ сюжетамъ.

Подобно скульптурѣ, „историческая живопись" не могла найти себѣ въ Англіи благопріятной почвы. Классическое нашествіе здѣсь въ сущности лишь скользнуло по поверхности доморощенной живописи. Правда, художники стали ѣздить въ Италію въ поискахъ за „стилемъ": Джемсъ Барри (1771—1806), съ своими тщетными и безпокойными притязаніями на величіе, можетъ быть признанъ наиболѣе яркимъ представителемъ этой группы и свидѣтелемъ ея конечнаго безсилія. Дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ попытокъ изображать древній міръ, англійскіе живописцы всѣ вернулись къ работамъ на сюжеты изъ національной исторіи и изъ современныхъ нравовъ, литературное и моральное содержаніе которыхъ отвѣчало глубокой потребности ихъ публики. Бенджаминъ Уэстъ (1738—1820), Джонъ Опай (1761 — 1807), Джонъ-Синглътонъ Коплей (1737 — 1816), оба родомъ изъ Сѣверной Америки и поселившіеся въ Англіи; Джемсъ Норскотъ (1746—1831), Томасъ Стотгардъ (1755—1834) и послѣ нихъ въ особенности семья Уильки (1781—1841), Мёльрэдей (1786—1863), У. Коллинзъ (1788 — 1849), Р. Лесли (1794—1859) дали Англіи тотъ анекдотическій и сантиментальный жанръ, который былъ ей наиболѣе понятенъ.

Но англійская школа проявила свою большую оригинальность и заслужила дѣйствительную славу въ области портрета и пейзажа. Послѣ Рейнольдса и Гэнсборо національное преданіе продолжалось въ лицѣ прелестнаго, тонкаго, неровнаго и манернаго, но часто превосходнаго Томаса Лоренса (1769 — 1830), Джорджа Ромней (1734 — 1802), Генри Рэбёрна (1755—1823); каждый изъ нихъ на свой ладъ, кто изящно, кто сильно, передавалъ индивидуальныя черты и характерное сходство своихъ современниковъ. Англійскій пейзажъ, въ лицѣ Гэнсборо со славой проложившій путь современному искусству, обогатился сочными произведеніями Г. Морланда, скорѣе анималиста, чѣмъ пейзажиста (1763—1804), особенно же Джона Крома старшаго (Old Crome) (1769—1821), писавшаго сильно, искренно и съ любовью старые дубы въ Норфокширѣ, его сына Т. Бёрнэ Крома (1792—1842) и его ученика Роберта Ладбрука (умершаго въ 1842 г.). Вскорѣ очаровательный, хотя и второстепенный живописецъ, наполовину французъ, Джонъ Парксъ Бонингтонъ (1801—1828), и два большихъ художника, очень различныхъ, Джонъ Констабль (1766—1837) и У. Тёрнеръ (1775—1851), показали міру первые образцы живописи на открытомъ воздухѣ — плэнъ-эръ — образцы передачи самыхъ неуловимыхъ измѣненій и самыхъ волшебныхъ превращеній свѣта. Но ихъ творчество такъ тѣсно связано съ самой сущностью современнаго намъ искусства, что ознакомленіе съ ними удобнѣе отнести къ слѣдующему періоду.

Рядомъ съ названными художниками акварелисты тоже основали, въ концѣ XVIII и въ первые годы XIX вѣка, школу, которую иногда слишкомъ превозносили, но которая тѣмъ не менѣе и своеобразна, и интересна. „Water-colours Society" (Общество акварелистовъ), основанное въ 1804 г., сыграло замѣтную роль въ современномъ искусствѣ.

Донъ Франсиско Гойа. — Испанское искусство этого періода не заслуживало бы

мѣста во всеобщей исторіи, если бы среди шаблонныхъ и незначительныхъ художниковъ, каковы донъ Франсиско Байе-и-Субіасъ (1734 — 1795) и донъ Маріано Сальвадоръ Маэлья (1779—1819), не появился вдругъ художникъ, выдающійся по оригинальности. Донъ Франсиско Гойа-и-Луціантесъ (1745 — 1828), какъ и всѣ его современники, посѣтилъ Римъ, но онъ не остался тамъ. Сначала онъ писалъ фрески и запрестольные образа въ церквахъ, сочинялъ картоны для ковровыхъ фабрикъ; затѣмъ онъ нашелъ въ реалистическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фантастическомъ изображеніи народной жизни неистощимую пищу для своего таланта, отличительными признаками котораго были суровая и насквозь пронизывающая наблюдательность, пристрастіе къ горячимъ краскамъ и движенію, обиліе и яркость видѣній и страшныхъ грезъ. Аквафортистъ въ немъ не уступаетъ живописцу; серіи его офортовъ: *Капризы*, *Бой быковъ*, *Пословицы*, *Бѣдствія войны*, *Фантастическіе пейзажи*, *Плѣнные* и т. д., принадлежатъ къ наиболѣе личнымъ и наиболѣе современнымъ произведеніямъ искусства. Можно сказать, что въ лицѣ этого художника романтизмъ и реализмъ вмѣстѣ вторглись въ исторію искусства.

III. Музыка.

Послѣднее десятилѣтіе XVIII-го вѣка является какъ бы первичною, подготовительной фазою одной изъ наиболѣе блестящихъ эпохъ въ исторіи французской музыки. Имена, впервые появляющіяся въ это время, еще болѣе выдвигаются и становятся знаменитыми въ XIX вѣкѣ; за первыми, „дебютными“ композиціями слѣдуютъ произведенія капитальныя, главныя, изъ коихъ нѣкоторыя являются прямо шедеврами. Вліяніе итальянцевъ не измѣнило—какъ это случилось позднѣе—стиля французскихъ композиторовъ; наоборотъ, эти послѣдніе наложили даже свою печать на зарубежныхъ собратьевъ, и можно сказать, что періодъ отъ 1800 до 1815 г. былъ временемъ героическаго расцвѣта чисто французской музыки.

Впрочемъ, музыка не есть искусство совершенно обособленное и независимое; нельзя писать ея исторію, не бросивъ взгляда на остальныя отрасли искусства и литературу. Достаточно вспомнить имя художника Давида; стоитъ сравнить съ этимъ великимъ артистомъ такихъ музыкантовъ той эпохи, какъ Мегюль, Керубини, Лесюеръ или Спонтини, чтобы увидѣть, сколько аналогій и,—такъ сказать,—фамильнаго сходства между этими различными фигурами. Но литература вліяла на французскую музыку еще сильнѣе, чѣмъ живопись. Уже задолго до этого времени вкусъ публики былъ направленъ въ сторону старинной національной поэзіи труверовъ и трубадуровъ. Въ серединѣ XVIII в. Лабордъ отыскалъ старинныя пѣсни и, какъ могъ, издалъ ихъ въ переводѣ на современную нотацію; Ренуаръ напечаталъ *Les contes et fabliaux*, Меонъ—*le Roman de la Rose*. Музыканты примкнули къ движенію, и эти новыя тенденціи вызвали къ жизни шедевръ Гретри—*Richard Coeur de Lion* (*Ричардъ Львиное-Сердце*). Всю первую четверть XIX вѣка французскіе композиторы культивировали этотъ *трубадурный* жанръ, въ которомъ есть кое-что смѣшное, но зато и столько привлекательнаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не падалъ интересъ къ древнимъ грекамъ и римлянамъ, которымъ отмѣченъ конецъ XVIII вѣка. Вслѣдъ за Андре Шенье музыканты привлечены были прелестью поэзіи эллиновъ; существуетъ изданіе Анакреона, гдѣ многія оды въ греческомъ оригиналѣ положены на музыку Мегюлемъ и Керубини. Лезюеръ писалъ—или думалъ, что пишетъ—пьесы въ „гиподорійскомъ“ ладѣ. Позднѣе эти утонченные вкусы измѣнились; искусство временъ Имперіи стало

болѣе помпезнымъ и велерѣчивымъ; тѣ, кто такъ недавно были греками, сдѣлались римлянами. И, какъ мы увидимъ, „Весталка“ явилась въ музыкѣ лучшей представительницей этого стиля.

Наконецъ, можетъ быть впервые, французы оглянулись вокругъ и серьезно занялись литературами другихъ народовъ. Музыканты читали Шекспира въ переводѣ и онъ трогалъ ихъ; они набросились на Гёте, но еще больше, чѣмъ эти два великихъ генія, захватывалъ ихъ Оссіанъ. Извѣстна продѣлка Макферсона, извѣстна также репутація, которую сумѣлъ создать себѣ Бауръ - Лорміанъ, переведя его поэму на французскій языкъ. Подлинная или поддѣльная—поэма эта поразила воображеніе французскихъ композиторовъ; среди нихъ не было ни одного, который не считалъ бы себя бардомъ, вызывающимъ звуки изъ ста арфъ Сельмы въ Фингаловой пещерѣ.

Но не одни стихи вдохновляли композиторовъ; не мало сюжетовъ дали послѣднимъ также тогдашніе сентиментальные романъ и драма, изобилующая мрачными, страшными приключеніями. *Euphrosine et Conradin* Мегюля, *Elisa* Керубини, *La Coverne* Лесюера — настоящія мелодрамы. Но въ особенной модѣ былъ слащаво-сентиментальный романъ Бернардена Сенъ-Пьера *Paul et Virginie* (*Поль и Виргинія*),—и на протяженіе десяти лѣтъ мы видимъ не менѣе трехъ партитуръ, вызванныхъ къ жизни этимъ знаменитымъ произведеніемъ.

Но какъ ни тяготѣли музыканты къ литературѣ—что очень характерно для искусства той эпохи—они оставались всегда музыкантами и, какъ таковые, примыкали къ традиціямъ мастеровъ прошлаго времени. Въ области оперы Мегюлю удается возсоздать мужественное вдохновеніе Глюка и такихъ его учениковъ, какъ Сальери; въ болѣе легкомъ жанрѣ комической оперы Гретри и Монсиньи являются родоначальниками школы, которая съ Буальдье и Николо перешла въ XIX вѣкъ и въ лицѣ Обера сохранилась почти до нашихъ дней. Съ другой стороны, для Франціи не прошелъ безслѣдно пышный ростъ музыки въ Германіи, выдвинувшей Гайдна и Моцарта. *Свадьба Фигаро* Моцарта поставлена была на сценѣ Большой оперы въ 1793 г., *Волшебная флейта* его же (подъ именемъ *Mysteres d'Isis*,) въ 1801, наконецъ *Донъ-Жуанъ* въ 1805 г. Симфоніи Гайдна неоднократно игрались въ парижскихъ концертахъ еще до 1801 г., когда его *Сотвореніе міра* впервые исполнено было въ Большой оперѣ. Правда, эти прекрасныя произведенія были переиначены и даже искажены передѣлками, но все же музыканты слушали ихъ и слушали съ пользой.

Вотъ каковы элементы, изъ коихъ слагалась музыка этого періода. Къ нимъ, конечно, надо прибавить еще одинъ—и очень важный: самый талантъ композиторовъ. Этихъ послѣднихъ,—надо признаться,—сравнивая съ Керубини, нельзя назвать мастерами письма: ихъ контрапунктъ слабъ, гармонія искусна, но недостаточно разнообразна, инструментовка тяжела; но мелодическое ихъ чувство порой тонко развито, рисунокъ фразы благороденъ и изященъ. Драматическіе акценты у нихъ проникнуты чувствомъ, правдивы, трогательны; они прежде всего искренни въ своей музыкѣ, пылко стремясь къ правдѣ выраженія и къ вѣрной передачѣ драматической ситуаціи.

Опера - трагедія (La tragédie lyrique, „серьезная“ опера).—Съ 1799 года на сценѣ Большой оперы появляется Мегюль, уже раньше извѣстный по своимъ блестящимъ успѣхамъ; его *Adrien* отмѣчаетъ собой начало новой эпохи. Впрочемъ, разъ мы хотимъ дать точную оцѣнку тогдашнему французскому оперному творчеству, мы не должны ограничивать поле зрѣнія однимъ этимъ театромъ. Оперные спектакли ставились и на дру-

гихъ сценахъ, кромѣ Большой оперы, и именно на одной изъ такихъ сценъ впервые увидѣло свѣтъ геніальнѣйшее созданіе этой эпохи — *Іосифъ* (1807), и до нашихъ дней сохранившій значеніе шедевра, типа. Это онъ создалъ Мегюлю славу первокласснаго мастера. Вдохновеніе композитора привлекаетъ здѣсь чистотой и благородствомъ, чувства выражены правдиво и глубоко, краски отличаются невѣроятной дотолѣ силой. Въ *Бардахъ* и *Весталкѣ*, которыхъ мы сейчасъ коснемся, сильнѣе выраженъ элементъ эпическій, въ собственномъ значеніи слова; но ничто не можетъ превзойти величія и мужественной простоты партитуры *Іосифа*.

Барды или *Оссіанъ* (1804) Лесюера и *Весталка* Спонтини являются уже, собственно говоря, двумя великими операми эпохи Имперіи, печать которой лежитъ на нихъ. Въ стилѣ обоихъ произведеній много ширины, помпезности (въ наше время его назвали бы декоративнымъ), но въ то же время и чего-то декламаторскаго; это—именно стиль, характерный въ эпоху Имперіи и для живописи, и для поэзіи, и для театра. Но на этомъ сходство и кончается. Въ *Весталкѣ* Спонтини (1774—1831) есть страсть, теплота, нѣжность; но въ то же время у него чувствуется чисто итальянская склонность къ эффектамъ звучности и ритма, къ расширенію сценъ въ ущербъ драматическому дѣйствію, къ многословію, къ формуламъ и шуму вмѣсто „музыки". Наоборотъ, Лесюеръ (1760—1837) въ *Бардахъ* сдержанъ и сжатъ; и если ужъ надо отмѣтить его недостатокъ, то это скорѣе нѣкоторая сухость, которая однако не мѣшаетъ *Бардамъ* быть оперой сердечной прежде всего. Лесюеръ— одинъ изъ тѣхъ композиторовъ, которые считаютъ, что для достиженія необходимаго эффекта достаточно и одного удара, лишь бы ударъ этотъ былъ сдѣланъ умѣло. И его ударъ падаетъ дѣйствительно во-время. Ему также свойственна грація, но это грація мужественная, никогда не впадающая въ изнѣженность. Про его музыку нельзя сказать, что это— Глюкъ или Моцартъ; это — именно Лесюеръ. Къ ней меньше трогательности, но больше лиризма, чѣмъ у Мегюля; меньше ученаго мастерства, чѣмъ у Керубини; меньше краснорѣчія, но больше живописности, чѣмъ у Спонтини. Всѣхъ этихъ знаменитыхъ своихъ современниковъ Лесюеръ превосходитъ шириною замысла, живостью и смѣлостью воображенія. Кромѣ того, онъ—еще новаторъ, какъ и его ученикъ, Берліозъ; это—умъ любознательный, хотя порой и склонный къ преувеличеніямъ, какъ это доказываютъ *la Mort d'Adam* (1802) и *Télémaque*. Примѣчанія автора къ этимъ сочиненіямъ свидѣтельствуютъ о его недостаточно зрѣлой ученой эрудиціи, но всегда отличаются поэтическимъ полетомъ мысли. Въ блестящій періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, Спонтини и Лесюеръ занимаютъ исключительное мѣсто; въ нихъ обоихъ музыкально воплотилась эпоха имперіи, и если итальянскаго автора римской трагедіи *Весталка* можно назвать послѣднимъ представителемъ старой классической школы, то французскій композиторъ, создавшій оссіановскую оперу *Барды*, является, конечно, первымъ представителемъ новой школы, первымъ романтикомъ.

Мы не станемъ перечислять всѣхъ сочиненій, исполненныхъ на сценѣ Большой оперы съ 1800 по 1815 годъ. Назовемъ только самыя интересныя и особенно заслуживающія вниманія среди нихъ; таковы *Sémiramis* (1802) и *les Bayadères* (1810) Кателя, *Anacréon* (1803) и *Abencérages* (1813) Керубини, *le Triomphe de Trajan* (*Тріумфъ Траяна*, 1807) Персюи и Лесюера—опера, одно заглавіе которой указываетъ на ея офиціальное значеніе, и, наконецъ, имѣвшая большой успѣхъ опера Спонтини *Fernand Cortez* (1808).

Опера-драма и опера-комедія (Le drame et la comédie en musique—„комическая" опера). Революція оказала огромную услугу музыкантамъ, провозгласивъ свободу театровъ. Правда, Большая опера осталась главною французской оперной сценой; но многочисленные новые театры открывали широкое поле дѣятельности для композиторовъ, которымъ послѣдніе энергично и воспользовались. Для одного только жанра комической оперы имѣлись двѣ большія залы: театръ Фавара (Favart) и театръ Фейдо (Feydeau), что вызвало въ этой области въ высшей степени плодотворную конкуренцію. Доходило даже до того, что два композитора создавали одновременно оперы на одинъ и тотъ же сюжетъ; такъ *la Caverne* Лесюера ставилась въ театрѣ Фавара въ то самое время, какъ одноименная опера Мегюля шла въ театрѣ Фейдо. Для исторіи—это незначительный фактъ, но неоспоримо, что свобода театровъ дала могучій толчокъ французской школѣ въ началѣ XIX вѣка. Когда Имперія позднѣе уничтожила эту свободу и закрыла множество оперныхъ и иныхъ театровъ, толчокъ былъ уже данъ и дѣйствіе его нельзя было уничтожить. Композиторы, дебютировавшіе въ послѣднее десятилѣтіе XVIII в., въ это время достигаютъ полной зрѣлости; появляются и новые таланты.

Достаточно назвать здѣсь нѣсколько произведеній Мегюля, Керубини и Лесюера этой эпохи. *La Caverne* и *Paul et Virginie* Лезюера были уже упомянуты. Кромѣ *Іосифа* Мегюля, надо назвать еще его оссіановскую оперу *Uthal* (1806). Композиторъ этотъ доказалъ, что дарованіе его достаточно тонко и для болѣе легкаго жанра. Его опера *L'irato* (1801) является истиннымъ шедевромъ французскаго духа, хотя и давалась въ качествѣ пародіи на итальянскій жанръ; увертюра къ *Deux aveugles de Tolède* (*Двое слѣпыхъ*, 1806) и понынѣ слушается съ большимъ удовольствіемъ.

Опера Керубини *Les Deux journés* [1]) (1800), открывшая собой новое столѣтіе,—одно изъ его лучшихъ произведеній. Вслѣдствіе явнаго нерасположенія со стороны Наполеона, Керубини вскорѣ почти пересталъ писать для театра; но зато онъ обратился къ церковной музыкѣ и въ этой области создалъ произведенія, создавшія ему имя безспорно одного изъ лучшихъ французскихъ духовныхъ композиторовъ.

Вслѣдъ за этими тремя крупными музыкантами надо упомянуть еще о школѣ жанра менѣе значительнаго, но все же выразительнаго и привлекательнаго. Во главѣ этой школы слѣдуетъ поставить Бертона (Анри Монтана). Композитора этого уже знали по его милымъ комическимъ операмъ, когда въ 1799 году одна за другой поставлены были его *Montano et Stéphanie* и *le Délire*. *Le Délire*—мрачная драма, текстъ которой заслоняетъ въ высшей степени замѣчательную музыку. Сюжетъ *Montano et Stéphanie* заимствованъ одновременно изъ *Ariodant*'а и изъ *Много шума изъ ничего* Шекспира. Музыка полна здѣсь огня, а финалъ второго акта отличается высокой драматической силой. *Aline, reine de Golconde* (Алина, царица голкондская, 1803) доказала гибкость таланта Бертона: среди картинъ Востока мы находимъ здѣсь актъ съ совершенно провансальскимъ колоритомъ; опера эта осталась однимъ изъ лучшихъ произведеній композитора. Слѣдуетъ отмѣтить также, что Бертонъ былъ однимъ изъ первыхъ французовъ, стремившихся подражать стилю нѣмцевъ и въ частности Моцарта.

Прежде чѣмъ именемъ Буальдье заключить этотъ періодъ (до 1815 г.), слѣдуетъ еще назвать Николо Изуара (Николó), поколебавшаго успѣхи наиболѣе знаменитыхъ своихъ современниковъ.

---

[1]) Въ Россіи ставилась подъ именемъ „Водовозъ".

Николо́ родился въ 1775 г. и особенно блисталъ въ 1800—1814 годахъ; въ 1810 шла впервые его *Cendrillon*, въ 1814 *Jeannot et Colin*, наконецъ *Joconde*. Какъ музыкантъ, онъ слабъ, недостаточно гибокъ; это—трубадуръ par excellence. Но среди его смѣшныхъ и небрежныхъ импровизацій попадаются эпизоды силы вдохновенія почти геніальной. Романсъ изъ *Joconde* и доселѣ пользуется извѣстностью, а арія изъ *Jeannot et Colin*—одна изъ наиболѣе выразительныхъ во французской музыкѣ, выразительной по преимуществу. Рядомъ съ Николо́ надо назвать Родольфа Крейцера и среди „малыхъ" мастеровъ—Далейрака. Послѣдній—собственно наслѣдникъ Гретри и Монсиньи, но относится также къ этой эпохѣ, ибо въ это время были поставлены его лучшія оперы: *Adolphe et Clara* (1799), *Fèlix* (1799), *Maison à vendre* (1800) и *Gulistan* (1805).

Мы не станемъ перечислять всѣхъ оперныхъ композиторовъ, которымъ апплодировали во Франціи въ началѣ вѣка. Достаточно упомянуть о Гаво, Делла Марія, а также объ иностранцахъ, которые сумѣли выдвинуться и во Франціи; таковы: итальянецъ Паэръ, изъ сочиненій коего особенно прославились *Camilla* (1801), а также *Maitre de chapelle*—опера и понынѣ не сошедшая со сцены; нѣмецъ Мартини (Щварцендорфъ), авторъ милой оперы *Plaisir d'amour*; Штейбельтъ, авторъ нѣкогда знаменитой *Roméo et Jouliette*.

Вѣнцомъ этого блестящаго періода является Адріанъ Буальдье, одинъ изъ тѣхъ мастеровъ французской музыки начала вѣка, которые придали ей больше всего славы. Шедевръ Буальдье *la Dame blanche* (*Бѣлая Дама*) относится, правда, уже къ эпохѣ послѣдующей (1825), но его *Calife de Bagdad* шелъ впервые въ 1801 году, *Ma tante Aurors*—въ 1803 г. и *Jean de Paris*—въ 1812 (*Жанъ Парижскій*, театръ Фейдо); его можно включить поэтому въ число великихъ мастеровъ эпохи Имперіи. Конечно, намъ придется еще вернуться къ этому композитору, являющемуся, такъ сказать, посредствующимъ звеномъ между музыкой XVIII в. и нашей современной комической оперой; но уже теперь мы не можемъ не отмѣтить въ его лицѣ одного изъ наиболѣе граціозныхъ, тонкихъ, привлекательныхъ—словомъ, французскихъ—композиторовъ той школы, краткую исторію которой мы только что набросали.

Глава XI.

Состоянiе наукъ въ Европѣ.

1789—1814.

Реформа научнаго образованiя. Политехническая школа. Нормальная школа.—Въ эпоху революцiи на ряду съ программами политическихъ и соцiальныхъ реформъ былъ поставленъ на очередь и вопросъ о реформѣ въ области народнаго просвѣщенiя. Обветшалыя учрежденiя стараго режима надо было замѣнить школами, построенными на демократическихъ началахъ и болѣе соотвѣтствующими потребностямъ момента. Теоретическая разработка этой проблемы поручена была Нацiональнымъ собранiемъ и Конвентомъ особымъ комитетамъ народнаго образованiя, а позже, по предложенiю Робеспьера, спецiальной комиссiи по народному образованiю. Изъ всѣхъ разработанныхъ ими и нѣкоторыми отдѣльными лицами плановъ получилъ примѣненiе планъ Кондорсэ, по идеѣ котораго Конвентъ учредилъ между прочимъ: *Политехническую школу* для подготовки гражданскихъ и военныхъ инженеровъ; *Нормальную школу* для подготовки ученыхъ преподавателей высшихъ наукъ, получавшихъ вмѣстѣ съ теоретическими свѣдѣнiями политическое воспитанiе въ республиканскомъ духѣ; *Медицинскiя школы*; наконецъ, *Институтъ*, состоявшiй изъ трехъ секцiй: физико-математической, морально-политической и литературно-художественной,—учрежденiе, долженствовавшее замѣнить аристократическую Академiю и представлявшее собой нѣчто въ родѣ „парламента литературной республики“, въ цѣляхъ постояннаго общенiя между науками и искусствами.

Реформа преподаванiя словесныхъ наукъ, преобладавшихъ во французскихъ университетахъ, началась лишь въ 1808 году. Преподаванiе точныхъ наукъ, напротивъ, было совершенно реорганизовано на новыхъ началахъ уже въ 1795 году. Такимъ образомъ точныя науки не только заняли подобающее имъ мѣсто въ ряду предметовъ преподаванiя во Францiи, соотвѣтственно прогрессу знанiя и его практическимъ заслугамъ, но и самый методъ ихъ преподаванiя претерпѣлъ существенное измѣненiе. Привлечь отборную молодежь къ конкурсу перспективой виднаго положенiя, не намѣчая, однако, заранѣе предстоящей карьеры, сообщить ей устами прославленныхъ ученыхъ высшiя теоретическiя знанiя и сдѣлать это въ возможно кратчайшiй срокъ—такова была задача новыхъ учрежденiй, съ успѣхомъ выполненная. Другiя нацiи, можетъ быть, и не переняли этого принципа коренной централизацiи наукъ, но,

во всякомъ случаѣ, онѣ заимствовали у Францiи новые методы преподаванiя, болѣе быстрые и болѣе дѣйствительные. Равнымъ образомъ и самое преподаванiе было поручено лицамъ, наиболѣе способнымъ двигать науку.

До тѣхъ поръ ученые, въ тѣсномъ смыслѣ слова, занимались преподаванiемъ наукъ лишь тогда, когда это отвѣчало ихъ вкусамъ. Учреждавшiяся отдѣльно отъ университетовъ академiи отводили мало мѣста профессорамъ; пенсiи, которыми пользовались члены академiй, по размѣрамъ своимъ вполнѣ удовлетворяли лицъ, не имѣвшихъ личнаго состоянiя, но прославившихъ родину своими учеными трудами. Все это перемѣнилось. Преподавательскiй персоналъ получилъ новую организацiю; всякая знаменитость, появлявшаяся внѣ его сферы, въ концѣ-концовъ вступала въ составъ профессоровъ, и вскорѣ ученый не-профессоръ сдѣлался исключенiемъ.

Невыгодныя стороны такой системы въ теорiи очевидны, но на практикѣ онѣ обнаружились лишь въ послѣднее время. Съ одной стороны, была необходима реформа прежнихъ методовъ преподаванiя, сильно устарѣвшихъ къ концу XVIII вѣка, и революцiя немедленно дала прекрасные результаты въ этомъ смыслѣ. Съ другой стороны, революцiя способствовала дѣятельной популяризацiи высшихъ наукъ въ средѣ, которая умѣла ихъ переварить; число научныхъ профессiй значительно возросло, и такимъ образомъ, съ точки зрѣнiя интересовъ общества, была возмѣщена потеря времени, отнимавшагося у знаменитостей обязанностью вести преподаванiе и производить экзамены.

Система централизацiи, введенная въ Политехнической школѣ и вслѣдъ затѣмъ принятая во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ Францiи, соотвѣтствуетъ извѣстной чертѣ нацiональнаго духа французовъ и, такъ или иначе, вошла въ ихъ нравы. Опасность этой системы заключается не въ самой идеѣ централизацiи, которая безусловно дала самые прекрасные результаты; ея коренной недостатокъ обнаружился лишь впослѣдствiи, и состоитъ онъ въ томъ, что система централизацiи въ концѣ-концовъ должна породить увлеченiе спецiальными подготовительными знанiями въ широкомъ кругу кандидатовъ того возраста, когда общее образованiе представляется безусловно необходимымъ для обезпеченiя свободнаго развитiя еще неопредѣлившихся способностей. Нужно отмѣтить, что въ отношенiи Политехнической школы уровень этой спецiальной подготовки повышался медленно и что въ теченiе долгаго времени экзаменаторы судили о лицахъ, являвшихся на вступительныя испытанiя, не по дѣйствительно прiобрѣтеннымъ ими знанiямъ, но по надеждамъ, которыя они подавали.

Отличительная черта Политехнической школы заключается въ томъ, что область преподаванiя въ ней ограничивается математикой, физикой и химiей. Результатомъ громаднаго влiянiя Политехнической школы явилось рѣзкое разграниченiе между упомянутыми науками и такъ называемыми „естественными науками“,— это разграниченiе шло въ разрѣзъ съ теченiемъ, господствовавшимъ въ XVIII вѣкѣ, но почти соотвѣтствовало тенденцiи, обнаружившейся къ концу XVI вѣка. Программа Нормальной школы 1795 года, охватывавшая полный циклъ наукъ, сыграла роль блестящаго опыта, не имѣвшаго однако никакихъ результатовъ. Отъ реформы 1808 года, основанной на слишкомъ узкихъ принципахъ, можно было ожидать плодовъ лишь со временемъ. Преподаванiе естественныхъ наукъ сосредоточилось главнымъ образомъ въ Музеѣ и въ медицинскихъ школахъ.

Чистая математика: Лагранжъ, Монжъ, Карно, Гауссъ. — Лагранжъ намѣревался вернуться въ Берлинъ, но, къ счастью, остался въ Парижѣ читать лекцiи въ Нор-

мальной школѣ; затѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ занималъ каѳедру анализа въ Политехнической школѣ, которую вынужденъ былъ оставить по преклонному возрасту; при всемъ томъ онъ въ широкихъ размѣрахъ содѣйствовалъ успѣху реформы своими двумя извѣстными сочиненіями: *Théorie des fonctions analytiques* [1]) (1797) и *Résolution des equations numeriques* [2]) (1798). *Теорія*, въ которой онъ первый старается дать строгое обоснованіе методу безконечно-малыхъ и высказывается противъ примѣненія рядовъ, сходимость которыхъ не доказана, отмѣчаетъ наступленіе новой эры. Если его принципы и были забыты, то только благодаря естественному развитію понятій о функціяхъ, которыя онъ поставилъ на высоту, подобающую имъ и понынѣ.

Монжъ (Monge, 1746—1814), бывшій до революціи профессоромъ мезьерской школы военныхъ инженеровъ, создалъ начертательную геометрію, замѣнившую графическими построеніями сложныя выкладки, примѣнявшіяся до него въ фортификаціи. Соревнованіе между военными школами стараго режима воспрепятствовало опубликованію его метода, который былъ обнародованъ только въ 1795 г. въ *Журналѣ нормальныхъ школъ*. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ организаціи Политехнической школы, изъ которой выпустилъ блестящую плеяду геометровъ, вскорѣ пріобрѣвшихъ извѣстность. Онъ сумѣлъ также приложить алгебру и анализъ къ геометріи. Общая теорія поверхностей обязана своимъ успѣхомъ его изслѣдованіямъ о кривизнѣ и открытіямъ въ области интегрированія уравненій съ частными дифференціалами.

Лазарь Карно (Carnot, 1753—1823), „организаторъ побѣдъ", посвящалъ свободное отъ политики время работамъ по математикѣ. Его *Réflexions sur la métaphysique du calcul infinitésimal* [1]) (1797) обнаруживаютъ въ немъ глубокаго мыслителя, котораго не могутъ увлечь даже идеи Лагранжа. Но его *Géometrie de position* [2]) (1803), его *Essai sur les transversales* [3]) (1806) давно признаются исходнымъ пунктомъ современной геометріи и даютъ право причислить его къ геніямъ, сумѣвшимъ указать новые пути въ наукѣ.

Если прибавить къ этимъ великимъ именамъ еще имя Лапласа, къ которому мы вскорѣ вернемся, если перечислить плеяду менѣе оригинальныхъ ученыхъ, труды которыхъ все же долгое время оставались классическими, какъ, напр., Лежандра (1752—1833) и Лакруа (1765—1843), если принять во вниманіе, что первые выпуски Политехнической школы уже дали ученыхъ, которые, еще не достигнувъ апогея до 1815 г., выпустили въ свѣтъ такіе прославленные труды, какъ *Traité de mécanique* [4]) (1803) Пуассона или *Eléments de statique* [5]) Пуансо то станетъ яснымъ, что первенство Франціи въ этотъ періодъ столь же несомнѣнно въ математикѣ, какъ и въ военномъ дѣлѣ, и что если она заняла первое мѣсто и въ области чистаго знанія, то также благодаря подъему, который революція сообщила мысли, въ силу завоеванной ею свободы и реформы обученія.

Другія націи не принимали никакого участія въ этомъ движеніи: онѣ сильно отстали. Англія можетъ привести только одно имя — шотландца Айвори (Ivory 1765—1842), автора важной теоремы о притяженіи эллипсоидовъ (1809), но довольно неудачнаго критика Лапласа. Только въ 1813 г. основаніе Аналитическаго общества въ Кембриджѣ Пикокомъ, Джо-

---

1) Теорія аналитическихъ функцій.

2) Рѣшеніе численныхъ уравненій.

1) Размышленія о метафизикѣ исчисленія безконечно-малыхъ.

2) Геометрія положенія.

3) Изслѣдованіе о сѣкущихъ.

4) Трактатъ по механикѣ.

5) Элементы статики.

К. Ф. Гауссъ.

C. F. Gauss.

П. С. Лапласъ.

Laplace

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

номъ Гершелемъ и Бэбиджемъ содѣйствовало въ Великобританіи введенію методовъ, господствовавшихъ на континентѣ, замѣнѣ обозначеній Ньютона Лейбницевскими, и такимъ образомъ подготовило въ Англіи возрожденіе и высокое развитіе математики.

Въ Германіи господствовала тогда такъ называемая комбинаторная школа, которая развила до крайности извѣстное направленіе Эйлера; она занялась разработкой исчисленій, обращая свое вниманіе на форму, а не на значеніе выраженій и нерѣдко приходила къ неосновательнымъ выводамъ. Зато эта нація уже имѣла среди своихъ математиковъ перворазряднаго генія, вліяніе котораго въ то время еще было слабымъ, но въ которомъ уже слѣдующее поколѣніе съ уваженіемъ признало главу блестящей нѣмецкой школы.

Карлъ-Фридрихъ Гауссъ (Gauss, 1777—1855), родившійся въ Брауншвейгѣ, самъ о себѣ сказалъ, что умѣлъ раньше считать, чѣмъ говорить. Онъ учился въ Гёттингенѣ подъ руководствомъ довольно посредственнаго наставника, историка математики Кестнера, сдѣлалъ важныя открытія и въ 1801 г. обнародовалъ свои *Disquisitiones arithmeticae* [1]). Задача вычисленія элементовъ планеты Цереры, открытой въ томъ же году, заставила его обратиться къ астрономіи, и въ 1809 г. онъ издалъ *Theoria motus corporum coelestium* [2]). Спустя два года онъ сталъ во главѣ вновь устроенной обсерваторіи въ Гёттингенѣ, гдѣ оставался до конца своей долгой жизни. Его упорный отказъ отъ профессуры, мало общительный и порою угрюмый характеръ долго парализовали его вліяніе, какъ было только что указано, и привели къ тому, что ученіе его распространялось только при помощи его сочиненій.

[1]) Изслѣдованія по ариѳметикѣ.

[2]) Теорія движенія небесныхъ тѣлъ.

Итакъ, двадцатипятилѣтіе съ 1789 г. по 1815 г. является для чистой математики періодомъ, историческое значеніе котораго растетъ по мѣрѣ его удаленія въ прошлое. Въ теченіе XVIII вѣка были развиты аналитическія слѣдствія идей Декарта, Ньютона и Лейбница: попытка свести ихъ въ одну систему, приспособленную для преподаванія, открыла широкій просторъ новымъ направленіямъ, создавшимъ неожиданный расцвѣтъ.

Понятія и методы, которые принадлежатъ XIX вѣку, уже въ то время существовали либо въ зачаточномъ состояніи, либо вполнѣ уже сформировались. Теорія функцій, теорія чиселъ, новая геометрія и новая механика начали съ того времени развиваться и увѣнчивать уже сооруженное зданіе.

Система мірозданія: Лапласъ.—Теоретическая астрономія еще не участвуетъ въ этомъ движеніи впередъ: то, что было сдѣлано въ этой области, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ грандіозный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это — методическая сводка и систематическая обработка изысканій, производившихся послѣ Ньютона и стремившихся вывести изъ одного закона притяженія всю совокупность явленій движенія небесныхъ тѣлъ. Но и здѣсь синтезъ столь всеобъемлющъ, что онъ господствуетъ надъ всей наукой XIX вѣка; да и въ концѣ этого столѣтія мы еще не ушли настолько впередъ, чтобы оцѣнить истинное значеніе пристроекъ къ зданію, воздвигнутому Лапласомъ (1749—1827).

Сынъ мелкаго фермера, учившійся приходящимъ въ военной школѣ въ Beaumont sur Auge, въ родномъ городѣ, онъ прибылъ въ Парижъ 18 лѣтъ. Тамъ авторъ *Mésanique céleste* [1]), благодаря Д'Аламберу, вскорѣ былъ назначенъ профессоромъ военной школы и рядомъ мемуаровъ, представленныхъ Академіи на-

[1]) Небесная механика.

укъ, какъ бы создалъ прелюдію къ труду, обезсмертившему его геній; въ то же время вмѣстѣ съ Лавуазье онъ производилъ важныя изысканія въ области физики и физіологіи. Академія открыла ему свои двери въ 1785 г. Назначенный экзаменаторомъ учениковъ артиллерійской школы въ 1784 г. онъ снова появляется на каѳедрѣ въ Нормальной школѣ только въ 1795 г., а затѣмъ принимаетъ на себя управленіе Палатой мѣръ. Къ несчастью для своей славы, онъ увлекался политикой и показалъ себя въ ней довольно непостояннымъ [1]). Вначалѣ пылкій республиканецъ, онъ примыкаетъ къ Бонапарту, который сейчасъ послѣ 18-го Брюмера поручилъ ему на короткое время постъ министра внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ назначилъ его въ сенатъ и осыпалъ отличіями. Но если Наполеонъ сдѣлалъ его графомъ (1806), то Людовикъ XVIII сдѣлалъ маркизомъ и пэромъ Франціи (1817).

Его *Небесная механика* состоитъ изъ шестнадцати книгъ, распредѣленныхъ по пяти томамъ. Первые два тома, появившіеся въ 1799 г., посвящены изложенію общихъ теорій; два слѣдующихъ тома (1802 и 1805) заключаютъ въ себѣ приложеніе этихъ теорій къ небеснымъ тѣламъ. Пятый томъ, вышедшій только въ 1823—1825 г., является добавленіемъ, въ которомъ послѣ краткой исторіи наукъ авторъ излагаетъ результаты своихъ позднѣйшихъ изслѣдованій по вопросамъ, уже изложеннымъ во второй части сочиненія.

Его извѣстное *Exposition du système du monde* (1796) [2]),—предварительно изданное общедоступное изложеніе *Небесной механики*, отличается ясностью и легкостью изложенія. Но ошибется тотъ, кто захочетъ найти эти же качества при выводѣ аналитическихъ формулъ и въ выкладкахъ математическихъ работъ Лапласа. Выраженіе „легко видѣть“ очень часто замѣняетъ собой разсужденія, ходъ которыхъ трудно возстановить. Этотъ же недостатокъ замѣчается и въ *Théorie analytique des probabilités* (1812) [1]), капитальномъ трудѣ Лапласа по чистой математикѣ, примыкающемъ къ его главному сочиненію изложеніемъ принциповъ способа наименьшихъ квадратовъ, положеннаго въ основу критики наблюденій. Замѣчательно, что у Лапласа туманность изложенія прикрываетъ не ошибки или недостаточную строгость доказательства: она является результатомъ желанія быть краткимъ.

Мы находимъ излишнимъ входить здѣсь въ детали успѣха, достигнутаго лично Лапласомъ въ рѣшеніи задачи, которою занимались послѣ Ньютона. Главная суть въ томъ, что авторъ *Principia* [2]) считалъ міровую систему неустойчивой и признавалъ необходимость особенной силы, чтобы возвращать ее въ первоначальное состояніе чрезъ извѣстный періодъ; Лапласъ же „не нуждался въ такой гипотезѣ“: онъ доказалъ устойчивость вселенной съ механической точки зрѣнія. Уже этотъ одинъ его выводъ указываетъ на важное философское значеніе его сочиненій.

Новыя открытія въ астрономіи.—Въ то время какъ Альмагестъ XIX вѣка составился на основаніи наблюденій, производившихся съ давнихъ временъ, неожиданныя открытія поставили предъ математиками новыя задачи и требовали методовъ, которые могли бы оперировать съ совершенно новыми и немногочисленными данными. 1-го января 1801 года астрономъ Піацци, составляя каталогъ неподвижныхъ звѣздъ, замѣтилъ въ Палермо новую звѣзду, за которой онъ слѣ-

---

[1]) Предисловія его сочиненій ясно доказываютъ это.

[2]) Изложеніе системы міра.

[1]) Аналитическая теорія вѣроятностей.

[2]) Philosophiae naturalis principia mathematica — Математическія основы философіи природы.

дилъ до 11-го февраля, но не могъ рѣшить, планета ли она или комета, такъ какъ пройденная ею дуга была слишкомъ мала. Задача, предложенная ученому міру, была рѣшена Гауссомъ, который указалъ время и мѣсто новаго появленія Цереры. По его указаніямъ, она была найдена 2-го января 1802 г. докторомъ Ольберсомъ, бременскимъ любителемъ, и такимъ образомъ было установлено существованіе неизвѣстной древнимъ планеты, находящейся между Марсомъ и Юпитеромъ и заполнившей пробѣлъ, со временъ Кеплера возбуждавшій сомнѣнія астрономовъ.

Слѣдя за планетой Піацци, Ольберсъ случайно открылъ еще сосѣднюю планету Палладу, элементы которой также вычислены Гауссомъ.

Профессоръ астрономіи гёттингенскаго университета—Гардингъ—въ погонѣ за такой же счастливой случайностью открылъ 1-го сентября 1804 года планету Юнону. Гауссъ показалъ, что видимыя орбиты этихъ трехъ планетъ пересѣкаются въ одной точкѣ пространства. Этого было достаточно, чтобы явилось предположеніе, что всѣ эти планеты одного происхожденія и что другіе обломки первоначальной массы должны въ свою очередь проходить чрезъ тѣ-же узлы. Ольберсъ занялся разысканіемъ ихъ и 29-го марта 1807 г. открылъ четвертую малую планету, Весту. Но только спустя тридцать восемь лѣтъ снова увеличилось число извѣстныхъ астероидовъ, столь значительное въ наше время (свыше 480).

Если оставить въ сторонѣ эти открытія, то пальму первенства въ области астрономическихъ наблюденій все же придется отдать Англіи, благодаря главнымъ образомъ Вильяму Гершелю. Зато французскіе ученые, желая возможно точнѣе опредѣлить основаніе метрической системы, предприняли чрезвычайно важное геодезическое измѣреніе. При помощи новыхъ инструментовъ, изобрѣтенныхъ Борда, Деламбръ (1748—1822) принялся за измѣреніе французскаго меридіана въ связи съ англійскими тріангуляціями, а Мешенъ (Méchain, 1744 — 1805) продолжилъ линію съемки въ Испаніи до Барселоны и даже до Балеарскихъ острововъ. Послѣ его смерти Академія пригласила Біо (Biot) и Араго (Arago) изъ Политехнической школы. Черезъ два года Біо вернулся во Францію, а Араго продолжилъ измѣренія вплоть до Форментеры. Въ послѣдній моментъ вспыхнула война 1808 года, и молодому ученому пришлось пережить девятимѣсячную одиссею, пока, наконецъ, Академія получила отчетъ о его наблюденіяхъ, который онъ все время носилъ на тѣлѣ подъ сорочкой.

Благодаря Араго, была опредѣлена длина дуги седьмой части четверти меридіана съ точностью, которой до тѣхъ поръ не удавалось достигнуть [1]). Получилась такимъ образомъ возможность опредѣлить съ достаточнымъ приближеніемъ сжатіе земли у полюсовъ. Дробь $^1/_{310}$ оказалась весьма близкой къ результату, добытому теоретическимъ методомъ Лапласа, основаннымъ на гипотезѣ строго-эллиптической формы меридіана.

Въ 1798 году англійскій физикъ Генри Кэвендишъ (Henry Cavendish, 1731 — 1810) точно опредѣлилъ другую астрономическую постоянную высокой важности—именно плотность земли, опредѣленіе которой составляло въ теченіе долгаго времени предметъ напрасныхъ усилій астрономовъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи несовершенные методы изслѣдованія. Онъ воспользовался крутильными вѣсами Кулона и заставилъ качаться маленькій свинцовый шарикъ передъ большимъ шаромъ изъ того же металла; такимъ способомъ ему удалось из-

1) Въ настоящее время признается, что метръ нѣсколько меньше одной десятимилліонной части четверти меридіана.

мѣрить взаимное притяженіе двухъ шаровъ, которыхъ размѣры, масса и плотность ему были извѣстны. Приложивъ затѣмъ законъ всемірнаго тяготѣнія Ньютона, Генри Кэвендишъ опредѣлилъ среднюю плотность земли въ 5,48.

Физика: Гальвани, Вольта.—Въ области астрономіи итальянецъ сдѣлалъ чрезвычайно важное открытіе; равнымъ образомъ и въ области физики прославились двое итальянцевъ, заслужившихъ громкую извѣстность. Послѣ продолжительной спячки въ XVIII вѣкѣ, отечество Галилея какъ бы нашло въ себѣ новую энергію. Къ сожалѣнію, политическія событія прервали работу Италіи на пользу науки.

Въ 1790 году Гальвани (Galvani, 1737—1798), профессоръ анатоміи болонскаго университета, произвелъ свои знаменитые опыты, о которыхъ сообщилъ въ слѣдующемъ году въ сочиненіи „De viribus electricitatis in motu musculari“ [1]). Онъ касался металлической пластинкой нервовъ свѣже-убитой лягушки, а пластинкой, сдѣланной изъ другого металла, ея бедра и, установивъ такимъ образомъ связь между двумя пластинками, замѣчалъ конвульсивныя сокращенія (гальваническія сокращенія) мускуловъ.

Опыты были повторены всюду съ одинаковымъ результатомъ, но относительно объясненія явленія мнѣнія расходились. Гальвани полагалъ, что ему удалось открыть особаго рода электричество, которое онъ назвалъ *животнымъ;* слѣдуя тогдашней модѣ, онъ приписалъ дѣйствіе этого электричества спеціальной *нервной* жидкости. Сила, по мнѣнію Гальвани, представляла собою продуктъ выдѣленія мозга, передавалась по нервамъ и собиралась въ мускульныхъ волокнахъ, которыя онъ уподоблялъ лейденскимъ банкамъ; разряженія электричества при посредствѣ нервовъ живого существа и были причиной мускульныхъ движеній. Металлическая пластинка въ опытахъ съ лягушкой играла роль лишь проводника, обнаруживавшаго присутствіе скрытаго электричества.

Теорія Гальвани, отъ которой въ наше время остался лишь техническій терминъ на память о знаменитомъ итальянскомъ ученомъ, нашла опору между прочимъ въ лицѣ Александра фонъ-Гумбольдта и довольно долго держалась. Съ другой стороны, сразу объявились ярые противники Гальвани, изъ нихъ особенно Вольта (Volta, 1745—1827), профессоръ университета въ Павіи, прославившійся уже въ то время изобрѣтеніемъ электрофора, электрическаго конденсатора и эвдіометра, прибора для анализа воздуха.

Вольта доказывалъ, что животное электричество ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго и что оно можетъ зарождаться въ организмѣ, но не скопляться. Когда Гальвани отказался присягнуть на вѣрность Цизальпинской республикѣ и впослѣдствіи умеръ въ бѣдности [1]), Вольта обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что опытъ съ лягушкой удавался лишь при условіи употребленія двухъ различныхъ металловъ, и заключилъ, что простого соприкосновенія этихъ металловъ достаточно для возникновенія электричества, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ его получали только при посредствѣ тренія.

Для доказательства своей гипотезы Вольта бралъ рядъ металлическихъ паръ, и такимъ образомъ въ 1801 году получился Вольтовъ столбъ, въ которомъ между металлическими парами находились кружки картона, смоченнаго водой. При помощи такого прибора Вольта получилъ рядъ сотрясеній, тѣмъ болѣе чувствительныхъ, чѣмъ значительнѣе было число элементовъ и чѣмъ сильнѣе былъ

[1]) Объ электрическихъ силахъ мускульнаго движенія.

[1]) Вольта, напротивъ, получилъ массу наградъ отъ Наполеона.

растворъ солей въ водѣ. Вольта рѣшилъ, что его теорія достаточно обоснована.

Опыты Вольты были повторены другими учеными. Вольтовъ столбъ сдѣлался такой же необходимой принадлежностью каждой лабораторіи, какъ и лейденская банка; ученые, не отдавая себѣ отчета въ истинныхъ причинахъ зарожденія электричества, всячески старались путемъ болѣе или менѣе существенныхъ видоизмѣненій опыта добиться наибольшихъ результатовъ съ наименьшимъ расходомъ энергіи. Лучшихъ результатовъ раньше, чѣмъ гдѣ-либо, удалось достигнуть въ Англіи.

При помощи электричества, добытаго путемъ тренія, извѣстная сила передавалась посредствомъ провода, соединявшаго тѣла съ электричествомъ противоположныхъ наименованій. Этотъ процессъ былъ извѣстенъ давно, но, такъ какъ приходилось вновь заряжать полюсы, то результатъ получался мгновенный и прерывистый. При употребленіи Вольтова столба напряженіе въ полюсахъ было, правда, слабѣе, но оно постоянно возобновлялось; токъ становился безпрерывнымъ, по проводу можно было передать механическую работу, не накопленную заранѣе путемъ тренія, но постепенно образовывавшуюся при посредствѣ Вольтова столба. На ряду со статическимъ электричествомъ возникло электричество динамическое, поразительныя приложенія котораго прославили XIX вѣкъ.

Опыты Карлайля (Carlisle) и Никольсона (Nicholson) вскорѣ показали, что токъ Вольтова столба разлагаетъ воду на составныя части, при чемъ кислородъ направляется къ одному полюсу, а водородъ къ другому. До тѣхъ поръ знали только, что электрическая искра производитъ соединеніе газовъ; теперь же, при помощи новаго прибора, стало возможно разлагать тѣла на ихъ составныя части. Гемфри Дэви (Humphry Davy) подвергъ поташъ и соду дѣйствію Вольтова столба въ 250 элементовъ. Ему удалось такимъ путемъ разложить эти щелочи и опредѣлить входящіе въ ихъ составъ металлы.

Въ результатѣ дальнѣйшихъ попытокъ усовершенствованія Вольтова столба было признано, что для правильнаго его функціонированія требуется наличность химическаго воздѣйствія жидкости на одинъ изъ металловъ (напримѣръ, сѣрной кислоты на цинкъ). Такимъ образомъ теорія Вольты сильно пошатнулась; стало ясно, что электричество образовывалось не вслѣдствіе соприкосновенія двухъ металловъ, а на поверхности, которая подвергалась вліянію жидкости; именно это химическое воздѣйствіе производило токъ, способный въ свою очередь вызвать другое химическое воздѣйствіе или произвести простую механическую работу.

Однако, эпоха полнаго торжества этой новой идеи была еще далека; область химическихъ процессовъ въ то время рѣзко разграничивалась отъ области механическихъ законовъ, и лишь постепенно, и притомъ весьма медленно, исчезли послѣдніе защитники теоріи Вольты.

Итакъ, открытіе динамическаго электричества, этого могущественнѣйшаго фактора новѣйшаго прогресса, совершилось въ лабораторіяхъ, хотя первоначальное его возникновеніе, повидимому, объясняется простой случайностью. Въ результатѣ спора между защитниками различныхъ гипотезъ, которыя и въ наше время не пользуются признаніемъ, на практикѣ возникъ новый приборъ, первоначально задѣвшій одно лишь любопытство ученыхъ. Вскорѣ замѣтили, что этотъ приборъ имѣетъ большое значеніе для разрѣшенія вопросовъ громадной теоретической и практической важности; прошло еще немного времени, и неожиданно открылись новыя области примѣненія прибора; наука такимъ образомъ обратила вниманіе на практическую сторону новаго фактора, услугами котораго отнынѣ могло поль-

зоваться человѣчество, и въ то же время вопросъ о разрѣшеніи теоретическаго спора, случайно вызвавшаго открытіе, отодвинулся на задній планъ.

Французскіе физики. — Первоначально Франція принимала весьма слабое участіе въ работахъ по изслѣдованію динамическаго электричества; тѣмъ не менѣе, физика сдѣлала большой шагъ впередъ, и именно въ этой области прежде всего сказался научный методъ, созданной реформой преподаванія въ Политехнической школѣ.

Франція насчитываетъ цѣлый рядъ выдающихся физиковъ въ эту эпоху: Малюсъ, Біо, Каньяръ де Латуръ [1]), Френель; Гэй-Люссакъ (1797), Дюлонгъ (1801), Араго (1803), Беккерель (1806), Пти (1807), — все ученые, выпущенные изъ Политехнической школы.

Малюсъ (1775—1812), офицеръ, служилъ въ инженерныхъ войскахъ въ Египтѣ и тамъ же началъ заниматься изученіемъ теоріи свѣта въ своей палаткѣ, въ которой оправлялся отъ болѣзни. Продолжая числиться на службѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ исполнялъ обязанности экзаменатора въ Политехнической школѣ (1805). Въ 1807 году Малюсъ уже опубликовалъ два важныхъ мемуара. Въ 1808 году, наблюдая отраженіе солнца въ окнахъ Люксембургскаго дворца при помощи двупреломляющей призмы, онъ замѣтилъ, что интенсивность изображенія диска, доходя до полнаго исчезанія, разнится въ зависимости отъ угла наклоненія отраженнаго луча. Отсюда онъ заключилъ, что отраженіе сообщаетъ свѣту особое свойство; это свойство (поляризацію) Малюсъ объяснилъ съ точки зрѣнія господствовавшей въ то время теоріи истеченія и точно опредѣлилъ всѣ законы, которымъ оно подчиняется. Такимъ образомъ, простое наблюденіе изъ окна въ улицѣ Enfer привело къ открытію безчисленнаго множества явленій, дотолѣ абсолютно неизвѣстныхъ, а между тѣмъ, въ наше время ими постоянно пользуются для опредѣленія минераловъ, горныхъ породъ, состава жидкостей и даже газовъ.

Малюсъ умеръ отъ грудной болѣзни, а его открытіе довелъ до конца Араго (1786—1853). Молодой астрономъ, вернувшись изъ Испаніи, поступилъ въ Институтъ и сразу проявилъ блестящую дѣятельность во всѣхъ отрасляхъ науки. Въ 1811 году онъ занялся провѣркой законовъ Малюса при помощи трубки Рошона [1]), имѣвшейся въ обсерваторіи. Объективъ этой трубки былъ сдѣланъ изъ горнаго хрусталя. До Араго ни одинъ астрономъ не подумалъ направить трубку Рошона на землю, а между тѣмъ Араго благодаря этому установилъ фактъ, что два изображенія отраженнаго солнечнаго диска окрашиваются въ дополнительные цвѣта. Такимъ образомъ, была открыта хроматическая поляризація.

Біо (1774—1862), съ 1803 г. членъ Института и профессоръ физики въ „Collège de France", занялъ впослѣдствіи каѳедру астрономіи въ Сорбоннѣ. Въ 1815 году онъ сдѣлалъ послѣднее капитальное открытіе въ области физики, именно нашелъ, что нѣкоторыя вещества обладаютъ способностью вращать плоскость поляризаціи. Этимъ открытіемъ Біо воспользовался для анализа сахарныхъ растворовъ.

Френель (1788—1827), инженеръ путей сообщенія, преобразовалъ всю математи-

---

[1]) Изобрѣтатель *сирены* (1819), прибора для измѣренія высоты звука, авторъ многихъ оригинальныхъ теорій въ области механики и химіи; особое вниманіе удѣлялъ акустикѣ; его опыты надъ колебаніями струны считаются классическими.

[1]) Трубка Рошона заключаетъ въ себѣ двупреломляющую призму, которую можно вращать такъ, чтобы привести въ соприкосновеніе оба изображенія. Въ астрономіи она употребляется въ качествѣ микрометра. Рошонъ (1741—1817), астрономъ французскаго флота, усовершенствовалъ множество оптическихъ инструментовъ.

ческую оптику. Онъ опровергнулъ гипотезу истеченія и вернулся къ волнообразной теоріи. Однако, лишь въ 1815 году, находясь, какъ роялистъ, въ опалѣ въ періодъ Ста дней, онъ посвятилъ свои невольные досуги опытамъ съ цвѣтными полосами, получающимися при диффракціи; въ этой области онъ не пошелъ дальше англичанина Томаса Юнга [1]), который успѣлъ добиться того же въ 1803 году.

Гэй-Люссакъ (1778—1850) и Дюлонгъ (1785—1828)—оба профессіональные химики [2]). Первый готовился въ инженеры путей сообщенія, когда Бертолле, возвратившійся изъ Египта, взялъ его къ себѣ въ лабораторію. Вскорѣ онъ сдѣлался репетиторомъ, а потомъ и профессоромъ химіи Политехнической школы. Дюлонгу не позволило поступить въ артиллерію состояніе здоровья; онъ сталъ врачомъ, но главнымъ образомъ занимался химіей. Бертолле и его взялъ къ себѣ въ Аркельскую лабораторію (1811). Дюлонгъ открылъ хлористый азотъ, но это ему стоило сначала пальца, а потомъ и глаза. Около этого же времени онъ поступилъ адъюнктъ-профессоромъ въ Нормальную школу.

Въ эту эпоху химикамъ предстоялъ рядъ изслѣдованій чисто физическаго характера. Классификація газовъ и постепенное увеличеніе числа ихъ, вслѣдствіе выдѣленія новыхъ элементовъ или открытія новыхъ соединеній, вызывали необходимость изученія ихъ нехимическихъ свойствъ. Надо было опредѣлить плотности газовъ, коэффиціенты расширенія, теплоемкость. Тѣ же вопросы выдвигались и относительно паровъ, изученіе же напряженія паровъ было тѣмъ болѣе важно, что водяной паръ уже получилъ механическое примѣненіе. Необходимо было вывести общіе законы и связать физическія свойства съ химическими.

Въ 1802 году Гэй-Люссакъ установилъ практически важный, хотя и не строго точный законъ, что расширеніе газовъ не зависитъ отъ ихъ давленія и что коэффиціентъ расширенія газовъ есть величина постоянная. Этотъ законъ Гэй-Люссакъ распространилъ на пары и впослѣдствіи доказалъ, что напряженіе паровъ одинаково въ пустотѣ и въ газообразныхъ смѣсяхъ. Онъ изучилъ также явленіе охлажденія газовъ вслѣдствіе расширенія и посредствомъ опыта съ двумя шарами (1807) заложилъ одну изъ важнѣйшихъ экспериментальныхъ основъ механической теоріи теплоты [1]).

Провѣривъ на опытѣ законы капиллярности, теоретически установленные Лапласомъ, Гэй-Люссакъ въ 1804 году совершилъ два знаменитыхъ полета на воздушномъ шарѣ съ цѣлью научнаго изслѣдованія атмосферы. Въ первый разъ онъ и Біо поднялись на высоту 4.000 метровъ, но во второй разъ онъ одинъ поднялся на высоту 7.000 метровъ.

Въ 1805 году Гэй-Люссакъ и Гумбольдтъ произвели многочисленные опыты точнаго анализа воды и установили простое отношеніе объемовъ обоихъ газовъ, входящихъ въ ея составъ. Дальнѣйшіе опыты были прерваны поѣздкой въ Италію, предпринятой обоими учеными. Въ Италіи Гэй-Люссакъ занимался изученіемъ явленій магнетизма. Лишь въ 1808 году, будучи уже два года членомъ Института, Гэй-Люссакъ рѣшился провозгласить законъ, справедливо носящій его имя, именно, что объемы химическаго соединенія и составныхъ его частей въ газообразномъ состояніи находятся въ простомъ отноше-

[1]) Подобно Френелю, и Беккерель,—блестящій офицеръ инженерныхъ войскъ, тоже началъ свою научную карьеру по выходѣ въ отставку въ 1815 г. въ чинѣ батальоннаго командира.

[2]) Товарищъ Дюлонга, Пти (1791—1820), умершій 29 лѣтъ отъ роду, назначенъ профессоромъ Политехнической школы, когда ему было 22 года.

[1]) Расширеніе при помѣщеніи шара, наполненнаго газомъ, въ пустой шаръ совершается безъ потери или увеличенія общаго количества теплоты.

ніи. Съ этимъ закономъ справедливо связываютъ его имя.

Такъ впервые было установлено численное соотношеніе между физическимъ свойствомъ тѣла (плотностью) и химическимъ. Второй законъ этого рода открыли Дюлонгъ и Пти.

Академія наукъ въ 1811 году поставила на конкурсъ вопросъ о теплоемкости газовъ. Въ 1813 году Академія присудила награду Ларошу и Берару, изобрѣвшимъ методъ опредѣленія коэффиціента при постоянномъ давленіи; впрочемъ, они не добились опредѣленныхъ результатовъ. Въ 1815 году Академія поставила на конкурсъ вопросъ объ охлажденіи. Дюлонгъ и Пти сообща занялись имъ и совершили капитальную работу. Произведя по заранѣе намѣченной программѣ рядъ опытовъ при постоянномъ объемѣ, они установили законъ равенства теплоемкости при равенствѣ объемовъ для всѣхъ простыхъ газовъ.

Англійскіе физики и химики: Дальтонъ и Дэви.—Блестящая школа французскихъ физиковъ могла найти соперниковъ только въ Англіи.

Благодаря почти безпрерывной войнѣ одни и тѣ же научные вопросы, возникавшіе по обѣ стороны Ла-Манша, разрабатывались самостоятельно съ обѣихъ сторонъ, и первенство въ дѣлѣ открытій часто служило предметомъ споровъ, хотя независимость изслѣдователей не подлежала сомнѣнію.

Мы уже указали, что Томасъ Юнгъ (Young 1773—1829), врачъ, занимавшійся самыми разнообразными изслѣдованіями, выставилъ противъ теоріи истеченія серьезное возраженіе, доказавъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ два свѣтовыхъ *интерферирующихъ* луча производятъ темноту. Это было исходнымъ пунктомъ работъ Френеля, который долгое время не зналъ о работахъ Юнга. Въ то же время Даніэль Брьюстеръ (Brewster 1781—1868), изобрѣтатель калейдоскопа (1819), получилъ результаты, приблизительно совпадавшіе съ результатами изслѣдованій Біо и Араго по поляризаціи.

Существованіе темнаго теплового спектра было открыто въ 1801 г. астрономомъ Вильямомъ Гершелемъ, а невидимый химическій спектръ (дѣйствіе на хлористое серебро) былъ обнаруженъ Волластономъ.

Румфордъ (Rumford 1753—1814) и Лесли (Leslie 1766—1828) извѣстны своими работами и открытіями въ области теплоты, но всѣ эти имена блѣднѣютъ предъ именами химиковъ Дальтона (Dalton 1766—1844) и Дэви (Davy 1778—1829). Первый извѣстенъ, какъ основатель атомной теоріи, заслуживающей особаго изложенія.

Мысль о томъ, что сложное тѣло должно характеризоваться строго опредѣленными вѣсовыми отношеніями составляющихъ его элементовъ, — кажется столь естественной, что даже непонятно, почему этотъ вопросъ не могъ возникнуть раньше. Но если при опредѣленныхъ отношеніяхъ, въ случаѣ двухъ аналогичныхъ соединеній, напр. въ сѣрнокисломъ кали и натрѣ, на одно и то же вѣсовое количество сѣрной кислоты приходятся извѣстныя количества кали и натра, которыя могутъ замѣстить другъ друга, то количества эти *эквиваленты*, то-есть химически равнозначущи. Далѣе, производя замѣщенія всевозможными способами, нужно заключить, что всякое тѣло съ экономической точки зрѣнія опредѣляется относительнымъ вѣсовымъ количествомъ, обозначающимъ его эквивалентность по крайней мѣрѣ въ ряду произведенныхъ замѣщеній.

Однако эти заключенія были выведены исключительно опытнымъ путемъ нѣмецкими химиками Венцелемъ (Wentzel, *Leçons sur l'affinité* [1]), 1777) и Рихтеромъ

[1]) Лекціи о химическомъ сродствѣ.

(Richter, *Stoechiometriae rudimenta* [1]), 1792—1794), производившими опыты только съ солями. Но принципъ постоянныхъ отношеній не соотвѣтствовалъ туманнымъ идеямъ о превращеніи элементовъ, господствовавшимъ такъ долго въ химіи: онъ, казалось, противорѣчилъ измѣнчивымъ результатамъ анализовъ, тогда еще не вполнѣ совершенныхъ, а изученіе соединеній и разложеній видимо указывало на возможность соединеній во всякой пропорціи. И вотъ, глава французской школы послѣ смерти Лавуазье, Бертолле, долго не признавалъ закона постоянныхъ отношеній во всей его строгости; вмѣсто точнаго количественнаго закона онъ въ соединеніяхъ склоненъ былъ видѣть качественные факты, опредѣляемые равновѣсіемъ между химическимъ сродствомъ и разными другими естественными силами.

Во всякомъ случаѣ, о работахъ Венцеля и Рихтера узнали только тогда, когда Берцеліусъ обратился къ ихъ исходному пункту, чтобы противопоставить теорію эквивалентности—атомистической теоріи, подвергшейся нѣкоторымъ сомнѣніямъ благодаря поддержкѣ, которую нашла въ ней гипотеза Венцеля и Рихтера. Но главный ударъ, болѣе сильный, чѣмъ всѣ прежніе, былъ нанесенъ Дальтономъ въ 1801 г., когда онъ провозгласилъ законъ кратныхъ отношеній.

Если два тѣла соединяются въ разныхъ отношеніяхъ, при чемъ вѣсъ одного изъ нихъ принятъ за величину постоянную, то вѣсовыя количества другого тѣла будутъ находиться въ весьма простомъ численномъ отношеніи. Для Дальтона этого было достаточно, чтобы заключить, что каждое простое тѣло состоитъ изъ атомовъ, имѣющихъ одинаковый вѣсъ, характеризующій это тѣло; сложное же тѣло состоитъ изъ элементарныхъ молекулъ, заключающихъ небольшое, но строго опредѣленное количество атомовъ составляющихъ его простыхъ тѣлъ. Такимъ образомъ явилась возможность ввести весьма простыя химическія обозначенія, указывающія количества атомовъ каждаго сорта въ элементарной молекулѣ.

Принципъ Дальтона, конечно, получилъ распространеніе, но принимали его съ осторожностью, отчасти въ виду широкой постановки его, отчасти изъ недовѣрія къ атомистической гипотезѣ. Даже въ Англіи, вмѣсто термина *атомный вѣсъ*, Дэви ограничивался терминомъ *пропорціональныя числа*, а Волластонъ [1])—*эквиваленты*. Во Франціи Гэй-Люссакъ не рѣшался вывести изъ своихъ наблюденій законъ [2]), что равные объемы простыхъ газовъ содержатъ одинаковое число атомовъ; онъ пытался даже защищать воззрѣнія Бертолле. Дальтонъ съ своей стороны сомнѣвался въ точности объемныхъ измѣреній Гэй-Люссака [3]). Однако только въ этихъ измѣреніяхъ атомистическая теорія и могла имѣть солидную опору для своихъ численныхъ опредѣленій; поэтому тріумфъ Дальтона былъ преждевременнымъ, и поле сраженія осталось за компромиссомъ, предложеннымъ Берцеліусомъ.

Гемфри Дэви (Humphry Davy), бывшій аптекарскій помощникъ, вышелъ въ люди

---

[1]) Основы стехіометріи.

[1]) Волластонъ (Wollaston, 1766—1828), именемъ котораго названъ электрическій элементъ, открылъ палладій и родій въ платиновой рудѣ.

[2]) Законъ этотъ все-таки былъ установленъ въ 1811 г. итальянскимъ химикомъ Авогадро и вскорѣ подтвержденъ Амперомъ. — Во Франціи Пру (Proust 1755—1826) съ самаго начала защищалъ законъ опредѣленныхъ отношеній.

[3]) Дальтонъ соперничалъ съ Гэй-Люссакомъ въ изученіи общихъ свойствъ газовъ и паровъ: онъ нашелъ для коэффиціента расширенія величину значительно большую, чѣмъ Гэй-Люссакъ, но его оцѣнка нѣсколько превышаетъ истинную цифру. Эти неточности были слѣдствіемъ несовершеннаго осушенія сосудовъ, въ которыхъ производились опыты. Съ другой стороны, Дэви первый до Гэй-Люссака открылъ, что расширеніе газа не зависитъ отъ его давленія.

собственными силами. Находясь при медицинскомъ институтѣ, онъ, на двадцать первомъ году (1799), создалъ себѣ имя своими опытами надъ окисломъ азота (закись азота), открытымъ Пристлеемъ (Priestley). Румфордъ пригласилъ его профессоромъ химіи въ королевскій институтъ, только что учрежденный въ Лондонѣ.

Дэви имѣлъ тамъ громадный успѣхъ и въ 1803 г. онъ былъ принятъ въ *Королевское общество* (*Royal Society*).

Мы уже указали на главное его открытіе — разложеніе щелочей при помощи электричества и подтвержденіе того, что онѣ представляютъ собой соединеніе металла съ кислородомъ. Спустя долгое время послѣ открытія калія и натрія, Дэви удалось получить кальцій, барій, стронцій и магній.

Зная, что калій чрезвычайно энергично соединяется съ кислородомъ, онъ хотѣлъ воспользоваться имъ для рѣшенія задачи, смущавшей всѣхъ химиковъ. Согласно ученію Лавуазье, каждая кислота содержитъ кислородъ; это должно было оказаться справедливымъ и для кислоты, которую добывали изъ морской соли, такъ называемой соляной (хлористо-водородной). Шееле получилъ изъ этой кислоты окрашенный газъ, обработавъ ее кислородомъ, вмѣсто того чтобы удалить послѣдній изъ нея. Этотъ газъ, по ученію Лавуазье, содержалъ кислородъ, и оставалось еще найти простое основаніе (радикалъ) этой кислоты.

Дэви пытался выдѣлить этотъ радикалъ, дѣйствуя каліемъ на соляную кислоту. Но въ результатѣ этихъ опытовъ (1808) оказалось, что кислота эта вовсе не заключаетъ кислорода, что она представляетъ собой соединеніе водорода съ газомъ Шееле. Слѣдовательно, этотъ послѣдній нужно было признать простымъ тѣломъ, и Дэви назвалъ его *хлориномъ*, а французскіе химики—просто *хлоромъ*.

Когда во Франціи стало извѣстно объ этихъ изслѣдованіяхъ, Гэй-Люссакъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ по Политехнической школѣ, Тенаромъ (Thenard, 1777—1857), занялись такими же изысканіями. Результатомъ этой совмѣстной работы было пятнадцать мемуаровъ, собранныхъ въ 1811 г. въ одинъ томъ. Обоимъ ученымъ съ самаго начала удалось добыть калій и натрій чисто химическимъ путемъ, разлагая щелочи раскаленнымъ докрасна желѣзомъ. Они получили эти металлы въ достаточномъ количествѣ и могли воспользоваться ими для другихъ реакцій, а именно, разлагая борную кислоту каліемъ, они открыли и выдѣлили боръ. Они выработали методъ элементарнаго анализа органическихъ веществъ и (вопреки Бертолле и своему первоначальному убѣжденію) высказались за то, что хлоръ—простое тѣло, т.-е. подтвердили мнѣніе Дэви.

Въ 1813 г. этотъ ученый получилъ спеціальное порученіе посѣтить Францію по дорогѣ въ Италію. Получивъ приглашеніе изслѣдовать вещество, недавно добытое изъ морскихъ водорослей селитроваромъ Куртуа и изучавшееся химикомъ Клеманъ-Дезормомъ, онъ заявилъ, что вещество это — простое тѣло, химически сходное съ хлоромъ, и предложилъ назвать его *іодиномъ*. Вскорѣ Гэй-Люссакъ представилъ Академіи свое заключеніе въ такомъ же смыслѣ, но употребилъ названіе *іодъ*. Во всякомъ случаѣ, это открытіе вполнѣ подтвердило теорію англійскаго ученаго и оправдало существенное измѣненіе, которое онъ внесъ въ идеи Лавуазье.

Школа французскихъ химиковъ. — Гэй-Люссакъ продолжалъ свои изслѣдованія, стараясь найти другія тѣла того же ряда, образующія водородныя кислоты. Если ему не удалось выдѣлить фторъ, онъ все-таки опредѣлилъ въ немъ радикалъ.

Въ 1815 г., послѣ сложныхъ опытовъ съ синильной кислотой, онъ открылъ ціанъ и доказалъ, что это тѣло химически

Ж. Кювье.

G. Cuvier

А. Вольта.

Alexandre Volta

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

сходно съ хлоромъ и іодомъ и представляетъ собой соединеніе углерода съ азотомъ. Но этимъ блестящимъ открытіемъ далеко не закончилась карьера знаменитаго ученаго: съ этого момента онъ всецѣло посвятилъ себя занятіямъ промышленной химіей и усовершенствованіямъ ея методовъ. Дэви также ушелъ въ разработку практическихъ вопросовъ: онъ изобрѣлъ свою лампу (1817) и нашелъ способъ предохранять обшивку судовъ отъ дѣйствія морской воды.

Выдающаяся роль, отведенная знаменитыми учеными изслѣдованіямъ по прикладной химіи, свидѣтельствуетъ, что новыя открытія не только давали возможность рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, къ которымъ раньше не умѣли даже подойти, но и приводили къ созданію многихъ отраслей промышленности, которыя возникали очень быстро, но по недостатку химиковъ-практиковъ, вполнѣ организовались гораздо позже и постоянно должны были прибѣгать къ услугамъ теоретиковъ, стоявшихъ во главѣ науки. Физикъ остается въ своей лабораторіи, механикъ озабоченъ усовершенствованіемъ способовъ примѣненія пара, какъ двигательной силы, о примѣненіи электричества еще нечего и думать, — а химикъ уже ищетъ и находитъ способы примѣненія реакцій, открытыхъ имъ, и умѣетъ пользоваться свойствами вновь полученныхъ тѣлъ.

Съ 1789 г. соляную кислоту, по указаніямъ Бертолле, стали примѣнять для бѣленія тканей. Во время революціи, когда Лавуазье потерпѣлъ неудачу въ роли главнаго откупщика (т.-е. арендатора налоговъ), его ученики были привлечены къ участію въ народной защитѣ, и успѣхи, достигнутые ими, все сильнѣе привлекали ихъ къ практическимъ вопросамъ. Прекращеніе морской торговли и континентальная блокада заставили ихъ постараться восполнить недостатокъ товаровъ изъ обѣихъ Индій (приготовленіе свекловичнаго сахара и такъ называемыхъ индійскихъ тканей), и благодаря этому прикладная химія сдѣлала большіе успѣхи. За Фуркруа и Шапталемъ слѣдуютъ Воклэны и Тенары и на ряду съ ними много другихъ работниковъ, которые прославились во всѣхъ отрасляхъ.

О теоретическомъ прогрессѣ мы уже достаточно сказали. Мы указали позицію, занятую Бертолле; остается еще упомянуть, что его *Essai de statique chimique* [1]) (1803) долго оставалось капитальнымъ сочиненіемъ, что его законы *о двойномъ* разложеніи солей и законы его ученика Дюлонга о реакціяхъ нерастворимыхъ солей и углекислыхъ щелочей послужили исходнымъ пунктомъ цѣлаго ряда изслѣдованій высокой важности, которыя были предприняты только въ наши времена. За предѣлами Франціи и Англіи—въ Германіи идетъ борьба съ теоріей флогистона; въ Швеціи школа Бергмана и Шееле нашла блестящаго преемника въ лицѣ Берцеліуса (Berzelius, 1779—1848).

Пока мы о немъ скажемъ только, что онъ прославился открытіемъ кремнія (1809) и селена (1817), при чемъ держался способа, примѣненнаго Гэй-Люссакомъ и Тенаромъ для разложенія борной кислоты.

Естественная исторія. Кювье. — Франція въ разсматриваемый періодъ занимаетъ первое мѣсто не только въ области математики, но и въ области естественныхъ наукъ. Въ этой сферѣ она почти не знаетъ соперниковъ.

Монументъ, заложенный Бюффономъ и законченный Ласепедомъ, еще не былъ отдѣланъ, когда появились ученые, которымъ предстояло открыть новые пути въ зоологіи. Въ 1794 году *Jardin des plantes* былъ преобразованъ въ Музей, и тогда же въ него вступили Ламаркъ, Этьеннъ Жоффруа Сентъ-Илеръ и Кювье.

---

1) Опытъ химической статики.

Ламаркъ (1744—1829) былъ уже извѣстенъ своимъ сочиненіемъ *Flore française* (1778), въ которомъ примѣнилъ дихотомическій методъ классификаціи и благодаря которому попалъ въ Академію. Кромѣ того, онъ исполнилъ рядъ порученій научнаго характера. Его сдѣлали профессоромъ зоологіи, и хотя онъ скоро ослѣпъ, но все же не оставилъ своихъ работъ, въ которыхъ ему помогалъ Латрейль, изучавшій спеціально исторію насѣкомыхъ и ракообразныхъ. Капитальными трудами Ламарка считаются—*Философія зоологіи* (*Philosophie zoologique* 1809) и *Естественная исторія безпозвоночныхъ животныхъ* (*Histoire naturelle des animaux sans vertèbres* 1815—1822). Долгое время взгляды Ламарка признавались глубокими, но слишкомъ смѣлыми; теперь эволюціонисты считаютъ Ламарка основателемъ эволюціонизма.

Жоффруа Сентъ-Илеръ (1772 — 1844) до 21 года занимался исключительно минералогіей. Ему удалось спасти своего учителя, аббата Гаюи (Haüy), благодаря чему онъ снискалъ дружбу Добантона и поступилъ демонстраторомъ въ *Jardin des plantes*. Когда Ласепедъ, несмотря на всѣ настоянія Сентъ-Илера, вышелъ въ отставку, молодой ученый тотчасъ же сдѣлался профессоромъ зоологіи, науки, съ которой не былъ знакомъ. Спустя годъ онъ сильно заинтересовался записками одного молодого доцента-нормандца, переданными ему общимъ знакомымъ. Сразу угадавъ геній Жоржа Кювье (1769—1832), Сентъ-Илеръ выписалъ его въ Парижъ (1795) и назначилъ его адъюнктомъ по каѳедрѣ сравнительной анатоміи. Кювье-самоучка въ то время уже могъ считаться выдающимся зоологомъ, и въ Парижѣ всѣ оцѣнили его талантъ; 30 декабря того же года онъ былъ принятъ въ Институтъ, благодаря Ласепеду, хотя и не напечаталъ ни одного сочиненія. Однако, онъ былъ такъ же мало подготовленъ къ преподаванію сравнительной анатоміи, которую впослѣдствіи довелъ до высокаго уровня, какъ Сентъ-Илеръ къ преподаванію зоологіи. Вотъ два своеобразныхъ примѣра того, что можетъ сдѣлать геній, даже въ томъ случаѣ, если обстоятельства направляютъ его на иные пути, нежели предполагаемое призваніе!

Двое молодыхъ ученыхъ, которые на старости лѣтъ вступили въ знаменитый споръ другъ съ другомъ [1]), долгое время работали вмѣстѣ. Жоффруа Сентъ-Илеръ послѣдовалъ за Бонапартомъ въ Египетъ и потомъ занялся описаніемъ научныхъ данныхъ, добытыхъ на мѣстѣ; Кювье же, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, достигъ степеней извѣстныхъ. Онъ отличался необыкновенно дѣятельной натурой и одновременно исполнялъ самыя разнообразныя обязанности. Въ 1803 году онъ былъ избранъ постояннымъ секретаремъ Академіи наукъ, читалъ лекціи по тремъ предметамъ и въ то же время учреждалъ новые лицеи и факультеты. Трудно понять, какимъ образомъ Кювье привелъ къ благополучному концу обезсмертившія его работы и нигдѣ не оставилъ слѣдовъ поспѣшности.

Первые труды (1798) Кювье относятся къ классификаціи животныхъ; въ основу ея онъ положилъ отличительные признаки органовъ размноженія и питанія. Лишь въ 1812 году онъ взялъ за базисъ для своей классификаціи нервную систему; основныя идеи Кювье изложены въ *Животномъ царствѣ* (*Règne animal*, 1816 г.); эти идеи господствовали вплоть до новѣйшихъ открытій эмбріологіи.

Составленіе *Лекцій по сравнительной анатоміи* относится къ 1800—1805 гг. Этотъ знаменитый трудъ считается и теперь величайшимъ продуктомъ творчества Кювье, и хотя сравнительная ана-

[1]) Въ 1830 г. Сентъ-Илеръ доказывалъ принципъ единства органическаго типа; Кювье же считалъ это единство утопіей.

томія существовала и до него, но онъ признается ея основателемъ. Онъ первый формулировалъ ея законы и выяснилъ способы ихъ примѣненія.

Пользуясь законами сравнительной анатоміи, Кювье создалъ палеонтологію, угадалъ признаки исчезнувшихъ видовъ животныхъ, отъ которыхъ остались лишь неполные скелеты. Первыя его *Изслѣдованія о скелетахъ ископаемыхъ четвероногихъ* (*Recherches sur les ossements fossiles des quadrupèdes*) опубликованы въ 1812 году.

Среди сочиненій, изданныхъ до 1815 года, надо отмѣтить еще *Rapport historique sur les sciences naturelles depuis* 1789, появившееся въ 1810 году, и *Похвальныя рѣчи* (*Eloges*), произнесенныя имъ въ качествѣ секретаря Академіи наукъ и имѣющія большой историческій интересъ.

Ботаника, въ свою очередь, не отставала отъ зоологіи. Въ періодъ 1789—1824 гг. Антуанъ-Лоранъ де Жюссье въ цѣломъ рядѣ мемуаровъ старался усовершенствовать свой методъ классификаціи и описанія семействъ и видовъ. Однако, его система въ отношеніи естестенной группировки семействъ далеко не всѣми была признана, и кромѣ нея появилось множество другихъ методовъ. Первый шагъ впередъ сдѣлалъ Огюстэнъ-Пирамъ де Кандолль (1778—1841), изъ Женевы, въ своемъ сочиненіи *Théorie élémentaire de la botanique* (1813, 2-е изд. 1819); онъ сохранилъ подъ другими наименованіями три крупныхъ подраздѣленія, предложенныя Жюссье: на безсѣмянныхъ односѣменодольныхъ и двусѣменодольныхъ.

Новой отрасли науки положено основаніе въ сочиненіи *Очеркъ географіи растеній* (*Essai sur la géographie des plantes* 1805 г.), опубликованномъ Александромъ Гумбольдтомъ и Бонпланомъ по возвращеніи ихъ изъ путешествія по Америкѣ (1799—1804 гг.).

По палеонтологіи растеній появилось нѣсколько сравнительно мелкихъ очерковъ, зато труды Кювье, и въ особенности его *Discours sur les révolutions du globe* въ предисловіи къ *Recherches* 1812 года, дали новый толчокъ геологическимъ изысканіямъ.

Развивая свои прежнія работы въ большомъ *Traité de minéralogie* (1801), Гаюи тѣмъ самымъ открывалъ новую эру для минералогіи, въ основу которой положилъ кристаллографію. Въ то же время нѣмецкій ученый Вернеръ (1750—1817) въ Фрейбергскомъ горномъ училищѣ развивалъ свои методы, въ теченіе нѣкотораго времени какъ бы уравновѣшивавшіе идеи Гаюи. Основываясь исключительно на внѣшнихъ признакахъ минераловъ, которые могутъ быть установлены безъ посредства какихъ-либо искусственныхъ приборовъ, Вернеръ сумѣлъ опредѣлить эти признаки съ точностью, дотолѣ неслыханной, и вмѣстѣ съ тѣмъ установилъ принципъ методическаго опредѣленія. Онъ хотѣлъ образовать три отрасли науки: *ориктогнозію* [1]), ученіе о минералахъ; *геогнозію*, ученіе о веществахъ, входящихъ въ составъ земной коры; *геогонію*, теорію образованія земного шара. Въ этой области онъ придерживался теоріи воднаго происхожденія породъ и считается основателемъ „нептунизма".

Во Франціи и въ Англіи преобладали идеи *Epoques de la Nature* Бюффона; ученые склонялись въ сторону теоріи, приписывавшей главную роль дѣйствію центральной теплоты земного шара,— „вулканизма". *Теорія земли* Геттона (*Théorie de la Terre*, 1795) и дополненія къ ней Плэйфера (1802) особенно выдѣляются, какъ попытки объяснить превращенія земной коры причинами аналогичными съ тѣми, какія мы наблюдаемъ въ наше время при землетрясеніяхъ и

1) *Трактатъ* Вернера считается наиболѣе выдающимся изъ его трудовъ.

вулканическихъ изверженіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Геттонъ и Плейферъ не упускали изъ виду нынѣшняго состоянія сравнительной устойчивости земной коры. Споръ между „нептунистами" и „вулканистами" сосредоточился главнымъ образомъ на вопросѣ о происхожденіи базальтовыхъ породъ. Французскій геологъ Доломье (1750—1801), „вулканистъ", все же призналъ, что нѣкоторыя изъ этихъ породъ воднаго происхожденія и что только часть ихъ можетъ быть отнесена къ вулканическимъ.

Школа Вернера пала подъ ударами блестящихъ учениковъ его—Александра Гумбольдта (1769—1859) и въ особенности Леопольда фонъ-Буха (1774—1853). Послѣдній съ 1798 года много путешествовалъ по Италіи и Оверни; онъ быстро отказался отъ своихъ убѣжденій, послѣ того какъ изслѣдовалъ чисто вулканическія области. Въ Швеціи Бухъ констатировалъ случаи поднятія почвы безъ изверженія и сдѣлалъ ихъ исходнымъ пунктомъ своей теоріи, которая была имъ создана лишь въ 1822 году. Съ другой стороны, наблюденія Буха надъ образованіемъ доломитовыхъ массъ въ Тиролѣ положили основаніе ученію о метаморфизмѣ, которое дало возможность разрѣшить большинство вопросовъ, составлявшихъ предметъ спора между „нептунистами" и „вулканистами".

Палеонтологическія открытія Кювье заставили ученыхъ обратить главное вниманіе на другіе пункты. Кювье задался мыслью опредѣлить порядокъ послѣдовательности различныхъ пластовъ воднаго происхожденія по ихъ ископаемымъ. Онъ разрѣшилъ проблему въ общихъ чертахъ и сумѣлъ установить отличіе прѣсноводныхъ отложеній отъ отложеній морскихъ. Ученіе Кювье заключало въ себѣ два недостатка. Послѣдовательныя геологическія эпохи, по его теоріи, отдѣлены другъ отъ друга катастрофами, которыя совершенно уничтожаютъ фауну предыдущаго періода; послѣ катаклизма появляются новые виды. Кювье считаетъ возможнымъ доказать, что послѣдняя крупная и внезапная катастрофа произошла 5 или 6 тысячъ лѣтъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря ясности идей Кювье получилась возможность намѣтить вопросы, изъ-за которыхъ впослѣдствіи возгорѣлась полемика.

Физіологія, медицина и хирургія. — Въ области медицины Франція нѣсколько отстала отъ другихъ націй, но революція и тутъ произвела переворотъ. Биша (1771—1802) пріѣхалъ въ Парижъ изъ Льени въ 1793 году къ хирургу Дезо, который основалъ въ *Hôtel-Dieu* первую клиническую школу. Дезо поручилъ Биша редактированіе *Journal de Chirurgie;* послѣ смерти Дезо Биша издалъ его *Oeuvres chirurgicales* въ 1798—1799 гг. Впослѣдствіи Биша бросилъ хирургію и занялся исключительно физіологіей. Въ 1800 г. появились *Traité des membranes* и *Recherches sur la vie et la mort*; въ 1801 г. изданъ безсмертный трудъ Биша *Anatomie générale*, а также начата *Описательная анатомія* („Anatomie descriptive"). Въ 1802 г. Биша скончался отъ тифозной горячки, истощенный нечеловѣческимъ трудомъ; оставшіеся послѣ него документы указываютъ на то, что онъ имѣлъ въ виду охватить весь циклъ медицинскихъ наукъ. По открытіямъ Биша въ области физіологіи можно заключить объ изслѣдованіяхъ въ другихъ отрасляхъ науки, которымъ помѣшала ранняя смерть.

Имя Биша обыкновенно связывается съ именами Борде и Бартеза; дѣйствительно, онъ пошелъ по ихъ стопамъ и привезъ въ Парижъ идеи, почерпнутыя въ Монпелье. Но Биша своими капитальными трудами показалъ, какъ нужно понимать и примѣнять эти идеи; онъ связалъ эти идеи съ результатами, добытыми путемъ систематическихъ повторныхъ наблюденій, и кромѣ того выяснилъ на

примѣрѣ огромное значеніе экспериментальнаго метода. Прежде всего Биша устранилъ вопросъ о причинахъ явленій; въ этомъ и заключается смыслъ знаменитаго его изреченія, надъ которымъ столько посмѣивались: „Жизнь есть совокупность функцій, оказывающихъ сопротивленіе смерти". Биша не думаетъ о томъ, что такое жизнь по существу; но зато онъ ясно разграничиваетъ жизненныя свойства, не поддающіяся объясненію при посредствѣ физическихъ законовъ, отъ свойствъ мертвой природы. Напримѣръ, расширяемость и сократимость тканей—явленія чисто физическія, наблюдающіяся и послѣ смерти. Но Биша признаетъ существованіе органической чувствительности (не воспринимаемой) и животной чувствительности (сознаваемой), которымъ соотвѣтствуютъ сократимость органическая и сократимость животная. Величайшая заслуга Биша заключается въ разложеніи всего животнаго организма на простыя ткани, первичные элементы органовъ съ физіологической точки зрѣнія, обусловливающіе своими свойствами ихъ функціонированіе.

Болѣзни, по мнѣнію Биша, суть измѣненія тканей и различаются смотря по тому, какія ткани поражены. Отсюда выводъ, что терапевтика должна стремиться привести измѣненныя жизненныя свойства къ нормальному состоянію. Эти принципы положены въ основу работъ великихъ дѣятелей медицины начала XIX вѣка.

Бруссэ (1772—1838), постоянно находившійся при арміи, въ 1808 году издалъ свою *Histoire des phlegmasies chroniques*, а въ 1817 г.—*Examen des doctrines médicales*. Эти работы произвели настоящій переворотъ въ терапевтикѣ. Источникъ всѣхъ болѣзней по Бруссэ—воспаленіе тканей; отсюда возникла такъ называемая *антифлогистическая* система лѣченія, которая, повидимому, нашла себѣ опору въ образѣ жизни высшихъ классовъ первой имперіи.

Корвизаръ (1776—1821), профессоръ *Collège de France* (1797), придворный врачъ Наполеона, примѣнялъ методы Биша къ изученію болѣзней сердца. Леннекъ (1781—1826), изобрѣтатель аускультаціи и *стетоскопа*, примѣнилъ этотъ методъ къ груднымъ болѣзнямъ.

Одинъ изъ учителей Биша, Пинель (1745—1826), главный врачъ *Bicêtre* [1]) (1785), потомъ *Salpêtrière* [2]) (1794), замѣнилъ варварское отношеніе къ умалишеннымъ мягкими мѣрами. Его „*Nosographie philosophique*" (1798) замѣчательна тѣмъ, что онъ, ссылаясь на Кондильяка, хотѣлъ внести преобразованіе въ изученіе болѣзней, сообщивъ литературность своему изложенію. Чтеніе этого сочиненія Пинеля внушило Биша планъ его *Traité des membranes*. Кабанисъ (1757—1808) въ своихъ медицинскихъ сочиненіяхъ, и въ особенности въ „*Rapports du physique et du moral de l'homme*" (1802), возвращается къ идеямъ XVIII вѣка. У него есть полезныя указанія относительно искусства наблюденія; Кабанисъ настаиваетъ также на раздѣленіи нервной системы на мозговую и гангліозную.

Величайшіе хирурги этой эпохи, Перси и Ларрей, находятся при арміяхъ; тутъ же на мѣстѣ они обучаютъ помощниковъ; общій девизъ при этомъ—быстрота и рѣшимость. Еще Фуркруа въ своемъ докладѣ объ организаціи фельдшерскихъ школъ выразилъ тенденцію эпохи революціи: поменьше читать, побольше наблюдать и много работать практически.

Дезо, какъ бы созданный для того, чтобы руководить реформой, умеръ молодымъ въ 1795 году; должность главы школы въ Парижѣ была занята лишь позже Дюпюитраномъ (1777—1835). Послѣдній былъ руководителемъ практическихъ занятій по анатоміи въ парижскомъ факультетѣ съ 24 лѣтъ, въ 1812 г. занялъ каѳедру оперативной медицины, а

[1] и [2]) Извѣстныя больницы для умалишенныхъ.

въ 1815 г. назначенъ старшимъ хирургомъ *Hôtel-Dieu*. Дюпюитранъ мало писалъ, но, какъ профессоръ, онъ имѣлъ огромное значеніе. Работая безъ устали, онъ всѣ свои усилія направлялъ кь точной постановкѣ діагноза. Когда миръ возстановилъ правильныя научныя сношенія между европейскими націями, имя Дюпюитрана затмило имена такихъ хирурговъ, какъ Скарпа (1747—1832) въ Павіи и Астлей Куперъ (1768—1841) въ Лондонѣ.

Общій взглядъ на научный прогрессъ эпохи.—Мы попытались набросать штрихи общей картины научнаго прогресса въ эпоху революціи, рѣзко отличающагося отъ науки XVIII вѣка. Этотъ вѣкъ являлъ картину естественнаго и постепеннаго развитія принциповъ, провозглашенныхъ Декартомъ, Ньютономъ и Лейбницомъ. Наоборотъ, эпоха революціи и первой имперіи, даже съ точки зрѣнія строго научной, знаменуетъ „поворотный пунктъ“ въ исторіи.

Можно было предугадать великіе синтезы, созданные Лагранжемъ и Лапласомъ; но кто могъ предвидѣть возвратъ къ геометріи, провозглашенный Монжемъ, и почему это движеніе не проявилось ранѣе? Кто могъ догадаться о новыхъ путяхъ, впослѣдствіи открывшихся для чистой науки, о неизвѣданныхъ областяхъ знанія, доставшихся ученымъ XIX вѣка?

Законы, опредѣляющіе развитіе знанія, лучше всего проявляются въ наблюдательныхъ наукахъ. Подробное изслѣдованіе неба рано или поздно должно было привести къ открытію малыхъ планетъ; динамическое электричество могло получить признаніе лишь послѣ того, какъ было изучено статическое электричество; поляризація, интерференція нисколько не соотвѣтствуютъ явленіямъ, *непосредственно* наблюдаемымъ въ оптикѣ; законы Дальтона и Гэй-Люссака могли быть установлены только послѣ открытій Лавуазье; сравнительная анатомія и палеонтологія вѣнчаютъ науку, являются плодомъ вѣковыхъ усилій, а вовсе не представляютъ чего-либо самостоятельно родившагося; то же слѣдуетъ сказать и о трудахъ Биша.

Но если разсматривать всю совокупность этихъ открытій на пространствѣ столь короткаго промежутка времени, если подумать о томъ, насколько они облегчили человѣчеству проникновеніе въ тайны природы, насколько они оказались плодотворными впослѣдствіи, то по сравненію съ предыдущимъ вѣкомъ эпоха революціи покажется небывалой жатвой, наступившей послѣ долгихъ безплодныхъ трудовъ. Капиталъ больше чѣмъ удвоился, и послѣдующіе урожаи были обезпечены.

Въ то же время обозначилось новое теченіе: наука заняла подобающее ей мѣсто въ ряду предметовъ преподаванія и сдѣлалась независимой. Ученый пересталъ называть себя философомъ; изслѣдованіе причинъ уже не такъ его интересуетъ; вмѣсто этого онъ отдается практикѣ. Позитивныя тенденціи выдвигаются на первый планъ не только въ силу законовъ ума, но потому еще, что это было время борьбы и дѣятельности, когда утопическія мечтанія казались не у мѣста.

Научное мышленіе имѣетъ въ виду открытіе точныхъ законовъ, могущихъ проявиться въ опредѣленныхъ слѣдствіяхъ. Конечно, прошлое не забывается; старыя гипотезы, какъ, напримѣръ, гипотеза флюидовъ, не прекратили своего существованія, но новыя поколѣнія начинаютъ понимать, что онѣ сохраняются только для удобства. Относительная неудача новой атомистической гипотезы Дальтона, которая имѣла всѣ шансы на всеобщее признаніе, есть знаменіе времени.

Какъ бы для контраста съ Франціей и Англіей—Германія въ эту эпоху создала цѣлый рядъ могучихъ метафизическихъ системъ. Вслѣдъ за Кантомъ появились Фихте, Шеллингъ и Гегель, но все же часъ возрожденія наукъ еще не пробилъ въ этой странѣ.

Борьба между двумя націями-соперницами ведется въ эту эпоху не только на театрѣ войны, но и въ лабораторіяхъ. Чисто-философское движеніе развивается нѣсколько слабѣе, но и оно носитъ на себѣ особый отпечатокъ. Необходимо было найти новую почву, въ подражаніе наукѣ заимствовать у нея аналитическій методъ для изученія духовной стороны человѣческой природы, открыть путемъ наблюденія законы разума, отказавшись отъ опредѣленія его сущности, происхожденія или назначенія. Какъ ни несовершенны попытки въ этомъ направленіи, какъ ни незначительны результаты, все же они заслуживаютъ быть отмѣченными. Такимъ образомъ возникла психологія.

Одновременно съ этимъ политическая экономія начинаетъ привлекать въ свои ряды все большее число ученыхъ. Въ этой области впереди другихъ идетъ Англія. Въ Глэсго вслѣдъ за Адамомъ Смитомъ (1723—1790) появился Томасъ Ридъ (1716—1796), основатель шотландской школы. Преемниками его были въ Эдинбургѣ Дюгальдъ-Стьюартъ (1759—1828), а во Франціи Ройе-Колларъ (1763—1845). Въ Англіи преемникомъ автора *Богатства народовъ* былъ Робертъ Мальтусъ (1764—1834), а во Франціи Жанъ-Баптистъ Сэй (1767—1832), который съ 1803 года сталъ издавать свой *Traité d'économie politique* въ духѣ Адама Смита.

Послѣ революціонной смуты небольшая группа лицъ, интересовавшихся философіей во Франціи, образовала союзъ; это были умѣренные либералы, но Наполеону ихъ идеи не понравились. Они назвали себя *идеологами* по почину Дестю де Траси (1754—1836), наиболѣе выдающагося члена союза. Траси—послѣдователь Кондильяка, но группа идеологовъ представляетъ собою скорѣе совокупность разныхъ лицъ, чѣмъ школу. Кабанисъ примкнулъ къ матеріалистамъ, Мэнъ де Биранъ (1766—1824)—къ спиритуалистамъ. Въ періодъ реставраціи возобновилась борьба школъ во Франціи, отчасти впрочемъ подъ вліяніемъ германскихъ идей; Англія же постепенно начала освобождаться отъ вліянія германской философіи.

Глава XII.

Италія

съ 1800 по 1814 г.

I.—Установленіе наполеоновскаго господства.

„13 мѣсяцевъ“. — Когда французскія войска подъ натискомъ Суворова очистили въ 1799 году сѣверную Италію, ихъ провожали симпатіи лишь небольшого меньшинства; вожди его послѣдовали за отступавшими и остались въ Шамбери дожидаться возвращенія французовъ—оно казалось тогда мало вѣроятнымъ—въ страну, которой они не сумѣли удержать. Изъ извѣстій, доходившихъ къ бѣглецамъ, повидимому, можно было заключить, что послѣ ряда временныхъ неудачъ на полѣ битвы, дѣло Франціи окончательно потеряно въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Австрійцы и русскіе въ своемъ шествіи не встрѣчали ни сопротивленія, ни даже неудовольствія. Деревенское населеніе, на долю котораго достались только тягости французской оккупаціи и войны, дружно поднималось съ приближеніемъ войскъ коалиціи, мстило приверженцамъ павшаго режима, открывало казакамъ ворота городовъ и взрывами восторга привѣтствовало въѣздъ Суворова въ Миланъ (29 апрѣля) и въ Туринъ (іюль). Знать и духовенство радовались революціи, которая, думали они, вернетъ имъ ихъ привилегіи. Молодая итальянская національная партія выразила свои чувства отправкой отряда волонтеровъ для участія подъ русскимъ знаменемъ въ осадѣ Анконы, гдѣ вождь ихъ Лагозъ былъ убитъ французами. Выразителемъ настроенія среднихъ классовъ явился Парини, привѣтствовавшій въ австрійцахъ освободителей, посланныхъ судьбой дать Италіи спокойствіе, въ которомъ она нуждалась послѣ стольких потрясеній.

Иллюзіи эти были непродолжительны, Вмѣсто того, чтобы установить въ отвоеванныхъ странахъ прочный національный режимъ, завоеватели думали только объ использованіи ихъ богатствъ, о дальнѣйшей же ихъ судьбѣ заботились мало, взявъ на себя лишь роль орудія мести въ рукахъ прежнихъ партій. „Тринадцать мѣсяцевъ“ запечатлѣлись въ памяти ломбардскаго населенія, какъ эпоха насилій, нищеты и страданій.

Въ Миланѣ имперскій комиссаръ Кокастелли однимъ почеркомъ пера отмѣнилъ всѣ установленія Цизальпинской республики, возстановилъ всѣ былыя формы и несправедливости австрійскаго режима и, помимо реакціи противъ распоряженій павшаго правительства, сталъ гнуснымъ образомъ преслѣдовать его вождей. Въ

первые же дни послѣ занятія города Кокастелли арестовалъ и выпоролъ на площади цѣлыя сотни патріотовъ, секвестровалъ имущество такихъ людей, какъ герцогъ Мельци и герцогъ Сербеллони, которые приняли участіе въ революціонномъ движеніи только съ цѣлью умѣрить его; наконецъ, гонимый изъ Милана успѣхами французскаго оружія (май 1800), онъ увелъ съ собой человѣкъ сорокъ обвиняемыхъ, по большей части крупныхъ должностныхъ лицъ временъ республики: имъ предстояло поплатиться каторгой въ Боккѣ Каттарской за принятіе этихъ должностей.

Какъ ни тягостно было впечатлѣніе, произведенное этими безцѣльными жестокостями, недовольство, вызванное денежными вымогательствами Австріи, было еще сильнѣе и все возрастало. Генералы и офицеры замучили сельское населеніе реквизиціями, повторявшимися безпрестанно и всегда превышавшими потребности, наказывали палками недостаточно расторопныхъ исполнителей приказаній, расхищали потомъ добытые такимъ путемъ припасы и вызвали этимъ острый экономическій кризисъ, въ которомъ народъ винилъ именно ихъ. Энтузіазмъ, съ какимъ было приняли австрійцевъ, смѣнился теперь столь же сильною ненавистью къ нимъ, и Тугутъ не безъ основанія писалъ къ Коллоредо: „Безъ сомнѣнія, наша армія, а также и лица, дѣйствовавшія совмѣстно съ нѣй, вели себя въ Италіи такимъ образомъ, что нѣтъ ни одного итальянца, который не предпочелъ бы французскаго господства или правительства Цизальпинской республики австрійскому деспотизму“.

Ранняя пора французской оккупаціи.—Эти предположенія вскорѣ оправдались. Когда французскія войска снова появились въ равнинахъ Ломбардіи (іюнь 1800 г.) [1]), они встрѣтили тамъ такой же пріемъ, какъ войска коалиціи въ предшествовавшемъ году. Бонапартъ, не безъ намѣренія воспользоваться этимъ настроеніемъ, дѣлалъ все, чтобы поддержать его: былъ предупредителенъ къ духовенству, обратился съ благосклонною рѣчью къ миланскимъ священникамъ, обѣщалъ управленіе, опирающееся на „религію, равенство и порядокъ“.

Тѣмъ не менѣе, населенію пришлось болѣе года дожидаться осуществленія возбужденныхъ его рѣчью надеждъ. Прежде чѣмъ давать Ломбардіи законы, нужно было дать ей опредѣленныя границы и для этого продолжать на рѣкѣ Адидже (Эчъ) борьбу, которую такъ быстро удалось закончить на р. По. Для удовлетворенія нуждъ участвовавшей въ этой борьбѣ стотысячной арміи Наполеонъ въ 1800 году такъ же, какъ и въ 1796 г., вынужденъ былъ подчинить военнымъ требованіямъ свои политическіе проекты, отложить до водворенія мира установленіе національнаго, правильнаго и бережливаго режима, придать всей своей работѣ временный и неустойчивый характеръ. Въ моментъ своего прибытія (17 іюня) онъ возстановилъ Цизальпинскую республику, три мѣсяца спустя (7 сентября) даже расширилъ ея предѣлы присоединеніемъ Новары; однако, правителемъ онъ назначилъ француза, генерала Петье, а администрацію ввѣрилъ комиссіи изъ девяти членовъ, вскорѣ превращенной въ тріумвиратъ изъ трехъ миланскихъ адвокатовъ: изъ нихъ двое, Соммарива и Руга, только и думали о томъ, какъ бы обогатиться посреди все возраставшаго разстройства финансовъ. Ихъ лихоимство усилило тягость положенія, которое и безъ того уже было очень критическимъ благодаря войнѣ. Цизальпинская республика, вынужденная, согласно обыкновенію Бонапарта, содержать находившуюся на ея территоріи армію, должна была вносить на этотъ предметъ во французскую казну ежемѣсячную сумму въ

---

[1]) См. выше стр. 30 и слѣд.

100.000 франковъ. Къ этой тяжелой повинности присоединились безчисленныя и непрерывныя реквизаціи натурой по приказу генераловъ или даже просто поставщиковъ. Наконецъ всѣ источники богатства, которые позволяли до этого времени переносить тягость обложенія, изсякли, потому что плохіе урожаи вызвали уменьшеніе въ поступленіи поземельнаго налога, война пріостановила торговлю, а принудительные займы способствовали разстройству крупныхъ состояній. Не хватало денегъ ни на поддержаніе различныхъ общественныхъ учрежденій, которыя существовали лишь въ зачаточной формѣ, ни даже на поддержку путей сообщенія, почти повсюду пришедшихъ въ негодное состояніе. Какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ исчезла общественная безопасность, всюду возрождалось разбойничество, благопріятствуемое общимъ разстройствомъ. Правительственная комиссія, безсильная передъ мѣстными властями, которыя не признавали ея приказаній и присваивали себѣ получаемые налоги, утратила всякій авторитетъ и сдѣлалась предметомъ общаго презрѣнія. Подъ угрозой нищеты ломбардцы начинали сваливать всю отвѣтственность за свои бѣдствія на Францію и проявляли глухую вражду ко всѣмъ, кто являлся ея представителемъ. Доведенные до отчаянія, они готовы были, по свидѣтельству одного изъ нихъ, отдаться подъ власть хоть турецкаго султана, только бы онъ обѣщалъ имъ миръ, спокойствіе и безопасность.

Чрезвычайное совѣщаніе въ Ліонѣ [1]).— Къ счастью, Бонапартъ во-время понялъ, насколько такое положеніе дѣлъ въ Италіи было предосудительно для его вліянія и насколько важно было устранить это положеніе установленіемъ прочнаго правительства, способнаго предупредить нарушеніе народныхъ интересовъ и удовлетворить національныя притязанія. Этой задачѣ онъ и посвятилъ себя, какъ только Люневилльскій миръ предоставилъ ему свободу дѣйствія. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью только смягчить крайности французскаго господства въ сѣверной Италіи; самое же господство онъ стремился упрочить, такъ какъ видѣлъ въ Италіи оплотъ противъ Австріи и хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы связать Италію тѣсными узами съ Франціей. Эта двойная задача вдохновляла его политику, она же объясняетъ намъ и противорѣчія въ этой политикѣ. Прежде всего онъ заявляетъ (11 ноября) о своемъ намѣреніи поручить „консультѣ“, или собранію цизальпинскихъ нотаблей, окончательную организацію ихъ отечества; но самихъ нотаблей Бонапартъ назначаетъ изъ числа своихъ сторонниковъ; онъ самъ опредѣляетъ въ общихъ чертахъ будущее устройство, предоставляя собранію лишь обсужденіе деталей; наконецъ, онъ созываетъ нотаблей въ Ліонъ, чтобы избавить ихъ по мѣрѣ возможности отъ вліянія ихъ соотечественниковъ. Когда они, въ числѣ 454 человѣкъ, съѣхались сюда въ концѣ декабря, Бонапартъ, торжественно открывъ занятія, приступилъ къ выполненію плана, выработаннаго имъ вмѣстѣ съ Талейраномъ. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы сосредоточить всю силу власти въ рукахъ президента, а потомъ добиться того, чтобы званіе президента предоставлено было самому Бонапарту. Благодаря тому, что программа совѣщаній собранія очень предусмотрительно была обнародована заблаговременно, первую часть задачи удалось выполнить безъ всякихъ затрудненій. Проектъ конституціи, принятый безъ возраженій, предоставлялъ избирательное право корпораціи изъ ста лицъ, умышленно раздѣленныхъ на три коллегіи,—представителей науки, торговли и земельной собственности: предполагалось соперничество этихъ трехъ группъ. Власть законодательная ввѣрялась четыремъ собраніямъ; изъ нихъ два, Консульта

[1]) См. выше стр. 43.

и Цензура, наблюдали—одно за внѣшними дѣлами, другое за дѣйствіемъ конституціи, а два другихъ собранія — Совѣтъ и Законодательный корпусъ—вотировали законы, не обсуждая ихъ. Ни одно изъ этихъ собраній не было достаточно могущественнымъ, чтобы имѣть дѣйствительное вліяніе; президентъ, избираемый на десять лѣтъ, облеченный законодательной инціативой и правомъ назначенія чиновниковъ, ведущій всѣ дипломатическіе переговоры, обладалъ почти неограниченною властью. Гораздо больше затрудненій встрѣтилъ Бонапартъ въ своемъ желаніи добиться самаго званія президента. Комиссія изъ тридцати членовъ, назначенная собраніемъ для выбора достойнаго кандидата, отнеслась серьезно къ своимъ обязанностямъ и съ одобренія самого перваго консула намѣтила въ президенты итальянца, герцога Мельци. Чтобы заставить комиссію отказаться отъ своего рѣшенія въ пользу Бонапарта, пришлось пустить въ ходъ даже угрозы Талейрана и просьбы самого Мельци, который видѣлъ въ избраніи Бонапарта залогъ спасенія для своей родины. Желая заставить депутатовъ забыть то нравственное давленіе, какое на нихъ оказали, Бонапартъ вдвойнѣ удовлетворилъ ихъ національныя притязанія. Во-первыхъ, онъ назначилъ вице-президентомъ, представителемъ своей власти въ Миланѣ, то самое лицо, которое они намѣтили сначала на высшій государственный постъ. Во-вторыхъ, въ заключительномъ засѣданіи консульты (26 января 1802 г.), когда прочитанъ былъ текстъ конституціи, Бонапартъ замѣнилъ названіе Цизальпинской республики словами „Итальянская республика". Эти слова, уже сами по себѣ такъ много обѣщавшія, встрѣчены были неистовыми аплодисментами, и депутаты забыли на мгновеніе обстоятельства, при какихъ основалось новое государство, думая только о тѣхъ широкихъ перспективахъ, которыя открывались ему въ будущемъ.

Присоединеніе Пьемонта и преобразованіе Лигурійской республики. — Въ самый годъ возникновенія новой Итальянской республики Бонапартъ двумя знаменательными мѣропріятіями далъ понять, что всякое расширеніе въ западную сторону было ей закрыто: чтобы держать въ своихъ рукахъ альпійскую дорогу и всегда быть одной ногой въ Италіи, онъ присоединилъ къ Франціи Пьемонтъ; чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи морскіе рессурсы Генуи, онъ измѣнилъ ея государственный строй въ такомъ духѣ, что получилъ возможность непосредственно проявлять тамъ свое вліяніе.

Со времени австро-русскаго нашествія Пьемонтъ пережилъ тѣ же превратности, что и Цизальпинская республика. Сначала онъ подвергся всѣмъ крайностямъ реакціи, которая однако не вернула ему прежней династіи; затѣмъ онъ снова занятъ былъ французами, которыхъ встрѣтилъ съ восторгомъ, былъ подъ управленіемъ правительственной комиссіи, которая неустанно боролась съ непрекращавшимися финансовыми затрудненіями; теперь онъ желалъ прежде всего покоя, готовый купить его даже цѣной утраты номинальной независимости. Поэтому почти безъ всякаго недовольства принятъ былъ здѣсь сначала декретъ о превращеніи Пьемонта въ военный округъ (21 апрѣля 1802 г.), а затѣмъ и законъ о полномъ присоединеніи его къ Франціи (21 сентября). Тогда начался для Пьемонта самый спокойный періодъ его исторіи. Населеніе, которое по своимъ обычаямъ и даже по языку болѣе другихъ итальянцевъ подходило къ своимъ западнымъ сосѣдямъ, мало-по-малу свыклось съ режимомъ, который охранялъ матеріальные интересы и открывалъ широкую дорогу личному честолюбію.

Важныя перемѣны происходили въ то же время и въ Лигурійской республикѣ. Согласно дѣйствовавшей здѣсь конституціи, скопированной съ конституціи III года, всякая власть исходила отъ двухъ изби-

рательныхъ собраній и слѣдовательно отъ партій, главари которыхъ чередовались у власти. Такой порядокъ вещей не могъ нравиться Бонапарту, стремившемуся прочно водворить во главѣ республики своихъ сторонниковъ. И вотъ, подъ надзоромъ бонапартовскаго агента, Саличети, выработанъ былъ новый проектъ конституціи, отдававшій высшую власть *сенату* и *дожу*, который назначается лично первымъ консуломъ. 29 іюня 1802 года новое правительство начало свою дѣятельность; ему суждено было оставаться до 1805 года послушнымъ орудіемъ желаній Бонапарта и служить ему полезной поддержкой въ его борьбѣ съ Англіей.

Мельци. Въ то самое время, когда Пьемонтъ и Лигурійская республика тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, подчинены были вліянію или господству Франціи, рядомъ съ ними устроялась Итальянская республика, являя собою первый опытъ самоуправляющагося итальянскаго государства. Тотъ, кому здѣсь поручено было лѣченіе старыхъ ранъ и истолкованіе желаній Наполеона, герцогъ Мельци, тотчасъ по возвращеніи принялся за преобразованія, которыя должны были принести государству покой и благоденствіе. Былъ ли онъ на высотѣ поставленной ему задачи? Онъ принялъ власть, принеся съ собой какъ хорошія качества, такъ и недостатки большого барина, крупнаго собственника, философа. — Происходя изъ семьи, которая уже нѣсколько столѣтій давала государству славныхъ служителей, находясь благодаря своему имени выше всякихъ партійныхъ дрязгъ, онъ въ высокой степени обладалъ авторитетомъ, котораго не хватало политическимъ дѣятелямъ его времени, слишкомъ партійнымъ и одностороннимъ. Избавленный благодаря крупному состоянію отъ всякихъ заботъ по добыванію средствъ къ жизни, онъ всегда отличался неподкупной честностью, доходившей даже до излишней щепетильности. Проникнутый философскими идеями, которыя занесены были изъ Франціи и распространились по Ломбардіи стараніями Беккаріа и Верри, другъ энциклопедистовъ, свѣдущій въ соціальныхъ наукахъ, онъ провелъ всю свою молодость въ упорныхъ научныхъ занятіяхъ; единственными его развлеченіями въ то время были путешествія въ Англію и Испанію, и политическія воззрѣнія его основывались не на личномъ пристрастіи и не на инстинктѣ подражанія, а на серьезныхъ теоретическихъ познаніяхъ. Такое соединеніе столь различныхъ и крупныхъ достоинствъ не обходилось, къ сожалѣнію, безъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которыми ослаблялись и самыя достоинства. Какъ большой баринъ, Мельци не могъ избавиться отъ невольнаго отвращенія къ якобинскимъ вождямъ, поднявшимся по большей части надъ среднимъ классомъ, изъ котораго они вышли, и благодаря этому онъ встрѣчалъ вражду и сопротивленіе со стороны партіи, которая являлась въ странѣ представительницей французскихъ идей. Какъ философъ, онъ жилъ до этого времени больше въ области теоріи, чѣмъ въ живомъ общеніи съ людьми; отсюда явилась въ его политическихъ воззрѣніяхъ извѣстная доктринерская прямолинейность, которая не позволяла ему приноравливать системы къ обстоятельствамъ, заставляла его видѣть въ англійской конституціи единственный желанный идеалъ, а въ Итальянской республикѣ, въ той формѣ, въ какой она сложилась, лишь неспособный къ прочному существованію организмъ. Отсюда же являлась въ его правительственной дѣятельности та робость характера, которая лишала его и силы, необходимой для преодолѣнія препятствій, и гибкости для ихъ обхода, оставляя ему лишь способность пугаться этихъ препятствій.

Достоинства и недостатки духовнаго склада Мельци отразились на его работѣ. Ему удалось дать ей хорошее направленіе, но не довести ее до конца.

Его помощники и его первые шаги.—Работа эта была троякая: въ отношеніи національномъ надо было обезпечить новой республикѣ на практикѣ ту автономію, которая признана была за нею *Ліонскими постановленіями*; въ отношеніи политическомъ приходилось позаботиться о возстановленіи правильной работы всѣхъ правительственныхъ и административныхъ органовъ; наконецъ, въ моральномъ отношеніи надо было соотвѣтственными уступками вселить въ умы миръ, увѣренность въ безопасности и согласіе.

Изъ всѣхъ трехъ сторонъ предстоявшей Мельци задачи послѣднюю выполнить было легче всего: неизмѣримая потребность въ спокойствіи, котораго жаждали всѣ, сказывалась въ этотъ моментъ сильнѣе всякихъ партійныхъ страстей и располагала ломбардцевъ вѣрить въ того человѣка, который взялся бы за это дѣло. Вотъ почему постановленія Ліонскаго совѣщанія не встрѣтили серьезнаго сопротивленія. Что касается двухъ привилегированныхъ классовъ, которые до этого времени не мирились съ новымъ порядкомъ вещей, то уже одно имя Мельци являлось для нихъ достаточной гарантіей, а потому ему удалось безъ всякаго труда добиться если не полной ихъ солидарности съ его правительствомъ, то по крайней мѣрѣ обѣщанія благожелательнаго съ ихъ стороны нейтралитета. Онъ польстилъ привычкамъ знати, возстановивъ старый календарь, и ея вкусамъ, давъ цѣлый рядъ блестящихъ празднествъ, гдѣ знати отведено было почетное мѣсто. Духовенство онъ покорилъ тѣмъ, что привезъ изъ Ліона „органическія статьи“, которыми установлялся извѣстный modus vivendi между двумя властями; кромѣ того, онъ возстановилъ свободу публичныхъ отправленій культа, въ которыхъ самъ сталъ принимать участіе. Общее расположеніе онъ снискалъ себѣ тѣмъ, что безъ затрудненій давалъ аудіенціи всѣмъ, кто приходилъ къ нему съ какой-либо просьбой.

Наибольшей деликатности требовалъ вопросъ объ отношеніи къ Франціи. Сохраняя поддержку Бонапарта, которую онъ считалъ цѣнною для самаго существованія республики, и содѣйствіе французской арміи, которое казалось ему необходимымъ для поддержанія порядка, онъ долженъ былъ въ то же время щадить вполнѣ естественное чувство самолюбія своихъ соотечественниковъ. Если ему и не удалось избавить казну отъ расходовъ на содержаніе оккупаціонной арміи, онъ добился по крайней мѣрѣ того, что расходы эти покрывались напередъ опредѣленной суммой, послѣ чего уже не являлось никакихъ добавочныхъ взиманій въ видѣ реквизицій. Если онъ счелъ нужнымъ оставить французскіе гарнизоны въ важнѣйшихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ, зато столицу онъ занялъ національными войсками. Если подозрительный нравъ и вѣчная нужда въ деньгахъ Мюрата, командовавшаго итальянской арміей, были для Мельци предметомъ постояннаго безпокойства, онъ все-таки сумѣлъ значительно сократить его требованія отчасти путемъ убѣжденія, отчасти своими постоянными обращеніями къ первому консулу. Въ общемъ, общественное мнѣніе на первое время довольствовалось признаками улучшенія въ отношеніяхъ къ Французской республикѣ, и въ этомъ смыслѣ Мельци вполнѣ удовлетворялъ его.

Политическая задача вице-президента была гораздо сложнѣе. Приходилось ввести свободное правительство у народа, который до тѣхъ поръ находился подъ властью чужеземцевъ, и создавать правильную администрацію въ государствѣ, совершенно разстроенномъ шестью годами войнъ и революцій. Самъ Мельци не обладалъ настойчивой волей и способностью проникновенія въ детали — качествами, столь необходимыми для осуществленія

предстоявшей ему трудной задачи. И весьма вѣроятно, что онъ не справился бы съ ней безъ помощи человѣка, который, получивъ власть благодаря установленію Итальянской республики, достигнувъ высшихъ должностей благодаря расположенію перваго консула, сдѣлавшись позднѣе жертвой реакціи противъ французскаго вліянія, — всею своею жизнью, со всѣми своими достоинствами и недостатками сталъ какъ бы живымъ олицетвореніемъ наполеоновскаго господства въ Ломбардіи; это былъ пьемонтецъ Прина, назначенный министромъ финансовъ въ мартѣ 1802 года. Родомъ изъ Новары, бывшій финансовый членъ королевства Сардинскаго, Прина во всю свою долгую карьеру являлъ образецъ непреклонной воли, которая въ его обращеніи сказывалось упрямствомъ, доходившимъ иногда до грубости; образецъ технической сноровки, благодаря которой онъ играя справлялся съ самыми безвыходными трудностями своей задачи; образецъ неутомимой работоспособности, которая направлена была на самые разнообразные предметы и не останавливалась даже передъ мелочами. Его полномочія, болѣе чѣмъ когда-либо важныя въ эпоху преобладающаго значенія финансоваго вопроса, поставили въ зависимость отъ него остальныхъ товарищей и позволили ему играть въ теченіе всего французскаго господства роль главы министерства.

Едва вернувшись въ Миланъ, Мельци смѣло принялся за работу. Прежде чѣмъ покинуть Ліонъ, Бонапартъ намѣтилъ главныхъ министровъ и самъ выбралъ членовъ въ будущіе совѣты изъ среды умѣренной партіи. Такимъ образомъ установлены были колеса законодательной машины, оставалось обезпечить ея работу. Въ маѣ Мельци созвалъ избирательныя коллегіи для замѣщенія случайно освободившихся мѣстъ въ совѣтахъ, а немного времени спустя созванъ былъ и *Законодательный корпусъ*, который и засѣдалъ три мѣсяца, принявъ за это время цѣлый рядъ законовъ касательно департаментскихъ властей, народнаго образованія, арміи и національной гвардіи. Въ теченіе этого организаціоннаго періода первенствующая роль должна была принадлежать власти исполнительной.

Меньше, чѣмъ черезъ годъ, подъ тройнымъ вліяніемъ Бонапарта, Мельци и Прины, всѣ главныя общественныя учрежденія были возстановлены и дѣйствовали довольно удовлетворительно. Заботы правительства направлены были прежде всего на финансовое вѣдомство, которое было въ крайнемъ разстройствѣ, и на личный составъ его, черезчуръ многочисленный и пестрый. Прина съ неустрашимой энергіей и ничѣмъ непоколебимой твердостью принялся за уничтоженіе злоупотребленій. Такъ какъ число чиновниковъ, возросшее благодаря партійному обыкновенію раздавать мѣста своимъ сторонникамъ, значительно превышало служебныя потребности, Прина сократилъ штаты болѣе, чѣмъ наполовину, уплативъ мѣсячный окладъ тѣмъ, кто лишился должности. Такъ какъ разстройство въ отчетности увеличило самую возможность обогащаться на казенный счетъ и развило у многихъ привычку къ этому, то онъ заявилъ въ цѣломъ рядѣ совершенно откровенныхъ циркуляровъ, что отнынѣ воздвигнута будетъ „глухая стѣна“ между честными и безчестными чиновниками, причемъ послѣдніе будутъ подлежать немедленному увольненію. Наконецъ, чтобы пополнить дефицитъ, Прина назначилъ комиссію по ликвидаціи долга, подчинилъ расходы точному контролю, ввелъ въ администрацію строгій порядокъ и представилъ Законодательному корпусу 92-хъ милліонный бюджетъ на 1803 годъ съ дефицитомъ только въ 14 милліоновъ; на слѣдующій годъ достигнуто было бюджетное равновѣсіе. Послѣ возстановленія кредита самой настоятельной потребностью республики являлось

созданіе арміи, которая была бы въ состояніи защищать границы и тѣмъ самымъ уничтожала бы необходимость французской оккупаціи. На службѣ республики въ то время состояло нѣсколько батальоновъ, всего числомъ до 8.000 человѣкъ разныхъ проходимцевъ, набираемыхъ по найму, подъ командой случайныхъ офицеровъ безъ военной подготовки, безъ военныхъ талантовъ. Въ эту армію надо было теперь ввести правильный національный рекрутскій наборъ. Это и было сдѣлано закономъ 13 августа 1802 года, который, вводя рекрутскій наборъ, далъ возможность довести дѣйствующую армію до двадцати тысячъ человѣкъ при сорока тысячахъ запасныхъ. Немного спустя основаны были военныя училища въ Павіи и Моденѣ. — Что касается народнаго образованія, то для его реорганизаціи надо было только воспользоваться умственными силами, которыми такъ богата была Ломбардія, и открыть вновь университеты въ Болоньѣ и Павіи.

Послѣ устройства всѣхъ главныхъ органовъ правительства Мельци оставалось выполнить послѣднюю и самую трудную работу, а именно—возстановить внѣшній порядокъ и общественную безопасность, нарушенные толпою праздношатающихся, выброшенныхъ на улицу непрерывнымъ рядомъ войнъ и революцій. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, онъ рѣшилъ, по совѣту Бонапарта, отдѣлаться отъ нихъ, записавъ ихъ въ ряды особаго дисциплинарнаго военнаго отряда, получившаго названіе „итальянскаго легіона“ и отправленнаго нѣкоторое время спустя въ качествѣ гарнизона на островъ Эльбу. Чтобы помѣшать возобновленію вооруженныхъ грабежей и многочисленныхъ убійствъ, затруднявшихъ сообщенія и вызывавшихъ общее безпокойство, Мельци создалъ національную жандармерію, организованную по французскому образцу, набранную изъ отставныхъ солдатъ и устроенную по-военному. Это была рѣшительная новость въ странѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ полицейскія обязанности исполнялись приставами (сбирами), пользовавшимися общимъ презрѣніемъ и лишенными всякаго авторитета въ глазахъ даже тѣхъ, кого они призваны были защищать.

Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, выработаннымъ по соглашенію Бонапарта и Мельци и тутъ же своевременно примѣненнымъ, порядокъ и довѣріе возстановлялись мало-по-малу въ новомъ государствѣ, жители котораго стали забывать свои бѣдствія подъ эгидой по истинѣ благодѣтельнаго правительства.

Эра затрудненій. Однако эти первые успѣхи остались безъ продолженія, и Итальянская республика никогда не поднялась выше той степени благосостоянія, на которую поднялъ ее Мельци въ первый же годъ своего вице-президентства. Одаренный всѣми душевными качествами, нужными для упроченія этого благосостоянія, Мельци не обладалъ твердостью духа, необходимою для того, чтобы заставить дѣло развиваться, и вскорѣ онъ натолкнулся на всякаго рода затрудненія, которыя не дали ему завершить ни одной стороны его задачи.

Прежде всего онъ не былъ въ состояніи избѣгнуть преткновеній и треній, какія неминуемо должны были возникнуть въ его сношеніяхъ съ французскими властями. Въ этомъ смыслѣ положеніе его было крайне щекотливо, ибо служебное положеніе дѣлало его обязательнымъ посредникомъ между оккупаціонной арміей, съ ея иногда черезчуръ завоевательскими замашками, и народомъ, настроеніе котораго самъ Мельци опредѣляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „пассивное озлобленіе противъ французовъ охватило рѣшительно всѣхъ“. Поведеніе начальника французскихъ войскъ Мюрата вовсе не способствовало примиренію умовъ. Онъ окружилъ себя небольшой кучкой недовольныхъ, составлявшихъ послѣдніе обломки край-

ней партіи и стремившихся дискредитировать Мельци, и вовлеченъ былъ ими въ какой-то заговоръ, цѣль котораго была погубить Мельци въ глазахъ Бонапарта. Капитанъ итальянской арміи Черони издалъ подъ псевдонимомъ сборникъ сонетовъ, гдѣ воскрешались великіе образы классической древности и нѣкоторые намеки на современность переплетались съ гордыми выходками противъ вѣчныхъ угнетателей отечества; свое произведеніе авторъ послалъ одному префекту, одному государственному совѣтнику и генералу, которые всѣ отнеслись къ нему одобрительно. Мельци, которому также послана была книжка, нашелъ, что подобныя поэтическія вольности заслуживаютъ лишь энергичнаго выговора. Такимъ образомъ дѣло казалось поконченнымъ, какъ вдругъ Мюратъ, нѣсколько дней спустя, донесъ о немъ первому консулу, раздувъ дѣло и припутавъ къ своимъ обвиненіямъ друзей поэта.

Бонапартъ страшно разгнѣвался и, подозрѣвая тутъ измѣну, потребовалъ строгаго наказанія виновныхъ, написалъ очень рѣзкое письмо вице-президенту и успокоился только тогда, когда послѣдній доказалъ ему, насколько ничтоженъ былъ весь этотъ инцидентъ.

Дѣло Черони оставило въ Мельци воспоминаніе, горечь котораго еще усилилась, когда Франція отказалась отдать владѣнія Пармы, необходимыя Ломбардіи для округленія ея границъ и настоятельно требуемыя общественнымъ мнѣніемъ.

Внутреннее положеніе и особенно моральное состояніе республики готовили ему новое разочарованіе. Если партіи сложили оружіе, если общественные классы заключили перемиріе, зато живѣе, чѣмъ когда-либо, возродился мѣстный патріотизмъ, дѣлая на долгій срокъ совершенно невѣроятнымъ возникновеніе патріотизма національнаго. Всѣ области по правому берегу По съ нетерпѣніемъ переносили верховенство Милана и стремились, по выраженію вице-президента, къ „полнѣйшему федерализму“.

Доза огорченія примѣшалась даже къ тому вполнѣ законному чувству удовлетворенія, которое вызвано было въ Мельци быстрымъ преобразованіемъ правительства. Новому государству легче было дать свободныя учрежденія, чѣмъ внушить духъ свободы. Чиновники и особенно члены представительныхъ собраній, казалось, не имѣли достаточно яснаго сознанія всей важности своей задачи и своихъ полномочій. Съ перваго же собранія избирательныхъ коллегій лица, принимавшія въ нихъ участіе, обнаружили свое равнодушіе къ общественному дѣлу, заявивъ, что впредь они не станутъ являться на вызовъ, если имъ не назначатъ прогонныхъ. Въ Миланѣ „законодатели“ тратили большую часть засѣданій на безполезныя рѣчи и пустяковые взаимные попреки, съ удовольствіемъ и безъ всякаго основательнаго повода ставили препятствія правительству, чтобы только досадить ему, а вечерами разбалтывали по кофейнямъ и клубамъ результаты совѣщаній, которые ихъ просили держать въ тайнѣ. Лицомъ къ лицу съ этими многочисленными препятствіями, которыя съ каждымъ днемъ удаляли его отъ преслѣдуемаго идеала, Мельци сталъ терять мужество и изливалъ свои жалобы въ письмахъ къ Бонапарту. Онъ выставлялъ себя окончательно непригоднымъ для исполненія ввѣренной ему задачи и настоятельно, хотя и безуспѣшно, просилъ избавить его отъ возложенныхъ на него обязанностей. Событія, происшедшія во Франціи, позволили ему осуществить это пожеланіе можетъ быть скорѣе, чѣмъ онъ разсчитывалъ.

Послѣдніе дни Итальянской республики.— Это былъ какъ разъ тотъ моментъ, когда Бонапартъ собирался превратиться въ Наполеона; съ одной стороны, ему трудно было въ одно и то же время называться императоромъ во Франціи и президентомъ республики въ Италіи; съ другой стороны,

ему очень хотѣлось присвоить себѣ титулъ, какимъ когда-то облеченъ былъ государь, котораго онъ выставлялъ какъ своего „славнаго предшественника“, именно—Карлъ Великій. И вотъ съ средины 1804 года онъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ Мельци, заставилъ подать себѣ черезъ генерала Пино адресъ съ просьбой о возстановленіи королевской власти и, предложивъ, разумѣется безрезультатно, корону своимъ братьямъ Іосифу и Людовику, рѣшилъ возложить ее на собственную голову. Къ коронованію онъ призвалъ въ Парижъ депутацію, состоявшую изъ делегатовъ отъ всѣхъ существовавшихъ палатъ и уполномоченную составить перечень гарантій, которыхъ Италія требовала отъ своего новаго повелителя. Депутація вручила ему 15-го марта 1805 года результаты своихъ совѣщаній, а 17-го онъ превратилъ ихъ въ конституціонный уставъ. Короны Франціи и Италіи соединялись въ однѣхъ рукахъ только при Наполеонѣ, который самъ назначитъ себѣ преемника въ Италіи, какъ только на континентѣ обезпеченъ будетъ миръ. Торжественно принявъ депутацію, императоръ высказалъ ей свое намѣреніе сдѣлать Италію независимой и свободной, какъ только обстоятельства позволятъ это, и заявилъ, что весною онъ явится въ Миланъ короноваться желѣзной короной ломбардскихъ королей. Для сѣверной Италіи начиналась новая эра.

Венеціанская область. — По ту сторону Адидже (Эчъ) Венеціанская область съ 1797 года, времени своего присоединенія къ Австріи, вела совершенно спокойное существованіе, столь противоположное внутреннимъ волненіямъ Итальянской республики. Новые хозяева, слишкомъ мало увѣренные въ своемъ пріобрѣтеніи, чтобы дать ему окончательное устройство, старались сдѣлать свое иго мало чувствительнымъ и не проявляли своего господства ни репрессіей, которая могла бы вызвать ненависть ихъ подданныхъ, ни устройствомъ крупныхъ общественныхъ работъ, которыя могли бы снискать ихъ привязанность. А между тѣмъ слѣдовало какъ разъ дѣйствовать быстро и энергично, чтобы остановить паденіе торговли, отъ котораго Венеція страдала съ половины XVIII вѣка, и вернуть ей благосостояніе, которое заставило бы ее забыть о потерѣ независимости. Эта бездѣятельность Австріи вмѣстѣ съ медленностью, какую проявляла она при преобразованіи администраціи отдѣльныхъ своихъ областей, мало-по-малу отдаляла отъ нея многихъ ея новыхъ подданныхъ, которые, убѣдившись въ невозможности вернуть прежній порядокъ вещей, начинали подумывать о присоединеніи къ Итальянской республикѣ.

Тоскана. — Тоскана переживала въ это время переходный періодъ между полной независимостью и присоединеніемъ къ Франціи. Ею правилъ независимый государь, но преданный Бонапарту. Она занята была французскими войсками. По договору въ С.-Ильдефонсѣ (1 октября 1800 г.) первый консулъ превратилъ Тоскану въ Этрурійское королевство и передалъ въ обмѣнъ на Луизіану Карлу IV для его зятя, герцога Пармскаго. Когда послѣдній прибылъ, чтобы вступить во владѣніе своимъ государствомъ, онъ засталъ его подъ управленіемъ комиссіи, состоявшей изъ патріотовъ, при чемъ государство было вполнѣ замирено, послѣ того какъ цизальпинскія и французскія войска раздавили послѣднее возстаніе обитателей долины Арно. Людовикъ I, слабый тѣломъ и духомъ, подверженный эпилепсіи, неспособный къ дѣятельности, предоставилъ полноту своей власти женѣ Маріи-Луизѣ, которая исполнена была нетерпимаго благочестія и находилась подъ исключительнымъ вліяніемъ папскаго нунція. Новое правительство не сумѣло ни уврачевать финансовыхъ неудачъ, ни приступить къ административной реформѣ, и единственныя распоряженія, сдѣланныя

имъ, направлены были на расширеніе привилегій духовенства и стѣсненіе свободы гражданъ. Это положеніе еще ухудшилось послѣ смерти Людовика (27 мая 1803 г.), когда Марія-Луиза сдѣлалась регентшей и первыя же ея распоряженія вызвали недовольство, подготовившее Тоскану къ мысли объ измѣненіи режима.

Римъ. Правленіе Пія VII.—Римъ съ 1789 г. управлялся кардиналомъ Кьярамонти, котораго венеціанскій конклавъ избралъ въ папы подъ именемъ Пія VII. Человѣкъ этотъ принесъ на папскій престолъ скорѣе монашескія добродѣтели, чѣмъ качества, необходимыя государю; помимо того, отъ всякихъ заботъ по управленію своимъ государствомъ его непрерывно отвлекали тѣ крупные интересы, которые ему приходилось отстаивать въ борьбѣ съ Наполеономъ. Вотъ почему, хотя онъ когда-то и обнаружилъ извѣстную широту мысли въ знаменитой своей Имольской энцикликѣ (1798 г.), гдѣ онъ провозглашалъ необходимость единенія христіанства съ демократіей, хотя совѣтникомъ его былъ человѣкъ выдающагося ума, кардиналъ Консальви, онъ все-таки не пошелъ дальше благихъ пожеланій въ дѣлѣ реформъ, которыхъ требовало состояніе его владѣній, и папскій режимъ удержался цѣликомъ, какимъ онъ существовалъ еще въ средніе вѣка, со всѣми своими несовершенствами и злоупотребленіями.

Неаполь. Правленіе Фердинанда IV.—Со времени битвы при Маренго до 1805 года Неаполитанское королевство почти безпрерывно находилось въ вассальной зависимости отъ Франціи. По Флорентинскому договору (18 марта 1801 г.) король Фердинандъ обязался помиловать всѣхъ политическихъ осужденныхъ, находившихся подъ подозрѣніемъ или изгнанныхъ, и дать занять республиканскимъ войскамъ Отранто, Тарентъ и Бриндизи. За Амьенскимъ миромъ, избавившимъ королевство отъ этой зависимости, послѣдовалъ вскорѣ разрывъ съ Англіей, въ результатѣ котораго неаполитанскія владѣнія заняты были войсками Гувіона С.-Сира. То стараясь смягчить требованія Бонапарта, то ища поддержки у кабинетовъ Вѣны и Петербурга, находясь въ то же время подъ бдительнымъ надзоромъ французскаго посланника Алькье, неаполитанскіе государи не произвели ни одной реформы въ администраціи своихъ владѣній, которымъ оставалось дожидаться французскаго господства, чтобы воспользоваться наконецъ благами просвѣщеннаго и либеральнаго режима.

II.—Апогей наполеоновскаго господства.

Планы Наполеона относительно Италіи.—Доведя до безсилія единственную европейскую державу и подчинивъ своему господству единственное національное государство, способныя оспаривать у него спокойное обладаніе Италіей, Наполеонъ послѣ 1805 года распоряжался полнымъ хозяиномъ надъ судьбами этой страны. Какіе планы были у него относительно Италіи? Вотъ вопросъ, одинаково страстно обсуждавшійся по обѣ стороны Альпъ. Одни полагали, что Наполеонъ, постоянно жертвуя итальянцами для Франціи, давалъ имъ обѣщанія только для того, чтобы сдѣлать ихъ послушнымъ орудіемъ своихъ намѣреній. Дѣйствительно, изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его переписки можно сдѣлать выводъ, что онъ считалъ ихъ неспособными къ самоуправленію. Съ другой стороны, внимательное изученіе его политики можетъ показать, что онъ останавливался каждый разъ, когда ему представлялась возможность дать имъ полную независимость. Согласно другому мнѣнію, выраженному имъ самимъ въ офиціальныхъ рѣчахъ, распространенному его приближенными на св. Еленѣ и раздѣляемому его почитателями, у него всегда было намѣреніе сдѣлать Италію независимой и свободной, и то полузависимое состояніе,

въ которомъ онъ ее держалъ, будто бы было въ его представленіи лишь этапомъ на пути къ полному освобожденію. Повидимому, нѣтъ ничего невозможнаго въ примиреніи обоихъ этихъ утвержденій, которыя одинаково непріемлемы, если ихъ выразить въ такой безусловной формѣ. Нельзя отрицать того, что Наполеонъ симпатизировалъ итальянцамъ въ силу наслѣдственнаго инстинкта и того смутнаго расоваго родства, дѣйствіе котораго сказывалось съ особой силой всякій разъ, когда онъ находился въ ихъ странѣ, въ непосредственномъ общеніи съ ними. Онъ давалъ имъ тогда обѣщанія, которыя были вполнѣ искренни и частью выполнялись имъ. Но когда, вернувшись въ Парижъ, онъ подчинялся вліянію своихъ министровъ, особенно Талейрана, или необходимости борьбы съ Англіей, ему невольно приходилось, не отказываясь окончательно отъ своихъ обѣщаній, откладывать ихъ осуществленіе и тѣмъ придавать своимъ дѣйствіямъ характеръ двуличности. Такимъ образомъ, его итальянская политика является смѣсью уступокъ, которыя были бы необъяснимы, если бы онъ стоялъ всегда только на французской точкѣ зрѣнія, и строгостей, которыя, на его взглядъ, являлись лишь временными.

Путешествіе Наполеона въ Италію. — Самое начало своего царствованія онъ рѣшилъ ознаменовать такимъ пріемомъ, который имѣлъ въ виду привязать къ себѣ новыхъ подданныхъ, давая удовлетвореніе ихъ притязаніямъ. Ему извѣстно было ихъ недовольство укоренившимися злоупотребленіями администраціи, ихъ безпокойство по поводу намѣреній австрійскаго дома, ихъ падкость къ зрѣлищу придворнаго могущества и великолѣпія. И вотъ онъ рѣшилъ явиться предъ ними политикомъ, способнымъ ихъ организовать, генераломъ, рѣшившимъ защитить ихъ, государемъ, назначеніе котораго — ихъ прославить. Онъ думалъ достигнуть этой цѣли посредствомъ путешествія по своимъ владѣніямъ, во время котораго онъ и собирался проявить себя послѣдовательно во всѣхъ трехъ отношеніяхъ. Прежде всего онъ занялся внѣшней и декоративной стороной своей роли и сумѣлъ превратить свое пребываніе въ Италіи въ цѣлый рядъ величественныхъ сценъ, способныхъ подѣйствовать на пылкое воображеніе его подданныхъ. Началось съ Павіи, гдѣ его прибытіе на ломбардскую территорію встрѣчено было звономъ колоколовъ всѣхъ церквей королевства. Затѣмъ послѣдовалъ его въѣздъ въ Миланъ (9 мая) при громѣ пушекъ и кликахъ огромной толпы, въ сопровожденіи пышнаго штаба, окруженнаго отрядомъ изъ четырехъ кирасирскихъ полковъ. Далѣе (26 мая)—знаменитая церемонія коронованія, обошедшаяся въ два съ половиной милліона и своими подробностями послужившая обильной пищей для народной легенды. Наконецъ, въ теченіе всего іюня—пышный объѣздъ всѣхъ главныхъ городовъ королевства, которые предоставляютъ своему государю почетныя свиты изъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ семействъ и получаютъ отъ него либо частныя милости, либо обѣщаніе крупныхъ предпріятій общественнаго значенія.

Пользуясь всѣми средствами для увеличенія своего вліянія на умы итальянскаго населенія, Наполеонъ не забываетъ, что посѣщаемыя имъ мѣстности въ самомъ близкомъ будущемъ сдѣлаются театромъ войны. Онъ очень ловко пользуется своимъ путешествіемъ, чтобы соединить военныя упражненія съ парадными церемоніями. Онъ устраиваетъ смотръ всей итальянской арміи, собранной въ лагерѣ у Монтекьяро, заботливо заглядываетъ во всѣ крѣпости, черезъ которыя ему приходится проѣзжать, осматриваетъ по пути гарнизоны и возвращается лишь надежно обезпечивъ защиту ломбардской границы. Наконецъ, не можетъ же онъ оставить Италію, не давъ ей окончательнаго устройства, способнаго облегчить задачу его представителя. Отсюда

цѣлый планъ реформъ, возвѣщенныхъ въ его программной рѣчи къ избирательнымъ коллегіямъ, содержащихся въ цѣломъ рядѣ сенатскихъ постановленій и дополненныхъ его письмами. Администрація упрощена, избавлена отъ безполезныхъ частей, сосредоточена цѣликомъ въ рукахъ министровъ и генеральныхъ секретарей. Управленіе будетъ ввѣрено вице-королю, который станетъ управлять именемъ государя, будетъ имѣть мѣстопребываніе въ Миланѣ и держать тамъ пышный дворъ; 7 іюня появился декретъ, которымъ назначался носитель этого титула. Это былъ пасынокъ Наполеона, принцъ Евгеній.

Евгеній Богарне; первые его шаги.—Этотъ человѣкъ, принимавшій до сихъ поръ участіе во всѣхъ волненіяхъ своего времени, выросшій въ лагерѣ бокъ-о-бокъ со своимъ отчимомъ, достигъ въ это время двадцати-четырехлѣтняго возраста, обладалъ симпатичнымъ лицомъ, которое располагало въ его пользу, блестящею отвагою, которая вызывала изумленіе, поистинѣ обворожительною внѣшностью и обращеніемъ. Къ этимъ внѣшнимъ даннымъ присоединялся честный характеръ, здравый смыслъ, природная доброта души, умъ, изощрившійся въ общеніи съ людьми и въ созерцаніи дѣятельности Наполеона. Всѣ вмѣстѣ эти качества съ самаго начала доставили ему вполнѣ понятную популярность и упрочили бы любовь его подданныхъ, если бы они не уничтожались въ немъ всецѣло однимъ чувствомъ, которому онъ подчинялъ всѣ свои мысли, а именно чувствомъ благодарности къ человѣку, котораго онъ считалъ своимъ благодѣтелемъ. Предупредить приказанія своего повелителя было для него вопросомъ чести; а для выполненія этихъ приказаній онъ жертвовалъ и своимъ самолюбіемъ; онъ становился не истолкователемъ, а послушнымъ исполнителемъ этихъ приказаній.

Одинъ случай, происшедшій въ первыя же недѣли его вице-королевства, ясно показалъ ему, какихъ принциповъ слѣдовало держаться въ своихъ отношеніяхъ къ итальянцамъ. Въ іюнѣ 1805 года созванный впервые Законодательный корпусъ принялъ лишь съ урѣзками представленный ему проектъ закона о введеніи въ королевствѣ налога на регистрацію. Императоръ страшно разгнѣвался на то, что въ его глазахъ было „отсутствіемъ уваженія“, заявилъ, что онъ сумѣетъ сломить всякое сопротивленіе и написалъ Евгенію: „Система ваша должна быть проста: такъ хочетъ императоръ“. Налогъ былъ введенъ путемъ декрета, Законодательный корпусъ перестали созывать послѣ этой единственной сессіи, и королевство вплоть до самаго конца своего существованія подчинено было режиму „просвѣщеннаго деспотизма“.

Присоединеніе Венеціанской области и территоріальное расширеніе королевства. — Впрочемъ, Наполеонъ старался показывать своимъ подданнымъ лишь выгодныя стороны ихъ положенія и сумѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сгладить дурное впечатлѣніе, произведенное на нихъ этимъ актомъ произвола. Дѣйствительно, онъ предоставилъ имъ всѣ выгоды войны, въ которой они были лишь простыми зрителями, потому что войска ихъ были слишкомъ плохо организованы и слишкомъ малочисленны, чтобы принять въ ней участіе: 30-го марта онъ подписалъ декретъ, которымъ Венеціанская область присоединялась къ королевству Итальянскому. Это мѣропріятіе заставило вздрогнуть отъ радости итальянскія сердца: они увидѣли въ немъ и обѣщаніе и удовлетвореніе своего желанія и смотрѣли на него, какъ на первый шагъ по пути, который долженъ былъ привести къ объединенію всего полуострова подъ одной державой... Другое происшествіе, случившееся почти въ то же время, окрыляло ихъ надежду на независимость королевства въ близкомъ будущемъ: это было бракосочетаніе Евгенія Богарне съ баварской принцессой.

Вице-король, которому нѣсколько недѣль спустя обѣщано было наслѣдованіе желѣзной короны, становился такимъ образомъ основателемъ національной династіи. Въ наполеоновской Италіи это былъ моментъ безграничнаго довѣрія и безпредѣльныхъ надеждъ, моментъ, единственный въ исторіи королевства. Очень скоро послѣдовало разочарованіе. Владѣніямъ Евгенія не суждено было расшириться. Если не считать Тосканы, которую сначала ему обѣщали, а потомъ не дали, и маленькаго княжества Гуасталла, присоединеннаго въ 1806 году, королевство пріобрѣло только Марки (въ 1808 г.) да итальянскій Тироль (въ 1810 г.). Къ этому времени оно состояло изъ 24 департаментовъ и имѣло шесть съ половиной милліоновъ жителей.

Образованіе итальянской арміи. — Начиная съ 1805 года, миръ на континентѣ нарушенъ былъ лишь кровавою войной 1809 года, и вице-король могъ цѣликомъ отдаться завершенію своей политической задачи. Военный вопросъ сразу сдѣлался, да такъ и остался для него главнымъ предметомъ заботъ, какъ вслѣдствіе связанныхъ съ его разрѣшеніемъ трудностей, такъ и вслѣдствіе того значенія, какое придавалъ ему Наполеонъ. Когда вице-король принималъ на себя наслѣдство Мельци, вопросъ этотъ успѣлъ получить лишь теоретическое разрѣшеніе: теперь надо было привести въ исполненіе вотированные ранѣе законы и снабдить итальянскую армію, находившуюся еще въ зачаточномъ состояніи, солдатами, офицерами, генералами.

Законъ о рекрутскомъ наборѣ, изданный въ 1802 году, предоставилъ вице-королю главное—необходимый человѣческій матеріалъ. Законъ этотъ разрѣшалъ ему издать, сообразно потребностямъ момента и размѣрамъ королевства, постановленіе о наборѣ 7.000 человѣкъ въ 1805, 12.000 въ 1806, 15.000 въ 1811, 36.000 въ 1813 году; всего 152.000 человѣкъ за десятилѣтній промежутокъ съ 1802 по 1814 годъ. Однако наборъ означенныхъ контингентовъ встрѣчалъ упорное сопротивленіе и непрерывныя трудности. Населеніе испытывало къ военной службѣ отвращеніе, тѣмъ болѣе сильное и безотчетное, что оно никогда не знало ея; молодежь стремилась уклониться отъ нея бѣгствомъ, подкупомъ чиновниковъ или преднамѣреннымъ увѣчьемъ. Количество уклонявшихся все время оставалось значительнымъ, несмотря на рядъ изданныхъ одна за другой амнистій, и возрастало пропорціонально тягости жертвъ, предъявляемыхъ народу.

Законъ о наборѣ представлялъ и другое неудобство, которое Наполеонъ немедленно устранилъ распоряженіемъ, принятымъ въ самой Франціи лишь восемь лѣтъ спустя. Путемъ замѣстительства зажиточнымъ людямъ разрѣшалось избавляться отъ обязательной военной службы; тѣмъ же способомъ избавлялся отъ нея и весь правящій классъ. Сыновья самыхъ крупныхъ плательщиковъ налоговъ каждаго департамента должны были поставлять опредѣленное число рекрутовъ, входя въ составъ двухъ отборныхъ отрядовъ — почетной гвардіи и велитовъ, предназначенныхъ охранять особу короля и служить кадрами для линейныхъ войскъ.

Наконецъ, для внѣдренія въ итальянскую молодежь военнаго духа, котораго ей не хватало, Наполеонъ постановилъ, чтобы воспитанники лицеевъ и даже университетовъ распредѣлены были на батальоны, изучали ружейные пріемы, слушали курсы тактики и стратегіи и получали военные чины.

Такимъ образомъ, располагая посредствомъ набора простымъ народомъ, зажиточными классами—посредствомъ учрежденія почетной гвардіи и велитовъ, молодежью—посредствомъ соотвѣтственной организаціи учебныхъ заведеній, Наполеонъ имѣлъ въ рукахъ всѣ элементы,

необходимые для образованія офицеровъ. Послѣдніе либо выходили изъ строя, пройдя курсъ военныхъ училищъ Павіи или Модены, либо изъ штатскихъ, пробывъ въ почетной гвардіи или въ отрядѣ пажей. Всѣ они получали солидное техническое образованіе, которое становилось еще болѣе цѣннымъ благодаря практикѣ войны и дополнялось соревнованіемъ съ французскими войсками. Вскорѣ образовался составъ молодыхъ офицеровъ, не уступавшихъ по части военнаго духа, храбрости и технической снаровки офицерамъ лучшихъ континентальныхъ армій.

Для генераловъ требовался болѣе значительный срокъ подготовки и болѣе совершенное образованіе; однако непосредственная нужда въ генералахъ заставляла Наполеона раздавать самыя высокія военныя степени людямъ, которые не оправдывали этой милости ни знаніемъ своего дѣла, ни свойствами своего характера. Такъ Наполеонъ назначилъ послѣ шестилѣтней службы начальникомъ дивизіи молодого миланца Доменико Пино, лѣнтяя, игрока и гуляку; военнымъ министромъ черезъ такой же срокъ — миланскаго адвоката Тёлье; бригаднымъ генераломъ послѣ трехлѣтней службы— Северoли ди Фаэнца. Въ противоположность своимъ французскимъ товарищамъ всѣ эти новоиспеченные генералы не могли блескомъ своихъ военныхъ талантовъ заставить забыть о своей чрезмѣрной стяжательности и сомнительной нравственности. Только одинъ изъ нихъ отличался гармоническимъ равновѣсіемъ своихъ гражданскихъ доблестей и военныхъ заслугъ; это былъ маркизъ Фонтанелли ди Модена, волонтеръ 1796 года, адъютантъ Наполеона въ 1803 году, военный министръ въ 1811, командиръ дивизіи великой арміи въ 1813 году.

Усилія Наполеона и вице-короля увѣнчались успѣхомъ. Въ тотъ моментъ, когда вмѣстѣ съ русской кампаніей началось паденіе наполеоновской системы, итальянская армія какъ по численности своей, такъ и по организаціи и по качествамъ была одною изъ первыхъ въ Европѣ. Насчитывая въ своемъ составѣ 24.000 человѣкъ въ 1805 году, 40.000 въ 1806, 45.000 въ 1809, она достигла 80.000 человѣкъ, составлявшихъ королевскую гвардію, изъ старыхъ солдатъ, и семь пѣхотныхъ полковъ, четыре полка легковооруженной пѣхоты и шесть кавалерійскихъ. Войска эти были сильны не только количествомъ, но и духомъ; изъятый изъ-подъ размягчающаго вліянія своей среды, подчиненный суровой походной дисциплинѣ, увлекаемый примѣромъ и соревнованіемъ, обладая къ тому же сильной наклонностью къ ассимиляціи, итальянскій рекрутъ быстро становился старымъ солдатомъ и по своей храбрости и чувству дисциплины соперничалъ со своими французскими соратниками, превосходя ихъ воздержаніемъ и терпѣливостью.

Хотя войска королевства принимали участіе почти только въ безплодныхъ дѣлахъ и въ войнахъ, лишенныхъ всякаго блеска, тѣмъ не менѣе ихъ лѣтопись представляетъ собою славную страницу въ исторіи Италіи. Первые вышедшіе за предѣлы своей страны солдаты вошли въ составъ неаполитанской оккупаціонной арміи (1803 г.). Въ томъ же году цѣлая дивизія, подъ начальствомъ Пино, перешла Альпы и участвовала въ 1804 г. въ тягостныхъ операціяхъ Булонскаго лагеря, а въ 1806 г. — въ безвѣстныхъ трудахъ при осадѣ Кольберга и Штральзунда. Въ 1808 году двѣ другихъ дивизіи принимали дѣятельное участіе въ Каталонской кампаніи, которая, не представляя собою большой войны, тѣмъ не менѣе сопряжена была со всѣми ея опасностями; въ кровопролитныхъ осадахъ Жироны, Остальрича и Таррагоны дивизіи потеряли половину своего состава. Въ 1809 году 20.000 итальянцевъ входило въ ту итальянскую армію, которую

вице-король съ рѣки Пьяве водилъ на берега Дуная. Въ 1812 году 30.000 пойдутъ за императоромъ въ Россію, гдѣ королевская гвардія, встрѣтивъ въ первый разъ достойное для себя поле дѣйствія, героической атакой рѣшитъ битву при Малоярославцѣ.

Такимъ образомъ въ десять лѣтъ была набрана, организована, пріучена къ войнѣ и прославлена армія, снабженная всѣми существенными частями, сознающая свою силу и достаточная для того, чтобы обезпечить, въ случаѣ переворота, независимость новаго государства. За двадцать лѣтъ до этого, когда итальянцы считались въ Европѣ совершенно непригодными къ военному дѣлу и неподдающимися чувству военной славы, — кто рѣшился бы тогда предсказать или даже только предвидѣть подобный результатъ?

Финансы. — Военное дѣло едва ли достигло бы такихъ удовлетворительныхъ результатовъ, если бы Прина не сумѣлъ разрѣшить финансоваго вопроса. Задача его была трудная. Для уплаты французской оккупаціонной арміи ежегодной требовавшейся на ея содержаніе тридцатимилліонной субсидіи, для покрытія расходовъ по выдачѣ жалованія итальянской арміи, по сооруженію крѣпостей, по функціонированію главныхъ общественныхъ учрежденій — расходный бюджетъ съ 82 милліоновъ въ 1805 году повысился до 120 въ 1808 и до 144 мил. въ 1812 году. Какъ же поднять доходы до такой же высоты? По совѣту Наполеона, Прина прибѣгнулъ къ увеличенію числа налоговъ и къ ихъ повышенію; онъ проявилъ неутомимую дѣятельность и терпѣливую изобрѣтательность, открывая всюду новые источники доходовъ. Земельныя повинности мало видоизмѣнились при его управленіи, хотя и стали значительнѣе, чѣмъ при старомъ порядкѣ; зато къ нимъ послѣдовательно присоединились: гербовой сборъ, налогъ на регистрацію, потребительный налогъ, октруа, налогъ на помолъ хлѣба, одинаково обременительный и стѣснительный, и цѣлый рядъ косвенныхъ налоговъ. Эта финансовая система встрѣтила довольно сильное сопротивленіе со стороны населенія, но жертвы, ею налагаемыя, отчасти приносились для упроченія порядка; въ будущемъ ихъ болѣе не предвидѣлось,—и онѣ являлись такимъ образомъ какъ бы данью, которую обыкновенно платятъ всѣ вновь организуемые народы за свою независимость. Кромѣ того, эта система представляла два значительныхъ удобства: съ одной стороны, она не приводила ни къ займамъ, ни къ затратѣ въ счетъ будущаго и не перелагала бремени настоящаго на грядущія поколѣнія; съ другой стороны, она соблюдала въ финансахъ строжайшую экономію, полнѣйшую гласность, бдительнѣйшій контроль,— и теперешнее правительство, въ противоположность всѣмъ предшествующимъ, могло справедливо ссылаться на то, что оно тратитъ деньги, получаемыя съ плательщиковъ налоговъ, въ ихъ же странѣ, на общее благо и безъ расточительности.

Работа Наполеона въ гражданской сферѣ; общія черты.—Работа Наполеона въ гражданской сферѣ, одинаково трудная, но болѣе сложная, чѣмъ въ военной, носила въ Италіи тѣ же черты, что и во Франціи. Отмѣченная творческою силой, вѣрностью взгляда и необычайною быстротой выполненія, она носила, во-первыхъ, политическій характеръ и коснулась общественныхъ учрежденій, въ которыхъ она стремилась разрушить автономію, чтобы превратить ихъ въ государственныя учрежденія; она носила и характеръ соціальный, и въ этомъ смыслѣ касалась отдѣльныхъ личностей, которыя она объявила равными, чтобы затѣмъ имѣть возможность подчинить ихъ себѣ. Двойной результатъ этой работы былъ тотъ, что правительству обезпечено было распоряженіе всѣми живыми силами націи, а націи открытъ свободный доступъ ко

всѣмъ благамъ, распредѣленіемъ которыхъ завѣдовало правительство.

Политическая работа Наполеона.—Чтобы достигнуть первой изъ этихъ цѣлей, Наполеонъ предпринялъ рядъ такихъ мѣръ, благодаря которымъ государство, и только оно одно, воплотило въ себѣ всю политическую, матеріальную и нравственную жизнь входившихъ въ его составъ народовъ. Политической жизни почти вовсе не было послѣ распущенія Законодательнаго корпуса. Государственный совѣтъ, учрежденный въ 1805 году, изготовлялъ законы, вице-король ихъ оглашалъ, министры примѣняли ихъ въ королевствѣ, префекты и ихъ помощники—въ департаментахъ, назначаемые государствомъ мэры—въ большихъ городахъ. Сенатъ, созданный въ 1809 году по образцу французскаго сената, получилъ назначеніе—на которое и изъявилъ согласіе—лишь зарегистровывать волю повелителя, но не обсуждать ее. Въ то же время отлично организованная полиція творила строжайшій надзоръ надо всѣмъ, что печаталось или говорилось. Такъ, журналиста Латтанци засадили въ сумасшедшій домъ за то, что онъ слишкомъ рано сообщилъ о присоединеніи Тосканы къ Франціи; другого посадили въ тюрьму за то, что онъ вышучивалъ орденъ желѣзной короны. Вооруженное такою абсолютною и безконтрольною властью правительство могло быть увѣрено, что не встрѣтитъ ни протеста, ни неодобренія.

Этою властью оно воспользовалось прежде всего для улучшенія матеріальной жизни своихъ подданныхъ. Этимъ оно достигало двойной выгоды: оно привлекало къ себѣ своихъ подданныхъ, давая благосостояніе взамѣнъ отнятой у нихъ свободы, и въ то же время оно увеличивало производительныя силы, а слѣдовательно и подлежавшее обложенію богатство королевства.

Ни въ одну эпоху итальянской исторіи не предпринималось столькихъ крупныхъ общественныхъ сооруженій. Съ 1805 по 1814 годъ 72 милліона затрачено было на устройство и поддержаніе путей сообщенія; завѣдываніе ими сосредоточено было въ рукахъ ловкаго Парадизи. Первымъ по значенію являлся Симплонскій путь, поднимавшійся на высоту 2.000 метровъ, пересѣкавшій Альпы и соединявшій Миланъ съ долиною Роны: эта колоссальная работа, совершавшаяся съ неутомимою энергіей, закончена была въ пять лѣтъ. Другія дороги прорѣзали Тироль или покрыли густою сѣтью центральную часть страны. Рѣчное плаваніе было облегчено Болонскимъ каналомъ, который сократилъ на 20 миль теченіе Рено, направивъ его въ По; Павійскимъ каналомъ городъ того же имени соединенъ былъ съ сѣверными озерами; каналъ рѣки Миньчо связалъ озера Гарду и Мантую. Намѣчался планъ другого, еще болѣе грандіознаго канала, который при посредствѣ Танаро и Бормиды долженъ былъ установить прямое сообщеніе между Адріатическимъ и Средиземнымъ морями. Казалось, что правительство Наполеона нашло секретъ осуществлять, не считаясь со временемъ, проэкты, которые вчера еще казались мечтами. — Преобразованіе городовъ совершалось съ такою же полнотой и быстротой: всюду точно по волшебству подымались изъ земли монументальныя сооруженія. Такъ, въ столицѣ появилась тріумфальная Симплонская арка, воздвигнутая въ концѣ пути того же имени; наконецъ-то законченъ былъ при помощи пятимилліонной субсидіи фасадъ собора; выравненъ былъ форумъ Бонапарта; начатъ постройкой Пантеонъ; королевскій дворецъ украшенъ живописью и скульптурой; построено двое монументальныхъ воротъ. Въ Венеціи расширена была гавань, объявлено порто-франко, для защиты гавани сооружено два форта; разведенъ огромный общественный садъ; на площади св. Марка сооруженъ новый дво-

рецъ. Въ Веронѣ исправленъ амфитеатръ и арка Гавіевъ; въ Равеннѣ реставрирована могила Теодориха. Заботясь не только объ украшеніи, но и объ обогащеніи королевства, правительство предприняло цѣлый рядъ мѣръ для поощренія земледѣлія, главнаго источника богатства страны: созданіе спеціальныхъ школъ, раздачу наградъ самымъ умѣлымъ земледѣльцамъ, значительныя преміи тѣмъ, кто изобрѣтетъ лучшую ткацкую машину для растительныхъ волоконъ или лучшій способъ добычи сахара изъ свекловицы. Правительство предохраняло населеніе даже отъ стихійныхъ и соціальныхъ бѣдствій: общественное здравіе, ввѣренное надзору гигіенической комиссіи, улучшено было распространеніемъ оспопрививанія, запрещеніемъ хоронить мертвыхъ и сажать рисъ вблизи жилыхъ мѣстъ; общественная безопасность увеличилась благодаря запрещенію нищенства и созданію четырехъ работныхъ домовъ, куда запирали бродягъ.

Правительство Наполеона не ограничивало своей задачи покровительствомъ матеріальнымъ интересамъ; повидимому, оно считало своей миссіей также и распространеніе просвѣщенія; развивъ всѣми средствами благосостояніе, оно стало поощрять знанія во всѣхъ видахъ. Особенно ревностно заботилось оно о народномъ просвѣщеніи. Къ университетамъ, существовавшимъ уже при старомъ порядкѣ, къ лицеямъ, заимствованнымъ изъ Франціи, вскорѣ присоединились въ Миланѣ, Болоньѣ и Веронѣ свѣтскія казенныя училища для дѣвицъ. Создано было и профессіональное образованіе путемъ учрежденія спеціальныхъ школъ музыкальныхъ, ветеринарныхъ, земледѣльческихъ, инженерныхъ.—Въ то же время Наполеонъ старался привлечь къ себѣ пенсіями, субсидіями, раздачей титуловъ и почестей все, что́ имѣло имя въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ. Астрономъ Оріани, физикъ Вольта получили пенсіи, знаменитый законовѣдъ Романьози — каѳедру права въ Миланѣ, эллинистъ Бодони—сумму въ 12.000 франковъ на свое изданіе Гомера. Литераторы были предметомъ такихъ же милостей и выражали свою благодарность диѳирамбами, въ прозѣ и стихахъ, въ честь повелителя. Монти сдѣланъ былъ исторіографомъ королевства, и послѣ того какъ онъ попеременно прославлялъ и клеймилъ преступленія террора, потомъ завоеваніе Ломбардіи австрійцами, потомъ ея освобожденіе французами,—онъ съ одинаковою легкостью прославлялъ теперь договоры, битвы, браки и рожденія, которыми отмѣчена была исторія королевства или вице-короля. Пенсіи назначены были сочинителю пѣсенъ Вивіани, импровизатору Джанни, Піетро Джордани, автору панегирика, гдѣ обоготворялся Наполеонъ. Эти благодѣянія, впрочемъ, имѣли свой противовѣсъ въ тѣхъ строгостяхъ, которыя примѣнялись ко всѣмъ, не одобрявшимъ новаго порядка вещей: Фосколо, самый крупный поэтъ того времени наряду съ Монти, былъ удаленъ со службы и изъ предѣловъ королевства, потому что въ его трагедіи *Аяксъ* хотѣли видѣть намекъ на давнишнее соперничество Бонапарта и Моро. Наконецъ художники, какъ Аппіани, Канова, Гайесъ, почти всѣ получали офиціальные заказы на украшеніе королевскихъ дворцовъ или воспроизведеніе особы императора.

Соціальная работа Наполеона.— Наполеоновская система, стремившаяся всякую иниціативу присвоить власти, всѣ крупныя общественныя предпріятія поставить въ зависимость отъ государства, кончила тѣмъ, что непомѣрно усилила право правительства въ ущербъ правамъ личности. Приходилось теперь дополнить систему рядомъ мѣропріятій, предназначенныхъ разрушить историческія группировки и установившееся чиноначаліе: потеря политической свободы неминуемо влекла за собой установленіе соціальнаго равенства.

Для обезпеченія его Наполеонъ пре-

жде всего преобразовалъ законы. Въ странахъ, изъ которыхъ состояло итальянское королевство, дѣйствовали гражданскія, уголовныя и торговыя законоположенія, непріемлемыя въ силу своего несовершенства и непримѣнимыя вслѣдствіе своей пестроты. Въ такомъ состояніи дѣла Наполеонъ увидѣлъ предлогъ для того, чтобы предписать по ту сторону Альпъ примѣненіе законовъ, которыми онъ мало-по-малу нивелировалъ французское общество. Самою настоятельною ему казалась реформа той части законодательства, которая опредѣляла личное и имущественное право и поддерживала соціальное неравенство, несовмѣстимое съ исключительнымъ преобладаніемъ его собственнаго авторитета. И вотъ онъ отдалъ приказъ перевести французскій Гражданскій Кодексъ почти цѣликомъ и примѣнять его въ заальпійскихъ владѣніяхъ съ 1 января 1806 года. Ведя за собой усиленное дробленіе крупной собственности, это предпріятіе имѣло послѣдствіемъ постепенное уменьшеніе вліянія земельной аристократіи. Вліяніе духовенства ослаблено было концентраціей приходовъ (1805 г.), упраздненіемъ свѣтскихъ мужскихъ конгрегацій (1808 г.), полнымъ уничтоженіемъ монашескихъ орденовъ (1810 г.). Оппозиція свободомыслящихъ обезсилена была вслѣдствіе стѣсненія дѣятельности масонскихъ ложъ, поставленныхъ подъ надзоръ правительства, главные члены котораго сдѣланы были президентами ложъ. Наконецъ, всякій мѣстный патріотизмъ долженъ былъ исчезнуть въ силу вещей, благодаря легкости сообщеній, единству законовъ и денежныхъ знаковъ, смѣшенію рекрутскихъ контингентовъ, поступавшихъ изъ различныхъ департаментовъ въ однѣ и тѣ же войсковыя части. Всѣ усилія правительства устремлены были къ одной цѣли: отнять у правящихъ классовъ ихъ вліяніе на людей, у старыхъ идей — ихъ господство надъ умами.

Оставалось только тѣснѣе привязать къ новому режиму людей, которыхъ лишили ихъ историческихъ и нравственныхъ связей. Наполеонъ достигъ этого, какъ и во Франціи, затронувъ людское тщеславіе. Онъ началъ свое царствованіе, учредивъ, по примѣру Почетнаго легіона, орденъ желѣзной короны. Три года спустя онъ создалъ королевскую знать по примѣру императорской знати во Франціи. Такимъ образомъ, онъ располагалъ знаками милости, одинаково доходными и почетными: стремленіе къ нимъ сдѣлалось для его подданныхъ мотивомъ соревнованія, а для него—залогомъ ихъ вѣрности.

Общіе результаты системы и общественное мнѣніе. — Въ 1810 году главная работа по устроенію королевства была закончена; наполеоновская система получила достаточное развитіе, для того чтобы можно было оцѣнить ея преимущества и недостатки. Послѣдніе прежде всего бросались въ глаза. Итальянское королевство въ это время пользовалось лишь призрачною независимостью: оно тѣснѣйшимъ образомъ подчинено было Наполеону, которому приносило въ жертву и жизнь своихъ дѣтей въ военной борьбѣ противъ Европы, и благосостояніе своей торговли въ экономической борьбѣ противъ Англіи. Но на ряду съ этими временными бѣдствіями, оно получало отъ своего повелителя и благодѣянія, менѣе бросавшіяся въ глаза, зато болѣе прочныя. Самое королевство никогда не могло бы образоваться безъ вмѣшательства высшей силы, способной смирить всѣ мѣстныя страсти, заставить умолкнуть соперничество классовъ и партій; такою силою и была шпага Бонапарта. Оно никогда не могло бы жить безъ существованія той сильной административной машины, необходимость которой для большихъ государствъ была доказана опытомъ. Наполеонъ простымъ декретомъ далъ эту машину королевству,

пріобщивъ его такимъ образомъ къ благодѣтельному дѣйствію учрежденій, которыя въ самой Франціи могли утвердиться лишь послѣ десятилѣтней революціи. Наконецъ, королевство связано было съ имперіей, которой оно являлось вассаломъ, лишь чисто личной связью, и въ тотъ день, когда Наполеонъ исчезъ бы или отказался бы отъ престола, королевство стало бы вполнѣ самостоятельнымъ, обладая притомъ всѣми органами, необходимыми для существованія и для защиты.

Различные классы общества, сообразно своимъ прежнимъ склонностямъ и настоящимъ притязаніямъ, различно оцѣнивали новый порядокъ вещей: духовенство рѣшительно было противъ него; знать въ концѣ-концовъ примкнула къ нему въ надеждѣ вернуть часть своего былого вліянія и почета; народъ постепенно привыкалъ къ нему; громадное большинство средняго класса приспособлялось къ нему, частью по инерціи, частью вслѣдствіе представленія, что безъ Наполеона ничего нельзя сдѣлать, а вопреки ему—и того меньше. Національная идея очистилась и нашла себѣ убѣжище подъ сѣнью знамени. Изъятые вслѣдствіе своей подвижной жизни отъ мелочныхъ дрязгъ родной колокольни (а эти дрязги и изуродовали всю жизнь въ Италіи), облеченные отвѣтственною миссіей поддержать военную честь своей страны, офицеры соединяли со страстною преданностью родинѣ ясное сознаніе ея нуждъ. Убѣжденіе въ томъ, что господство Наполеона на нѣкоторое время было еще необходимо для существованія королевства, неразрывно соединялось у нихъ съ мыслью о томъ, что придетъ день, когда это господство станетъ безполезно или даже вредно.

Французская Италія; ея ростъ. — Изъ всего, созданнаго Наполеономъ въ Италіи, одно только Итальянское королевство имѣло существованіе достаточно продолжительное, для того чтобы можно было дѣлать отсюда какіе-либо выводы; организацію—достаточно прочную, для того чтобы слѣдъ ея остался даже послѣ его паденія; жизнь — достаточно независимую, для того чтобы послужить новой фазой въ эволюціи итальянской національной идеи. Соединенія всѣхъ этихъ условій не было ни во французской Италіи, не только присоединенной, но и ассимилированной съ имперіей, у которой она была простымъ придаткомъ, ни въ королевствѣ Неаполитанскомъ, которое слишкомъ занято было самозащитой, чтобы быть въ состояніи упрочиться; да и самое бурное существованіе его принадлежитъ скорѣе военной исторіи, чѣмъ исторіи цивилизаціи.

Когда Наполеонъ вступалъ на престолъ, французская Италія состояла изъ одного Пьемонта. Путемъ послѣдовательныхъ расширеній она вобрала въ себя пять лѣтъ спустя третью часть Италіи вмѣстѣ съ исторической ея столицею. Генуя присоединена была прежде всего: Наполеонъ давно уже подбирался къ ней, желая распоряжаться ея морскими ресурсами, да и сама она торопилась покончить съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, которое очевидно было лишь временнымъ и представляло собою всѣ неудобства присоединенія безъ его выгодныхъ сторонъ. И вотъ, по наущенію Саличети, въ Миланѣ во время коронованія отправилась къ Наполеону депутація отъ сената. 4 октября 1805 года появился декретъ о присоединеніи. Съ 1808 года изъ территорій Пьемонта и Лигуріи учреждено было военное намѣстничество, ввѣренное князю Камиллу Боргезе, который жилъ пышнымъ дворомъ въ Туринѣ; тѣмъ не менѣе обѣ территоріи входили въ составъ французскихъ департаментовъ и подчинялись всѣмъ законамъ имперіи. Та же участь постигла провинціи, входившія въ составъ какъ герцогства Пармскаго, присоединеннаго въ 1808 году и

сдѣлавшагося княжескимъ владѣніемъ Камбасереса, такъ и королевства Этрурiи, утратившаго свою временную независимость въ 1807 году. Правительство Марiи-Луизы, внушавшее Наполеону подозрѣнiе своими клерикальными тенденцiями, спутанное по рукамъ интригами итальянскаго министра, который разсчитывалъ замѣнить его правительствомъ Евгенiя Богарне,—исчезло въ 1807 году, и Тоскана, раздѣленная на французскiе департаменты, обратилась, по крайней мѣрѣ номинально, въ герцогство, отданное Элизѣ Баччокки, которая и переѣхала туда въ 1810 году. Въ этомъ же году закончила свое существованiе и свѣтская власть папы. Потерявъ Марки еще въ 1808 году, папа скоро дожилъ до оккупацiи своихъ владѣнiй императорскими войсками; окончательно онъ утратилъ ихъ въ 1809 году, и Римъ сдѣлался главнымъ городомъ департамента и вторымъ городомъ имперiи.

Администрацiя французской Италiи. — Итакъ, третья часть Италiи управлялась тѣмъ же властителемъ и подчинялась тѣмъ же законамъ, что и Францiя. Преимущества и неудобства этого порядка вещей были многочисленны. Съ одной стороны, общественныя тягости, къ которымъ прибавилась новая, самая тяжелая—налогъ людьми,—были значительнѣе, чѣмъ при старомъ порядкѣ. Съ другой стороны, въ матерiальномъ, умственномъ и соцiальномъ положенiи населенiя происходило настоящее преобразованiе.—Крупныя общественныя работы сдѣлались, какъ во всѣхъ наполеоновскихъ странахъ, предметомъ особой заботливости правительства. Въ Пьемонтѣ, черезъ рѣку По, у Турина, переброшенъ былъ большой мостъ; 22 милліона пошло на сооруженiе дорогъ, пересѣкавшихъ гребни Монсени и Женевры; 12 миллiоновъ—на устройство сообщенiй между Ниццой и Вентимилле, Савоной и Александрiей, Пармой и Специей; 25 миллiоновъ—на укрѣпленiе Александрiи. Въ Римѣ дѣятельно принялись за раскопки, возстановляли древнiя зданiя и старинныя улицы, разрабатывали два проекта осушенiя Понтинскихъ болотъ и устройства плотины у Тибра. Люди занимали императора не меньше, чѣмъ вещи; по его выраженiю, онъ открывалъ дорогу талантамъ: въ Туринѣ онъ досталъ себѣ посла С.-Марсана, много генераловъ и чиновниковъ; въ Тосканѣ и Римѣ сенаторовъ, авдиторовъ Государственнаго совѣта, совѣтниковъ Кассацiонной Палаты. Наконецъ, всѣ народы оцѣнили преимущества соцiальнаго порядка, основаннаго на Гражданскомъ Кодексѣ, всеобщаго равенства передъ закономъ, скораго отправленiя правосудiя, правительства, дружественнаго просвѣщенiю и помогавшаго проведенiю всѣхъ мѣръ, направленныхъ къ увеличенiю благосостоянiя и духовной культуры своихъ подданныхъ.

Королевство Обѣихъ Сицилiй; правленiе короля Iосифа.—Подобно сѣверу и центру, югъ полуострова не избѣжалъ гегемонiи Наполеона. Королевство Неаполитанское съ 1806 года также вошло въ кругъ его вассальныхъ владѣнiй. Стоило Фердинанду IV взяться за оружiе, какъ это послужило Наполеону предлогомъ заявить въ знаменитомъ тридцать седьмомъ бюллетенѣ, что домъ Бурбоновъ престалъ царствовать, и поручить армiи Массены выполненiе своихъ декретовъ. Владѣя на правахъ неограниченнаго властителя континентальною частью королевства Обѣихъ Сицилiй, онъ рѣшилъ превратить ее въ вассальное государство и отдать Iосифу Бонапарту. Послѣднiй не отличался ни талантами политика, какъ его братъ, ни доблестями солдата, какъ Евгенiй Богарне. По своимъ наклонностямъ это былъ скорѣе литераторъ, чѣмъ администраторъ; у него былъ прiятный характеръ, но безъ необходимой твердости, образованный, развитой, но не энергичный умъ; словомъ—это былъ человѣкъ,

созданный для частной жизни и лишенный всякаго честолюбія. Эти личные недостатки вмѣстѣ съ трудностью его положенія и кратковременностью царствованія помѣшали ему осуществить и позволили только намѣтить реформы, выполненіе которыхъ было его призваніемъ и искреннимъ желаніемъ. Дѣйствительно, онъ правилъ всего два года (съ марта 1806 года по мартъ 1808 г.), и царствованіе свелось для него къ борьбѣ. Враги новаго порядка, многочисленные въ простонародьѣ и духовенствѣ, проявили себя настолько-же неустрашимыми партизанами, насколько они были плохими солдатами, и ихъ недисциплинированныя шайки были опасны для французской арміи въ иномъ смыслѣ, чѣмъ бурбонскія войска. Сопротивленіе сосредоточилось въ четырехъ мѣстахъ: въ Сициліи, куда удалился Фердинандъ IV и гдѣ до него никакъ нельзя было добраться; въ мѣстечкѣ Гаэтѣ, которое защищалъ принцъ Филиппштадтъ; въ Калабріи, гдѣ знаменитый Фра Дьяволо вызвалъ ужасное возстаніе, отмѣченное небывалыми жестокостями; на морѣ, гдѣ англійская эскадра поставила гарнизонъ на островкѣ Капри, прямо противъ Неаполя. Гаэта пала лишь 1 іюля 1806 г. послѣ пятимѣсячной блокады Массеною. Послѣдній направилъ свои войска въ Калабрію, гдѣ, по приказу Наполеона, началъ настоящую истребительную войну, закончившуюся плѣненіемъ и казнью Фра Дьяволо въ ноябрѣ 1806 года, взятіемъ послѣднихъ непокорныхъ городовъ — Реджо и Сциллы — въ февралѣ 1807 года. Въ томъ же году раскрытый въ Неаполѣ заговоръ повелъ за собою арестъ сотни лицъ и казнь пятерыхъ изъ этого числа.

Эта безпокойная жизнь и эти безконечныя волненія не позволили королю Іосифу цѣликомъ отдаться дѣлу, болѣе отвѣчавшему его способностямъ и вкусамъ, а именно—реформѣ управленія и общества. Задача эта была тѣмъ труднѣе, что королевство Обѣихъ Сицилій сохранило почти неприкосновенными средневѣковыя учрежденія, а Партенопейская республика была слишкомъ недолговременна, чтобы оставить по себѣ прочный слѣдъ. При содѣйствіи своихъ французскихъ совѣтниковъ Саличети, Міо де Мелито и Редерера, Іосифъ смѣло принялся за работу. Чтобы уничтожить разомъ всѣ прошлыя злоупотребленія, онъ провозгласилъ 2 августа 1806 года отмѣну феодальной системы со всѣми присущими ей соціальными и податными неравенствами. Чтобы возвести общественное зданіе на новомъ фундаментѣ, онъ обнародовалъ въ своемъ королевствѣ французскій Гражданскій Кодексъ. Чтобы овладѣть симпатіями молодого поколѣнія и привлечь его на сторону правительства, онъ далъ значительное развитіе народному образованію и учредилъ по школѣ въ каждой общинѣ. Чтобы помочь общественнымъ учрежденіямъ, онъ предпринялъ систематическую общую реформу налоговъ. Къ несчастью, онъ не успѣлъ отдать себѣ лично отчетъ въ результатахъ своихъ реформъ; 10 марта 1808 года онъ получилъ отъ брата приказъ выѣхать какъ можно скорѣе и отправиться въ Байонну за полученіемъ испанской короны. Изъ этого города онъ отправилъ своимъ подданнымъ, какъ бы въ видѣ своего завѣщанія, полную конституцію, которая должна была дать имъ либеральныя учрежденія и водворить у нихъ парламентскій режимъ. Конституція эта такъ и не была введена его преемникомъ, Іоахимомъ Мюратомъ.

Правленіе Мюрата.—Послѣдній прибылъ въ Неаполь (6 сентября 1808 года) въ ореолѣ своего славнаго прошлаго и своей блестящей храбрости. Внѣшнія качества его личности, нѣсколько театральная пышность его костюма, удачныя по временамъ проявленія его остроумія съ самаго вступленія его во власть плѣнили воображеніе его подданныхъ и пріобрѣли ему популярность, которая никогда не была

имъ утрачена окончательно, несмотря на всѣ его грубости. Все его прошлое, цѣликомъ проведенное въ военномъ лагерѣ, достаточно свидѣтельствовало о томъ, какое направленіе придастъ онъ своему управленію: и на тронѣ онъ останется скорѣе солдатомъ, чѣмъ администраторомъ. Онъ и доказалъ это: свое царствованіе онъ началъ съ побѣдоноснаго штурма Капри—предпріятія безумной отваги (5 октября 1808 года); затѣмъ отдалъ приказъ о несчастной высадкѣ въ Сициліи во время войны 1809 года; подавилъ съ крайней строгостью новое возмущеніе, вызванное этой неудачей въ Калабріи. Его адъютантъ, полковникъ Манесъ, усмирилъ страну огнемъ и мечомъ, составилъ списокъ 3.000 мятежниковъ, добился того, что населеніе выдало ему ихъ, и оставилъ по себѣ въ этой области память, которую,по словамъ Ботты, мѣстные жители и ихъ потомство одновременно и благословляли и проклинали. Одну выгоду они несомнѣнно получили: спокойствіе окончательно было возстановлено. Мюратъ далъ послѣднее доказательство своей заботливости о военномъ дѣлѣ, совершенно преобразовавъ армію: созданіе двухъ полковъ велитовъ, набираемыхъ изъ молодыхъ людей хорошихъ семействъ, установленіе рекрутскаго набора (1809 г.), отмѣна изъятій отъ военной службы, отправка въ Испанію дивизіи въ 8.000 человѣкъ, созданіе флота—вотъ тѣ мѣропріятія, которыя позволили ему выставить вскорѣ сухопутную и морскую силу, грозную если не храбростью и организаціей, то хоть своею численностью.

Армія была, впрочемъ, единственнымъ государственнымъ дѣломъ, къ которому Мюратъ относился съ настоящимъ интересомъ. У него хватило благоразумія предоставить заботу о выполненіи гражданскихъ реформъ, намѣченныхъ Іосифомъ, удачно выбраннымъ совѣтникамъ или министрамъ, каковы были Цурло, Риччарди, Коко, Дельфико, Коллетто. Риччарди слѣдилъ за примѣненіемъ Гражданскаго Кодекса и пробовалъ приспособить его къ мѣстнымъ условіямъ. Іосифъ объявилъ феодальный порядокъ уничтоженнымъ: комиссія, назначенная въ 1809 году, отправила по провинціямъ комиссаровъ, которые приступили къ раздѣлу помѣстій и такимъ образомъ увеличили на нѣсколько сотъ тысячъ число собственниковъ, и безъ того уже возросшее благодаря уничтоженію духовныхъ орденовъ. Общественныя работы получили сильный толчокъ, и въ самомъ Неаполѣ сооруженіе дорогъ изъ Позилиппо и Каподимонте, расширеніе променады Кьяйа являлись доказательствами того значенія, какое придавало правительство этому дѣлу. Четыре университета предназначены были распространять высшее образованіе, большое число обществъ—способствовать подъему земледѣлія. Казалось, начинается новая жизнь въ Неаполитанскомъ королевствѣ, которое благодаря своему окраинному положенію и ретроградному правительству такъ долго оставалось въ сторонѣ отъ измѣненій, совершавшихся въ остальной Европѣ.

Общее сужденіе о наполеоновскомъ періодѣ.—Благодаря общности учрежденій и законовъ, которые Наполеонъ хотѣлъ ввести въ странахъ, перешедшихъ въ его руки или подчиненныхъ его вліянію, его господство обнаружило повсюду одинаковыя черты, одинаковыя достоинства и одинаковые недостатки. Одинъ изъ величайшихъ итальянскихъ историковъ XIX вѣка резюмировалъ ихъ въ слѣдующихъ мѣткихъ выраженіяхъ: „изъ всѣхъ эпохъ порабощенія Италии не было ни одной столь благоденственной, плодотворной, полезной, можно сказать великой и славной, какъ эта. Самое подчиненіе казалось не такимъ постыднымъ, когда подчиняться приходилось вмѣстѣ съ цѣлой половиной Европы, притомъ человѣку дѣятельному, знаменитому, котораго можно было считать за итальянца, если не

по рожденію, то по крайней мѣрѣ по расѣ и по имени. Не было настоящей независимости, зато была надежда на скорое ея пріобрѣтеніе; не было политической свободы, зато были налицо ея внѣшніе аттрибуты, и всѣ пользовались гражданскимъ равенствомъ, которое въ глазахъ многихъ искупаетъ тиранію. Если не было свободы печати, зато исчезло завистливое недовѣріе къ знанію во всѣхъ его видахъ, презрѣніе къ образованнымъ людямъ. Если торговля утратила оживленіе, оно сохранилось въ промышленности, земледѣліи, военномъ дѣлѣ. Въ это именно время итальянцы— сначала пьемонтцы, за ними обитатели Ломбардіи и Романьи, наконецъ, тосканцы, римляне и неаполитанцы—вступили на военное поприще, гдѣ сдѣлались товарищами по оружію тѣхъ солдатъ, которые побѣдили Европу, и заслужили отличія и похвалы въ ихъ арміяхъ. Въ общемъ, порабощеніе, которому подверглась Италія, давало ей возможность наслаждаться жизнью, дѣятельностью и гордиться вмѣстѣ со своими повелителями; это порабощеніе не имѣло больше стѣснительнаго, давящаго и унижающаго характера былыхъ временъ. Съ этого именно времени опять стали произноситъ съ любовью имя Италіи, стали стряхивать съ себя всякую областную или муниципальную зависть и соперничество. Если конецъ вѣка окажется достойнымъ его начала, то можно сказать, что эта эпоха открываетъ собой новую эру въ судьбахъ Италіи".

Глава XIII.

Швейцарія

съ 1799 до 1814 года.

I. Гельветійская республика (1798—1802).

Гельветійская Директорія (1798—1800 гг.).—Самой несчастной эпохой Гельветійской республики было ея начало, когда вслѣдъ за ваадтской революціей и французскимъ нашествіемъ новая конституція отдала власть въ руки исполнительнаго совѣта, *Директоріи,* при содѣйствіи еще *Сената* и *Великаго совѣта,* облеченныхъ законодательною властью [1]. При этомъ унитарномъ и якобы представительномъ режимѣ, дѣйствовавшемъ по наущенію парижскаго правительства, страна разорена была съ верху до низу контрибуціями, отъ которыхъ одинаково страдали и побѣжденныя аристократіи и народы, призванные къ свободѣ, всякаго рода вымогательствами, издержками по содержанію войскъ, внутренними и внѣшними войнами. Смятеніе достигло высшей степени и недовольство сдѣлалось всеобщимъ даже среди крайнихъ революціонеровъ, которые льстили себя надеждою, что новая система избавитъ ихъ отъ всякаго налога. Вину за все это свалили на составителей конституціи. Въ качествѣ козла отпущенія изгнали изъ Директоріи Петра Окса (25 іюня 1799 г.). Черезъ шесть мѣсяцевъ дошла очередь до Фредерика-Цезаря Лагарпа, который впрочемъ и не скрывалъ своего намѣренія сдѣлаться полновластнымъ распорядителемъ. Поставивъ очень рѣзкія требованія своимъ умѣреннымъ товарищамъ по управленію (4 ноября 1799 г.), онъ выработалъ (8 декабря) планъ распущенія законодательныхъ палатъ при поддержкѣ со стороны Франціи. Проектъ этотъ былъ раскрытъ главнымъ образомъ благодаря ваадтскому гражданину Марку Муссону, генеральному секретарю Директоріи. Меньшинство этого учрежденія, состоявшее изъ пяти членовъ, вошло въ соглашеніе съ законодательными палатами, чтобы отдѣлаться отъ Лагарпа, который немного времени спустя не остановился даже передъ подлогомъ, чтобы погубить Муссона. Запутавшись въ своихъ собственныхъ интригахъ, покинутый Бонапартомъ, Лагарпъ нашелъ спасеніе только въ бѣгствѣ. Ему удалось ускользнуть отъ надзора приставленной къ нему

[1] Въ апрѣлѣ 1798 года подъ давленіемъ Франціи старый Швецарскій Союзъ смѣненъ былъ Гельветійской республикой, слитной и демократической; составлена была новая конституція, скопированная Петромъ Оксомъ (см. ниже) съ директорской французской конституціи.

стражи и укрыться во Франціи. Отдѣлавшись отъ Лагарпа, Сенатъ и Великій совѣтъ въ то же самое время объявили о распущеніи гельветійской исполнительной Директоріи (7 января 1800 г.).

Временная комиссія; Исполнительный совѣтъ (1800—1801).—8 января 1800 года обѣ законодательныя палаты передали власть *Исполнительной Комиссіи* (Commission exécutive) изъ семи членовъ. Рядомъ съ ааргауцемъ Дольдеромъ, однимъ изъ двухъ директоровъ, которые не поддавались Лагарпу, и цюрихцемъ Финзлеромъ, бывшимъ министромъ республики, впавшимъ въ немилость у диктатора, здѣсь можно было видѣть вмѣстѣ съ другими бывшаго бернскаго казначея Фришинга, умѣреннаго аристократа, являвшагося какъ бы представителемъ стараго порядка. Задача, принятая на себя этой комиссіей, заключалась въ исцѣленіи тѣхъ золъ, отъ которыхъ страдала страна; въ провозглашеніи амнистіи всѣмъ, принимавшимъ участіе въ политическихъ событіяхъ съ 1 января 1795 года, включая сюда и тѣхъ швейцарцевъ, которые подняли оружіе противъ республиканскихъ гельветійскихъ и французскихъ войскъ; въ упорядоченіи финансовъ посредствомъ уничтоженія дорого стоившей арміи и особенно въ измѣненіи наступательнаго и оборонительнаго союза съ Франціей: послѣднее дѣло поручено было бернскому гражданину Іеннеру, назначенному полномочнымъ посланникомъ въ Парижѣ. Съ французской стороны Исполнительная комиссія встрѣтила нѣкоторую поддержку. Правда, Бонапартъ и Талейранъ имѣли въ виду поддерживать въ странѣ существующее положеніе вплоть до заключенія мира. Первый консулъ оставлялъ за собою право проводить свои войска черезъ страну, что и случилось впослѣдствіи во время той кампаніи, которая закончилась битвой при Маренго. Тѣмъ не менѣе новые представители его въ странѣ сильно отличались по своей умѣренности отъ представителей Баррасовской Директоріи. Главный дивизіонный генералъ, командовавшій въ Швейцаріи, послѣ 18 брюмера, былъ *бывшій дворянинъ*, генералъ Шуанъ-де Моншуази, который своимъ образомъ дѣйствій снискалъ себѣ благодарность жителей и властей. Что касается полномочнаго министра великой республики, это былъ дипломатъ Рейнаръ, человѣкъ не менѣе примирительнаго образа мыслей. Оба помогали Исполнительной комиссіи въ ея возстановляющей работѣ. Старошвейцарская партія уже присоединилась къ Гельветійской республикѣ, тѣмъ болѣе, что со смертью эмигранта судьи Штейгера противореволюціонный комитетъ, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ за границей, вступилъ на путь постепеннаго разложенія. Препятствія исходили теперь со стороны обѣихъ швейцарскихъ законодательныхъ палатъ временъ Директоріи, которыя, хотя и свергли Лагарпа, однако противились всякому подобію возврата къ старому порядку. Тогда Исполнительная комиссія не остановилась передъ мѣрой, за которую такъ сильно упрекали Лагарпа, а именно—просить поддержки Франціи для распущенія гельветійскаго Великаго Совѣта и Сената. Обезпечивъ себѣ поддержку Моншуази и Рейнара, комиссія добилась своей цѣли (5 августа 1800 г.): двѣ палаты замѣнены были однимъ Законодательнымъ корпусомъ; Исполнительная комиссія приняла названіе *Исполнительнаго Совѣта* (Conseil exécutif), нѣсколько обновивъ свой составъ; между прочимъ люцернецъ Рюттиманъ занялъ мѣсто рядомъ съ Фришингомъ и Дольдеромъ, воззрѣнія которыхъ онъ раздѣлялъ.

Съ этого времени у Исполнительнаго Совѣта руки были развязаны: объявлена была всеобщая амнистія, дерева свободы были вырваны, якобинскіе клубы и журналы закрыты; десятину собирали исправно, и генералъ Моншуази помогъ разсѣять мятежныя сборища. Но страна

все еще страдала отъ военнаго положенія. Правительство поручило Стапферу, преемнику Іеннера въ Парижѣ, похлопотать объ отозваніи французскихъ войскъ, о замѣнѣ наступательнаго союза оборонительнымъ, о признаніи неприкосновенности и нейтралитета Швейцаріи. Когда наконецъ подписанъ былъ миръ въ Люневиллѣ (9 февраля 1801 г.), Бонапартъ обнаружилъ расположеніе увести свои войска изъ Швейцаріи и разрѣшить ея жителямъ выработать себѣ другую конституцію, болѣе соотвѣтствующую желаніямъ страны, чѣмъ конституція 1798 года, которая юридически еще продолжала существовать. Генералъ Моншуази сохранилъ подъ своей командой всего одну дивизію. Швейцарскіе депутаты приняты были Бонапартомъ въ аудіенціи и вручили ему проектъ конституціи, который принятъ былъ первымъ консуломъ съ поправками (29 мая 1801 года); этотъ документъ получилъ названіе Мальмезонской конституціи.

Мальмезонская конституція (1801 г.). — Мальмезонская конституція установляла въ Швейцаріи семнадцать кантоновъ, при размежеваніи которыхъ приняты были во вниманіе традиціи и мѣстные интересы. Центральное правительство Гельветійской республики, опять объявленной *единою и нераздѣльною*, представлено было на этотъ разъ *Сеймомъ*, на которомъ лежало избраніе *Сената*, откуда уже выбиралось первое должностное лицо страны. Это лицо, называвшееся *ландманомъ Гельветійской республики* руководило исполнительною властью при содѣйствіи нѣсколькихъ министровъ. Оно назначало *префектовъ* въ кантоны, хотя эти кантоны и вернули себѣ извѣстную автономію въ финансахъ и народномъ просвѣщеніи. Являясь реакціей противъ конституціи 1798 года, Мальмезонская конституція заключала въ себѣ нѣкоторыя начала децентрализаціи, которыя быстро стали развиваться. Гельветійскій сеймъ собрался въ сентябрѣ 1801 года, но такъ какъ большинство въ немъ составляли сторонники объединенія, *унитаріи*, находившіеся во враждѣ съ *федералистами*, то сеймъ, вмѣсто прямого принятія Мальмезонскаго проекта, видоизмѣнилъ его въ духѣ централизаціи (24 октября 1801 года). Это преобразованіе вызвало неудовольствіе не только среди олигарховъ и федералистовъ Берна и маленькихъ кантоновъ, но и среди самихъ умѣренныхъ республиканцевъ, лишившихся какъ разъ въ этотъ моментъ человѣка, который могъ бы оказать примиряющее дѣйствіе, а именно бывшаго бернскаго казначея Фришинга. Его товарищъ Дольдеръ вошелъ въ соглашеніе съ генераломъ Моншуази, и 28 октября Сеймъ былъ распущенъ недовольными. Устроился временный *Сенатъ* и временный же *Малый Совѣтъ*, гдѣ умѣренные составляли значительное большинство, и даже когда стали выбирать перваго ландмана Гельветійской республики, Дольдеръ получилъ однимъ голосомъ меньше швицскаго гражданина Алоиза Рединга (21 ноября 1801 г.). Такимъ образомъ послѣ трехъ съ половиной лѣтъ революціоннаго режима первая должность Швейцаріи попала въ руки самаго непримиримаго главаря реакціонной партіи, того самаго, который руководилъ „войной маленькихъ кантоновъ“ противъ генераловъ Директоріи. Первый консулъ не могъ допустить такого ниспроверженія, и Моншуази, подозрѣваемый въ томъ, что способствовалъ этому, былъ отозванъ, къ великому сожалѣнію швейцарцевъ (январь 1802 г.).

Алоизъ Редингъ разсчитывалъ получить утвержденіе въ своей должности въ Парижѣ, куда онъ и отправился съ намѣреніемъ привлечь на свою сторону Бонапарта и Талейрана. Первый консулъ поставилъ ему свои условія: Редингъ обязывался допустить къ власти болѣе значительное число патріотовъ, враждебныхъ аристократіи; поручиться въ томъ, что старыя покоренныя области оста-

нулся независимыми кантонами; наконецъ — и это было самое тяжелое условіе — отказаться навсегда отъ присоединенія Валлиса къ Гельветійской республикѣ. Пришлось пойти на эти условія. Въ февралѣ 1802 года принята была конституція, довольно похожая на Мальмезонскую; въ силу ея созданъ былъ двадцать одинъ кантонъ; каждый пользовался извѣстною административною иниціативою. Однако удержанъ былъ принципъ *представительнаго* управленія, и непосредственная демократія, когда-то находившая себѣ выраженіе въ *Landesgemeinden* (земскихъ общинахъ), такъ и осталась отмѣненною: это былъ великій принципъ революціи 1798 года, расходившійся съ традиціями маленькихъ кантоновъ исконной Швейцаріи. Къ тому же недавнее допущеніе новыхъ патріотовъ въ число представителей власти имѣло то послѣдствіе, что если Сенатъ и сохранялъ аристократическое большинство, зато Малый Совѣтъ перешелъ въ руки умѣренныхъ и даже передовыхъ республиканцевъ. Воспользовавшись праздниками Пасхи и отсутствіемъ перваго ландмана Рединга и его товарищей-католиковъ, Малый Совѣтъ 17 апрѣля 1802 года отсрочилъ засѣданія Сената. Второй ландманъ Рюттиманъ, принявъ власть, окружилъ себя военной силой подъ командой гельветійскаго генерала Андерматта и созвалъ собраніе *нотаблей*. Послѣдніе приняли 19 мая 1802 года новую конституцію, все еще довольно похожую на Мальмезонскую, которая признавала существованіе восемнадцати кантоновъ; но она усиливала центральную власть. Дольдеръ вскорѣ смѣнилъ Рюттимана въ качествѣ ландмана и правилъ вмѣстѣ съ вполнѣ унитарными Малымъ Совѣтомъ и Сенатомъ.

Война унитаріевъ и федералистовъ (1802 годъ).—Война между вытѣсненной партіей и ея замѣстительницей не замедлила разгорѣться. Страна снова вся заволновалась. Ваадтскіе крестьяне, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ принципомъ, допущеннымъ даже революціонными правительствами, принципомъ, согласно которому большая десятина и земельная рента подлежали выкупу, а не простой отмѣнѣ, возстали въ маѣ 1802 года, принялись сжигать грамоты въ общественныхъ и частныхъ замкахъ и прославились на всю страну подъ простонародной кличкой *bourla-papei*. Возмущеніе было подавлено послѣдними остававшимися въ странѣ французскими силами, но для пріобрѣтенія популярности ландманъ Дольдеръ лично сталъ хлопотать черезъ нѣкоторое время объ ихъ удаленіи. Просьба его была уважена. Въ свою очередь федералисты воспользовались этимъ для того, чтобы поднять знамя возстанія. Олигархи уже вступили въ переговоры съ Англіей, гдѣ у нихъ были денежные фонды, и съ Австріей, которая однако выдала ихъ Первому Консулу. Исконная Швейцарія заявила о своемъ отдѣленіи отъ Гельветійской республики и выбрала главаремъ лиги ландмана Рединга; земскія общины, *Landsgemeinden*, и военные совѣты маленькихъ кантоновъ подняли на ноги свои войска, и въ концѣ августа 1802 года на границахъ Унтервальда произошелъ обмѣнъ первыми выстрѣлами. Гельветійскій генералъ Андерматтъ пошелъ на Цюрихъ, примкнувшій къ швейцарской лигѣ Рединга, но не въ состояніи былъ проникнуть туда, несмотря на направленную противъ этого города кононаду. Тѣмъ временемъ аристократическій бернскій генералъ фонъ-Эрлахъ захватилъ Ааргау и Солотурнъ, и гельветійское правительство вынуждено было покинуть Бернъ въ сопровожденіи французскаго министра Вернинака и удалиться въ Лозанну (20 сентября 1802 года). Бахманъ, бывшій полковникъ швейцарцевъ Людовика XVI, вскорѣ избранный швицскимъ сеймомъ въ генералы, прошелъ побѣдителемъ всю страну, разбилъ гельветійскія войска на сѣверѣ Ваадтскаго кан-

тона и собирался, какъ онъ говорилъ, сбросить все унитарное правительство въ Женевское озеро, — какъ вдругъ 5 октября въ Лозанну явился адъютантъ Перваго Консула Раппъ съ прокламацией отъ своего начальника.

Новое вмѣшательство Франціи (1802).— Въ С.-Клу Бонапарта посѣтили представители обѣихъ партій. Обезпокоенный успѣхомъ федералистовъ, тайно поддерживаемыхъ Англіей, онъ не хотѣлъ отдать грозныхъ альпійскихъ бастіоновъ въ руки контрреволюции и коалиции.

Онъ немедленно составилъ прокламацію къ гельветійскому народу: „три года вы препирались, не придя къ соглашенію,— говорилъ онъ.—Ваша исторія свидѣтельствуетъ, что междоусобныя войны ваши всегда заканчивались лишь при дружественномъ вмѣшательствѣ Франціи... Я буду примирителемъ вашихъ разногласій“. На этотъ разъ онъ добровольно бралъ на себя миссію, къ выполненію которой Петръ Оксъ уже приглашалъ его въ 1798 году; миссія заключалась въ томъ, чтобы дать Швейцаріи окончательную конституцію, прочно установленную и безпрекословно признаваемую. Онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ швейцарцевъ, бывшихъ у власти за эти пять лѣтъ; онъ предписалъ федералистскимъ войскамъ разойтись, а гельветійскому правительству вернуться въ Бернъ. Въ двойномъ званіи главнокомандующаго и полномочнаго посла генералъ Ней во главѣ сильной арміи вступилъ въ страну, безъ труда добился покорности отъ Берна и Швица, довершивъ дѣло арестомъ Алоиза Рединга и нѣкоторыхъ изъ его политическихъ друзей.

Швейцарскіе депутаты, прибывшіе въ Парижъ, почти всѣ принадлежали къ унитарной партіи, которая совершенно увѣрена была въ успѣхѣ. Но Бонапартъ, искренно добивавшійся умиротворенія страны, требовалъ, чтобы одинаково были представлены и федералисты. Въ декабрѣ 1802 года швейцарская делегація изъ десяти членовъ, избранныхъ поровну отъ каждой изъ двухъ партій, принята была Первымъ Консуломъ, который свелъ ее для переговоровъ съ четырьмя французскими государственным людьми, между прочимъ съ сенаторомъ Франсуа Бартелеми, бывшимъ французскимъ посланникомъ въ Швейцаріи. Во время аудіенцій, данныхъ депутатамъ, Бонапартъ замѣтилъ, что все ведетъ ихъ къ федерализму, что слѣдуетъ прежде всего положить основаніе конституціямъ отдѣльныхъ кантоновъ, послѣ чего легко будетъ устроить общій союзъ. Такимъ образомъ онъ провозглашалъ возвращеніе къ старой системѣ, отстаивая пріобрѣтенія революціи и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость тѣснаго единенія Швейцаріи съ Франціей. 19 февраля 1803 года подписанъ былъ Актъ посредничества, а 10 марта *гельветійскій* ландманъ Дольдеръ передалъ власть первому ландману *Швейцаріи*, фрибургскому гражданину д'Аффри.

Такъ закончила свое существованіе Гельветійская республика, которая сумѣла установить нѣкоторыя начала современнаго управленія, не достигнувъ впрочемъ практическаго результата. За пять лѣтъ Швейцарія пережила пять революцій или государственныхъ переворотовъ, шесть различныхъ правительствъ, шесть послѣдовательныхъ конституцій. Актъ посредничества имѣлъ въ виду вернуть ей порядокъ и свободу, сообразуясь съ условіями существованія націи; вотъ почему не надо удивляться, что этотъ Актъ всегда признавался политическимъ совершенствомъ.

II.—Режимъ Акта посредничества.

(1803—1813 гг.).

Новая конфедерація девятнадцати кантоновъ.—Актъ посредничества 19 февраля 1803 года дѣлится на шесть частей.

Послѣ общаго вступленія вторая часть излагаетъ непосредственно конституціи отдѣльныхъ кантоновъ, призванныхъ къ самоуправленію согласно своимъ традиціямъ и интересамъ. Исконные деревенскіе кантоны вернули себѣ прежній режимъ непосредственной демократіи со своими своеобразными земскими общинами (Landsgemeinden) и ландманами, и къ группѣ, ими образуемой, примкнулъ Граубюнденъ, удержавъ свои три отдѣльныхъ *лиги*. Другая группа включала въ себя городскіе кантоны, политическая организація которыхъ напоминала старинныя аристократическія формы съ ихъ *судьями* и *бургомистрами*; этотъ аристократическій характеръ подчеркивался еще институтомъ grabeau, своеобразнымъ цензорскимъ испытаніемъ, которое позволяло отстранять ежегодно гражданъ, признанныхъ недостойными выполнять свои права; представительные *Большіе совѣты* этихъ кантоновъ, правда, насчитывали въ своемъ составѣ и сельскихъ депутатовъ, но довольно высокій избирательный цензъ затруднялъ имъ доступъ. Что касается прежнихъ подданныхъ областей, утвержденныхъ теперь въ положеніи независимыхъ кантоновъ, то они получили *Малые* и *Большіе совѣты*, куда доступъ открытъ былъ при болѣе умѣренномъ цензѣ. Третья часть Акта посредничества заключаетъ въ себѣ самый союзный договоръ. Швейцарскій Союзъ (Конфедерація) образовался вновь изъ девятнадцати самостоятельныхъ кантоновъ, обязанныхъ выставлять ежегодно контингентъ въ 15.000 человѣкъ и 500.000 франковъ деньгами на войско. Центральную власть изображали теперь власти одного изъ шести кантоновъ, призываемыхъ попеременно на годъ къ отправленію обязанностей *правящаго кантона* (*Vorort*); судья или бургомистръ правящаго кантона принималъ тогда титулъ *ландмана Швейцаріи*. Точно такъ же каждый годъ, въ теченіе одного лѣтняго мѣсяца, собирался *Союзный сеймъ*, состоявшій изъ девятнадцати депутатовъ отдѣльныхъ кантоновъ, располагавшихъ двадцатью шестью голосами, такъ какъ кантоны съ болѣе чѣмъ 100.000 жителей присвоили себѣ по два голоса. Послѣднія части Акта посредничества заключаютъ въ себѣ изложеніе временныхъ мѣръ, предназначенныхъ облегчить установленіе и дѣйствіе федеральныхъ и кантональныхъ конституцій; далѣе, распоряженія, способствующія переходу на французскую службу прежнихъ гельветійскихъ войскъ, которыя остались бы безъ дѣла въ силу новой конституціи; мѣры для ликвидаціи *гельветійскаго* долга и національныхъ имуществъ; наконецъ, здѣсь подтверждалось признаніе независимости Швейцаріи и вмѣстѣ съ тѣмъ давалось обѣщаніе очистить страну отъ французскихъ войскъ.

Введеніе новой конституціи совершилось самымъ мирнымъ образомъ. Честь быть первымъ правящимъ кантономъ досталась Фрибургу, и судья его, Луи д'Аффри, пользовавшійся благосклонностью Наполеона Бонапарта, положилъ начало новому режиму. Онъ былъ ланцманомъ въ 1803 и 1809 годахъ; Рудольфъ де Ватвиль, бернскій судья, въ 1804 и 1810 годахъ; Гансъ фонъ Рейнгардъ, цюрихскій бургомистръ, въ 1807 и 1813 годахъ.— Солотурнъ и Базель успѣли по два раза отправлять обязанности правящаго кантона, Люцернъ—всего одинъ разъ. Ландману помогалъ не только Совѣтъ *правящаго кантона*, но еще и нѣсколько чиновниковъ. Бывшій секретарь Гельветійской Директоріи, Муссонъ, былъ оставленъ въ званіи канцлера Союза. Кромѣ того, былъ государственный секретарь, генералъ-адъютантъ, да еще цѣлый военный генеральный штабъ. Генералъ-квартирмейстеромъ арміи былъ старый противникъ Лагарпа, бывшій *гельветійскій* министръ Финзлеръ. Въ составѣ комиссій, которымъ поручена была разработка кантональныхъ конституцій, въ совѣтахъ кантоновъ, равно какъ и въ Союзномъ сей-

мѣ фигурировали бывшіе *гельветійскіе* магистраты, примкнувшіе теперь къ консервативной политикѣ, какъ Рюттиманъ, Дольдеръ, Ренгеръ, рядомъ съ завѣдомыми аристократами, какъ бывшій ландманъ Алоизъ фонъ Редингъ и бернскіе патриціи. Только въ новыхъ кантонахъ, и особенно въ кантонѣ Тургау, либеральныя идеи продолжали пользоваться благосклонностью.

Внутренній миръ; матеріальное и духовное благоденствіе. — Во время наполеоновскихъ войнъ Швейцарія наслаждалась миромъ, находясь въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ остальная Европа. Главная внутренняя работа заключалась въ ликвидаціи *гельветійскаго* національнаго долга. Комиссія, на которую возложена была эта задача, работала въ 1803 и 1804 годахъ; она отстранила всякія претензіи на вознагражденіе, какія могли быть выставлены со стороны разныхъ обществъ и частныхъ лицъ, затронутыхъ революціонными грабежами. Она допустила организацію общественныхъ имуществъ въ той формѣ, въ какой она была установлена Гельветійской республикой; ей удалось, наконецъ, точно опредѣлить сумму общественнаго долга и оцѣнить имущество, которое приходилось на долю каждаго изъ девятнадцати самодержавныхъ кантоновъ.

Въ теченіе этихъ одиннадцати мирныхъ лѣтъ во всѣхъ направленіяхъ развернулась внутренняя дѣятельность націи, и въ этотъ моментъ приходится констатировать новое матеріальное и духовное благоденствіе. Старинныя производства—часовое, ткацкое, хлопчатобумажное, шелковое, вышивное — снова поднялись. Однако торговля стала страдать отъ послѣдствій континентальной блокады, которую Наполеонъ навязалъ всѣмъ своимъ союзникамъ, особенно съ 1809 года. Изданъ былъ приказъ сжечь на площадяхъ англійскіе товары и обложить колоніальные продукты пошлиной въ 40%. Вздорожаніе припасовъ, недостатокъ предметовъ первой необходимости вызвали вскорѣ всеобщее недовольство.

Филантропы не унывали. Въ 1810 году Каспаръ Гиртцель основалъ *Швейцарскій союзъ общественной пользы.* Съ 1803 года его землякъ, цюрихскій гражданинъ Эшеръ, началъ прорытіе Линтскаго канала для урегулированія водъ, которыя до этого времени опустошали страну, орошаемую озерами Велланштадтскимъ и Цюрихскимъ. Песталоцци продолжалъ свое педагогическое дѣло. Принимаясь за него послѣдовательно въ Нейгофѣ, въ Станцѣ, въ Берту, онъ въ 1805 году окончательно перенесъ свой институтъ въ замокъ Ивердонъ. Уроженецъ Берна Фелленбергъ основалъ свое сельскохозяйственное заведеніе въ Гофвиллѣ, и кантональныя правительства оказывали свое покровительство этимъ разнообразнымъ школамъ, которыя создали такую блестящую репутацію швейцарской школьной системѣ. Даже изученіе территоріи дѣятельно двинулось впередъ; въ 1810 году начато было тригонометрическое измѣреніе поверхности страны; изданы были уже замѣчательныя географическія карты. Іоганнъ фонъ-Мюллеръ продолжалъ свою національную исторію, а Г. Цшокке принялся за составленіе своей. Поэзія культивировалась съ успѣхомъ и обрисовывалось литературное движеніе.

Хотя Женева считалась въ то время частью Французской имперіи, все-таки ея образованное общество заслуживаетъ упоминанія въ этомъ мѣстѣ. Въ старинной женевской академіи, славившейся во всѣ времена, физикъ Маркъ-Огюстъ Пикте являлся достойнымъ преемникомъ естествоиспытателя Гораса-Бенедикта де Соссюра. Это общество находилось подъ вліяніемъ м-мъ де Сталь, которая часто живала на ваадтской территоріи, въ своемъ замкѣ Коппе, гдѣ около нея собирались: публицистъ Бенжаменъ Констанъ, историкъ Сисмонди, бернскій философъ

Бонштеттенъ и нѣмецкій критикъ Шлегель, виконтъ Матье де Монморанси, женевскій префектъ Барантъ. Въ 1810 году изгнаніе м-мъ де Сталь привело къ распаденію этого выдающагося кружка, разсѣянные члены котораго не переставали оказывать сильное литературное и политическое вліяніе во всемъ мірѣ и особенно во Франціи.

Внѣшнія отношенія; территоріальныя измѣненія.— Считаясь снова независимымъ государствомъ, Швейцарія завязала опять дипломатическія отношенія съ сосѣдними странами, включая и Австрію. Особенно ей приходилось вести переговоры съ южногерманскими государствами благодаря территоріальнымъ измѣненіямъ, которыя вызваны были постановленіемъ Регенсбургскаго сейма, созваннаго послѣ Люневилльскаго договора, и позднѣе статьями Пресбургскаго мира. Приходилось хлопотать о соотвѣтственныхъ уступкахъ и о вознагражденіи, которыя являлись послѣдствіемъ германскихъ секуляризацій. Швейцарія вела переговоры съ великимъ герцогствомъ Баденскимъ и въ 1812 году заключила съ этимъ государствомъ торговый договоръ.

Наполеонъ рѣшительно заявилъ, что Швейцарія должна остаться подъ его покровительствомъ. 27 сентября 1803 года подписанъ былъ новый союзный договоръ между Франціей и Швейцаріей, но все-таки съ однимъ ограниченіемъ, а именно, что союзъ этотъ будетъ только оборонительнымъ, но уже не наступательнымъ, какъ во времена Гальветійской республики. Въ договорѣ дѣлалась ссылка на вѣчный миръ 1516 года и заключался этотъ договоръ на пятьдесятъ лѣтъ. Франція гарантировала независимость Швейцаріи и ея нейтралитетъ; въ свою очередь Швейцарія обязывалась посылать своей союзницѣ въ случаѣ необходимости вспомогательный отрядъ въ 8.000 человѣкъ, независимо отъ войскъ, какія она обязывалась доставлять ей на основаніи военнаго соглашенія. Кантонамъ предоставлены были нѣкоторыя льготы въ пріобрѣтеніи изъ Франціи соли и другихъ припасовъ; поднимался также вопросъ объ открытіи переговоровъ насчетъ торговаго договора, котораго очень желали въ Швейцаріи.

Хотя во время этихъ переговоровъ Наполеонъ дѣлалъ видъ, что договаривается съ Союзомъ на равной ногѣ, однако онъ нисколько не постѣснился заставить Союзъ пойти на невыгодную для него перекройку территоріи. Новый *Союзъ девятнадцати кантоновъ* далекъ былъ отъ распространенія своего вліянія на всѣ тѣ страны, которыя зависѣли когда-то отъ старинной лиги тринадцати кантоновъ. Союзъ утратилъ Мюльгаузенъ и Ротвейль, епископство Базельское, Женевскую республику, Вальтелину, присоединенные къ Франціи или къ Италіи; княжество Невшатель, старинный союзникъ Швейцаріи, перешло изъ-подъ номинальнаго суверенитета прусскаго короля подъ власть Наполеона, который сдѣлалъ изъ него вассальное владѣніе для своего генерала Бертье (1807 г.); Валлисъ временно оставался независимой республикой. Единственной компенсаціей за столько потерь являлось окончательное пріобрѣтеніе Фрикталя, небольшой области, отнятой у Австріи и обѣщанной вначалѣ въ обмѣнъ за одну только Вальтелину. Въ своихъ присоединеніяхъ Наполеонъ пошелъ дальше. Чтобы обезпечить себѣ военную дорогу на фортъ Руссъ, горный проходъ Фосилль, область Жексъ и фортъ Эклюзъ, онъ потребовалъ себѣ уступки Даппской долины, у подножія Долы, обѣщавъ по этому поводу кантону Ваадтъ какое-нибудь вознагражденіе, которое дано было лишь въ наше время. Въ 1810 году Наполеонъ присоединилъ прямо къ имперіи республику Валлисъ, которая нужна была ему ради Симплонской дороги, и въ томъ же году онъ не преминулъ занять своими итальянскими войсками Тессинскій кантонъ, чтобы помѣшать контрабандному подвозу англійскихъ товаровъ.

III. Военное содѣйствіе, оказанное Наполеону.

Военный договоръ 27 сентября 1803 года и швейцарцы на иноземной службѣ.— На протесты швейцарцевъ противъ наполеоновскихъ захватовъ могущественный императоръ отвѣчалъ жалобами, будто бы они не доставляютъ ему всѣхъ тѣхъ войскъ, какія они обязаны были ему давать, и позволяютъ его врагамъ набирать рекрутовъ въ Швейцаріи. Традиціонная служба швейцарцевъ во Франціи не исчезла, несмотря на распущеніе въ 1792 году тѣхъ 12.000, которые принадлежали къ арміи Людовика XVI. За договоромъ о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ между Французской и Гельветійской республиками, заключеннымъ 19 августа 1798 года, послѣдовало соглашеніе 10 ноября, въ силу котораго Франція принимала на жалованье 18.000 человѣкъ, т.-е. шесть полубригадъ гельветійскихъ вспомогательныхъ войскъ. Во время несчастной войны 1799 года удалось набрать едва третью часть этихъ войскъ, а на слѣдующій годъ гельветійское „возстановительное“ правительство свело эти шесть полубригадъ къ тремъ, которыя и были расквартированы на берегахъ Рейна. Актъ посредничества установлялъ, что Франція переведетъ на свою службу всѣхъ швейцарскихъ солдатъ, которыхъ не удержитъ у себя Союзъ. Въ одинъ день съ оборонительнымъ союзомъ (27 сентября 1803 года) подписанъ былъ военный договоръ. Франція принимала на жалованье 16.000 человѣкъ швейцарцевъ, распредѣленныхъ на четыре полка, не считая запаса въ 4.000 человѣкъ и батальона гренадеръ, пригодныхъ для гвардіи, которая вскорѣ сдѣлалась императорскою. Возстановлена была должность генералъ-полковника швейцарцевъ. Кромѣ того, Наполеонъ бралъ по батальону изъ Валлиса и изъ Невшателя.

Тѣмъ не менѣе и другія государства продолжали нанимать швейцарцевъ. Англія въ теченіе всѣхъ войнъ временъ Революціи и Имперіи не переставала держать въ составѣ своей арміи три или четыре швейцарскихъ полка. Были они и у сицилійскихъ Бурбоновъ. Но только одной Испаніи, какъ своей союзницѣ, самъ Наполеонъ могъ разрѣшить наборъ войскъ на территоріи Союза. Въ 1804 году между Испаніей и Швейцаріей заключено было военное соглашеніе безъ всякаго протеста со стороны императора. Этимъ соглашеніемъ было упорядочено положеніе пяти полковъ, которые католическій король набиралъ въ кантонахъ, не считая шестого полка, доставляемаго ему независимою Валлисскою республикою. Однако слѣдуетъ замѣтить, что лишь третья часть швейцарскихъ полковъ на испанской службѣ составлялась изъ швейцарцевъ; остальная часть наличнаго состава набиралась въ Германіи.

Швейцарцы на службѣ у Наполеона; войны въ Италіи и Испаніи.—Больше всего швейцарцы служили все-таки Наполеону. Среди двадцати генераловъ бригадныхъ, дивизіонныхъ и даже корпусныхъ, которыхъ Швейцарія дала Франціи во время войнъ республики и имперіи, трое заслуживаютъ особаго упоминанія.—Выше упоминался уже генералъ Амедей де Лагарпъ, двоюродный братъ ваадтскаго революціоннаго вождя, одинъ изъ трехъ дивизіонныхъ генераловъ Бонапарта во время первой его итальянской кампаніи, убитый въ 1796 году, по ошибкѣ, собственными своими солдатами.—Его соотечественникъ Луи Ренье, изгнанный изъ родного города Лозанны, поступилъ на службу волонтеромъ въ 1792 году; бригадный генералъ въ сѣверной арміи въ слѣдующемъ же году, потомъ дивизіонный подъ начальствомъ Моро въ рейнской арміи (въ 1796 году), онъ отличился въ египетской и сирійской экспедиціи, послѣ которой впалъ въ немилость. Снова призванный на службу въ 1805 году, онъ

былъ корпуснымъ командиромъ въ Италіи, Германіи, Испаніи, Россіи и закончилъ свою славную жизнь въ 1814 году. Онъ былъ спеціалистомъ по инженерной части.—Блестящую репутацію знатока дѣла и военнаго писателя заслужилъ швейцарскій генералъ Анри Жомини, родомъ изъ Петерлингена (или Пайерна, Ваадтъ). Прослуживъ въ канцеляріяхъ гельветійской арміи, онъ перешелъ во французскій штабъ. Претерпѣвъ массу непріятностей отъ непосредственныхъ своихъ начальниковъ, Нея и Бертье, ошибки которыхъ онъ откровенно критиковалъ, попавъ совершенно незаслуженно въ немилость, онъ къ концу войнъ временъ Имперіи перешелъ на русскую службу.

Что касается *договорныхъ* полковъ, которымъ оставили ихъ національную красную обмундировку, то ихъ набрали не сразу. Первый изъ этихъ полковъ составленъ былъ лишь въ 1805 году изъ частей, входившихъ въ составъ трехъ бывшихъ вспомогательныхъ полубригадъ и бывшаго національнаго легіона Гельветійской республики. Этотъ первый полкъ (полковой командиръ граубюнденецъ Рагетли) былъ въ дѣлѣ въ Италіи, гдѣ ему часто приходилось состоять подъ командой генерала Ренье. Послѣ битвъ въ Венеціанской области, онъ занятъ былъ съ 1806 по 1811 годъ преслѣдованіемъ разбойниковъ и англичанъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Онъ завладѣлъ мелкими островами Неаполитанскаго залива и участвовалъ въ безрезультатной вылазкѣ противъ Сициліи. Въ то короткое время, пока Іосифъ Бонапартъ былъ королемъ этой страны, поднимался вопросъ о поступленіи этого полка къ нему на службу. Наполеонъ писалъ своему брату: „швейцарцы—единственные храбрые и вѣрные солдаты изъ иноземцевъ". Первый полкъ простоялъ гарнизономъ на югѣ Италіи вплоть до Русской кампаніи.

Судьба перваго швейцарскаго полка была несравненно счастливѣе судьбы трехъ остальныхъ. Ихъ собрали только въ 1807 году, и служили они по ту сторону Пиреней въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Въ то время какъ небольшая часть наличнаго состава оставалась во Франціи, въ резервѣ, швейцарцы французской арміи въ Испаніи распредѣлены были батальонами и даже ротами по различнымъ корпусамъ имперской арміи, стоявшимъ въ Португаліи, Андалузіи, Каталоніи. Имъ приходилось сражаться со своими братьями, швейцарцами на службѣ у Бурбоновъ, швейцарцами на службѣ у англичанъ. Часть ихъ входила прежде всего въ составъ арміи Жюно, которой поручено было въ 1807 году завоеваніе Португаліи. Корпусъ Дюпона, отправленный въ Андалузію, насчитывалъ въ различныхъ дивизіяхъ два или три франко-швейцарскихъ батальона. Сверхъ того корпусу этому удалось увлечь за собой два полка испанскихъ швейцарцевъ, поведеніе которыхъ въ этомъ дѣлѣ разсматривалось почти всѣми остальными испанскими швейцарцами, которые остались вѣрны бурбонскому дѣлу, какъ измѣна. Одного изъ главныхъ офицеровъ испанскихъ швейцарцевъ, Теодора Рединга, мятежная хунта назначила генераломъ, и онъ принялъ самое значительное участіе въ Байленскомъ эпизодѣ. Когда 22 іюля 1808 года Дюпонъ вынужденъ былъ положить оружіе, французскіе плѣнники заперты были на понтонахъ; швейцарцы наполеоновскихъ батальоновъ раздѣлили ихъ участь, такъ же какъ и офицеры двухъ испанскихъ швейцарскихъ полковъ, присоединившихся къ Дюпону, офицеры, которымъ не удалось однако помѣшать своимъ людямъ, по большей части нѣмцамъ, вернуться къ швейцарцамъ Рединга. Извѣстно несчастное положеніе этихъ французскихъ и швейцарскихъ плѣнниковъ во время долгаго и жестокаго плѣна. Одна или двѣ роты швейцарцевъ были также въ арміи

Жюно, когда послѣдняго принудили подписать договоръ въ Цинтрѣ.—Зато швейцарскіе батальоны имѣли возможность показать себя въ Каталоніи, подъ командой Гувіона С.-Сира, побѣдителя при Молино дель Рей. Въ этой же провинціи смерть настигла и испанско-швейцарскаго генерала Теодора Рединга.

Въ свою стремительную испанскую экспедицію Наполеонъ увелъ съ собой нѣсколько швейцарскихъ батальоновъ. Были они и въ арміи Сульта въ Португаліи (1809 г.), и въ арміи Массены передъ Торресъ-Ведрасъ, въ 1810 и 1811 годахъ, и отличились они при защитѣ укрѣпленныхъ мѣстъ. Въ 1813 году они почти всѣ исчезли изъ страны, за исключеніемъ одного франко-швейцарскаго батальона и одного испанско-швейцарскаго полка, который удалось набрать королю Іосифу. Въ теченіе этого несчастнаго періода 22.000 швейцарцевъ приняли участіе въ Испанской войнѣ, главнымъ образомъ въ рядахъ французовъ, но были они и въ рядахъ испанцевъ и даже англичанъ. Резервные батальоны ихъ, остававшіеся во Франціи, заняты были охраной береговъ Бретани и Фландріи.

Военное соглашеніе 28 марта 1812 года; Русская кампанія.—Императоръ былъ сильно разгнѣванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторое число швейцарцевъ воевало противъ него, къ явному ущербу *договорныхъ* полковъ, въ которые никакъ нельзя было набрать полнаго комплекта. Въ этотъ моментъ подымался даже вопросъ о присоединеніи Швейцаріи къ имперіи или объ учрежденіи тамъ намѣстничества для герцога Бертье, князя невшательскаго и генералъ-полковника швейцарцевъ, или даже о введеніи рекрутскаго набора, по примѣру Франціи. Однако, убѣдившись въ невозможности набрать тамъ болѣе многочисленную армію, Наполеонъ 28 марта 1812 года пошелъ на новое военное соглашеніе, цѣлью котораго было облегчить повинности Союза. По этому трактату Наполеонъ обязался не требовать отъ Швейцаріи болѣе 12.000 солдатъ, составлявшихъ тѣ же четыре полка, не считая 2.000—3.000 человѣкъ резерва. Но онъ потребовалъ, чтобы швейцарское правительство запретило всякое военное соглашеніе съ другой державой, и дѣйствительно, швейцарцы на англійской службѣ отправлены были въ Канаду.

Четыре французскихъ полка изъ швейцарцевъ, въ числѣ около 8.000 человѣкъ, участвовали послѣ этого въ роковой Русской кампаніи. Сосредоточенные при началѣ войны по большей части въ Парижѣ (первый полкъ изъ Италіи попалъ прямо въ Страсбургъ), они входили въ составъ дивизіи, вскорѣ поступившей подъ командованіе генерала Мерля и принадлежавшей ко 2-му корпусу Великой Арміи, корпусу маршала Удино. Въ то время какъ Наполеонъ устремился на Смоленскъ и Москву, корпусъ Удино имѣлъ дѣло на Западной Двинѣ съ русскимъ генераломъ Витгенштейномъ, защищавшимъ Дрисскій лагерь. Онъ участвовалъ въ битвахъ подъ Полоцкомъ [1]). Марбо, враждебно относившійся къ иноземнымъ вспомогательнымъ войскамъ, увѣряетъ, что онъ видѣлъ, какъ во время одной изъ этихъ стычекъ два швейцарскихъ полка обратились въ бѣгство, между тѣмъ какъ на дѣлѣ они, хотя, можетъ быть, и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, выполняли отданный имъ приказъ занять арьергардныя позиціи для прикрытія крѣпостныхъ валовъ. Гувіонъ С.-Сиръ, смѣнившій раненаго Удино, отозвался о нихъ слѣдующимъ образомъ: „мы можемъ положиться на хладнокровіе и отвагу швейцарцевъ; вотъ почему я ставлю ихъ въ резервѣ“. Ужасная битва 18 августа, доставившая Гувіону маршальскій жезлъ, временно смутила русскихъ. Ихъ атаки возобновились въ октябрѣ. Швейцарцы побѣдоносно от-

---

[1]) См. т. II, главу VIII. Русская кампанія.

бросили врага 18-го октября; 19-го они послѣдними продержались въ Полоцкѣ, а 20-го они же прикрывали отступленіе 2-го корпуса черезъ Двину.

Послѣ Москвы Наполеонъ счелъ 2-й корпусъ, усиленный корпусомъ Виктора, единственнымъ пригоднымъ для охраненія бѣдственнаго отступленія изъ Россіи. Швейцарцы вслѣдствіе битвъ и болѣзней потеряли бо́льшую часть своихъ; ихъ оставалось не больше 1.200. Имъ поручено было прикрывать 28 и 29 ноября переходъ черезъ Березину у Борисова, и здѣсь они отличились до такой степени, что дивизіонный командиръ ихъ, Мерль, закричалъ: „молодцы, швейцарцы, вы всѣ заслуживаете Почетнаго легіона!“ Наполеонъ приказалъ выдать оставшимся въ живыхъ 62 креста, а Союзный Сеймъ вотировалъ имъ торжественное поздравленіе какъ за ихъ поведеніе въ Полоцкѣ, такъ и за высокіе подвиги на Березинѣ. Во время этой кампаніи они потеряли 6.000 человѣкъ, но ни одного знамени. Почти всѣ офицеры были убиты или взяты въ плѣнъ. Собрали все, что оставалось въ резервѣ, и четыре батальона, которые удалось составить вмѣсто прежнихъ четырехъ полковъ, т.-е. всего 4.000 человѣкъ, защищали потомъ до послѣдней возможности крѣпости Вестфаліи и Голландіи.

Въ декабрѣ 1813 года Союзный Совѣтъ постановилъ отозвать швейцарцевъ съ французской службы, а 15 апрѣля слѣдующаго года ихъ освободили отъ присяги на вѣрность императору. За все время наполеоновскихъ войнъ на ихъ долю выпадало участіе въ несчастныхъ походахъ, въ испанскомъ и русскомъ, но тѣмъ не менѣе они поддержали старинную военную славу націи. Послѣдній разъ участвовали они въ крупныхъ европейскихъ войнахъ; принципъ истиннаго нейтралитета вскорѣ сдѣлался руководящимъ началомъ ихъ политики.

IV.—Швейцарія въ 1813 и 1814 годахъ.

Швейцарскій нейтралитетъ въ царствованіе Наполеона. — Если Швейцарія не сумѣла въ 1813 году воспротивиться нашествію, вина въ этомъ падаетъ на Наполеона, который лишилъ ее средствъ отстаивать свой нейтралитетъ и самъ показалъ примѣръ нарушенія неприкосновенности ея территоріи. По Акту посредничества Наполеонъ разрѣшалъ Швейцаріи набирать лишь незначительную силу въ 15.000 человѣкъ, образуемую изъ контингентовъ отдѣльныхъ кантоновъ. Уже раньше къ особѣ ландмана приставленъ былъ генералъ-адъютантъ; въ 1804 году созданъ былъ генеральный штабъ, въ которомъ рядомъ съ главнымъ квартирмейстеромъ Финзлеромъ и главнымъ инспекторомъ Алоизомъ Редингомъ состояло также нѣсколько *союзныхъ полковниковъ*. При началѣ войны 1805 года противъ Австріи и Россіи Наполеонъ потребовалъ, чтобы Союзъ заставилъ уважать свой нейтралитетъ, чрезвычайно выгодный для самого Наполена, потому что пути для его вторженія шли черезъ Германію и Италію, а война 1799 года показала, что альпійскій массивъ мало пригоденъ для прохода завоевателей. Сеймъ издалъ заявленіе о нейтралитетѣ и выбралъ генераломъ бернскаго судью Рудольфа де Ватвиля, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ландманомъ Швейцаріи. Война поведена была Наполеономъ настолько живо, что Швейцаріи не пришлось охранять своихъ границъ. Что касается самого Наполеона, онъ мало считался съ ихъ неприкосновенностью: то онъ пользуется для своей арміи базельскимъ мостомъ въ 1809 году, такъ что поднимался даже вопросъ объ уступкѣ ему клочка швейцарской территоріи для одного конца моста въ Гюнингенѣ; то онъ, какъ было сказано выше, занимаетъ своими итальянскими войсками Тессинъ (Тичино) въ 1810 году. Очевидно было, что

швейцарскій нейтралитетъ могъ быть только фиктивнымъ, и что Союзъ, связанный договоромъ и военными соглашеніями съ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ, являлся въ сущности вассальнымъ государствомъ. Какъ бы то ни было, 18 ноября 1813 года Сеймъ возобновилъ свое заявленіе о нейтралитетѣ и сообщилъ его Наполеону черезъ бывшаго ландмана Рютиманна, а союзникамъ—черезъ Алоиза Рединга. Была набрана армія въ 12.000 человѣкъ (при чемъ надѣялись со временемъ ее усилить) и во главѣ ея еще разъ поставленъ былъ Ватвиль.

Несмотря на обѣщаніе русскаго императора, союзники подъ вліяніемъ Меттерниха рѣшили не уважать больше швейцарскаго нейтралитета, уже нарушеннаго Наполеономъ. На этотъ разъ сила была на ихъ сторонѣ; Швейцарія должна была покориться ихъ волѣ; Ватвиль отвелъ свои войска, и ландманъ Рейнгардъ распустилъ ихъ. Съ 21 декабря австрійцы стали переходить Рейнъ, и черезъ десять дней ихъ генералъ Бюбна занялъ Женеву, гдѣ временное правительство смѣло провозгласило возстановленіе старой республики.

Союзники въ Швейцаріи; конецъ правительства „Акта посредничества“.—Олигархическая партія, встрѣтившая поддержку у австрійскихъ делегатовъ, видѣла въ прибытіи союзниковъ актъ освобожденія. Одинъ изъ этихъ посланцевъ, Зенфтъ фонъ-Пильзахъ, побуждалъ вальдсгутскій комитетъ, состоявшій изъ бывшихъ швейцарскихъ эмигрантовъ, открыто стремиться къ ниспроверженію правительства, установленнаго Актомъ посредничества, будь то во всей Швейцаріи или въ отдѣльныхъ кантонахъ. 29 декабря сеймъ торжественно отмѣнилъ это правительство и подписалъ *конвенцію*, въ силу которой возобновлялся старинный союзный договоръ; прежній *главный кантонъ* Цюрихъ уполномоченъ былъ вести дѣла, и въ теченіе почти двадцати мѣсяцевъ Швейцарія жила безъ конституціи. Сеймъ рѣшительно заявилъ, что подданныхъ областей во всякомъ случаѣ допущено не будетъ; однако Бернъ, который еще раньше этого успѣлъ возстановить свое олигархическое управленіе (23 декабря), возобновилъ свои притязанія на Ваадтъ иАаргау. Другіе послѣдовали этому примѣру. Ури потребовалъ себѣ Левантину (Тессинъ). Въ мартѣ 1814 года одновременно состоялось два сейма: одинъ засѣдалъ въ Люцернѣ и считалъ себя выразителемъ мнѣнія исконнаго союза тринадцати кантоновъ; другой—въ Цюрихѣ—продолжалъ быть представителемъ союзнаго государства девятнадцати кантоновъ. Однако союзники, среди которыхъ швейцарцы имѣли надежнаго друга (это былъ русскій министръ Каподистрія, впослѣдствіи президентъ возставшей Греціи), признавали только второй изъ этихъ сеймовъ. Бернъ уступилъ 31-го марта, а 6-го апрѣля оба сейма соединились въ Цюрихѣ въ одинъ, который и засѣдалъ до 13-го августа 1815 года. Онъ получилъ названіе Долгаго Сейма.

Въ это время, при содѣйствіи Каподистріи, разрабатывались основы для новой конституціи. Этотъ трудъ закончился союзнымъ договоромъ 16-го августа 1814 года, обнародованнымъ 7-го августа 1815 года. Въ теченіе всего этого періода кантоны, а особенно бывшія подданныя области, волновались за свою судьбу. Нѣкоторыя изъ статей Парижскаго договора (30 мая 1814 года) возстановляли Швейцарію въ предѣлахъ девятнадцати кантоновъ „Акта посредничества“, съ присоединеніемъ трехъ новыхъ, именно бывшихъ союзныхъ государствъ Валлиса, Невшателя и Женевы. Чтобы привязать Женеву къ Швейцаріи, Версуасская дорога, въ области Жексъ, отдана была во всеобщее пользованіе. Подробности и окончательное рѣшеніе различныхъ возникшихъ вопросовъ перенесены были на Вѣнскій конгрессъ.

Глава XIV.

Голландія.

Съ 1789 по 1814 годъ.

Двадцатипятилѣтіе, соотвѣтствующее эпохѣ Революціи и Французской имперіи, явилось для Нидерландовъ въ полномъ смыслѣ слова періодомъ конституціонной неустойчивости: эти годы послѣдовательно были не только свидѣтелями конца штатгальтерства, учрежденія *Батавской республики, Голландскаго королевства*, присоединенія страны къ имперіи Наполеона и реставраціи Оранскаго дома, но и въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ режимовъ происходили внутреннія измѣненія и государственные перевороты. Связанные съ 1795 года съ судьбами Франціи, испытывая на себѣ отраженное дѣйствіе ея потрясеній и капризные порывы ея правителей, Нидерланды непрерывно переживали внутреннія волненія, сопровождавшіяся рѣзкими измѣненіями основныхъ законовъ страны. Съ другой стороны, не говоря уже о бѣдственной потерѣ почти всѣхъ своихъ колоній, они вынуждены были разстроить свои финансы, промышленность и торговлю, участвуя въ ожесточенной борьбѣ Франціи противъ Англіи и примѣняя столь ненавистныя мѣры континентальной блокады. Безъ сомнѣнія, на зарѣ XIX вѣка старая союзная конституція, слишкомъ узкая и полная внутреннихъ противорѣчій, должна была исчезнуть; но, принимая въ расчетъ ужасныя испытанія, черезъ которыя пришлось пройти голландскому народу, можно спросить себя, не слишкомъ ли дорого заплатилъ онъ за окончательное усвоеніе началъ единства, свободы и равенства, которыя принесены были ему изъ революціонной Франціи.

Конецъ штатгальтерства (1787—1795 гг.). Штатгальтеръ Вильгельмъ V, возстановленный въ 1787 году прусскимъ оружіемъ, былъ неспособенъ къ борьбѣ съ тѣми многообразными затрудненіями, какія выпали на его долю: затрудненіями дипломатическими—въ его сношеніяхъ съ Англіей и Пруссіей, затрудненіями политическими—внутри государства, въ средѣ партій, на которыя дѣлилось государство. Скомпрометированный своими союзами, онъ подвергался атакѣ, которой громко требовали нидерландскіе „патріоты", бѣжавшіе во Францію, и батавскій батальонъ, образованный Дандельсомъ, въ то время какъ внутри страны революціонная партія усиливалась, эксплуатировала ошибки и непопулярность штатгальтера и сносилась съ комитетами эмигрантовъ. Въ большихъ городахъ основаны были клубы и кружки для чтенія, и къ 1793 г. число единомышленниковъ доходило въ

Лейденѣ до 300 — 400, въ Утрехтѣ до 700 — 800, въ Амстердамѣ до 3.000—4.000. Со времени революціи 1787 г. и послѣдовавшей за ней реакціи принцъ Оранскій былъ въ республикѣ всемогущимъ, такъ что онъ являлся отвѣтственнымъ за всѣ дѣйствія правительства: на него сваливалъ Конвентъ вину за враждебныя дѣйствія, какими онъ былъ недоволенъ, ему же, одновременно съ Англіей, объявилъ онъ и войну 1-го февраля 1793 года. Въ теченіе двухъ лѣтъ, пока длился конфликтъ, французскіе генералы Дюмурье, а потомъ Пишегрю не переставали громить „тиранію штатгальтера и заявлять, что они являются избавителями". Конвентъ поставилъ себѣ задачей прежде всего уничтожить штатгальтерство и привилегіи и „возстановить народъ въ его естественныхъ правахъ". Въ виду такого натиска Вильгельмъ ограничился требованіемъ набора иноземныхъ рекрутъ для веденія войны и провинціальныхъ милицій для охраны территоріи. Чтобы остановить стремленіе французовъ, нужны были болѣе энергичныя мѣры. Сверхъ того всюду зашевелились и патріоты, разжигаемые посланіями Конвента и Дандельса, сдѣлавшагося генераломъ сѣверной арміи: ихъ вожди, Ирхормъ ванъ Дамъ, Крайенгофъ, Гогель, устраивали тайныя сборища и высказывались противъ затопленія страны и другихъ средствъ обороны. Такъ какъ исключительная суровость зимы позволила арміи Пишегрю переходить рѣки и каналы по льду и завоевать всѣ провинціи „форсированнымъ маршемъ", то Вильгельму V оставалось только бѣжать. 17 января 1795 года онъ появился въ соединенномъ собраніи Генеральныхъ Штатовъ и Штатовъ Голландіи и заявилъ, что онъ немедленно удалится, дабы не послужить препятствіемъ къ миру. На другой день онъ со всѣми своими сѣлъ на корабль въ Шевенингенѣ и отправился въ Англію. Онъ уходилъ, чтобъ не вернуться болѣе, и умеръ одиннадцать лѣтъ спустя въ изгнаніи, которое явилось достойнымъ возмездіемъ за его насилія и неспособность.

Временная организація республиканскаго правительства (1795—1796 гг.).—Послѣ этого бѣгства „патріотическая" партія оказалась во главѣ всѣхъ дѣлъ. Она немедленно сдѣлала у Франціи многочисленныя позаимствованія: девизъ „свобода, равенство, братство" начертанъ былъ на всѣхъ общественныхъ сооруженіяхъ, въ большинствѣ городовъ посажены были дерева свободы, и государству офиціально дано было названіе *Батавской республики.*

Однако, вдохновляясь дѣйствіями Конвента, не подражали его крайностямъ: личная свобода, свобода культовъ, частная собственность въ общемъ пользовались уваженіемъ, и если нѣкоторые сторонники оранской партіи, какъ Ванъ де Спигель и Бентинкъ де Роонъ, и были арестованы, то не надолго. Люди способные и умѣренные, особенно Рожеръ-Янъ Шиммельпенинкъ и Петръ Паулусъ, придали революціи черты удивительной практичности. Первый, поставленный во главѣ временнаго городского управленія Амстердама, заявилъ, что надо быть великодушнымъ къ прошлому, строгимъ и непреклоннымъ по отношенію ко всякому будущему посягательству на свободу. Второй, избранный президентомъ Штатовъ Голландіи, сказалъ, что слѣдуетъ временно сохранить традиціонныя формы и ввести подъ ихъ покровомъ неотложныя реформы. Въ этомъ духѣ и стали дѣйствовать. Бывшіе Штаты, провинціальные и генеральные, сначала были просто возобновлены и декретировали верховенство батавскаго народа, права человѣка и гражданина, отмѣну штатгальтерства. Генеральные Штаты заключили съ Франціей союзъ 16 мая 1795 года, которымъ обезпечивалась независимость Батавской республики. Но вскорѣ замѣчено было, что требуется болѣе радикальная передѣлка конституціи, чтобы уврачевать адми-

нистративное безсиліе и финансовое разстройство правительства; первое вызвано было партикуляристскимъ эгоизмомъ каждой провинціи и каждаго города, второе—обязательствомъ платить жалованіе и снабжать всѣмъ необходимымъ французскій оккупаціонный корпусъ въ 25.000 человѣкъ.

По наущенію полномочнаго посла Конвента, Ноэля, который назначенъ былъ состоять при Батавской республикѣ въ сентябрѣ 1795 года, стали подумывать о созывѣ національнаго собранія для пересмотра конституціи въ духѣ централизаціи. Это не обошлось безъ затрудненій. Многіе патріоты сохранили привязанность къ принципу мѣстной автономіи, и, за исключеніемъ Голландіи и Утрехта, провинціи или открыто относились съ враждою къ объединительнымъ мѣропріятіямъ, или по крайней мѣрѣ проявляли колебаніе. Въ то время какъ гагское *Центральное Общество*, объединявшее много народныхъ обществъ, и депутаты провинціи Голландіи высказывались за созывъ національнаго собранія, Зеландія и Фрисландія энергично протестовали. Въ Генеральныхъ Штатахъ на разрѣшеніе этого вопроса ушло три мѣсяца, да и то принятое большинствомъ голосовъ рѣшеніе можно было выполнить лишь послѣ провинціальной революціи во Фрисландіи (26 января 1796 года) и послѣ долгихъ переговоровъ съ Зеландіей. Согласно регламенту въ 147 статей, который выработанъ былъ за это время, должно было выбрать Конвентъ путемъ двухстепенныхъ выборовъ, считая одного представителя на 15.000 жителей; этотъ Конвентъ долженъ былъ выбрать министровъ, облеченныхъ исполнительной властью и отвѣтственныхъ передъ Конвентомъ, руководить иностранными дѣлами, сухопутными и морскими силами и могъ измѣнять законы, но не иначе какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ. Несмотря на эти широкія права, Конвентъ стѣсненъ былъ въ своихъ дѣйствіяхъ нѣкоторыми ограничительными оговорками: такъ, каждое провинціальное правительство сохраняло право принимать рѣшенія, какія оно сочтетъ полезными, въ области судебной, финансовой и политической; съ другой стороны, конституціонная работа, порученная комиссіи изъ двадцати одного члена, должна была закончиться въ теченіе года—иначе она считалась недѣйствительной—и подвергнуться ратификаціи народа. Первая изъ этихъ оговорокъ обрекала на неудачу всякую реформу въ духѣ централизаціи; вторая серьезно компрометировала окончательный успѣхъ пересмотра.

Національный Конвентъ (1796—1797).—Конвентъ собрался въ Гагѣ 1-го марта 1796 года и единогласно выбралъ въ президенты Петра Паулуса. Это былъ многообѣщающій выборъ. Къ несчастью, Паулусъ внезапно умеръ нѣсколько дней спустя, въ возрастѣ 42 лѣтъ, и съ его смертью Нидерланды лишились государственнаго человѣка, рѣдкія качества котораго очень бы пригодились. Собраніе осиротѣло отъ этой потери: оно сдѣлалось предметомъ спора *унитаріевъ* и *федералистовъ*, при чемъ тѣ и другіе въ свою очередь подраздѣлялись на *радикаловъ* и *умѣренныхъ*. Среди унитаріевъ Петръ Врееде и Валькенаръ выдавались своею восторженностью, тогда какъ Ванъ де Кастеле, Ганъ и Шиммельпенинкъ допускали нѣкоторыя уступки духу партикуляризма; среди федералистовъ Ванъ Бейма со своей непримиримостью стоялъ въ оппозиціи умѣренному образу мыслей Витринга. Когда назначена была комиссія, тринадцать членовъ изъ двадцати одного были враждебны самому дѣлу, которое они должны были выполнить. Однако благодаря вліянію французскаго посланника былъ составленъ и вотированъ проектъ конституціи. Проектъ этотъ былъ скопированъ съ французской конституціи 1795 года; имъ установлялось, что Батавская республика отнынѣ не будетъ счи-

таться союзомъ автономныхъ провинцій, а единой страной, которою править суверенный народъ; исполнительная власть должна была принадлежать Государственному совѣту изъ семи лицъ, власть законодательная—двумъ палатамъ; страна дѣлилась на департаменты, которые самостоятельно завѣдывали своими финансами. Несмотря на свою неполноту, проектъ долженъ былъ быть принятъ народомъ немедленно; но изъ этого ничего не вышло. Коалиція ультрареволюціонеровъ и федералистовъ устроила въ августѣ 1797 года отклоненіе этого проекта большинствомъ болѣе 108.000 голосовъ противъ приблизительно 28.000. Конвентъ жестоко провалился, и голландскій народъ остался въ состояніи печальной анархіи. Второе собраніе, созванное вслѣдъ за этимъ, не могло безъ потрясеній вывести его изъ этого состоянія.

Періодъ государственныхъ переворотовъ (1797—1798).—Новое собраніе открыло свои засѣданія 1-го сентября 1797 года. Хотя представители умѣренныхъ воззрѣній все еще были здѣсь въ большинствѣ, однако они были ослаблены проваломъ предыдущаго проекта конституціи и отступленіемъ нѣкоторыхъ упавшихъ духомъ, въ родѣ Шиммельпенинка. Напротивъ, крайняя партія навербовала новыхъ сторонниковъ и стремилась захватить власть. Подъ вліяніемъ государственнаго переворота 18 фрюктидора во Франціи, она не замедлила изложить въ манифестѣ принципы, которые, по ея мнѣнію, должны были послужить основаніемъ для будущей конституціи. Сорокъ три депутата подписали эту программу, принуждая своихъ товарищей присоединиться къ ней „во избѣжаніе нѣкоторыхъ крутыхъ мѣръ". Угроза была очевидна. Поддержка французскаго правительства и его агента, Делакруа, преемника Ноэля, позволяла осуществить ее. 22 января 1798 года, при благосклонномъ попустительствѣ генерала Жубера, Дандельсъ приказалъ арестовать двадцать восемь депутатовъ, извѣстныхъ своею умѣренностью, и заставилъ остальныхъ принести присягу въ вѣчной ненависти къ штатгальтерству, аристократіи и федерализму. Послѣ этого очищенное такимъ способомъ собраніе приняло названіе *Учредительнаго Собранія*, установило временное правительство изъ пяти членовъ—среди нихъ были Вреедe и Ванъ Лангенъ—и въ нѣсколько недѣль состряпало конституцію. 17 марта эта конституція была закончена; ею устанавливалась Исполнительная Директорія изъ пяти членовъ, при содѣйствіи 8 *агентовъ*, или министровъ, и двухъ законодательныхъ палатъ; страна была раздѣлена на восемь департаментовъ, церковь отдѣлена отъ государства, установлено единство въ финансахъ, законодательствѣ и судѣ. Благодаря неслыханному давленію и чисткѣ первичныхъ собраній, конституція на этотъ разъ была принята огромнымъ большинствомъ путемъ народнаго голосованія.

Тѣмъ не менѣе люди, воспользовавшіеся насильственнымъ переворотомъ 22 января, дискредитировали себя своею эгоистическою политикой. Не довольствуясь наводненіемъ всей администраціи своими креатурами, они хотѣли сверхъ того сами войти въ обѣ палаты, которымъ поручалась законодательная власть. 4-го мая 1798 года они постановили вступленіе въ эти собранія всѣхъ членовъ Учредительнаго Собранія и заступающихъ ихъ мѣсто; для пополненія общаго числа представителей оставалось выбрать всего тридцать членовъ. Другіе акты произвола, особенно арестъ нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи, вызвали въ странѣ всеобщее осужденіе. Самъ Дандельсъ выступилъ противъ этого правительства, установленію котораго онъ такъ много содѣйствовалъ; онъ отправился въ Парижъ, получилъ тамъ молчаливое разрѣшеніе дѣйствовать и, вернувшись въ Гагу, произвелъ тамъ еще одну революцію (12 іюня). Изъ пяти директоровъ двое подали въ отставку,

двое бѣжали, одинъ былъ арестованъ; созданы были *Временная Директорія*, въ которую входили Пейманъ и Гогель, и временное собраніе; наконецъ, созваны были избиратели для избранія новаго законодательнаго корпуса, съѣздъ котораго (31 іюля 1798 года) положилъ конецъ этой цѣпи беззаконій.

Трудно произнести окончательное сужденіе о предыдущихъ обстоятельствахъ и о людяхъ, отвѣтственныхъ за нихъ; во всякомъ случаѣ кажется, что только революціонныя средства могли вывести Батавскую республику изъ того тупика, въ который она попала, и невольно хочется быть снисходительнымъ къ тѣмъ, кто не поколебался примѣнить эти средства. Въ частности Дандельсъ оказалъ истинную услугу своему отечеству въ 1798 году, несмотря на свои крупные недостатки, чрезмѣрное честолюбіе, необузданную расточительность и сварливый характеръ.

Директорія (1798—1801 гг.).—Переворотъ 12 іюня доставилъ Нидерландамъ три года относительнаго внутренняго покоя. Законодательная власть раздѣлена была между двумя палатами: *Большимъ совѣтомъ*, или первой палатой, и *Совѣтомъ старѣйшинъ;* исполнительная власть принадлежала пяти *директорамъ*, выбраннымъ второю палатою. Этотъ режимъ, скопированный съ существовавшаго въ то время во Франціи, внесъ нѣкоторый порядокъ въ различныя отрасли администраціи. Имѣя въ лицѣ Шиммельпенинка хорошаго представителя въ Парижѣ, этотъ порядокъ можетъ быть, просуществовалъ бы долго, если бы внѣшнія осложненія не помѣшали ему возстановить экономическое благоденствіе страны и если бы оранжистскіе происки не сдѣлали его подозрительнымъ въ глазахъ Франціи. Англо-русское нашествіе 1799 года повлекло за собой значительныя издержки: помимо французскаго оккупаціоннаго корпуса нужно было содержать батавскія войска; декретъ 3 мая 1799 года учреждалъ національную гвардію, куда входили всѣ холостые съ 18 по 35 лѣтъ и все женатые съ 18 по 28 лѣтъ. Послѣ побѣдъ Брюна республика изнемогала подъ тяжестью своихъ денежныхъ повинностей; „она падаетъ, какъ осеннія листья,—писалъ Семонвилль, посланный въ Гаагу правительствомъ Перваго Консула,—и погибнетъ въ нашихъ рукахъ, если миръ, къ которому всею душой стремится Первый Консулъ, не вернетъ ее поскорѣй къ коммерческому существованію, единственно доступному жителямъ вслѣдствіе условій мѣстности“. Батавская Директорія, обезпокоенная тяжелыми поборами Бонапарта, тщетно умоляла его избавить отъ рабства и нужды „союзный“ народъ, достойный такого избавленія. Ожеро, смѣнившій Брюна въ Голландіи, продолжалъ истощать провинціи своими военными поборами, а Семонвилль—разорять ихъ, противясь вывозу хлѣба. Законодательный корпусъ долженъ былъ вотировать на 1800 годъ заемъ въ 3% съ капитала, покрываемый самыми состоятельными жителями. Этотъ принудительный заемъ, слѣдовавшій за цѣлымъ рядомъ другихъ, поднялъ обложеніе собственности, съ 1795 года, до 22,5% и обложеніе доходовъ до 28%. Матеріальное положеніе сильно пострадало, Директорія была значительно дискредитирована въ глазахъ голландцевъ. Съ другой стороны, не остались не замѣченными и болѣе или менѣе подозрительные маневры, къ которымъ прибѣгли нѣкоторые государственные люди, особенно Ванъ деръ Хузъ, для того, чтобы завязать сношенія и вступить въ переговоры съ бывшимъ штатгальтеромъ Вильгельмомъ V; Ванъ де Спигель, Аилва, Моллерусъ и другіе оранжисты проявили много жизни въ теченіе 1799 года, при чемъ имъ не ставили никакихъ препятствій: Моллерусъ послѣдовательно побывалъ въ Лингенѣ и Гельдерѣ для переговоровъ съ наслѣднымъ принцемъ Оранскимъ, и въ Лондонѣ для свиданія съ Вильгельмомъ V,—и

все это по приказу Ванъ деръ Хуза. Отсюда родилось во Франціи прямое недовѣріе къ батавской Директоріи. Всюду правительство это теряло уваженіе. Ему ставили въ вину финансовое разореніе, подвергали сомнѣнію его искренность, всѣ на него нападали, никто его не защищалъ. При такихъ условіяхъ оно не могло долго держаться. По наущенію Перваго Консула редактированъ былъ въ 1801 году проектъ измѣненія конституціи, направленный къ усиленію исполнительной власти и суженію значенія палатъ. Бонапарту хотѣлось поставить во главѣ республики *великаго пенсіонарія*, но онъ старался не слишкомъ выдвигаться впередъ, а потому на сей разъ ограничился тѣмъ, что выразилъ свое мнѣніе, не стараясь навязать его. Семонвилль и Ожеро присутствовали при совершившемся тогда насильственномъ переворотѣ лишь въ качествѣ благосклонныхъ зрителей. И дѣйствительно, понадобился еще одинъ переворотъ, чтобы добиться пересмотра, которому противилось большинство двухъ палатъ и два члена Директоріи. 14 сентября 1801 года пущена была прокламація, предлагавшая батавскому народу проектъ конституціи. Мѣсто Директоріи должно было занять *государственное регентство* (*Staatsbewind*) изъ двѣнадцати членовъ, съ ежегоднымъ возобновленіемъ двѣнадцатой части своего состава. На помощь этому регентству назначаются генеральный секретарь и четыре статсъ-секретаря для внѣшнихъ сношеній, флота, войска и внутреннихъ дѣлъ. Законодательная власть ввѣряется тридцати пяти депутатамъ, избираемымъ на первый разъ самимъ правительствомъ, а впослѣдствіи двухстепенными выборами черезъ особыхъ департаментскихъ выборщиковъ; это собраніе, лишенное инициативы, можетъ только принимать или отвергать простымъ голосованіемъ предлагаемые ему проекты. Клятвенное обѣщаніе ненависти къ штатгальтерству уничтожается и замѣняется обѣщаніемъ согласія на представительную систему. Страна дѣлится на восемь департаментовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою департаментскую организацію и свою судебную палату. Феодальные порядки отмѣняются, и всѣ вѣроисповѣданія пользуются одинаковымъ покровительствомъ. Проэктъ этотъ подвергается народной санкціи, и всякій избиратель, не подавшій голоса, считается одобрившимъ проектъ. Палаты, обнаружившія было покушеніе на сопротивленіе, были распущены 18 сентября 1801 года по приказанію трехъ директоровъ (въ томъ числѣ и Пеймана), а двери залы засѣданій были опечатаны. Состоялся плебисцитъ и, хотя *противъ* проекта было 52.219 голосовъ, а *за* него всего 16.771, конституцію сочли одобренною, такъ какъ воздержаніе 350.000 избирателей отъ голосованія сочтено было за ихъ согласіе.

Государственное регентство (1801 — 1805). — Съ октября 1801 года новое правительство было организовано. Существенною особенностью его было то, что оно составилось какъ изъ оранжистовъ (Брантсенъ), такъ и изъ *патріотовъ* (Пейманъ, Споорсъ и др.), и принялось за очень похвальныя мѣры къ примиренію. Однако люди умѣренные, при всей радости по поводу намѣреній правительства, не безъ основанія безпокоились, видя, какъ все подчинено было олигархіи, которая присваивала себѣ всю совокупность власти и сама выбирала даже членовъ якобы національнаго представительства. Такимъ образомъ, революція 18 сентября 1801 года принята была Батавіей не съ энтузіазмомъ, какъ выразился Семонвилль, а съ покорнымъ равнодушіемъ, которое получается часто при видѣ безпрерывныхъ измѣненій.

Частичное очищеніе территоріи отъ французовъ, въ силу конвенціи 21 августа 1801 года, явилось значительнымъ облегченіемъ для нидерландскаго бюджета: уплата, въ пользу Франціи, пяти милліо-

новъ флориновъ взамѣнъ уменьшенія оккупаціоннаго корпуса съ 25 до 10.000 человѣкъ принята было съ радостью. Послѣдовавшие переговоры съ Англіей и Амьенскій договоръ 1802 года возбудили большія надежды: думали, что торговля достигнетъ былой высоты благодаря свободѣ мореплаванія и что республика въ тиши всеобщаго мира вернетъ убытки, которые она понесла за девять лѣтъ войны. Соглашеніе съ принцемъ Оранскимъ, который отказывался за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ штатгальтерства, въ обмѣнъ за уступку нѣкоторыхъ секуляризованныхъ нѣмецкихъ аббатствъ (Фульда, Корвей, Вейнгартенъ), казалось, освобождало вмѣстѣ съ тѣмъ Батавію навсегда отъ оранжистской опасности (24 мая 1802 года). Можно было разсчитывать, что начинается эра исправленія и подъема. Къ несчастью, эта надежда не осуществилась. Несмотря на доброе желаніе своихъ членовъ, государственное регентство неспособно было разрѣшить финансовыхъ затрудненій, съ которыми ему приходилось бороться. Имѣя передъ собой на 1802 годъ дефицитъ въ 50 милліоновъ флориновъ, оно предложило четырехпроцентное обложеніе имуществъ и десятипроцентное—доходовъ на восемь лѣтъ; такая комбинація вызвала неудовольствіе большинства голландцевъ. Кромѣ того, регентство сдѣлало и прямыя ошибки, стремясь ограничить евреевъ и католиковъ, какъ до революціи, и отстраняя армію. Генералы Дандельсъ и Дюмонсо не скрывали своего неудовольствія и завели тайные переговоры, которые взволновали регентство. „Таково ужъ положеніе Батавіи,—писалъ Семонвилль Телейрану, — что она распадется при честныхъ, но неумѣлыхъ и робкихъ вождяхъ, если геній Перваго Консула не станетъ пещись о ея судьбахъ“. Бонапартъ вмѣшательствомъ своимъ заставилъ Дандельса и Дюмонсо вернуться къ исполненію своего долга и этимъ спасъ правительство. Но вскорѣ нарушеніе Амьенскаго мира привело къ возобновленію войны съ Англіей, и республика, волей-неволей вовлеченная въ эту борьбу, почувствовала вскорѣ гибельные ея результаты. 25 іюня 1803 года она обязалась кормить и оплачивать корпусъ французской арміи, выставить отъ себя 16.000 человѣкъ, снарядить 5 военныхъ кораблей и 5 фрегатовъ и выстроить транспорты и баркасы на болѣе чѣмъ 60.000 человѣкъ. Финансовая скудость дѣлала для республики выполненіе этихъ обязательствъ почти невозможнымъ; она пыталась уклониться отъ нихъ и замедлить открытіе враждебныхъ дѣйствій съ Великобританніей. Ея поведеніе разсердило Перваго Консула, который съ 1803 года задумалъ передѣлать батавскую конституцію. Въ его представленіи регентство было осуждено, и слѣдовало замѣнить его „человѣкомъ съ характеромъ“, который могъ бы сдѣлаться главою страны.

Это намѣреніе было осуществлено по окончаніи консульства и послѣ провозглашенія имперіи во Франціи. Уже десять лѣтъ, какъ всякое измѣненіе режима на берегахъ Сены отражалось въ Нидерландахъ; на этотъ разъ произошло то же, что и раньше. Наполеонъ какъ разъ обрѣлъ человѣка, какого онъ искалъ, чтобы поставить его во главѣ Нидерландовъ. Это былъ Рожеръ-Янъ Шиммельпенинкъ, качества и таланты котораго онъ могъ оцѣнить и на Амьенскомъ конгрессѣ, и въ посольствѣ въ Парижѣ. Въ сентябрѣ 1804 года онъ вызвалъ его въ Кёльнъ, гдѣ находился проѣздомъ, и изложилъ ему виды, какіе имѣлъ на него. Шиммельпенинкъ не былъ пошлымъ честолюбцемъ и обладалъ пламеннымъ патріотизмомъ; не безъ тревожныхъ колебаній рѣшился онъ уступить настояніямъ императора. Впрочемъ, онъ хотѣлъ посовѣщаться съ батавскими регентами, и 27 сентября 1804 года упол-

номоченъ былъ ими вступить въ переговоры съ Наполеономъ. Непопулярность государственнаго регентства въ Нидерландахъ и его усилія избавиться отъ господства Франціи ускорили эту неизбѣжную развязку. Не пользуясь довѣріемъ ни французовъ, ни голландцевъ, регентство не посмѣло возражать противъ проекта конституціи, представленнаго ему въ началѣ 1805 года. Оно передало проектъ Законодательному корпусу, который 22 марта и одобрилъ его, равно какъ и чрезвычайную контрибуцію въ 3% съ капитала. Вслѣдъ за этимъ конституція подвергнута была народной ратификаціи и принята 14.093 голосами противъ 136; это было немного при 350.000, имѣвшихъ право голоса, но подразумѣвалось, что не подавшіе голоса тѣмъ самымъ изъявляютъ свое согласіе (апрѣль 1805 года).

Великій пенсіонарій Шиммельпенинкъ (1805—1806). — Такъ установлено было правительство Шиммельпенинка, правительство странное, во многомъ аналогичное съ консульствомъ во Франціи и имѣвшее, съ другой стороны, въ глазахъ батавовъ ту заслугу, что оно напоминало славное время былой республики. Главное значеніе принадлежало верховному магистрату, *совѣтнику-пенсіонарію,* котораго французы звали болѣе пышно *великимъ пенсіонаріемъ*, и собранію изъ девятнадцати членовъ, избираемому на три года департаментскими администраціями и носившему старинное названіе *собраніе Ихъ Высокихъ Могуществъ.* Пенсіонарій, облеченный правомъ назначать Государственный совѣтъ (отъ пяти до десяти членовъ), генеральнаго секретаря, пять статсъ-секретарей и большинство чиновниковъ, офицеровъ и магистратовъ,— пользовался огромнымъ вліяніемъ и титуловался превосходительствомъ. Въ будущемъ его должно было избирать собраніе на пять лѣтъ; но въ видѣ исключенія, первому носителю этого званія, Шиммельпенинку, предоставлена была полная свобода организаціи правительства во всѣхъ его частяхъ и избраніе девятнадцати членовъ Законодательнаго корпуса; кромѣ того, онъ долженъ былъ оставаться въ должности цѣлыхъ пять лѣтъ по заключеніи мира съ Англіей. Это была наиболѣе полная изъ всѣхъ сдѣланныхъ до этого времени попытокъ установить въ Батавіи сильную центральную власть.

Собственно говоря, режимъ, во главѣ, котораго стоялъ Шиммельпенинкъ, былъ режимъ чисто деспотическій, при которомъ оставался лишь блѣдный призракъ политической свободы. Критикуя этотъ режимъ въ 1806 году, Наполеонъ говорилъ, что великій пенсіонарій имѣлъ больше власти, чѣмъ король въ Англіи и даже императоръ во Франціи. У Шиммельпенинка, по крайней мѣрѣ, хватило здраваго смысла не злоупотреблять своимъ всемогуществомъ, и тѣ нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ онъ правилъ республикой, отмѣчены рядомъ удачныхъ мѣръ. Назначая въ концѣ апрѣля 1805 года министровъ, депутатовъ и государственныхъ совѣтниковъ, онъ не вдохновлялся партійнымъ духомъ, а только отыскивалъ самыхъ способныхъ и самыхъ честныхъ людей. Согласно его заявленію (15 мая) Законодательному корпусу, онъ стремился „держаться неуклонно священныхъ началъ правосудія, оказывать справедливость каждому безъ различія званія или образа мыслей, вернуть законамъ необходимую силу и всѣмъ установленнымъ властямъ ихъ прежнее значеніе, отдавать должное талантамъ, честности и заслугамъ“. Началъ онъ съ попытки реорганизаціи финансовъ, имѣя въ виду положить конецъ ежегоднымъ дефицитамъ. Его проектъ бюджета на 1806 годъ отмѣнялъ старинныя подати, взимаемыя отдѣльно каждой провинціей, и замѣнялъ ихъ общими и одинаковыми для всей республики налогами: налогами

прямыми—на дома, земли, квартиры, прислугу; налогами косвенными — на соль, мыло, спиртные напитки и т. п. Въ случаѣ, если бы реформа не уравновѣсила окончательно приходовъ и расходовъ, предполагалось прибѣгнуть къ сбереженіямъ и сокращеніямъ, но не къ займамъ. Этотъ проектъ бюджета, дурно принятый отдѣльными провинціями, которыя предпочли бы старинную систему мѣстныхъ налоговъ, тѣмъ не менѣе былъ принятъ „Ихъ Высокими Могуществами“ 10 іюля 1805 года; онъ представлялъ собою замѣтный успѣхъ по сравненію съ предшествовавшими бюджетами. За реорганизаціей финансовъ послѣдовало преобразованіе администраціи, въ результатѣ котораго значительно стѣснены были провинціальныя вольности и усилилась централизація.

Намѣренія Шиммельпенинка были превосходны, но выпавшая на его долю задача была трудно выполнима, особенно при постоянномъ и повелительномъ вмѣшательствѣ Наполеона. Великій пенсіонарій, очарованный геніемъ императора, питалъ къ нему слѣпое довѣріе: онъ думалъ, что можно поддержать независимость своей страны, помогая изо всѣхъ силъ Франціи противъ Англіи. Императоръ подразумѣвалъ совсѣмъ другое: онъ требовалъ полнаго подчиненія своей волѣ. Это стало ясно съ 1805 года, когда онъ отправилъ французскихъ таможенныхъ досмотрщиковъ въ Брабантъ, чтобы помѣшать контрабандѣ изъ Англіи; затѣмъ, когда онъ, начиная войну съ Австріей, оставилъ Голландію безъ войска и даже увелъ съ собой одну батавскую дивизію. Несмотря на свою преданность и уступчивость, Шиммельпенинкъ былъ не въ силахъ удовлетворять безпрестанно возобновляемыя требованія. Впрочемъ, Наполеонъ всегда считалъ его управленіе временнымъ и послѣ Аустерлицкой побѣды рѣшилъ съ нимъ покончить. Онъ велѣлъ Талейрану написать Шиммельпенинку, что до сихъ поръ учрежденія Голландіи разсчитаны были на „текущія нужды“, что теперь слѣдуетъ разсчитать ихъ на „долгое будущее“ и что онъ желаетъ посовѣщаться объ этомъ въ Парижѣ съ контръ-адмираломъ Верюэлемъ, котораго дружественныя чувства къ Франціи были ему извѣстны. Великій пенсіонарій въ это время почти совершенно ослѣпъ, что являлось удобнымъ предлогомъ для избавленія его отъ отвѣтственности и трудовъ власти. Ударъ отъ этого былъ для него нисколько не легче, и много понадобилось душевной силы, чтобы перенести его. Онъ сдѣлалъ это съ изумительнымъ безкорыстіемъ и при всѣхъ личныхъ своихъ непріятностяхъ, казалось, только и думалъ о высшихъ интересахъ своей родины. Предвидя, что Наполеонъ собирается сдѣлать изъ Голландіи королевство для одного изъ своихъ братьевъ, онъ отдалъ Верюэлю формальный приказъ всѣми силами противиться этому; онъ впередъ подписывался подъ всѣми другими конституціонными измѣненіями, только бы сохранена была республиканская форма. Верюэль не могъ или не сумѣлъ выполнить своей миссіи: вернувшись въ Гагу, 22 марта 1806 года онъ предложилъ именемъ императора провозгласить Людовика Бонапарта королемъ Голландіи. Тогда Шиммельпенинкъ созвалъ 10 апрѣля въ Лѣсномъ домѣ, близъ Гаги, чрезвычайное собраніе, составленное изъ министровъ, государственныхъ совѣтниковъ и членовъ „Ихъ Высокихъ Могуществъ“; собраніе приняло названіе *Великаго Дѣла*. Оно постановило отправить въ Парижъ пять комиссаровъ, уполномоченныхъ отклонить императора отъ его намѣренія, а если это невозможно, то попросить у него нѣкоторыхъ гарантій. Такъ какъ Наполеонъ настаивалъ на своемъ рѣшеніи, Великое Дѣло снова собралось 3 мая и признало необходимость предложеннаго или скорѣе навязаннаго преобразованія. Три не-

дѣли спустя въ Парижѣ составлены были договоръ и конституція; 4 іюня 1806 года Шиммельпенинкъ съ достоинствомъ сложилъ съ себя обязанности, не принявъ ни одного изъ предложенныхъ ему вознагражденій, а 5 іюня Людовикъ Бонапартъ провозглашенъ былъ въ Парижѣ голландскимъ королемъ.

Голландское королевство (1806 — 1810 гг.). — Третій братъ Наполеона, родившійся въ Аяччо въ 1778 году, совершилъ въ качествѣ подчиненнаго часть кампаній при Директоріи, затѣмъ сдѣланъ былъ генераломъ во время консульства и коннетаблемъ при началѣ имперіи. Мягкій и покорный по характеру, онъ всегда послушно выносилъ деспотическое иго своего брата и въ угоду ему женился на Гортензіи Богарнэ, которой не любилъ. Облеченный въ 1805 году командованіемъ сѣверною арміей, онъ стоялъ въ Нидерландахъ и произвелъ тамъ хорошее впечатлѣніе своею простотою и ласковостью. Въ 1806 году онъ нисколько не помышлялъ о голландской коронѣ; когда Наполеонъ увѣдомилъ его, что корона эта назначается ему, онъ далъ сдѣлать себя королемъ, какъ раньше далъ женить себя. Безъ возраженій выслушалъ онъ совѣтъ никогда не переставать быть французомъ и отвѣчалъ, что жизнь и воля его принадлежатъ императору: „я пойду царствовать въ Голландію, разъ этого желаютъ эти народы и разъ Ваше Величество приказываетъ мнѣ это“. Тѣмъ не менѣе онъ сразу сталъ серьезно относиться къ выпавшимъ на его долю обязанностямъ, сказалъ себѣ, что голландскій король долженъ царствовать прежде всего на благо голландцамъ, и привязался къ подданнымъ, которыхъ дали ему почти насильно. Отсюда то фальшивое положеніе, которое продолжалось до самого конца его царствованія; отсюда роковое недоразумѣніе между нимъ, желавшимъ быть болѣе голландцемъ, чѣмъ французомъ, и Наполеономъ, который сохранилъ за нимъ званіе коннетабля имперіи и видѣлъ въ немъ лишь одну изъ своихъ креатуръ, обязанныхъ во всемъ сообразоваться съ его верховными приказаніями.

Согласно договору 24 мая 1806 года, императоръ обезпечивалъ Голландскому королевству независимость, неприкосновенность его владѣній и отмѣну всякихъ привилегій по части налоговъ; Людовикъ становился наслѣдственнымъ и конституціоннымъ королемъ, получалъ государственное имущество, доходъ въ 500.000 флориновъ и цивильный листъ въ 1.500.000. Къ договору присоединены были конституціонныя статьи: основные законы, дѣйствовавшіе до этого времени, въ частности конституція 1805 года, оставались нетронутыми, поскольку они не противорѣчили новымъ распоряженіямъ; обезпечивался государственный долгъ; въ общественныхъ актахъ долженъ былъ примѣняться только голландскій языкъ; удерживалась національная монета и старинный флагъ, сохранялись судебныя учрежденія, всѣмъ культамъ оказывалось одинаковое покровительство. Королю помогали четыре министра, законодательный корпусъ („Ихъ Высокія Могущества“), составленный изъ тридцати восьми членовъ, и Государственный совѣтъ изъ тринадцати членовъ; но въ рукахъ короля оставалась „исключительная и неограниченная полнота правительственной власти, необходимой для обезпеченія выполненія законовъ и должнаго къ нимъ уваженія“. Онъ замѣщалъ всѣ гражданскія и военныя должности и на первый разъ выбиралъ по двумъ спискамъ, представленнымъ Законодательнымъ корпусомъ и департаментскими собраніями, девятнадцать членовъ, которыми долженъ былъ пополниться законодательный корпусъ.

Обладая такою почти неограниченною властью, которая, впрочемъ, не превышала власти великаго пенсіонарія, король

Людовикъ рѣшилъ воспользоваться ею для вящшаго блага своихъ подданныхъ и своего королевства. Прежде всего онъ сумѣлъ объединить около своего престола прежнія партіи и привлекъ всѣхъ, обладавшихъ добрыми намѣреніями, не отстраняя ни одного способнаго человѣка за его прошлое или за его образъ мыслей. Такимъ образомъ ему удалось воспользоваться заразъ и патріотами и оранжистами, революціонерами и консерваторами: въ его правленіе Дандельсъ сдѣлался въ 1808 году губернаторомъ Восточной Индіи, Валькенааръ призываемъ былъ на совѣщанія по экономической части, Диркъ ванъ Гогендорпъ былъ военнымъ министромъ и посланникомъ въ Вѣнѣ, Гогель и Аппеліусъ были министрами финансовъ, Ванъ деръ Хузъ и Ванъ Роэль—министрами иностранныхъ дѣлъ, Ванъ Гоофъ и Ванъ Маненъ—министрами юстиціи; я опускаю другихъ, и притомъ достойныхъ упоминанія. Самъ католикъ, король обнаружилъ отсутствіе партійности въ религіозныхъ вопросахъ и старательно избѣгалъ затрогивать религіозное чувство своихъ подданныхъ, въ массѣ своей исповѣдовавшихъ протестантизмъ. Вынужденный ввести Кодексъ Наполеона, онъ подвергъ его разумнымъ измѣненіямъ, чтобы приспособить его къ національнымъ привычкамъ. Заботливо слѣдилъ онъ за воднымъ дѣломъ въ Голландіи и велѣлъ произвести различныя важныя осушительныя работы. Изо всѣхъ силъ онъ поощрялъ ученыхъ и художниковъ и осыпалъ благодѣяніями поэта Бильдердика. Основной цѣлью его политики являлось возстановленіе общественнаго благоденствія: онъ все время отказывался ввести въ своихъ владѣніяхъ рекрутскій наборъ и ставилъ заботу объ арміи и флотѣ на второй планъ. Онъ мечталъ вернуть Голландіи свободу мореплаванія и торговли, которая была основнымъ условіемъ ея богатства. Благодаря такимъ склонностямъ, которыя быстро стали извѣстны въ Голландіи, благодаря также сострадательной добротѣ, какую проявилъ онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ 1807 году, когда Лейденъ наполовину разрушенъ былъ взрывомъ,—благодаря всему этому Людовику удалось заставить забыть свое происхожденіе. Ему прощены были даже легкіе его недостатки, напримѣръ, его тщеславіе, которое побудило его основать кавалерскій орденъ и возстановить знать. Никто въ Нидерландахъ не раздѣлялъ мнѣнія Наполеона, который упрекалъ своего брата въ томъ, что онъ царствуетъ „какъ капуцинскій монахъ", и писалъ ему: „когда говорятъ о королѣ, что онъ хорошій человѣкъ, то это—неудачное царствованіе". Это царствованіе оставило на берегахъ Зюдерзее и Нѣмецкаго моря настолько благопріятныя воспоминанія, что народъ говоритъ тамъ по сію пору „о добромъ королѣ Людовикѣ".

Поведеніе голландскаго короля не могло удовлетворять Наполеона, который только и думалъ о томъ, какъ бы привлечь рессурсы Нидерландовъ на службу своему честолюбію. Помимо рекрутскаго набора, введенія котораго не переставалъ тщетно требовать Наполеонъ, два обстоятельства болѣе всего ссорили братьевъ: вопросъ финансовый и вопросъ торговый. Утомленный постоянными жалобами, съ которыми обращался къ нему Людовикъ по поводу скудости своихъ финансовъ и предъявляемыхъ ему денежныхъ требованій, Наполеонъ требовалъ отъ него пониженія процента съ государственной ренты. Людовикъ, какъ раньше Шиммельпенинкъ, отвергнулъ эту операцію, которую онъ отождествлялъ съ банкротствомъ; онъ пытался экономіей помочь неизбѣжнымъ дефицитамъ. Что касается торговли, то строгое соблюденіе континентальной блокады явилось бы полнымъ разореніемъ для Голландіи; вынужденный тѣмъ не менѣе присоединиться къ блокадѣ, Людовикъ лишь

слабо препятствовалъ контрабандѣ, которая давала странѣ возможность существовать, но зато приводила въ отчаяніе императора. Послѣ несчастной экспедиціи англичанъ въ Зеландію въ 1809 году конфликтъ былъ неизбѣженъ. Для его предупрежденія Людовикъ отправился въ Парижъ въ концѣ ноября 1809 года. Его пребываніе здѣсь, затянувшееся противъ его желанія до весны слѣдующаго года, омрачено было тяжелыми сценами. Пришлось покориться тягостнымъ требованіямъ Наполеона, разрѣшить французскимъ таможеннымъ досмотрщикамъ охрану береговъ Голландіи, уступить имперіи весь лѣвый берегъ Ваала (договоръ 16 марта 1810 года). Вырвавшись наконецъ изъ Парижа, этого „разбойничьяго вертепа", Людовикъ униженный и обезкураженный вернулся въ Амстердамъ, служившій ему столицей съ 1808 года. У него было намѣреніе отказаться отъ престола, и онъ рѣшился остаться лишь по настоянію собранія, состоявшаго изъ министровъ, государственныхъ совѣтниковъ и законодательнаго корпуса, которыхъ онъ собралъ спеціально для того, чтобы посовѣтоваться съ ними по этому поводу. Этимъ онъ только отсрочилъ неминуемую развязку. Чтобы покончить съ нимъ, Наполеонъ воспользовался мнимымъ оскорбленіемъ, нанесеннымъ его посланнику де Ларошфуко, кучеръ котораго былъ побитъ простонародьемъ. Французскія войска пошли на Амстердамъ. Отказавшись отъ невозможнаго сопротивленія, Людовикъ 1 іюля 1810 года отрекся отъ престола въ пользу своего сына и бѣжалъ въ Богемію. Наполеонъ не принялъ во вниманіе этого отреченія: декретомъ 9 іюля онъ присоединилъ Голландію къ своей имперіи, для которой она давно уже являлась, по его словамъ, необходимымъ „дополненіемъ".

Голландія подъ властью имперіи (1810—1813). — Декретъ 9 іюля устанавливалъ главныя основанія присоединенія: Голландія должна была посылать въ Парижъ шесть сенаторовъ, шесть депутатовъ въ Государственный совѣтъ, двадцать пять депутатовъ въ Законодательный корпусъ и двухъ судей въ Кассаціонную палату. Городъ Амстердамъ становился, послѣ Парижа и Рима, третьимъ городомъ имперіи. Бывшій консулъ Лебрэнъ, герцогъ Пьяченцы и главный казначей имперіи, назначенъ былъ намѣстникомъ съ мѣстопребываніемъ въ Амстердамѣ. Голландскія таможни слиты были съ французскими, и проценты, платимые по государственному долгу на 1810 годъ, сокращены были на двѣ трети. Постановленіе сената слѣдующаго 13 декабря дополнило эти мѣропріятія и раздѣлило страну на семь департаментовъ: устье Мозеля—главный городъ Гаага; Зюдерзее—главный городъ Амстердамъ; Верхній Иссель—главный городъ Арнгеймъ; Устье Исселя—главный городъ Цволле; Фрисландія—главный городъ Леауварденъ; Эмсъ Западный—главный городъ Гронингенъ; Эмсъ Восточный главный городъ Аурихъ. Если присоединить сюда два департамента, созданныхъ раньше, а именно Устье Шельды—главный городъ Миддельбургъ, и Устье Рейна—главный городъ Буа-ле-Дюкъ, то выходитъ, что территорія бывшей республики образовала собой девять французскихъ департаментовъ.

Голландія жестоко страдала отъ этого подчиненія наполеоновскому режиму. Умѣренность Лебрэна и барона д'Альфонса, двухъ лицъ, стоявшихъ во главѣ французской администраціи, могла лишь немного смягчить это зло. Сокращеніе ренты до одной трети (*tierceering der rente*) разорило часть націи и считалось прямо разбойническимъ поступкомъ. Суровые ордонансы насчетъ примѣненія континентальной блокады, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, затронули самые источники народнаго богатства. Наборъ разстроилъ семьи и далъ императору возможность отправлять нидерландскіе полки биться

въ Испанію и въ Россію. Цензура стремилась подавить всякое проявленіе національнаго чувства, въ то время какъ тайная полиція заставляла дрожать самыхъ честныхъ гражданъ. Можетъ быть, это тяжелое господство было необходимо, чтобы закрѣпить окончательно дѣло революціи и навсегда стереть слѣды прежняго партикуляризма; однако легко понять, что голландскій народъ чувствовалъ мало благодарности къ этому господству. Восторженные клики, которыми принятъ былъ въ 1811 году Наполеонъ въ Амстердамѣ, были лишь результатомъ подлаго сервилизма или безразсудной лести. Нигдѣ иго имперіи не встрѣчало бо́льшей ненависти; нигдѣ не ждали съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ возможности свергнуть его.

Оранжистская реставрація (1813—1814).— Какъ ударъ грома въ ясный день пронеслась по Нидерландамъ вѣсть о пораженіи при Лейпцигѣ. Уже въ теченіе 1813 года въ разныхъ мѣстахъ поднимались возстанія; уже происходили секретныя совѣщанія въ Гагѣ между Гейсбертомъ Кареломъ ванъ Гогендорпомъ, Ванъ деръ Дюипомъ изъ Маасдама, графомъ Лимбургомъ-Штирумъ и нѣкоторыми другими оранжистами. Движеніе обострилось, когда узнали о пораженіи, нанесенномъ Наполеону. 15 ноября, на другой день послѣ того какъ Молиторъ очистилъ Амстердамъ, въ городѣ поднялся народъ и сжегъ зданія французской таможни. Два дня спустя Гогендорпъ выпустилъ изъ Гаги прокламацію къ тѣмъ, кто были правителями до 1795 года; затѣмъ, такъ какъ прокламація осталась безъ воздѣйствія, онъ аппелировалъ отъ нихъ ко всей націи и 21 ноября вмѣстѣ съ нѣсколькими политическими друзьями взялъ въ свои руки временное управленіе. Принцъ Оранскій, сынъ Вильгельма V, въ отвѣтъ на просьбу вернуться въ Голландію высадился вскорѣ въ Шевенингенѣ посреди многотысячной толпы, которая привѣтствовала его лояльнымъ крикомъ: *Oranje boven!* 2 декабря онъ отправился въ Амстердамъ, и здѣсь комиссары временнаго правительства провозгласили его *суввереннымъ государемъ Нидерландовъ.* Реставрація совершилась, и на глазахъ медленно отходившихъ французовъ Оранскій домъ возстановленъ былъ съ такимъ авторитетомъ, какимъ онъ еще никогда не пользовался.

Принцъ Вильгельмъ нисколько не стремился разрушать того, что сдѣлала революція; онъ понималъ, что старый порядокъ умеръ и что нельзя выкинуть изъ исторіи только что минувшихъ двадцати лѣтъ; онъ желалъ, чтобы конституція опредѣлила общественныя вольности и установила функціонированіе государственныхъ властей. Съ этой цѣлью составлена была комиссія изъ пятнадцати членовъ, которая и выработала, подъ предсѣдательствомъ Гейсберта Карела ванъ Гогендорпа, проектъ конституціи, законченный 2 марта 1814 года. Гражданское равенство, свобода совѣсти, ежегодное вотированіе налоговъ, несмѣняемость чиновниковъ—придавали ей относительно либеральный характеръ. Генеральные Штаты, избираемые штатами провинціальными, вмѣстѣ съ государемъ получали въ руки законодательную власть. Но прерогативы государя были значительны: онъ одинъ обладалъ исполнительною властью и правомъ войны и мира; онъ жаловалъ дворянское достоинство и господствовалъ надъ Генеральными Штатами, которые ему нетрудно было заполнить своими креатурами. Конституція эта передана была на разсмотрѣніе 600 нотаблей, выбранныхъ по департаментскимъ спискамъ; 29 марта 1814 года она была одобрена 448 голосами противъ 26 (при 474 подавшихъ голосъ) и объявлена основнымъ закономъ Нидерландовъ.

Немного времени спустя, государи—побѣдители Наполеона—постановили соеди-

нить Голландію съ Бельгіей (іюнь—іюль 1814 года). Однако ничего окончательнаго не произошло, прежде чѣмъ не выразилъ своего мнѣнія Вѣнскій конгрессъ. Такимъ образомъ, лишь въ послѣдующемъ году произведены были въ конституціи новыя измѣненія и сдѣлана была попытка невозможнаго сліянія двухъ народовъ, раздѣленныхъ вѣрованіями, интересами и обычаями.

Умственное и литературное движеніе (1789—1814).—Эпоха Революціи и Имперіи не была для Соединенныхъ Провинцій эпохой умственнаго расцвѣта. Ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ не встрѣчается дѣйствительно славныхъ именъ. Неурядица, вызванная политическими событіями, казалось, парализовала умы, а забота о жизни со дня на день устранила всякіе другіе интересы. Нѣтъ ни одного замѣчательнаго оратора, который гремѣлъ бы своимъ краснорѣчіемъ съ трибуны политическихъ собраній или съ каѳедры; не обнаруживается ни одного талантливаго историка, и романъ, въ ожиданіи Іакова ванъ Леннепа, представленъ пока посредственными произведеніями г-жи Декенъ (1804 г.); за исключеніемъ нѣсколькихъ сатирическихъ листковъ, въ родѣ *Фонаря* Ванъ Вунзеля, пресса лишена какого-либо интереса или блеска. И все-таки нѣсколько поэтовъ проявляютъ оригинальное дарованіе: послѣ Номса, который принадлежитъ предшествующему поколѣнію, Янъ-Фредерикъ Гельмерсъ (1763 — 1813) сочиняетъ оды, трагедіи и поэму *Голландская Нація*, которая привлекла къ себѣ общественное вниманіе благодаря смѣшнымъ поправкамъ, внесеннымъ въ нее наполеоновскою цензурой; Фейтъ (1753—1824) проявляетъ себя граціозными балладами, Виллемъ Бильдердейкъ (1756 — 1831)—своею *Литературною смѣсью*, Толленсъ (1780—1846)—первыми своими народными пѣснями. Весь этотъ періодъ, получившій у нѣкоторыхъ историковъ названіе „французскаго времени“ (*de fransche tijd*), характеризуется прежде всего тѣмъ, что подражаніе сосѣднимъ литературамъ, въ частности французской, бывшее до тѣхъ поръ въ большомъ почетѣ, теперь почти совершенно прекращается: лицомъ къ лицу съ чужеземнымъ завоевателемъ и чужеземнымъ государемъ происходитъ словно національная реакція; вышеназванные поэты стремятся сильнѣе выразить свою личность, стремятся быть болѣе голландцами, чѣмъ ихъ предшественники, и это удается имъ. Справедливо замѣчено было, что даже подъ желѣзнымъ игомъ Наполеона голландскій языкъ сохранился неприкосновеннымъ, не подвергшись французскому вліянію.

Библіографія.

Введеніе.

Biedermann. Deutschland im XVIII Jahrhundert.— *Häusler.* Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes. — *W. Hoffmann.* Geschichte des Handels. — *W. Lecky.* England in XVIII century.—*Roggers.* Six centuries of work and wages.—*L. Levi.* History of british Commerce 1763—1870.—*A. Toynbee.* Industrial Revolution in England (русск. перев.—*Тойнби.* Промышленный переворотъ въ Англіи. М. 1898).—*A. Held.* Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands.—*М. И. Туганъ-Барановскій.* Промышленные кризисы въ современной Англіи.— *A. Tocqueville.* L'ancien régime et la révolution (русск. перев.—*Токвиль.* Старый порядокъ и революція).—*A. Aulard.* Histoire politique de la révolution française (русск. перев.—*Оларъ.* Политическая исторія французской революціи).—*J. Jaurès.* Histoire socialiste, tt. I—IV (La Constituante, La Convention). — *K. Kautsky.* Klassengegensätze im 1789 (русск. перев.—*Каутскій.* Противорѣчія классовыхъ интересовъ. 1905).—*A. Sorel.* L'Europe et la révolution française (русск. перев.—*Сорель.* Европа и французская революція).—*М. М. Ковалевскій.* Происхожденіе современной демократіи.— *Ph. Sagnac.* La legislation civile de la révolution.— *B. Minzes.* Die Nationalgüterveräusserung der franz. Revolution.—*И. В. Лучицкій.* Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ муществъ.— *Его же.* Крестьянская поземельная собственность во Франціи и продажа національныхъ имуществъ.— *Его же.* Крестьянское землевладѣчіе во Франціи наканунѣ революціи, 1900 г.—*А. Д. Градовскій.* Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ.—*А. Эсменъ.* Основныя начала государственнаго права, пер. подъ ред. М. М. Ковалевскаго. — *A. Lichtenberger.* Le socialisme au XVIII siècle.

Глава I.

Консульство (внутренняя исторія).

Офиціальные источники. — *Registre des délibérations du Consulat provisoire,* изд. Оларомъ, 1894, in-8⁰ (въ трудахъ Société de l'histoire de la Révolution).—*Procès-verbaux des séances des consuls* (неизданные), Національный архивъ, AF* IV, 4—15.—*Correspondance des préfets et divers documents administratifs* (неизданные), тамъ же, F passim, и въ разныхъ департаментскихъ и муниципальныхъ архивахъ.—*Procès-verbaux des séances du Sénat conservateur* (неизданные), Націон. арх., CC, 1—22.— *Procès-verbal des séances du Corps législatif* (6—10 сессіи), съ VIII по XII годъ, безъ указанія года 25 т. in-8⁰.—*Procès-verbal des séances du Tribunat* (6—10 сессіи), съ VIII по XII годъ, безъ указ. года, 59 т. in-8⁰.—Доклады, мнѣнія и другіе документы, относящіеся къ дѣятельности сената, Законодательнаго корпуса и трибуната (печатные)—въ Націон. библ., 49—51.

Собранія документовъ.—*Procès instruit contre Demerville, Ceracchi, Aréna et autres,* годъ IX in-8⁰.—*Correspondance de Napoléon,* 1858—1870, 32 т. in-4⁰ (одновременно другое изданіе, 32 т. in-8⁰).—Rocquain, *État de la France au 18 brumaire,* 1874, in-12⁰ (донесеніе членовъ Государств. совѣта, командированныхъ въ департаменты).—*Archives parlementaires,* изд. Mavidal и Laurent.— *Choix de rapports, opinions et discours,* изд. Lallement и Metz.—*Conseil général de la Haute-Vienne: analyse des délibérations,* съ 1800 по 1839 г., Лиможъ, 1892, in-8⁰.

Газеты и журналы.—Большинство газетъ, выходившихъ уже въ эпоху Директоріи, какъ *Journal des hommes libres, Journal des défenseurs de la patrie, La Quotidienne, Le Thé, L'Éclair, Messager des rélations extérieures, Le Bien-Informé,*

Le Publiciste, Le Thermomètre, Le Propagateur, Le Surveillant, Le Mercure Britannique, La Décade philosophique, Le Régulateur, Le Courrier de Paris, La Parisienne, Le Nécessaire, Le Miroir, Le Grondeur, Moniteur, Journal des débats et des décrets, Journal de Paris, Gazette de France и др.; сверхъ того, названныя выше въ текстѣ 13 газетъ, сохраненныя консульскимъ указомъ отъ 27 нивоза VIII года. *Moniteur* становится офиціал. газетой съ 7 нивоза VIII года; съ этихъ поръ онъ является важнымъ собраніемъ документовъ.—Изъ газетъ, издававшихся за границей, см. особенно англійскія и французскій журналъ Пельтье *Paris pendant les années 1799, 1800, 1801, 1802,* Лондонъ, in-8° (этотъ журналъ пересталъ выходить послѣ Амьенскаго мира).—*Mercure britannique*, издававшійся въ Лондонѣ Маллэ дю Паномъ, прекратился 25 марта 1800 года.—Нѣсколько эмигрировавшихъ французскихъ писателей издавали также журналъ въ Гамбургѣ подъ названіемъ *Le Spectateur français*, 1797—1802, 24 т. in-8°—*La Gazette de Leyde* продолжала выходить, подъ названіемъ *Nouvelles politiques*, до 5 октября 1804 (съ 23 окт. 1804 г. она возобновилась подъ назв. *Journal politique*).

Мемуары, переписка, историческія и другія сочиненія, принадлежащія перу современниковъ.—Кромѣ мемуаровъ Лафайета, Міо де Мелито, Гойэ, С.-Жирардэна и *Considérations* m-me Сталь, см. **Hase**, *Briefe und Tagebücher von 1801 und 1802* въ *Deutsche Revue* за 1881 г.—**F.-J.-L. Meyer**, *Briefe im Jahre 1801,* Тюбингенъ, 1801, in 8°.—**J.-F. Reichardt**, *Vertraute Briefe aus Paris geschrieben in den Jahren 1802 und 1803,* Гамбургъ, 1805, in-8° (есть французскій пер. Laquiante'а подъ заглавіемъ: *Un hiver à Paris sous le Consulat,* 1896, in-8°).—**Kotzebue**, *Erinnerungen aus Paris im Jahre 1804,* Берлинъ, 1804, in-8°.—**M-me de Staël**, *Dix ans d'exil*, 1818, in-8°.—**Fescourt**, *Histoire de la double conspiration de 1800 et de la déportation* etc., 1819, in-8°.—**Duc de Gaëte** (Gaudin), *Mémoires*, 1826, 2 т. in-8°.—**Thibaudeau**, *Mém. sur le Consulat*, 1827, in-8°.—**Его же**, *Histoire générale de Napoléon Bonaparte,* 1827 - 1829, 6 т. in-8°.—**Его же**, *Le Consulat et l'Empire*, 1834—1835, 10 т. in-8°.—**Duc de Rovigo** (Savary), *Mémoires*, 1828, 8 т., in-8°.—**Bignon**, *Histoire de France depuis le 18 brumaire*, 1829—1830, 6 т. in-8° (есть продолженіе, составляющее VI—XIV-й томы, 1838—1850).—**Lavalette**, *Mémoires*, 1831, 2 т. in-8°.—**Pelet** (отъ Лозера), *Opinions de Napoléon* (въ государственномъ совѣтѣ), 1833, in-8°.—**Desmarets**, *Témoignages historiques, quinze ans de haute police sous Napoléon*, 1833, in-8°.—**Mollien**, *Mémoires*, 1837, 4 т. in-8°.—**Meneval**, *Napoléon et Marie-Louise, souvenirs historiques*, 1843—1845, 3 т. in-8°.—**Roederer**, *Oeuvres*, 1854—1859, 8 т. in-8° (въ т. III—воспоминанія Редерера, касающіяся консульства).—**Stendhal**, *Vie de Napoléon*, 1877, in-8°.—**Lucien Bonaparte**, *Mémoires*, изд. Th. Jung, 1883, 3 т. in-8°.—**Fauriel**, *Les derniers jours du Consulat*, изд. L. Lalanne, 1886, in-8°.—**Lucchesini** (прусскій посолъ въ Парижѣ), донесенія и письма въ *Preussen und Frankreich* В. Bailleu, т. II, Лейпцигъ, 1887, in-8°.—**Pasquier**, *Mémoires*, т. I, 1893, in-8°.—**Chaptal**, *Souvenirs sur Napoléon*, 1893, in-8.

Исторіи и монографіи, написанныя не современниками консульства.—**A. Thiers**, *Histoire du Consulat et de l'Empire,* 1845 и сл., 20 т. in-8° (русск. пер. Ф. А. Кони, Спб., 1849).—**Duvergier de Hauranne**, *Histoire du gouvernement parlementaire*, 1857—1872, 10 т. in-8°.—**J. Barni**, *Napoléon et son historien M. Thiers*, 1865, in-12°.—**L. Passy**, *Frochot, préfet de la Seine*, 1867, in-8°.—**Lanfrey**, *Histoire de Napoléon*, т. II и III, 1868—1869, in-12 (русскій перев. М. Д. Кирѣева, изд. Вольфа).—**L. Aucoc**, *Le Conseil d'État*, 1876, in-8°.—**J. Destrem**, *Les déportations du Consulat et de l'Empire,* 1885, in-12°.—**D-r Auguste Fournier**, *Napoléon I, eine Biographie,* Лейпцигъ и Прага, 1886—1889, 3 т. in-8. (Это сочиненіе содержитъ подробный указатель печатныхъ источниковъ).—**G. de Cadoudal**, *Georges de Cadoudal et la chouannerie*, 1887, in-8°.—**Welschinger**, *Le duc d'Enghien*, 1888, in-8°.—**H. Taine**, *Les origines de la France contemporaine: le régime moderne*, т. I, 1891, in-8.—**E. Daudet**, *La police et les chouans sous le Consulat et l'Empire*, 1893, in-18.—**E. Guillon**, *Les conspirations militaires, sous le Consulat et l'Empire*, 1894, in-18.—**F.-A. Aulard**, *L'établissement du consulat à vie*, въ *Révolution française* отъ 14 апр. 1895 г.—**Его же**, *Le lendemain du 18 brumaire*, въ *Revue de Paris* отъ 1 апр. 1896 г.—**Huon de Penanster**, *Une conspiration en l'an XI et en l'an XII*, 1896, in-18.

См. также многочисленные печатные источники по исторіи консульства, указанные въ *Catalogue de l'histoire de la France à la Bibliothèque nationale*, серія Lb 43.

Главы II и III.

Консульство (дипломатія и войны). Имперія (третья и четвертая коалиціи).

Библіографія дипломатической и военной исторіи консульства и имперіи чрезвычайно обильна.

Документы.—*Correspondance de Napoléon I-er*, 28 т. in-4. (Многія изъ его писемъ, и часто крайне любопытныя, остаются не напечатанными;

большинство ихъ находится въ архивахъ различныхъ министерствъ. См. въ *Revue Historique*, т. XXXI, XXXII и XXXIV, статьи барона **Du Casse** о „Корреспонденціи“ Наполеона I и ея пробѣлахъ).— Въ архивѣ министерства иностр. дѣлъ: *La Correspondance politique* (по странамъ и годамъ).— Въ архивѣ военнаго министерства: *Mémorial du dépôt de la guerre: Correspondance de la Grande Armée;* серіи документовъ по *арміямъ;* корреспонденція военачальниковъ.—*Moniteur* за соотвѣтствующіе годы.—*Archives parlementaires.* —*Mémorial de Sainte-Hélène* и *Bulletins de la Grande Armée* крайне ненадежны.

Документами могутъ быть признаны и записки или воспоминанія, давно изданныя и уже обработанныя наиболѣе видными историками: **La Vallette**, **Gaudin**, **Champagny**, **Caulaincourt**, **Thibaudeau**, **Rovigo**, **Las Cases**, герцогиня **d'Abrantés** (русск. переводъ 1848 — 1849) — панегеристовъ, **Roederer**, **Mollien**, **Ségur**, умѣреннѣе. **Bourrienne**, **Miot de Mélito**, аббатъ **Pradt** и **Ouvrard** прямо враждебны. — Множество мемуаровъ издано въ послѣдніе годы: **M-me de Rémusat**, *Mémoires;* duc de **Broglie**, *Souvenirs;* comte **Chaptal**, *Souvenirs*—всѣ три неблагопріятны имперіи.—Множество *mémoires, souvenirs* и *journaux militaires:* **Soult**, **Marmont**, **Junot**, **Masséna** (изд. Koch), **Vandamme**, **Rapp**, **Jomini**, **Mathieu Dumas**, **Fezensac**, **Marco Saint-Hilaire**, короля **Жозефа**, короля **Жерома**, **Евгенія Богарнэ** (послѣдніе три изданы барономъ Du Casse).—Множество военныхъ мемуаровъ издано въ послѣдніе годы: **Ch. de Mazade**, *Correspondance du maréchal Davout*, Парижъ, 1885.— Маркиза **Blocqueville**, *Le maréchal Davout*, Парижъ, 1879.—**Marbot**, *Mémoires*, Парижъ, 1891.—Графъ **Ségur**, 1894.—Маршалъ **Oudinot**, *Souvenirs*, изд. G. Stiegler, 1894. — **Thiébault**, *Mémoires*, 1893—1895.—Маршалъ **de Castellane**, *Journal*, 1895, т. I. Всѣ эти мемуары благопріятны имперіи; слѣдующія менѣе благопріятны: **Macdonald**, *Souvenirs*, изд. C. Rousset, 1892. — Генералъ баронъ **Boulard**, *Mémoires militaires*, 1892.—Баронъ **Dellard**, *Mémoires*.—**Barras**, *Mémoires*, составленные Rousselin de Saint-Albin'омъ и изданные G. Duruy, 4 т., Парижъ, 1895—1896.—Перу второстепенныхъ дѣятелей принадлежатъ слѣд. мемуары: генералъ графъ **de Rochechouart**, *Souvenirs*, 1889. — Генералъ **Bigarré**, *Mémoires*, 1893.—**Berthezène**, *Souvenirs militaires de la République et de l'Empire*, 1895.—**Moreau de Jonnès**, *Aventures de guerre au temps de la République et du Consulat*, 1894 (перепечатка; фантастично).—*La vraie Madame Sans-Gêne*, мемуары Терезы **Figueur** (новое изд. 1894 г. очень фантастично).—**Fantin des Odoards**, *Journal*, 1895.—Виконтъ **Planat de la Faye**, *Mémoires*, 1895.— Генералъ баронъ **Roch Godart**, *Mémoires*, 1895.— Генералъ баронъ **Paulin**, *Souvenirs*, 1895.—**Chevalier de Mautort**, *Mémoires*, 1895.—Затѣмъ слѣдуютъ низшіе офицеры, большею частью выслужившіеся изъ рядовыхъ и отражающіе въ своихъ сужденіяхъ взгляды и чувства народа: **Lorédan-Larchey**, *Mémoires* солдатъ: плѣнники de Baylen, Fricasse, Coignet, Bricard, 4 т., Парижъ, 1891.— **Ch.-A. Faré**, *Lettres d'un jeune officier à sa mère*, Парижъ, 1888.—Полковникъ **Pion des Loches**, *Mes campagnes*, изд. Chipon и Pingaud, 1888.—**Victor Dupuy**, *Souvenirs militaires*, 1892.—**Constant**, *Mémoires*, 1894 (подложны).—Лейтенантъ **Hauteroche**, *Souvenirs*, 1894.—**S-N-A. Noël**, *Souvenirs militaires d'un officier du premier Empire*, 1896.

Общія исторіи **Норвена**, **Тьера**, **Ланфрея** и **Юнга** очень извѣстны. Въ послѣдніе годы вышло нѣсколько популярныхъ сочиненій такого рода, не лишенныхъ значенія: **Roger Peyre**, *Napoléon I-er et son temps, 1888*.—**Armand Dayot**, *Napoléon par l'image*, 1893. — **P. Bondois**, *Napoléon et la société de son temps*, 1895.—**P. Gaffarel**, *Campagnes du Consulat et de l'Empire*, 1890—**Meyniel**, *Napoléon I-er, sa vie, son oeuvre*, 1889.—(Анонимъ), *Notes critiques sur l'histoire de M. Thiers*, Лилль, 1891.— Біографическіе труды о Наполеонѣ и его семьѣ очень многочисленны: Баронъ **Du Casse**, *Les rois frères de Napoléon*, 1882.—*Lettres de Napoléon à Joséphine*, новое изд., 1896. — Генералъ **Durand**, *Mémoires sur Napoléon et Marie-Louise*, 1885, нов. изд.—**F. Rocquain**, *Napoléon et le roi Louis*.— **Raudot**, *Napoléon jugé par lui-même*.—**Taine**, *Napoléon*, 1887.—Принцъ **Napoléon**, *Napoléon et ses détracteurs*, 1887. — **Guillois**, *Napoléon, l'homme, le politique, l'orateur, d'aprés sa correspondance*, 1888.—**Maze-Sencier**, *Les fournisseurs de Napoléon et de deux imperatrices*, 1892.—**Arthur Lévy**, *Napoléon intime*, 1892.—**Marius Sepet**, *Napoléon*, 1894.—**Méneval**, *Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon I-er*, 1894, нов. изд.—**Fréd. Masson**, *Napoléon et les femmes*, 1893, и *Napoléon inconnu*, 1895.

Seeley, *Courte histoire de Napoléon I-er*, перев. Парижъ, 1886 и *Life and times of Stein*, 1879.— **Rob. Southey**, *Lif of Nelson*. — **Forgues**, *Nelson*, Парижъ, 1860.—**Rob. Wilson**, *A sketch of the campaigns in Poland 1806—1807*.—**Hüffer**, *Oesterreich und Preussen gegenüber der franz. Revolution* и *Die Stadt Bonn unter franz. Herrschaft*.—**Bockenheimer**, *Geschichte der Stadt Mainz* (1798—1814).— **Fournier**, *Gentz und Cobenzel* и *Napoleon I*.— **Данилевскій**, *Исторія похода 1805 г.*—**Genz**, *Fragments de l'hist. moderne de l'équilibre de l'Europe*.— **Massembach**, *Mémoire pour servir à l'hist. de la décadance polit. de la Prusse depuis 1794* (1804).— **Van Hogendorp**, *Mém. du général Dick von Hogendorp*, Парижъ, 1887.—**С. Татищевъ**, *Александръ I и Наполеонъ*, 1890.—**Богдановичъ**, *Исторія цар-*

ствованія импер. Александра I, 1869—1871.—De Schaller, *Souvenirs d'un officier fribourgeois,* Фрибургъ, 1892.—Von Zeysberg, *Erzherzog Karl von Oesterreich,* Вѣна, 1895.—Erzherzog Karl von Oesterreich, *Ausgewählte Schriften,* Вѣна, 6 т., 1893—1895.—Böthlingk, *Der Rastatter Gesandtenmord vor dem Karlsruher Schöffengerichte,* 1895.—Ranke, *Hardenberg und die Geschichte des preuss. Staates von 1793—1813.*—Stutterheim, *La bataille d'Austerlitz par un militaire témoin de la journée du 2 déc. 1805,* Гамбургъ, 1806.—Einsiedel, *Der Feldzug der Oesterreicher in Italien, 1805,* Веймаръ, 1812.—Ed. Wertheimer, *Geschichte Oesterreichs und Ungarns im ersten Jahrzehnt des 19. Jahrh.*—York, *Die Feldzüge Napoléon I.*—Bailleu, *Preussen und Frankreich 1795 bis 1807.* — Höffner, *Gesch. des Krieges von 1806 und 1807.*—Goltz, *Rossbach und Jena.*—Heimann, *Der Feldzug von 1806 in Deutschland.*—Dechend, *Beiträge zur Geschichte des Krieges von 1806—1807.*—Lettow-Worbeck, *Der Krieg von 1806 und 1807.*—Bernhardi, *Geschichte Russlands.*

Историческія сочиненія, касающіяся арміи, флота и полководцевъ.—*Histoire de l'École spéciale militaire de Saint-Cyr,* par un ancien Saint-Cyrien, Парижъ, 1893. — Dussieux, *L'Armée en France.* —Duc d'Aumale, *Les Institutions militaires.* — Генералъ Suzanne, *Histoire de l'artillerie française; Histoire de la cavalerie française; Histoire de l'infanterie française.* — Nolan, *Histoire et tactique de la cavalerie.*—Delatre, *Histoire de la gendarmerie française.*—Prévost de Vernon, *De la fortification depuis Vauban.*— Fieffé, *Histoire des troupes étrangères au service de la France.*—Marbot, *Uniformes de l'armée française* (съ рисунками).—Fieffé, *Napoléon et la garde impériale,* 1859.—A. Pascal, *Histoire de l'armée.*—Frèd. Masson, *Les cavaliers de Napoléon,* 1896.—Баронъ Guillaume Peyrusse, *Lettres inédits,* изд. Léon G. Pellissier, 1894.—Jurien de la Gravière, *Guerres maritimes sous le Consulat et l'Empire,* 1881.—J. Tessier, *Le général Decaen aux Indes* (*Revue Historique,* т. XV).—H. Adams, *Napoleon I-er et Saint-Domingue* (*Revue Historique,* т. XXIV).—E. Chevalier, *Histoire de la marine française sous le Consulat et l'Empire,* 1886.—*Journal du vice-amiral* Villeneuve.—Joss. Dessaix et André Folliot, *Le général Dessaix,* 1878.—Генералъ Thoumas, *Le maréchal Lannes,* 1891; *Les grands cavaliers de l'Empire,* 1892; *Le général baron Curély,* 1886.—Robinet de Cléry, *Lassale,* 1891.—L. Brunschwig, *Cambronne,* Нантъ, 1893.—Léon Moreaux, *Le général René Moreaux et l'armée de la Moselle,* 1886.

Сочиненія по дипломатической исторіи также весьма многочисленны: De Clercq, *Recueil des traités.*—A. Schoell, *Histoire abrégée des traités*—A. Lefèbre, *Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire.*—Ф. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами.—J. de Maistre, *Mémoires polit. et corresp. diplomat.,* изд. Albert Blanc.—Bignon, *Histoire diplomatique.*—Metternich, *Mémoires,* 8 т., 1884.—P. Bertrand, *Talleyrand, l'Autriche et la question d'Orient en 1805* (*Revue Hist.,* т. XXXIX).—G. Cavaignac, *La saisie de la lettre de Stein* (*Revue Hist,* т. LX).—A. Vandal, *Napoléon et Alexandre I-er,* 1890—1895.—*Mémoires* de Talleyrand (лишь отчасти оригинальны), 1890—1892.—Marmonier, *L'Italie et l'alliance autrichienne,* 1892.—L. Pingaud, *Un agent secret sous la Révolution et l'Empire: le comte d'Antraigues,* 1892.—E. Guillon, *Complots milit. sous le Consulat et l'Empire.*

Отдѣльные очерки по частнымъ вопросамъ. — A. Rambaud, *Les Français sur le Rhin, 1802—1804* и *L'Allemagne sous Napoléon* I-er, 2 т., 1880.—L. Lalanne, *Les derniers jours du Consulat* (по отрывкамъ изъ Форіэля), 1886.—P. Foucart, *La campagne de Prusse en 1806; La campagne de Pologne.*—Cavaignac, *Formation de la Prusse.*—Beer, *Dix années de l'histoire autrichienne de 1801 à 1810* (1875).—Marc Dufraisse, *Histoire du droit de paix et de guerre de 1789 à 1815* (1869).—Gardane, *La mission du général Gardane en Perse sous le premier Empire,* 1865.

Библіографію по исторіи отдѣльныхъ европейскихъ государствъ см. при слѣд. главахъ.

Глава IV.

Франко-русскій союзъ.

Для общей исторіи періода—кромѣ *Correspondance de Napoléon* (тт. XV, XVI, XVII и XVIII) и общихъ работъ Биньона, Армана Лефевра, Тьера, Ланфрэ, Фурнье, Рамбо, Грина, Гейссера—см. A. Vandal, *Napoléon et Alexandre I-er, l'alliance russe sous le premier empire,* т. I и II, и Татищевъ, *Имп. Александръ I и Наполеонъ* (оба эти сочиненія важны особенно потому, что въ нихъ напечатаны большею частью неизданныя письма имп. Александра къ Наполеону, которыя были добыты обратно Россіей послѣ паденія имперіи и подлинники которыхъ находятся въ Петербургѣ).—*Correspondance inédite de Napoléon I-er avec Caulaincourt (1808—1809),* изд. A. Vandal, въ *Revue Bleue* (1895).—*Донесенія и письма* Савари, *донесенія* Толстого, въ Сборн. Рус. Имп. истор. общ. 1892—1895 г.— *Мемуары:* Меттерниха, т. I и II; Талейрана, т. I; Тибодо, т. III и IV; Miot de Mélito, т. III.—Ernouf, *Maret, duc de Bassano.*—*Corres-*

pondance politique et militaire du roi Joseph, изд. **Du Casse.**—*Mémoires de* **Lucien Bonaparte.**—**Joseph de Maistre**, *Mémoires politiques et correspondance diplomatique,* изд. **Blanc**; *Oeuvres complètes,* т. VIII, IX, X.—**Ф. Мартенсъ**, *Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами.*—**Шильдеръ**, *Александръ I.*—**Соловьевъ**, *Александръ I.*—**Поповъ**, *Отношенія Россіи къ европейскимъ державамъ передъ войною 1812 г.*—**Bernhardi**, *Geschichte Russlands,* II,—Comtesse de **Choiseul-Gouffier**, *Réminiscences sur Napoléon I-er et Alexandre I-er.* — **Hassel**, *Geschichte der preussischen Politik, 1807—1815,* I.—Мемуары **Гарденберга**, изд. Ранке III и V,—**Pertz**, D. *Leben Stein's.*—**Duncker**, *Preussen während der französischen Occupation.*—**Stern**, *Abhandlungen und Actenstücke zur Geschichte der preussischen Reformzeit (1807—1815).*—**Lehmann**, *Scharnhorst.*—**G. Cavaignac**, *Formation de la Prusse contemporaine.*—**Beer**, *Zehn Jahre österreichischer Politik.*—**Wertheimer**, *Geschichte Oesterreichs und Ungarns im ersten Jahrzehnt des 19. Jahrhunderts.*—**Oncken**, *Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege.*—*The annual register.*—*Diaries and letters from the peace of Amiens to the battle of Talavera.*—**Alison**, *History of Europe from the French Revolution to the Restauration of the Bourbons.*

Для частностей см. *Mémoires de* **M-me de Remusat** (пребываніе въ Фонтенебло и проекты развода).—**F. Masson**, *Napoléon et les femmes.*—*Mémoires* или *Souvenirs* de **Rovigo**, **Fezensac**, **Saint-Chamans**, **Stedingk**, **графини Эдлингъ**, **княжны Туркестановой**, *Life of general sir Robert Wilson,* т. I мемуаровъ кн. **Адама Чарторижскаго** и **Pingaud**, *Français et russes*—о русскомъ дворѣ и о разрывѣ съ Англіей и Швеціей.—Графиня **Voss**, *Neun und sechzig Jahre am preussischen Hof* (дневникъ жизни при прусскомъ дворѣ).—Этюдъ **Villemain'a** о Нарбоннѣ въ *Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature*—относительно замысловъ Наполеона на счетъ восточной Европы, а также: comte **Alfred de Gardane**, *Mission du général Gardane en Perse; Mémoires et voyages du* **Duc de Raguse**; **Gaffarel**, *Relations de Napoléon avec Feth-Ali* въ *Revue politique et littéraire* за 1878 г.; **Drapeyron**, *Le grand dessein méditerranéen et l'expédition d'Égypte* въ *Revue de Géographie* за 1878 г.; **Beer**, *Die orientalische Politik Oesterreichs;* **Juchereau de Saint-Denis**, *Révolutions de Constantinople;* **Schlechta**, *Die Revolutionen in Constantinopel in den Jahren 1807 und 1808* (по восточнымъ источникамъ).—**H. Welschinger**, *La Censure sous le premier empire* (о настроеніи умовъ).—*Мемуары* **Thiebault** и **Marqot** (разсказъ о томъ, какъ Наполеонъ былъ вызванъ изъ Испаніи).—**Васильчиковъ**, *Семейство графовъ Разумовскихъ,* о русской партіи въ Вѣнѣ.—**G. Cavaignac**, *La lettre de Stein,* въ *Revue Historique* за 1896 г.—**A. Vandal**, *La France et la Russie pendant la campagne de 1809* (Annales de l'École des Sciences politiques, 1892): *Ségur, Mémoires,* и особенно **Pasquier**, *Mémoires,* т. I,—объ интригахъ Талейрана и Фушэ въ 1808—1809 гг.

Спеціально объ эрфуртскомъ свиданіи см. разсказъ Талейрана въ приложеніи къ первому тому его мемуаровъ, извлеченія изъ неизданныхъ мемуаровъ Коленкура, напечатанныя въ *Napoléon et Alexandre I-er* **A. Vandal'я**, т. I.—**Thibaudeau**, т. IV,—**Meneval**, *Napoléon et Marie-Louise,* т. III.—*Mémoire lu à l'Académie française par* **M. Joseph Bertrand** *sur les conversations de Napoléon à Erfurt avec les écrivains allemands.*—**S. Sklower**, *Entrevue de Napoléon I-er avec Goethe.*—**Duntzer**, *Freundesbilder aus Goethes Leben.* — Мемуары жены маршала **Oudinot**, герцогини **Reggio**.—Дневникъ гренадера **Pils**.—Мемуары генерала барона *Séruzier.*—Мемуары **Vitralles**, **Montgelas**.—*Souvenirs de l'entrevue d'Erfurt par un page de Napoléon,* изд. маркизомъ **Gabriac** въ *Correspondant,* 1891.—Мемуары въ нѣм. яз. **Müffling**, **F. Müller**, **Steffens**.—**Bittard des Portes**, *Préliminaires de l'entrevue d'Erfurt,* въ *Revue d'histoire diplomatique,* 1890.—*Description des fêtes données à LL. MM. les empereurs Napoléon et Alexandre et à plusieurs autres têtes couronnées à Weimar et à Jena par S. A. S. Charles-Auguste, duc de Saxe-Weimar,* иллюстрир. альбомъ, изданный въ Веймарѣ въ 1809 г.—Текстъ эрфуртскаго соглашенія помѣщенъ въ *Correspondance de Napoléon,* въ мемуарахъ **Талейрана**, и въ **De Clercq**, *Traités de la France,* II.

Глава V.

Пятая коалиція.

См. выше библіографію гл. III, и сверхъ того:

Документы. — Въ Національномъ архивѣ: *Fonds de la secrétairerie d'État.*—Въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ — *Correspondance politique* по странамъ и годамъ: переписка французскаго министра иностр. дѣлъ **Champagny** и французскихъ посланниковъ: **Caulaincourt** (Россія), **Andréossy** (Австрія), **Bignon** (Пруссія), **Serra** (Варшава), **de Bourgoing** (Дрезденъ) и пр.—Россія — петербургскіе архивы и т. XXI Сборника рус. имп. ист. общ.—**Martens**, *Recueil des traités signés par la Russie.*—Вѣна—донесенія **Фридриха Стадіона** въ *Archiv für Oesterr. Geschichte,* т. LXIII.—Въ Kriegsarchiv'ѣ—дневникъ **Мейера ф. Гельденсфельда**.—Воспоминанія **Радецкаго**; письма **эрцгерцога Карла** (часть ихъ издалъ Fournier); воспоминанія **Варнгагена**, **Меттерниха**.—Баварія—мемуары **Montgelas**.

Франц. историч. сочиненія.—Cadet de Gassicourt, описаніе путешествія по Австріи, 1818 (любопытныя свѣдѣнія о смерти Ланна).—Sismondi, бумаги (онъ утверждаетъ, что Наполеонъ тайно помиловалъ Станса).—Pelet, *Mémoire sur la guerre de 1809 en Allemagne,* Парижъ, 1825, 4 т.—Cavaignac, *Formation de la Prusse,* т. I, les Origines, Парижъ, 1894.—E. Denis, *L'Allemagne de 1789 à 1810* (въ серіи *Bibliothèque historique illustrée*).—Carrion Nisas, *Guerre de 1809.* — Ernouf, *Maret, duc de Bassano.*—Soltyk, *Relation des opérations de l'armée aux ordres du prince Joseph Poniatowski en 1809,* Парижъ, 1841.—Bartholdy, *La guerre contre les paysans du Tyrol en 1809.*—Wendinger, *André Hofer et ses compagnons d'armes.*—Joubert, *Le major Schill,* Парижъ, 1877.—Saint-Clair, *André Hofer et l'insurrection du Tyrol en 1809,* Парижъ, 1881.

Иностр. историч. сочиненія. — Stutterheim, *Der Krieg von 1809 zwischen Oesterreich und Frankreich.*—Welden—то же заглавіе.—Egger, *Gesch. Tirols.*—Hormayr, *Le Tyrol et la guerre de 1809.*—Schneidawind, *La guerre de l'Autriche contre la France en 1809.*—Krones, *Gesch. Oesterreichs im Zeitalter der französischen Kriege,* Гота, 1886.—Zwiedineck-Südenhorst, *Erzherzog Johann im Feldzug 1809,* Грацъ, 1892.—Perthes, *Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der französischen Herrschaft.*—Göcke und Iligen, *Das Königreich Westphalen.*—Kleinschmidt, то же заглавіе.—Max Duncker, Aus der Zeit Friedrich Wilhelms III.—Hassel, *Gesch. der preuss. Politik 1807—1815.*—Lehmann, *Scharnhorst.*—Pertz, *Stein.*—Seeley, *Stein.*—Meyer, *Reform der Verwaltungs-Organisation.*—Bornhack, *Gesch. des preuss. Verwaltungsrechts.*

Глава VI.

Испанія и Португалія.

I.—Испанія.

Сочиненія, современныя событіямъ.—*Censo de frutos y manufacturas de España.* Мадридъ, 1803, in-f⁰.—Clarke et J. Arthur, *The life of Nelson,* Лондонъ, 1810, 2 т. in-4⁰.—*Elogio historico del brigadier D. Cosme Damian de Churruca,* Мадридъ, 1806, in-4⁰.—*Estado general de la armada* (1802—1807), Мадридъ, in-32⁰.—Ferret (D. Zeferino), *Exposicion historica de las causas que mas han influido en la decadencia de la marina española* (1813), Барселона, 1819, in-8⁰.—Gallardo, *Origen, progresos y estado de las rentas de la corona,* Мадридъ, 1805, 3 т. in-8⁰.—Godoy (D. Manuel), *Mémoires.* — Harris Nicolas, *Despatches and letters of admiral lord Nelson;* Лондонъ, 1845—1846, 7 т. in-8⁰.—*Indice ultimo de los libros prohibidos... formado por el señor inquisidor general,* Мадридъ, 1805, in-4⁰.—Jovellanos, *Consulta sobre la convocacion de Cortes por estamentos,* Корунья, 1810, in-12⁰.—*Novisima Recopilacion de las leyes de España,* Мадридъ, 1805—1829, 6 т. in-f⁰.—Rehfues, *L'Espagne en 1808,* Парижъ, 1811, 2 т. in-8⁰.—Salazar (D. Luis Maria de), *Juicio critico sobre la marina militar de España,* Ферроль, 1888, 2 т. in-4⁰ (второе изд.).—Sesma, *Memoria sobre los diferentes estados de la marina española* (писано въ 1806), Мадридъ, 1886, in-8⁰.

Позднѣйшія сочиненія.—Barado (D. Francisco), *Museo militar,* Барселона, 1886, 3 т. in-4⁰.—Borrego (D. Andres), *Historia de las cortes de España desde 1810,* Мадридъ, 1885, in-8⁰.—Fernandez y Gonzalez, *La hacienda de nuestros padres,* Мадридъ, 1884, in-12⁰.—Ferrer de Couto, *Historia del combate de Trafalgar,* Мадридъ, 1851, in-8⁰. — Grandmaison (Geoffroy de), *L'ambassade française en Espagne* (1789—1804), Парижъ, 1892, in-8⁰.—La Fuente (D. Vicente), *Historia de las Universidades, colegios,* etc., Мадридъ, 1884, 4 т. in-8⁰.—Manini, *Historia de la marina real española,* Мадридъ, 1856, 2 т. in-f⁰. — Marliani, *Combate de Trafalgar,* Мадридъ, 1850, in-8⁰.—Perez Galdos, *Episodios nacionales. Trafalgar, La corte de Carlos IV.*—Тикноръ, *Исторія испанской литературы,* 3 т., рус. перев. Н. И. Стороженко.

Сочиненія, касающіяся войны за независимость.—Alcaile Ibieca, *Historia de los sitios de Zaragoza,* Мадридъ, 1830, 2 т. in-8⁰.—(Анонимъ), *Coleccion de documentos ineditos pertenecientes a la historia de nuestra revolucion,* Мадридъ, 1813, in-8⁰.—*Les Français en Portugal,* Лиссабонъ, Корол. тип., 1808, in-8⁰.—*Historia de la guerra de España contra Napoleon, escrita y publicada de orden de S.-M.,* Мадридъ, 1818, in-8⁰.—Arteche y Moro, *Historia militar de España* (1808—1814), Мадридъ, 1868—1883, 5 т. in-8⁰. — Azanza y O'Farril, *Memorias sobre los hechos que justifican su conducta politica, desde marzo de 1808 hasta abril de 1814,* Парижъ—Мадридъ, 1815, in-8⁰.—Capmany, *Carta de un buen patriota que vive disimulado en Sevilla, escrita a un antiguo amigo suyo, domiciliado en Cadiz,* Кадиксъ, 1811, in-4⁰.—Carnicero, *Historia razonada de los principales sucesos de la gloriosa revolucion de Espa˜a,* Мадридъ, 1814, 4 т. in-8⁰.—Cevallos, *Exposicion de los hechos y maquinaciones que han preparado la usurpacion de la corona de España,* Мадридъ, 1808, in-4⁰.—Ducasse, *Mémoires et correspondance politique du roi Joseph,* Парижъ, 1853—1855, 10 т. in-8⁰.—Escoïquiz, *Exposé des motifs qui ont engagé en 1808 S.-M.-C. Ferdinand VII à se rendre à*

Bayonne, Парижъ, 1816, in-8⁰.—**Espoz y Mina**, *Memorias,* Мадридъ, 1851—1852, 5 т. in-4⁰.—**Fée**, *Souvenirs de la guerre d'Espagne,* Парижъ, 1856, in-12⁰.—**Ferre (D. Raymundo)**, *Barcelona cautiva,* Барселона, 1815—1818, 6 т. in-4⁰.—**Foy** (генералъ), *Histoire de la guerre de la Péninsule sous Napoléon,* Парижъ, 1827, 4 т. in-8⁰.—**Gille** (Philippe), *Mémoires d'un conscrit de 1808,* Парижъ, 1892, 1 т. in-12⁰.—**Jovellanos**, *A mis compatriotas,* Корунья, 1811, 2 т. in-4⁰.—**Lanfrey**, *Histoire de Napoléon I-er,* Парижъ, 1870—1875, 5 т. (русск. перев. М. Д. Кирѣева, изд. Вольфа).—**Léon Lecestre**, *La guerre de la Péninsule d'après la correspondance inédite de Napoléon, Rev. des q. hist.,* 1 апрѣля 1896.—**Muñoz Maldonado**, *Historia politica y militar de la guerra de la independencia,* Мадридъ, 1833, 3 т. in-4⁰.—**Napier**, *Histoire de la guerre dans la péninsule,* Парижъ, 1828—1838, 10 т. in-8.—**O. Z. de O. (D. Evaristo Perez de Castro)**, *Un parte de la correspondencia de Godoy con la reina Maria-Luisa,* Мадридъ, 1814, in-8⁰.—**Pina Ferrer**, *Paginas de 1808,* Сарагосса, 1889, in-8⁰.—**Rodriguez Solis**, *Los guerrilleros de 1808,* Мадридъ, in-4⁰.—**Suchet**, *Mémoires sur mes campagnes en Espagne* (1808—1814), Парижъ, 1834, 2 т. in-8⁰.—**Thiers**, *Histoire du Consulat et de l'Empire,* Парижъ, 1845—1862, 20 т. in-8⁰ (русскій перев. Ф. А. Кони, Спб., 1849).—**Toreno**, *Historia del levantamiento, guerra y revolucion de España,* Мадридъ, 1838, 3 т. in-8⁰.—**Vargas y Ponce (Don Jose)**, *Servicios de Cadiz* (1807—1816), in-f⁰.

Испанскіе памфлеты. Анонимы.—**D. Juan Nellerto** (Llorente), *Carta escrita por el marques Caballero en defensa de su honor, de su nacion y de la tropa que se hallo en los sucesos de Aranjuez,* Бордо, 1815, in-8⁰.—*El engaño de Napoleon descubierto y castigado,* Алкала, 1808, in-8⁰.—*Napoleon o el verdadero Quijote de la Europa, o sean comentarios critico-patriotico-burlescos a varios decretos de Napoleon y su hermano José,* Мадридъ, 1813, 8 т. in-8⁰.—*Recuerdos historicos del 2 de mayo de 1808,* Мадридъ, 1857, in-4⁰.—*El Robespierre español* (1811—1812), Мадридъ, in-8⁰.—**Capmany**, *Centinela contra Franceses,* Мадридъ, 1808, in-8⁰.—**Fr. Francisco Mayor**, *El proceso de Napoleon, o sombra del doctor Igual,* Валенсія, 1813.

II.—Португалія.

Cortada (D. Juan), *Historia de Portugal hasta 1839,* Барселона, 1844, in-8⁰.—**Latino Coelho (D. José Maria)**, *Historia politica e militar de Portugal desde os fins do 18 seculo ate 1814,* Лиссабонъ, 1886, in-8⁰.—**Loiseau**, *Histoire de la littérature portugaise,* Парижъ, 1886, in-12⁰.—**Luz Soriano**, *Historia de guerra civil e do estabelecimento do governo parlementar em Portugal* (1777—1834), Лиссабонъ, 1866—1884, 14 т. in-8⁰.—**Oliveira Martins**, *Historia de Portugal,* Лиссабонъ, 1882, 2 т. in-8⁰.

Глава VII.

Гражданскія учрежденія имперіи.

I. Документы. Тексты.—*Les lois et décrets* даннаго періода, въ *Collection générale* Duvergier, т. XV и сл.—*Lois civiles ou Code civil intermédiaire.*—*Les cinq Codes* (Codes civil, de procédure civile, de commerce, d'instruction criminelle, pénal).—**De Beauchamp**, *Recueil des lois et réglements sur l'enseignement supérieur,* Парижъ, т. I (1880), in-8⁰.

Подготовительныя работы. — *Procès-verbaux des séances du Conseil d'État.*—**Fenet**, *Recueil complet des travaux prépar. du Code civil,* Парижъ, 15 т. in-8⁰, 1827—1828.—**Locré**, *Législ. civile, commerciale et crim. de la France,* Парижъ, 1827 — 1832, 31 т. in-8⁰ (тт. 1 — 16 посвящены гражданскому уложенію, 17 — 20 — торговому, остальные — уголовнымъ уставамъ). — **Maleville**, *Analyse raisonnée des discussions du Code civil au Conseil d'État,* 3-е изд., 4 т. in-8⁰. — **Portalis**, *Discours et travaux sur le Code civil,* Парижъ, 1844, in-8⁰.

II. Книги. Общія.—**Thibaudeau**, *Histoire générale de Napoléon,* 1827 — 1829, 6 т. in-8⁰ и *Le Consulat et l'Empire,* 1834 — 1835, 10 т. in-8⁰.—**Mollien**, *Mémoires,* 1837, 4 т. in-8⁰.—**Chaptal**, *Souvenirs sur Napoléon* 1893, in-8⁰. — **Thiers**, *Hist. du Consulat et de l'Empire,* Парижъ, 1845—1862, 20 т. in-8⁰ (русскій перев. Ф. А. Кони., Спб., 1849).—**Taine**, *Les origines de la France contemporaine,* Парижъ, т. VI (1894).— **De Beauverger**, *Les institutions civiles de la France,* Парижъ, 1864, in-8⁰.—**Duvergier de Hauranne**, *Hist. du gouvernement parlementaire,* 1857—1872, 10 т. in-8⁰.

Спеціальныя. — 1. О политическихъ, административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ: **Dalloz**, *Répertoire alphabétique de législation,* подъ словомъ *Droit constitutionnel,* т. XVIII (1851); п. сл. *Conseil d'État,* т. XII (1851); п. сл. *Organisation judiciaire,* т. XXXIV, 2-ая ч. (1870); въ этихъ статьяхъ помѣщенъ и текстъ соотвѣтствующихъ законовъ. — **De la Bigne de Villeneuve**, *Éléments de droit constitutionnel français,* Парижъ, 1893, in-8⁰. — **Monnet**, *Hist. de l'administr. en France,* Парижъ, 1885, in-8⁰. **Dareste**, *La justice administrative en France,* Парижъ, 1862, in-8⁰. **Ducrocq**, *Le Conseil d'État et son hist.,* Ніоръ, 1867, брош. in-8⁰. — **Aucoc**, *Le Conseil d'État avant et depuis*

1789, Парижъ, 1876, in-8⁰. — **Laferrière**, *La juridiction administrative*, 2-е изд., Парижъ, 1896, 2 т. — **Hiver**, *Hist. crit. des instit. judic. de la France de 1789 à 1848*, Парижъ, 1851, in-8⁰. — **Émile Chénon**, *Origines, conditions et effets de la cassation*, Парижъ, 1882, in-8⁰.— **Esmein**, *Hist. de la procédure criminelle en France*, Парижъ, 1882, стр. 450 и сл.

2. О подготовкѣ уложеній: **Seruzier**, *Précis histor. sur les codes français*, Парижъ, 1845.—**Dalloz**, *Répert. alphab.*, п. слов. *Lois codifiées*, т. XXX (1853).—**De Fresquet**, *Précis d'hist. des sources du droit français*, Э и Парижъ, 1861. — **Marcel Planiol**, п. слов. *Code civil;* **Glasson**, п. слов. *Code de procédure;* **Gardeil**, п. слов. *Code d'Inst. crim.* и *Code pénal*—въ *La Grande Encyclopédie*, т. XI.— **Rondonneau**, *Napoléon le Grand considéré comme législateur*, Парижъ, 1808, in-8⁰.—**Gustave Bressolles**, *Étude sur les rédact. du Code Napoléon*, въ *Revue Wolowski*, за 1852 г.—**Swart**, *De Napoleone legislatore et jurisconsulto*, Амстердамъ, 1855. — **Madelin**, *Le premier consul législateur*, 1865, in-8⁰.— **Pérouse**, *Napoléon I-er et les lois civiles du Consulat et de l'Empire*, Ліонъ, 1866, in-8⁰.—**Jac**, мемуаръ, озагл.: *Bonaparte et le Code civil* и отзывъ **M. Timbal'я** объ этомъ мемуарѣ въ *Recueil de l'Acad. de législ. de Toulouse* за 1894 — 5 гг.— **Dubédat**, *Cambacérès et la part prise par le second consul aux trav. prépar. du Code Napoléon*, въ томъ же *Recueil* за 1858 г.

3. О соціальныхъ условіяхъ: **G. de Felice**, *Histoire des protéstants de France depuis la réformation jusqu'au temps présent*, Парижъ, 1861. — **Th. Reinach**, *Hist. des Israélites*, Парижъ, 1884.—**R. de Maulde**, *Les Juifs dans les Etats français du Saint-Siège*, Парижъ, 1886.—Аббатъ **Lémann**, *L'entrée des Israélites dans la société française*, Парижъ, 1886.— **Demangeat**, *Histoire de la condition civile des étrangers en France*, Парижъ, 1844.—**Bonne**, *Étude sur la condition des étrangers en France*, Bar-le-Duc, 1880.

4. О гражданскомъ бракѣ и разводѣ: **Tabaraud**, *Principes sur la distinction du contrat et du sacrement de mariage*, Парижъ, 1825.— **Paoli**, *Étude sur les origines et la nature du mariage civil*, Парижъ, 1890. — **Glasson**, *Le mariage civil et le divorce*, 2-е изд., Парижъ, 1880. — **Paul Bernard**, *Histoire de l'autorité paternelle en France*, Мондидье, 1863.

5. О земельной собственности: **J. Lefort**, *Hist. des contrats de location perpét.*, Парижъ, 1875.— **Garsonnet**, *Hist. des locat. perpét.*, Парижъ, 1879.— **Émile Chénon**, *Les démembrements de la propriété foncière avant et après la Révol.*, Парижъ, 1881.— **Robert Beudant**, *La transformation jurid. de la propriété foncière dans le droit interméd.*, Парижъ, 1889.

6. О народномъ образованіи: **Guizot**, *Essai sur l'hist. et l'état actuel de l'instruction publique*, 1816.—**Dalloz**, *Répert. alphab.*, п. слов. *Organisation de l'instr. publ.*, т. XXXIV, 2-ая ч. (1869).— **L. Liard**, *L'enseignement supérieur en France*, Парижъ, т. II (1894), in-8⁰. — **Émile Chénon**, *Les anciennes facultés des droits de Rennes* (глава X), Реннъ, 1890, in-8⁰. — **Pinet**, *Hist. de l'École polytechnique*, Парижъ, 1889.

Глава VIII.

Церковь и культы въ період консульства и имперіи.

I. Документы. — Текстъ конкордатовъ, органическихъ статей, разныхъ буллъ, папскихъ грамотъ и декретовъ, цитированныхъ въ этой главѣ, можно найти въ слѣд. сборникахъ: **De Champeaux**, *Le droit civil ecclés. français ancien et moderne*, Парижъ, б. у. г., т. II; **Walter**, *Fontes juris ecclesiastici*, 1862, и **Émile Ollivier**, *Nouveau manuel de droit ecclés. français*, Парижъ, 1886, in-12⁰. — **Portalis**, *Discours, rapports et travaux inédits sur le concordat de 1801*, Парижъ, 1845. — **Boulay de la Meurthe**, *Documents sur la negociation du concordat et les autres rapports de la France avec le Saint-Siège en 1800 — 1801*, Парижъ, 1891—92. 2 т.—*Correspondance de la Cour de Rome avec la France depuis l'invasion de l'État romain jusqu'à l'enlèvement du Souverain Pontife*, 1809.—**Radet**, *Relation exacte et détaillée de l'enlèvement du pape Pie VII*.—**Crétineau-Joly**, *Mémoires du cardinal Consalvi*, нов. изд. **J.-E. Drochon**, съ добавленіемъ неизданнаго раньше выпуска о соборѣ 1811 года, Парижъ, 1896. — Аббатъ **Rance-Bourrey**, *Mémoire inédit du cardinal Consalvi sur le concile national de 1811*, итал. и франц. текстъ, Парижъ, 1896, in-8⁰.—Кардиналъ **Pacca**, *Mémoires historiques sur Sa Sainteté Pie VII avant et pendant sa captivité*, перев. **Jamet**, Парижъ, 1832, 2 т. — Кардиналъ **Maury**, *Corresp. diplom. et mémoires inédits*, 1891, 2 т. — **Leon XII**, *Ad Gallos illos dissidentes praesertim dioecesis Pictaviensis qui vulgó anticoncordatistae appellantur exhortatio*, 2 іюля 1826. — **M-gr Pie**, *Lettre pastorale du 15 octobre 1851* (въ его *Oeuvres*, Пуатье, 5-е изд. т. I, стр. 385—417). — **Léon XII**, *Lettre à l'évêque de Poitiers*, 17 іюля 1893.

II. Книги.—Общія.—Кромѣ разныхъ общихъ исторій церкви, см.: **De Barral**, *Fragments relatifs à l'histoire ecclés. des premières années du XIX-e siècle*, Парижъ, 1814.—**Thibaudeau**, *Le Cousulat et l'Empire*, 1834—1835, 10 т. in-8⁰.—**Thiers**, *Histoire du Consulat et de l'Empire*, Парижъ, 1845—

1862, 20 т. in-8⁰ (русскій переводъ Ф. А. Кони, Спб., 1849).—**Robiano**, *Continuation de l'hist. ecclés. de Bérauld-Belcastel* (1721—1830), Парижъ, 1836, 4 т.—**Jauffret**, *Mém. histor. sur les affaires ecclés. de France pendant les premières années du XIX-e s.* — **Gams**, *Gesch. der Kirche im XIX. Jahrhundert*, Иннсбрукъ.—**Crétineau-Joly**, *L'Église romaine en face de la Révol.*, Парижъ, 1859—1861, 2 т.—**D'Haussonville**, *L'Église romaine et l'Empire*, Парижъ, 1868—1870, 5 т. — **Alfred Rambaud**, *Histoire de la civilisation contemporaine*, 3-е изд., Парижъ, 1896, in-12⁰.

Спеціальныя. — 1. О конкордатѣ 1801 г. и Органическихъ статьяхъ: **De Pradt**, *Les quatre concordats*, Парижъ, 1818, 2 т.—**Theiner**, *Histoire des deux concordats de 1801 et 1813*, Bar-le-Duc, 1869, 2 т.—**Crétineau-Joly**, *Bonaparte et le Concordat de 1801*, Парижъ, 1869.—**Boulay de la Meurthe**, *Négociation du Concordat*, по новымъ документамъ, въ *Correspondant*, годы 1881—82. — **Léon Séché**, *Les origines du Concordat*, Парижъ, 1894, 2 т. in-8⁰ (враждебно Пію VII).—**Adolphe Tardif**, *Privilèges accordés à la couronne de France par le Saint-Siège*, 1855.—**Victor Pierre**, *Le rétablissement du culte cathol. en 1795 et en 1802*, въ *Revue des Quest. histor.*, годъ 1888. —*** *Organisation de l'Église de France lors du rétablissement du culte*, въ *Journal de droit canon*, годъ 1895. — **Ducrocq**, *Cours de droit administratif*, Парижъ, 6-е изд., 1881, т. I, стр. 657 — 691. — **J. E. Drochon**, *La Petite Église*, Парижъ, 1893.

2. О протестантахъ и евреяхъ см. выше библіографію къ г. VII, § 3, стр. 310—Аббатъ **Lémann**, *Napoléon I-er et les Israélites* (1806—1815), Парижъ, 1894, in-8⁰.

3. О распряхъ между Наполеономъ и Піемъ VII: Виконтъ **de Meaux**, *Pie VII et Napoléon*, въ *Revue des Questions histor.*, годъ 1867. — **Chotard**, *Pie VII à Savone*, 1887.— **Henri Welschinger**, *Le divorce de Napoléon*, 1889. — **Colmet de Santerre**, *Le divorce de l'Empereur et le Code Napoléon*, Парижъ, 1894, брошюра in-8⁰.—**Geoffroy de Grandmaison**, *Napoléon I-er et les cardinaux noirs*, Парижъ, 1895, in-12⁰.—**Destrem**, *La déportation des prêtres sous Napoléon I-er*, въ *Revue historique* Г. Моно, годъ 1879, т. XI.—**Melchers**, *Le concile national de Paris en 1811*, Мюнстеръ, 1814.—**G. de Grandmaison**, *La Congrégation* (1801 — 1830), Парижъ, 1889.

4. О церкви за предѣлами Франціи: **Harl**, *Nouv. changements dans les États et l'Église d'Allemagne*, Берлинъ, 1804.—**H. Schmidt**, *Geschichte der kathol. Kirche Deutschlands von der Mitte des XVIII. Jahrhunderts*, Мюнхенъ, 1872 — 1874. — **O. Mejer**, *Zur Geschichte der römisch-deutschen Frage*, 2-е изд., 1885, 3 т. — **H. Brück**, *Gesch. der kathol. Kirche in Deutschland im XIX. Jahrhundert*, Майнцъ, 1887 — 1889, 2 т.—**J. Beidtel**, *Untersuchung über die Kirchlichen Zustände in den kaiserlichen österreichischen Staaten*, 1849. — **H. von Sicherer**, *Staat und Kirche in Bayern* (1799—1821), 1874. — **Lehman**, *Preussen und die kathol. Kirche bis zum Tode Friedr. Wilh. IV*, Лейпцигъ, 1878—1881, 1 т.—**La Fuente**, *Histor. eccles. de España*, 2-е изд., 1873 — 1875, 6 т.—**Brück**, *Die geheimen Gesellschaften in Spanien bis Ferdinand VII*, 1881.—**De Lanzac de Laborie**, *La domination française en Belgique*, Парижъ, 1895, 2 т.

5. Біографіи: **Pistolesi**, *Pie VII*, 1824.—**Artaud de Montor**, *Histoire du pape Pie VII*, Парижъ, 2-е изд., 1837, 2 т. — **Giucci**, *Storia di Pio VII*, Римъ, 1857, 1864.—**Henke**, *Pius VII*, Штутгартъ, 1862.—**Cenni**, *Vie du card. Consalvi*, Венеція, 1824.—**Ranke**, *Kardinal Consalvi und seine Staatsverwaltung*, Лейпцигъ, 1872.—M-gr **Lyonnet**, *Histoire du cardinal Fesch.* — Аббатъ **Ricard**, *L'abbé Maury* (1792—1817), Парижъ, 1888.—Аббатъ **Méric**, *Hist. de M. Emery et de l'Église de France pendant l'Empire* (1800 — 1811), Парижъ, 5-е изд., 1895, 2 т.—M-gr **Lyonnet**, *Hist. de M-gr d'Aviau Dubois de Sanzay, arch. de Vienne et de Bordeaux*, 1847, 2 т. — **Esser**, *François de Fürstenberg, sa vie, ses oeuvres*, Мюнстеръ, 1842.

Глава IX.

Французская литература.

Главныя изданія сочиненій французскихъ писателей 1799—1815 гг. — **Delille**, *Oeuvres complètes*, éd. Michaud, 1824, *Oeuvres complètes*, éd. Didot, 1847.—**Parny**, *Oeuvres complètes*, собств. изд., 1808; *Oeuvres complètes*, éd. Béranger, 1831.—**Fontanes**, *Oeuvres complètes*, 1839.—**Andrieux**, *Oeuvres*, изд. имъ самимъ, 1818—1823.—**Arnault**, *Oeuvres complètes*, 1824—1827.—**La Harpe**, *Le Lycée ou cours de littérature*, éd. Buchon, 1824—1826; *Oeuvres choisies et posthumes*, éd. Petitot, 1806.—**Ducis**, *Oeuvres*, 1819—1826; *Oeuvres posthumes*, éd. Campenon, 1826.— **Népomucène Lemercier**, *Pinto*, 1801; *La Panhypocrisiade*, 1819; нѣтъ ни полнаго собранія, ни сборника избранныхъ произведеній.— **Raynouard**, *Les Templiers*, 1807; *Éléments de grammaire romane*, 1816; *Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours*, 1821; нѣтъ ни полнаго собранія, ни сборника избранныхъ произведеній.—**Picard**, *Théâtre*, изд. имъ самимъ, 1812. — **Etienne**, *Oeuvres*, изд. François, 1846.—**De Jouy**, *Ouevres complètes*, изд. имъ самимъ, 1823—1828.— **M-me de Genlis**, *Esprit de Madame de Genlis ou extraits de ses ouvrages*, éd. Dumon-

ceau, 1805. — M-me Cottin, *Oeuvres complètes*, éd. Petitot, 1817. — Pigot-Lebrun, *Ouevres complètes*, 1822—1824. — M-me de Staël, *Oeuvres complètes*, 1820 — 1821; *Oeuvres inédites*, 1836. — Benjamin Constant, *Adolphe*, 1816, рядъ изданій (русскій пер. кн. П. А. Вяземскаго. Спб., 1831); *De la religion*, 1826 — 1831; *Du polythéisme*, 1833; Главныя рѣчи и статьи по политич. вопросамъ въ *Cours de politique constitutionnelle*, éd. Laboulaye.— Joubert, *Pensées, Essais, Maximes et Correspondances*, éd. Paul Raynal, 1849.—Geoffroy, *Cours de littérature dramatique* (собраніе его лучшихъ фельетоновъ), éd. Gosse, 1819—1820.—Dussault, *Annales littéraires* (собраніе его главныхъ статей), изд. имъ самимъ, 1818 — 1824. — Hoffmann, *Oeuvres*, 1828.—De Féletz, *Mélanges de philosophie, d'histoire et de littérature* (1828); *Jugements historiques et littéraires* (1840). — Maine de Biran, *Ouevres philosophiques de Maine de Biran*, éd. Cousin, 1841; *Oeuvres inédits*, éd. Maville et Debrit, (1859).—La Romiguière, *Leçons de philosophie*, 1815—1817.

Пособія для изученія французскихъ писателей 1799—1815 гг.—Общія: Demogeot, *Histoire de la littérature française.* — Lanson, *Histoire de la littérature française.*—Lintilhac, *Précis historique et critique de la littérature française.*—Sainte-Beuve, *Causeries du lundi, Nouveaux lundis, Chateaubriand et son groupe littéraire sous l'empire.* — Nisard, *Histoire de la littérature française.*—Merlet, *Histoire de la littérature française sous le premier empire.*—О каждомъ писателѣ въ отдѣльности: I.—Делилль: Marie-Joseph Chénier, *Tableau de la littérature française;* Dussault, *Annales littéraires;* Lingay, *Éloge de Delille et critique de son genre et de son école;* Sainte-Beuve, *Portraits littéraires*, II.—Парни: Dussault, *Annales littéraires;* Béranger, Notice впереди изданія 1831 г. Есть пѣсня Беранжэ о Парни (1815), которую можно найти въ любомъ изданіи соч. Беранжэ.— Sainte-Beuve, *Portraits littéraires*, III.—Фонтанъ: Vieillard, *Notice sur M. de Fontanes;* Sainte-Beuve, *Notice* при изд. 1839 г.—Андріё: M.-J.Chénier, *Tableau de la littérature française;* Taillandier, *Notice sur Andrieux.*— Ла Гарпъ: Petitot, *Mémoires sur la vie de La Harpe*, въ изданіи 1806 г.; Peignot, *Recherches sur la vie et les ouvrages de La Harpe.*— Dussault, *Annales littéraires;* Daunou, *Notice* въ изданіи его Cours de littérature 1825 г.; Frédéric Godefroy, *Histoire de la littérature*, прозаики, III.—Дюси: Campenon, *Essai de mémoires sur Ducis;* La Harpe, *Cours de littérature;* Onésime Leroy, *Étude sur la personne et les écrits de Ducis;* Villemain, *Tableau de la littérature au XVIII-e siècle;* Saint-Marc Girardin, *Cours de littérature dramatique;* Patin, *Études sur les tragiques grecs.*—Непомукъ Лемерсье: M.-J. Chénier, *Tableau de la littérature française;* Charles Labitte, *Etudes littéraires;* Paul Albert, *La littérature au XIX-e siécle.*—Пикаръ: Artaud, *Répertoire de littérature;* Rabbe съ сотрудниками, *Bibliographie universelle des contemporains.* — Этьеннъ: Léon Thiessé, *M. Etienne, essai bibliographique et littéraire.*—Г-жа Жанлисъ: M.-J. Chénier, *Tableau de la littérature française;* De Sévelinges, *Madame la comtesse de Genlis peinte en miniature;* Ceorge Sand, *Histoire de ma vie, deuxième partie, XV.*—Ренуаръ: Ch. Labitte, *Revue des Deux Mondes*, 1 февр. 1837; Mignet, *Notice et Portraits.* — Г-жа Коттэнъ: Auguis, *Notice historique sur Madame Cottin;* Saint-Marc Girardin, *Cours de littérature dramatique.* — Пиго-Лебрёнъ: Quérard, *La France littéraire;* Rabbe съ сотрудниками, *Bibliographie universelle des contemporains.*—Г-жа Сталь: M-me Necker de Saussure, *Notice sur le caractère et les écrits de Madame de Staël;* M.-J. Chénier, *Tableau de la littérature française;* Villemain, *Tableau de la littérature française au XVIII-e siècle;* Sainte-Beuve, между прочимъ, *Causeries du lundi* и *Nouveaux lundis, Portraits de femmes;* Baudrillart, *Éloge de Madame de Staël;* Faguet, *Politiques et moralistes du XIX-e siècle* (русск. перев.).— Бенжамэнъ Констанъ: Chateaubriand, *Mémoires d'Outre-Tombe* (русскій перев., Спб., 1851); Cormenin, *Le livre des orateurs;* Faguet, *Politiques et moralistes du XIX-e siècle* (русск. перев.).—Жуберъ: Paul Raynal, *Notice* при изданіяхъ 1842 и 1849 гг.; Sainte-Beuve, *Portraits littéraires.* Жоффруа, Дюссо, Гоффманъ, Фелецъ: статья Сенъ-Бёва въ *Causeries du lundi*, т. I, и личныя воспоминанія Фелеца, собранныя Сенъ-Бёвомъ. — Мореллэ: Grimm, *Correspondance littéraire;* Campenon, et Gemonteg, *Discours prononcés à l'Académie française;* Quérard, *La France littéraire.* — Мэнъ де Биранъ: Damiron, *Essai sur la philosophie en France au XIX-e siècle;* Franck, *Moralistes et philosophes.* — Ла Ромигверъ: Victor Cousin, *Cours d'histoire de la philosophie;* Mignet, *Notices et Portraits.* — Mallet, *Mémoires sur La Romiguière* (въ *Recueil de l'Académie des sciences morales*, III); H. Taine, *Les philosophes français du XIX-e siècle.*—Azaïs: Guadet, *Notice* впереди 5-го изд. *Compensations dans les destinées humaines* (1846); Quérard, *La France littéraire.*

Глава X.

Искусство въ Европѣ.

S.-J. Delécluze, *Louis David, son école et son temps*, Парижъ, 1855, in-12⁰. — J.-L. David, *Le peintre Louis David* (воспоминанія и документы), Парижъ, 1879, in-4⁰.—André Michel, *La peinture française de David à Delacroix*, Парижъ, 1890, б. in.-8⁰.— Ri-

chard **Muther**, *Geschichte der Malerei im XIX Jahrhundert* т. I б, in-8⁰, Мюнхенъ, 1893 (съ обильной библіографіей, русскій перев. З. Венгеровой).—**André Michel**, *La sculpture du siècle à l'Exposition universelle de 1889* (Gazette des beaux-arts, 1889).—**H. Delaborde**, *L'Académie des beaux-arts depuis la fondation de l'Institut de France*, Парижъ, 1891, in-8⁰. — **Guizot**, *Etudes sur les beaux-arts en général; De l'état des beaux-arts en France et du Salon de 1810*, Парижъ, 1852, in-8⁰. **André Michel**, *Notes sur l'art moderne*, Парижъ, 1896, in-12⁰,—**E. Chesneau**, *Les chefs d'école*, Парижъ, 1883, in-12⁰.—**Jules Meyer**, *Geschichte der modernen französischen Malerei*, Лейпцигъ, 1867, in-8⁰.— *Correspondance de* **François Gérard**, *peintre d'histoire... précédée d'une préface*, 1893, in-8⁰, изд. **Ad. Viollet-le-Duc.**—**Charles Clément**, *Prud'hon, sa vie, ses oeuvres et sa correspondance*, Парижъ, 1880, 3-е изд.—**Tripier Le Franc**, *Histoire de la vie et de la mort du baron Gros*, 1880, in-4⁰.—**H. Delaborde**, *Ingres, sa vie et ses ouvrages*, Парижъ, 1870.—**J. Mommeja**, *Les dessins d'Ingres au musée de Montauban* (*Réunion des Sociétés des beaux-arts des départements*, Парижъ, 1891, in-4⁰). — *Art français*, офиціальный органъ Коммиссіи изящныхъ искусствъ, изд. подъ редакціей Antonin Proust, 1889, in-4⁰.—**Quatremère de Quincy**, *Canova et ses ouvrages, ou Mémoires historiques sur la vie et les travaux de ce célèbre artiste*, Парижъ, 1834, in-8⁰. — **Ant. Springer**, *Die bildende Kunst des 19. Jahrhunderts*, Лейпцигъ, 1859.—**H. Riegel**, *Geschichte des Wiederauflebens der deutschen Kunst seit Carstens*, Ганноверъ, 1876, in-8⁰.—**Rosenberg**, *Geschichte der modernen Kunst*, Лейпцигъ, 1889, 2 т. in-8⁰.—**Alf. Woltmann**, *Cornelius und seine Zeitgenossen in Rom*, Берлинъ, 1878.—*The works of James Barry*, esq. 2 т., Лондонъ, 1809.—**Rosenberg**, *B. Thorwaldsen*, 1 т., in-8⁰, 1896. — **Alfred Barry**, *The life and works of Sir J. Barry*, Лондонъ, 1867.—, **Sidney Colvin**. *Portfolio* 1873 (статьи о Barry, Romney, West, H. Fuseli). — **John Galt**, *The life, studies and works of Benjamin West*, Лондонъ, 1820, (2-е изд.).—**T. de Wyzewa**, *Thomas Lawrence et la Société anglaise de son temps*. (Gazette des beaux-arts, 1893). — **Andrew William Raeburn**, *Life of sir Henry Raeburn*, Лондонъ, 1886.—*Some notes of George Morland* (*Portfolio*, 1886). — **J. W. Mollet**, *Sir David Wilkie*, Лондонъ, 1881.—**John Ruskin**, *Turner Collection*, Лондонъ, 1857. — **Philip. J. Hamerton**, *W. Turner* (Collection des artistes célèbres, Парижъ, 1888, in-4⁰).—**Walter Thornbury**, *W. Turner*, 2 т., Лондонъ, 1862.—**Ch. Robert Leslie**, *The memoirs of John Constable*, Лондонъ, 1845,—**P. C. Hamerton**, *Constable sketshes* (*Portfolio*, 1890). — **Paul Mantz**, *Bonington* (*Gazette des beaux-arts*, 1876). — **Paul Lefort**, *Franzisco Goya*, біографическій и критическій этюдъ, съ приложеніемъ толковаго каталога его гравюръ и литографій, Парижъ, 1877.—**De la Vinaza**, *Goya; su tiempo, su vida, sus obras*, Мадридъ, 1877.

Музыка. — **Bouilly**, *Récapitulations*, 1836 — 1848.—**Cohen** (Henry), *Etude sur Berton* (*Art musical*, 1878).—**Coquard** (Arthur), *La musique en France depuis Rousseau*, 1891, in-8⁰.—**Lavoix** (H.), *Histoire de la musique*.—**Его же**, *La musique française*.—**Pougin**, *Méhul, sa vie, son génie et son caractère*, Парижъ, 1893; — *Boïeldieu*, Парижъ, 1875; — *Un grand artiste dans la Révolution* (*Ménestrel*, 1887—1888).—*Cherubini* (*Ménestrel*, 1880—1883).—**Soubies et Malherbe**, Précis de l'histoire de l'Opéra-Comique, 1887, in-12⁰. Соотвѣтствующія главы въ сочин. **Размадзе**, *Очерки исторіи музыки* (1884), **Саккетти**, *Очерки всеобщей исторіи музыки* (1903).

Глава XI.

Состояніе наукъ въ Европѣ.

Спеціальные труды: *Ecole polytechnique, livre du Centenaire*, Paris, 1895 (1 томъ заключаетъ въ себѣ исторію преподаванія Политехнической школы и біографіи выдающихся политехниковъ).

L'école normale, 1810 — 1883, Paris, 1894.— *Le Centenaire de l'École normale*, Paris, 1895 (эти два труда содержатъ въ себѣ историческія замѣтки P. Dupuy).—**Arago**, *Biographie de Carnot*, 1860.—**Kaufmann**, *Laplace*, 1841.—**Todhunter**, *History of the theory of probability*, 1865. — **Lefort**, *Documents relatifs à la vie et aux travaux scientifiques de Biot*, 1862.—**Jaubert**, *Notice sur Biot*, 1862. — **Arago**, *Histoire de ma jeunesse*, 1854. — **Lunel**, *Biographie de F. Arago*, 1853.

Braugham, *Life of the philosophers of the time of George III*, 1855.—**Weld**, *History of the Royal Society*, 1848.—**Wilson**, *The life of Cavendish*, 1851.—**Muirhead**, *Correspondance de Watt*, 1854.—**Henry**, *Life and researches of Dalton*, 1854.—*Home life of Sir David Brewster*, Edinbourg, 1881.

Cattaneo, *Cenni su la vita di Fourcroy*, Milan, 1839. — **Löwenberg A.**, *von Humboldts Reisen in Amerika und Asien*, Berlin, 1843.—**Angelis**, *Amedeo Bonpland*, Caracas, 1869. — **Brunet**, *Biographie d'Aimé Bonpland*, 1869.—**Cuvier**, *Mémoires*, 1833.—**Blainville**, *Cuvier et Geoffroy Saint-Hilaire*, 1890.—**Isidor Geoffroy Saint-Hilaire**, *Vie, travaux et doctrine scientifique d'Etienne Geoffroy Saint-Hilaire*, 1847.

Pariset, *Histoire des membres de l'Académie de médecine de Paris*, 1845 — 1850.—**Buisson**, *Précis historique sur Bichat*, 1892. — **Montègne**, *Notice historique sur Broussais*, 1839.

Papillon, *Histoire de la philosophie moderne.*— **Damiron**, *Essai sur l'histoire de la philosophie,* 1828.— **Thurot**, *Introduction à l'étude de la philosophie,* 1830.—**Picavet**, *Les Idéologues,* 1890.

Глава XII.

Италія.

Самымъ полнымъ будетъ трудъ **M. Alberto Lumbroso**, *Bibliographia ragionata dell'epoca napoleonica,* Modéne-Paris, 1893 — 1896. — Этотъ колоссальный трудъ, который долженъ содержать въ себѣ перечисленіе и критику всѣхъ вышедшихъ не только въ Италіи, но и во всей Европѣ книгъ, касающихся наполеоновской эпохи, обнимаетъ уже пять выпусковъ и доведенъ до средины буквы В. См. также библіографію о французскомъ владычествѣ въ Италіи въ концѣ книги **M. Cb. Dejob**, *Madame de Staël et l'Italie,* Paris, 1890. Приложеніе было опубликовано по поводу свадьбы Cassin-d'Ancona.

Общая исторія Италіи.—**Bianchi** (Nicomede), *Storia della politica austriaca rispetto ai sovrani ed ai governi italiani dall'anno* 1791 *al maggio* 1857, Savone, 1857, in-8⁰.—*Storia della diplomazia europea in Italia,* Turin, 8 vol. in-8⁰, 1865.— **De Castro** (Giovanni), *Storia d'Italia dal* 1799 *al* 1814, Milan, 1881.—**De Castellane** (maréchal de) *Journal,* t. I, Paris, 1896.—**Combes** (Colonel) *Souvenirs militaires,* Paris, 1896. — **Dejob** (Charles), *Madame de Staël et l'Italie,* Paris, 1890; *L'Instruction publique en France et en Italie au* XIX-e *siècle,* Paris, 1892.—**Lissoni** (Ant), *Compendio della storia militare dal* 1792 *al* 1815, Turin, 1844.— **Macdonald** (maréchal), *Souvenirs,* Paris, 1892. — **Oriani** (A), *La lotta politica in Italia: Origini della lotta presente,* Rome—Naples, 1887.—**Ruth** (E), *Geschichte des italienischen Volkes unter der napoleonischen Herrschaft,* Leipzig, 1859.—**Sclopis** (F), *Storia della legislazione italiana; La domination française en Italie* (въ *les Séances et Travaux de l'Académie des sciences morales.* 1861).—**Vaccani** (E), *Storia delle campagne e degli assedi degli italiani in Spagna dal* 1808 *al* 1813, Milan, 1843.— **Vimercati** (Ces), *Histoire d'Italie de* 1789 *à* 1863, Paris, 1864.—*Fasti e vicende dei popoli italiani dal* 1801 *al* 1815, o *Memorie d'un uffiziale per servire alla storia militare italiani,* Florence, 1830 (atribué à Laugier'y).—**Turotti** (Felice), *Storia dell'armi italiane dal* 1796 *al* 1814, Milan, 1855, 3 тома in-8⁰.

Итальянская республика и Итальянское королевство.—**Arrivabene** (Comte), *Memorie,* Florence, 1886.—**Beauharnais** (Eugène de), *Mémoires et Correspondance,* изданные барономъ du Casse, Paris, 1861 и переведенные на итальянскій языкъ C. Cantú, подъ заглавіемъ: *il principe Eugenio, Memorie del regno d'Italia* ср. біографію этого лица **Aubryet**, **Gallois**, **Vaudoncourt**, историческую замѣтку **Darnay** и книгу **Pilither**, *le Romann du prince Eugène,* Paris, 1894. — **Benincasa** (Bart), *Saggio sulla genealogia, natura et interessie politici e sociali della repubblica italiana,* Milan, 1803.—**Cicognara** (le comte Leop), *Memorie, tratte dai documenti originali,* par Malamani, Venise, 1888.— **Cerraccini** (вѣроятно, псевдонимъ Ch. La Folie, субъ-префекта Равенны), *Histoire de l'administration du royaume d'Italie pendant la domination française...* Paris, 1823; ср. **Arborio, Gattinara, marquis de Brême** (бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ), *Observations sur quelques articles peu exacts de l'histoire de l'adminitration du royaume d'Italie pendant la domination des Français,* Tunis, 1825.—**Gioja** (M), *Ragionamento su i destini della republica italiana,* Milan, 1803.—**Guerzoni** (G), *Napoleone e il suo regno d'Italia (Nuova Aniologia),* 1877, in-4⁰.—**Marchesi**(Vitt), *Settant'anni della storia di Venezia;* 1798—1866, Turin, 1892.—**Massoni** (Guido), *Un commilitone di Ugo Foscolo, Ceroni.* — **Melzi d'Eril**, *Memorie, documenti e lettere inedite, raccolte et ordinate per cura di Gio. Melzi,* Milan, 1865.— **Monti** (V), *Lettere,* Turin, 1894. — **Nani Mocenigo**, *Del dominio francese a Venezia; Note ed appunti,* Venise, 1896. — **Santalena** (Ant), 1796—1813, *Vita Trevigiana d'all invasione francese alla seconda dominazione austriaca,* Trevise, 1889.—**Zucchi** (G), *Memorie,* изд. Bianchi, Milan, 1861.—**Giov de Castro**, *Milano durante la domin. Napoleonica giusta le poesie, la caricature,* и т. д., Milan, 1880, за предыдущій періодъ, *Milano e la republica Cisalpina giusta le poesie,* и т. д.

Французская Италія.—**Azeglio** (Massimo d') *I miei ricordi.*— **Cavagnari**, *Alcuna particolarita storiche della vita di P. Cavagnari,* Parme, 1837.— **Marmottan** (P), *Bonaparte et la République de Lucques, Le royaume d'Etrurie,* Paris, 1896.— **Montgaillard**, *Du rétablissement du royaume d'Italie par l'empereur Napoléon, et des droits de la couronne de France sur le duché de Rome,* Paris, 1809.—**Roberti** (Giuseppe), *Il cittadino Ranza ricerche documentale,* Turin, 1890.

Неаполитанское королевство.— **Gallo** (duc de), *Memorie,* изд. Maresca, Naples, 1888.— **Marulli**, *Ragguagli storici sul regno delle due Sicilie dall'epoca della francese rivolta fino al* 1815, Naples, 1845. — **Miôt de Melito**, *Mémoires,* Paris, 1853.—**Pepe** (le général Guglielmo), *Mémoires,* Paris, 1847.—**Pignatelli-Strongoli**, *Memorie intorno al regno di Napoli dal* 1805 *al* 1815.—**Reuchlin** (Herm), *Geschichte Neapels während der letzten* 70 *Jahre,* Nordlingen, 1861.

Глава XIII.

Швейцарія.

Amtliche Sammlung der Acten aus der Zeit der Helvetischen Republik, издан. I. Stickler'омъ, *Amtliche Sammlung der eidgenössischen Tagsatzungen aus den Jahren* 1803 *bis* 1813, 2-е изд. Jacob Kaiser'a, Bern, 1886, in-4⁰.—*Repertorium der Abshiede der eidg. Tagsatzungen von* 1814 — 1848, издан. Fetscherin, Bern, 1876, in-4⁰.—*Die offizielle Sammlung der das schweizerische Staatsrecht betreffenden Actenstücke,* Zürich, 1820, in-4⁰.—Hilty, *Politisches Jahrbuch der schweizerischen Eidgenossenschaft,* года 1886 и слѣд. Корреспонденціи, мемуары и другія изданія о Наполеонѣ, французскихъ генералахъ и различныхъ швейцарскихъ офицерахъ, между ними Jomini.—F. de-Roverea, *Mémoires,* изд. Tavel, Paris, 1848, 4 тома in-8⁰. *Mémoires* Taylerand'a и Metternich'a.—Ch. de Martens и de Cussy, *Recueil manuel de traités,* Leipzig. 1846. Kluber, *Acten des Wiener Congresses,* 1815.

Изъ капитальныхъ трудовъ по исторіи Швейцаріи и по исторіи ея права слѣдуетъ отмѣтить: Tillier, *Histoire de la République helvétique,* перев. Cramer'a, Genève, 1846, in-8⁰.—Ch. Hilty, *Les Constitutions fédérales de la Suisse,* перев. Martha, Neuchâtel, 1891, in-8⁰. Труды Thiers'a и Lanfrey'a, Suzanne'a и Fieffe'a.—H. de Schaller, *Histoire des troupes suisses au service de France sous le règne de Napoléon, I-er,* 2 изд., Lausanne, 1883, in-8⁰.—Alb. Maag, *Geschichte der Schweizertruppen im Kriege Napoleons I in Spanien und Portugal* (1807—1814), Biel, 1892, 2 тома. in-8⁰.—Alb. Maag, *Die Schicksale der schweizer Regimenter in Napoleon I. Feldzug. nach Russland* (1812), 2-е изд., Biel, 1870, in-8⁰.—Conrad v. Muralt, *Hans von Reinhard, Bürgermeister des eidg. Standes Zürich und Landammann der Schweiz,* Zürich, 1828.—Edmond Pictet, *Charles Pictet de Rochemont,* Genève, 1892, in-8⁰.—P. Schweizer, *Geschichte der schweizerischen Neutralität,* Frauenfeld, 1893—1895, in-8⁰.

Глава XIV.

Голландія.

I. Источники.—Между документами слѣдуетъ отмѣтить въ особенности слѣдующіе: *Brieven en negotiatien van* L. L. *von Spiegel,* Amsterdam, 1803.—*Brieven van prins Willen V aan baron van Lynden,* La Haye, 1893.—*Documents historiques et réflexions sur le gouvernement de la Hollande,* 3 тома in-8⁰. Londres, 1820, изданные comte de Saint-Seu (Louis Bonaparte). — Schoell, *Pièces inédites relatives au changement de la République Batave en royaume de Hollande en* 1806 въ его *Archives historiques,* I, 1818. — *Correspondance de Napoléon I-er,* in-4⁰, Paris, 1858 и слѣд.—F. Rocbuain, *Napoleon I-er et le roi Louis,* in-8⁰, Paris, 1875.—*Brieven von A. R. Falck* (1795—1843). La Naye, 1857.— *Verbaal der vergadering van aanzienlijken in Amsterdam,* in-8⁰, La Haye, 1814.

Главнѣйшіе мемуары или записки этого времени: C. Rogge, *Tafereel van de Geschiedenis der jongste omwenteling,* Amsterdam, 1796. — Appelius, *De staatsomwenteling van* 1795, 1801.—G.-J. Ryman, *Bijdragen tot de voornaamste gebeurtenissen van* 1778 *tot* 1807, Utrecht, 1826. — G.-K. van Hogendorp, *Brieven en Gedenkschriften,* 4 vol, in-8⁰, La Haye, 1866—87. — Général Dirk van Hogendorp, *Memoires,* изданные его внукомъ, in-8⁰, La Haye, 1887. — Daniel Delprat, *Journal,* изданный въ *Bijdragen en mededeelingen van het historisch Genootschap,* Utrecht, 1892.—W.-F. Roell, *Verslag.* (Донесеніе о происшедшемъ по случаю пребыванія короля Голландіи въ Парижѣ, 1808—10), Amsterdam, 1837. — Comte van der Duyn et baron de Capellen, *Souvenirs biographiques,* изданные въ Saint-Germain-en-Laye, 1852. — Helmers, *De Hollandsche Natie,* изданная въ 1812.—G.-W. Chad, *Narrative of the late revolution in Holland,* in-8⁰, Londres, 1814.—H.-Bosscha, *Geschiedenis der Staatsomvoenteling in Nederland* (1813) Amsterdam, 1814.

Gazette de Leyde продолжаетъ быть главнымъ складочнымъ журналомъ, см. также *De Democraten,* еженедѣльный листокъ, который появлялся въ Амстердамѣ съ 1796 по 1798 г. и *Lanterne* (de Lantaarn) de van Voensel'a.

II. Книги. — Кромѣ общихъ исторій, указанныхъ въ предыдущихъ главахъ VI и VII томовъ, я отмѣчаю еще: продолженіе Wagenaar'a, который еще съ 1789 г. по 1806 г. насчитываетъ 25 томовъ in-8⁰ (Amsterdam, 1799—1811).— De Bosch-Kemper, *Staatkundige Geschiedenis van Nederland, van* 1795 *tot* 1814, Amsterdam, 1867.— Jonckbloet, *Geschiedenis der nederlandsche Letterkunde,* 2 тома in-8⁰, Groningue, 1873.

Исторія Батавской республики спеціально изучена въ G.-W. Vreede, *Geschiedenis der diplomatie van der Bataafsche Republiek,* 3 тома in-8⁰, Utrecht, 1863. — Anonyme (Legrand), *La Révolution française en Hollande, La République Batave,* 1 томъ in-8⁰, Paris, 1894.—Объ исторіи Голландскаго королевства справиться въ особенности: Jorissen, *Napoléon I-er et le roi Louis* in-8⁰, La Haye, 1868. *De ondergang van het koningrijk Holland,* 1871.—V.-Loosjes, *Louis Bonaparte, de Koning van Holland,* in-8⁰, Amsterdam. 1888. — Wichers, *De regeering van koning Lodewijk,* Utrecht, 1892. О революціи 1813 г.: Jorissen, *De omwen-*

teling van 1813, 2 тома, in-8⁰, Groningue, 1865—68, — **Th.-Juste**, *Le soulèvement de la Hollande en 1813 et la fondation du royaume des Pays-Bas*, in-8⁰, Bruxelles, 1870.

Главныя лица этой эпохи были почти всѣ предметомъ одной монографіи; въ частности см. **Sillem**, *Het leven van Iohan Valckenaer*, Amsterdam, 1876. — *Gogel*, ibid, 1864.—*Dirk van Hogendorp*, ibid, 1890. — **Graaf Schimmelpenninck**, *Rutger Jan Schimmelpenninck en eenige gebeurtenissen van zijn tijd*, 1845.— **Mendels**, *Daendels*, 2 тома in-8⁰, La Haye, 1890.—**Jorissen, G.-K.**, *van Hogendorp en Leopold van Limburg-Stirum*, 1869.— *Guillaume-Frédéric d'Orange-Nassau avant son avénement au trône des Pays-Bas, par un Belge* (**Jottrand**), Bruxelles, 1827.—**De Bas**, *Prins Frederik der Nederlanden en zijn tijn* вышли 2 тома in-8⁰, 1888—1892.

Изъ многочисленныхъ статей обозрѣній революціи 1813 года упомянуты только **Reville**, *La Hollande et le roi Louis* (*Revue des Deux Mondes de* 1870,) и *Fruin* въ *Gids* de 1868 *et* 1869.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Итоги соціальнаго и политическаго развитія Западной Европы въ XVIII вѣкѣ.

Введеніе къ русскому переводу А. К. Дживелегова.

Глава I.

Консульство.

Внутренняя исторія.

1799—1804 гг.

А. Олара.

Глава II.

Консульство.

Дипломатія и войны.

1799—1804 гг.

А. Васта.

Глава III.

Имперiя.

Третья и четвертая коалицiи.

1804—1807 гг.

А. Васта.

Глава IV.

Франко-русскiй союзъ.

Отъ тильзитскаго свиданiя до образованiя пятой коалицiи.

1807—1809 гг.

А. Вандаля.

Глава V.

Пятая коалиція.

Война съ Австріей.

1809 г.

А. Васта.

Глава VI.

Испанія и Португалія.

1800—1814 гг.

Дедевиза дю Дезеръ.

Глава VII.

Гражданскія учрежденія имперіи.

1804—1814 гг.

Э. Шенона.

Глава VIII.

Церковь и культы въ періодъ консульства и имперіи.

1800—1814 гг.

Э. Шенона.

Глава IX.

Французская литература.

1799—1815 гг.

Э. Фагэ.

Глава X.

Искусство въ Европѣ.

До 1814 г.

А. Мишеля и А. Лавуа.

Глава XI.

Состояніе наукъ въ Европѣ.

1789—1814 гг.

П. Таннери.

Глава XII.

Италія.

1800—1814 гг.

А. Пенго.

Глава XIII.

Швейцарія.

1799—1814 гг.

Фр. де Крю.

Глава XIV.

Голландія.

1789—1814 гг.

А. Ваддингтона.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СНИМКИ СЪ ПОТРЕТОВЪ и КАРТИНЪ:

Опечатки.

Стран.	*Столб.*	*Строка снизу.*	*Напечатано:*	*Нужно:*
87	2	1	гл. XXX	т. II, гл. XIV
93	2	2	гл. XIX, *Турція и христіанскія народности.*	т. II, гл. VI, *Юго-восточная Европа.*
100	1	2	гл. XVII	т. II, гл. VII
185	2	2	гл. XV	т. II, гл. I
218	2	1	т. II	т. IV

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1905.

